

КАЛУЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. К.Э. ЦИОЛКОВСКОГО
КАЛУЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

*Монография посвящается 80-летию
со дня рождения доктора исторических наук,
профессора Виктора Яковлевича Филимонова —
известного историка-аграрника,
прекрасного педагога и человека*

ИСТОРИЯ КРЕСТЬЯНСТВА ЗАПАДНОГО РЕГИОНА РОССИИ

(1941 — середина 1980-х годов)

КАЛУГА
2017

УДК 908
ББК 63.3
И 90

Р е ц е н з е н т :

Козлов Олег Владимирович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России ФГБОУ ВО «Смоленский государственный университет»

А в т о р с к и й к о л л е к т и в :

Горбачев Олег Витальевич, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры документационного и информационного обеспечения управления ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина» — гл. 3, 4, 5, 6, заключение (совместно с И. В. Кометчиковым);

Кометчиков Игорь Вячеславович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории ФГБОУ ВО «Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского» — гл. 2, 7, 8, 9, 10;

Филимонов Виктор Яковлевич, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории ФГБОУ ВО «Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского» — предисловие, гл. 1.

П о д б о р и л л ю с т р а ц и й :

Евгений Игоревич Дедиу, специалист по делопроизводству лаборатории по изучению истории и современности западнорусской деревни, аспирант кафедры истории Института истории и права ФГБОУ «Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского»

История крестьянства Западного региона России: 1941—середина 1980-х годов / О. В. Горбачев, И. В. Кометчиков, В. Я. Филимонов; под ред. докт. ист. наук В. Я. Филимонова. — Калуга: Калужский государственный институт развития образования, 2017. — 632 с.: ил.

ISBN 978-5-905374-61-6

Четвертая часть многотомной «Истории крестьянства Западного региона России» продолжает серию исследований истории западнорусской деревни, начатую историками Смоленска, Калуги и Брянска еще в 1970-е годы в рамках программы изучения советского крестьянства, разработанной Комиссией по истории сельского хозяйства и крестьянства при Институте истории АН СССР. В центре внимания авторского коллектива — социально-экономические, демографические, социально-политические, социокультурные изменения, происходившие в западнорусской деревне в годы Великой Отечественной войны и послевоенные десятилетия.

Книга может быть интересна историкам, политологам, культурологам, демографам, этнографам, специалистам по проблемам крестьяноведения, студентам, магистрантам и аспирантам исторических специальностей, а также всем интересующимся многовековой историей российской деревни и историей России.

УДК 908
ББК 63.3

© ФГБОУ ВО «КГУ им. К.Э. Циолковского», кафедра истории Института истории и права, лаборатория по изучению истории и современности западнорусской деревни, 2017
© Калужский государственный институт развития образования. Макет, верстка, 2017
© Горбачев О.В., Кометчиков И.В., Филимонов В.Я. Текст, 2017

Содержание

<i>Предисловие.</i>	6
<i>Глава 1. Крестьянство западных областей РСФСР в годы Великой Отечественной войны.</i>	7
<i>Глава 2. Настроения западнорусского крестьянства в первые послевоенные годы.</i>	39
2.1. Слухи о роспуске колхозов	41
2.2. Настроения репатриированного сельского населения	51
2.3. Слухи о новой войне	59
2.4. Представления о справедливом землепользовании.	65
<i>Глава 3. Проблемы социально-экономической истории западнорусского крестьянства в 1945—1953 годах.</i>	72
3.1. Организационные реформы в аграрной сфере	72
3.2. Состояние личных подсобных хозяйств колхозников	80
3.3. Уровень благосостояния жителей села	87
3.4. Социально-бытовая сфера села	101
<i>Глава 4. Проблемы социально-экономической истории западнорусского крестьянства в 1953—1964 годах.</i>	103
4.1. Организационные реформы и их последствия	103
4.2. Личные подсобные хозяйства в хрущевское десятилетие	111
4.3. Уровень благосостояния жителей села	118
4.4. Социально-бытовая сфера	127
<i>Глава 5. Социально-экономическое положение западнорусского крестьянства в середине 1960-х—середине 1980-х годов.</i>	139
5.2. Личные подсобные хозяйства.	146
5.3. Уровень благосостояния сельских жителей	150
5.4. Социально-бытовая сфера	160
<i>Глава 6. Особенности демографического развития западнорусской деревни в послевоенные десятилетия.</i>	182
6.1. Общая характеристика демографической ситуации	182
6.2. Эволюция системы сельского расселения в регионе во второй половине XX века	183

6.3. Основные демографические характеристики	193
6.4. Демографические последствия войны	200
6.5. Миграция сельского населения	206
6.6. Состав мигрантов	221
6.7. Мигранты по типу хозяйства	267
6.8. Миграция и сельская семья	270
6.9. Направления миграции	287
6.10. Организованная миграция	300
6.11. Маятниковая миграция	317
<i>Глава 7. Социально-политическая жизнь западнорусской деревни</i>	
в 1945—1953 годы	329
7.1. Районная власть и ее восприятие деревней	
в 1945—1953 годы	329
7.2. Чрезвычайное функционирование районной власти . . .	338
7.3. Сельские Советы и крестьянство	352
7.4. Крестьянство в первичных организациях ВКП(б) . . .	361
7.5. Председатели колхозов и крестьянство	368
<i>Глава 8. Проблемы социально-политической истории</i>	
западнорусской деревни в 1953—начале 1960-х годов . . .	374
8.1. Реформы районного звена управления и западнорусское	
крестьянство в 1953—начале 1960-х годов	374
8.2. Сворачивание чрезвычайщины в районном звене	
управления западнорусской деревней	385
8.3. Эволюция номенклатуры РК КПСС в 1953—1964 годы	
и восприятие этого крестьянством	390
8.4. Сельские Советы и западнорусское крестьянство	
в эпоху Н. С. Хрущева	396
8.5. Сельские первичные организации КПСС	401
8.6. Председательский корпус и крестьянство	
в эпоху Н. С. Хрущева	408
<i>Глава 9. Учреждения культуры западнорусской деревни</i>	
и крестьянство в 1945—начале 1960-х годов	422
9.1. Культурно-просветительные учреждения	423
9.2. Система лекционной пропаганды	448
9.3. Доступность и восприятие на селе периодической печати . .	461
9.4. Кинофикация и кинообслуживание	469

9.5. Радиофикация и радиовещание	479
9.6. Советская праздничная культура и обрядность в западнорусской деревне.	492
<i>Глава 10. Формы религиозности западнорусской деревни</i>	
в 1945 — начале 1960-х годов	507
10.1. Политика в отношении религиозности деревни	507
10.2. Движение за открытие церквей и легальные приходы РПЦ	520
10.3. Подпольные молитвенные дома в пространстве крестьянской религиозности	535
10.4. Почитание на селе региональных и местных святынь	546
10.5. Традиция сельского религиозного праздника	557
<i>Заключение . . . . .</i>	570
<i>Условные сокращения . . . . .</i>	574
<i>Библиографический список и источники . . . . .</i>	575
Приложение	
Фотографии альбома «Сельское хозяйство Калужской области». 1950-е гг. Из фондов ГАДНИКО	603
Фотографии из «Альбома плакатов, выпущенных издательством газеты “Знамя”». Из фондов ГАДНИКО	617

Предисловие

Выделение Западного региона в истории русского крестьянства предопределено совокупностью факторов — природного, экономического, демографического, политического. Подвижные исторические границы региона не полностью совпадают с границами современных административных единиц. Ныне это территории Смоленской, Калужской и Брянской областей. Исторические судьбы крестьянства этих земель во многом совпадают. Находясь на западных рубежах Московского государства, территория Западного района в течение многих столетий находилась в оживленных торговых, экономических и культурных связях с соседними странами, входила в состав Великого княжества Литовского и Речи Посполитой, его жители участвовали в общей борьбе славянских народов против иноземных захватчиков. В период позднего феодализма, а затем и капитализма, эти земли, расположенные между Центральным промышленным районом, губерниями Черноземного центра и белорусскими губерниями, сохраняли своеобразие: выделялись среди других специализацией земледелия (производство льна и картофеля), развитием животноводства мясо-молочного направления, характером и направлениями крестьянского отхода.

Авторы размышляют о влиянии событий войны на западнорусскую деревню, факторах и динамике восстановительных процессов, росте материально-технической оснащенности сельскохозяйственного производства, логике и последствиях организационных и административных реформ на селе, особенностях демографических процессов, приведших западнорусское село к депопуляции и обезлюдению, противоречивых взаимоотношениях крестьянства и власти, восприятию крестьянством политических руководителей разного уровня, развитии системы учреждений официальной культуры, стимулировавших постепенное вытеснение традиционной крестьянской культуры и религиозности современной массовой культурой.

Изучение истории крестьянства западного региона было начато в 1970-е годы в рамках программы, разработанной Комиссией по истории сельского хозяйства и крестьянства при Институте истории АН СССР. Усилиями историков Смоленска, Калуги и Брянска были подготовлены и изданы три тома, охватывающие историю крестьянства региона с древнейших времен до 1941 года¹. Результатом этой работы можно считать данную монографию, посвященную истории западнорусского крестьянства в годы Великой Отечественной войны и послевоенные десятилетия.

---

¹ История крестьянства западного региона РСФСР. Период феодализма. Воронеж, 1991. История крестьянства западного региона России. 1861–1917. Калуга, 1993. Филимонов В., Журов Ю., Будаев Д. История крестьянства западного региона России. 1917–1941. Калуга, 2002.

Глава 1. КРЕСТЬЯНСТВО ЗАПАДНЫХ ОБЛАСТЕЙ РСФСР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Великая Отечественная война занимает особое место в истории крестьянства западных областей РСФСР, территория которых в 1941—1943 годы стала ареной ожесточенного Смоленского сражения, грандиозных Московской и Курско-Орловской битв, кровопролитных Ржевско-Сычевской, Ржевско-Вяземских, Смоленской операций Западного и Калининского Западного и Калининского фронтов в 1942—1943 годы. Дважды по территории региона прошла линия фронта: в начале войны—в период отступления Красной Армии, а затем в ходе ее контрнаступления. Причем в 1942—1943 годы на территории Смоленской и Калужской областей фронт стоял в течение полутора лет. Немецкая оккупация западных областей России длилась более двух лет.

Быстрое продвижение фашистских войск, отступление Красной Армии серьезно повлияли на психологическую обстановку в Западном регионе.

Война и поражения, которые терпели части Красной армии, с новой силой всколыхнули серьезные социальные противоречия и «обиды» на советскую власть у определенной части населения. В документах областных органов НКВД за июль—сентябрь 1941 года встречается информация о проявлении «враждебных, контрреволюционных и пораженческих настроений» среди населения сельских районов области. В документах Западного штаба партизанского движения о советских гражданах, среди которых развивались эти явления, говорилось: «Эта часть деревни ждала прихода немцев еще до отхода частей Красной армии»¹.

---

¹ *Комаров Д. Е.* Смоленская область в годы Великой Отечественной: война, народ, победа. Смоленск, 2015. С. 28.

Изученные материалы не дают оснований утверждать, что людьми, вставшими на путь сотрудничества с оккупантами, руководило стремление «с помощью хорошо вооруженных оккупантов сбросить гнет террора, насилия и нужды в России», как об этом пишут некоторые немецкие авторы¹. Конечно, нельзя отрицать наличие политических мотивов в коллаборационизме. И все же вступление на службу оккупантам чаще всего носило «ситуативный» характер, диктовалось обстановкой безысходности. Показателен факт: во время оккупации в с. Калинино Жиздринского района Калужской области появились 14 юношей, месяц назад призванных в Красную армию (дезертировавших либо вышедших из окружения), которые сразу же добровольно вступили в ряды полицейских.

Оккупационные власти прилагали максимум усилий, чтобы создать многочисленные полицейские формирования, прежде всего в зонах действия партизан. Таковыми были в пределах Калужской области Людиновский, Жиздринский и Хвастовичский районы. Численность полицейских в селе или волости в этих районах составляла от 10 до 80 человек. Это были преимущественно молодые мужчины 17—30 лет, с образованием от низшего до неполного среднего, как правило, из крестьян-бедняков, реже — из середняков или служащих. В отдельных случаях встречаются лица, имевшие ранее судимость или у которых были репрессированы родители.

Назначение на должность полицейского входило в компетенцию старшего полицейского села, старшины волости, старшего волостного полицейского, начальника районной полиции или бургомистра волости. Как показывают допрашиваемые, назначаемых на службу вызывали в сельуправу, где в присутствии старших чинов полиции и старосты объявляли о мобилизации. Кандидаты на должность полицейских подбирались старостой и, как правило, проходили дополнительную проверку. В ряде протоколов отмечены факты добровольного вступления в полицию.

Несколько иначе выглядел корпус старост. Оккупационные власти стремились придать этой должности большую «легитимность», предлагая жителям провести собрание-сходку для выборов старосты (хотя во многих случаях для выборов предлагались уже подготовленные кандидатуры). В большинстве случаев старостами становились люди, более старшие по возрасту (30—50 лет), пользующиеся доверием односельчан, иногда — занимавшие в довоенные

---

¹ Штрик-Штрикфельд В. Против Сталина и Гитлера. М., 1981. С. 37.

годы административные должности в селе. Такое положение старост часто приводило к конфликтам с оккупационными властями. Так, старосту д. Мужитино Жиздринского района дважды арестовывали за невыполнение приказов свыше, за раздачу населению семенного зерна, а затем сослали в Брянский лагерь. За неприятие мер против партизан был расстрелян староста д. Устье Жиздринского района. Типичным примером могут быть показания старосты д. Тростье Куйбышевского района Калужской области. Это крестьянин-середняк, 1918 года рождения, в армию не был призван по состоянию здоровья. В 1943 году на должность старосты был «избран на сходке после предварительного назначения старшиной волости». За два месяца пребывания в должности дважды организовывал сбор картофеля для проезжающих немецких частей. Был посажен в карцер за отказ рыть окопы. При наступлении Красной армии эвакуировался вместе с немцами, но отступающие немецкие части были атакованы советскими войсками и «немец нас, эвакуированных, — как заявил допрашиваемый, — бросил».

В формировании оккупационных органов захватчики достигли успехов на всей оккупированной территории, в том числе и в тех районах и городах, которые оказались под их властью на непродолжительное время (Калинин, Калуга, Можайск и др.). Например, за два с небольшим месяца оккупации в г. Калуге не только было сформировано «городское управление», состоящее из 9 отделов, но и проведена подворная перепись, налажена работа 20 предприятий на нужды вермахта с числом рабочих почти 1700 человек и т.д.

Мотивы участия жителей области в работе оккупационных органов управления были различные. Одни сами шли служить к захватчикам, другие принуждались и вынуждены были работать под нажимом и постоянным страхом. Огромное влияние на этот процесс оказывало положение на фронте. Военные неудачи Красной армии в начальный период войны, превосходство германской армии создавали у населения оккупированных территорий осознание того, что советская власть погибла и им придется жить в условиях «нового порядка». В этот период усиливались как кадровые, так и потенциальные возможности оккупированной администрации. Однако численный состав и укомплектованность кадрами не говорят об эффективности работы административного оккупационного аппарата. Нельзя не отметить, что оккупантам удалось мобилизовать во власть значительные людские ресурсы. Так, в Людинове штат

группы составлял 377 человек, всего полицейских было около 300, старост сельских и уличных — 76¹.

Приказы и распоряжения окружные управы получали от немецких военных органов оккупационной власти, на основании чего издавали собственные директивы, доводившиеся через систему нижестоящих управленческих структур до населения. Оккупационная администрация опиралась на охранные подразделения, подразделения СС, гестапо, контрразведку, полевую жандармерию, специальные карательные формирования по борьбе с партизанами, полицию. Органы правопорядка подчинялись не только немецким военным органам, но и находились в прямом подчинении руководства гражданской администрации, что обеспечивало возможность проведения мероприятий среди населения методами принуждения.

Сельское население обязано было поставлять для оккупационных властей мясо, зерно, картофель, яйца, шерсть и другие продукты сельского хозяйства. В Калуге, например, согласно распоряжению городского головы, все имеющие коров граждане обязаны были сдавать ежедневно по 2 л молока от коровы, получая мизерную для того времени оплату — 60 копеек за литр. «Русское сельское хозяйство, равно как и сельское хозяйство всех других воюющих стран, должно быть включено в продовольственное хозяйство в полном объеме», — распоряжалось Главное германское земельное управление².

В конце зимы 1942 года была сделана попытка провести сельскохозяйственные реформы, которые заключались в переходе от колхозно-совхозной системы к единоличному хозяйству. Переходной формой объявлялось общинное хозяйство, которому передавалась земля бывшего колхоза, колхозный скот и сельскохозяйственный инвентарь. В случае выполнения поставок оно должно было трансформироваться в сельскохозяйственное товарищество, члены которого совместно осуществляли только пахоту и посев. Предполагалось, что на последнем этапе реформы индивидуальным хозяйством должны были быть наделены только добросовестные и политически благонадежные крестьяне при условии наличия в их хозяйствах необходимого инвентаря и скота. Земельные наделы в этом случае выделялись крестьянам не в собственность, а в постоянное пользование.

Оккупанты стремились использовать в своих интересах ожидания значительной части крестьян, недовольных коллективизацией.

¹ ГАДНИКО. Ф. 55. Оп. 8. Д. 259.

² ГАСО. Ф. Р-2573. Оп. 1. Д. 237. Л. 76.

Реформа преподносила как «великий праздник для русского крестьянина» освобождение от «колхозного рабства». Однако на практике интересы крестьян не учитывались при разделе колхозных земель. Обещания властей передачи колхозной земли крестьянам в собственность оказались мифом. Крестьяне были обязаны обрабатывать полученные земельные наделы, что представляло собой форму коллективного принудительного труда, направленного на удовлетворение потребностей захватчиков в продуктах питания. Кроме того, никакого реального дохода за свой труд сельские производители не получали в силу политики закупок по низким твердым ценам со стороны учреждений власти, неразвитости торговых отношений и отсутствия свободного товарооборота. Поборы, грабежи и реквизиции, чинимые на местах, не давали окрепнуть крестьянским общинным хозяйствам и вызывали недовольство крестьян. «Население уклонялось от поставок... План заготовок на 1943 год немцами был удвоен, но осуществить его им не удалось», — так описывал ситуацию служащий Спас-Деменской земельной управы¹. Аграрная реформа стала серьезным просчетом оккупантов и способствовала обнищанию значительной части населения.

Реализуя крестьянскую реформу, гитлеровцы наносили удар по самому уязвимому месту советской государственно-политической модели, выполнявшей функцию контроля и эксплуатации властью общества. Подпольные советские структуры развернули активные мероприятия по объяснению истинного смысла проводимых оккупантами аграрных мероприятий. Людям необходимо было разъяснить, что единственной целью этой реформы является превращение бывших колхозников в своеобразную форму военнокрепостнического хозяйства, а крестьян — в батраков с единственным правом — трудиться под военно-полицейским контролем надсмотрщиков и колонистов. Важность проведения подобного рода агитации усиливалась и теми обстоятельствами, что именно сельское население, с которым начало заигрывать германское командование, являлось социальной базой развернувшегося на оккупированной территории партизанского движения, а продукты, получаемые с оккупированных областей, покрывали определенную часть потребностей вермахта и в значительной степени поддерживали продовольственный баланс в самой Германии².

¹ ГАДНИКО. Ф. 40. Оп. 1. Д. 270. Л. 44.

² Комаров Д. Е. Указ. соч. С. 134.

Жители захваченных населенных пунктов были обложены различными денежными налогами, сборами и пошлинами. Их устанавливали местные административные органы оккупационной власти на основе постановлений командующего тыловой областью, действовавшего в данном вопросе согласованно с хозяйственной инспекцией. На территории области объектами налогообложения обычно являлись: а) доходы и имущество (подоходный налог, земельная рента и др.); б) товары и услуги (патентные сборы с торговли, промышленных и кустарных предприятий, налоги с торгового или производственного оборота и др.). Объекты налогообложения, размер ставок, а также объем натуральных сборов корректировались на протяжении всего периода оккупации. В условиях оккупации с разрешения вышестоящих инстанций местные управы в случае необходимости могли вводить особые сборы.

На территории области с 1942 года нацистская власть осуществляла массовый насильственный угон населения на работу в Германию и другие страны рейха. На сегодняшний день выявлено около 400 населенных пунктов Бярянтинского, Думиничского, Износковского, Кировского, Куйбышевского, Людиновского, Мосальского, Спас-Деменского, Жиздринского, Ульяновского, Хвостовичского и Юхновского районов, из которых было вывезено фашистскими войсками все население. Однако реальное число этих сел и деревень было значительно больше. Катализатором массового насильственного угона мирного населения послужило развитие партизанского движения и наступление частей Красной армии. Отступая, оккупанты забирали с собой рабочую силу.

Большинство угнанных жителей Калужской области доставлялось в Германию на железнодорожном транспорте из города Брянска, Белоруссии, Эстонии, Литвы. В качестве наиболее часто встречающихся промежуточных лагерей можно выделить «Рославль» в Смоленской области, «Бежицу» близ г. Брянска, два лагеря в самом Брянске, лагерь в г. Юхнове, располагавшийся на территории маслозавода, лагерь в с. Полом Жиздринского района, лагерь на территории стеклозавода в п. Дудоровский Ульяновского района, лагерь в г. Спас-Деменске, лагеря в Шаблыкинском, Знаменском районах Орловской области и, помимо этого, эстонские лагеря «Пыйкюля», «Балпорт», литовский концентрационный лагерь «Алитус». Промежуточные лагеря представляли собой огороженное колючей проволокой пространство, на котором либо вообще не было построек, либо были расположены специально построенные для этих целей бараки, иногда заброшенные помещения, такие как школа, церковь и т.п. В качестве

*Глава 1
КРЕСТЬЯНСТВО
ЗАПАДНЫХ
ОБЛАСТЕЙ РСФСР
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ВОЙНЫ*

*Во время угона
жителей села
Новоселки
в фашистскую
неволю. Чепляевский
сельсовет Спас-
Деменского района
Смоленской области.
Февраль 1942 г.
ГАДНИКО.
Ф. П-7607. Оп. 5.
Д. 5194*

промежуточного лагеря могли быть использованы еврейские гетто (после уничтожения еврейских семей). В промежуточных лагерях люди проходили сортировку, иногда дезинфекцию, там формировались новые партии будущих восточных рабочих — оstarбайтеров.

Ввиду недостатка транспортных средств сгруппированные в колонны люди часто вынуждены были проходить десятки километров пешком, несмотря на то что в их числе были дети, матери с грудными младенцами и лица преклонного возраста. Питались они чаще только тем, что взяли из дома и тем, что давали по пути местные жители. Многие не выдерживали и умирали, чему способствовали периодические вспышки инфекционных заболеваний. За малейшую провинность, отказ от работы и попытку бежать — расстрел, тюрьма, отправка в концлагерь. К сожалению, нельзя подсчитать число погибших в пути.

В Германии жители Калужской области работали в самых разных районах, но преимущественно на землях Тюрингии, Саксонии и Восточной Пруссии. Так, в округе Зуль (Тюрингия) практически в каждом крупном населенном пункте трудились восточные рабочие из районов, вошедших впоследствии в состав Калужской области.

Правовое положение восточных рабочих было почти рабское. Они содержались преимущественно в тщательно охраняемых лагерях, покидать которые можно было исключительно по производственной

надобности, лишь в качестве большой привилегии и поощрения разрешались увольнительные в пределах местного полицейского участка на выходной день (контрольное время — 21 час). Работавшие на мелких сельскохозяйственных собственников проживали непосредственно в хозяйстве. Обязательным было ношение знака «ОСТ» и наличие при себе индивидуальной арбайт-карты. Каторжному труду сопутствовала жизнь впроголодь. Труд оstarбайтера использовался в любое время суток, а рабочий день длился обычно 10—14 часов. Причем дети трудились наравне с взрослыми.

Реакцией оккупационной власти на акты сопротивления со стороны населения захваченных поселений стали жестокие репрессии. Многочисленны факты зверских расправ с населением за связь с партизанами и помощь советским военнослужащим на Калужской земле. За связь с партизанами в с. Веснины Ульяновского района было уничтожено все его население. В с. Овсорок Жиздринского района 13 января 1942 года карательным отрядом было расстреляно 45 человек только за то, что в селе появились партизаны, причем все 45 человек расстрелянных предварительно подвергались пыткам. После этого фашисты подожгли деревню. Из 220 дворов осталось только 15¹.

В связи с надвигающейся оккупацией в западном регионе первоочередной была задача эвакуации населения, сельскохозяйственной техники, скота. Эвакуация осуществлялась в два этапа. На первом этапе проходила эвакуация западных районов и районов, прилегающих к Смоленску, где сосредоточилось значительное количество запасов продовольствия и других ценностей на складах Управления государственных резервов. Здесь также находились текущие запасы торгующих организаций, баз снабжения и заготовленное сельскохозяйственное и промышленное сырье.

На втором этапе эвакуация проводилась в центральных и восточных районах области. Частям Красной армии удалось задержать фашистские войска на рубеже Батурино, Ярцево, Ельня, Екимовичи. Положение на фронте стало более устойчивым. Это благоприятно сказалось на проведении второго этапа эвакуации.

Эвакуационные мероприятия в западном регионе были проведены в больших объемах, чем в других, в первую очередь, приграничных районах Советского Союза. Однако в ходе эвакуации проявились характерные для всей «угрожаемой» советской территории явления. Анализ хода и, что самое главное, результатов эвакуации дает основание

---

¹ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 206. Л. 86.

утверждать, что в большей степени органы власти выполняли первую задачу — не оставить ничего врагу (в различных регионах количество перемещенных ценностей было различным), а вот вторая задача — в полном объеме задействовать перемещенный потенциал — была реализована в сравнительно меньшей степени. Многие из «поднятого к эвакуации» было утеряно. Наглядным примером этого является разница между общим количеством поднятых к эвакуации тракторов и реальным числом тракторов, перемещенных в восточные районы, а также возможность их последующей эксплуатации. Кроме того, многие ценности, заводы, агрегаты терялись в пути или направлялись в те районы, где отсутствовали возможности их эксплуатации.

В период широкомасштабных эвакуационных мероприятий в начале войны в Смоленской области, как и по всей территории, которой угрожала вражеская оккупация, в глубь страны перемещалось только общественное поголовье. На личном подворье крестьян области остался личный скот и часть общественного скота, которая была распределена между колхозниками из-за невозможности его эвакуации. По данным оккупационных органов, в декабре 1941 года в среднем на 100 крестьянских хозяйств приходилось 62 коровы. Затем в результате экономических и политических мероприятий, проводимых захватчиками, поголовье резко стало сокращаться, и уже на 1 июля 1942 года на 100 хозяйств приходилось 42 коровы¹.

Эвакуация техники и скота из области осуществлялась преимущественно своим ходом. Из почти 5 тыс. тракторов, имевшихся в области, в 1941 году в тыл их было отправлено 2800, большая часть отоброширована в армию. 1950 тракторов и 146 тыс. лошадей были отправлены в не занятых противником районах для завершения уборочных работ². В результате начавшегося в начале октября 1941 года наступления противника часть этой техники и тягловой силы эвакуировать не удалось. Всего же на территории области, по данным обкома, осталось 600 тракторов³.

Говоря об эвакуированном имуществе, следует учитывать, что в большинстве исследований и публикаций приводятся данные об имуществе, «поднятом к эвакуации», но дальнейшая его судьба

¹ Комаров Д. Е. Указ. соч. С. 198.

² РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1032. Л. 48.

³ Очерки истории Смоленской организации КПСС / председ. редкол. Н. И. Калмык, науч. ред. И. Д. Красильников. М., 1970. С. 291. ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 741. Л. 5.

не прослеживается. Многие из того, что удалось вывезти из «угрожаемых районов», погибло, было брошено, отрезано противником или из-за перегруженности железных дорог попало не в места назначения. Например, в исторической литературе приводится информация о десятках тысяч тракторов, эвакуированных из Белоруссии, Украины, западных областей РСФСР и т.д. Однако в справке Наркомзема от 16.12.1941 отмечалось, что из оккупированных и прифронтовых районов «вывезено всего 13 869 тракторов (имеется в виду прибыло в безопасные районы)... а приведение их в рабочее состояние требует 20 млн рублей»¹.

На основании этих данных мы вправе сделать вывод, что большая часть тракторного парка (и другого сельскохозяйственного инвентаря) была утрачена на этапах эвакуации. В советской историографии данный факт умалчивался. В научной литературе, чтобы скрыть эту противоречащую официальной концепции информацию, фигурировали данные о тракторах, «поднятых к эвакуации», а не эвакуированных фактически.

Своим ходом из деревень эвакуировался и скот. Всего по эвакуационному плану от 23 августа 1941 года из Смоленской области необходимо было перегнать 263 тыс. голов крупного рогатого скота, 272 тыс. голов овец и 229 тыс. лошадей. Скот эвакуировался в Горьковскую, Ярославскую, Рязанскую, Кировскую области, в Мордовскую и Марийскую АССР. По справке от 15 сентября, за пределы области было выведено 218 тыс. голов крупного рогатого скота, 7 200 лошадей и 236 тыс. голов овец. Как видно из приведенных цифр, план по эвакуации лошадей был вообще не выполнен. Это связано с тем, что большая часть лошадей до последнего момента была занята на уборке, а 49 тыс. лошадей и 12 тыс. повозок были переданы в распоряжение Красной армии². Определенная часть перегоняемого стада в процессе перемещения терялась. В среднем при эвакуации потери перегоняемого скота доходили до 20%. Одной из причин потери скота при перегоне являлась неквалифицированность погонщиков. Так, в отчете Совета по эвакуации указывалось, что «в Смоленской области большую часть скота сопровождают трудоспособные колхозники и подростки, многие из них, не обеспеченные продовольствием, одеждой, разбегались по домам»³. Кроме этого, стада рассеивались вражеской авиацией и перехватывались противником на маршруте следования.

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 123. Д. 86. Л. 1, 3.

² ГАСО. Ф. 2361. Оп. 5 с. Д. 12. Л. 6, 48.

³ ГАРФ. Ф. 6822. Оп. 1. Д. 511. Л. 57.

Эвакуировался в первую очередь колхозный скот, а личный оставался на месте. Так, по отдельным данным, из 18 оккупированных районов Смоленской области было эвакуировано 78,2% крупного рогатого скота и 75,4% овец. По данным оккупационной администрации, в 5 районах, входивших в Смоленский округ, на декабрь 1941 года было зарегистрировано 46 919 коров¹. Несмотря на определенные потери при эвакуации скота, из области в полной мере удалось переместить в глубь страны племенное стадо, составлявшее гордость советского животноводства. Так, в Ярославскую, Рязанскую области и Мордовскую АССР из Сычевского племрассадника прибыло 10 790 голов крупного рогатого скота, из Смоленского — 7 212 голов и из Гжатского — 5 538 голов². Из приведенных данных видно, что из Смоленщины удалось эвакуировать значительное количество скота. Однако это было характерно далеко не для всех оккупированных регионов. Так, в Брянской области из 117 127 имевшихся до войны лошадей осталось 30 000, в Орловской области не было эвакуировано 70 000 лошадей и т.д.³.

Подводя итоги эвакуации, смоленский историк Д. Е. Комаров отмечает, что в отличие от других областей Советского Союза (в первую очередь пограничных), подвергшихся оккупации, эвакуация на Смоленщине была проведена в сравнительно больших объемах. Основными причинами этого являлись упорство и героизм советских воинов, задержавших на продолжительное время наступление немецких войск в ходе Смоленского сражения; трудовой героизм смолян, слаженная организованная работа регионального властного аппарата. Одним из важнейших факторов послужила разветвленная транспортная система Смоленщины. По территории области проходили крупные шоссейные и железнодорожные магистрали в направлении запад — восток. Это во многом определило несколько большие объемы эвакуационных мероприятий в области.

Вместе с населением и промышленными предприятиями из области эвакуировались продовольствие и имущество колхозов и совхозов. Здесь также сказывалась острая нехватка транспортных

¹ ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 740. Л. 33; ГАСО. Ф. 2573. Оп. 1. Д. 273. Л. 157.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 123. Д. 86. Л. 96.

³ ГАРФ. Ф. 9504. Оп. 1. Д. 13. Л. 59. Гриднев В. М. Борьба крестьянства оккупированных областей РСФСР против немецко-фашистской оккупационной политики 1941–1944 гг. М., 1976. С. 40. Орловская область в годы Великой Отечественной войны. Сборник документов и материалов. Орел, 1960. С. 62.

средств. Так, из 57 258 т хлеба, предусмотренных планом к вывозу в июле 1941 года из Смоленской области, на 20 июля было вывезено только 240 т, что составляет 0,4% от планируемого.

Не имея возможности эвакуировать продовольствие в полном объеме, местные органы власти активно передавали его запасы для потребления нашими войсками. Значительные резервы закладывались в качестве продовольственных баз для последующего потребления партизанами. Три месяца армии Западного и Резервного фронтов обеспечивались питанием и фуражом из запасов Смоленской области. За указанный период воинским частям было передано не менее 15 тыс. т продовольствия и фуража.

Несмотря на боевые действия, на территории области одновременно с эвакуацией продолжалась уборка урожая. Вместе с крестьянами на полях в августе—сентябре работало 13 тыс. городских жителей. Благодаря величайшим усилиям в сложнейших условиях к 15 сентября в области удалось выполнить план хлебопоставок на 30%. Однако несмотря на все предпринятые меры, значительная часть урожая 1941 года осталась на занятой врагом территории. Так, противнику достались 40% необмолоченных и обмолоченных зерновых; весь урожай льна и 60% льносемян, 70% картофеля (невывоженного), 15% заготовок сена¹.

При всех сложностях оккупационного периода крестьяне находили возможность оказания помощи войскам и партизанам. В 1941 году крестьяне западного региона передали войскам Западного и Резервного фронтов 28 тыс. свиней и 48 тыс. овец, 27 тыс. т сена, 40 тыс. т зерна и муки, 30 тыс. т мяса, 630 т масла и сыра². В 1943 году колхозники Смоленщины передали воинским частям 753 тыс. пудов хлеба³. С начала войны и до конца 1943 года крестьяне, кроме государственных поставок, передали воинским частям Западного и Калининского фронтов более 7 млн пудов зерна, 4 млн пудов картофеля, 30 тыс. пудов молока, 14 т шерсти, 125 тыс. различных кож и шкур⁴.

Пренебрегая опасностью быть подорванными на минах, жители освобожденных районов, в основном молодежь, на полях бывших

¹ ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 741. Л. 5.

² Гриднев В. М. Указ. соч. С. 29.

³ Котов Л. В., Шуляков В. А. Трудовой вклад жителей Смоленщины во всенародную помощь фронту // Материалы по изучению Смоленской области. Вып. IX. Смоленск, 1976. С. 110.

⁴ Там же. С. 110–111.

сражений собирали брошенное врагом оружие, боеприпасы, военное снаряжение. За лето 1942 года было собрано и передано на пункты сбора 157 минометов, более 700 пулеметов, 23 тысячи винтовок, 22 тысячи различных мин, 31 тысяча артиллерийских снарядов, 1,5 млн винтовочных патронов, а также многие предметы военного снаряжения, общей сложности на сумму 2 млн 300 тыс. рублей¹.

Широкую помощь оказывало партизанам и действовавшим в тылу врага частям Красной Армии сельское население Смоленской области. Например, трудящиеся Дорогобужского партизанского края с середины февраля по 1 мая 1942 года сдали партизанам и советским десантным подразделениям 300 т мяса, 689 т ржи, 39 т ячменя, 1112 т картофеля, 270 т овса, 1447 т сена и соломы, вещи². Вот как оценивал эту помощь командующий 1-м кавалерийским корпусом генерал П. А. Белов: «В продовольственном и фуражном отношении группа целиком перешла на местное снабжение. Нужно сказать, что без помощи местных партизан и советских организаций, а также населения, часто делившегося с нами последним куском хлеба, в тех условиях мы бы и недели не провели»³.

Только в 1942 году в партизанских краях Брянщины и Смоленской области советские и хозяйственные органы под руководством райкомов партии, по неполным данным, с помощью населения заготовили и передали партизанским отрядам и десантным частям Красной армии около 15 тыс. т мяса, более 7 т сливочного масла, около одного миллиона штук яиц, свыше 10 т меда. Для партизанских лошадей заготовлено более 5 тыс. т сена⁴.

В 1942 году только в партизанских краях Брянщины и Смоленской областей было собрано и подготовлено 7 513 единиц верхней одежды, свыше 19 тыс. брюк, верхних рубашек и белья, 1 682 головных уборов, 5 600 пар перчаток, около 11 тыс. пар носков и портянок, свыше 30 тыс. пар обуви. Эти самоотверженные поступки мирных жителей также следует приравнять к активному и непосредственному

---

¹ Котов Л. В., Шуляков В. А. Указ. соч. С. 104.

² Партизанская борьба с немецко-фашистскими оккупантами на территории Смоленщины. Смоленск, 1962. С. 144–145. Макаров Н. И. Непокорная земля Российская. М., 1976. С. 299.

³ Военно-исторический журнал. 1962. № 8. С. 64. Макаров Н. И. Указ. соч. С. 299–300.

⁴ Дандыкин Т. К. Страницы подвига: Военно-хозяйственная и политическая деятельность Коммунистической партии в партизанских краях и зонах центра России (1941–1943 гг.). Тула, 1979. С. 170.

участию в партизанском движении, так как за оказание помощи партизанам по установленным гитлеровцами порядкам полагался расстрел прямо на месте¹.

Население временно оккупированных территорий помогало партизанам в сборе оружия и боеприпасов в местах боев, проходивших летом и осенью 1941 года. В Смоленской области жители Дорогобужского района за первые два с половиной месяца 1942 года передали кавалерийскому корпусу генерала П. А. Белова и частично партизанам 6 танков, 50 тракторов, 23 пушки, 50 минометов, 65 станковых пулеметов, 5249 винтовок, 60 693 снаряда, 197 ящиков тола и т.д. Население Холм-Жирковского района до 12 марта 1942 года передало частям Красной армии и партизанам 2500 ящиков снарядов, около 1300 ящиков патронов, 420 ящиков гранат, 1500 винтовок, 18 орудий, 28 минометов, 92 пулемета². Только в Южном партизанском крае Брянщины на июнь 1942 года население собрало и передало партизанам 13 танков, 2 танкетки, 5 бронемашин, 137 минометов разных калибров, 112 станковых и 395 ручных пулеметов, 11 орудий, 12 300 винтовок, 5 тыс. снарядов, 7 тыс. мин, 5 млн патронов³.

По неполным данным, население партизанских краев Западного региона России под руководством коммунистов собрало, отремонтировало и передало партизанам на вооружение 63 танка, танкеток и бронемашин, 424 орудия и миномета, 536 станковых, 1563 ручных пулемета, 43 155 винтовок и автоматов, 23 млн патронов, 830 тыс. мин и снарядов⁴.

Партизаны организовывали побег военнопленных из фашистских лагерей, укрывали их. Тем из них, кто не смог выйти за линию фронта, помогали включиться в партизанскую борьбу. Только в Дорогобужском районе Смоленской области в течение зимы 1941/42 года на содержании и обеспечении колхозников в тылу врага находилось свыше 7 тыс. бойцов, командиров и политработников Красной армии⁵.

---

¹ *Пережогин В. А.* Партизаны в Московской битве. М., 1996. С. 186.

² *Хенкин М. З.* К вопросу о роли смоленских партизанских краев в годы Великой Отечественной войны. Смоленск, 1967. С. 254; *Макаров Н. И.* Непокорная земля Российская. М., 1976. С. 299–301.

³ Книга памяти. Брянская область. Т. 12. Брянск, 2003. С. 186.

⁴ *Дандыкин Т. К.* Страницы подвига: Военно-хозяйственная и политическая деятельность Коммунистической партии в партизанских краях и зонах центра России (1941–1943 гг.). Тула, 1979. С. 146. *Пережогин В. А.* Партизаны в Московской битве. М., 1996. С. 190.

⁵ История крестьянства СССР. Крестьянство накануне и в годы Великой Отечественной войны. 1938–1945. Т. 3. С. 288.

Глава 1
КРЕСТЬЯНСТВО
ЗАПАДНЫХ
ОБЛАСТЕЙ РСФСР
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ВОЙНЫ

Счетовод колхоза «Наша сила»
Е. И. Демидова и секретарь Галкинского сельсовета Н. И. Туманова за ведением учета отремонтированного сельхозинвентаря. Из фондов РГАКФД. Дзержинский район Смоленской области. 1942 г.
ГАДНИКО.
Ф. П-7607. Оп. 5.
Д. 5420

Сельские жители оккупированных районов оказывали самую различную помощь десантным группам Красной армии и частям, попавшим в окружение. Благодаря заботам населения и прежде всего колхозников, с 1 апреля по 20 мая 1942 года из партизанских госпиталей в части корпуса П. А. Белова вернулось 3700 бойцов и командиров¹.

Одним из действенных форм помощи фронту было партизанское движение. В 1941—1943 годы на оккупированной территории Смоленской области действовало 119 партизанских отрядов, в которых насчитывалось 53 тысячи народных мстителей². На Брянщине борьбу с оккупантами вели 139 партизанских отрядов, преобразованных впоследствии в 27 партизанских бригад. К сентябрю 1943 года в них насчитывалось 60 тыс. партизан и подпольщиков³. В 1943 году в составе брянских партизан насчитывался 31% крестьян, примерно столько же крестьян находилось в рядах смоленских партизан⁴.

¹ Дандыкин Т. К. Указ. соч. С. 129.

² Курбатова П. И. Смоленская партийная организация в годы Великой Отечественной войны. Смоленск, 1958. С. 4.

³ Книга памяти. Брянская область. Т. 12. С. 9.

⁴ История крестьянства СССР. В 4 т. Крестьянство накануне и в годы Великой Отечественной войны. 1938–1945. Т. 3. М., 1987. С. 280.

Крестьяне были основной силой создаваемых партизанами групп самообороны деревень и сел. Группы самообороны являлись основным резервом для пополнения партизанских отрядов. К началу апреля 1942 года в Южном Брянском партизанском крае имелось более ста групп самообороны, в которых состояло около 10 тыс. человек¹. По сведениям Центрального штаба партизанского движения, на оккупированной территории Брянщины уже в июле 1942 года было организовано и вооружено 165 групп самообороны, в составе которых насчитывалось 16 тыс. крестьян². Многого внимания группам самообороны уделялось со стороны партийных и советских органов. Только на территории Дорогобужского, Ельнинского, Спас-Деменского, Восточного районов под руководством коммунистов они были созданы в 420 населенных пунктах. В эти группы вступило более 5 тысяч человек³.

Многочисленные факты о действиях партизанских отрядов содержатся в сводках органов НКВД. Приведем выдержки из докладной записки 4-го отдела УНКВД по Смоленской области (25.II.1942): в Куйбышевском районе действовал Бутчинский отряд под командованием Акимочкина — местного жителя, командира РККА, вышедшего из окружения. Отряд действовал на территории Бутчинского, Ветмицкого и Зимницкого сельских Советов Куйбышевского района и вел разведку в направлении города Дятьково Орловской области. Отряд провел ряд боевых операций по уничтожению мелких групп противника. В частности, 8 февраля 1942 года был совершен налет на группу немецких солдат в районе Синявских хуторов Куйбышевского района, в результате было убито 8 немцев, 3 взято в плен, в том числе офицер, который был доставлен 330-й стрелковой дивизии 10-й армии. В качестве трофеев были взяты 10 винтовок, ручной пулемет и другое военное имущество. Чекисты установили с отрядом прочную связь, систематически получали от его руководства разведданные и давали отряду практические указания.

Командиром Петровского отряда был Белденков. Отряд вел разведку в направлении Рославля и трассы Москва — Варшава. Данные разведки использовались через 330-ю стрелковую дивизию.

¹ *Пережогин В. А.* Партизаны в Московской битве. М., 1996. С. 182.

² История крестьянства СССР. Крестьянство накануне и в годы Великой Отечественной войны. 1938–1945. Т. 3. С. 282. *Тропкин Н. В.* Коммунисты Орловщины в партизанском движении / Советские партизаны: Из истории партизанского движения в годы Великой Отечественной войны. М., 1960. С. 213.

³ *Дандыкин Т. К.* Указ. соч. С. 107.

Манинским отрядом командовал Дмитрий Павлович Горчаков — местный житель, бывший работник кооперации и командир запаса. Отряд насчитывал 49 человек, имел две операции, в результате которых убито 29 немцев и два предателя. Отряд действовал на территории Манинского, Погостовского и Верхуличского сельсоветов Кировского района, сотрудничая в боевых операциях с Бутчинским (Смоленская область) и Бытошевским (Орловская область) отрядами.

Командиром Тягаевского отряда также был местный житель — Дмитрий Григорьевич Осипов, в прошлом учитель, член ВКП(б), политрук запаса. В отряде насчитывалось 26 человек, отряд за два месяца своего существования провел боевую операцию, в результате которой было уничтожено два офицера и солдат, захвачены винтовка, автомат и пистолет, а также важные документы, которые были доставлены в штаб 330-й стрелковой дивизии. Была подготовлена вторая операция против группы немцев, прибывших в д. Кулаковку Куйбышевского района с целью грабежа, однако проведена она была неудачно: немцам удалось бежать без потерь.

После оккупации Думиничского района, т.е. 5 октября 1941 года, был организован партизанский отряд под руководством председателя райисполкома Ильина. В отряде насчитывалось 60 человек, из них 6 женщин, в том числе врач. Отряд действовал на территории Думиничского и Ульяновского районов. При трехкратном столкновении с немцами имел он потери 7 человек убитыми, одного раненого. Три члена отряда были расстреляны фашистами при выполнении боевых заданий. Отряд уничтожил в период немецкого наступления более 1000 тонн зерна на складах Заготзерно, склад Заготсено, 2 цистерны с горючим, сжег 4 деревянных моста, преградив путь в часть Думиничского и Ульяновского районов, избавив их жителей от немецкого грабежа и насилия. В период отступления немцев в январе было испорчено более километра железнодорожного полотна и телефонно-телеграфной линии¹.

Важную роль в вовлечении крестьян в партизанские отряды и группы самообороны сыграли органы советской власти, действовавшие в тылу врага на оккупированной территории Брянщины и Смоленской области. В начале 1942 года советская власть в тылу врага была восстановлена на территории 264 сельсоветов полностью и 55 частично. Это более 48% общего числа сельсоветов тех районов, территория которых входила в партизанские края.

¹ ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1160. Л. 102–104.

В 26 районах действовали райисполкомы¹. Всего в течение февраля и начале апреля 1942 года только на освобожденной партизанами территории Брянской и Смоленской областей было восстановлено около 600 сельсоветов и более 1000 колхозов².

В исключительно тяжелой обстановке проходил в 1942 году весенний сев. В освобожденных прифронтовых районах планировалось засеять 105 тыс. гектаров. Но благодаря высокому трудовому подъему населения засеяли 129 тыс. гектаров. Советское правительство, учитывая близость к фронту и тяжелое экономическое положение вновь освобожденных от оккупации районов, в 1942 году освободило их от государственных поставок сельскохозяйственных продуктов. Однако население по своей инициативе не только выполнило довоенный план поставок зерна, но и перевыполнило его: вместо 21083 т зерна сдало 34215 т.

Организаторская и массово-политическая работа, проведенная Смоленской партийной организацией, дала весомые результаты. Весенний сев 1943 года прошел успешно. В освобожденных районах было засеяно около 88 тыс. гектаров. Стремясь как можно больше посеять хлеба и преодолевая огромные трудности, колхозники вскопали лопатами 45 тыс. гектаров земли и перенесли на себе 80 тыс. центнеров семян. В Бельском, Батурином, Холм-Жирковском, Слободском и других районах семена переносили на расстояние 60–100 километров. Всего в 1943 году в Смоленской области было посеяно 250 тыс. гектаров яровых и 180 тыс. гектаров озимых культур, из них свыше 45 тыс. гектаров — вручную.

Огромную помощь действующей армии оказали крестьяне в 1941 году при сооружении оборонительных рубежей. По берегам Днепра, Сожа, Десны и вдоль других естественных преград возводились противотанковые рвы, линии окопов, дзоты, огневые точки. На лесных дорогах делались завалы. На строительство рубежа обороны по линии Понизовье — Красный — Хиславичи было ежедневно занято до 200 тыс. человек, десятки тысяч подвод. Всего с июля по сентябрь 1941 года на Смоленщине было

---

¹ Шуляков В. А. Советы в тылу врага / Уходили в поход партизаны: сборник материалов конференции «Всенародная борьба с немецко-фашистскими захватчиками на временно оккупированной территории Смоленской области в период Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг.». Смоленск, 1973. С. 250.

² Дандыкин Т. К. Указ. соч. С. 100.

создано 4 оборонительных рубежа общей протяженностью почти 1500 километров, построено 85 аэродромов и 120 взлетно-посадочных площадок, сооружены сотни гатей и мостов. Трудовой подъем населения был исключительно велик. На оборонительных работах было занято до 300 тыс. человек и 150 тыс. колхозных подвод. По неполным сведениям, населением области на оборонные работы накануне и в период Смоленского сражения было затрачено около 8 миллионов человеко-дней. Колхозники на оборонительных работах выработали 25 миллионов трудодней¹.

Строительство оборонительных сооружений на Брянской земле началось 7 июля 1941 года. В течение июля—сентября через всю территорию области была возведена мощная оборонительная линия. В ее строительстве участвовало более 130 тыс. человек, в том числе 50 тыс. комсомольцев и молодежи Брянского, Выгоничского, Жуковского, Дубровского, Дятьковского, Климовского, Новозыбковского, Злынковского, Клетнянского, Комаричского, Почепского, Трубчевского, Рогнединского, Жирятинского и других районов. В колхозных мастерских и кузнях не смолкали кузнечные молоты. Кузнецы делали гвозди, скобы и даже ежи². В 1941 году на строительстве оборонительных сооружений для РККА на Брянщине участвовало 139 тыс. человек. Ими было вырыто около тысячи километров противотанковых рвов и отсечных позиций, оборудовано 1650 пулеметных гнезд, построено 1260 дотов и 670 дзотов, поставлено 30 тыс. «ежей»³. Беспрецедентный труд и массовый героизм крестьян Смоленщины и Брянщины на строительстве оборонительных сооружений, военных объектов помог остановить продвижение гитлеровских войск, рвавшихся к Москве.

После освобождения в ходе Московской битвы ряда районов возобновилась мобилизация крестьян на строительные работы в тылу Западного и Калининского фронтов. В марте 1942 года только на строительстве взлетно-посадочных авиаплощадок и приспособлении их к весенне-летней эксплуатации было занято свыше

---

¹ Котов Л. В., Шуляков В. А. Трудовой вклад жителей Смоленщины во всенародную помощь фронту. С. 102. Рудич С. Ф. Непокорная смоленская земля // Советские партизаны: Из истории партизанского движения в годы Великой Отечественной войны. М., 1960. С. 131.

² Очерки истории Брянской организации КПСС / отв. ред. В. А. Смирнов. Тула, 1968. С. 243–244.

³ Книга памяти. Брянская область. Т. 12. Брянск, 2003. С. 8.

Село Ульяново
Орловской области
после освобождения.
1943 г. ГАДНИКО.
Ф. П-7607. Оп. 5.
Д. 3391 (часть 1)

12 тыс. человек. Более 2 500 человек выходило на строительство оборонительных рубежей, строительство и починку мостов. На подвозе продовольствия и боеприпасов для частей Западного фронта было занято свыше двух тысяч подвод¹. На 10 октября 1942 года местное население выработало 3 920 тыс. человеко-дней и 261 тыс. коне-дней. За военными аэродромами для постоянных работ было закреплено 14 тыс. человек². В 1943 году колхозники отработали на строительстве военно-оборонительных сооружений около 12 млн человеко-дней. Всего же за время войны население Смоленской области, по далеко не полным данным, затратило на военно-оборонительные работы свыше 20 млн человеко-дней (подсчитано авторами по годовым сводкам облисполкома)³.

По мере освобождения от оккупации все большую остроту приобретали проблемы восстановления сельского хозяйства региона. Немецко-фашистские оккупанты нанесли огромный ущерб сельскому хозяйству западных областей РСФСР. В регионе гитлеровцы разрушили 13 619 колхозов, из них в Смоленской области — 7 289, в Брянской — 2 930, в Калужской — 3 400; 91 совхоз, из них

¹ Корнеев А. М. Молодые партизаны Смоленщины. Изд. 2-е, испр. и доп. Смоленск, 1958. С. 8.

² Котов Л. В., Шуляков В. А. Трудовой вклад жителей Смоленщины во всенародную помощь фронту. С. 103.

³ Там же. С. 110.

Глава 1
КРЕСТЬЯНСТВО
ЗАПАДНЫХ
ОБЛАСТЕЙ РСФСР
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ВОЙНЫ

Село Ульяново
Орловской области
после освобождения.
1943 г. ГАДНИКО.
Ф. П-7607. Оп. 5.
Д. 3391 (часть 2)

в Смоленской области — 49, в Брянской — 23, в Калужской — 19; 186 МТС, из них в Смоленской области 92, в Брянской — 47, в Калужской — 47 МТС¹.

На оккупированной территории Смоленской области гитлеровцы только в колхозах уничтожили свыше 256 тыс. различных построек, 670 тыс. сельскохозяйственных машин и орудий. В селах и деревнях Брянщины гитлеровцы уничтожили 32 042 хозяйственно-производственных постройки, 3 119 культурно-бытовых здания.

Существенный ущерб немецкие оккупанты нанесли общественному животноводству региона. Так, из Калужской области немецкие оккупанты угнали 111 тыс. лошадей, более 50 тыс. голов крупного рогатого скота, 30 тыс. овец, 27 тыс. свиней и истребили все поголовье птицы; из Смоленской области угнали 266 тыс. лошадей, 330 тыс. голов крупного рогатого скота, 351 тыс. свиней, 678 тыс. овец и коз, более 3,5 млн голов птицы.

Особенно сильно от боевых действий пострадали посевные площади региона. Из севооборота были выведены сотни тысяч гектаров плодородных земель. Так, к концу 1945 года посевные площади в колхозах Смоленской области составляли 52%, урожайность

¹ Писаренко И. С. Тыл Калужской области в годы Великой Отечественной войны: (Монографическое исследование). Калуга, 1998. С. 118. Очерки истории Смоленской организации КПСС. М., 1985. С. 290. История Брянского края. XX век. Брянск. 2003. С. 259–289.

*ИСТОРИЯ
КРЕСТЬЯНСТВА
ЗАПАДНОГО
РЕГИОНА РОССИИ*

70-летний колхозник
Иван Харитонович
Сухарев с внуками
Леней и Колей
у разрушенного
дома после налета
фашистской авиации
(после отступления
гитлеровцев, которые
сожгли и разбомбили
деревню). Фотохро-
ника ТАСС. Деревня
Сопово Ульяновского
района Орловской
области. 1943 г.
ГАДНИКО.
Ф. П-7607. Оп. 5.
Д. 4803

Толя Фролов
(6—7 лет) у своего
разрушенного после
налета немецкой
авиации дома.
Село Ульяново
Орловской области.
Июль 1943 г.
ГАДНИКО.
Ф. П-7607. Оп. 5.
Д. 4804

Глава 1
КРЕСТЬЯНСТВО
ЗАПАДНЫХ
ОБЛАСТЕЙ РСФСР
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ВОЙНЫ

Выступление жи-
тельницы д. Поляны
на митинге перед
бойцами, освободив-
шими Ульяновский
район Орловской
области, с рассказом
об ужасах оккупа-
ции. 1943 г.
ГАДНИКО.
Ф. П-7607. Оп. 5.
Д. 6289

полей—80%, поголовье крупного рогатого скота—51,9%, лошадей—20,6% к довоенному уровню.

Переживаемые трудности оказывали серьезное влияние на политическую обстановку в крестьянской среде.

Политические настроения крестьянства вписывались в общую атмосферу жизни страны послевоенных лет. Определяющим фактором в этой сфере стало обострение альтернативы общественного развития.

С одной стороны, война, подвергшая жестокому испытанию как реальные, так и мнимые завоевания социализма, обострила потребность поворота к реализму в осмыслении действительности, в политике. Определенная часть общества стала всерьез задумываться над проблемами текущего развития, над судьбами социализма в стране. В такой обстановке зрело понимание необходимости перемен. Победители, фронтовики, прошедшие по странам Европы, вернулись домой, на многое уже смотрели другими глазами, они остро реагировали на болевые точки действительности и прежде всего на основной вопрос послепобедных дней: как жить дальше?

В этой связи представляет интерес изучение настроений репатриированных советских граждан. О масштабах репатриации можно судить

по следующим данным: оккупантами было вывезено в Германию из Брянской области — 160 тыс. человек, из Калужской — 213 тыс., из Смоленской — 81682. К 1946 году вернулось в Калужскую область — 150 009 человек, в Брянскую — 108 713 человек (на 1 сентября 1946 года). В среднем около 60% репатриантов были трудоспособные, большая часть их поселялась в сельской местности¹.

Изучение настроений этой категории граждан стало возможным в последнее время, когда исследователям стали доступны так называемые фильтрационные дела².

Проверочно-фильтрационные документы на граждан стали составляться в конце войны. Возвращавшиеся на Родину насильственно вывезенные и оказавшиеся за границей по другим причинам советские граждане подлежали строгому учету и проверке. Для этого в соответствии с постановлением ГКО от 24 августа 1944 года была создана система проверочно-фильтрационных пунктов. Проверочно-фильтрационные пункты начали прием репатриантов с 4 сентября 1944 года. В октябре-декабре 1944 года в составе ряда фронтов были сформированы сборные и сборно-пересылочные пункты и лагеря, которые собирали репатриантов, оказывали им медицинскую и материальную помощь, проводили политическую работу и переправляли на Родину. Армейские сборно-пересылочные пункты занимались в основном бывшими военнопленными, фронтовые — гражданскими лицами. Всего вдоль границы СССР действовало 15 проверочно-фильтрационных пунктов НКВД и 35 сборно-пересылочных пунктов НКО. По месту жительства репатрианты учитывались и проверялись местными проверочно-фильтрационными комиссиями.

---

¹ Полян П. Жертвы двух диктатур. М., 2002. С. 560, 735. По Калужской области автор приводит цифру о количестве угнанных — 10 974. Мы приводим цифру из списка отдела пропаганды ЦК ВКП(б) в адрес Г. М. Маленкова — 213 тыс., представляющую более достоверной (Советская жизнь. 1945–1953 / сост. Е. Ю. Зубкова, Л. П. Кошелева, Г. А. Кузнецова, А. И. Минюк, Л. А. Роговая. М., 2003. С. 368).

² Фонд фильтрационных и трофейных материалов на репатрированных и бывших военнопленных из числа советских граждан (г. Калуга, Калужская область) был сформирован в итоге передачи Управлением ФСБ по Калужской области в областной госархив на основании указания министра безопасности Российской Федерации и председателя Роскомархива от 3 февраля 1992 г. 16 882 дела (см. Молодова И. Ю. Проверочно-фильтрационные дела в ГАДНИКО // Отечественные архивы, 2003. № 1. С. 49–56).

Для изучения политических настроений репатриантов, выявления обстоятельств угона их в Германию особый интерес представляют протоколы допросов, сопутствующая переписка, которая велась при оперативной разработке. В справках, поступивших в центральные органы с мест, чаще всего именно с настроениями репатриантов связывалось недовольство населения политикой Советского государства, распространение слухов о скором роспуске колхозов. «Недовольство заносит население, возвращенное из Германии, клеветой на колхозы», — сообщалось в справке, адресованной в Калужской обком¹.

Между тем настроения недовольства порождались зачастую грубостью, невниманием местных властей к нуждам возвратившихся из-за границы, нуждой, порожденной военной разрухой.

«Большинство репатриированных, — отмечалось в документе ЦК ВКП(б), — стремится возможно включиться в трудовую и общественную жизнь на благо Родины». Однако местные власти зачастую занимали настороженную позицию. Проверки, проведенные в 1945 году, показали, что отдельные партийные и советские работники Брянской, Смоленской, Калужской и других областей считают всех репатриированных врагами советской власти. В большинстве приемно-распределительных пунктов не велась никакая работа с репатриированными: «На приемно-распределительном пункте в г. Сухиничи Калужской области общежитие для репатриированных отсутствует; нет столовой, репатриированные никакого питания не получают за исключением 500 г хлеба в день». Председатель Брасовского райисполкома Брянской области Столяров, — сообщалось в документе, — на вопрос, как используются средства, отпущенные государством для оказания помощи нуждающимся репатриированным, ответил: «Давать-то им жалко, не стоят они этого». Немало сложностей было связано с трудоустройством, обеспечением жилищем (значительная часть вернувшихся вынуждена была проживать в землянках).

В такой обстановке особое раздражение властей вызывали рассказы некоторых репатриантов, содержащие хвалебные отзывы о пребывании в Германии. О таких высказываниях сообщалось в информационных справках, адресованных высшим органам власти. Приведем некоторые из них: приехавшие в Рославльский район Смоленской области из Пруссии Борькина Д. и Шумилина М. рассказывают односельчанам: «В Германии мы жили в несколько раз лучше, чем здесь. Крестьяне живут в Германии хорошо, одеваются

¹ ГАДНИКО. Ф. 55. Оп. 8. Д. 67. Л. 86. Д. 151. Л. 68.

так же, как и в городе, разницы между городом и деревней нет». Прибывшие из Германии в Людиновский район Калужской области рассказывали: «Германия и ее порядки произвели на нас очень хорошее впечатление. Дом самого обыкновенного крестьянина хорошо благоустроен: электрическое освещение, отопление, прекрасная мебель. У нас такие дома редко встречаются только у наиболее интеллигентных людей. Немцы слишком культурные. Работать у помещика было нетрудно и питание очень хорошее». Колхозники из сельхозартели «Авангард» Жиздринского района, прибывшие из Берлина, говорили: «Зачем Гитлер шел за нашими дерюгами, когда у них в Германии всего довольно?»

Восхваление хуторской кулацкой жизни и агитация против колхозного строя наблюдались среди советских граждан, увезенных немцами в Прибалтику. Гражданка Звягинцева из Хвастовичского района Калужской области рассказывала своим соседям: «Все крестьяне в Литве живут хорошо, самые бедные имеют по 5—4 голов рогатого скота, по две лошади. Колхозов там нет. Отношение немцев было хорошее, и нас не трогали». Кондрашкин Ф. Г., проживший полтора года в Литве, говорил что «там жизнь у крестьян-хуторян хорошая. В Литве нет колхозов, крестьяне сами себе хозяева. Сейчас вот приехали домой и опять придется мучиться, работать только на колхозы». Колхозница Максименкова, прибывшая в Людиновский район, заявляет: «Война закончилась, и теперь не должно быть колхозов. Наши солдаты воевали за то, чтобы не было колхозов»¹.

О росте политической активности крестьянства можно судить по вопросам, которые задавались агитаторам, проводившим предвыборную агитацию на селе. Среди них — вопросы о международном положении СССР, политическом строе в зарубежных странах, перспективах развития страны, улучшении материального положения.

В ряде случаев звучали вопросы о судьбе колхозов: якобы вопрос о роспуске колхозов был решен на конференции в Сан-Франциско. Лектору, выступавшему перед крестьянами Тарусского района Калужской области, был задан вопрос: «Почему от колхозников скрывается решение Крымской конференции о роспуске колхозов?» В Кировском районе Калужской области имели место факты, когда крестьяне прятали присвоенное колхозное имущество в ожидании скорой ликвидации колхозов².

¹ Советская жизнь. 1945–1953. С. 374.

² ГАДНИКО. Ф. 55. Оп. 8. Д. 67. Л. 43.

*Глава 1
КРЕСТЬЯНСТВО
ЗАПАДНЫХ
ОБЛАСТЕЙ РСФСР
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ВОЙНЫ*

*Весенняя пахота.
Плуг тянут женщины. Фото было опубликовано в газете «Правда» в 1943 и 1985 гг. Юхновский район Смоленской области. 1943 г.
ГАДНИКО.
Ф. П-7607. Оп. 5.
Д. 6290*

Однако было бы необоснованным представлять общественные настроения в послевоенной деревне как непрерывно нарастающий вал недовольства, вызванного материальными бедствиями, злоупотреблениями власти, сохранением колхозов и т.п. Трудности и испытания войны, послевоенная разруха не породили в народе уныния, упаднических настроений. Люди были готовы работать с удвоенной энергией во имя лучшей жизни. В условиях выживания крестьянство возрождало элементы общинного устройства, как это бывало и ранее в кризисные моменты. Многие вопросы разрешались на сходах, возрождались традиции взаимопомощи («складчины», «помочи»), христианские празднования. Целыми деревнями праздновали возвращение демобилизованных с войны.

Чтобы оценить величие трудового подвига крестьянства послевоенных лет, следует иметь в виду исходный уровень, с которого началось восстановление сельского хозяйства. Западные области РСФСР оказались в наиболее тяжелом положении: оккупация здесь длилась во многих районах более двух лет, дважды по их территории прошла линия фронта: в начале войны в период отхода советских войск, а затем — в ходе наступления.

В создавшейся обстановке существовала потребность и возможность опереться на инициативу, трудовой подъем деревни, чтобы отказаться от чрезвычайных мер, вызванных войной, не оправдавших себя и в послевоенные годы, перестроить на новых началах

Колхозница
освобожденного
от оккупации колхоза
«Путь коммунаров»
Н.И. Митенькова
копнит сжатую рожь.
Дзержинский район
Смоленской области.
Август 1943 г.
ГАДНИКО.
Ф. П-7607. Оп. 3.
Д. 604

взаимоотношения между государством и колхозами. Однако такого поворота не произошло. С первых шагов стала воссоздаваться колхозная система, сложившаяся к концу 1930-х годов, причем методы восстановления несли в себе отпечаток военных лет.

В первые посевные кампании остро встала проблема посевных площадей. Необходимо было в короткие сроки развернуть огромную по масштабам работу по разминированию полей. К проведению этих работ были привлечены военные специалисты, однако избежать людских потерь не удалось. О масштабах этой работы и потерях можно судить по справке, представленной в Калужский обком в мае 1945 года. За два месяца (апрель—май) только в Брятинском районе было разминировано 12 581 га полей, извлечено и уничтожено 25 тыс. мин. Остались неразминированными 21 500 га. При разминировании в Высокиничском районе погибло 11 человек, Юхновском — 16, в Спас-Деменском — 74 человека получили травмы или погибли, в Износковском — 22 человека. Всего до января 1947 года по области была разминирована площадь 1,3 млн га, уничтожено 4 638 264 взрывоопасных единиц¹.

Тем не менее крестьянство прилагало максимум усилий, чтобы расширить посевы в первую послевоенную весеннюю кампанию. Из-за нехватки лошадей во многих хозяйствах для вспашки

¹ ГАДНИКО. Ф. 55. Оп. 8. Д. 172. Л. 1, 3, 6, 18, 23, 40. Д. 208. Л. 82.

Сверхплановый хлеб
в фонд Красной
армии. Фото из
фондов РГАКФД.
ГАДНИКО.
Ф. П-7607. Оп. 5.
Д. 909

использовали коров. Из Сухиничского района Калужской области сообщали: «Привлечено к работе 800 голов крупного рогатого скота колхозов, кроме того, будут использованы 1400 коров колхозников». Остро сказывались нехватка тракторов, тягловой силы. В Калужской области парк тракторов составил в 1944 году 55,6 % довоенного, причем большая часть машин нуждалась в ремонте. Количество лошадей составило в Смоленской области 20,6 %, Калужской — 22,3 % довоенного. В 1945 году в Брянской области было 71 «безлошадных колхозов», в Смоленской — 28, Калужской — 23¹. Высоким был процент падежа лошадей из-за истощения (до 20—30 % поголовья в год).

В первые послевоенные годы большую роль в восстановлении колхозного производства играла государственная поддержка. В соответствии с Постановлением ГКО от 09.03.1945 в хозяйства районов, подвергшихся оккупации, был направлен трофейный крупный рогатый скот, лошади (в мае 1945 года колхозы Калужской области получили 15 тыс. голов крупного рогатого скота, 6 тыс. лошадей).

В МТС Смоленской области после освобождения от оккупации до 1945 года было направлено 766 тракторов, 4 тыс. сельхозмашин,

¹ ГАДНИКО. Ф. 55. Оп. 8. Д. 66. Л. 113, 119, 121; История крестьянства СССР... Т. 4. С. 25—36.

Колхозники осво-
божденного колхоза
«Заветы Ильича»
Сухиничского района
Смоленской области
за уборкой урожая.
Фото И. Шагина.

Из фондов
РГАКФД. 1943 г.
ГАДНИКО.
Ф. П-7607. Оп. 5.
Д. 4813

3 млн пудов семян, 120 тыс. голов скота. Брянская область получила 525 тракторов, 399 комбайнов, 50 тыс. голов скота¹.

На местах организовывались кампании «братской помощи» наиболее пострадавшим селам со стороны соседних хозяйств. Так, в период уборочной кампании 1944 года колхозы Бабынинского района Калужской области направили пострадавшим от войны хозяйствам Мосальского района 50 лошадей, 400 голов крупного рогатого скота, 300 овец, 1000 голов птиц, 25 плугов, 50 борон, 10 повозок, 180 пудов картофеля. В период сельскохозяйственных кампаний на помощь селу мобилизовались городские работники, которым устанавливалась норма выработки: 40—50 трудодней для взрослых, 20—30 трудодней для учащихся².

Серьезным испытанием для крестьян было отсутствие жилья. Большое количество семей вынуждены были проживать в землянках. Только в 5 районах Калужской области (Жиздринский, Хвостовичский, Ульяновский, Куйбышевский, Спас-Деменский) в землянках проживало 7752 семей. В ноябре 1945 года был объявлен месячник по строительству домов колхозников. На 10 ноября было построено 6003 дома, что составляло 49,6% от плана³.

¹ Попов Д. М. Пять лет со дня освобождения Смоленской области от немецко-фашистских захватчиков. Смоленск, 1948. С. 33. Очерки истории Брянской организации КПСС. С. 279.

² ГАДНИКО. Ф. 55. Оп. 8. Д. 1. Л. 22, 49.

³ Там же. Д. 75, 84. Л. 223.

Глава 1
КРЕСТЬЯНСТВО
ЗАПАДНЫХ
ОБЛАСТЕЙ РСФСР
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ВОЙНЫ

Вывоз первого
после освобождения
от оккупации
хлеба на обмолот.
Фото И. Шагина.
Сухиничский район
Смоленской области.
1943 г.
ГАДНИКО.
Ф. П-7607. Оп. 5.
Д. 4814

В тяжелом положении оказалась сельская школа. Из Юхновского района сообщали: из 41 школы 21 не имеет помещения. Из 126 учителей, работавших в школе, только 5 имеют высшее образование, 20 — среднее. В октябре 1945 года «Учительская газета» опубликовала статью, в которой отмечалось: «Крайне запущенное положение со школой в Калужской области». Школьные здания передавались ведомствам (так, школьное здание поселка Красный Городок было сдано под дом отдыха для кустарей). Сказывалась острая нехватка учителей. В целом по области не хватало 1500 учителей. Учителя не шли на работу в школу из-за низкой оплаты¹.

В феврале 1945 года участники Калужской областной партийной конференции обращались к Г. К. Жукову с просьбой оказать помощь области. В письме отмечалось, что 40 тыс. колхозных дворов в области не имеют крупного рогатого скота, 110 колхозов не имеют ни озимого, ни ярового посевов. В ответ было принято решение ГКО (по-видимому, не без участия Г. К. Жукова) о выделении 15 тыс. голов крупного рогатого скота из районов действия I Белорусского фронта. Калужане просили Жукова содействовать реализации этого решения².

В июле 1944 года в «Правде» было опубликовано постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «Об уборке урожая и заготовок

¹ ГАДНИКО. Ф. 55. Оп. 8. Д. 154. Л. 6–8.

² Там же. Д. 93. Л. 6.

с/х продуктов в 1944 г.». Бюро Калужского обкома¹, реализуя его, приняло собственное постановление, в котором детализировало реализацию поставленных задач вплоть до использования коров колхозников на транспортных работах в колхозах. Предполагалась мобилизация рабочей силы из городов: каждый мобилизованный должен был выработать 40—50 трудодней в колхозе, 50—60 дневных норм в совхозе, учащимся — 20—30 трудодней². Для контроля за выполнением решений в районы были командированы члены обкома. В сообщениях, поступающих от них, сообщалось о неудовлетворительном ходе уборочной кампании. 25 августа 1944 года бюро обкома вынуждено было признать ход уборочной кампании неудовлетворительным, так как было скошено всего 59% посевов, обмолочено — 19,4%³.

Тем не менее I Областная партийная конференция в январе 1945 года констатировала, что «с планом заготовок справились»: планировалось собрать 63 894 т, а собрали 65 986 т (103,2%). При этом не учитывали факт, что ранее принятый план составлял 71 813 т⁴.

В районах, освобожденных от оккупации осенью 1943 года, к восстановлению хозяйства приступили только в 1944 году. Освоение земель вызывало затруднения. Так, в Спас-Деменском районе к посадке картофеля смогли приступить только 44 колхоза из 98, было посажено только 534 га, в то время как до войны в районе засаживали 2521 га. Картофеля для посадки не хватало. План сбора урожая не мог быть выполнен. Райком принял решение не выдавать картофель на трудодни, чтобы увеличить госпоставки⁵.

На пленуме обкома в январе 1946 года отмечалось, что область отстает по подготовке к севу по сравнению с предыдущим годом, слабо идет ремонт тракторов, ощущается нехватка семян.

Конечно, статистические данные отчетов не всегда отражали реальное положение дел, однако это не уменьшает значения трудового подвига крестьянства в тяжелейшие военные годы.

---

¹ Калужская область была образована 5 июля 1944 г. В ее состав вошли 13 районов Смоленской области, шесть — Тульской и по четыре района Московской и Орловской областей.

² ГАДНИКО. Ф. 55. Оп. 8. Д. 1. Л. 16, 23.

³ Там же. Л. 74.

⁴ Там же. Д. 66. Л. 88.

⁵ Там же. Д. 160. Л. 1.

Глава 2. **НАСТРОЕНИЯ ЗАПАДНОРУССКОГО КРЕСТЬЯНСТВА В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ**

С окончанием войны, возвращением к мирной жизни в сознании крестьянства — вчерашних фронтовиков, репатриированных, тружеников тыла — произошли значительные изменения. На первый план выдвинулось осмысление пережитого и попытки представить мирное будущее. Война с ее тревогами, не очень располагавшая к таким размышлениям, когда человек жил в рамках «короткой перспективы» — от атаки к атаке, в постоянной опасности, уходила в прошлое. Мысли о мире, бывшие до этого лишь мечтами, обрели реальность, но реальность противоречивую. С одной стороны, как об этом неоднократно говорили с трибун и писали в газетах, людей убеждали, что победа продемонстрировала «силу и жизненность советского строя» — превосходство основанного на колхозном строе сельского хозяйства СССР над сельским хозяйством стран гитлеровской коалиции и т.п. Провозглашалась незыблемость экономического и политического порядка в стране. С другой стороны, усталость после тягот и потерь войны, осознание той безмерной цены, которой была достигнута победа, подсознательная уверенность, что власть в долгу перед народом, сформировали в западнорусской деревне и обществе в целом комплекс ожиданий смягчения режима. Особенно остро эти надежды проявились в первые два-три послевоенных года. То, что они не вписывались в «стратегический курс» развития страны, исходивший во многом из предвоенных ориентиров, заставляло верхи пристально изучать общественные настроения.

Исследователи неоднократно отмечали, что проблема общественных настроений в послевоенные годы (и вообще в советскую эпоху)

Общий вид с. Вот-
кино Хвастовичского
района Калужской
области после Вели-
кой Отечественной
войны.
ГАДНИКО.
Ф. П-7607. Оп. 5.
Д. 7485

является одной из узловых, центральных для понимания всей системы взаимоотношений между властью и обществом, реакции населения на политику. Действительно, глазами «простого человека» политика и политики, власть предстают зачастую совсем иными, чем согласно официальным оценкам.

В сталинском обществе запрет на неуправляемое властью обсуждение злободневных тем вытеснил значительную часть «работы» над ними общественного сознания из сферы мнений в область неафишируемых социальных практик. Поэтому анализ умонастроений деревни, т.е. слухов, высказываний, предложений, вопросов, стереотипов восприятия и мышления является еще и предпосылкой изучения вопроса об их соответствии поведению крестьянства, о развитии взаимоотношений с властью в послевоенные годы.

Представляется актуальным выяснить особенности формирования наиболее актуальных для западнорусской деревни комплексов общественных настроений первых послевоенных лет — размышлений крестьян о будущем колхозного строя, о кормилице-земле, об увиденном в странах Европы и переменах к лучшей жизни в СССР, об угрозе новой войны.

2.1. Слухи о роспуске колхозов

Взаимоотношения власти и советского общества невозможно понять без исследования механизма неформальной коммуникации. Анализ слухов, настроений, «разговоров запросто» советских людей, предпринятый Е. Ю. Зубковой, С. А. Шинкаруком, Ю. В. Аксютиным, Е. Ф. Кринко, В. А. Пянкевичем, Е. И. Козновой и другими исследователями, показывает, что даже в сталинскую эпоху общество имело свой мир мнений, с которым власть вынуждена была считаться. Трудностью является выяснение причин появления слухов и продолжительности их циркуляции, приблизиться к пониманию которых можно, анализируя изменения контекста неформальной коммуникации.

Примером действия механизма неформальной коммуникации можно считать циркуляцию в западнорусской деревне слухов о роспуске колхозов. Изучение их контекста показывает, что масштаб и продолжительность распространения антиколхозных слухов находились в прямой зависимости от способности власти поддерживать базовые устои советского и колхозного строя и концентрации усилий крестьянства на адаптации к ним. Сбои этой способности в чрезвычайных обстоятельствах ослабляли «социальный иммунитет» крестьянства к колхозам¹ и переводили латентные социальные ожидания деревни в форму открытого брожения.

Уже в довоенные годы и власти, и крестьянству было понятно, что вопреки усилиям государства колхозный строй в значительной мере адаптирован крестьянством к своим потребностям. 27 мая 1939 года ЦК ВКП(б) принял постановление «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания»², заостренное против накопленного деревней иммунитета к колхозным порядкам. Заботы о выживании в колхозах не способствовали появлению массовых всплесков антиколхозных слухов. Захват гитлеровцами ряда

---

¹ Более подробно о концепции социального иммунитета см.: *Осокина Е. А.* О социальном иммунитете, или критический взгляд на концепцию пассивного (повседневного) сопротивления // История сталинизма: итоги и проблемы изучения. Материалы международной научной конференции. Москва, 5–7 декабря 2008 г. М., 2011. С. 387–406. *Кометчиков И. В.* Традиция якутальства как грань «социального иммунитета» калужской деревни и борьба с ней в 1930-е — начале 1960-х гг. // Антропологический форум. 2014. № 20. С. 240–340.

² КПСС в резолюциях. Т. 7. С. 109–115.

западных областей РСФСР и начало реализации своей аграрной политики привели к подрыву колхозного строя на оккупированных территориях, хотя в начальный период войны оккупанты устраивали его сохранение как «оптимального аграрного придатка тыловых служб вермахта». Будучи дезориентированными посулами «земли и воли», большинство крестьян в конце 1941 года заняло «выжидательную позицию» и считало лучшим возврат к единоличному хозяйству. С начала 1942 года немцы обещали крестьянам замену колхозов «частнособственническими крестьянскими хозяйствами»¹, однако после начатых аграрных преобразований землепользование и порядок распределения урожая отличались большой пестротой². Несмотря на то что к лету 1942 года «крестьяне поняли, что немцы — не друзья им», оккупация оживила «частнособственническую психологию» крестьянства и нежелание возвращения колхозов³, соседствовавшие с широкой поддержкой партизан и верой в победу Красной армии⁴.

Из-за неопределенности и развала колхозных порядков на оккупированной территории усилилось выделение хуторов и малодворных поселков. В Смоленской области после войны насчитывалось 4 721 хуторское хозяйство, причем в ряде районов переселение на хутора продолжалось и после освобождения от оккупации. В Брянской области было 201 хуторское хозяйство и 177 мелких поселков, включавших 1 229 дворов. На труднодоступном участке колхоза «Красное Полужье» Выгоничского района площадью 365 га в 1941–1948 годах беспланово расселилось 224 хозяйства не членов колхоза, которые не привлекались к уплате сельхозналога и обязательных поставок, не работали в колхозе, хотя каждое из хозяйств в среднем пользовалось 1,5 га колхозной земли. Колхоз за эту площадь ежегодно сдавал государству 11 тонн зерна⁵.

В советском тылу колхозный строй испытывал деформации, связанные с повышением роли личного хозяйства в обеспечении семей колхозников всем необходимым. Если в 1940 году поступления от колхозов

---

¹ Ковалев Б. Н. Коллаборационизм в России 1941–1945 гг.: типы и формы. Великий Новгород, 2009. С. 103–104, 108.

² Там же. С. 113.

³ Там же. С. 116–117.

⁴ Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны: «коммуникация убеждения» и мобилизационные механизмы / авт.-сост. А. Я. Лившин, И. Б. Орлов. М., 2007. С. 630, 631.

⁵ РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 766. Л. 309. ГАБО. Ф. Р-2224. Оп. 1. Д. 6. Л. 231–233, 375. Ф. Р-6. Оп. 3. Д. 232. Л. 175.

в приходной части баланса денежных доходов и расходов сельскохозяйственного населения составляли 16%, а выручка от продажи продуктов на колхозном рынке—32,4%, то в 1943 году—4,3 и 76,7% соответственно¹. Государство вынуждено мирилось с оживлением частной крестьянской инициативы ради увеличения производства столь необходимого продовольствия. За время войны в колхозах западно-русских областей выработка трудодней либо незначительно сократилась, либо возросла, а выдачи на них продуктов и денег существенно снизились. Если в 1940 году выдачи зерна на трудодни колхозному двору в Калининской области составили 8,8 ц, то в 1943 году—6,1, картофеля—14,1 и 4,1 ц, денег—224 и 634 руб., в Орловской—8,1 и 2, 4 ц зерна, 17,8 и 0,8 ц картофеля, 188 и 22 руб., в Смоленской области—6, 7 и 3,3 ц зерна, 15,5 и 0,7 ц картофеля, 154 и 857 руб. соответственно. Увеличение выдачи денег скорее объяснялось инфляцией, а не ростом доходности общественного хозяйства: в Орловской области в 1940 году выдача денег в расчете на один двор составила в среднем 33,0% денежных доходов колхоза, а в 1943 году—6,6%, в Смоленской области—24,5 и 19,8% соответственно².

Вполне понятно, что в условиях общего разорения, упадка общественного хозяйства, роста налогов и добровольных взносов с личных подворий (за 1940—1945 годы—почти в пять раз³) крестьяне больше полагались на свои подворья. «Единоличная жизнь» на время притупила социальный иммунитет к колхозному строю и спровоцировала всплеск ожиданий его ликвидации в недалеком будущем.

Упоминания о том, что население оккупированных областей постоянно высказывало мысль «как бы что другое, а не колхоз», встречаются в донесениях партизан в 1942 году. Некоторые советские пропагандисты по собственной инициативе говорили людям, что «после войны колхозов не будет, если разобьем немца, народу послабление выйдет»⁴. Следя за редко доходящей и зачастую противоречивой информацией о контактах СССР со странами Запада, массовое сознание связывает с союзниками надежду на ликвидацию колхозов. В августе 1942 года в прифронтовом Юхновском

¹ Подсчитано: Советская повседневность и массовое сознание. 1939–1945 / сост. А. Я. Лившин, И. Б. Орлов. М., 2003. С. 227.

² РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 910. Л. 45, 49.

³ Подсчитано: Советская повседневность и массовое сознание. С. 234.

⁴ Ковалев Б. Н. Нацистская оккупация и коллаборационизм в России. 1941–1944. М., 2004. С. 208.

районе Смоленской области РО НКВД направил секретарю райкома ВКП(б) информацию о «провокационных слухах и панике» в колхозах, распространяемые даже низовыми работниками. В Упрямовском сельсовете единоличница говорила: «В Москву приехали представители из Америки и Англии и сказали, что они начнут помогать Советскому Союзу воевать против немцев тогда, когда Советское правительство распустит колхозы»¹. Вопрос о том, что «Англия и Америка предложили нам ликвидировать колхозы», регулярно встречается в 1943—1944 годах в сводках о настроениях населения Смоленской области². В Жиздринском районе в апреле 1945 года председатель одного из колхозов судачил о том, что «колхозы разваливаются» и «возможно, коммунистов будут убивать и мучить. Это заставит делать Англия, Америка...»³.

Если освобождение деревни в целом воспринимала восторженно, то на восстановление колхозного строя, системы повинностей она нередко реагировала отрицательно⁴. В Сычевском районе Смоленской области в августе 1943 года «масса колхозников» протестовала против обобществления зерновых культур на полях и приусадебных участках. На собраниях районному активу заявляли: «Немцы по-вашему были плохие, а нам помогали жить, мы при помощи немцев посеяли себе пайки, а вы теперь пришли их отобрать, чтобы оставить нас голодными. Пусть возьмут с нас какие угодно налоги, только не обобществляют посевов»⁵. В колхозе «Крепи оборону» Стодолищенского района посевы ржи не обобществляли до июля 1944 года. На посвященном этому собрании одна из колхозниц заявила: «Коммунисты и жида продали Россию, в начале войны они первыми начали бежать с фронта, а на них глядя и наши мужья бежали к нам. Работавших на немцев вешать не надо, мы все на них работали. Обобществлять рожь не нужно, в одиночку мы уберем рожь, а в колхозе ее сгноят»⁶. Житель д. Стайки Спас-Деменского района Калужской области заявлял в конце 1945 года: «При немцах мы жили хорошо. У меня был участок земли, который обрабатывал

¹ ГАДНИКО. Ф. 53. Оп. 2. Д. 50. Л. 49–50.

² ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1195. Л. 31 об. Д. 1500. Л. 86. ГАДНИКО. Ф. 55. Оп. 8. Д. 13. Л. 11.

³ ГАДНИКО. Ф. П-50. Оп. 2. Д. 79. Л. 11.

⁴ Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны. С. 709.

⁵ ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1195. Л. 88 и об.

⁶ Там же. Д. 1500. Л. 40.

для себя. За два года при немцах я запас себе хлеба на четыре года, а сейчас опять эти колхозы, гонят людей на работу, как батраков...»¹.

При том, что, судя по отчетам о настроениях населения, большинство видело в выполнении повинностей перед государством залог скорейшей победы, патриотический подъем отнюдь не исключал недовольства по поводу возобновления сбора налогов и поставок продовольствия, подписки на займы. Весной 1944 года при размещении военного займа в Смоленской области колхозница колхоза «Боевой ударник» заявила на собрании: «Во время оккупации немцы стояли перед нами с ногайками, обобрали догола. Теперь, когда нас освободили, дай им то и другое. Разницы нет никакой: с колхозников и сейчас дерут все». Житель Боровского сельсовета сказал уполномоченному райкома ВКП(б) по займу: «Немцы стояли в нашей деревне два года и займа не проводили. Не успели прийти коммунисты, как появился заем и уже давай им деньги»².

Не всегда находили отклик и призывы к трудовому героизму на вновь обобществленной земле. В колхозе им. Молотова Стодолиценского района в июле 1944 года присутствовавшие на собрании поддержали колхозницу, обратившуюся с призывом саботировать пахоту лопатами: «За лошадей мы не можем работать, я буду три дня копать, а три дня болеть, от работы лошадидохнут...» Ее поддержала другая, заявившая: «Работать за лошадей не буду, мой муж погиб, довоевался. Воевал-воевал, а жене лопату завоевал». На собрании в колхозе «Красная горка» из зала была брошена реплика, что «лучше бы отдали коров немцам, чем сейчас заставляют пахать на них»³.

Фоном, подпитывавшим подобные настроения, являлись многократно усиленные войной тяготы повседневной жизни. Они прорывались не только в разговорах, но и в письмах родственникам и друзьям, регулярно фигурировали в материалах военной цензуры. Только за один месяц лета 1943 года было отмечено 8 345 сообщений о тяжелейшем продовольственном положении населения Смоленской области⁴. В течение первого квартала 1945 года в потоке

¹ ГАДНИКО. Ф. 55. Оп. 8. Д. 265. Л. 15.

² ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1500. Л. 22.

³ Там же. Д. 1500. Л. 40.

⁴ ...Все судьбы в единую слиты... По рассекреченным архивным документам. К 60-летию освобождения Смоленщины от немецко-фашистских захватчиков / Авт.-сост. Н. Г. Емельянова, А. М. Дедкова, О. В. Виноградова, Г. В. Гаврилова, В. А. Кононов. Смоленск, 2003. С. 43, 44.

писем населения области органами госбезопасности было выявлено 6 443 упоминаний о продовольственных затруднениях, 1977 жалоб на материально-бытовые условия, 827 сообщений об эпидемических вспышках, 346 жалоб на порядки в работе колхозов и совхозов, 330 — на налоги и поставки¹.

Восстановление колхозов после освобождения вернуло крестьянство к ситуации кануна войны и реанимировало накопленный социальный иммунитет к колхозному строю. Однако некоторое время западнорусская деревня как бы по инерции продолжала хозяйствовать в условиях подорванного колхозного строя. Только 19 сентября 1946 года выходит аналог постановления от 27 мая 1939 года — постановление «О мерах по ликвидации нарушений Устава сельхозартели в колхозах», которое поставило точку в надеждах на отмену колхозного строя и повторило атаку на разросшееся за годы войны хозяйство двора. Так, в Калининской области в 1946 году сплошной обмер 255,7 тыс. приусадебных участков колхозников и 32,4 участков рабочих и служащих выявил «расхищение» 5 737 га общественной земли². В Смоленской области «захваты» были установлены у 26,6% личных хозяйств³, в Брянской — у 21,4%⁴, в Калужской — у 26,9%⁵.

Повышение значения хозяйства колхозного двора происходило одновременно с понижением возможностей системы советской пропаганды и агитации, что также стало весомым фактором циркуляции слухов о роспуске колхозов.

Война нанесла большой ущерб основным каналам пропаганды и агитации. Стремясь обеспечить, в первую очередь, политическое информирование населения, власть сделала акцент на устное агитационно-пропагандистское воздействие и периодическую печать. Летом 1943 — осенью 1944 года выходит серия постановлений ЦК ВКП(б), направленных на улучшение политического информирования и научно-просветительной пропаганды⁶.

Однако все же поддерживать необходимое мобилизационное напряжение в условиях утраты прежнего влияния на массовое

¹ ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 821. Л. 171–172.

² Подсчитано: РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 642. Л. 28.

³ Подсчитано: там же. Л. 69.

⁴ ГАБО. Ф. Р-2201. Оп. 9. Д. 294. Л. 96.

⁵ ГАКО. Ф. Р-1626. Оп. 2. Д. 12. Л. 10.

⁶ КПСС в резолюциях. Т. 7. С. 418, 420–421, 468–473.

сознание стало гораздо сложнее. Неблагополучие в агитационно-пропагандистской и культурно-просветительной работе в освобожденных областях в начале 1944 года признало руководство Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б)¹. В пострадавшем от оккупации и боевых действий Дзержинском районе Смоленской области агитационно-пропагандистская работа возобновила почти сразу после освобождения, но райкому ВКП(б) приходилось «доставать» газеты через воинские части и уже затем «посылать чтецов» по улицам и деревням для «проведения бесед и докладов». Так как стационарная звуковая киноустановка в райцентре была испорчена немцами, «некоторое количество населения» посещало киносеансы в воинских частях. Заработавший радиоузел обслуживал около 200 радиоточек, одна из которых располагалась в парткабинете РК ВКП(б). До этого парткабинет получал сводку Совинформбюро от воинских частей, размножал ее и вывешивал около горсовета, в парткабинете и РК ВКП(б). Почти вся центральная пресса распределялась по культурно-просветительным учреждениям, партийным и советским органам. Во всем районе имелось лишь 10 газетных витрин². В освобожденных к весне 1942 года Сухиничах, Козельске, Износках, Кондрово и Думиничах кино демонстрировалось несколько раз в неделю. Не действовало большинство колхозных клубов и изб-читален. Районные клубы возобновили работу только в Козельске и Мещовске³. Все пятнадцать освобожденных к весне 1942 года районов Смоленской области получали 2,3 тыс. экз. газеты «Правда», 2,05 тыс. экз. газеты «Известия», 1,25 тыс. экз. газеты «Комсомольская правда», 5,4 тыс. экз. политических журналов. Возобновился выпуск районных газет⁴. Разовый тираж местной прессы, издававшейся в 1946 году в Брянской, Калининской, Калужской, Смоленской и Орловской областях, обеспечивал сельского жителя в среднем 0,9–0,20 экз. газет⁵. Редакции местных газет нередко допускали «политические ошибки», публикуя призывы, противоречившие директивам РК ВКП(б), делали героями публикаций тех, кого позднее

¹ Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны. С. 503–512, 513–515, 518–519.

² ГАДНИКО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 194. Л. 12, 14, 15, 24, 28.

³ ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1050. Л. 2, 4.

⁴ Там же. Л. 50, 51.

⁵ Подсчитано: ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 10. Д. 221. Л. 7, 28, 29, 48, 61. Оп. 11. Д. 332. Л. 8, 22, 23, 41, 53.

репрессировали как коллаборантов¹, и т.п. Значительная часть центральных газет оседала в городах и районных центрах и на село не попадала. Население освобожденных районов часто знакомилось с официальной информацией у газетных витрин², но их не хватало. В тяжелом положении находились культпросветучреждения. В Калужской области на 1 января 1945 года возобновили свою работу 45,1% сельских библиотек, 89,% изб-читален, 24% сельских клубов. Их материальная база была скудной, многие не имели собственных помещений. 786 изб-читален, сельских и колхозных клубов области не имели собственных киноустановок, располагали незначительным количеством инвентаря и библиотек³. В сходном положении находились культпросветучреждения Брянской, Калининской, Смоленской и Орловской областей⁴.

Слабая материальная база определяла узкий спектр мероприятий, который культпросветучреждения могли предложить населению. Массовая работа в большинстве случаев сводилась к громким читкам, беседам, организации лекций и докладов, вечеров вопросов и ответов.

В 1945 году в Калужской области было радиофицировано лишь 34 сельсовета (5%)⁵, радио почти отсутствовало в колхозах. В Калининской области радио было в 387 (35,8%) сельсоветах, в Брянской—170 (26,2%), в Орловской—52 (9%), в Смоленской области радиофицированных сельсоветов не было. Еще слабее радио было развито на селе: на 1 января 1945 года в пяти западнорусских областях насчитывалось 15 320 радиотрансляционных точек, в том числе в Брянской области—171, в Орловской—1 230, в Смоленской они отсутствовали⁶. За годы войны значительно уменьшилось количество киноустановок. В 1945 году в Брянской области насчитывалось 62 киноустановки «общего экрана», в Калининской—161, Калужской—47, Смоленской—51, Орловской—52 (в 1940 году, соответственно, 213, 324, 176, 236 и 142)⁷.

¹ ГАДНИКО. Ф. П-12. Оп. 1. Д. 180. Л. 1, 2.

² ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1050. Л. 49.

³ ГАРФ. Ф. А-534. Оп. 1. Д. 249. Л. 29 и об.

⁴ Там же. Л. 8 и об., 24, 24 об., 41, 41 об., 48, 48 об.

⁵ Подсчитано: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 11. Д. 2106. Л. 29.

⁶ Подсчитано: там же.

⁷ ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 30. Д. 3310. Л. 4–4об. Народное хозяйство РСФСР в 1956 году. Статистический ежегодник. М., 1957. С. 332, 333.

Упадок агитационно-пропагандистской работы создавал благоприятную среду для антиколхозных слухов. С новой силой они возобновились с окончанием войны, развиваясь по нескольким сюжетным линиям, производным от архетипов крестьянского массового сознания и исходивших из осмысления скупой информации об обстановке в округе, стране и мире.

С одной стороны, в слухах отчетливо просматривались ожидания нового «слушного часа», а также представление о «добром царе» и «злых боярах», скрывающих от народа «царский указ о воле» — весть о ликвидации колхозов¹. В Кардымовском районе Смоленской области осенью 1944 года при сборе подписей под ритуальным письмом Сталину в честь годовщины освобождения области был пущен слух, что подписи собираются для сохранения колхозов. В колхозе «Путь Ленина» Хиславичского района одна из колхозниц откровенно заявила, что «если мы подпишем письмо, то колхозы будут, а если не подпишем письмо, то колхозов не будет». В колхозе «Светлый путь» Ершичского района предложили «написать такое письмо товарищу Сталину, чтобы колхозы распустили в 24 часа»².

Продолжала фиксироваться и проявившаяся в годы войны тема нажима союзников по антигитлеровской коалиции на советское руководство для упразднения колхозного строя, актуальная на фоне сообщений прессы о переговорах с союзниками и ожиданий войны между СССР и Западом. Людей не смущало, что слухи не подтверждались. В Тарусском районе Калужской области на собрании, посвященном подготовке к весеннему севу 1945 года, один из присутствовавших обратился к докладчику с вопросом: «Вы нам постоянно рассказываете о необходимости усиления работы и подготовке к весеннему севу, а почему скрываете от колхозников о решениях Крымской конференции, на которой решили распустить колхозы...»³. В Кировском, Куйбышевском и Перемышльском районах крестьянство «перенесло» свое внимание уже на конференцию в Сан-Франциско, причем в последнем они начали вытесняться «вестью», что для этого собралась Потсдамская конференция⁴. В колхозе им. Сталина

¹ *Зубкова Е. Ю.* Мир мнений советского человека, 1945–1948 годы: по материалам ЦК ВКП(б) // Отечественная история. 1998. № 3. С. 29, 30. *Кознова Е. И.* XX век в социальной памяти российского крестьянства. М., 2000. С. 112.

² ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1500. Л. 82, 84.

³ ГАДНИКО. Ф. 55. Оп. 8. Д. 67. Л. 86.

⁴ Там же. Л. 43. Д. 149. Л. 82.

Болховского района Орловской области в начале 1946 года одна колхозница заявила: «Америка все равно распустит колхозы, а коммунистов всех задушит»¹. Жительница д. Яковлево Кармановского района Смоленской области распространяла среди колхозников слух о том, что «на международной конференции от товарища Молотова потребовали роспуска колхозов. Он якобы не мог один решить вопрос и с конференции ушел», но все же «колхозов скоро не будет. Правительство останется на месте, а строй будет изменен»².

Другой силой, способной «снять колхозы», считались демобилизованные. Инвалид Великой Отечественной войны из д. Рязань Дорогобужского района Смоленской области рассуждал: «Война кончилась. Будем ждать возвращения с фронта бойцов и единоличной жизни. Единолично жить лучше, чем в колхозе. Жить будет плохо только тем, кто не хочет работать, а в колхозе все живут плохо»³. Счетовод колхоза «Большевик» Каспьянского района утверждал: «Я уверен, что когда придут из Красной армии фронтовики, то весь урожай разделят по едокам, все трудодни пойдут к черту и колхозов не будет»⁴. Жена бывшего старосты д. Кошевичи Понизовского района Смоленской области утверждала: «Наши мужья — полицейские и старшины пойдут против Советского Союза и его не будет. После прохождения частей Красной армии много людей ушло в банды»⁵.

Колхозники «присматривались» к поведению местного руководства, предполагая, что ему «уж точно известно» о судьбе колхозов. Весной 1945 года в Юхновском и Бабынинском районах Калужской области слухи о ликвидации колхозов вызвала распространенная практика «самоснабжения» продовольствием районного начальства за счет сельхозартелей. «Инцидент» был истолкован в том смысле, что «взятие коров руководящими работниками не случайно, что, видимо, скоро состоится решение о роспуске колхозов, поэтому, чтобы не остаться без ничего, руководители района и забирают скот...»⁶. Курсанта военной академии, побывавшего в начале 1946 года в совхозе в Монастырщинском районе Смоленской области, поразила «антисоветская настроенность большинства рабочих своим

¹ ГАОО. Ф. П-52. Оп. 2. Д. 1079. Л. 231.

² ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1845. Л. 105.

³ Там же. Л. 108.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Л. 92.

⁶ ГАДНИКО. Ф. 55. Оп. 8. Д. 67. Л. 86.

положением и вопросом ликвидации колхозов, который они неизвестно где слышали и ждали его разрешения». На все их вопросы агроном совхоза отвечал, что «раз слух идет, видимо, вопрос разбирается». «Сигнал» об этом был направлен в «Правду» с замечанием, что подобные разговоры встречались и в других колхозах¹. Антиколхозные слухи подогревались рассказами репатриантов из стран Прибалтики и Западной Европы, наблюдавших «единоличный способ ведения хозяйства».

Спад антиколхозных слухов отмечается осенью 1946 года с началом всесоюзной кампании по реализации постановления ЦК ВКП(б) и Совета Министров СССР от 19 сентября 1946 года, подчеркнувшей несбыточность надежд на отмену колхозов. Наверх направлялись информации с примерами «всеобщей поддержки и одобрения решения партии и правительства»². Однако на реализацию постановления деревня реагировала по-разному. Большинство, решившее выжить в условиях колхозного строя, засыпало представителей власти вопросами о том, как следует понимать постановление. Других колхозников крах надежд на роспуск колхозов подтолкнул к миграции из села, самораскрестьяниванию. Неслучайно в сводке вопросов, заданных населением г. Новозыбкова и его окрестностей (Брянская область) в ходе подготовки к выборам в Верховный Совет РСФСР 1947 года, в нее был включен риторический для его многих в деревне вопрос: «Зачем нужны колхозы, ведь все равно в них толку не будет, уж поверьте нам, старикам»³.

2.2. Настроения репатриированного сельского населения

Оккупация гитлеровцами части западных областей РСФСР сопровождалась перемещением в Германию и другие занятые немцами страны Европы значительного количества советских граждан. Их репатриация, ставшая возможной с разгромом гитлеровского режима и его союзников, проводилась официальными структурами как важное политическое мероприятие. Отчеты, информации о настроениях репатриантов, сохранившиеся в архивах, свидетельствуют о серьезности,

¹ ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 96. Л. 326.

² РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 642. Л. 33.

³ ГАБО. Ф. П-1649. Оп. 1. Д. 6918. Л. 8.

с которой власти отнеслись к возвращению в родные места большого количества людей, длительное время находившихся вне советского строя. Да и сами репатрианты, жившие и работавшие в разных условиях, давали власти много поводов для тревоги. Представляется актуальным выяснить факторы, влившие на формирование спектра настроений репатриированного населения деревни Брянской, Калининской, Калужской, Орловской и Смоленской областей середины 1940-х годов.

Массовая репатриация советских граждан завершилась уже в сентябре—октябре 1945 года. В 1944 году органы репатриации возвратили в СССР 1050 398, в 1945 году — 4 514 201 советских граждан¹. На 15 июля 1945 года в Брянскую область возвратилось 69 007 чел., в Калужскую — 150 009 чел.² На 25 июля 1945 года в 19 районов Калининской области, подвергавшихся оккупации, возвратилось 12 129 чел., из которых 9 514 были направлены в сельское хозяйство³, в Смоленскую область к 20 мая 1945 года, по неполным данным, — 3024 чел.⁴. Эти людей принесли с собой жизненный опыт и базировавшиеся на пережитом настроения, часть которых власть считала «враждебными» и «антисоветскими».

Хозяйничавшая в западнорусской деревне разруха в сочетании с настойчивой податной политикой советской власти и весьма скромной по сравнению с масштабами разорения помощью государства создали благоприятные условия для проявления антиколхозных настроений. Они возникли еще в годы войны вследствие повышения роли приусадебного хозяйства и ослабления, а на значительной части оккупированной территории — и временной ликвидации колхозного строя, а также повсеместного упадка советской системы агитационно-пропагандистского воздействия. Антиколхозный настрой части репатриантов не только встраивался в раскрепощенную общественную атмосферу, но и выступал катализатором «антисоветских» настроений.

Часто антиколхозные высказывания вызывало сопоставление хозяйственных порядков в колхозах и на Западе, где была распространена хуторская система. Бывшие оstarбайтеры, в 1945 году возвратившиеся в Думиничский район Калужской области, вспоминали:

---

¹ Полян П. М. Жертвы двух диктатур. Остарбайтеры и военнопленные в Третьем рейхе и их репатриация. М., 1996. С. 283.

² Советская жизнь. С. 368.

³ ТЦДНИ. Ф. 147. Оп. 3. Д. 2885. Л. 9.

⁴ ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1845. Л. 84 об.

«Работали мы по 12 часов в день. Питание не особенно плохое. Также по карточной системе. Нам выдавали хлеба 6 фунтов в неделю, в месяц 600 г маргарина, 1 кг мяса, 2 фунта песку, 25 фунтов картофеля. А вот мы приехали домой, а теперь не знаю, что будем делать — нет у нас ни кола, ни двора, даже живем в чужой хате...»¹. Колхозник из Людиновского района, проживший полтора года в Литве, вспоминал, что «там жизнь у крестьян-хуторян хорошая. В Литве нет колхозов, крестьяне сами себе хозяева. Сейчас вот приехали домой, и опять придется мучиться, работать только на колхозы». Вернувшаяся туда же колхозница говорила: «Война закончилась, и теперь не должно быть колхозов. Наши солдаты воевали за то, чтобы не было колхозов»².

Лояльность репатриантов к советской власти, а также осмысление ими своего места в мирной жизни находились в прямой зависимости от сопоставления условий жизни и оплаты труда в Германии и на родине³. Так, среди населения, вернувшегося в Калужскую область по репатриации, «завозящим недовольство» и «клеветавшими на колхозы» сотрудники Калужского обкома ВКП(б) считали работавших на немецких военных заводах и в помещичьих хозяйствах. Содержавшиеся же в лагерях рассказывали «жуткие факты издевательств, учиняемые немцами над русским человеком»⁴.

Работники партаппарата, сотрудники госбезопасности других областей запада РСФСР также подчеркивали разный настрой угнанных насильно и добровольно уезжавших в Германию. Первые «высказывали благодарность Красной армии за свое освобождение от немецкого рабства», «много рассказывали о своем унижении, голоде и издевательствах». В отчетах неизменно утверждалось, что большинство репатриантов увозилось насильно, содержалось в лагерях, работало у хозяев, на заводах и фабриках, «возвратилось на родину без ничего и активно включаются в колхозную работу»⁵.

¹ ГАДНИКО. Ф. 55. Оп. 8. Д. 151. Л. 69.

² Советская жизнь. С. 374.

³ Существенное различие условий жизни и труда оstarбайтеров в зависимости от отрасли экономики (промышленность или сельское хозяйство) и размеров производства (крупное или мелкое) отмечается и в литературе. См. Полян П. М. Указ. соч. С. 151–152.

⁴ ГАДНИКО. Ф. 55. Оп. 8. Д. 151. Л. 71.

⁵ ТЦДНИ. Ф. 147. Оп. 3. Д. 2885. Л. 7, 14. Полян П. М. Указ. соч. С. 316.

Среди находившихся в лучших условиях бывших оstarбайтеров находились те, кто сожалел об освобождении Красной армией, высказывал намерения «вернуться обратно», уклонялся от работы в колхозах, подписки на займы. Так, жительница д. Модорово Ржевского района Калининской области говорила: «В Восточной Пруссии жить было неплохо. Я работала домработницей у одного чиновника, и со мной обращались хорошо, отпускали гулять в город, и я питалась вместе с хозяевами». Жительница д. Галахово вспоминала: «Я работала у помещика, голода никогда не видела, наоборот, только за одно лето заработала 80 пудов хлеба». Житель д. Волосково сетовал: «Мы жили роскошно, не поедали колбасу и масло, не говоря уже о других продуктах, а теперь сели снова на паек». Работавший в Германии на нефтепромыслах рассказывал: «К рабочим в Германии относились с уважением, их труд ценят, условия труда были хорошие. Работать было легко, потому что у немцев все механизировано». Высказывавшие подобные настроения часто отказывались от подписки на займы, работы в колхозах¹. Переселенные из приграничных Ленинградской области и Карело-Финской ССР в Калининскую область ингерманландцы отказывались работать в колхозах².

Столкнувшись с разрухой, отсутствием жилья, продовольствия, необходимостью много, тяжело и зачастую бесплатно работать, часть репатриированных начала сожалеть о возвращении на родину, вспоминая свою «обеспеченную жизнь» в Германии. Работавшая у немецкого помещика жительница Рославля рассказывала среди местного населения: «В Германии живут лучше, чем у нас колхозники: работают меньше, а получают больше. Если бы нас Красная армия не захватила, мы бы никогда сюда, в рабство, не поехали»³. «Восхваляла жизнь в Германии» и уроженка Знаменского района Смоленской области, работавшая там на обувной фабрике: «В Германии жить было не плохо. Мое дело — наклеивай бумажки на сапоги. Питались мы, русские, так, как никогда в России не питались. Отдыха для нас вполне хватало. На фабрике порядок образцовый, не как в колхозах. Я могла бы из Германии многое привезти, но не давали возможности». Вернувшаяся в д. Якунино Знаменского района вспоминала: «Я работала у помещицы не меньше, чем в колхозе, зато пила и ела досыта и по воскресеньям не работали. Правда, домой тянуло, а вот

¹ ТЦДНИ. Ф. 147. Оп. 3. Д. 2885. Л. 7.

² Советская жизнь. С. 372.

³ ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1845. Л. 91.

приехала, посмотрела на все — опять бы с удовольствием уехала бы в Германию»¹. В числе прибывших в Оленинский район Калининской области были и те, кто смог привезти с собой немало одежды и других вещей, заявлял на предложения пойти на работу: «Нам неплохо было в Германии, мы опять туда уедем»².

Проведение массовой репатриации 1944—1945 годов поставило в сложное положение и местные органы власти. С одной стороны, им следовало обеспечить прием, размещение и хозяйственное обустройство прибывающих, а с другой, они не были достаточно осведомлены о том, как это делать, а главное — как относиться к репатриированным. Несмотря на принятие ЦК ВКП(б) постановления от 4 августа 1945 года «Об организации политико-воспитательной работы с репатриированными советскими гражданами», посвященные репатриированным отчеты полны указаний на неблагополучие в политико-воспитательной работе³. На деле, как видно, часто брало верх, как минимум, настороженное отношение. Местная власть неохотно предоставляла репатриантам работу и оказывала материальную помощь, хотя на это централизованно выделялись определенные средства. Так, несмотря на потребность в рабочей силе, на предприятиях Людиновского района Калужской области репатриантов на работу не принимали, «ожидая присылки пленных немцев»⁴. Думиничский райисполком Калужской области израсходовал менее пятой части выделенной суммы для оказания помощи репатриантам, а в Сухиничском районе районные руководители признавались, что «не знают, кому надо оказывать помощь». Некоторые партийные и советские работники в Брянской, Смоленской, Орловской, Калужской и Калининской областях считали всех репатриированных «врагами советской власти»⁵.

Подозрительное отношение к репатриантам, проживавшим на оккупированной территории, совершившим «контрреволюционные преступления», отчетливо проявлялось в кадровой политике, особенно ее местном уровне. В Калужской области из 3 237 председателей колхозов за 1945 год было отстранено как скомпрометировавших

¹ Там же. Л. 92.

² ТЦДНИ. Ф. 147. Оп. 3. Д. 2885. Л. 14.

³ ТЦДНИ. Ф. 147. Оп. 3. Д. 2885. Л. 14, 18. ГАДНИКО. Ф. 55. Оп. 8. Д. 151. Л. 69. Д. 268. Л. 26 об. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 645. Л. 12. Советская жизнь. С. 375.

⁴ Советская жизнь. С. 371.

⁵ Там же. С. 372, 376.

себя 132 чел., а 230 (33,4%) из 688 председателей сельсоветов и 1769 председателей колхозов (54,6%) были учтены как проживавшие на оккупированной территории¹.

Органы МГБ Смоленской области регулярно информировали руководство обкома ВКП(б) о наличии на селе немалого числа лиц, «не внушавших политического доверия», но при этом занимавших руководящие должности. 4 февраля 1949 года секретарю обкома ВКП(б) В. П. Фронтасьеву была направлена докладная записка, в которой указывалось на «засоренность» учительских кадров, так как многие учителя, продолжающие работать в школах, оставались на оккупированной территории и «оказывали серьезные услуги немецким властям». В Починковском районе из 461 учителя 344 оставались на оккупированной территории, 119 работали в открытых немцами школах. В Вяземском районе из 345 — 189 и 19, в Касплянском районе из 285 — 174 и 35 учителей соответственно, причем 11 человек было репатриировано из разных зон оккупации Германии². 26 июля 1950 года руководство обкома ВКП(б) вновь было проинформировано о «проникновении социально-чуждых и политически неблагонадежных элементов» в комсомол и на руководящую работу. Сообщалось, в частности, что пять бывших полицейских находятся в составе пленумов РК ВЛКСМ, 17 бывших полицейских и других пособников оккупантов работают секретарями первичных комсомольских организаций, у 13 секретарей первичных организаций ВЛКСМ близкие родственники активно помогали немцам в период оккупации. Только в 22 сельских районах области в комсомол было принято 38 бывших полицейских, 5 бывших старост, 45 других пособников, 11 человек добровольно уехавших в Германию в период оккупации, 5 человек служивших в РОА и немецкой армии, 166 человек, родственники которых были репрессированы за «контрреволюционные преступления», 211 человек, имевших родственников, пособничавших немцам³. В Сычевском районе 30% учителей оставались на оккупированной территории, 21 человек «засоряли» колхозы, органы сельского хозяйства и учреждения района, так как проживали за границей, были репатриантами, сотрудничали с немцами, ранее привлекались к ответственности за «контрреволюционные преступления»⁴.

¹ Подсчитано: ГАДНИКО. Ф. 55. Оп. 8. Д. 132. Л. 25, 26, 30, 31.

² ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 821. Л. 15–16.

³ Там же. Д. 1086. Л. 89, 91, 94.

⁴ Там же. Д. 1333. Л. 3–7.

Настороженное отношение власти к репатриированным, даже не высказывавшееся напрямую, подхватывалось не покидавшим родные края населением, время от времени дававшим понять репатриантам, что они люди «второго сорта». Так, жительница Велижского района Смоленской области возмущалась возвращению из Германии бывшего старшины волости, привезшего с собой много имущества: «Никто его не арестовывает, а наши мужья погибли. Он и тогда жил и сейчас будет жить. Если его не арестуют, значит, советская власть не ведет никакой борьбы с изменниками Родины»¹. В Орловской области население, как правило, помогало репатриированным жильем и продуктами, однако отрицательно относилось к пособникам оккупантов и добровольно уезжавшим с ними. В Городенском сельсовете Болховского района две семьи, вернувшиеся из Германии, несколько часов простояли на улице, потому что никто не хотел пустить их на квартиру. Колхозники давали таким репатриированным прозвища «дачники», «курортники», как бы подчеркивая, что они пересидели тяжелое время в немецком тылу и отказываются от работы в колхозе. «Засоренность» руководящих кадров села и райцентра была лейтмотивом многих обращений во власть сельского населения, упрекавших районных и сельских руководителей в «покровительстве немецким служакам» и «зажипе партизан»².

Однако есть и примеры поддержки репатриантов односельчанами. П. М. Полян, интервьюировавший бывших репатриантов и выяснявший, как пребывание за границей СССР отразилось на их дальнейшей судьбе и карьере, отмечает, что большинство опрошенных, проживавших в сельской местности (в основном — рядовые колхозники), отрицали негативные для своей последующей жизни последствия от пребывания в Германии и указывали на сочувственное и даже хорошее отношение к себе по возвращении на родину³.

И все же архивные материалы свидетельствуют, что под давлением государственной политики и настороженности населения ощущение собственной обособленности становилось осязаемой чертой идентичности репатриированных. Одни из них начинали считать себя «второсортными» людьми, а другие — стоящими выше не видевших Запада односельчан. Другие репатрианты выбирали стратегию поведения,

¹ ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1845. Л. 95.

² Там же. Д. 1861. Л. 130 и об., 132. Оп. 2. Д. 1790. Л. 243. ГАБО. Ф. Р-2224. Оп. 1. Д. 91. Л. 362.

³ Полян П. М. Указ. соч. С. 315.

пронизанную желанием «загладить вину перед Родиной»: активно участвовали в колхозных работах, подписывались на займы, пытались оказывать содействие работе официальных структур. Вернувшихся в родные места волновало, не станут ли они новыми «лишенцами». В Смоленской области спрашивали, будут ли преследовать тех, кого немцы угнали в Германию и что будет с теми, кто ушел с ними добровольно, а также «будут ли участвовать в голосовании попы и репатрированное население», бывшие старосты и полицейские¹.

Отчасти появление подобных вопросов было вызвано неосведомленностью и предубеждением по отношению к репатриантам представителей местной власти. В ряде районов Смоленской области населению разъясняли, что репатриированные не будут принимать участие в выборах. Заведующий избой-читальней в Холм-Жирковском районе утверждал: «Раз репатриированные жили не у нас, а в фашистской стране, то они и голосовать не будут до тех пор, пока их не проверят на работе»². В Брянской, Калужской и Орловской областях на собраниях в канун первых послевоенных выборов в Верховный Совет СССР (1946) у докладчиков и пропагандистов интересовались, будут ли участвовать в выборах граждане, находившиеся за пределами СССР или в плену, имеют ли право голосовать бывшие старосты и полицейские?³

Таким образом, исследование факторов, влиявших на спектр настроений репатриированного населения, позволяет заключить, что настрой возвратившихся из Германии и других стран Западной Европы жителей западнорусской деревни подчас существенно колебался от стойкого неприятия колхозного строя и советских порядков до пылкой благодарности и радости возвращению на родину. Причина различий, как представляется, заключалась в разной конфигурации обстоятельств отъезда (добровольный отъезд или угон), условий пребывания за границей, характера и места трудового использования, налаживания мирной жизни в родных местах по возвращении. Имело значение и отношение к репатриантам местной власти и оставшихся в годы войны в родных местах односельчан. Уехавшие добровольно в качестве рабочей силы или как коллаборационисты и члены

¹ Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны. С. 702. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 666. Л. 52, 59.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 645. Л. 12.

³ ГАДНКО. Ф. 55. Оп. 8. Д. 265. Л. 68 об. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 658. Л. 8. Д. 698. Л. 76.

их семей в среднем находились в лучшем положении, были заняты в крестьянских или помещичьих хозяйствах, на небольших предприятиях, в качестве домашней прислуги. Возвращаясь на родину, они часто выступали носителями «нездоровых», с точки зрения власти, настроений. На другом полюсе находились угнанные, содержавшиеся в лагерях и занятые на тяжелых физических работах, демонстрировавшие лояльность к советской власти, благодарные ей за освобождение и возвращение на родину. Однако и те, и другие, выбирая разные стратегии поведения по отношению к официальным структурам, часто могли ощущать себя в группе риска, как и остававшиеся на оккупированной территории, военнопленные и другие категории населения, которых власть зачастую огульно считала неблагонадежными.

2.3. Слухи о новой войне

Если «сообщения» о возможном роспуске колхозов воспринимались в деревне положительно, как долгожданные и выстраданные перемены к лучшему, то своеобразным «полюсом страха» можно считать ожидания новой скорой войны. И они были далеко не беспочвенными. Пропагандистская машина в Советском Союзе постоянно работала над созданием и поддержанием уверенности в постоянной угрозе извне. В сознании многих поколений советских людей жил сформированный ею стереотип восприятия самих себя как «жителей осажденной крепости» — «первого в мире социалистического государства», которому угрожает агрессивное «враждебное окружение». Образ «внешнего врага» играл важную роль. С одной стороны, он способствовал поддержанию в обществе «мобилизационного» напряжения, позволял взвинчивать плановые задания и постоянно требовать «трудового героизма». С другой стороны, «воспитание» представлений о неминуемом «последнем и решительном бое», ради победы в котором должен был трудиться каждый, давало власти возможность оправдывать многие непопулярные в народе явления: рост налогов, натуральных поставок, увеличение сумм индивидуальной подписки на займы, дефицит продуктов и потребительских товаров и т.п. Люди были согласны мириться со многими тяготами и неудобствами, «лишь бы не было войны».

Вопрос о том, будет ли война и когда, присутствовал в сводках и отчетах, составлявшихся партработниками по результатам проведенных с населением собраний вне зависимости от темы повсеместно

и на протяжении всего рассматриваемого периода¹. Вероятными противниками СССР в новой возможной войне большинство считало Великобританию и США, что вполне понятно: именно о них как о «поджигателях» и «агрессорах» больше всего сообщалось по радио и в газетах. США в их сообщениях рассматривались как государство, возглавляющее «империалистический лагерь», стремящийся посредством развязывания новой войны и гонки вооружений ослабить охвативший его «внутренний кризис»². Многие люди интересовались, черпая пищу для размышлений из официальных источников, «Могут ли США напасть на СССР также внезапно, как Германия в 1941 году?», «Можно ли предполагать, что до нападения на Советский Союз империалисты передерутся между собой?», «В состоянии ли правительство США подготовить к войне американский народ, если он не желает войны?», «В состоянии ли лагерь сторонников мира сорвать подготовку империалистами США и Англии третьей мировой войны?», «Почему США и Англия во время Второй мировой войны были союзниками СССР, а после войны стали ярыми противниками?», «Может ли Организация Объединенных Наций на деле воспрепятствовать развязыванию новой мировой войны, если в ней большинство принадлежит американским поджигателям войны?»³

Одной из групп сельского населения, вызывавшей у власти повышенное недоверие, были репатрианты, часто высказывавшие мнения не только о возможном начале новой войны против СССР, но и внутренних беспорядках. В этом людей убеждали перемены во внутренней политике, ретранслировавшиеся пропагандой агрессивные заявления западных политиков, непотизм местной власти, ослабление ее низовых звеньев за время войны. В д. Горбыли Холм-Жирковского района Смоленской области возвратившийся из Восточной Пруссии репатриант, во время оккупации работавший старшиной волости, рассуждал среди знакомых: «У нас после окончания войны будет внутренняя война. Англия и Америка могут сказать: «Долой коммунистов!» За время войны и то произошли изменения в советском строе: погоны одели, церкви открыли. Все это Англия

¹ Советская жизнь. С. 614, 633, 636. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 658. Л. 8. Оп. 125. Д. 518. Л. 20. Оп. 132. Д. 114. Л. 74, 155. ГАДНИКО. Ф. 55. Оп. 8. Д. 406. Л. 30. Д. 743. Л. 62.

² Правда. 1952. 6 октября.

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 114. Л. 74, 75, 155, 156.

и Америка поджигают»¹. Жена старшины волости, весной 1945 года репатриированная в Понизовский район Смоленской области, заявила среди колхозников: «Раньше была война и царя свергали, а сейчас СТАЛИНА свергнут»².

Верхи внимательно отслеживали реакцию населения на «военную тревогу». «Разъяснительная работа», которую проводили партийные пропагандисты и агитаторы в ходе избирательных кампаний, кампаний по сбору подписей под воззванием комитета Всемирного конгресса сторонников мира о запрещении атомного оружия, по подготовке празднования Дня мира и т.п., призвана была обеспечить «правильное» понимание людьми военной опасности. И большинство, несомненно, поддерживало движение за мир, которому Сталин в беседе с корреспондентом «Правды» по вопросам внешней политики, опубликованном 17 февраля 1951 года, дипломатично отвел «первостепенное значение» в деле предотвращения войны и сохранения мира³.

Однако значительная актуальность «военной» темы, недостаток, однообразие информации из официальных источников, недоверие к ней части граждан порождали в народе всевозможные слухи и домыслы. Власти объявляли их «провокационными» и «паникерскими», вызывающими «демобилизационные настроения», а потому стремились всячески их пресекать.

В деревне информаторы начали фиксировать такие высказывания сразу после окончания войны, причем не только у рядовых колхозников, но и у представителей сельского актива. Например, один председатель колхоза рассуждал так: «Пожалуй, поживешь. Подумай, сколько людей погибло—это одно. Во-вторых, придется воевать с союзниками, поэтому остальных оставшихся в живых отправят на фронт, останутся одни калеки и тех погонят на восстановление городов, а в колхозах останутся одни женщины и старики. Вот и работай...»⁴. Кое-где шли разговоры, что СССР уже находится в состоянии войны⁵. Органами цензуры УМГБ Смоленской области только в феврале 1949 года было зафиксировано 38 сообщений о панических настроениях в связи с якобы приближающейся войной Советского Союза с Англией и США. Люди писали друг другу: «Видимо, весной вспыхнет «Красная заря», так как за последнее

¹ ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1845. Л. 90.

² Там же. Л. 92.

³ Правда. 1951. 17 февраля.

⁴ РГАСПИ. Ф.17. Оп. 88. Д. 666. Л. 206.

⁵ Советская жизнь. С. 614–615. ГАДНИКО. Ф. 55. Оп. 8. Д. 151. Л.19.

время только и разговор среди населения об этом, боюсь, что с родными не увижусь...»; «Хотела забрать к себе мать, но не буду, потому что весной будет война...»; «Волнует одно—это война, а то бы тужить не о чем... <...> Мы теперь по радио как наслушаемся, аж лихо...»; «Говорят, будет скоро война, надо будет собрать всех родных и если придется погибать, так всем вместе...»¹. В марте 1949 года цензоры выявили уже 149 «сигналов», которыми население области предупреждало родных и близких о якобы предстоящем военном конфликте с недавними союзниками по антигитлеровской коалиции: «Видно по международной обстановке, что надвигается гроза на наш Советский Союз»; «Много говорят о войне, с Украины вся мука идет к нам в з/зерно, все склады забиты и в Смоленске, и в Рославле мукой. Есть что-то нехорошее»; «Идут слухи, что весной будет то, что было в 1941 году. Все говорят, куда не пойдешь, только и разговор про это...»².

В слухах о скором начале войны отразилась такая характерная черта работы сознания «простого человека», как стихийность, замена привычной для рассудочного мышления логика в осмыслении действительности своеобразной «логикой иррационального». Обыденное сознание демонстрировало подчас некоторую автономность от понятного большинству крестьян образа «апокалипсиса» и какое-либо перетолковывания пропагандистских клише, создавало свою «схему» истолкования «больших событий». Примером может служить слух, циркулировавший в начале 1949 года в Клинцовском районе Брянской области: «Из Стародуба ехал на машине шофер, увязалось за ним «чучело». И просит это «чучело» в виде выкупа купить ему красный галстук. Шофер вернулся в Стародуб, купил ему красный платок и хотел удавить им «чучело», но оно вырвалось. Все же шоферу удалось привязать это «чучело» за ногу. «Чучело» тогда промолвило: «Хорошо, что ты привязал меня за ногу, если бы ты привязал меня за шею, война была бы 6 лет, а так как ты привязал за ногу—война будет только 6 месяцев...»³.

Много тревоги власти доставляли попытки ортодоксально настроенных верующих «по-своему» трактовать «большие» политические события: вопросы войны и мира, внутривластного положения и т.п. В верхах они однозначно воспринимались как прямой подрыв монополии на формирование нужных общественных настроений.

¹ ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 821. Л. 72, 73.

² Там же. Л. 87, 88.

³ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 476. Л. 17.

По каждому такому «проявлению» в известность ставились первые лица областного руководства, расследование поручалось органам МГБ. Циркуляция различных слухов, «святых писем», появление различных «знамений» и «чудес», в которые люди облекали свои предчувствия и ожидания, не прекращались полностью никогда, несмотря на сознававшуюся опасность быть обвиненным в «антисоветской агитации и пропаганде». Даже в 1949–1953 годах, когда в стране полным ходом шла кампания по «исправлению» умонастроений людей и в отчетах парторганов почти перестают встречаться упоминания о сколько-нибудь значительных оппозиционных настроениях, они остаются практически единственным неподконтрольным государству каналом массовой коммуникации. Обращает на себя внимание устойчивость такой «информации» к давлению государственной пропаганды.

Существенную роль здесь играло и то, что «истинность» передававшихся таким образом «сообщений» в немалой степени зависела от силы религиозного чувства воспринимавшей их аудитории. Их истинность подчеркивалась ссылками на «Св. Писание», «святых» и «провидцев». С другой стороны, для неверующих все это казалось полной бессмыслицей. В отчетах за I квартал 1949 года уполномоченный Совета по делам РПЦ по Брянской области передавал распространенный в Клинцовском районе слух о скорой войне или «конце света»: «В Киеве в одном закрытом храме по ночам слышно пение. Будто бы шли ночью какие-то военные мимо этого храма. Заметили освещение, услышали пение, вошли — темно и глухо; вышли — опять свет и пение, вошли — опять ничего не слышно и не видно. В третий раз загадочная невидимка произнесла: «Не трудитесь, все равно не увидите ничего, но открою Вам тайну: на Пасху будет снег по колено, а в проводное воскресенье (1-е мая) будет кровь по колено...»¹. Сходный слух циркулировал по г. Калинин².

Повторяемость апокалиптического «сюжета», способов его «подтверждения» обнаруживается при сопоставлении текстов, имеющих в нашем распоряжении «святых писем», в разные годы распространявшихся среди населения Калужской, Тульской, Брянской и Смоленской областей. Вырисовывается своеобразный «формуляр» такого «послания»: почти все они (восемь из девяти в имеющейся в нашем распоряжении подборке) начинаются описанием «божественного откровения» ребенку, содержанием которого является

¹ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 476. Л. 17.

² Там же. Д. 455. Л. 9.

призыв «не забывать Бога». Далее предлагается размножить письмо, передавать его «другим православным» или разослать по почте и обещание «кары», «муки» в случае невыполнения этого требования. Семь из девяти «писем» содержат «тайную весть» о «судном дне», причем в четырех из них обозначена даже конкретная дата «суда живым и мертвым». Сохранившему и распространившему «святое письмо» предрекается «спасение» и «счастье от Бога»¹. Например, в «послании», изъятом во втором квартале 1952 года у школьников Алексинской школы Дорогобужского района Смоленской области, после обычной «преамбулы» говорилось: «Еще скрытно сказано, половины народу не будет в 1956 году 12 июня. 16 июня 1956 года все реки и озера будут залиты кровью, 18 июня солнце светить не будет, 15 июня вспомнят все свои дни и числа очень плохо, но будет поздно»².

Эти «откровения» подчас попадали на подготовленную почву. Прихожане уже упоминавшегося подпольного молитвенного дома в с. Доброводье Севского района Брянской области пять дней (с 15 по 20 июня 1951 года) обсуждали «святое письмо», в котором сообщалось, что «8 июля 1951 года солнце будет палить <...>, реки пересохнут, а кто переживет этот день, будет счастливым...» Верующие на общих молитвах плакали и старались «отмолить грехи», «чтобы остаться и дальше жить...»³. По «факту» были информированы органы МГБ.

Среди последователей различных христианских сект, чья деятельность в послевоенные годы приняла значительный размах, ожидания «конца света» доходили до забоя личного скота и приготовлений к коллективному «вознесению на небо». Такой случай произошел в д. Волоки Калужской области в начале 1952 года: 30–40 женщин под влиянием односельчан — евангельских христиан-баптистов — собрались в одном из домов села и начали «приготовление к вознесению». Только возвратившиеся с собрания мужчины, выломав в доме дверь, смогли их остановить⁴.

Очень часто на слухи о новой войне население реагировало усилением спроса на продукты и товары первой необходимости и снижением «трудовой дисциплины» в общественном хозяйстве.

¹ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 914. Л. 8, 9, 30 и 30об. Д. 476. Л. 16, 17. ГАКО. Ф. Р-3501. Оп. 1. Д. 29. Л. 24–25. Д. 87. Л. 46.

² ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 914. Л. 30–30об.

³ Там же. Д. 759. Л. 42.

⁴ ГАДНИКО. Ф. 55. Оп. 9. Д. 49. Л. 14.

2.4. Представления о справедливом землепользовании

Глава 2
НАСТРОЕНИЯ
ЗАПАДНОРУССКОГО
КРЕСТЬЯНСТВА
В ПЕРВЫЕ
ПОСЛЕВОЕННЫЕ
ГОДЫ

Как справедливо отмечают М. А. Безнин и Т. М. Димони, нарушая законы о землепользовании, деревня вела борьбу за социальную справедливость и самосохранение¹. Обстоятельно изучены формы и масштабы этой борьбы, обоснована ее экономическая детерминированность². В «тяжбе за землю» крестьянства и власти заслуживает особенного внимания мотивация деревни, формировавшаяся не только под действием раскрестьянивающей аграрной политики, но и местных особенностей и несовпадающих интересов разных групп сельского населения. Динамика представлений о справедливом землепользовании становится более понятной в контексте «социального иммунитета».

Для большинства крестьян точкой отсчета в поисках справедливого землепользования являлся колхозный строй. Сворачивать его власть не собиралась, несмотря на всплеск антиколхозных настроений в военные и первые послевоенные годы³. Длительное время центральное место в экономике колхозного двора занимало личное приусадебное хозяйство, что определяло настойчивое стремление колхозников иметь приусадебный участок. По закону колхоз должен был наделить им каждый двор⁴. В начале 1950-х годов в Нечерноземье РСФСР поступления от личного хозяйства доходили

---

¹ *Безнин М. А., Димони Т. М.* Крестьянство и власть в России в конце 1930-х — 1950-е годы // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.). Материалы Международной конференции. Москва 14–15 июня 1994. М., 1996. С. 162. *Безнин М. А., Димони Т. М.* Социальный протест колхозного крестьянства (вторая половина 1940-х — 1960-е годы) // Отечественная история. 1999. № 3. С. 88.

² *Безнин М. А.* Классовая борьба в советской колхозной деревне (к постановке проблемы) // Крестьянское хозяйство: история и современность. Материалы к Всероссийской научной конференции. Вологда, октябрь 1992 г. В 2 ч. Ч. II. Вологда, 1992. С. 63–65. *Безнин М. А., Димони Т. М.* Социальный протест колхозного крестьянства. С. 87–88, 96.

³ *Зубкова Е. Ю.* Мир мнений советского человека. 1945–1948 годы. По материалам ЦК ВКП(б) // Отечественная история. 1998. № 3. С. 29, 30. *Кознова Е. И.* XX век в социальной памяти российского крестьянства. С. 112.

⁴ История колхозного права. Сборник законодательных материалов СССР и РСФСР 1917–1958 гг. / руководитель коллектива, сост. Н. Д. Казанцев. В 2-х т. Т. 1. М., 1959. С. 427.

до 70% дохода колхозной семьи. В 1953 году в Центральном районе они равнялись 51,9% (от колхоза — 20,2%)¹. Преимущественно из этого источника крестьяне уплачивали государству обязательные поставки продуктов, налоги и займы, размеры которых в послевоенные годы постоянно росли. Между тем размеры приусадебных участков, установленные местными органами власти по районам, исходя из норм, рекомендованных Примерным уставом сельхозартели (1935) (0,25—0,5 га, а в отдельных районах — до 1 га)² оставались неизменными.

Одним из путей сглаживания несоответствия между официально провозглашенным «подсобным» характером личного хозяйства и фактически его ведущей ролью в формировании доходов двора стали стихийные «захваты» нескольких соток приусадебной земли. Еще в ходе реализации постановления ЦК ВКП(б) от 27 мая 1939 года «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания» «захваченная» земля была изъята у 41% колхозных дворов страны. Особенно много таких дворов было в Центральном Нечерноземье: в Орловской области — 81,9%, в Смоленской — 82,9%, в Калининской — 83,3%³. «Захваты» обнаружились и при реализации постановления СМ СССР и ЦК ВКП(б) от 19 сентября 1946 года «О мерах по ликвидации нарушений Устава сельскохозяйственной артели в колхозах». В 1946—1952 годах они имелись в большинстве колхозов Центрального Нечерноземья у 1,8—27% подворий⁴. Меньшая, чем в конце 1930-х годов, но все же достаточно выраженная распространенность «захватов» в рассматриваемый период объясняются не только тем, что таким образом крестьяне стремились расширить приусадебное хозяйство. Урожай с «излишков» полностью, без каких-либо повинностных изъятий, поступал в распоряжение двора и был гораздо выгоднее, чем собранное с «законных» соток.

¹ Безнин М. А. Крестьянский двор в Российском Нечерноземье 1950—1965 гг. М., Вологда, 1991. С. 198.

² История колхозного права. Т. 1. С. 427.

³ Островский Б. В. Колхозное крестьянство в СССР. Политика партии в деревне и ее социально-экономические результаты. Саратов, 1967. С. 71.

⁴ РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 642. Л. 51. Д. 642. Л. 69. Д. 766. Л. 398. Д. 767. Л. 129. Д. 797. Л. 58, 69, 100, 101, 151, 152. Д. 1208. Л. 152. Д. 1209. Л. 36, 37. Д. 1292. Л. 32. Д. 1293. Л. 259. ГАБО. Ф. Р-2201. Оп. 9. Д. 294. Л. 96. Ф. Р-2224. Оп. 1. Д. 6. Л. 62—63. Д. 44. Л. 8. ГАКО. Ф. Р-1626. Оп. 2. Д. 12. Л. 9 об. ГАДНИКО. Ф. 55. Оп. 8. Д. 591. Л. 10.

Разновидностью «захвата» являлся фиктивный раздел двора, ежегодно повторявшийся в тысячах случаев¹: «выделившиеся» хозяйства регистрировались в похозяйственной книге сельсовета, в соответствии с которой производилось начисление обязательных поставок и сельхозналога. «Делились» не только ради получения дополнительного приусадебного участка, но и для льготы по уплате повинностей, которая формально возникала при «выделе», и удвоения количества скота в личной собственности.

Другим ориентиром в поисках справедливого землепользования было единоличное ведение хозяйства. Недовольство колхозным строем, ожидание того, что власти «снимут» колхозы, отозвались крестьянскими пересудами о роспуске колхозов и выделением на хутора и малодворные поселки. Рассуждения о «выгодности» хуторской системы хозяйства были распространены среди репатриантов.

Кроме того, происходило «самовольное» заселение участков государственного земельного фонда: в Угодско-Заводском районе Калужской области стихийные переселенцы образовали так называемый «Дикий поселок»². Вокруг райцентров возникали «слободы» усадеб, ушедших из колхозов. Сами правления колхозов наделяли приусадебной землей при условии подписки на заем, отработки в колхозе определенного количества трудодней и т.п. В итоге некоторые в деревне пользовались сразу несколькими приусадебными участками.

«Захваты» нескольких соток приусадебной земли и всевозможные «сделки» с колхозной землей оправдывались большинством населения в колхозах, где имелся свободный приусадебный фонд. Там, где он отсутствовал, борьба за «сотки» делала односельчан соперниками. В некоторых колхозах Брянской области исчерпание приусадебного фонда привело к появлению дворов без приусадебного участка (по отдельным районам их насчитывалось от 300 до 900). Выражением их стремления обзавестись приусадебным хозяйством стали переделы приусадебного фонда, санкционированные Брянским облисполкомом и областным управлением сельского хозяйства,

¹ Попов В. П. Крестьянство и государство (1945–1953 гг.). Париж, 1992. С. 275. Безнин М. А. Крестьянский двор в Российском Нечерноземье. С. 97. РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 732. Л. 94. Д. 766. Л. 113. Д. 797. Л. 69. Д. 1017. Л. 120–121. Д. 1031. Л. 13. ГАБО. Ф. Р-2201. Оп. 9. Д. 294. Л. 17, 97. Ф. 2224. Оп. 1. Д. 20. Л. 444. ГАКО. Ф. Р-883. Оп. 17. Д. 210. Л. 24. ГАДНИКО. Ф. 55. Оп. 8. Д. 316. Л. 123. Д. 719. Л. 34.

² ГАДНИКО. Ф. 55. Оп. 8. Д. 719. Л. 12.

разрешившими в ряде случаев увеличивать приусадебный фонд за счет общественной запашки¹. Переделы, происходившие весной 1947 года в 52 колхозах Навлинского района Брянской области, производились по различным принципам, в чем проявилось крестьянское понимание справедливого землепользования, зависевшее в конечном счете, как видно, от «соотношения сил» в конкретном колхозе. Приусадебную землю делили подушно, в зависимости от времени вступления двора в артель, по социальному положению, составу семьи, возрасту ее членов, из расчета качества приусадебной земли и т.п.². В десятках колхозов пяти районов области переделы продолжались в 1948–1950 годах³. Протесты колхозников, от чьих наделов отрезалась земля, в расчет «обществом» не принимались. Переделы приусадебной земли по едокам отмечались и в других областях⁴. Существовали надежды на введение правительством подушевого наделения усадебной землей⁵.

В артелях с нехваткой приусадебной земли передел часто рассматривали как способ обеспечения приусадебным наделом дворов с наибольшим трудовым вкладом в общественное хозяйство. Но даже там, где безземельных не было, угроза частичного или полного изъятия участка использовалась для давления на «тунеядцев». Она становилась особенно реальной для хозяйств вдов, престарелых, многодетных, которые не могли нести бремя колхозных работ наравне с «крепкими» дворами. Поэтому и те, и другие постоянно запрашивали власть: «Можно ли лишить приусадебной земли инвалида II-й группы, если он не работает в колхозе?», «Что делать с престарелыми, если у них есть огород 0,40 га и нет трудоспособных?», «Если колхоз отпустил из колхоза последнего трудоспособного, могут ли снять огород?» и т.п.⁶. В отношении сотен колхозников эти угрозы осуществлялись⁷.

До первых волн сплошного укрупнения колхозов крестьянство продолжало воспринимать как «свою» и общественную землю,

¹ ГАБО. Ф. Р-2224. Оп. 1. Д. 6. Л. 239–240.

² Там же. Л. 234, 249. Д. 8. Л. 321–322, 350–351.

³ Там же. Д. 16. Л. 37. Д. 44. Л. 428. Д. 92. Л. 33.

⁴ *Попов В. П.* Крестьянство и государство. С. 261–266.

⁵ Там же. С. 260, 267–270.

⁶ ГАБО. Ф. Р-2224. Оп. 1. Д. 29. Л. 355.

⁷ ГАДНИКО. Ф. 55. Оп. 8. Д. 316. Л. 31. ГАКО. Ф. Р-1626. Оп. 2. Д. 20. Л. 354.

Мужское население
д. Нижние Горки
Малоярославецкого
района Калужской
области. 1950 г.
*Фото их семейного
архива Г. Козловой*

что объясняет широкие масштабы передачи больших участков общественной земли под подсобные хозяйства учреждениям и предприятиям на условиях уплаты с них обязательных поставок, технической и материальной помощи артелям, краткосрочной аренды и испо^льщины сенокосов и выпасов, распределения их в качестве оплаты на выработанные колхозниками трудодни. Часто подобные сделки заключались «коллек^тивно» правлениями колхозов, состоявшими из односельчан, заинтересованных в более эффективном, с точки зрения артельного и личных хозяйств, использовании закрепленной за колхозом, но слабо или вовсе не используемой земли. Например, даже после отмены п. 2 постановления Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) от 7 апреля 1942 года, разрешавшего передачу колхозами земли под подсобные хозяйства учреждениям и предприятиям, последние продолжали ее использование. К августу 1949 года ими было возвращено колхозам Центрального Нечерноземья 326,6 тыс. из 383,2 тыс. га «расхищенной» земли¹. К испо^льщине, сдаче общественной земли в аренду правления колхозов, помимо других причин, подталкивала нехватка денежных средств на текущие расходы и поддерж^ку нуждавшихся односельчан.

¹ РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 732. Л. 10.

Наступление государства на приусадебное хозяйство и другие неподконтрольные сферы экономической активности населения, развернувшееся во второй половине 1950-х годов¹, укрупнение колхозного производства, начало массового преобразования колхозов в совхозы, комплектование корпуса их руководства из выдвиженцев РК и ОК КПСС с соответствующим повышением должностного и социального статуса, переход от «коллективистского» к субординационному принципу взаимоотношений между председателем и колхозниками подстегивали раскрестьянивание, обуславливая переориентацию социального иммунитета деревни на поиск внедеревенских заработков и миграцию в города². Соответственно менялись представления о справедливом землепользовании.

По сравнению с 1940-ми — началом 1950-х годов все меньше колхозников стремились нелегально увеличить размеры приусадебных хозяйств, что говорит о постепенном угасании «захватнического» варианта землепользования: ведение приусадебного хозяйства вытеснялось легальными и более выгодными заработками. Сказывалось и увеличение числа дворов, неспособных по демографическим и другим причинам обработать не только «прирезки», но и «законные» сотки³. По подсчетам М. А. Безнина, в 1950-х — середине 1960-х годов в Нечерноземье «захватчиками» 0,02–0,07 га земли ежегодно являлись 4–10% дворов⁴. Переставали восприниматься «своими» и колхозные угодья, так как в укрупненном колхозе их становилось сложнее использовать во благо «своей» деревни. В письме заместителю председателя Совета Министров СССР Н. А. Булганину агроном одной из МТС летом 1955 года излагал понимание причин, мешающих, по его мнению, «подъему» колхозов. «В крупных колхозах колхозник перестал чувствовать и видеть себя хозяином колхоза, так как общие собрания редки, 2–3 раза в год, и какая-нибудь Дарья Петровна или Сидор Иванович в небольшом колхозе имели веское слово и их голос влиял на решение жизненных вопросов

¹ *Пыжиков А. В.* Хрущевские эксперименты в правоохранительной сфере (конец 1950-х — начало 1960-х гг.) // Вопросы истории. 2006. № 4. С. 107–108.

² *Яхновская С. В.* Государственное регулирование личных подсобных хозяйств в 1953–1964 гг. // Вопросы истории. 2012. № 9. С. 103–104.

³ *Безнин М. А.* Крестьянский двор в Российском Нечерноземье. С. 102, 103.

⁴ Там же. С. 94.

колхоза, а в крупном колхозе его голос потерялся. В результате этого резко изменилось отношение колхозников к общественному имуществу и к труду. (Имущество стало считаться “че-то”, “колхозное”, но не их общественное)...»¹.

Представления о справедливом землепользовании, базировавшиеся на опыте ведения единоличного хозяйства, социальном иммунитете к колхозам или идущие от идеологии «колхозно-кооперативной собственности» нивелировало назначенное партийными структурами руководство укрупненного колхозно-совхозного производства. Спасаясь от преследований председателя, «выживающего» всех, кто его критиковал, в 1959–1960 годах из колхоза «VII съезд Советов» Краснинского района Смоленской области уехало 46 семей. На слова одного из колхозников о том, что так «из колхоза все разбегутся», председатель в духе эпохи заявил, что «это и лучше будет: объявим территорию целинной и пригласим новых людей»². Авторы анонимного письма жаловались в ЦК КПСС на председателя колхоза «Знамя победы» Сухиничского района Калужской области за то, что он хотел его разогнать, заявляя, что «мне, мол, зарплату не от народа платят, ну а народ нужен будет — пришлют из городов...»³. Еще более бесконтрольным распорядителем земли виделся рядовым труженикам директор совхоза, единолично принимавший решения о наделении и изъятии приусадебного участка и по другим вопросам землепользования.

Таким образом, в середине 1940-х — начале 1960-х годов представления западнорусской деревни о справедливом землепользовании пережили эволюцию: действовавшие в рамках социального иммунитета деревни его варианты (индивидуальный «хуторский» и связанные с колхозным строем «захватнический» и «уравнилительный») вытеснялись осознанием невозможности или невыгодности труда на земле по сравнению с неземледельческой занятостью и адресованными власти иждивенческими настроениями. Утверждалось представление об отчуждении непосредственного труженика от земли властью возвышающихся над ним руководителей.

¹ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 63. Д. 6. Л. 53, 53 об.

² ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 3. Д. 1086. Л. 214–215.

³ ГАДНИКО. Ф. 6878. Оп. 1. Д. 65. Л. 112 об.

Глава 3. ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ЗАПАДНОРУССКОГО КРЕСТЬЯНСТВА В 1945–1953 ГОДАХ

3.1. Организационные реформы в аграрной сфере

Во второй половине 1940-х — начале 1950-х годах завершается институциональное оформление колхозной системы с одновременным поиском путей повышения ее экономической эффективности. Серия мероприятий аграрной политики, подчас весьма серьезных по своим последствиям, имела следствием ускорение процессов распада традиционной крестьянской среды и изменение производящей основы сельского хозяйства.

Хотя истоки этой политики принято искать в коллективизации, следует заметить, что колхозное устройство образца второй половины 1930-х годов гораздо в большей степени опиралось на привычные крестьянские представления, нежели послевоенная его модификация. Хотя рядовой колхозник имел ограниченные возможности влияния на внутриколхозную жизнь, Уставом сельскохозяйственной артели 1935 года были зафиксированы пределы вмешательства государства в дела колхозов. При этом, что особенно важно в применении к Центральному Нечерноземью, колхозы в предвоенные и первые послевоенные годы были довольно небольшими. Вполне допустимой была ситуация, когда на одну область приходилось до 5 тыс. колхозов¹.

---

¹ РГАЭ. Ф. 9476, Оп. 1. Д. 766. Л. 22. ГАБО. Ф. 1649. Оп. 1. Д. 371. Л. 148.

В начале своей истории колхозное строительство учитывало сложившуюся хозяйственную систему конкретного региона, зависевшую, в свою очередь, от местных систем расселения. В силу упомянутых выше особенностей аграрные населенные пункты в Центральной России традиционно отличались дисперсным размещением и были небольшими. До крупных размеров вырастали обычно промысловые, кустарные и фабричные села, местные торговые и транспортные центры.

Для первых послевоенных лет характерны множественные просьбы со стороны колхозников Нечерноземного центра о разукрупнении и так не очень больших колхозов. В основном делались попытки вернуться к положению, существовавшему до укрупнения отдельных хозяйств, проведенного в 1940–1941 годах. Актуальной эта проблема была и для областей Западного региона.

До 1950 года четкие критерии оценки размера колхоза отсутствовали. Более того, в одном из писем из Наркомзема (март 1946 года) сообщалось, что «размер колхоза не является главным вопросом для организационно-хозяйственного укрепления колхоза»¹. В то же время просьбы о разукрупнении нередко удовлетворялись. Например, в Брянской области в 1948 году из 47 колхозов выделилось 79². Весьма показательно, что в архивном фонде, содержащем материалы о слиянии и разукрупнении колхозов, сведений о *слиянии* колхозов Центрального Нечерноземья в 1946–1949 годах практически нет³.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что в 1945–1950 годах количество колхозов в Центральном Нечерноземье увеличивалось. В основном этот рост происходил все же за счет восстановления колхозов на оккупированной территории. Разукрупнение в больших масштабах наблюдалось в тех областях, где прежде было произведено объединение большого количества колхозов, в том числе в Калининской, Костромской и Ярославской⁴.

Поэтому постановление ЦК КПСС 1950 года «Об укрупнении мелких колхозов и задачах партийных организаций в этом деле»⁵ явно противоречило проводившейся практике. В чем была причина его появления?

¹ РГАЭ. Ф. 9476, Оп. 1. Д. 766. Л. 74.

² ГАБО. Ф. 6. Оп. 3. Д. 247. Л. 10.

³ РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 7.

⁴ Там же. Ф. 1562. Оп. 7. Д. 1057. Л. 14.

⁵ КПСС в резолюциях. Т. 8. С. 233–241.

Собрание
колхозников
колхозов «Заря»
и «Красный пахарь».
с. Желовижи
Ферзиковского
района Калужской
области. Конец
1940-х гг. Фото
из семейного архива
Е.И. Дедиу

Дисперсные сельскохозяйственные структуры Центра не отличались высокой эффективностью. Колхозы первых послевоенных лет еще не окончательно утратили связи с организационными формами мелких крестьянских хозяйств, на базе которых были созданы. Рудименты крестьянской «моральной экономики» приходили в явное противоречие с целями социалистической модернизации аграрной сферы. Одно из обоснований укрупнения выглядело так: по состоянию на 1948 год, в колхозах Московской области, имевших до 100 га пашни, каждый гектар давал денежный доход в 6,5 раз меньше, чем в хозяйствах с размерами пашни в 350–400 га¹. Таким образом, укрупнение было призвано облегчить одну из наиболее болезненных проблем — колоссально низкого материально-технического уровня большинства хозяйств. К примеру, в 1952 году из 1008 колхозов Калужской области только один был миллионером². В некоторых областях ЦЭР менее 10% колхозов было электрифицировано, при том что в среднем по стране в это время было электрифицировано 50% хозяйств³.

¹ Советская деревня в первые послевоенные годы. 1946–1950. М., 1978. С. 304–305.

² ГАРФ. Ф. А-310. Оп. 1. Д. 1051. Л. 200.

³ Там же; Народное хозяйство РСФСР в 1959 г. М., 1960. С. 300.

При этом стоит иметь в виду, что, помимо преодоления прежних хозяйственных схем, в ходе укрупнения приходилось решать и проблему, порожденную коллективизацией: избыточной бюрократизации колхозов. Повышение эффективности колхозного производства в ходе укрупнения производилось в том числе и за счет сокращения числа управленцев. Главная же ставка делалась на использование тяжелой сельскохозяйственной техники (в частности, тракторов С-80) на больших полях укрупненных хозяйств. Из-за большой изрезанности местности теоретически возможный эффект, однако, не достигался. Особенно это было заметно в наиболее мелкоселенных районах Калининской, Смоленской и других центральных областей.

Высказывается предположение, что «проблема укрупнения была связана не только и не столько с экономикой колхозов, сколько с корректировкой методов управления деревней со стороны правительства и местных органов власти»¹. По всей видимости, тенденция огосударствления колхозов действительно имела место. Проводимые мероприятия сопровождались усилением централизации управления и неизбежной при этом потерей самостоятельности на местах, что в целом отвечало необходимости координации действий для восстановления экономики. Однако в будущем государство не было намерено отказываться от новой схемы управления. Даже после того как чрезвычайные условия отошли в прошлое, эти своеобразные отношения между государством и колхозами остались и воспринимались впоследствии как единственно возможные². Впечатление пренебрежения экономикой колхозов в ходе проводившихся мероприятий складывалось именно под влиянием ситуации в мелкоселенном Нечерноземном центре, где они имели выраженный отрицательный результат³. С точки зрения организации производства и состояния трудовых ресурсов, из всех территорий Центра укрупнение было способно дать значительный экономический эффект лишь в Московской

¹ Попов В. П. Экономическое и социальное положение советского общества в 40-е гг. С. 11.

² См.: Волков И. М. Некоторые вопросы истории сельского хозяйства и крестьянства в послевоенные годы // История СССР. 1973. № 1. С. 8.

³ «При руководстве из отдаленного центра колхоза резко понижалась управляемость, и это, несомненно, влияло на экономическую эффективность укрупнения» (Алексеев А. И., Ткаченко А. А. Из истории территориальной организации сельской местности Нечерноземья // Территориальная организация сельской местности Нечерноземья. Тверь, 1993. С. 4).

области. На ее территории уже формировался пригородный тип аграрного производства, постепенно нивелировавший воздействие фактора первоначального сельского расселения.

Высказывалось мнение, что именно укрупнение хозяйств положило начало практике создания агрогородов¹. Думается, что по причинам, названным выше, а именно вследствие недостаточной зрелости послевоенной деревни для масштабных урбанизационных мероприятий, прямой связи между этими явлениями не было.

Слишком категоричным выглядит и утверждение, что в укрупнении была не экономическая необходимость, а социальная, т.е. вся кампания велась в контексте антикрестьянской политики². По всей видимости, в первые послевоенные годы задача скорейшего экономического роста стояла гораздо более остро, нежели проблема преодоления социальных различий. Известно, в частности, что постановление об укрупнении 1950 года сопровождалось установкой из центра, в соответствии с которой слияние колхозов не должно было вызывать изменения размеров ЛПХ³. Другое дело, что социальные последствия укрупнения действительно оказались очень серьезными⁴. Множественные вынужденные нарушения демократии в укрупненных колхозах были вызваны тем, что созвать общие собрания колхозников не удавалось «из-за большой разбросанности населенных пунктов и отсутствия помещения, вмещающего хотя бы половину членов колхозов». Фактически проводились не общие, а бригадные собрания⁵. Результатом укрупнения были «отчуждение от своего труда, потеря чувства хозяина»⁶. В итоге не только не появилось значимых улучшений в уровне жизни работников колхозов, но и были разрушены привычные формы организации труда.

Принцип добровольности при организации новых колхозов формально соблюдался, но фактически игнорировался. Судя по некоторым данным, в ходе кампании укрупнения колхозники Центра в очередной

---

¹ *Зима В. Ф.* Указ. соч. С. 203.

² *Попов В. П.* Указ. соч. С. 227.

³ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 7. Д. 1045. Л. 136.

⁴ О. М. Вербицкая замечает, что отрицательные последствия укрупнения «касались главным образом социальной сферы внутрисельских отношений», подразумевая потери выплат по трудовым, сужение колхозной демократии и т. д. (Вербицкая О. М. Российское крестьянство от Сталина к Хрущеву. Середина 40-х — начало 60-х гг. М., 1992. С. 29).

⁵ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 7. Д. 1045. Л. 185.

⁶ *Алексеев А. И., Ткаченко А. А.* Указ. соч. С. 4.

раз переживали ощущение рушащегося уклада. Так, в некоторых областях, в том числе и на Смоленщине, отмечались факты, когда перед объединением колхозов скот забивался, а мясо распределялось по трудодням¹. По мнению В. П. Попова, укрупнение колхозов по своему разрушительному эффекту было сравнимо только с коллективизацией². «Второй коллективизацией» политику укрупнения колхозов в 1950-е годы назвал и писатель В. Белов. В ее ходе «усилилось не только отчуждение коллективизированного крестьянства от земли, но и от властей, не заботившихся о конкретных нуждах крестьян, поскольку чиновники находились в городах и слабо ориентировались в реальных потребностях сельского населения в целом»³.

Председатель колхоза «Красное Любимово» Мосальского района Калужской области М. Е. Луканин и Герои Советского Союза звеньевые братья Яков и Дмитрий Луканины осматривают вытеребленный лен-долгунец. Фото И. Озерского. 31 августа 1949 г. ГАДНИКО. Ф. П-7607. Оп. 5. Д. 6938

Поскольку в ЦЭР количество мелких колхозов было наибольшим, то именно здесь кампания укрупнения проходила особенно интенсивно. Причем в первую очередь ею были охвачены мелкоселенные области, где в предыдущее пятилетие интенсивно шел процесс разукрупнения — Ярославская и Калининская. В Смоленской и Калужской областях количество колхозов уменьшилось в два раза. Это серьезный, хотя и не самый высокий показатель по областям Центра. Для сравнения: в Ярославской области колхозов стало меньше вчетверо⁴. При проведении кампании экономическое положение конкретного района, равно как и территорий в его составе, в расчет не принималось. Это говорило не столько об отсутствии экономических ориентиров в реформе, сколько отражало практику хозяйственного управления,

¹ Советская деревня в первые послевоенные годы. С. 309.

² Попов В. П. Указ. соч. С. 222.

³ Лазарев В. Т. Аграрная политика и трансформация российского села в XX столетии. Самара, 2001. С. 121.

⁴ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 7. Д. 1057. Л. 126.

не допускавшую отклонений от магистральной линии. Так, сокращение посевных площадей за годы войны в целом по стране составило 24,5%, в оккупированных областях — 50%, а на востоке Центра (в Ярославской и Ивановской областях) они были близки к довоенному уровню¹. Однако интенсивность кампании укрупнения колхозов в Ярославской области ничуть не уступала западной Смоленской и определялась мелкоселенностью, а не нанесенным войной уроном.

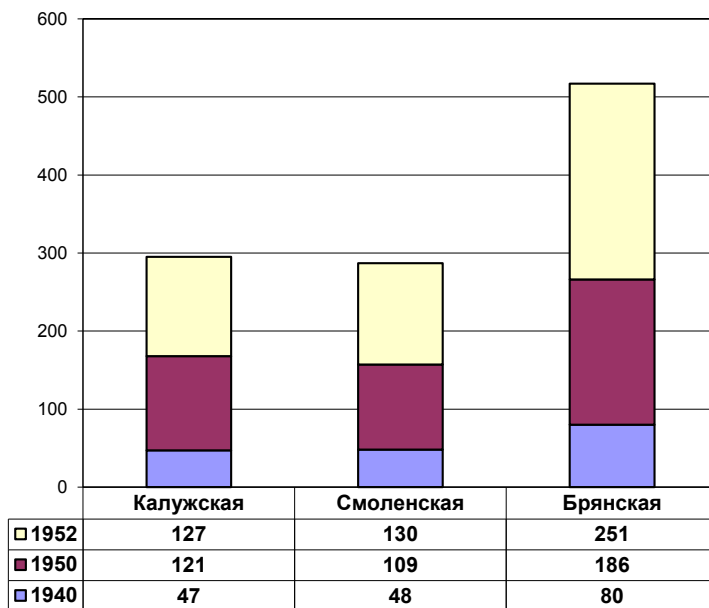

Рис. 1. Средние размеры колхозов по числу дворов на конец года

Об изменении средних размеров колхозов по областям Западного региона дает представление рис. 1². Нижняя часть графика (данные 1940 года) хорошо иллюстрирует зависимость тогдашних размеров колхозов от поселенческой структуры — наибольшим размер хозяйств был в Брянской области. Следует заметить, что этот показатель был наибольшим и по Центральному району. В результате укрупнения к 1952 году лидирующее положение области сохранилось, что

¹ Денисова Л. Н. Исчезающая деревня России: Нечерноземье в 1960–1980-е гг. М., 1996. С. 15.

² Сост. по: РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 7. Д. 1257. Л. 96.

свидетельствовало о прежней значимости типа сельского расселения, однако на размер колхозов все большее влияние начинали оказывать и другие факторы, в том числе характер индустриального развития региона, близость городов (пригородные хозяйства укрупнялись быстрее). Представляется, что именно в силу этого обстоятельства колхозы Смоленской области, прежде самые малочисленные, к 1952 году сравнялись по размерам с калужскими.

В результате реорганизации прежняя схема «одна деревня — один колхоз» трансформировалась в кустовую структуру, объединявшую в Центре 2–3 поселения (при продвижении на север количество населенных пунктов в составе одного колхоза возрастало и могло достигать до 10–15). По функциональной значимости выделялись типы поселений: центральный поселок, поселок отделения, рядовые поселения. При этом чем более высокую ступень занимало поселение в новой иерархии, тем жизнеспособнее оно было¹. Таким образом, в ходе укрупнения колхозов разрушалась ранее однородная сельская поселенческая сеть; что же касается социальных приоритетов властей, то они не менялись. Прямых попыток «городского давления» на село еще не было, поскольку колхозное крестьянство едва ли рассматривалось в то время в контексте его будущего слияния с рабочим классом. Однако при выстраивании новой сельской поселенческой иерархии даже в отдаленных от городов местностях реально моделировалась урбанистическая система расселения с ее градиентом освоенности территории от центра к периферии. Рядовые поселения теряли привлекательность в глазах местных жителей; люди оказывались отлучены от колхозных дел, теряли перспективу улучшения трудовых и бытовых условий. Это стало одной из основных причин отмеченной исследователями волны стихийной миграции 1949–1951 годов². Вот фрагмент письма колхозника, написанного по поводу укрупнения хозяйств, хотя и несколько позже: «Объединение сильно повлияло на общую психологию людей. Они это восприняли как унижение, как обиду. И это вызвало большой отток. Казалось бы, что произошло? Просто объединились. Все те же поля, все то же животноводство... Нет, человека это сильно обидело!»³

¹ Город и деревня в Европейской России. С. 235.

² См.: Вербицкая О. М. Указ. соч. С. 84. Попов В. П. Указ. соч. С. 237.

³ Виноградский В. Г. Крестьянские общества сегодня // Куда идет Россия?.. Социальная трансформация постсоветского пространства. М., 1996. С. 449–451.

К началу 50-х годов доля совхозов во всей продукции сельского хозяйства составляла лишь 10%¹. Количество их было незначительным. В Смоленской области в 1951 году насчитывалось 1625 колхозов и всего 47 совхозов, в Брянской — соответственно 975 и 25². По размеру совхозы существенно не отличались от колхозов. На хозяйство приходилось от 500 до 1000 га, редко больше, что примерно соответствовало характеристикам колхозов³.

3.2. Состояние личных подсобных хозяйств колхозников

Коллективизация не смогла отменить личные хозяйства колхозников. После неудавшейся кавалерийской атаки на мелкое крестьянское хозяйство в первые колхозные годы эти действия были признаны поспешными — колхозная экономика была слишком слаба для самостоятельного выживания. В результате в 1933 году «был выработан компромисс: колхозникам разрешалось иметь близ дома личный участок размером с футбольное поле»⁴.

Был принят термин «личное подсобное хозяйство», но существовал он только на официальном уровне, причем не только до войны, но и после. М. А. Безнин отмечает, что в послевоенной советской деревне крестьянская самооценка своего хозяйства как подсобного отсутствовала («в своем хозяйстве», «на дворе»)⁵. Наличие этого хозяйства оставалось важной принадлежностью крестьянского мира. Неслучайно в числе наиболее разрушительных событий в деревне, помимо коллективизации, крестьянское сознание зафиксировало гонения на личные хозяйства во второй половине 50-х годов⁶.

---

¹ Шмелев Н., Попов В. На переломе: Экономическая перестройка в СССР. М., 1989. С. 83.

² ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 30. Д. 887. Л. 1. ГАСО. Ф. 6. Оп. 3. Д. 1326. Л. 28. ГАБО. Ф. 1649. Оп. 1. Д. 1429. Л. 75.

³ ГАБО. Ф. 1649. Оп. 1. Д. 1429. Л. 8.

⁴ Современные концепции аграрного развития. Теоретический семинар // Отечественная история. 1995. № 6. С. 147.

⁵ Безнин М. А. Крестьянское хозяйство в российском Нечерноземье. С. 12.

⁶ Попов В. П. Влияние государственной политики на крестьянское сознание и хозяйство в колхозный период // Крестьянское хозяйство: история и современность. Ч. 1. С. 151. Там же. у И. Е. Козновой:

Послевоенные десятилетия отмечены постоянной борьбой тенденций сокращения размеров личных хозяйств с их поощрением. При этом в сознании колхозников общественная и личная формы ведения хозяйства существовали вместе. Поначалу это являлось своеобразным выражением принципов общинной демократии, а по мере распространения методов прямого администрирования, роста колхозов и отлучения их членов от результатов своего труда все больше напоминало схему отношений «помещик—крестьянин» с «барщиной» и «оброком» в виде колхозного труда и госпоставок. С точки же зрения государства, крестьянская «мелкобуржуазность» по-прежнему виделась более серьезной угрозой, нежели его «традиционная» составляющая. Представляется, что продолжавшаяся модернизация подталкивала эволюцию крестьянских хозяйств даже в условиях колхозной экономики; при этом в специфической советской ситуации изменения выразились не столько в технических усовершенствованиях, сколько в возросшей ориентации на рынок. Вряд ли стоит вслед за А. Г. Вишневым чрезмерно акцентировать значение денежного фактора для безденежной советской деревни¹, однако властью он воспринимался как серьезный идеологический вызов.

При обострениях кризиса колхозно-совхозной экономики восполнить недостаток продукции были призваны крестьянские хозяйства, и нажим на них смягчался, а в периоды улучшений наступление на ЛПХ возобновлялось с новой силой. Значит, чем лучше чувствовал себя общественный сектор, тем тяжелее приходилось личному. Тем не менее в какие-то (очень недолгие) промежутки времени власть была настроена на удовлетворение традиционалистских ожиданий крестьян. Е. Ю. Зубкова обращает внимание, что в проекте Конституции 1946 года допускалось существование мелкого частного хозяйства крестьян и кустарей, «основанное на личном труде и исключающее эксплуатацию чужого труда»². В том же 1946 году В. М. Молотов направил предложения И. В. Сталину по расширению приусадебных хозяйств рабочих и служащих совхозов.

«Крестьянство прежде всего вспоминает те времена, когда наносился удар по его индивидуальному семейному хозяйству» (Менталитет и аграрное развитие России. С. 397).

¹ «Вirus денег, проникнув в деревню, лишил ее векового иммунитета, втянул ее в модернизационный процесс, которому она прежде противостояла как чему-то чуждому, наносному» (Вишневский А. Г. Указ. соч. С. 26).

² Зубкова Е. Ю. Указ. соч. С. 154.

Задний двор
дома семьи Чуйко
в с. Желовижи
Ферзиковского
района Калужской
области. Начало
1950-х гг. Фото
из семейного архива
Е.И. Дедиу

Планировалось взамен 0,15 га, определенных положением 1939 года, выделять от 0,2 до 0,5 га земли на двор; вместо 1 коровы, 1 теленка (до 4-х мес.), 1 свиньи и до 0 голов птицы предполагалось разрешить содержать 1 корову, 1 теленка (до 2-х лет), 1 свинью, 3 овцы, неограниченное количество птицы (сколько сможет сам содержать) и до 10 ульев пчел. Планировалось также помогать кредитами, материалами и транспортом, причем специалистам, инвалидам и семьям погибших — за счет совхозов¹. Предложение не прошло, а среди немногих реальных поощрительных мер по отношению к личным хозяйствам жителей села в послевоенный период было решение о предоставлении кредита бескоровным, изданное в августе 1947 года². Предусматривалось закупить в 1947 году у колхозников и служащих 1 млн телок для продажи бескоровным. Сумма кредита определялась в 200,5 млн руб. Помимо того, что выплачивалась стоимость скота по государственным закупочным ценам, выдавались также зерно и грубые корма на каждый килограмм живого веса. Срок кредита устанавливался в 2—3 года³.

¹ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 651. Л. 88.

² РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 327. Д. 305. Л. 52.

³ ГАСО. Ф. 2440. Оп. 3. Д. 25. Л. 35.

Постановление, направленное в первую очередь на подъем экономики в перенесших оккупацию районах, должно было сыграть известную положительную роль, но в целом выполнено не было. Причина видится в том, что поощрение приусадебного скотоводства противоречило другой, более определенно выраженной линии борьбы «с раздуванием личного хозяйства в ущерб общественному», как было сказано в Постановлении ЦК ВКП(б) и Совета Министров от 19 сентября 1946 года¹. Развернулась многолетняя борьба с «захватами» колхозных земель. «Захваченной» земли больше всего оказалось на бывшей оккупированной территории, в условиях дезорганизации колхозного производства. В 1950 году в Калужской области было установлено 17 112 случаев нарушения землепользования на площади 810 га, охвативших 12% крестьянских дворов². В 1953 году в Брянской области было проверено 62 214 хозяйств, выявлено 2383 случая захвата (3,8% проверенных дворов), в том числе 1667 случаев — колхозниками, на общей площади 76 га³. В директивных документах, направляемых на места, в связи с начавшейся кампанией отмечалось, что «благодаря равнодушно-примиренческому отношению к захватчикам колхозных земель имеют место факты раздувания личного хозяйства колхозников до таких размеров, что оно теряет характер подсобного хозяйства и превращается в основной источник дохода двора в ущерб обществу колхозов»⁴.

Множественность захватов не позволяет предположить наличия у крестьян в тех условиях антиколхозной позиции. «Захватывались» заведомо не используемые земли, главным образом из «запасного» приусадебного фонда, либо, гораздо реже, сенокосы⁵. Из-за массового характера нарушений наказание было сравнительно мягким. Как правило, это были штрафы и лишь особо злостные нарушители подлежали уголовному преследованию. Такие случаи отмечены, например, в Калужской и Смоленской областях в 1950 году⁶.

Обычный размер приусадебного надела составлял 0,25 га, но иногда доходил и до 0,5 га. Размер участка не зависел от количества

¹ КПСС в резолюциях. Т. 8. С. 177.

² РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 10. Д. 3146. Л. 42–43.

³ Там же. Д. 36. Л. 25.

⁴ Там же. Оп. 7. Д. 395. Л. 140.

⁵ Безнин М. А. Землепользование крестьянского двора... С. 34.

⁶ РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 10. Д. 3140. Л. 43; д. 3173. Л. 25.

Вспашка земли.
За плугом —
В.А. Доброхото-
ва, в годы войны
спасшая раненых
советских летчиков
и награжденная
орденом Отечествен-
ной войны II степени.
с. Вешки Износ-
ковского района
Калужской области.
Октябрь 1952 г.
ГАДНИКО.
Ф. П-7607. Оп. 5.
Д. 4771

еδοков в семье, в результате самые многочисленные семьи оказывались и самыми бедными¹. Бывало и так, что вслед за исключением одного из членов семьи из колхоза приусадебный участок отбирали. На этот случай в 1951 году вышло специальное разъяснение, в соответствии с которым «правом на приусадебный участок пользуется не глава двора, а двор в целом. Значит, если один из членов двора исключен из колхоза, участок сохраняется»².

Иногда больший в сравнении с обычным участок можно было получить в порядке поощрения либо в результате семейного раздела. Из колхоза «14-й годовщины Октября» Рославльского района Смоленской области была направлена характерная жалоба: «Бывшие единоличники до оккупации фашистской, каковые имели от 15 с. до 25 с. га, но теперь... награждены совместно со старыми нашими колхозниками по 50 с. га... Член партии Попкова Мария Павловна разделена с одного семейства с сестрой и награждена двумя усадьбами»³. В этом документе обращает на себя внимание восприятие прирезки

¹ См.: *Вербицкая О. М.* Значение демографического фактора в материальной обеспеченности крестьянской семьи // *Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе.* М., 2000. С. 222.

² РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 7. Д. 1143. Л. 60.

³ Там же. Д. 397. Л. 352.

участка как *награды*. Также обращает на себя внимание сходство послевоенной практики с ситуацией в доколхозной деревне с особым местом в ней старейшин и распространением семейных переделов.

О подсобном характере крестьянского хозяйства речи в ту пору еще не велось ни применительно к благосостоянию крестьянской семьи, ни в контексте сельской экономики в целом. Доля ЛПХ в валовой продукции сельского хозяйства была чрезвычайно высока, особенно в западных и южных районах Нечерноземного Центра. По состоянию на 1950 год, личные хозяйства производили 61% всей сельскохозяйственной продукции в Смоленской области, 62% в Калужской, соответственно 57 и 58% в Рязанской и Орловской. Еще более значительной доля ЛПХ была в производстве животноводческой продукции, доходя до 76% в Брянской и 72% в Калужской областях¹.

Важнейшей проблемой, с которой ежедневно сталкивалось послевоенное крестьянство, были налоги. Е. Ю. Зубкова, анализирувшая письма «во власть» этого периода, отмечает, что именно вопросы налогообложения занимали колхозников в наибольшей степени².

Здесь необходимо принять во внимание, что тягловые обязанности крестьян по отношению к государству не были чем-то новым и являлись частью традиционного мировосприятия. Поэтому налоги сами по себе вряд ли могли способствовать разрушению крестьянского мира. Главное заключалось в мере изъятия. По мнению Дж. Скотта, «крестьян при этом особенно беспокоило не сколько у них изымают, а сколько им остается, иначе говоря, сохранится ли их жизнеспособность, возможность воспроизводства семьи и хозяйства»³. Опираясь на многочисленные свидетельства, с большой долей уверенности можно предположить, что предел выживаемости в эти годы был достигнут, а сама налоговая система, жесткость которой диктовалась нежизнеспособностью послевоенного колхозного производства, являлась для жителей села мощным выталкивающим фактором, побуждая их переезжать в город.

Механизм выталкивания был прост: налоги исчислялись от количества трудоспособных. В письме И. П. Рохмановой

---

¹ См.: *Безнин М. А.* Крестьянское хозяйство в российском Нечерноземье. С. 8.

² *Зубкова Е. Ю.* Указ. соч. С. 175.

³ Цит. по: *Гордон А. В.* Хозяйствование на земле — основа крестьянского мировосприятия / Менталитет и аграрное развитие России. М., 1996. С. 62.

из Хвастовичского района Калужской области, написанном в 1950 году, читаем: «Госналоги все больше — если в 1949 году я уплатила 375 руб. и сдала 40 кг мяса, то в 1950 — 550 руб. и 44 кг мяса... Денег не видим... Живем лишь на своей картошке вдвоем с дочерью, а у кого семья большая, дети пухнут с голода» (выделено нами. — О. Г.)¹. Последняя фраза звучит парадоксально, поскольку производящий потенциал индивидуального крестьянского хозяйства всегда зависел от количества работников, и хозяйство было тем крепче, чем больше было работников. С переходом ведущей производственной функции от единоличных крестьянских хозяйств к колхозам и совхозам количество трудоспособных работников в семье теперь было непринципиально. Скорее появлялась обратная зависимость — чем их было меньше, тем лучше для семьи.

Принцип наделения колхозников приусадебными участками порождал и другие явления, особенно характерные для урбанизированных районов, где многие члены семьи уходили на промышленные предприятия. Уже в 1947 году колхозники Московской области задавали вопрос: «Считается ли усадьба за колхозной семьей, где 4 человека работают на производстве, а только 1 человек состоит в колхозе и вырабатывает минимум трудодней?»² Совершенно очевидно, что в этом случае членство в колхозе было необходимо только для сохранения за семьей подсобного хозяйства. Само же хозяйство двора постепенно утрачивало роль основного источника доходов. По мере расширения урбанизированных зон в границах ЦЭР все большие масштабы приобретал и этот процесс.

И все же отсутствие приусадебного участка в послевоенные годы было для жителя деревни делом совершенно невозможным. В укрупнении колхозов, сопровождавшемся сселением колхозников, разрушительный эффект наиболее сильно проявлялся именно по отношению к ЛПХ. Предложенные государством меры могли лишь немного смягчить негативный эффект сселения, не отменяя его главных последствий, а нужды крестьян удовлетворялись лишь постольку, поскольку это не противоречило интересам общественного хозяйства. Селяемым колхозникам разрешалось «убирать в год сселения урожай на приусадебных участках в селяемых поселках, а также переносить многолетние насаждения на новое место жительства, если таковой перенос технически осуществим, и если по плану

¹ Зима В. Ф. Указ. соч. С. 199.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 704. Л. 281.

колхоза оставление насаждения на старом месте не предполагается» (выделено нами. — О.Г.). О компенсации потерь речи не шло, в 1951–1955 годах через колхозы выделялись лишь ссуды в связи со сселением: на перенос дома — до 3 тыс. руб. и от 6 до 10 тыс. руб. на постройку нового дома¹.

Таким образом, приходится констатировать следующее. Во-первых, личные подсобные хозяйства играли совершенно исключительную роль в жизни послевоенного крестьянства Западного района России, являясь основой для выживания сельских семей. Во-вторых, государство вело себя в этой сфере очевидно непоследовательно. Власть балансировала между поощрением ЛПХ и репрессивной политикой по отношению к ним в пользу общественного сектора в зависимости от тяжести положения в сельской экономике.

3.3. Уровень благосостояния жителей села

В этой части работы мы попытаемся не ограничиваться общеизвестной констатацией низкого уровня доходов селян и попробуем выяснить, от чего они зависели в разных областях Центра. Для определения внутризональных различий по источникам и уровню доходов сельского населения следует вновь обратиться к критериям выделения отдельных территорий в составе ЦЭР. Первой по значимости будет *степень близости к центру*. Вполне резонно предположить, что традиции отходничества, бытующие среди сельских жителей ближних к Москве областей, вносят серьезные коррективы в структуру их бюджета. И, напротив, по мере удаления от центра района аграрная составляющая доходов возрастает. По этому признаку, например, в западной зоне различаются ближняя Калужская и отдаленная Брянская, в северо-восточной — Ярославская и Костромская области.

Следующая причина различий видится в *наличии либо отсутствии развитой промышленной инфраструктуры*. В условиях развитой промышленности аграрная сфера местной экономики не может не принимать вспомогательного характера. С точки зрения быта конкретной сельской семьи, это выражается в том же отходничестве (здесь более уместен более широкий по смыслу термин «маятниковая миграция»), появляется возможность работать в многопрофильном пригородном

¹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 7. Д. 1057. Л. 120.

общественном хозяйстве, а не в монокультурном с ограниченным выбором специальностей; часть доходов образуется за счет продажи в городе продукции, полученной от своего хозяйства либо (реже) от колхоза. По этому признаку вполне себя оправдывает традиционный принцип зонального деления: промышленные северо-восточные области Центра существенно отличаются от аграрных западных.

Наконец, третьим фактором, который необходимо принять во внимание, являются *особенности сельского расселения*. Поскольку плотность населения и людность сельских поселений убывают с юга на север, в схожих условиях оказываются принадлежащие к разным зонам Рязанская и Брянская, Калининская и Костромская области. Напротив, находящиеся в одной зоне Брянская и Смоленская области существенно различаются по условиям труда и источникам дохода сельских жителей. Для малоселенных областей характерна большая трудовая нагрузка в сельскохозяйственном производстве. Действует этот фактор по-разному. Например, в Смоленской области наличие сильной монокультурной специализации (выращивание льна) определяло преимущественно аграрный характер доходов сельского населения (расценки за работу в этом секторе были довольно высокими). В то же время ограниченность трудовых ресурсов повышала трудовую нагрузку, а впоследствии, со снижением в середине 1950-х годов расценок в льняном производстве, обусловила отток сельских жителей в города, так как возможностей альтернативного заработка почти не было.

В областях Запада отсутствовала возможность альтернативного заработка для жителей села, как, например, в Тульской с ее угледобывающей промышленностью. Поэтому их развитие определяла преимущественно аграрная специализация экономики. Влияние города здесь было весьма ограниченным, в результате главными составляющими бюджета сельских жителей были доходы от общественного производства и от личного хозяйства.

Необходимо обратить внимание на то, что различие в уровнях доходов жителей села различных регионов не может служить автоматическим обоснованием наличия либо отсутствия у них намерения улучшить свое материальное положение. Чрезвычайно важную роль здесь играет степень урбанизированности территории. Осознание неудовлетворенности уровнем доходов напрямую зависит от степени устойчивости связей с городом — информационных, транспортных и т.п. По нашему мнению, вплоть до первой половины 1960-х годов значительная часть сельского населения большинства областей

Центра жила в условиях прежней изолированности сельского мира от городского. Урбанизация сознания, затронувшая сельское население территорий с развитой промышленностью либо близких к Москве, значительно позже коснулась жителей областей с выраженной аграрной специализацией. Если судить по уровню миграции из села, массовая урбанизация сознания сельского населения этих территорий произошла только во второй половине 1960-х годов. До этого времени определяющими критериями в восприятии уровня своего достатка у большей части крестьян юго-западных областей оставалось традиционное крестьянское мироощущение, ориентирующее скорее на выживание, нежели на накопление.

С учетом того что в первые послевоенные годы в сельском населении Центра преобладали колхозники, обратимся к сравнительной характеристике доходов от колхоза в это время. По данным О. М. Вербицкой, наименьшими не только в пределах ЦЭР, но и по Нечерноземью в целом были выплаты от колхозов в Брянской области¹, что увеличивало роль ЛПХ. Напротив, в Московской области показатели превышали средние по РСФСР². Довольно красноречиво сопоставление числа выработанных трудодней в расчете на одного трудоспособного колхозника для Калужской области и Краснодарского края — 180 против 443 в 1946 году³. В Смоленской области в 1946 году на одного работающего приходилось 272 трудодня⁴. Это сравнительно высокий для региона показатель, но достигался он за счет того, что в общественном производстве участвовало лишь 57,2% трудоспособных⁵.

Вместе с тем количество выработанных трудодней не было прямо связано с реальными доходами колхозников. Отмечалось, что весо-
мость послевоенного трудодня (1945 года) в сравнении с довоен-
ным по Нечерноземью в целом снизилась примерно в два раза⁶.
Обычным явлением были невыплаты по трудодням, что к тому же

¹ Вербицкая О. М. Колхозное крестьянство РСФСР в 1946–1958 гг. С. 177.

² Безнин М. А. Материальное благосостояние колхозной семьи в Нечерноземье (1959–1965 гг.) // История СССР. 1989. № 1. С. 53.

³ Волков И. М. Трудовой подвиг колхозного крестьянства в послевоенные годы. Колхозы СССР в 1946–1950-х гг. М., 1972. С. 150.

⁴ ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 5893. Л. 201.

⁵ Там же.

⁶ Иванов Н. С. Раскрестьянивание деревни (середина 40-х — 50-е гг.) // Судьбы российского крестьянства. М., 1996. С. 426.

нередко сочеталось с требованиями к колхозникам подписываться на займы восстановления народного хозяйства, причем сумма подписки из расчета на трудодень могла превышать размер денежных выплат на тот же трудодень¹.

Положение с выплатами от колхозов немало усугублялось злоупотреблениями управленцев. Сведения о них в архивах довольно многочисленны, так как специально подбирались к развернувшейся в 1946 году кампании борьбы с нарушениями Устава сельскохозяйственной артели. Отмечался постоянный рост расходов на зарплату колхозной администрации².

1946 год был особенно трудным для колхозников Центра. Как отмечает О. М. Вербицкая, работать в личных хозяйствах времени не было, и поэтому приходилось рассчитывать только на поступления от колхоза. Хлеба же в этом году сельское население получало в четыре раза меньше, чем в 1945 году³.

В. Ф. Зима обращает внимание еще на одно немаловажное обстоятельство, влиявшее на занятость в колхозе. При том что случаи работы вне колхоза были довольно частыми, «независимое» существование владельцев отдельных хозяйств вызывало ненависть некоторых колхозных лидеров, которые разжигали против них гнев соседей-колхозников, живших хуже. Под подозрение попадали все, кто кормил семью, не рассчитывая на трудодни. Их называли «околоколхозное население», «мнимые колхозники»⁴.

И хотя голод 1946—1947 года ощущался в деревне Центрального Нечерноземья менее остро, чем в черноземных районах (о чем уже упоминалось выше), многочисленные случаи алиментарной дистрофии отмечались в Рязанской, Костромской, Калужской и Владимирской областях. Калужской обком партии информировал ЦК ВКП(б), что «часть семей колхозников... в районах области не имеет хлеба, картофеля и вынуждена питаться суррогатами и нищенствовать»⁵.

¹ РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 7. Д. 395. Л. 195.

² См. напр.: РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 7. Д. 395. Л. 189.

³ Вербицкая О. М. Структура питания сельской семьи в послевоенные годы (1946–1960). Доклад на конференции «Человек в повседневности», ИРИ РАН, 13–14 февраля 2001 г.

⁴ Зима В. Ф. Голод в СССР 1946–1947 гг.: Происхождение и последствия. М., 1996. С. 209.

⁵ Цит. по: Зубкова Е. Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М., 1999. С. 76–77.

На этом фоне особый смысл приобретало изданное 31 мая 1947 года постановление, в соответствии с которым введенные в 1942 году повышение минимума трудодней и судебная ответственность за его невыполнение сохранялись и на последующие годы. Е. Ю. Зубкова отмечает в связи с этим, что колхозная система окончательно превращалась в зону подневольного труда. При этом главной проблемой была не напряженность работы в колхозе, а ее обесценивание, оплата становилась формальной¹.

Среди областей Центра наибольшее количество колхозов с минимальными выдачами хлеба в 1947 году находилось в Калужской и Костромской областях. В Калужской и Брянской областях отмечались минимальные выдачи денег на трудодни (соответственно 0,20 и 0,26 руб.). Наибольшее количество колхозов с выдачей от 1 до 20 коп. на трудодень располагалось в Орловской (31,5%), Брянской (29,1%) и Смоленской (27%) областях. Можно говорить о том, что выдачи были меньше в аграрных областях с относительно большей плотностью сельского населения, а самыми «благополучными» выглядели территории с выраженным промышленным статусом. Причем фактор мелкоселенности сам по себе не влиял на размер выплат, если отсутствовало индустриальное окружение (Костромская и Смоленская области).

В дальнейшем отмеченная закономерность более высоких выдач на трудодень в индустриальных областях в дальнейшем либо совсем не проявлялась, либо была менее отчетливой и касалась только денежных выплат. Это позволяет предположить, что колхозы в городском окружении, имея возможность продавать часть продукции на рынке (сверх или в обход госпоставок), в ситуации острого кризиса оказывались в несколько лучшем положении по сравнению с почти натуральными хозяйствами аграрных областей, что сказывалось на благосостоянии колхозников и определяло соответственно большую или меньшую значимость личного хозяйства для выживания колхозной семьи. В более же спокойные годы потребительский минимум колхозника в аграрных областях складывался из преимущественно натуральных поступлений от колхоза и продукции личных хозяйств, оставшейся после уплаты налогов. Рыночный же потенциал как колхозов, так и личных хозяйств был крайне невысок.

Вообще в послевоенные годы выдача денег на трудодни в очень небольшой степени зависела от уровня городской насыщенности

¹ Зубкова Е. Ю. Указ. соч. С. 61.

территории. В 1950 году не выдавали денег на трудодни 26,3% колхозов Российской Федерации. В то же время на территории урбанизированного Центрального экономического района этот показатель составлял 39,5%¹. Экономическое положение сельскохозяйственной сферы на территории района определялось и последствиями войны, и менее благоприятными условиями для ведения сельского хозяйства в целом. Об отставании колхозов Центрального Нечерноземья от среднероссийских показателей свидетельствуют сравнительно меньшие натуральные выдачи на трудодни зерна при том, что поступления из колхоза были единственным источником обеспечения хлебом колхозных семей². Если в 1946 году в среднем по РСФСР колхозы выдавали 1,9 ц зерновых и бобовых на колхозный двор, то в ЦЭР — только 1,6 ц; в 1950 году соответственно 5,7 и 2 ц (т.е. к завершению восстановительного периода разрыв не только не сократился, но даже увеличился). В расчете на душу населения в среднем по РСФСР в 1950 году приходилось 164 кг зерновых и бобовых от колхоза, в ЦЭР — только 98 кг. Это отставание отчасти компенсировалось выдачами картофеля, которого в ЦЭР выдавали на трудодни больше, чем в среднем по РСФСР³.

В течение первых послевоенных лет фиксировалось уменьшение количества выработанных трудодней в расчете на одного работающего. Оно свидетельствовало не столько о падении трудовой активности, сколько о постепенном, хотя и медленном росте числа работавших вследствие демобилизации из армии. Напротив, в малоселенных районах, где отток населения не вполне компенсировался демобилизацией, отмечалось постепенное увеличение количества выработанных трудодней. Например, на Смоленщине в 1947 году в среднем одним работавшим зарабатывался 251 трудодень, в 1949 году — 253⁴.

Низкие показатели трудового участия объяснялись необходимостью работы в личном подсобном хозяйстве как чуть ли не единственной возможностью выживания в тех условиях и отходничестве. Крайне низкие урожаи зерна в 1948 году в Центральной России привели к тому, что в ряде областей Центра, в том числе Брянской, количество хозяйств, не выдававших зерна на трудодни, было наибольшим

¹ РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 7. Д. 10896. Л. 100.

² *Вербицкая О. М.* Колхозное крестьянство: от Сталина к Хрущеву. Середина 40-х — начало 60-х гг. М., 1992. С. 138.

³ РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 7. Д. 10896. Л. 100.

⁴ ГАСО. Ф. 2440. Оп. 5. Д. 60. Л. 167а.

по стране¹. И. М. Волков указывает, что в 1949 году в Калужской и Смоленской областях колхозники работали практически только в личных подсобных хозяйствах, так как ничего не получали на трудовом, выработанное количество которых было поэтому минимальным².

Было бы логично предположить, что вследствие льноводческого характера хозяйства Смоленской области трудовые затраты были здесь выше, а значит, больше количество выработанных трудовых. Но прямая зависимость между затраченным трудом и размерами выплат отсутствовала. В 1950 году руководители Смоленской области в письме к Г. М. Маленкову сообщали, что нагрузка на одного трудоспособного очень высока, она возросла с 2,54 га в 1949 году до 3,06 га в 1950 году, а в некоторых районах — до 5 га и более³. Для сравнения — в соседней Брянской области нагрузка посевной площади на одного трудоспособного в 1949 году в основном (в 75 % случаев) составляла от 1,4 до 2,6 га, хотя и варьировалась по районам от 0,5 до 15,0 (!) га⁴. Вместе с тем выплаты на трудодень не становились больше. Если в 1949 году колхозникам области было выдано деньгами в среднем 54 коп., то в 1951 — 11 коп., а в 1952 — 28 коп. на трудодень⁵. Поэтому вполне объясним тот факт, что только за два года, с 1948 по 1950, численность колхозного населения Смоленщины уменьшилось на 70,9 тыс. чел., в том числе трудоспособных — на 37,1 тыс. чел.⁶. Обнаружившийся уже в те годы недостаток рабочих рук поставил Смоленскую область в тяжелое положение и сильно повлиял на характер последующего ее развития.

Одно из многих подобных ему в то время хозяйств — колхоз «Новый путь» Ярцевского района. Он имел 23 крестьянских двора, 26 трудоспособных, из них 16 женщин. У трети трудоспособных не было в 1948 году ни одного заработанного трудового — ко всему прочему сказывалось отсутствие детских дошкольных учреждений. В колхозе было 3 лошади, 6 коров, 19 голов молодняка и 18 овец.

¹ Вербицкая О. М. Указ. соч. С. 138.

² Волков И. М. Колхозы и колхозное крестьянство СССР в первые послевоенные годы. С. 509. См. также: РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 369. Л. 50.

³ ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 1079. Л. 6.

⁴ ГАБО. Ф. 1649. Оп. 1. Д. 8063. Л. 8.

⁵ Попов В. П. Экономическое и социальное положение советского общества в 40-е гг. (на примере российской деревни). Дис. ... докт. ист. наук. М., 1996. С. 150.

⁶ ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 1079. Л. 7.

Только 10 крестьянских хозяйств имели коров. На трудодни здесь выдавалось в 1946 году 62 г зерна, в 1947 году — 200 г. Большинство молодежи подали заявления об уходе из колхоза, правда, безрезультатно. Был случай самовольного ухода в МТС¹.

В ряду правительственных декретов тех лет находилось постановление Совета Министров СССР «О мерах по улучшению организации, повышению производительности и упорядочению оплаты труда в колхозах», датированное 19 апреля 1948 года². Оно устанавливало дополнительную оплату труда в экономически сильных хозяйствах. В ЦЭР им было охвачено 15–25% колхозов. Для сравнения: в Сибири и на Ставрополье таких колхозов было 60–75%³.

Выше уже говорилось о негативных последствиях укрупнения колхозов для села Нечерноземья. Данные табл. 1 позволяют сделать вывод, что на фоне общего худшего экономического состояния колхозов ЦЭР в сравнении со среднесоюзным уровнем укрупнение колхозов, проведенное в 1950 году, существенно уменьшило размеры колхозного дохода, приходившегося на один двор.

Т а б л и ц а 1

**Рост денежных доходов колхозов,
в ценах соответствующих лет**

	1946		1947		1948		1949		1950	
	На колхоз, тыс. руб.	На колхозный двор, руб.	На колхоз, тыс. руб.	На колхозный двор, руб.	На колхоз, тыс. руб.	На колхозный двор, руб.	На колхоз, тыс. руб.	На колхозный двор, руб.	На колхоз, тыс. руб.	На колхозный двор, руб.
СССР	88,6	1112	107,2	1319	96,6	1196	110,7	1387	289,0	1684
ЦЭР	53,4	1056	64,5	1267	48,7	1000	51,1	1070	140,6	986

¹ ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 195. Л. 132–134.

² Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 3. С. 474.

³ РГАЭ. Ф. 7486, Оп. 7. Д. 1019а. Л. 100.

⁴ Советская деревня в первые послевоенные годы. 1946–1950. М., 1978. С. 288–289.

Из табл. 2 можно сделать вывод, что уровень благосостояния колхозников ЦЭР по всем показателям был ниже среднесоюзного; бо́льшим были лишь количество выработанных женщинами трудодней, а также общее количество выработанных трудодней. Трудоспособный колхозник ЦЭР, выработав в 1950 году 257 трудодней, получал 97,6 руб. и 2,1 ц продуктов, а колхозник Средней Азии за 295 дней — 1451 руб. и 5,4 ц (для сравнения — колхозник Поволжья за 275 трудодней получал 79,7 руб. и 2,7 ц продуктов)¹.

Т а б л и ц а 2

**Группировка колхозов по распределению натуральных
и денежных доходов, 1950 г.**

	% колхозов, выполнивших план получения доходов	Денежные доходы			Определено денег к распределению на трудодни		Определено к выдаче по трудодням в среднем						Выработано в среднем одним трудоспособным колхозником трудодней		
		на колхоз, тыс. руб.	на двор, руб.	на трудодень, руб.	на двор, руб.	на трудодень, руб.	на двор, ц			на трудодень, кг			мужчины	женщины	в среднем
							зерна	картофеля	овощей	зерна	картофеля	овощей			
СССР	77,7	289,0	1684	4,13	596	1,49	6,1	1,6	0,4	1,53	0,41	0,10	324	211	251
ЦЭР	59,1	140,6	986	2,43	152	0,38	3,3	4,4	1,0	0,82	1,10	0,24	319	231	257

Постараемся определить сравнительную значимость поступлений от колхоза в различных областях Запада на начало 1950-х годов. В табл. 3³ приводятся размеры поступлений от колхозов в 1953 году в рублях.

¹ Советская деревня... С. 458.

² Там же. С. 457.

³ ГАРФ. Ф. А-310. Оп. 1. Д. 6438. Л. 93–94.

Регион	На трудодень	На трудоспособного	На 1 двор
ЦЭР	0,60	197	236
Брянская	0,50	142	194
Калужская	0,29	119	134
Смоленская	0,64	183	189

Представим в виде графика данные о доходах колхозников областей Запада России в 1953 году на один трудодень в денежном выражении (рис. 2).

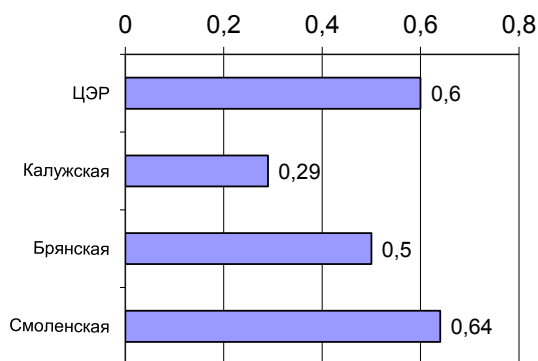

Рис. 2. Выдача денег на трудодень по областям Запада России, руб. 1953 г.

Обращает на себя внимание то, что только в Смоленской области показатели выдач превышали среднерегиональные. Это происходило, во-первых, за счет доходов, полученных в производстве льна, а во-вторых, из-за высокой трудовой нагрузки в условиях недостатка населения. Более низкое место Брянской области объясняется как слабой механизацией местного колхозного производства, так и относительной трудоизбыточностью. Что касается близкой к Москве Калужской области, то доходы от общественного производства в ней по значимости уступали место заработкам, полученным от работы вне колхоза.

Теперь сравним данные доходов, полученных колхозниками различных областей в 1953 году в расчете на один колхозный двор (рис. 3). Как видим, наибольшее число трудоспособных членов семьи работало вне колхоза в Калужской области, что объясняется ее близостью к Москве, наименьшее — в Брянской. График позволяет увидеть, как в зависимости от близости урбанистического окружения

работа в колхозе постепенно превращалась лишь в средство сохранения за собой приусадебного надела при том, что основные доходы семья получала вне колхоза.

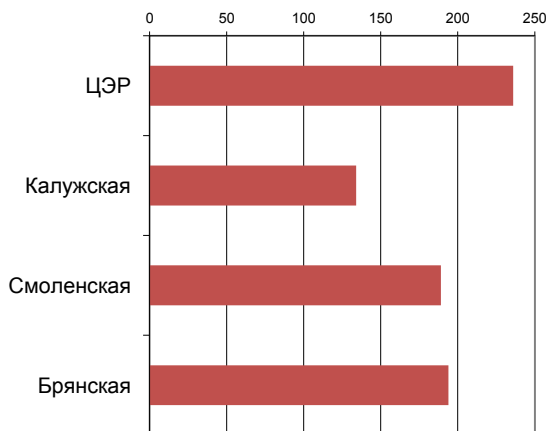

Рис. 3. Доходы в расчете на колхозный двор, руб., 1953 г.

Обратимся к характеристике занятости колхозников вне колхоза (рис. 4)¹. Очевидна более высокая степень урбанизированности сельского населения Калужской области, а последнее место Брянской подтверждает исключительно аграрный характер получаемых доходов.

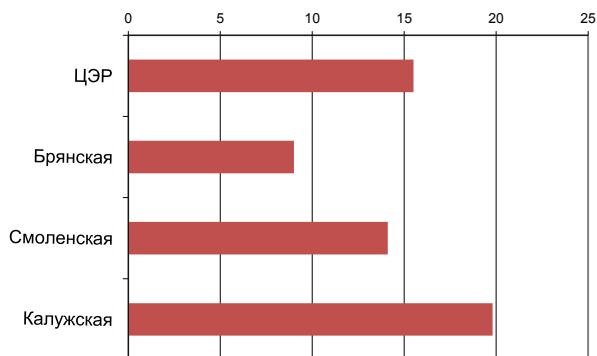

Рис. 4. Доля колхозников, работающих в промышленности и на транспорте, но проживающих в колхозе, к числу наличного трудоспособного населения, %, на 01.01.1954 г.

¹ Рассчитано по: ГАРФ. Ф. А-310. Оп. 1. Д. 6438. Л. 9–10.

Дополнительную информацию дает сопоставление показателей передового и отстающего хозяйств Смоленской области за 1953 год. Передовой колхоз — «Красная заря» Смоленского района, отстающий — им. Коминтерна Руднянского района (табл. 4)¹. При сравнительно большем размере семьи в передовом колхозе обращает на себя внимание, что трудоспособных в ее составе было меньше, причем их занятость в общественном производстве была большей в отстающем хозяйстве, а не в передовом; перевес в общем количестве выработанных трудодней в передовом колхозе по сравнению с отстающим достигался за счет труда подростков и людей в старших возрастах. Было отмечено, что «хозяйства передовые резко выделяются наличием в составе семей трудоспособных, работающих в государственных и кооперативных организациях». В то же время «среди глав семей отстающего колхоза лиц, постоянно работающих в государственных и кооперативных организациях, нет»².

Т а б л и ц а 4

**Сопоставление показателей передового и отстающего хозяйств
Смоленской области, 1953 г.**

	Передовой	Отстающий
Размер семьи	4,17	3,59
Трудоспособных в составе семьи, %	67,0	62,4
Дней работы в колхозе: трудоспособные мужчины	16,17	41,42
трудоспособные женщины	206,0	221,8
Трудодней на хозяйство	326,3	302,6

Теперь сравним размеры поступлений продуктов от колхоза и своего хозяйства в расчете на колхозный двор (табл. 5).³

¹ ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 30. Д. 4014. Л. 134.

² Там же.

³ Там же. Л. 35.

Т а б л и ц а 5

**Поступление продуктов от колхоза и своего хозяйства в расчете
на колхозный двор**

	Из колхоза, кг		От ЛПХ, кг	
	Передовое	Отстающее	Передовое	Отстающее
Зерновые	435,0	145,6	3,5	1,7
Картофель	2097,4	—	4519,3	1407,3
Овощей	461,9	—	158,4	184,3
Мясо и сало	—	—	196,4	44,3
Молоко	35,8	—	985,7	877,1

*Глава 3
ПРОБЛЕМЫ
СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ИСТОРИИ
ЗАПАДНОРУССКОГО
КРЕСТЬЯНСТВА
В 1945–1953 ГОДАХ*

Как и следовало ожидать, передовое хозяйство обеспечивало гораздо бо́льшие выдачи. Но здесь важно другое. Ни по одной позиции, за исключением овощей, личные хозяйства в отстающем колхозе не оказались в состоянии компенсировать недостачу поступлений от колхоза.

Не менее показательны результаты сравнения денежных доходов в хозяйствах обоих типов (табл. 6)¹.

Т а б л и ц а 6

**Результаты сравнения денежных доходов
в хозяйствах обоих типов, руб.**

Вид доходов	Передовое	Отстающее
Весь доход	10 998	1714
Поступления из колхоза	2 125	9
Поступления от работы в государственных и кооперативных учреждениях	4368	44
Продажа скота и птицы	51	529
Продажа сельскохозяйственной продукции	2546	432

При очень большой разнице в размерах денежных доходов колхозники отстающего хозяйства получали сравнительно больший доход от продажи скота и птицы. В то же время поступления от работы

¹ ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 30. Д. 4014. Л. 36.

в государственных и кооперативных учреждениях в передовом колхозе существенно превышали доходы от колхоза. На втором месте стояли доходы от продажи сельскохозяйственной продукции. Таким образом, несмотря на относительное благополучие общественного хозяйства, основную часть денежных доходов в начале 50-х годов колхозники получали за его пределами.

По некоторым оценкам, в начале 50-х годов поступления от общественного хозяйства составляли 20% дохода колхозника. Налоги поглощали 1/5 доходов, т.е. те же 20%¹. Таким образом, приобщенность к общественному сектору выступала в качестве своеобразной формы расчета с государством; это значит, что к реальному благосостоянию семьи работа в колхозе отношения не имела.

В течение периода второй половины 1940-х—начала 1950-х годов серьезных улучшений в благосостоянии колхозной семьи не происходило. Кроме кризиса, переживавшегося колхозной системой в целом, виной тому была также чрезвычайно жесткая налоговая политика. Иногда добавлялись и климатические факторы (неурожайными были 1951 и 1954 годы²). Средние выдачи на трудодни в 1952 году составили по Смоленской области: зерна — до 500 г, денег — 0,11 руб. В области образовалась гигантская задолженность по выдачам в размере 5 млн руб.³. Эта тенденция была характерна и для других западных областей. В областях, прилегавших к Московской, очень частыми были случаи нищенства.

Наибольшее количество нищих колхозников в Москве было зафиксировано из Калининской, Калужской, Рязанской, Смоленской областей. В 1954 году отмечалось, что в Калужской области «нищенствуют все, кроме колхозной верхушки». Особенно широко это явление было распространено среди колхозников Кировского и Хвастовичского районов, причем не вследствие особо тяжелого положения районов по сравнению с остальными, а лишь по причине наличия на их территории железной дороги⁴.

Как видим, в начале 50-х годов контакты села с городом еще очень часто несли на себе явный отпечаток традиционного мировосприятия.

¹ Волков И. М. Деревня СССР в 1945–1953 гг. в новейших исследованиях историков (конец 1980-х — 1990-е гг.) // Отечественная история. 2000. № 6. С. 119.

² ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 14. Д. 1071. Л. 155.

³ Там же.

⁴ Зима В. Ф. Голод в СССР 1946–1947 гг.: Происхождение и последствия. М., 1996. С. 219–225.

Крайне бедственное положение крестьян толкало их в город, но тамошнее их поведение проявлялось в формах, близких к привычному отходничеству. Имеется в виду, что приезжие субъективно противопоставляли себя городскому населению. Занятие нищенством было крайним проявлением маргинальности, порождавшим чувство острого дискомфорта в городской среде. Целью же его было прокормить оставшуюся в деревне семью. Именно поэтому подобные поездки должны были подчеркивать различия между городом и деревней, а не способствовать их сближению. Впрочем, уже в те годы окончательный переезд сельского жителя в город все чаще выглядел самым оптимальным способом решения всех сельских проблем.

Размер доходов колхозной семьи в немалой степени зависел также от типа хозяйства. В животноводческих и зерновых колхозах значительную долю от общего дохода колхозной семьи составлял доход от заработков на промышленных предприятиях, а также доходы от продажи продукции, произведенной в приусадебном хозяйстве. Дело в том, что колхозы этих направлений находились на близком расстоянии от города. Напротив, в колхозах направления технических культур реализация собственной продукции наталкивалась на серьезные трудности. Большинство колхозов этого направления находились на расстоянии 15–30 км от райцентров, в которых, в свою очередь, была слабо развита промышленность, что влияло на количество потенциальных покупателей.

При анализе структуры доходов колхозной семьи необходимо также учитывать большую дифференциацию в уровне благосостояния даже в рамках хозяйств одного направления. Как и в других случаях, чаще всего определяющим фактором была близость колхоза к городу. При этом вполне реальной была ситуация, когда работники отсталого колхоза за счет более удачного расположения по отношению к городу имели больший совокупный доход, нежели колхозники передового хозяйства¹.

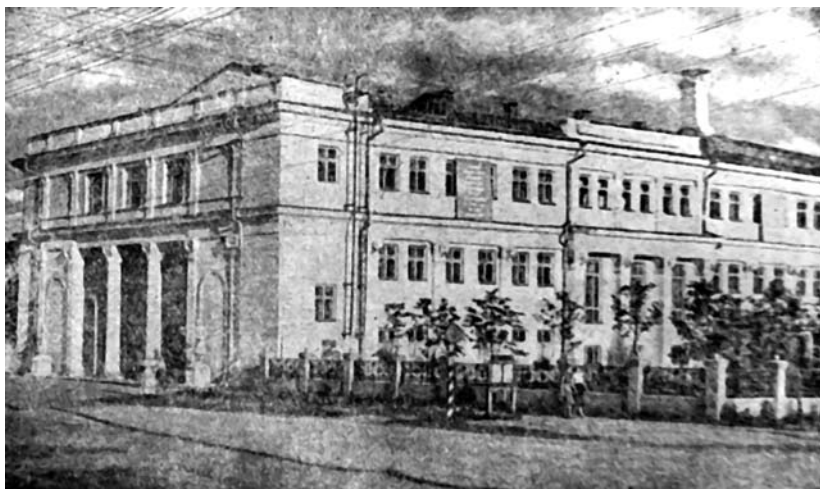
3.4. Социально-бытовая сфера села

С точки зрения потребностей деревенского жителя, отдельные компоненты сельской инфраструктуры были неравнозначны. Градация учреждений социально-бытовой сферы по частоте встречаемости в рассматриваемый период выглядела следующим образом: магазины, затем клубы, киноустановки, библиотеки, объекты здравоохранения,

---

¹ ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 32. Д. 11697. Л. 97.

Дом культуры
г. Людинова
Калужской области.
1952 г. ГАДНИКО.
Ф. П-7607. Оп. 5.
Д. 3602

школы, отделения связи, детские дошкольные учреждения, комплексные приемные пункты, столовые¹. Судя по архивным материалам, наиболее обсуждаемыми темами в 40—50-е годы были *торговля и сезонные детские учреждения*. Эти приоритеты понятны, так как прямо зависели от содержания государственной политики в деревне. Значение государственной торговли возрастало по мере утраты роли личных хозяйств и увеличения доли денежных поступлений от общественного сектора. Наличие либо отсутствие сезонных детских садов и яслей прямо влияло на количество выработанных в колхозе трудодней.

В первые послевоенные годы довольно остро ощущалась *жилищная проблема*, главным образом в районах, пострадавших от оккупации. Примерно к 1949 году в Брянской и Смоленской областях удалось переселить в людей из землянок². Некоторую роль в решении проблемы обеспеченности жильем на селе сыграло вышедшее в 1948 году разрешение на индивидуальное жилищное строительство. При этом больше всего строили в совхозах, что в определенной степени говорит об их большей жизнеспособности в сравнении с колхозами в те годы. На строительство выделялись кредиты, но из-за малого количества доступных стройматериалов выбирались они не полностью³.

¹ Алексеев А. И., Зубаревич Н. В. Указ. соч. С. 35.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 907. Л. 63—64.

³ Зима В. Ф. Голод в СССР. С. 60.

Глава 4. ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ЗАПАДНОРУССКОГО КРЕСТЬЯНСТВА В 1953–1964 ГОДАХ

4.1. Организационные реформы и их последствия

На десятилетие середины 1950-х — середины 1960-х годов приходится период самого активного реформирования села, известного под названием «хрущевских реформ». В границах этого десятилетия достаточно четко выделяются этапы середины 1953—1957 годов и 1958—1964 годов. Первый из них отмечен преимущественно позитивными тенденциями, в результате действия которых российская деревня пережила кратковременное возрождение. По мере исчерпания положительного потенциала реформ в последующие годы стали снова постепенно накапливаться кризисные явления. Советское руководство во главе с Н. С. Хрущевым пробовало бороться с ними посредством ряда масштабных и не вполне продуманных кампаний. Самыми крупными из них стали кукурузная (она проводилась еще с 1954 года, но ее негативные последствия отчетливо обнаружились позже) и молочно-мясная, приведшая к результатам, прямо противоположным по сравнению с запланированными. Вместе с тем нам бы не хотелось схематизировать реформы этого периода. Реформы «хрущевского десятилетия» были разнообразны, и некоторые из них, в том числе проводившиеся на рубеже 1950—1960-х годов, на наш взгляд, несколько недооценены исследователями.

Что касается организационных реформ, то в названный период отмечаются две тенденции. С одной стороны, продолжается укрупнение колхозов, с другой, происходит массовое преобразование

Сев кукурузы
машиной СКГ-6.
Колхоз им. Ленина
Лев-Толстовского
района Калужской
области. 1950-е гг.

ГАДНИКО.
Ф. П-7607. Оп. 4.
Д. 48. № 12

колхозов в совхозы. Очередная большая реорганизация проходила с 1957 по 1959 год в ходе реформы МТС, когда средние размеры колхозов по числу дворов выросли до 343 (сравнить с данными, представленными на рис. 1 главы 3, с. 78). В последующие десятилетия идея укрупнения отошла на второй план и размеры колхозов почти не менялись¹. В то же время новая практика — преобразование колхозов в совхозы — приобретает массовый характер.

К началу 50-х годов доля совхозов во всей продукции сельского хозяйства составляла лишь 10%². Количество их было незначительным. В Смоленской области в 1951 году насчитывалось 1625 колхозов и всего 47 совхозов, в Брянской — соответственно 975 и 25³. По размеру совхозы существенно не отличались от колхозов. На хозяйство приходилось от 500 до 1000 га, редко больше, что примерно соответствовало характеристикам колхозов⁴.

¹ Данилов В. П. Социальная структура советской деревни (по данным Всесоюзных переписей населения 1959 и 1970 гг.) // Социально-экономические проблемы истории развитого социализма в СССР. М., 1976. С. 264–265.

² Шмелев Н., Попов В. На переломе: Экономическая перестройка в СССР. М., 1989. С. 83.

³ ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 30. Д. 887. Л. 1. ГАСО. Ф. 6, Оп. 3. Д. 1326. Л. 28. ГАБО. Ф. 1649. Оп. 1. Д. 1429. Л. 75.

⁴ ГАБО. Ф. 1649. Оп. 1. Д. 1429. Л. 8.

Глава 4
ПРОБЛЕМЫ
СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ИСТОРИИ
ЗАПАДНОРУССКОГО
КРЕСТЬЯНСТВА
В 1953–1964 ГОДАХ

Бабынинская
МТС. Ремонт
тракторов узловым
методом. Колхоз
им. Калинина
Дзержинского
района Калужской
области. 1950-е гг.
ГАДНИКО.
Ф. П-7607. Оп. 4.
Д. 48. № 3

Постановлениями Совета Министров СССР, вышедшими в октябре—ноябре 1954 года, был организован 81 совхоз на базе колхозных земель Калужской, Ленинградской, Новгородской и Смоленской областей¹. Новая волна последовала вскоре после декабря 1957 года, когда Н. С. Хрущев выдвинул тезис о том, что продукция колхозов в два раза дороже, чем совхозная². По данным О. М. Вербицкой, только за 1957—1958 годы в Северо-Западном и Центральном районах из колхозов в совхозы перешло не менее 1 млн колхозников³. С разной степенью интенсивности процесс появления совхозов взамен колхозов продолжался вплоть до 1966 года, после чего размах совхозного строительства уменьшился и новые совхозы появлялись в основном за счет разукрупнения старых⁴.

Создание совхозов в Центре России проводилось вслед появлению их на целине и отражало, таким образом, общесоюзную практику. Последнее обстоятельство не позволило избежать кампанейщины и часто рождало перегибы. Преимущества совхозной формы ведения

¹ Болтушкин В. В. Развитие совхозов РСФСР в 1954–1958 гг. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1967. С. 102.

² Никонов В. А. Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика в России (XVIII–XX вв.). М., 1995. С. 316.

³ Вербицкая О. М. Указ. соч. С. 89.

⁴ Богденко М. Л. Совхозы СССР. 1951–1958. М., 1971. С. 260.

Известкование
полей колхоза
им. Маленкова
Малоярославецкого
района Калужской
области. 1950-е гг.
ГАДНИКО.
Ф. П-7607. Оп. 5.
Д. 6093

хозяйства абсолютизировались, часто преобразование колхозов в совхозы служило ширмой нежеланию заниматься вопросами экономики отсталых хозяйств. Создание совхозов по целинному образцу в Нечерноземье заранее было обречено на неудачу, так как, в отличие от североказахстанских, организация центрально-российских совхозов не финансировалась. Разница между ожидаемым и достигнутым при проведении совхозной политики оказалась слишком велика, и задним числом высказывались соображения, что поскольку совхозы — это новый, высший этап в развитии колхозного производства (в соответствии с ленинским определением), то и переходить к этой форме должны не слабые и отсталые колхозы, а наиболее сильные и передовые¹.

При создании совхозов прослеживались две тенденции. Первая — появление совхозов взамен депрессивных колхозов. Именно такая реорганизация поначалу была преобладающей, в ЦЭР она проходила по преимуществу в мелкоселенных областях и успеха не имела. Государство стремилось путем смены формы собственности поправить ситуацию в отстающих колхозах, одновременно пытаясь

¹ См.: Тарасов А. Ф. Развитие колхозной собственности в общенародную. Ростов-на-Дону, 1967. С. 192.

Глава 4
ПРОБЛЕМЫ
СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ИСТОРИИ
ЗАПАДНОРУССКОГО
КРЕСТЬЯНСТВА
В 1953–1964 ГОДАХ

Куйбышевская
МТС в порядке
шефства построила
траншеи в колхозе
им. Сталина
Куйбышевского
района Калужской
области. 1950-е гг.
ГАДНИКО.
Ф. П-7607. Оп. 4.
Д. 48. № 25

установить полный контроль за положением дел в льноводческой отрасли (лен является стратегическим сырьем), а удобнее это было сделать через совхозы. Вторая тенденция, чуть более поздняя, проявлялась в создании совхозов в пригородных районах, поскольку пригородный тип сельскохозяйственной экономики лучше реализовывался через совхозы.

Совхозная форма не абсолютизировалась: постановление Калужского обкома и облисполкома 1959 года, в котором записывалось, что они считают создание новых совхозов «одним из важнейших средств подъема сельского хозяйства», было подвергнуто критике сверху¹. Поэтому неожиданным выглядит преобразование в специализированные совхозы многих экономически сильных пригородных колхозов. В качестве объяснения высказывается предположение, что «государство не питало особых иллюзий относительно способности колхозов к быстрой переориентировке и смене специализации, а также их потенций в обеспечении экономического процветания»². Если это было так, то следовало ожидать массовых преобразований

¹ ГАРФ. Ф. А-310. Оп. 1. Д. 1980. Л. 11.

² Вербицкая О. М. Указ. соч. С. 30.

Уборка картофеля
в бригаде Надежды
Лыссовой. Колхоз
им. Фрунзе
Перемышльского
района Калужской
области. 1950-е гг.
ГАДНИКО.
Ф. П-7607. Оп. 4.
Д. 48. № 42

колхозов в совхозы независимо от хозяйственной специализации, чего не случилось.

Причина скорее всего в том, что новое качество урбанизации, достигнутое к началу 60-х годов, делало невозможным сохранение прежней относительной замкнутости сельского мира. Преобразования колхозов в совхозы с их индустриальной системой организации производства представляли собой попытку насильственной интеграции села с городской средой. Как раз на этом этапе стали воплощать в жизнь идею «сближения города и деревни», была реанимирована идея «агрогородов». Неслучайно именно пригородные совхозы оказались более успешными, чем отдаленные. Весьма характерно, что экономические показатели совхозов Смоленской области, очень низкие в начале 60-х годов, существенно улучшились к концу десятилетия, в ходе интенсивной послевоенной индустриализации региона¹.

Следует ли понимать, что с распространением городских форм жизни на селе совхозы оказывались в лучшем положении по сравнению с колхозами? Это верно, но лишь постольку, поскольку деятельность совхозов стимулировала дальнейшее раскрестьянивание.

¹ ГАСО. Ф. 2440. Оп. 5. Д. 234. Л. 94, 96, 97.

Еще большее снижение хозяйственной самостоятельности в совхозах по сравнению с укрупненными колхозами позволяло гораздо полнее применять директивные меры и ограничивать свободу производителя.

Создание совхозов было также призвано смягчить последствия неудачных хозяйственных экспериментов второй половины 50-х — начала 60-х годов. Именно в это время впервые была осознана проблема возрастающего оттока сельского населения в города и рычаги управления благосостоянием сельского труженика передавались от председателей колхозов в руки руководителей министерств. Хозяйственная неэффективность преобразования колхозов в совхозы отчасти оправдывалась тем, что потенциальных мигрантов в города теперь можно было удержать введением фиксированной заработной платы, тогда как раньше обходились лишь административными ограничениями на выезд.

Тенденция «совхозизации» по мере урбанизации носила универсальный характер. В последующие годы волна появлений совхозов на месте старых колхозов двигалась с севера на юг, от мелкоселенных территорий к крупноселенным, почти повторяя маршрут урбанизационного перехода. В пределах Запада России совхозизация началась в Смоленской области, затем затронула Калужскую, и только

Главный инженер
Ромодановского
МТС у трактори-
стов. Калужский
сельский район
Калужской области.

Фото Д. Носова.

Из фондов
РГАКФД.
10 марта 1954 г.
ГАДНИКО.
Ф. П-7607. Оп. 5.
Д. 2078

Комбайн ККР-2
убирает
картофель. Колхоз
«Новая жизнь»
Перемышльского
района Калужской
области. 1950-е гг.
ГАДНИКО.
Ф. П-7607. Оп. 4.
Д. 48. № 41

в последнюю очередь — Брянскую. В начале 60-х годов населенные пункты большинства областей ЦЭР выполняли производственные функции в старом качестве, т.е. в составе колхозов. Но миграция неумолимо оголяла село, трудовые ресурсы сокращались, и руководители более южных областей Центра поневоле начинали больше рассчитывать на развитие совхозной формы производства.

Таким образом, в течение короткого времени произошло резкое изменение роли совхозов в хозяйственной жизни региона. Еще в начале 50-х годов совхозы не могли быть серьезно противопоставлены колхозам по условиям жизни работников. В ряде случаев специализация хозяйств, особенно животноводческая, ставила рабочих совхозов в более выигрышное положение по сравнению с колхозниками при фиксированной оплате труда, но трудности восстановительного периода служили мощным уравнивающим фактором для разных типов общественного производства. Во второй половине десятилетия, одновременно с ростом удельного веса совхозов в общем числе хозяйств, они стали выполнять определенную стабилизирующую функцию по отношению к сельскому населению. Специфика жизни и работы в совхозе отвечала появившейся ориентации на городские ценности.

Что касается степени разрушительного воздействия совхозов на сельскую среду, то оно видится гораздо меньшим, нежели укрупнение колхозов именно потому, что распространение совхозов представляло собой своеобразную реакцию на урбанистический вызов, когда процесс раскрестьянивания уже набрал обороты и было решено улучшить ситуацию с трудовыми ресурсами на селе. Поэтому можно оспорить утверждение, согласно которому «политика совхозизации колхозов... привела к разрушению традиционного уклада жизни колхозника и превратила его в наемного сельскохозяйственного рабочего»¹.

4.2. Личные подсобные хозяйства в хрущевское десятилетие

Изменение политики по отношению к личным подсобным хозяйствам стало одним из первых шагов послесталинского руководства в аграрной сфере. Решениями сентябрьского 1953 года Пленума ЦК КПСС, во-первых, разрешалось огородничество, т.е. свои хозяйства было позволено иметь рабочим и служащим; во-вторых, предоставлялись сенокосные угодья для содержания личного скота, и в-третьих, кардинально снижались налоги с ЛПХ. Одновременно повышался контроль за работой в общественном секторе, так как высказывалось опасение, что снижение сельхозналога с колхозников повысит интерес последних к улучшению личного земельного участка, что может нанести вред общественному хозяйству². Вскоре последовало новое ограничение ЛПХ — постановление Совета Министров СССР, изданное в марте 1954 года, предусматривало урезание приусадебных хозяйств «по просьбам трудящихся»³. Помимо идеологических предпочтений руководства страны следует принять во внимание закономерности урбанистического освоения территории в пригородных зонах Центрального Нечерноземья; впрочем, идеология подкреплялась индустриальными нуждами. Количество земель сельскохозяйственного назначения постепенно сокращалось,

---

¹ Иванов Н. С. Раскрестьянивание деревни (середина 40-х — 50-е гг.) // Судьбы российского крестьянства. М., 1996. С. 419.

² Лейбович О. Реформа и модернизация в 1953–1964 гг. Пермь, 1993. С. 139–140.

³ См.: Безнин М. А. Землепользование крестьянского двора в Российском Нечерноземье.

Пасека у дома семьи
Чуйко. с. Желовижи
Ферзиковского
района Калужской
области.

Начало 1950-х гг.
Фото из семейного
архива Е.И. Дедиу

что сказывалось на площади личных участков. Например, в аграрной Смоленской области в 1955 году посевная площадь в среднем на хозяйство колхозника составляла 30 соток, а в более урбанизированных Калининской и Московской — 19–23 сотки¹.

В 1956 году правительство разрешило колхозам самим определять «размеры приусадебных участков, а также количество домашних животных в личном пользовании с учетом трудового вклада семьи колхозника в общественное хозяйство»². Тем самым снималась необходимость реагировать на многочисленные нарушения в этой сфере. Это повлекло за собой прирезки приусадебной земли во многих колхозах и увеличение поголовья личного скота³.

Руководство колхозов ориентировали на то, что «следует не допускать увеличения приусадебного земельного фонда за счет

¹ Безнин М. А. Личное подсобное хозяйство колхозников Российского Нечерноземья в 1950–1965 гг. // Взаимосвязи города и деревни в их историческом развитии. М., 1989. С. 50.

² Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 4. М., 1968. С. 290–297.

³ Безнин М. А. Личное подсобное хозяйство колхозников. С. 50.

общественных земель колхоза, а, наоборот, стремиться к его сокращению, поскольку использование земель в общественном хозяйстве при наличии в МТС большого количества техники и высокой механизации будет несравненно выгоднее и колхозники в конечном счете получат доход значительно больше». Подчеркивалась также ответственность «партийных, советских и хозяйственных органов за дела в колхозах»¹. Представляется, что к середине 50-х годов, когда хрущевские реформы принесли первые плоды и положение колхозов улучшилось, в политике по отношению к ЛПХ установилось некоторое равновесие между поощрительными и репрессивными мерами.

Об общих принципах правительственного подхода в отношении ЛПХ в середине десятилетия дает представление ответ на письмо колхозников одной из центральных областей (1955 год). «Предложение об увеличении размеров приусадебных участков неправильно. Основной доход колхозный двор получает от работы его членов в общественном хозяйстве. Ваше же предложение направлено на раздувание личного хозяйства колхозника и превращение его из подсобного в основное, что противоречит Уставу сельскохозяйственной артели. Кроме того, установление размеров приусадебных участков в зависимости от числа членов колхозного двора повело бы к ежегодному пересмотру этих размеров и переделу участков, что явно нецелесообразно»².

Расширение полномочий колхозов в отношении приусадебных хозяйств колхозников не только сопровождалось прирезками, но и вызвало целый поток жалоб на злоупотребления на местах. Уменьшались участки престарелым³ (массовой эта практика станет в середине 60-х годов, после введения пенсий для колхозников), а также работающим на стороне.

Несмотря на некоторые послабления, производственный потенциал ЛПХ по-прежнему искусственно сдерживался запрещением иметь в хозяйстве рабочий скот. Предложение одного из колхозников разрешить иметь в хозяйстве рабочую лошадь, так как уровень механизации в колхозах повышается (письмо 1958 года) было расценено как «неправильное»⁴. Кстати говоря, еще во время кампании борьбы с нарушениями в колхозах во второй половине 1940-х годов

¹ КПСС в резолюциях. Т. 9. С. 95–96.

² ГАРФ. Ф. А-310. Оп. 1. Д. 6620. Л. 313.

³ Там же. Д. 6743. Л. 316.

⁴ РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 7. Д. 1609. Л. 15.

Переборка овощей
на приусадебном
участке семьи
Чуйко. с. Желовижи
Ферзиковского
района Калужской
области. Конец
1950-х гг. Фото
из семейного архива
Е.И. Дедиц

отмечалось большое количество отобранных у крестьян колхозных лошадей¹. Нежелание усиления приусадебных хозяйств за счет приобретения рабочего скота прикрывалось сетованиями по поводу бедственного положения колхозов. Немудрено, что по мере механизации общественного производства колхозники стали считать себя вправе рассчитывать в своем хозяйстве хотя бы на лошадь.

Последним проявлением либерализма по отношению к личным хозяйствам колхозников в хрущевскую эпоху стала полная отмена с них сельхозналога в начале 1958 года². По всей вероятности, с исчерпанием положительного заряда аграрных реформ 1953 года делалась попытка улучшить положение с использованием прежних рецептов. Ожидаемого улучшения не наступило: принятые меры были паллиативными, а поступиться идеологическими принципами и допустить дальнейшее расширение рыночного производства для Н.С. Хрущева было невозможно. Предпочтение окончательно было отдано общественному сектору. Гонения на личные хозяйства колхозников исключили возможность их дальнейшей естественной эволюции в условиях растущего городского окружения. Жителей села равно не удовлетворяли ни колхозный вариант, консервировавший

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 704. Л. 132.

² Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 4. С. 349–351.

осознанную «ущербность» по отношению к горожанину, ни полугородской совхозный. В обоих случаях утрачивалась самодостаточность сельского быта с одновременной потерей крестьянской идентичности.

Конец 1958 года ознаменовался началом похода на личные хозяйства. Сначала на декабрьском (1958 год) Пленуме ЦК, а затем на XXI съезде КПСС был сделан вывод, что «ЛПХ колхозников постепенно будет утрачивать свое значение». В августе 1959 года вышел Указ Президиума ВС РСФСР «О запрещении содержания скота в личной собственности граждан, проживающих в городах и рабочих поселках»¹. На личные хозяйства была возложена ответственность за отставание общественного сектора.

Выбор в качестве объекта для атаки участков горожан и работников совхозов симптоматичен, поскольку подчеркивал субъективность в принятии решений. Личные хозяйства рабочих промышленности и полугородского сельского хозяйства, воспринимавшиеся в качестве атавизмов уходящего крестьянского быта, более других раздражали взгляд бескомпромиссных поборников социалистического градообразования. Всячески открепщиваясь от общинного начала, власть тем не менее постоянно проявляла себя в рамках полюсного традиционалистского мировосприятия («мы — они»). Наступление на подсобные участки горожан знаменовало начало нового этапа насильственной урбанизации, искусственно расширявшего границы городского влияния.

О значении ЛПХ для жителей поселков городского типа и степени урбанизированности многих пригородных зон может дать представление брянский пример. Речь идет о поселке, обслуживавшем промышленное производство. Радице-Крыловский поселковый совет после запрещающего решения облисполкома о содержании скота в поселениях городского типа ходатайствовал о разрешении населению держать в поселке коров. Прилагалась подробная справка, из которой становилось ясно, что иного источника получения молокопродуктов, кроме личных хозяйств, у жителей не существовало. Говорилось о катастрофическом состоянии дорог, отсутствии магазинов, количестве детей, лишенных молока. Ответом был краткий отказ со ссылкой на известное постановление правительства².

Анализируя последствия наступления на личные хозяйства в пригородных зонах, можно прийти к выводу, что противопоставление

¹ Лейбович О. Указ. соч. С. 153.

² ГАБО. Ф. 6. Оп. 3. Д. 61. Л. 121; Оп. 4. Д. 400. Л. 86.

Прополка картофеля
на приусадебном
участке семьи
Чуйко. с. Желовижи
Ферзиковского
района Калужской
области. Начало
1960-х гг. Фото
из семейного архива
Е.И. Дедиц

города и села, заметное в правительственной политике предшествующих десятилетий, к концу 50-х годов сошло на нет. Практически сразу ограничительные меры рикошетом ударили и по членам колхозов. После примера, приведенного Н.С. Хрущевым в одном из выступлений 1959 года о продаже колхозу коров в его родной деревне (д. Калиновка Курской области) кампания по ликвидации ЛПХ на местах началась настолько рьяно, что пришлось окрикнуть из центра¹. И.Е. Зеленин отмечает в этой связи: «Реализация партийных директив на местах началась немедленно, еще до принятия соответствующих законодательных актов, причем с грубейшими нарушениями. “Закупки” личного скота производились и у колхозников; фактически скот изымался за бесценки и сдавался в счет выполнения обязательств колхозов по мясозаготовкам; от рабочих совхозов требовали сдать скот в течение нескольких месяцев, угрожая в случае отказа лишить их выпасов. От работников совхозов, колхозников, горожан пошел поток писем с жалобами на самоуправство местных властей и руководителей хозяйств, некоторые в этой связи

¹ Магомедов А.К., Полмицук В.Д. Диалог об актуальном: Анализ западных концепций советской аграрной политики в 50-е гг. Саратов, 1992. С. 75.

использовали даже термин “раскулачивание”»¹. В одном из писем читаем: «Колхоз вышел в передовые и приусадебные участки не были тормозом, а когда развалили колхоз — можно вину переложить на колхозников»². Массовые нарушения затронули в числе прочих Калужскую область³. С мест сообщали, что на мясозаготовки сдавались коровы «высокой удойности и замечательной упитанности»⁴.

О реальной роли личного сектора бытовало искаженное представление, а статистика ЛПХ горожан и работников совхозов и вовсе не велась. По данным М. А. Безнина, на начало 1950-х годов на их долю приходилось около 13% валовой продукции сельского хозяйства (ЛПХ колхозников — 38%)⁵. В течение 50-х годов доля общественного хозяйства колхозов повысилась незначительно (всего на 2–5% с 1953 по 1959 год), и к 1959 году ЛПХ колхозников производили от половины до 80% валовой продукции молока, мяса, картофеля, овощей и яиц колхозного сектора⁶.

С 1 июля 1963 года были введены в действие новые ограничительные нормы на содержание скота, «находящегося в личной собственности граждан», теперь прямо относившиеся к ЛПХ колхозников. Не разрешалось одновременно держать корову, поросенка и трех овец, как прежде, надо было сдать овец или поросенка⁷.

Мероприятия 1958–1963 годов по отношению к приусадебным хозяйствам имели тяжелые последствия. Количество пахотной земли в пользовании граждан по Российской Федерации сократилось на 600 тыс. га, или на 19%. Средние размеры приусадебных участков уменьшились у колхозников с 0,33 до 0,29 га, а у рабочих и служащих — с 0,25 до 0,18 га. К 1964 году на российских городских рынках продажа молока снизилась на 32%, мяса — на 16% (к уровню 1958 года)⁸. Довольно красноречивы воспоминания людей о том времени. «Хрущев говорил — не нужно трудиться около своего

¹ Зеленин И. Е. Аграрная политика Н. С. Хрущева и сельское хозяйство страны // Отечественная история. 2000. № 1. С. 81.

² РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 7. Д. 1609. Л. 148.

³ Зеленин И. Е. Указ. соч. С. 81.

⁴ РГАСПИ. Ф. 591. Оп. 1. Д. 160. Л. 163.

⁵ Безнин М. А. Личное подсобное хозяйство колхозников. С. 50.

⁶ Зеленин И. Е. Указ. соч. С. 81.

⁷ РГАСПИ. Ф. 591. Оп. 1. Д. 160. Л. 165.

⁸ Воронов С. Н. Политика принудительного раскрестьянивания 1950–1960-х гг. и личное хозяйство колхозников РСФСР // Крестьянское хозяйство: история и современность. Ч. 2. Вологда, 1992. С. 61.

скота. Плакали у весовой, целовали коров, трудно крестьянину расставаться со скотиной, молодежь кинулась в город...». «Все время держали корову, а потом Хрущев нас “раскрепостил”, чтобы было полегче. Когда хозяйство свое было, легче жилось. А потом стали, как городские, в магазин ходить»¹.

Не будем забывать, что в эти же годы происходило интенсивное преобразование колхозов в совхозы, в ходе которого также уменьшались размеры личных участков. К числу наиболее пострадавших относились люди старших возрастов. В совхозах они становились пенсионерами, и потому не могли претендовать на обычные по размеру приусадебные участки. Так, в 1964 году в Медынском районе Калужской области при преобразовании колхоза в совхоз пенсионерам урезали усадьбы с 0,40 до 0,15 га². Нередки были случаи, когда перешедшие в совхоз пожилые работники не получали пенсию. Введение пенсий для колхозников в июле 1964 года решило, таким образом, проблемы и этой категории сельских жителей.

4.3. Уровень благосостояния жителей села

Данные бюджетных обследований хозяйств колхозников свидетельствуют о том, что в течение 1950-х—начале 1960-х годов происходил постоянный рост доли доходов от общественного производства в структуре дохода колхозной семьи. Например, в Смоленской области в 1963 году по сравнению с 1953 годом доля колхозных поступлений увеличилась с 7,7 до 53,8%³. На наш взгляд, здесь действовали две тенденции. С одной стороны, за годы хрущевских реформ действительно улучшилось положение дел в колхозах. Но одного этого объяснения недостаточно. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что на удельном весе доходов от колхозов практически не отразился упадок колхозной экономики на рубеже 1950—1960-х годов. Это заставляет предположить, что имел место и другой процесс. Сокращение доли поступлений от работы вне колхоза в бюджете колхозной семьи происходило также вследствие стихийного оттока наиболее мобильной

---

¹ Попов В. П. Экономическое и социальное положение советского общества в 40-е гг. (на примере российской деревни). Дис. ... докт. ист. наук. М., 1996. С. 380.

² РГАСПИ. Ф. 591. Оп. 1. Д. 164. Л. 98.

³ ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 32. Д. 11697. Л. 192.

части сельского населения в города и в результате преобразования наиболее депрессивных хозяйств в совхозы.

В последующие годы, сначала с улучшением экономического положения колхозов в середине 50-х годов, а затем в результате кампании ограничения ЛПХ экономическая зависимость колхозных семей от состояния общественного сектора росла. Уже в 1954 году было отмечено повышение доли доходов от колхоза в бюджете колхозной семьи. Через несколько лет положительный эффект реформ выглядел уже весьма убедительно. За 1953–1958 годы доходы колхозников выросли в два раза, рабочих и служащих — на 55%¹. Если в 1954 году колхозники Центрального Нечерноземья получали за свой труд в 2–3 раза меньше продуктов и денег, чем в районах Северного Кавказа и Восточной Сибири, Дальнего Востока, то в конце 50-х годов разница хотя и сохранилась, но стала меньшей. Но в Северо-Западном и Центральном районах уровень оплаты труда колхозников по-прежнему был примерно в два раза ниже, чем в колхозах Восточной Сибири и Дальнего Востока².

Попробуем сравнить данные по структуре доходов колхозной семьи в период с 1940 по 1955 год (Смоленская область, по всем видам поступлений в денежном выражении, %) (табл. 1)³.

Т а б л и ц а 1

**Данные по структуре доходов колхозной семьи
в период с 1940 по 1955 год**

*Смоленская область, по всем видам поступлений
в денежном выражении, %*

Вид дохода	1940	1952	1955
От колхоза	9,7	4,7	24,6
От работы в государственных и кооперативных организациях	20,6	32,1	22,1
От продажи скота	21,2	12,2	14,0
От продажи сельскохозяйственной продукции	28,2	17,9	15,6

¹ Вербицкая О. М. Структура питания сельской семьи в послевоенные годы (1946–1960).

² Вербицкая О. М. Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. С. 45.

³ ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 30. Д. 7533. Л. 83.

Здесь обращает на себя внимание значительное увеличение доли поступлений от колхоза к середине 1950-х годов. Что касается работы вне колхоза, то ее значимость была тем больше, чем хуже обстояли дела в общественном секторе. Внеколхозная занятость была и сельской, и городской, но в любом случае означала готовность к отъезду из села в поисках мест приложения труда. Однако сокращение доли доходов от работы в государственных и кооперативных организациях к 1955 году свидетельствовало о готовности вернуться к прежнему сельскому образу жизни при обеспечении достаточного потребительского минимума. При этом сделаем поправку на то, что отток активного сельского населения в города не прекращался несмотря ни на какие изменения в аграрной политике, а только менял свою интенсивность. Поэтому запасы рабочей силы для внеколхозной занятости также истощались, что, естественно, влияло на размеры доходов, полученных за пределами колхозов. О том, что с либерализацией аграрной политики традиционный крестьянский уклад в середине 50-х годов уже не восстанавливался, свидетельствовало продолжение сокращения доли доходов, полученных колхозниками от продажи скота и сельскохозяйственной продукции: удельный вес продукции личных хозяйств в поддержании потребительского уровня колхозной семьи снижался.

Посмотрим, как менялась структура доходов колхозной семьи в зависимости от местоположения территории. Для сравнения приводятся данные по источникам денежных поступлений в колхозных семьях Рязанской области с ее традиционно сильной отходнической ориентацией и более отдаленной от Москвы Смоленской (табл. 2).

Т а б л и ц а 2

Денежные доходы на одно хозяйство, % к общему доходу¹. 1956 г.

Источники дохода	Рязанская	Смоленская
Всего, руб.	7182	6450
От колхоза	10,4	39,8
От работы в государственных и кооперативных организациях	26,4	15,1
От продажи сельскохозяйственной продукции	26,1	10,7

¹ ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 30. Д. 10311. Л. 88, 111.

Сильной стороной Смоленской области были повышенные доходы колхозников от работы в льноводстве. Но на этом преимущества исчерпывались. Основную часть денежных доходов колхозники Рязанской области получали от занятости вне колхозов, а также от продажи сельскохозяйственной продукции. Как видим, даже в довольно благополучные в послевоенной колхозной истории годы внеколхозная ориентация жителей села в материальном отношении была более выгодной, чем работа в колхозе: совокупный доход рязанских колхозников превышал заработка смоленских. Причина видится в исключительной тяжести труда в льноводстве. В середине 50-х годов более 70 тыс. га льна колхозники области обмолачивали вручную. Это отвлекало 70% трудоспособных в период уборки. Тем не менее, обмолот заканчивался не в августе, а в ноябре. Необходимость скорейшей уборки заставляла пренебрегать торфом и добывать его зимой, что очень ущемляло интересы колхозников. Во время сельхозработ люди стояли перед проблемами во-первых, недостатка техники, а во-вторых, невозможности ее высокопроизводительного использования в условиях избыточного увлажнения и большой пересеченности местности¹.

По мере повышения эффективности общественного производства коллективные хозяйства приобретали социальные функции. Существенное влияние на рост поступления денег из колхоза оказало постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 6 марта 1956 года. «О ежемесячном авансировании колхозников и дополнительной оплате труда в колхозах». Рекомендовалось выдавать авансом суммы, получаемые колхозами сверх 25% денежных доходов и сверх 50% денежных средств, предназначенных на авансирование по контрактации, закупкам и обязательным поставкам². В свое время высказывалось соображение относительно природы этого нововведения: «авансирование в колхозах примерно соответствовало выплате премиальных в промышленности»³. Введение этого решения в жизнь проходило с известными трудностями: новая форма оплаты труда внедрялась медленно, нередко были перебои с выплатами⁴.

¹ ГАСО. Ф. 6. Оп. 3. Д. 225. Л. 39.

² Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 4. С. 289.

³ Окорочков В. Н. Деятельность КПСС по укреплению союза рабочего класса и колхозного крестьянства. Горький, 1966. С. 152.

⁴ ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 30. Д. 10311. Л. 112.

Одновременно начал распространяться порядок, при котором вводилась гарантированная денежная оплата без начисления трудодней. При отсталости большинства хозяйств Центральной России не приходилось, к сожалению, говорить о сколько-нибудь широком его распространении. В 1958 году система гарантированной оплаты была введена лишь примерно в 7% колхозов региона¹.

Государство в основном взяло на себя обеспечение продуктового минимума. В результате предпринятых мер в целом довольно значительным оказался и рост денежных выплат от колхозов. В 1958 году колхозники ЦЭР получали 3,08 руб. на трудодень против 0,60 руб. в 1953 году². А, например, в Калужской области рост оказался еще больше. Колхозники в 1958 году стали здесь получать 3,19 руб. вместо 0,04 руб. в 1953 году.³ (добавим, что в 1958 году 35,4% колхозов Калужской области выдавали свыше 1 кг зерна на трудодень при том, что в 1951 году более чем в половине хозяйств выдачи составляли 300 г и менее). Исключительные показатели роста доходов в хозяйствах области справедливо выводятся из того, что в многоотраслевых хозяйствах фонд оплаты труда в результате мер по подъему аграрного сектора экономики был выше⁴.

Однако даже с учетом значительного роста выплат от колхозов по отдельным областям сравнение центрально-российских показателей со средними по стране оказывалось далеко не в пользу Центра. Колхозники получали здесь почти в два раза меньше, чем в среднем по стране и в три раза меньше, чем работники совхозов. А весь доход, включая поступления от личных подсобных хозяйств, был в 3—4 раза ниже, чем в хлопкосеющих районах. По стране в это время было немало таких районов, где заработок в колхозах и совхозах был примерно одинаков (Алтайский, Краснодарский, Ставропольский края и т.д.)⁵.

---

¹ ГАРФ. Ф. А-310. Оп. 1. Д. 7007. Л. 23.

² Там же. Д. 6924. Л. 212.

³ *Репина Т. А.* Деятельность КПСС по дальнейшему повышению материального благосостояния и культурного уровня колхозного крестьянства. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1976. С. 78.

⁴ *Иванов Н. С.* Колхозное крестьянство центральных областей Нечерноземной зоны РСФСР в 1951—1958 гг. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1983. С. 73, 76.

⁵ *Островский В. Б.* Новый этап в развитии колхозного строя. М., 1977. С. 66.

Глава 4
ПРОБЛЕМЫ
СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ИСТОРИИ
ЗАПАДНОРУССКОГО
КРЕСТЬЯНСТВА
В 1953–1964 ГОДАХ

Вечерний
чай в семье
колхозного конюха.
Перемышльский
район Калужской
области. 1950-е гг.
Фото из книги
«Сокровищница
Калужского края.
История.
1944–2007»

Кроме вполне очевидной более низкой оплаты труда в колхозах в сравнении с совхозами существовали и другие недостатки системы оплаты. Краеугольным же камнем была непродуманность системы материального стимулирования. До 1953 года разница в уровнях оплаты равного труда отдельными колхозами Ельнинского района Смоленской области составляла 15–17 раз. Эти различия сохранялись и позже, хотя и уменьшились. В 1959 году они варьировались от 9 до 12 раз. Велик был разрыв в оплате между крайними разрядами тарифной сетки даже в рамках одного хозяйства. В колхозе «Родина» Ельнинского района оплата за норму выработки при перелопачивании зерна (3,60 руб.) была примерно в восемь раз меньше расценок за ночную сушку льносемян (29,40 руб.). В то же время в совхозах разница в оплате крайних разрядов сетки составляла всего два раза. Причина такого несоответствия состояла в том, что в колхозах выплаты были менее регулярны. Это влекло за собой снижение трудовой дисциплины, а значит, большую дифференциацию в уровнях оплаты¹.

Еще одним серьезным источником дохода крестьянской семьи часто становилась работа одного из ее членов в МТС. Оплата труда

¹ Заславская Т. И. Принцип материальной заинтересованности при оплате труда в колхозах. М., 1958. С. 39, 85–86.

на машинно-тракторных станциях была существенно увеличена. М. А. Вылцан указывает, что только в период с сентября 1953 по март 1954 год в МТС возвратилось 50 тыс. механизаторов¹. Наконец, довольно большое количество перерабатывающих предприятий в сельской местности Центра давали еще одну возможность получения внеколхозного заработка.

Перераспределение значимости статей доходов колхозной семьи в 50-е году привело к тому, что роль приусадебного хозяйства постепенно менялась. Из единственного средства выживания семьи колхозника оно превращалось в альтернативный, хотя и очень важный источник дохода, доля которого составляла от 40 до 50% семейного бюджета. С увеличением доли зерновых выплат по трудодням посевные площади, занимаемые ранее в личных хозяйствах зерновыми культурами, теперь отводились под овощи. Главное место в хозяйстве двора колхозника Центральной России занял картофель. Большая часть выращенного, особенно в пригородных районах, предназначалась для продажи на рынке².

В связи с падением значения ЛПХ отмечалось снижение (иногда — утрата) сельской семьей прежней системообразующей функции, что в свою очередь имело следствием изменение структуры доходов жителей села. Государственная политика предполагала вовлечение женщин в сферу общественного производства, и это повлияло на уровень рождаемости; с другой стороны, низкая заработная плата в колхозе не позволяла содержать многодетную семью. Такая ситуация способствовала ускорению перехода от сельского к городскому (суженному) типу воспроизводства населения. Бюджетное обследование села 1960 года выявило наличие обратной связи между размером семьи и уровнем ее доходов. Максимальные доходы были у бездетных супругов или одиночек, а крупные семьи, как правило, имели минимальные показатели материальной обеспеченности³.

С 1959 года, с исчерпанием положительного потенциала хрущевских реформ, наблюдается тенденция сокращения доходов колхозников. В целом по стране данные выдачи колхозникам зерна

---

¹ Вылцан М. А. Восстановление и развитие материально-технической базы колхозного строя (1945–1958). М., 1976. С. 172.

² Безнин М. А. Крестьянское хозяйство в российском Нечерноземье. 1950–1965. С. 20–23.

³ Вербицкая О. М. Значение демографического фактора в материальной обеспеченности крестьянской семьи // Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе. М., 2000. С. 221.

на один колхозный двор в 1955 году почти вдвое превышали соответствующие показатели, относившиеся к 1962 году.¹ Сокращение поступлений коснулось и других статей дохода. Одной из причин снижения оплаты трудодня было то, что после реорганизации МТС колхозы должны были расплачиваться за технику, в связи с чем сократились размеры фонда оплаты труда². В конце 1950-х годов в связи с переходом на денежную форму оплаты труда сократились размеры натуральных выдач (в течение нескольких предыдущих лет их размеры были значительными, особенно выдачи зерна). При этом натуральные поступления от личных хозяйств также были невысоки (за исключением мяса и сала) вследствие возобновившегося наступления на ЛПХ, сопровождавшегося забоем скота³.

Все эти процессы означали: во-первых, продолжение монетаризации сельских доходов при некотором снижении их уровня, а во-вторых, усиление зависимости сельского работника от общественного сектора, даже несмотря на начавшийся спад в колхозной экономике.

Еще одной отмеченной тенденцией было появление значительного разрыва в доходах колхозников⁴, с которым правительство пыталось бороться введением уравнительного обложения фонда оплаты труда. Налог с фонда оплаты труда взыскивался независимо от величины заработка отдельных групп колхозников, в то время как в государственном секторе был установлен необлагаемый минимум зарплаты и применялись прогрессивные ставки налога по различным уровням заработков. Обложение фонда оплаты труда колхозников производилось по тем же ставкам, которые применялись для исчисления налога из чистого дохода, а эти ставки превышали средние ставки подоходного налога с заработной платы рабочих и служащих⁵. Кроме того, нередко местные органы устанавливали уравнительные выдачи зерна на единицу труда в целом по району, независимо от производительности труда⁶. О. М. Вербицкая отмечает в этой связи, что

---

¹ РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 1. Д. 8780. Л. 171–172.

² Магомедов А. К., Полищук В. Д. Диалог об актуальном: Анализ западных концепций советской аграрной политики в 50-е гг. Саратов, 1992. С. 54.

³ ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 31. Д. 5539. Л. 67.

⁴ Там же. Оп. 32. Д. 11697. Л. 165.

⁵ Игнатовский П. А. Социально-экономические изменения в советской деревне. М., 1966. С. 264–265.

⁶ Там же. С. 359.

делалась специальная ставка на то, чтобы оплата труда в сельском хозяйстве не превышала ее уровень в промышленности¹. А поскольку уровень заработной платы в сельском хозяйстве и без того был ниже, чем в промышленности, такая мера не могла не оказать дополнительного стимулирующего влияния на отток населения в города в годы наивысшей его интенсивности. Причем нивелирование оплаты труда в сельском хозяйстве не затрагивало управленцев, и разрыв в зарплате руководителей хозяйств, специалистов, механизаторов и остальной массы колхозников увеличивался. Особенно сильно это чувствовалось в отстающих хозяйствах и порождало у простых работников дополнительное чувство допущенной по отношению к ним несправедливости².

15 июля 1964 года Верховный Совет СССР принял закон о пенсиях и пособиях членам колхозов, в котором впервые в истории советской деревни устанавливалась государственная система социального обеспечения колхозников. Вводились пенсии по старости, для мужчин — с 65 лет, для женщин — с 60 лет. Выплаты производились из Центрального Фонда, созданного за счет отчислений от доходов колхозов и ежегодных ассигнований по государственному бюджету³. Размер колхозной пенсии был очень невелик — только 12 руб., при том, что минимальный размер пенсий рабочих и служащих составлял 30 руб. в месяц. Расчет делался на уравнивающую роль личных хозяйств, хотя ЛПХ горожан во внимание не принимались⁴. Но не будем и недооценивать значение введения пенсий в колхозах. По замечанию В. П. Данилова, «вероятность устроиться на постоянную работу с перспективой получить от государства пенсию была сказочной для людей, привыкших к каждодневной борьбе за существование»⁵.

В это время продолжали расти доходы от общественного сектора, выйдя на качественно иной уровень. Наиболее значительным рост оказался в областях, где были сильно распространены технические культуры, в том числе в Смоленской. В 1965 году доля доходов

---

¹ Вербицкая О. М. Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. С. 46.

² Игнатовский П. А. Указ. соч. С. 360.

³ Зеленин И. Е. Аграрная политика Н. С. Хрущева и сельское хозяйство страны. М., 2001. С. 89.

⁴ Горбачевич Д. Два месяца в гостях у колхозников. Н.У., 1967. С. 30.

⁵ Современные концепции аграрного развития. Теоретический семинар // Отечественная история. 1997. № 2, С. 145.

от общественного сектора впервые превысила долю поступлений от ЛПХ, составив 53,1%¹. Это достижение выглядит неоднозначным. Оно означало, что у значительной части сельских жителей прежде хуторской области к этому времени уже вполне сформировалась психология наемного работника, сопутствовавшая процессу раскрестьянивания.

Отдавая должное положительному эффекту от введения пенсий, не будем забывать, что с миграцией молодежи в города сельское население старело. Представители старшего поколения, наиболее убежденные носители ценностей крестьянского мира, составлявшие к тому времени уже очень значительную часть жителей деревни, с появлением пенсий в свою очередь объективно утрачивали рудименты традиционализма, воспринимая как должное социальные гарантии городского общества.

4.4. Социально-бытовая сфера

Торговля

Сельская торговля была призвана расширить скудный ассортимент товаров, доступных жителям села. Рыночная переориентация личных хозяйств колхозников в сочетании с административными ограничениями на посев зерновых сопровождалась увеличением посевной площади под картофелем, а снабжение населения хлебом перекладывалось на колхозы и сельпо, которые с этой задачей справлялись плохо. Перебои в торговле хлебом были хроническими. Особенно остро хлебная проблема стояла в первые послевоенные годы, стимулируя массовые поездки крестьян за хлебом в города, либо в более благополучные западные районы страны. Не была она решена и впоследствии.

В начале 1960-х года город и село в равной мере испытали на себе последствия неудачной хозяйственной политики предшествующего периода. Хлеба не хватало, его продажа нормировалась, организовывалась так называемая «встречная» торговля: «Если у кого нет кур, то в магазине делать нечего. Хлеба дают 300–400 г на члена семьи» (Сухиничский район Калужской области, 1963 года)². «Если

¹ ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 35. Д. 7899. Л. 187.

² РГАСПИ. Ф. 591. Оп. 1. Д. 160. Л. 47.

Типовой деревянный
сельский магазин
(«Сельмаг»).

1950-е гг.

Калужская область.

Фото из книги
«Сокровищница
Калужского края.

История.
1944–2007»

захочешь купить 20 кг муки, то внеси 100 яиц» (Почепский район Брянской области)¹. Такая же система была введена в Смоленской области², существовала она и в других регионах.

При том, что ситуация в торговле хлебом выглядела особенно неудовлетворительной, отсутствие других товаров также вызывало многочисленные нарекания. Выявлялись факты, когда отдельные товары, в том числе продовольственные, оказывались завезены в магазин пять и более лет тому назад³. Одной из причин такого положения было низкое качество, другой — неравномерное размещение товаров по районам. Например, в III квартале 1955 года по различным районам Брянской области было продано товаров в расчете на одного человека: в Красногорском районе — на 43 руб.; в Злынковском — на 145; в Выгоничском — на 46; в Брасовском — на 100; в Клетнянском — на 74 руб.⁴ Помимо очевидного перераспределения товаров в пользу города, в селе также выявлялись предпочтения в их размещении в более крупных населенных пунктах и местах с облегченной транспортной доступностью. Сумма в 74 руб.

¹ РГАСПИ. Ф. 591. Оп. 1. Д. 160. Л. 48.

² Там же. Л. 49.

³ ГАБО. Ф. 6, Оп. 4. Д. 556. Л. 82.

⁴ Там же. Оп. 1. Д. 4. Л. 85.

в Клетнянском районе складывалась из того, что в райцентре сумма продаж составляла 143 руб., а, например, в отдаленном Аленском сельпо — 21 руб. на человека¹.

Правила «встречной» продажи дефицитных товаров на селе (в обмен на произведенное в личных хозяйствах) были распространены довольно широко, однако в 50-е годы касались преимущественно продовольственного ассортимента (сахар, мука, крупа, растительное масло)². С ростом благосостояния жителей села в 60-е годы в перечень дефицитных включалось все больше непродовольственных товаров, в том числе культурно-бытового назначения.

Консервативность и неповоротливый плановый механизм системы сельской торговли не позволили вовремя отследить изменение структуры спроса. Сохранявшаяся ограниченность сельской розничной торговой сети, более высокий уровень цен обусловили сужение емкости деревенского рынка в середине 1960-х годов. Поэтому товарные запасы в сельской торговой сети росли быстрее, чем в городской. На 1 января 1964 года товарные запасы потребкооперации по группам товаров были рассчитаны на 225 дней оборота, что было в два раза больше, чем в городской госторговле³. В то же время газета «Сельская жизнь» писала, что повсеместно, не доходя до деревни, в областных городах оседала большая часть товаров по системе райпотребсоюза (холодильники, стиральные машины, телевизоры, трикотаж, посуда, ковры, тюль)⁴.

Одновременно нередко сохранялся дефицит на товары повседневного спроса. К концу 60-х годов в категорию дефицитных по стране в целом стали попадать все новые группы товаров. Естественно, что на селе эти проблемы ощущались острее. В письме из Калужской области (где расположены три спичечные фабрики) в связи с отсутствием в продаже спичек колхозники спрашивали: «Неужели в стране, строящей коммунизм, разговор должен идти о предметах первой необходимости?»⁵

В поисках нужных товаров жители села нередко ездили в соседние населенные пункты. Например, население Ершичского района

¹ ГАБО. Оп. 1. Д. 4. Л. 85.

² ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 31. Д. 5641. Л. 93.

³ *Игнатовский П. А.* Социально-экономические изменения в советской деревне. М., 1966. С. 380.

⁴ Сельская жизнь, 1964, 7 февраля.

⁵ РГАСПИ. Ф. 591. Оп. 1. Д. 58. Л. 33.

Смоленской области покупало в соседней Брянской области, а чаще — в Белоруссии (1954)¹. «Чужаков» встречали неласково: например, жителям с. Новоямск Севского района Брянской области в соседнем селе не продавали хлеба, говоря, что он «только для своих рабочих»² и т.д. Из-за этих ограничений самолюбие сельских жителей сильно страдало, в особенности, если проблемы возникали при покупках в городе.

Школьное образование и здравоохранение

В 1950-е — первой половине 1960-х годов значимость образования в представлении сельских жителей постепенно повышалась. Довольно актуальным в этой связи выглядит следующее высказывание: «Ввести бесплатное и обязательное обучение — полдела, пока крестьянин считает школу обузой, отвлекающей его детей от необходимости семейного труда... Лишь когда школа дает крестьянским детям... возможность выбора новых для деревни занятий, открывает им дорогу к повышению социального статуса, она укореняется в деревенской жизни и становится полноценным фактором прогресса»³.

С другой стороны, постепенное обезлюдение села и закрытие малокомплектных учебных заведений начало создавать проблемы с транспортной доступностью школ для жителей отдаленных сел. Как видим, эти процессы оказывались заметны уже в первой половине 50-х годов (табл. 3)⁴.

Т а б л и ц а 3

Процент охвата детей школой (данные по Калужской области)

Год	Мальчики	Девочки
1951	95,6	95,0
1954	93,9	94,7
1956	92,5	93,5

При характеристике состояния системы сельского здравоохранения чрезвычайно важным представляется не только наличие

¹ ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 30. Д. 5647. Л. 8.

² РГАСПИ. Ф. 591. Оп. 1. Д. 112. Л. 51, 52.

³ Современные концепции аграрного развития. Теоретический семинар // Отечественная история. 1997. № 2. С. 149.

⁴ ГАКО. Ф. 3469. Оп. 1. Д. 10179. Л. 37.

Глава 4
ПРОБЛЕМЫ
СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ИСТОРИИ
ЗАПАДНОРУССКОГО
КРЕСТЬЯНСТВА
В 1953–1964 ГОДАХ

Учитель начальных классов А. Е. Фетисова с учениками на новогоднем празднике. Семичастненская начальная школа Думиничского района Калужской области. 1959 г.

Фото
из семейного архива
С. П. Фетисова

соответствующих учреждений в сельской местности (больниц, фельдшерско-акушерских пунктов, аптек), но и качество обслуживания (фактор, не критичный для школьного образования). С другой стороны, мы сталкиваемся с той же закономерностью, которая отмечалась в системе образования: сельские жители традиционно реже обращаются к врачу, чем горожане, но по мере формирования их городской ориентации уровень требований к местной системе здравоохранения повышался.

Чрезвычайно остро стояла проблема недостатка мест в лечебных учреждениях, причем она ощущалась как в деревне, так и в городе. В 1956 году в Смоленской области из-за отсутствия мест было отказано в госпитализации 800 жителям села и 1200 горожанам. В ряде районов (Велижском, Хиславичском, Починковском) представленные койки в больницах составляли от 25 до 40% от общего числа¹. Но поскольку в городах положение было схожим, гораздо более существенной с точки зрения формирования миграционных намерений у сельских жителей представляется проблема качества медицинского обслуживания. Из 2600 коек в сельских больницах области 1064 считались так называемыми «общими», т. е. без специализации. Если в городе хирургические койки составляли 20%

¹ ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 30. Д. 12033. Л. 48–49.

Людиновская
районная больница.
1950-е гг.
Фото из книги
«Людиново.
Четыре века
на благо России»

от общего количества, то в селе — только 11%. Отмечалось также отсутствие элементарного оборудования в сельских больницах¹. Наиболее же показательным выглядело сравнение количества врачей в городе и селе (табл. 4).

Т а б л и ц а 4
Сравнение количества врачей в Смоленской области, чел.²

Год	Город	Село
1940	1045	147
1950	1124	264
1955	1338	234

В результате на одного городского врача приходилось 7 коек и 2,9 тыс. амбулаторных больных, на одного сельского — 12 коек и 3,1 тыс. больных. При этом отмечалось, что врачи амбулаторный прием не вели, уступая эту обязанность медсестрам и фельдшерам³.

¹ ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 30. Д. 12033. Л. 50–51.

² Там же.

³ Там же. Л. 56–58.

Удручающее впечатление производит отчет комиссии, посетившей в 1956 году Брасовскую районную больницу Брянской области. Больные размещались по два человека на койке. Те, которым повезло меньше, лежали в коридоре — мужчины и женщины рядом. Из-за отсутствия столовой есть приходилось прямо в кровати. В больнице отсутствовала санобработка¹.

В 1962 году в той же Брянской области недоставало 900 врачей, 1156 фельдшеров, акушерок и медсестер. Из-за отсутствия медицинских работников на селе было закрыто около 170 фельдшерско-акушерских пунктов². 26 участковых больниц вообще работали без врачей³. В 1964 году из 760 медпунктов области 200 располагались на частных квартирах. В среднем на 30 тыс. жителей приходилась одна аптека⁴.

Транспорт

Транспортная проблема приобретала большое значение не только в связи с удаленностью школ и больниц, но и с недоступностью системы учреждений социально-бытовой сферы в целом. Не будет преувеличением сказать, что отсутствие, либо плохое состояние дорог определяло неудовлетворительное состояние всех прочих элементов сельской инфраструктуры, а потому выступало в качестве одной из главных причин переезда сельских жителей из села в город. Отсутствие регулярного транспортного сообщения с мелкими населенными пунктами способно было повлиять на решение населения этих мест переменить место жительства. В свою очередь, отток жителей из небольших селений ухудшал положение оставшихся на старом месте, поскольку с уменьшением численности населения дальнейшая эксплуатация автобусных линий становилась экономически нецелесообразной. Транспортные трудности определяли направление внутрисельской миграции, вынуждая людей селиться вдоль автомобильных и железных дорог.

Именно автомобильный и железнодорожный транспорт были наиболее распространены на территории западных областей Центра. Обычно густота транспортной сети зависела от степени близости той

---

¹ ГАБО. Ф. 6. Оп. 3. Д. 1509. Л. 106.

² Там же. Д. 88. Л. 75.

³ Там же. Д. 1579. Л. 293.

⁴ Там же. Оп. 4. Д. 582. Л. 211; д. 192. Л. 395.

Концерт участников
художественной
самодельности
Калужского элек-
тромеханического
завода в подшефном
совхозе им. К.Э.
Циолковского.
Калужский сельский
район Калужской
области. 1960-е гг.
ГАДНИКО.
Ф. П-7607. Оп. 5.
Д. 8633

или иной территории к Москве, хотя это правило не вполне справедливо для Брянской области. По плотности железнодорожной сети регионы распределялись следующим образом (табл. 5)¹.

Т а б л и ц а 5

Плотность железнодорожной сети

Регион	Густота сети железных дорог, на 1000 кв. км
ЦЭР	26,5
Брянская	30,4
Калужская	29,0
Смоленская	23,6

Представляется, что транспортная насыщенность конкретного региона в большей степени зависела от наличия на его территории магистральных железнодорожных или автомобильных путей, чем от степени индустриального развития. Расчеты, сделанные для вполне благополучной в транспортном отношении Калужской

¹ Гохберг М. Я., Соловьева Н. А. Проблемы развития и размещения производительных сил Центрального района. М., 1975. С. 177.

Глава 4
ПРОБЛЕМЫ
СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ИСТОРИИ
ЗАПАДНОРУССКОГО
КРЕСТЬЯНСТВА
В 1953–1964 ГОДАХ

Выступление оркестра Калужского электромеханического завода в подшефном колхозе «Октябрь», д. Грязново Ферзиковского района Калужской области. 1960-е гг.
ГАДНИКО.
Ф. П-7607. Оп. 5.
Д. 8497

области позволяют увидеть, что в 60-е годы наилучшие показатели протяженности автодорог на единицу площади имели районы, через территорию которых проходила железнодорожная ветка (Бабынинский, Людиновский, Мещовский)¹. Слабо развитая сеть коммуникаций, в том числе автомобильных дорог, характерна для Смоленской области².

На развитие местной дорожной сети довольно благотворно влияло существование на территории региона дорог республиканского и союзного значения. В большинстве случаев крупные автодороги проходили через те же области, что и железнодорожные магистрали. Однако, в отличие от последних, влияние присутствия крупных автомагистралей на состояние местной дорожной сети в целом менее заметно.

Большое количество мелких населенных пунктов в сочетании с отсутствием хороших дорог делали невозможным повсеместное введение автобусного сообщения. Во-первых, не гарантировалась

¹ ГАКО. Ф. 883. Оп. 22. Д. 60–80.

² Евдокимов М. Ю., Катровский А. П., Терещенко Т. А. Проблемы устойчивости сельских поселений юго-западного Нечерноземья // Методика и опыт изучения сельских поселений Нечерноземья. М., 1991. С. 82.

Передовики колхоза
«Заря» (с. Желови-
жи Ферзиковского
района Калужской
области) на экс-
курсии в Калуге.
Середина 1950-х гг.
*Фото из семейного
архива Е.И. Дедиу*

наполняемость автобусов; во-вторых, плохие дороги быстро приводили их в негодность. Тем самым многие деревни лишались регулярной связи с внешним миром. Существование автобусной линии часто не снимало проблемы. В отдаленные села в лучшем случае организовывались разовые рейсы в течение суток. Так, на 101 маршрут в сельской местности Брянской области в 1962 году приходилось лишь 112 автобусов¹. Если принять во внимание повышенную вероятность выхода машин из строя на плохих дорогах, становится понятно, что сельские жители могли воспользоваться единственным автобусом своего маршрута далеко не всегда. Это подтверждается статистикой. В среднем каждый житель брянского села пользовался услугами автотранспорта не более девяти раз за год². При этом не забудем, что Брянская область характеризовалась довольно высокой плотностью сельских поселений в сравнении с соседними территориями.

Острота дорожной проблемы вполне осознавалась властями. Уже на рубеже 50-х—60-х годов были предприняты попытки решить ее в рамках масштабной программы с привлечением различных

¹ ГАБО. Ф. 6. Оп. 4. Д. 555. Л. 53.

² Рассчитано по: ГАБО. Ф. 6. Оп. 4. Д. 555. Л. 53. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. СССР. С. 20.

Глава 4
ПРОБЛЕМЫ
СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ИСТОРИИ
ЗАПАДНОРУССКОГО
КРЕСТЬЯНСТВА
В 1953–1964 ГОДАХ

Колхозные
плотники собирают
срубы для изб.
Фото из книги
«Сокровищница
Калужского края.
История.
1944–2007»

заинтересованных сторон. В 1959 году был издан Указ Президиума ВС РСФСР «Об участии колхозов, совхозов, промышленных, транспортных и других предприятий и хозяйственных организаций в строительстве и ремонте автомобильных дорог», не имевший, однако, далеко идущих последствий. Судя по документам последующих лет, в дальнейшем ничего радикального в этой сфере не предпринималось (вплоть до издания в марте 1974 года. Постановления ЦК и Совета Министров СССР по развитию Нечерноземья, но и в нем упор делался не на строительство дорог, а на сокращение сети поселений).

Жилищное строительство

Тема жилищного строительства на селе актуальна как в свете устройства быта городских специалистов (врачей, учителей, агрономов), так и в связи с массовым строительством домов городского типа, сопровождавшимся отлучением сельских жителей от приусадебных участков (с конца 50-х до середины 80-х годов¹). До этого времени

¹ Яковлева С. И. Формы и проблемы развития приусадебного хозяйства на селе // Методика и опыт изучения сельских поселений Нечерноземья. М., 1991. С. 98.

(примерно до 1956 года) наблюдалось «строительство в колхозах», которое с большой долей уверенности можно отнести к сельскому¹. Впоследствии принципы строительства жилья в сельской местности мало чем отличались от принятых в городе. Примечательно, что «городские» критерии применялись и к оценке качества сельского жилья, когда во внимание принимались количество комнат и метраж в расчетах на члена семьи. Сельские жилищные обследования конца 1950-х годов были продиктованы отнюдь не этнографическим интересом. Они исходили из невозможности (либо затрудненности) сельской семьи самостоятельно улучшить свои жилищные условия (вроде «пристроек», ранее распространенных в крестьянской среде) и обозначали намерение государства улучшать условия быта селян подобно тому, как это было в городе (шло массовое строительство «хрущевок»). Глобального распространения государственная программа строительства жилья на селе не получила, и охвачены ею оказались в основном совхозы.

Материалы жилищных обследований довольно показательны. Вот в каких условиях, например, жили в 1959 году сельские семьи в Смоленской области. 98% обследованных проживали в собственных домах, из них 32% — в домах, построенных до 1946 года, 99% домов были деревянными. Только 0,2% из них имели железную кровлю. В лесной зоне часто встречалась деревянная кровля (39,7%), абсолютное же большинство домов было крыто соломой (55%). Электричество было подведено к 11% домов, радио — к 49%. 86% домов были однокомнатными, 13% — двухкомнатными и только 1% — трехкомнатными. На члена семьи приходилось в среднем 8,38 кв. м жилой площади². Мягко говоря, скромные условия проживания большинства селян не могли не вызывать тревоги у властей, особенно в свете усиления миграции из села.

---

¹ Вишневский А. Г. Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР. М., 1998. С. 90.

² ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 31. Д. 5544. Л. 207.

Глава 5. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЗАПАДНОРУССКОГО КРЕСТЬЯНСТВА В СЕРЕДИНЕ 1960-х—СЕРЕДИНЕ 1980-х ГОДОВ

5.1. Организационные реформы

В течение 1960-х годов в регионе продолжалось постепенное реформирование системы общественного сельскохозяйственного производства. Поскольку колхозная форма производства в условиях разрушения традиционного крестьянского быта явно уступала совхозной, дальнейшее изменение колхозной системы было неизбежным. Рассчитывать на воспроизводящий потенциал крестьянского двора в условиях хозяйственной централизации было невозможно, равно как и игнорировать недопустимо низкий уровень жизни колхозников, особенно в сопоставлении с доходами горожан и работников совхозов. Единственно возможным выходом виделось распространение принципа централизованного распределения на членов колхозов. В результате в 1966 году была введена помесечная гарантированная оплата труда колхозников. В последующем колхозы постепенно восстанавливали хозяйство и скоро смогли составить конкуренцию совхозам. С другой стороны, население совхозов сильно поредело и постарело из-за более интенсивного, чем в колхозах, отъезда людей в город (в совхозах городская ориентация была выражена сильнее). Производительность труда в совхозах в 1970 году по РСФСР составляла 152% к уровню 1960 года, а в колхозах — 175%¹. Последующий упадок экономики совхозов, особенно ощутимый в годы

---

¹ Труд в СССР. М., 1973. С. 265.

А. И. Королева,
картофелевод
колхоза «Новый
труд» Мосальского
района Калужской
области. 1985 г.
ГАДНИКО.
Ф. П-7607. Оп. 5.
Д. 5179

Герой Социали-
стического Труда
П. Д. Балабаева,
дойрка колхоза
«Путь к коммуниз-
му» Дзержинского
района Калужской
области. 1982 г.
ГАДНИКО.
Ф. П-7607. Оп. 5.
Д. 8124

девятой пятилетки, почти до конца стер границы между коллективной и государственной формами организации общественного производства, заодно отняв у крестьянина возможность внутрисельского выбора места лучшего трудоустройства. При последующем анализе двух форм общественного сельскохозяйственного производства исследователями был сделан вывод о том, что преимущества совхозов так и не проявились¹.

Последствия упадка совхозов на Западе Центра проявлялись по-разному. В ряде районов Смоленской области, где раскрестьянивание зашло слишком далеко и привычка к домашнему сельскохозяйственному труду была утрачена, с упадком совхозов рвались последние нити, удерживавшие людей на селе. Имел место и обратный процесс. В первую очередь он был характерен для территорий с сохранившимися крестьянскими традициями и наиболее ярко проявился в Брянской области, где даже был отмечен обратный отток из совхозов в колхозы.

¹ См.: Данилов В. П. Социальная структура советской деревни. С. 268. Тарасов А. Ф. Развитие колхозной собственности в общенародную. Ростов-на-Дону, 1967. С. 173. Тюрина А. П. Основные направления и этапы развития сельского хозяйства СССР в 50–70-х гг. // Материалы VI сессии Симпозиума по проблемам аграрной истории СССР. Вып. 3. Вологда, 1977. С. 46.

Глава 5
СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
ПОЛОЖЕНИЕ
ЗАПАДНОРУССКОГО
КРЕСТЬЯНСТВА
В СЕРЕДИНЕ 1960-х—
СЕРЕДИНЕ 1980-х
ГОДОВ

С.Н. Петреченко,
водитель совхоза
«Белоусовский»
Жуковского района
Калужской области.
1983 г.
ГАДНИКО.
Ф. П-7607. Оп. 5.
Д. 8125

В конце 60-х—70-е годы развернулась кампания сселения «неперспективных» деревень. Сселение проводилось и раньше, в ходе укрупнения колхозов (так, в октябре 1950 года была поставлена задача срочного сселения мелких поселков в основном в западных областях Центра—Смоленской и Калининской¹). Поскольку именно в те годы сформировалась хозяйственная поселенческая иерархия, совершенно справедливым видится вывод о том, что именно укрупнение хозяйств стало первопричиной последующего сселения². Кроме того, о необходимости сселения «неперспективных деревень» в сочетании с политикой ограничения личных подсобных хозяйств Н. С. Хрущев говорил на декабрьском (1959 год) Пленуме ЦК КПСС³. Отличие кампании сселения образца 70-х годов от проводившейся в 50-е годы состояло в том, что она была подчеркнута урбанистически ориентированной. Одновременно со сселением мелких населенных пунктов проводился курс на развитие промышленных производств на селе. В условиях

¹ РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 7. Д. 1032. Л. 78.

² Попов В. П. Российская деревня после войны (июнь 1945 — март 1953). Сб. документов. М., 1993. С. 10. Денисова Л. Н. Исчезающая деревня России: Нечерноземье в 1960–1980-е гг. М., 1996. С. 59.

³ Пленум ЦК КПСС 22–25 декабря 1959 г. Стенографический отчет. М., 1960.

массовой миграции признавалась невозможность аграрных структур удержать рабочую силу в «опорных центрах расселения» и потому приходилось думать об индустриализации деревни.

Программа эта была запоздалой. Теоретически возможный стабилизирующий эффект в результате индустриализации села сводился на нет практикой ликвидации мелких поселений. Целью программы была оптимизация условий жизни на селе с точки зрения городского человека. За эталон при этом брались, как правило, совхозы, имевшие сеть промышленных предприятий. Жителям села предлагался некий промежуточный вариант между городом и селом, который должен был соединить преимущества городского и сельского типов. На деле этот вариант соединял в себе недостатки обоих — отсутствие возможности вести свое

Председатель колхоза «Россия», Герой Социалистического Труда Г. И. Сонин с главным агрономом М. П. Платовой.

Фото из газеты «Знамя». Козельский район Калужской области. 22 ноября 1983 г.

ГАДНИКО.
Ф. П-7607. Оп. 5.
Д. 1325

Глава 5
СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
ПОЛОЖЕНИЕ
ЗАПАДНОРУССКОГО
КРЕСТЬЯНСТВА
В СЕРЕДИНЕ 1960-х—
СЕРЕДИНЕ 1980-х
ГОДОВ

Ю. Н. Мануйлов,
механизатор колхоза
«Заря» Жуковского
района Калужской
области. 1985 г.
ГАДНИКО.
Ф. П-7607. Оп. 5.
Д. 5177

В. Ф. Кузин, брига-
дир полеводческой
бригады колхоза им.
Кирова Тарусского
района Калужской
области. 1985 г.
ГАДНИКО.
Ф. П-7607. Оп. 5.
Д. 5178

хозяйство (или большое ограничение этой возможности), характерное для города, и сохранявшуюся недоступность городских благ, извечную сельскую проблему с момента установления контакта между сельской и городской цивилизациями. Достигавшаяся в результате маргинализация сельского населения только стимулировала отток в города.

Впервые после почти десятилетнего перерыва выражение «неперспективная деревня» было использовано в изданных НИИ Сельхозстроя СССР «Правилах застройки сельских населенных пунктов РСФСР», одобренных ЦК КПСС 1 сентября 1968 года¹. В известном мартовском 1974 года постановлении ЦК и Совета Министров, касавшемся стратегии развития Нечерноземной зоны РСФСР, сселению был придан характер государственной программы. В течение 1974–1975 годов предполагалось «сселить 170 тыс. семей из мелких населенных пунктов в благоустроенные колхозные и совхозные поселения»².

¹ Никитаева Е. Б. Исчезающая деревня (1960 — середина 1980-х годов) // Судьбы российского крестьянства. М., 1996. С. 441.

² Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1983, т. 11. С. 485–496.

*ИСТОРИЯ
КРЕСТЬЯНСТВА
ЗАПАДНОГО
РЕГИОНА РОССИИ*

Сотрудники калужской милиции на уборке капусты в поле совхоза «Шопинский» Калужско-го сельского района Калужской области.

1980-е гг.

ГАДНИКО.

Ф. П-7607. Оп. 5.

Д. 8176

Животноводческий комплекс.
Калужская область.
1970-е гг.
Фото М. Барабанова
из альбома «Земля Калужская»

Глава 5
СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
ПОЛОЖЕНИЕ
ЗАПАДНОРУССКОГО
КРЕСТЬЯНСТВА
В СЕРЕДИНЕ 1960-х—
СЕРЕДИНЕ 1980-х
ГОДОВ

Уборка зерновых
в колхозе, подшеф-
ном Калужскому
радиоламповому
заводу. Сухиничский
район Калужской
области. 1970-е гг.
ГАДНИКО.
Ф. П-7607. Оп. 5.
Д. 8279

Очень много сказано об уроне, нанесенном селу Нечерноземья политикой сселения. В то же время стоит обратить внимание на то, что государство к началу 70-х годов уже не могло серьезно влиять на изменение демографических тенденций в сельской местности. С одной стороны, к этому времени набрали инерцию процессы стихийной миграции в города, с другой—на амбициозную нечерноземную программу элементарно не хватало денег. В результате план сселения не выполнялся «вследствие недостаточных капиталовложений и возможностей сельского строительства»¹. Уже в середине 70-х годов начали высказываться сомнения в целесообразности проводимой политики, поначалу довольно робкие. Одновременно с констатацией полезности совершенствования системы расселения отмечалось, что «многократная трансформация сети сельских населенных пунктов с периодическим сселением жителей и ликвидацией части селений требует больших затрат и практически нереальна». В качестве выхода предлагалось прийти к сочетанию концентрации в поселениях с концентрацией в *сети* (курсив наш. — О.Г.) сельских населенных пунктов². Т.е., проводилась мысль, что в качестве

¹ Гохберг М.Я., Соловьева Н.А. Проблемы развития и размещения производительных сил Центрального района. М., 1975. С. 56.

² Бельный В.Р., Федунева Г.Ф. Сельское расселение в Нечерноземной зоне РСФСР. М., 1975. С. 16.

ХІХ Областная комсомольская конференция. В президиуме — Г. И. Сонин, председатель колхоза «Россия» Козельского района Калужской области, Герой Социалистического Труда; И. И. Ладутко, председатель областного штаба похода по местам революционной, боевой и трудовой славы советского народа, Герой Социалистического Труда. Калуга.

Январь 1980 г.
ГАДНИКО.
Ф. П-7607. Оп. 5.
Д. 1326

центров расселения могут выступать не только отдельные поселения, но и целые территории. Именно такая модель была впоследствии признана единственно возможной, чему способствовали не только осознание нежизненности прежнего пути, но и активное формирование городских агломераций в Центральном Нечерноземье. Таким образом, к началу 80-х годов политика сселения «неперспективных» деревень стала вытесняться концепцией агломерационного развития. В урбанизированных районах малые населенные пункты стали рассматриваться как центры «агрорекреационного использования»¹.

5.2. Личные подсобные хозяйства

Одним из первых мероприятий брежневского правления стало возвращение жителям села многочисленных отрезков, образовавшихся в результате предшествующей ограничительной политики. В ноябре 1964 года было издано постановление Бюро ЦК КПСС и СМ РСФСР «Об устранении необоснованных ограничений подсобного

¹ См. напр.: *Фомин А. А., Сорокина М. В.* Эволюционные концепции сельского расселения // *Деревня Центральной России: история и современность.* М., 1993. С. 143.

Машины-молоковозы едут в Москву. На границе Калужской и Московской областей. 1970-е гг. Фото М. Барабанова из альбома «Земля Калужская»

хозяйства колхозников, рабочих и служащих»¹. После октябрьского (1964 год) Пленума ЦК КПСС были отменены ограничения ЛПХ и на содержание скота. Считалось, что внеэкономические меры по отношению к подсобным хозяйствам бесперспективны, и по мере дальнейшего роста общественного сектора они окончательно утратят свою прежнюю роль².

Такая терпимость объяснялась несколькими причинами. Во-первых, считалось, что ЛПХ носят в основном потребительский характер, а потому не представляют более угрозы общественному сектору. Во-вторых, молчаливо признавалась неспособность колхозно-совхозной экономики обеспечить население всеми видами сельскохозяйственной продукции. Наконец, в-третьих, продолжался курс на стирание социальных различий, начатый в хрущевские годы уравниванием размеров заработной платы разным категориям промышленных рабочих. Личные хозяйства в этих условиях выполняли компенсирующую функцию, так как благодаря им совокупный доход колхозников был примерно равен совокупному доходу работника

¹ Безнин М. А. Крестьянское хозяйство в российском Нечерноземье. 1950–1965. С. 7.

² Игнатовский П. А. Социально-экономические изменения в советской деревне. М., 1966. С. 383–384.

совхоза. Доход от ЛПХ у колхозников был примерно в 1,5 раза выше, чем у работника совхоза. В свою очередь, ЛПХ работников совхозов способствовали сглаживанию отставания от промышленности. Средний размер ЛПХ в колхозах сложился на уровне 0,31 га, в совхозах — 0,2 га, у рабочих и служащих (вне сельского хозяйства) — 0,11 га¹.

Естественно, что появление источника дополнительных доходов в таких условиях влекло за собой сокращение, либо ликвидацию ЛПХ. Одной из наиболее пострадавших категорий населения были сельские пенсионеры. С учетом того, что в архивных фондах имеется большое количество жалоб на местных управленцев в центральные органы власти, можно предположить (исходя именно из множественности обращений), что такая практика негласно поощрялась сверху. В Брянской области дело едва не дошло до вооруженного противостояния (совхоз «Синезерки» Навлинского района). «По всему совхозу без согласия народа ведется ликвидация приусадебных участков у рабочих и служащих, пенсионеров, вдов-пенсионеров и инвалидов войны. Приусадебные участки по команде директора вспаханы и засеяны коноплей и свеклой. А людям выделяют огороды за 1 км и более от дома, в поле. Некоторые пенсионеры живут одни (60—70 лет)... У всех обрезаны сотки по самый угол... В связи с произволом рабочие совхоза не выходят на работу, они не хотят пользоваться наделами в поле». В деревнях Лбы и Кольцовка «люди вышли с вилами и топорами против тракториста, приехавшего засеять приусадебные участки. О произволе знают сельсовет, парторг и районные организации, но люди оказались без защиты»².

Другим проявлением дискриминации стало выборочное наделение работников кормами для личного скота. Колхозник из Угодско-Заводского района Калужской области, жалуясь, что ему не выделяют покосов, писал: «Корова является основным источником моей жизни, так как мы с женой колхозные пенсионеры»³. Из Ельнинского района Смоленской области сообщали, что «без коровы на расстоянии 22 км от райцентра прожить нельзя, а колхоз выделяет корма только тем, кто косит и убирает сено. Мы, пенсионеры, работать не можем»⁴.

¹ Советское крестьянство и село на этапе развитого социализма. М., 1985. С. 90, 92.

² РГАСПИ. Ф. 591. Оп. 1. Д. 51. Л. 1–2.

³ Там же. Л. 9.

⁴ Там же. Д. 50. Л. 28.

Недостаток кормов оказался очень серьезной проблемой, причем не только для пенсионеров, и по этой причине в 1969 году произошло новое сокращение поголовья крупного рогатого скота в ЛПХ. С годами эта проблема только обострялась. Отмечалось, что если в 1965 году население скормило скоту 1,6 млн т печеного хлеба, то в 1970 — уже 2,4 млн т¹. В конце 1970-х годов свои наблюдения в письме в газету изложила возмущенная москвичка: «В деревне покупают по 12—18 буханок каждый. Узнала, что для скота. И все это происходит летом, когда на лугах сочная трава! А что же будет зимой? Не пора ли прекратить это варварское отношение к хлебу?»² Жительнице города было невдомек, что сочная трава не предназначалась для личного скота. Сами колхозники воспринимали ситуацию несколько иначе (Суражский район Брянской области): «Нет кормов. Берем хлеба каждый день на 1 руб. Это 6 буханок. Надо дать булку пороссятам, телят, курам. В месяц 30 руб. на один хлеб, а пенсия — 50 руб. В этом году надо сдать корову государству, больше ее держать невозможно»³.

Как видим, в создавшихся условиях лишенные производственной функции личные подсобные хозяйства неминуемо приобретали иждивенческий характер. Эта тенденция ощущалась тем отчетливее, чем сильнее было городское влияние. Не случайно одним из мотивов запрещения содержания скота в поселках городского типа и городах явились именно факты скармливания скоту печеного хлеба⁴.

Относительно благополучные 60-е годы дают почву для комплиментарных отзывов в адрес тогдашней аграрной политики. «С середины 60-х до конца 80-х годов, может быть впервые в своей истории, российская власть (при всех ограничениях и оговорках)... начала нащупывать верную тональность в характере взаимодействия с крестьянством\... Это была по существу новая постколлективизационная политика. И именно от нее, а не от «колхозного рабства» и «агроГУЛАГа», не хотело отказываться крестьянство после

¹ Воронов С. Н. Политика принудительного раскрестьянивания 1950-х — 1960-х гг. и личное хозяйство колхозников РСФСР // Крестьянское хозяйство: история и современность. Ч. 2. Вологда, 1992. С. 62.

² РГАСПИ. Ф. 591. Оп. 1. Д. 245. Л. 52.

³ Там же. Л. 5.

⁴ Игнатовский П. А. Указ. соч. С. 384.

Вспашка земли
«под зиму»
на личном подсобном
хозяйстве. Деревня
Нагая, Ульяновский
район Калужской
области. Конец
1970-х гг. Фото
из семейного архива
С.И. Захарова

объявления «деколлективизации» в конце декабря 1991 года»¹. Такая оценка, на наш взгляд, не вполне верна. Из высказывания следует логический вывод, что власть поняла крестьянскую природу и стала действовать оптимальным для селян образом, что звучит не очень убедительно. Скорее всего, дело в другом. Нетрудно заметить, что в брежневские годы реформаторский пыл стихает. Энергии снова разрушать ЛПХ, сселять крестьян уже не было. Поэтому если что и приветствовалось крестьянами, то не действие, а бездействие. Что касается попыток повышения эффективности сельского хозяйства, то их последствия известны.

5.3. Уровень благосостояния сельских жителей

Как было сказано выше, общей тенденцией 60–70-х годов стало постепенное выравнивание доходов колхозников и рабочих совхозов, с одной стороны, и жителей села и города, с другой. Вместе

¹ *Никольский С. А.* Коллективизация и деколлективизация: сравнительный анализ процессов, последствий, перспектив // Крестьяноведение. 1997. С. 231.

с тем на размер доходов по-прежнему влияли местные особенности. В слабоурбанизированных западных областях, т.е. там, где наступление на семейное производство в меньшей степени подкреплялась городским влиянием, сокращение размеров сельских семей шло медленнее, что сказывалось на их бюджетах. К началу 70-х годов среди областей ЦЭР доходы колхозников Брянской области были по-прежнему наименьшими¹. Они определялись не только отмеченной относительной трудоизбыточностью и слабой механизацией. Здесь при сохранении сравнительно высокой рождаемости довольно большим был удельный вес иждивенцев, и соответственно низким — число работающего населения. Небольшие доходы работающих, таким образом, особенно сильно здесь уменьшались при расчете на душу населения. При этом необходимо отметить, что из-за высокого коэффициента детности наибольшее число иждивенцев было в младших возрастах². Это принципиально, если вспомнить, что задачу социального обеспечения старшего поколения брало на себя государство, а дети содержатся за счет родителей, чьи доходы в регионе и так были невысоки.

Возвращаясь к отмеченным выше тенденциям, скажем, что сближение уровня доходов колхозников и рабочих совхозов было весьма существенным. В этом деле большую роль сыграло постановление ЦК КПСС и Совета Министров от 16 мая 1966 года, которым вводилась гарантированная оплата труда колхозников на уровне тарифных ставок совхозов. Колхозам, не имевшим денег на эти выплаты, государство предоставляло долгосрочные кредиты на 5 лет. В момент введения этих выплат на них смогли перейти лишь около трети колхозов. В 1969 году гарантированную оплату применяли около 90% колхозов, а к 1973 году на нее перешли все хозяйства³. Последнее оказалось возможным при активной помощи государства.

Частые перебои в выдаче гарантированных выплат колхозникам сделали актуальной необходимость введения в колхозах в начале

---

¹ ГАРФ. Ф. 374, Оп. 31. Д. 5499. Л. 138.

² Рылкова И., Большакова Е. Демографическая ситуация в Нечерноземной зоне РСФСР и ее перспективы // Нечерноземье: демографические процессы. М., 1977. С. 15.

³ Тюрина А. П. Сельское хозяйство СССР на пути ускоренного подъема // Социально-экономические проблемы истории развитого социализма в СССР. М., 1976. С. 203.

1970-х годов фиксированного фонда оплаты по труду¹. По всей видимости, государство попыталось сначала возложить заботы о гарантированных выплатах на сами колхозы (с небольшим участием госбюджета), подобно тому, как это было с авансированием во второй половине 1950-х годов. Поэтому для успешной реализации провозглашенных мер потребовалось принятие специальной государственной программы, и отчисления из госбюджета в фонд оплаты труда в колхозах становились правилом. В результате колхозы еще более приблизились к совхозам по уровню оплаты труда работников, что соответствовало государственной установке: «тарифные ставки совхозов служат минимальным пределом доходов соответствующих категорий колхозников»². Если в середине 1960-х годов в колхозе получали 3/4 от совхозного уровня, то к 1973 году — 81% к уровню рабочего совхоза³.

Нельзя не признать, что меры по государственному регулированию размеров фонда оплаты труда в колхозах были своевременными. В противном случае платить колхозникам было бы просто нечем. В 1960 году удельный вес оплаты по труду составлял около 50% доходов колхозов⁴. В 1965 году фонд оплаты труда составлял уже 64% от валового дохода колхозов. Впоследствии рост продолжался, сначала медленный, затем все более значительный: в 1970 году в фонде оплаты было уже 66% колхозных доходов, в 1978 году — 77%, в 1980 году — 96%. Наконец, в 1985 году почти каждый десятый колхоз в СССР расходовал средств на оплату труда больше, чем получал валового дохода⁵. То есть, зарплаты работников росли, а доходность колхозного производства стремительно падала. Официальное объяснение по этому поводу звучало так: «Государство, повышая закупочные цены, предоставляя колхозам кредиты, тем самым в определенной мере поддерживает колхозные гарантии в оплате труда колхозников»⁶.

О результатах введения гарантированной оплаты позволяют судить следующие наблюдения (1967 год): «Он не богач, но и не морит

---

¹ *Игнатовский П. А.* Укрепление экономических отношений города и деревни // Социально-экономические проблемы истории развитого социализма в СССР. М., 1976. С. 39.

² Там же. С. 43.

³ Там же. С. 38.

⁴ Там же. С. 41.

⁵ *Никитаева Е. Б.* Указ. соч. С. 452.

⁶ *Игнатовский П. А.* Указ. соч. С. 42.

свою душу... Летний день колхозника — 1,5–2 тр/дня (1–2 руб. за восьмичасовой день)... Средний заработок полевого колхозника — 1,25 руб./день. На дневную зарплату можно купить: 12 яиц <или> 7 кг хлеба, 1 кг масла — за 3 дня, 1 кг мяса — за 2 дня, сапоги — за 20 дней, материи на рубашку — за 5 дней, корову — за год»¹.

И все же, вопреки устоявшемуся мнению, далеко не всем колхозникам введение гарантированной оплаты казалось благом. Отмечены многочисленные жалобы на сокращение ставок оплаты труда в результате этой меры. «Во многих колхозах так завысили нормы и занизили расценки, что люди не хотят переходить на такую систему оплаты труда»². Из Хиславичского района Смоленской области сообщали, что новая норма оплаты труда на току составила всего 20–25 руб. в месяц³. Из колхоза «Новый путь» Трубчевского района Брянской области писали: «С 1 сентября <1967 года> перешли на денежную оплату труда. Нормы выработки прислали совхозные, но они завышены... Дисциплины нет, колхозники работают без желания. Некоторых норм до сих пор нет. Неужели сам колхоз не может подрабатывать нормы? А до 1 сентября работали отлично»⁴. В то же время для работников отстающих колхозов введение системы гарантированной оплаты труда в большинстве случаев было выгодно.

Новая система оплаты труда, при всех ее выгодах, на межхозяйственном уровне нивелировала доходы работников, делая условным передовой (отстающий) статус колхоза, а на внутрихозяйственном рождала серьезные диспропорции в соотношении заработков за примерно равный труд, но на разных участках. Не случаен вопрос по поводу возможности колхоза самому «подрабатывать нормы», и легко предположить что он задан работником сильного хозяйства. И хотя фактор низкого колхозного заработка действительно переставал играть прежнюю негативную роль в стимулировании сельской миграции в города, новая система оплаты внесла немалый вклад в обесмысливание сельского труда, остро поставила вопрос о его условиях и результатах. Не случайным, к примеру, видится такое свидетельство: «Чем же рядовой колхозник должен жить, если у него удерживают на штрафы почти месячную зарплату. Причем

¹ Горбачевич Д. Два месяца в гостях у колхозников. Нью-Йорк, 1967. С. 24, 29, 37, 38.

² РГАСПИ. Ф. 591. Оп. 1. Д. 174. Л. 60.

³ Там же. Л. 68.

⁴ Там же. Д. 34. Л. 42.

«Молодежь осталась
на селе». Совхоз
«Воскресенский»
Тарусского района
Калужской области.
1970-е гг.
Фото А. Пашина.
ГАДНИКО.
Ф. П-7607. Оп. 5.
Д. 5076

не учитывают даже того, что здоровье-то потеряно на колхозной работе» (Ульяновский район Калужской области, 1969 год).¹

На наш взгляд, именно после 1966 года (и в целом это подтверждается архивными данными) принадлежность сельского жителя к колхозу или совхозу с точки зрения жизненных условий перестала играть какую-либо серьезную роль. Условия труда и уровень самостоятельности работников в обоих типах хозяйств были схожими; меньший размер приусадебных участков в совхозах на фоне общей тенденции утраты их прежнего значения на селе также был

¹ РГАСПИ. Ф. 591. Оп. 1. Д. 61. Л. 33.

несущественным. Для полного сходства не хватало нивелировки в системе оплаты труда — и она была произведена.

В восприятии большого количества исследователей введение гарантированной оплаты труда видится неким рубежом, перейдя через который деревня теряла что-то очень существенное в своем облике. «Ныне не раз в году в конце хозяйственного цикла, как это было в 30—60-е годы, получает он (крестьянин. — О.Г.) плату за свой напряженный труд, а ежемесячно. Однако такая оплата, дающая ему твердую гарантию в получении материального вознаграждения, оценивается неоднозначно. Высказывается даже мнение, что отказ от трудодня, переход к гарантированной оплате явился началом свертывания колхозного строительства. Несомненно одно: ликвидация трудодня действительно способствовала раскрестьяниванию деревни»¹.

Довольно остро во второй половине 60-х годы встали проблемы с начислением и выплатой пенсий. Этого следовало ожидать, если принять во внимание в том числе и разный их размер в колхозах и совхозах. Во-первых, не везде их стали выплачивать с января

Вид центральной
усадьбы колхоза.
Калужская область.
1970-е гг. Фото
М. Барабанова
из альбома «Земля
Калужская»

¹ Симуш П. И. Мир таинственный...: Размышления о крестьянстве. М., 1991. С. 179.

Общий вид
центральной усадьбы
госплемзавода
«Кудиново», одного
из лучших хозяйств
Калужской области.
Малоярославецкий
район Калужской
области. 1970-е гг.
ГАДНИКО.
Ф. П-7607. Оп. 5.
Д. 8120

1965 года, как было определено в правительственном указе. «Не дают пенсии, говорят, что это еще в проекте... Зачем народу говорить, что постановили, как рабочему, так и колхознику, а этого не видно» (Щучанский район Смоленской области, 1967 год).¹ Во-вторых, не было до конца понятно, в каком размере выплачивать пенсию в случае преобразования колхоза в совхоз, и чаще всего продолжали платить по колхозным меркам. «Колхоз преобразован в совхоз в 1961 году. При определении пенсий сказали, что весь колхозный стаж пропал» (Сафоновский район Смоленской области, 1967 год).² Если пожилые люди возвращались к прежнему месту жительства из города, то пенсию им не назначали (т.е. если на момент введения

¹ РГАСПИ. Ф. 591. Оп. 1. Д. 33. Л. 16.

² Там же. Д. 34. Л. 28.

Глава 5
СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
ПОЛОЖЕНИЕ
ЗАПАДНОРУССКОГО
КРЕСТЬЯНСТВА
В СЕРЕДИНЕ 1960-х—
СЕРЕДИНЕ 1980-х
ГОДОВ

Интерьер
комнаты в доме
на центральной
усадьбе колхоза.
Калужская область.
1970-е гг. Фото
М. Барабанова
из альбома «Земля
Калужская»

пенсии человек не был колхозником). Такие случаи отмечались почти повсеместно. Вот образец чиновничьей логики: «Зачем Вам пенсия, у Вас детей много, пусть присылают Вам деньги».¹

Жалобы прекратились после издания в июне 1971 года Указа Президиума ВС СССР «О мерах по дальнейшему улучшению пенсионного обеспечения колхозников»², которым были окончательно ликвидированы различия в порядке начисления пенсий колхозникам и рабочим промышленности и совхозов. В результате удельный вес пенсионных поступлений в бюджете колхозника в среднем вырос с 9 до 12%³. О реальном росте пенсий в результате этой меры можем

¹ РГАСПИ. Ф. 591. Оп. 1. Д. 34. Л. 12, 14.

² Тюрина А. П. Указ. соч. С. 204.

³ ГАРФ. Ф. 374. Оп. 39. Д. 4008. Л. 15.

Вид центральной
усадьбы колхоза.
Калужская область.
1970-е гг. Фото
М. Барабанова
из альбома «Земля
Калужская»

судить по цитатам из писем: «Теперь, с 1 июля 1971 года, пенсия 36,16 руб., большое спасибо». «Вместо 12 руб. стали получать 20... Всю жизнь мы проработали доярками в колхозе... Большое спасибо»¹ и т.п. Как видим, повышение было довольно большим — во втором случае колхозники стали получать на две трети больше, но именно в этом письме слышны саркастические нотки — итоговая сумма все равно оказывалась очень невелика. Для сравнения: минимальная пенсия в совхозе в эти годы составляла 25,5 руб.²

Ту же задачу «окончательного стирания различий...» выполняли еще две меры. В ноябре 1969 года была создана единая система социального обеспечения членов колхозов, а в марте 1970 года введена единая система социального страхования колхозников, распространившая на них «больничные листы»³.

Второй упомянутой тенденцией стала практическая ликвидация различий в уровнях доходов между городским и сельским населением, что соответствовало стратегическим целям советского руководства. Соответственно снижалась значимость худшего материального положения сельской семьи в сравнении с городской как частой причины переезда в город, столь существенная в 1950-е годы. Во второй половине 60-х годов были зафиксированы практически одинаковые темпы роста доходов в городе и селе.

¹ РГАСПИ. Ф. 591. Оп. 1. Д. 96. Л. 59, 62.

² Там же. Д. 50. Л. 29.

³ Тюрина А. П. Указ. соч. С. 204.

В то же время абсолютные показатели уровня доходов не позволяли судить о реальном уровне благосостояния крестьянства. Работа в сельском хозяйстве не становилась более привлекательной.

Экономисты пробовали разобраться в причинах сравнительно низкой оплаты труда в аграрном производстве в сравнении с промышленностью. «В настоящее время (1975 год. — О.Г.) основная масса работников сельского хозяйства либо не имеет тарифного разряда (занятые на конно-ручных работах), либо тарифицируется по весьма ограниченному числу разрядов (тракторист-машинист — 3 класса, животновод — 2). Это ведет к тому, что одни работники длительное время задерживаются на одном разряде, другие же, используя более солидную первоначальную подготовку и быстро исчерпав ее возможности, лишаются материальных и моральных стимулов дальнейшего роста квалификации. Такое положение сдерживает и внедрение новой техники, освоение которой требует переподготовки механизаторов в рамках той же трехразрядной сетки»¹.

Постоянный доход от ЛПХ в западных областях Центра в конце 70-х годов составлял 35—36%, но даже с его учетом среднемесячный заработок колхозников оказывался немного меньше, чем у рабочих и служащих совхозов². Здесь нельзя не заметить, что ситуацию с доходами сельских жителей в 1980-е годы едва ли можно анализировать, основываясь только на данных о доходах колхозников. В традиционно аграрных юго-западных областях Центра (например, Брянской) колхозов по-прежнему оставалось довольно много, что же касается других территорий региона, в том числе Смоленской, то гораздо большее значение для определения среднего уровня благосостояния сельской семьи в них имели доходы рабочих совхозов, очень мало отличавшиеся от получаемых в промышленности.

Вполне закономерно, что статистика второй половины 1970-х — начала 1980-х годов не выделяла колхозное и совхозное население, обобщенно говоря о доходах сельских жителей. В 1985 году констатировалось примерно пятилетнее отставание заработной платы всех категорий трудящихся, занятых в сельском хозяйстве, от среднего уровня зарплаты в промышленности³. При этом, к примеру, в «совхозной» Смоленской области средняя зарплата в колхозах

¹ Производительные силы Нечерноземной зоны РСФСР: проблемы и перспективы развития агропромышленного комплекса. М., 1977. С. 229.

² Производительные силы Нечерноземной зоны РСФСР. С. 230.

³ Сенявский А. С. Социальная основа СССР. М., 1987. С. 163.

и совхозах и в промышленности к 1985 году практически сравнялась (173 и 176 руб.)¹.

Несмотря на продолжавшуюся урбанизацию села, средний размер сельской семьи по-прежнему был больше, чем городской. Поэтому для более точного соотношения уровней доходов следует учитывать среднедушевой доход в городе и селе. Если семейный доход в селе в 1975—1984 годах составлял около 90% от городского (при затратах труда в 115% по отношению к городу), то душевой доход — только 83% при затратах труда 72% к городским (т.е. в селе отдельный человек работал меньше, чем в городе)².

5.4. Социально-бытовая сфера

В 70—80-е годы отмечена тенденция постепенного улучшения бытовых условий на селе «в среднем» на 1000 жителей, однако его главной причиной было сокращение числа жителей в поселениях, «неудобных» для организации обслуживания. Бытовая сфера послушно подчинялась политике сселения малых деревень, даже иногда ее обгоняя: и без того ненавязчивый сельский сервис быстро покидал небольшие населенные пункты. Обращалось внимание, что в неудобных малых селах оставались в основном пенсионеры, которые гораздо менее подвижны и нуждаются в большинстве услуг «с доставкой на дом»³. Относительно последнего обстоятельства заметим, что эта оценка скорее справедлива для более требовательных городских пенсионеров, а консервативные и неизбалованные сферой услуг сельские жители вряд ли сильно тяготились отсутствием мастерских

---

¹ Казаков А. И. Население Смоленщины: прошлое и настоящее. Смоленск, 1988. С. 103.

² Алексеев А. И. Многоликая деревня (население и территория). М., 1990. С. 129. Возможно, именно это обстоятельство учитывает автор следующего замечания: «Доходы сельского жителя в конце 80-х гг. были на треть ниже доходов городского, хотя по государственной статистике, основанной на упрощенной методике их подсчета, они меньше только на 10 %» (Лазарев В. Т. Аграрная политика и трансформация российского села в XX столетии. Самара, 2001. С. 135).

³ Алексеев А. И., Зубаревич Н. В. Территориальная организация сферы обслуживания и образ жизни населения в сельском районе Нечерноземья // Вопросы социально-экономической географии Верхневолжья. Калинин, 1987. С. 32.

или прачечных. Гораздо более критичным был недостаток на селе торговых точек и учреждений здравоохранения, но и в этом случае молодежь реагировала гораздо более активно, чем пенсионеры.

По-прежнему проблемной сферой оставалась сельская торговля, в том числе торговля хлебом. В 60—70-е годы хлебная проблема даже усугубилась из-за отсутствия кормов для личных хозяйств и массового скормливания печеного хлеба домашнему скоту. Судя по письмам, ситуация с торговлей хлебом постепенно приобретала характер настоящего бедствия. Постоянные жалобы были как на отсутствие хлеба, так и на его качество. «Хлеб возят 2 раза в неделю, похож на оконную замазку или пластилин»¹. «Хлеб сырой, непропеченный, люди мучаются от изжоги и боли желудка»². Автор одного из писем (из Мосальского района Калужской области, 1971 год), не только жаловался на отсутствие хлеба, но и пытался объяснить причины остроты проблемы с позиций «стирания существенных различий между городом и деревней»: «Жены наши правильно поступают, что не хотят заводить хлебниц, т.е. возвращаться к старым порядкам домашнего хлебопечения... А многие молодые хозяйки не имеют представления о хлебопечении»³.

Немногим лучше обстояли дела и с другими товарами. Скудость ассортимента и очевидные перекосы по отдельным группам товаров определялись среди прочего и соображениями скорейшего выполнения плана. С этой точки зрения, самыми «успешными» были ликеро-водочные изделия. «Водка — первый продукт, а хлеб от случая к случаю»⁴. В целом же структура торговли на селе Нечерноземья в 70-е годы выглядела так. Продажа ликеро-водочных изделий составляла около 30% торгового оборота; 14—24% занимала торговля хлебом, 8% — рыбой и 11% — кондитерскими изделиями. Таким образом, на долю всех прочих товаров приходилось около 30% оборота⁵.

Особая тема — организация сельской торговли. В большинстве жалоб поднимаются темы нерегулярности работы сельских магазинов, обчетов и торговли с нагрузкой. Вот некоторые примеры. В магазине устраивались пьянки, покупателям грубили в Почепском районе

¹ РГАСПИ. Ф. 591. Оп. 1. Д. 101. Л. 35.

² Там же. Д. 224. Л. 38–39.

³ Там же. Д. 101. Л. 22.

⁴ Там же. Д. 90. Л. 55.

⁵ Никитасева Е. Б. Указ. соч. С. 457.

Брянской области (1970)¹. «Обвешивала и буду обвешивать, — заявляла продавец магазина в Мещовском районе Калужской области (1971), — мне надо сводить концы с концами». Гнилые продукты здесь продавались в нагрузку к водке «Перцовка» и «Российская»².

При том что размеры розничного товарооборота на селе были меньше, чем в городе, темпы его роста также существенно различались. По состоянию на 1967 год в Смоленской области сельский товарооборот был в два раза меньше, чем в городе, при этом за год его размеры увеличились в городе на 10,9%, а в селе — только на 6,3%³. В середине 1970-х годов товарооборот по селу Нечерноземья определялся в 50—60% к зональному, т.е. сохранялась не только тенденция; примерно тем же оставалось и соотношение показателей. Одной из существенных причин отставания села было то, что товары длительного пользования, как и прежде, приобретались преимущественно в городе⁴.

Начиная со второй половины 60-х годов, с улучшением уровня благосостояния сельских жителей, фиксировался устойчивый рост их денежных накоплений. В этой связи небезынтересна зависимость между количеством предлагаемых товаров и средними размерами вкладов в сберкассах. В 1966 году средний сельский житель Брянской области имел на сберкнижке 440 руб., Смоленской — 403 руб., Калужской — 202 руб.⁵. Качество и ассортимент предлагаемых товаров были особенно недостаточны в Брянской области с ее более высокой плотностью сельского населения. Об этом свидетельствуют и цифры: при росте денежных доходов населения за 1971—1972 годы в Стародубском районе на 20,9%, в Погарском на 22,8% и в Унечском — на 19,5% объем товарооборота за тот же период увеличился соответственно только на 13,4%, 14,6% и 16,3%⁶. Рост уровня доходов сельских жителей не означал, таким образом, адекватного роста уровня жизни. При том, что сельский житель Брянской области получал в 1971 году доходов на треть меньше, чем городской,

¹ РГАСПИ. Ф. 591. Оп. 1. Д. 90. Л. 54.

² Там же. Д. 101. Л. 24.

³ ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 36. Д. 7517. Л. 141.

⁴ Производительные силы Нечерноземной зоны РСФСР: проблемы и перспективы развития агропромышленного комплекса. М., 1977. С. 230.

⁵ Воронцов А. В. Завершающий этап культурной революции на селе (на материалах Смоленской, Брянской и Калужской областей). Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1969. С. 186.

⁶ ГАБО. Ф. 6, Оп. 6. Д. 197. Л. 284.

он сумел купить товаров за восемь месяцев того же года на 30 руб. и получить услуг на 8 руб., тогда как городской за это время покупал на 400 руб. и получал услуг на 14 руб.¹

Характеризуя сферу *дошкольного образования*, отметим, что проблема сезонных детсадов и яслей наибольшую остроту имела до середины 60-х годов, т.е. до распространения на село городской системы оплаты труда. Это значит, что внимание к проблеме сезонных детских учреждений проявлялось лишь постольку, поскольку их отсутствие влияло на производительность труда в общественном секторе. Имеющиеся данные заставляют предположить, что решить ее в условиях большинства колхозов (да и совхозов) западных областей Центра было невозможно. К примеру, на одно место в сельских детских учреждениях Смоленской области в 1964 году претендовало 11 детей дошкольного возраста². В 1965 году недостаток мест в детсадах составлял по области 17:1, в детсадах 11:1, но при этом 300 мест вследствие большого числа мелких сельских населенных пунктов было недоиспользовано³. Исследователи отмечали, что разница между городом и деревней в получении мест в детских дошкольных учреждениях была особенно велика⁴. В той же Смоленской области сеть городских дошкольных учреждений в 1967 году было охвачено 65% детей, а в селе — только 13%⁵.

Начиная с середины 60-х годов, упоминания о дошкольных учреждениях в архивных материалах встречаются реже, и не в отчетах о состоянии сельских трудовых ресурсов, как прежде, а в жалобах жителей села. Яслей и детсадов не стало намного больше, но невыходы на работу по причине ухода за детьми в условиях централизованного государственного финансирования отражались теперь не столько на хозяйстве в целом, сколько на отдельном работнике. Например, многодетная мать из Хвастовичского района Калужской области жаловалась, что не получала отпуска, так как не выработала минимума по причине отсутствия детсада (1975)⁶. Тема детсадов и яслей была одной из главных в женских письмах в редакцию «Сельской жизни» в 1977 году.⁷

¹ ГАБО. Ф. 6, Оп. 6. Д. 274. Л. 235.

² Там же. Л. 135.

³ Там же. Оп. 35. Д. 3183. Л. 106.

⁴ Алексеев А. И., Зубаревич Н. В. Указ. соч. С. 39.

⁵ ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 36. Д. 7517. Л. 141.

⁶ Там же. Д. 197. Л. 164.

⁷ Там же. Д. 215. Л. 64.

Обеспеченность села региона детскими дошкольными учреждениями постепенно росла, но происходило это довольно медленно. Если в 1965 году по Центральному району в целом она составляла 10% от потребности, то в 1979 году — 15%¹. Позволим предположить, что не столько реально увеличивалась эта сеть, сколько давали себя знать последствия политики сселения «неперспективных» деревень.

Распространенность сети дошкольных учреждений довольно сильно зависела от степени индустриальной насыщенности территории. Именно поэтому в середине 1970-х годов уровень их развития был наиболее низким в Брянской и Смоленской областях². В этих регионах плотность дошкольных учреждений составляла лишь 25–30% к городскому уровню³.

Подводя итог, заметим, что хозяйственные реформы 1965 года превратили проблему детских дошкольных учреждений из экономической в чисто социальную. Общественный сектор сельскохозяйственного производства со временем смог себе позволить почти не замечать более низкой занятости женщин, сидевших дома по причине отсутствия дошкольных учреждений на селе. В то же время и в колхозах, и в совхозах женщины по-прежнему оставались в чрезвычайно стесненном положении, поскольку в сельских условиях в большинстве случаев не имели возможности подобрать себе место работы с удобным распорядком трудового дня.

Примерно с середины 60-х годов жители села начинают проявлять активную обеспокоенность недоступностью школ. Например, отмечалось, что по причине удаленности школ «дети часто болеют, пропускают занятия, о хорошей успеваемости и речи нет» (Шумяцкий район Смоленской области, 1969 год)⁴ и т.п. Были жалобы на плохие условия для учебы, холод в школьных зданиях (Калужская и Смоленская области, 1966 год)⁵.

Довольно показательным, что количество мест в сельских школах в расчете на 100 учащихся было даже бóльшим, чем в городе. По состоянию на 1975–1976 учебный год в Брянской области на 75 городских мест приходилось 92,5 сельских.

¹ Никитасева Е. Б. Указ. соч. С. 455.

² Гохберг М. Я., Соловьева Н. А. Указ. соч. С. 66.

³ Производительные силы Нечерноземной зоны РСФСР. С. 232.

⁴ Там же.

⁵ РГАСПИ. Ф. 591. Оп. 1. Д. 173. Л. 38, 40.

Глава 5
СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
ПОЛОЖЕНИЕ
ЗАПАДНОРУССКОГО
КРЕСТЬЯНСТВА
В СЕРЕДИНЕ 1960-х—
СЕРЕДИНЕ 1980-х
ГОДОВ

Новое здание
средней школы
в государственном
племенном заводе
«Кудиново»
Малоярославецкого
района Калужской
области. 1970-е гг.
ГАДНИКО.
Ф. П-7607. Оп. 5.
Д. 8121

О неблагополучии же системы сельского образования говорило то, что сеть мелких школ была в области гуще, чем в среднем по РСФСР¹.

Наиболее массово закрытие малокомплектных школ происходило в течение 70-х годов (легко предположить, что это происходило в русле политики сселения «неперспективных» деревень). В качестве альтернативы рассматривалась перспектива «интернатиизации» сельского образования. Однако родители не хотели отдавать детей в интернаты и после закрытия «своей» школы готовились к переезду в города. Даже в случае формирования благоприятного общественного мнения распространение интернатов не способствовало бы решению проблемы: сельские школьники в интернатских условиях отрывались от семьи и сельскохозяйственного труда и были готовы ехать в город. Поэтому, начиная с середины 80-х годов, довольно последовательно стала проводиться политика сохранения мельчайших школ на местах².

Сравнение плотности размещения школ с другими элементами сельской инфраструктуры по состоянию на конец 1980-х годов позволяет заключить, что сельские учреждения образования в процессе измельчания поселений оказывались наиболее уязвимыми. Самыми неблагополучными с точки зрения доступности школьного

¹ Производительные силы Нечерноземной зоны РСФСР. С. 232.

² Алексеев А. И., Зубаревич Н. В. Указ. соч. С. 33.

образования были населенные пункты с числом жителей до 25 чел. и от 26 до 100 чел.¹.

В середине 1970-х годов, в связи с началом выдачи паспортов колхозникам (1974 год), обнаружилось еще одно обстоятельство в сфере сельского школьного образования, которое могло подтолкнуть к выбору в пользу городской школы. Например, в 1974 году дирекция одного из совхозов Медынского района Калужской области не отпускала выпускника, не выдавая ему паспорта, заявляя при этом: «Куда направим, туда и поедете учиться»². Этот случай не был единичным. В 1975 году регулярно отмечались отказы в выдаче свидетельств о восьмилетнем образовании³, что заставляет предположить существование некоей негласной установки. То, что упоминания об этих случаях содержатся только в письмах 70-х годов, не должно вводить в заблуждение. Очевидно, что ранее, в условиях беспаспортной колхозной деревни, всякие жалобы были бессмысленны; оставляя выпускника в хозяйстве, администрация колхоза не нарушала никаких правил. Именно инерция применения прежней практики после отмены ограничений на перемещения колхозников породила зафиксированные в письмах протесты со стороны выпускников сельских школ.

Перемены, происшедшие в системе сельского здравоохранения к 1970-м годам, в сравнении с более ранним периодом не кажутся значительными. Например, в 1968 году ни в одной калужской сельской больнице не было кабинетов переливания крови, лечебной физкультуры, инфекционной и функциональной диагностики⁴. Состояние местных лечебных учреждений не всегда определялось уровнем благосостояния хозяйства. «Колхоз богатый, а медпункт развалился. Больница в 18 км» (Боровский район Калужской области, 1966 год)⁵.

Калужское областатуправление констатировало, что за 1966—1967 годы численность врачей в сельской местности уменьшилась со 195 до 161 (т.е. на 17%) при одновременном росте числа врачей в городе на 10,4%. Показатели обеспеченности врачами выглядели следующим образом: на 10 тыс. населения на 1 января 1968 года

---

¹ Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен. М., 2001. С. 257.

² РГАСПИ. Ф. 591. Оп. 1. Д. 191. Л. 18.

³ Там же. Д. 198. Л. 50.

⁴ ГАКО. Ф. 3469. Оп. 9. Д. 1276. Л. 9.

⁵ РГАСПИ. Ф. 591. Оп. 1. Д. 173. Л. 63.

Глава 5
СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
ПОЛОЖЕНИЕ
ЗАПАДНОРУССКОГО
КРЕСТЬЯНСТВА
В СЕРЕДИНЕ 1960-х—
СЕРЕДИНЕ 1980-х
ГОДОВ

Фельдшер
В. В. Сапожникова,
д. Чкалово
Ферзиковского
района Калужской
области. Конец
1960-х гг. Фото
из семейного архива
Е. И. Дедицу

в сельской местности приходилось 3,2 врача, а в городской—33,5. В санитарно-эпидемиологических службах сельских районных больниц на 10 врачебных вакансий в среднем претендовали только два врача. Еще шесть вакансий отдавались среднему медперсоналу и две оставались свободными¹.

Вот как выглядели сравнительные данные по Центральному району. Если в 1965 году на 10 тыс. сельских жителей приходилось 13 врачей и 75 больничных коек, то в 1979 году—соответственно 17 и 90². Т. е. прежде один врач приходился на 769 чел., а впоследствии—на 588 чел. Данные по отдельным областям нередко отличались в худшую сторону. Число больничных коек в сельской местности Калужской области в расчете на 10 тыс. населения в 1968 году составляло 46, а в городе—141³.

Характерно, что в целом Центральный экономический район демонстрировал показатели лучшие, чем в среднем по РСФСР. В 1975 году обеспеченность больничными местами в районе составляла 122 на 10 тыс., а врачами—41,3 на 10 тыс. чел., а по Российской

¹ ГАКО. Ф. 3469. Оп. 9. Д. 1276. Л. 9, 11.

² Никитаева Е. Б. Указ. соч. С. 455.

³ ГАКО. Ф. 3469. Оп. 9. Д. 1276. Л. 9.

Федерации — соответственно 116 и 31,3¹. Что касается отдельных территорий, то западные области находились не в лучшем положении. Более низкая обеспеченность местами в больницах отмечалась в Брянской области. Врачей особенно не хватало в Брянской и Калужской². В Смоленской области была неоправданно высокой доля медицинской помощи, оказанной в участковых больницах (до 45%)³. Практически не представляется возможным обозначить какие-то территориальные закономерности развития сельской сферы медицинских услуг. Не оправдывал себя даже фактор малоселенности. Действительно, на малоселенных территориях транспортная доступность медицинских учреждений была хуже, но в среднеселенных аграрных областях часто не хватало сельских врачей, и относительные преимущества региональных систем расселения сводились на нет. По понятным причинам (закономерности агломерационного развития) бесспорным на территории Нечерноземного центра выглядело лишь преимущество Московской области.

Данные по детской смертности в Брянской области свидетельствуют о значительном превышении ее уровня в сельской местности над городской. Так, в 1960 году среднеобластной показатель был равен 41 на 1000⁴, а на селе — 47,5 детей на 1000⁵, причем по некоторым районам он был еще выше: в Дятьковском — 51, а в Навлинском — 50 детей на 1000⁶. Для сравнения: в 1987 году в СССР показатель детской смертности составил 25,4 детей на 1000⁷. За 9 месяцев 1961 году в Навлинском районе было госпитализировано 42% больных детей, а в Брянском — 61%. Из общего количества умерших 53% детей в Навлинском и 29% детей в Брянском районе умерло на дому⁸. С течением времени показатель детской смертности в области улучшался. Так, с 76 на 1000 чел. в 1954 году он снизился до отмеченных 41 на 1000 чел. в 1960 году⁹.

Сравнивая положение дел в системе сельского здравоохранения Западного региона с ситуацией в образовании, отметим чрезвычайно

---

¹ Гохберг М. Я., Соловьева Н. А. Указ. соч. С. 65.

² Там же. С. 66.

³ Производительные силы Нечерноземной зоны РСФСР. С. 238.

⁴ РГАСПИ. Ф. 591. Оп. 3. Д. 79. Л. 144.

⁵ Там же. Оп. 4. Д. 192. Л. 395.

⁶ Там же. Оп. 3. Д. 79. Л. 144.

⁷ Краткая медицинская энциклопедия. Т. 1. М., 1989. С. 399.

⁸ ГАБО. Ф. 6, Оп. 3. Д. 75. Л. 42.

⁹ Там же. Д. 1579. Л. 290.

большую зависимость состояния медицинских учреждений от наличия квалифицированных кадров, поскольку требования к профессии медика довольно высоки. Не менее остро ощущалось и отсутствие специального оборудования. Эти обстоятельства определили равную уязвимость системы сельского медобслуживания всех областей Запада. Медицинская сфера оказалась чрезвычайно статичной и устойчивой к реформированию, в отличие от системы образования, которая попыталась приспособиться к прогрессировавшему измельчению сети сельских населенных пунктов. Вместе с тем, судя по жалобам с мест, недостатки системы здравоохранения чрезвычайно тяжело переживались сельскими жителями. Но правда и то, что для покидавшей село молодежи отсутствие больницы представляло гораздо меньшую проблему, чем недоступность школы.

Одной из ключевых характеристик *дорожного развития* села является обеспеченность дорогами с твердым покрытием. На начало 1970-х годов по Европейской части РСФСР соответствующий показатель составлял около 70 км на тыс. кв. км¹. К примеру, для Калужской области это означало, что твердым покрытием было снабжено лишь около 20% всех дорог². Схожей была ситуация и в других областях. Не вызывает поэтому сомнения, что состояние дорожной сети на Западе Центра (как и в Нечерноземье в целом) не могло считаться удовлетворительным. В середине 1970-х годов из 671 райцентра 29 нечерноземных областей 93 не были соединены дорогами с областными центрами. Только в 11 областях все райцентры были соединены с областными центрами³.

Местная исполнительская инициатива в сфере дорожного строительства подчас проявлялась весьма своеобразно. «Для улучшения дороги взят грунт с трассы, где проходит водоснабжение. Теперь с наступлением заморозков нет воды» (ст. Брасово Брянской области, 1966 год)⁴. Нередко руководители ограничивались отписками типа: «в настоящее время проведены работы по грейдированию и окювечиванию дорог»⁵, ничего не делая по существу.

¹ Стронгина М. Л. Социальное развитие села: поселенческий аспект. М., 1986. С. 67.

² Кандренков А. А. Резервы Нечерноземья (на примере Калужской области). М., 1982. С. 176.

³ Производительные силы Нечерноземной зоны РСФСР. С. 242.

⁴ РГАСПИ. Ф. 591. Оп. 1. Д. 127. Л. 70.

⁵ Там же. Д. 191. Л. 90.

О степени влияния дорожной проблемы едва ли не на все сферы жизни села, от производственной до социально-бытовой, в полной мере дают представление письма местных жителей. «Людям приходится ходить с грузом по 10—12 км, ночуя в пути. А главное, у нас по бывшему Екатериновскому большаку расположены густонаселенные льноводческие колхозы и совхозы и они с этим льном бедствуют (нельзя вывезти)» (отдаленный Велижский район Смоленской области, 1966 год)¹.

Нередко и дороги были, но транспортное сообщение с райцентрами все равно отсутствовало: «Дорога есть, но автобус не ходит»². Многочисленные письма с жалобами на отмену автобусов, написанные в конце 1970-х годов, поступали из всех областей³. К началу 1990-х годов около 2 тыс. селений Брянской области из 2964 не имели остановочных пунктов, причем четверть их находилась на расстоянии от 10 до 25 км до ближайшей остановки рейсового транспорта⁴.

Сказанное выше убеждает, что отсутствие транспортного сообщения в период интенсивного распространения городского влияния на село Запада ЦЭР (1960—1970-е годы) во многом определяло состояние различных элементов сельской инфраструктуры. Не стали исключением и предприятия *службы быта*. Анализ имеющихся данных наталкивает на неутешительный вывод: из всего перечня возможных бытовых услуг реально востребованным оказывался лишь пошив и ремонт одежды, да и то по необходимости: пошивочные мастерские были призваны восполнить скудный ассортимент сельской торговли. Не случайно поэтому характерной чертой сельской службы быта в целом стало не изготовление по индивидуальным заказам, а продажа готового⁵. Но и этих предприятий было немного. Исследователи социально-бытовой сферы даже перечисляют их в перечне практически отсутствующих. Кроме того, утверждалось, что на селе не было предприятий по пошиву и ремонта обуви, трикотажных изделий, химчистки, стирки, проката. Очень в небольшом количестве были представлены фотоателье и парикмахерские⁶.

¹ РГАСПИ. Ф. 591. Оп. 1. Д. 127. Л. 69.

² Там же. Д. 127. Л. 79, 81, 82.

³ Там же. Д. 215. Л. 55—57.

⁴ Миронова Г. Л. Демографическая ситуация в сельских поселениях ЦЭР (на примере Брянской области) // Методика и опыт изучения сельских поселений Нечерноземья. М., 1991. С. 72.

⁵ ГАРФ. Ф. 374, Оп. 39. Д. 6452. Л. 42.

⁶ Алексеев А. И., Зубаревич Н. В. Указ. соч. С. 35.

Примерно с середины 1960-х годов отчеты о состоянии сельских учреждений бытового обслуживания становятся более или менее регулярными. За предшествующий период обнаружены очень немногочисленные материалы. В этом есть некая закономерность. Представляется, что повышенным интересом со стороны сельских жителей предприятия службы быта стали пользоваться именно с 1960-х годов. Вот характерный фрагмент жалобы (1969 год), за которым следуют перечисления конкретных недостатков: «Мы лишены всех удовольствий, которые необходимы для жизни человека»¹. Под удовольствиями здесь понимаются черты городской жизни, в целом же в письме отражены черты мировоззрения человека, уже нуждающегося в «удовольствиях», а не только в элементах трудового сельского быта.

Предприятия бытового обслуживания, несомненно, входили в желаемый для селян перечень, однако чаще всего они действительно отсутствовали. «В обследованных колхозах предприятий бытового обслуживания нет» (Смоленская область, 1966 год)². И хотя действовали передвижные приемные пункты, сельское население относилось к ним с недоверием и не торопилось отдавать вещи в ремонт, обоснованно опасаясь за качество и своевременность выполнения заказа³. Вполне естественно, что в этой ситуации довольно большая часть сельских жителей вовсе не пользовалась услугами бытового

Дом культуры
в совхозе
«Неделинский»
Малоярославецкого
района Калужской
области. 1970-е гг.
Фото А. Пашина.
ГАДНИКО.
Ф. П-7607. Оп. 5.
Д. 5071

¹ РГАСПИ. Ф. 591. Оп. 1. Д. 58. Л. 3.

² Там же. Л. 194.

³ ГАРФ. Ф. 374. Оп. 39. Д. 6189. Л. 60.

обслуживания, и в середине 1960-х годов таковых на селе было около трети¹.

Очень часто своеобразной альтернативой нерасторопным государственным предприятиям выступали частники. В середине 60-х годов с некоторой тревогой об этом сообщали контролирующие органы. Разумеется, опасения вызывала не нежелательная конкуренция, а «чужеродность» частного предпринимательства. Предпочтение частникам отдавалось по целому ряду соображений. Государственные мастерские чаще всего элементарно отсутствовали (в начале 1960-х годов только в 8,8% сельских населенных пунктов мастерские находились на расстоянии до 5 км), частник же обычно проживал в том же селе; государственные цены были выше (например, пошив пальто у государства стоил 195—320 руб., а у частника — 100—200 руб.); заказы у частника выполнялись быстрее (4—5 дней вместо 4 недель у государства)². Имеющиеся данные позволяют сделать вывод, что в течение 1950-х годов на селе происходил рост предложения частных услуг, а к середине 1960-х годов наметилась тенденция к некоторому снижению, хотя доля частных услуг по-прежнему превышала 80%³.

Эта доля частных услуг оставалась значительной и к началу 1980-х годов. Частники изготавливали до 30% одежды, до 90% обуви, выполняли до 90% строительных заказов и до 30% так называемых культуслуг⁴. В изготовлении обуви большое место занимали валенки, которые часто отсутствовали в госторговле, но производились в ходе занятий традиционным промыслом; сельские мастера довольно охотно занимались и ремонтом фабричной обуви. Что касается заказов на строительство, то их выполнение в 1970—1980-е годы чаще всего брали на себя бригады «шабашников», специально приезжавших на летние заработки в Нечерноземье из дальних мест, преимущественно из южных республик.

Итак, мы достаточно уверенно можем судить о распространенности частных бытовых услуг на селе по крайней мере в течение 1950-х—начала 1980-х годов. Из этого обстоятельства следуют как минимум два вывода. Во-первых, даже соображения идеологической нетерпимости по отношению к частному предпринимательству не заставили государство более четко обозначить свое присутствие

¹ ГАРФ. Ф. 374. Оп. 36. Д. 7517. Л. 5.

² Там же. Оп. 30. Д. 5501. Л. 24—25.

³ Там же. Оп. 35. Д. 7899. Л. 170.

⁴ Там же. Оп. 39. Д. 6452. Л. 50—51.

Глава 5
СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
ПОЛОЖЕНИЕ
ЗАПАДНОРУССКОГО
КРЕСТЬЯНСТВА
В СЕРЕДИНЕ 1960-х—
СЕРЕДИНЕ 1980-х
ГОДОВ

Выступление
фольклорного
коллектива совхоза
«Мочаловский»
Юхновского района
Калужской области.
Фото А. Пашина.
1970-е гг.
ГАДНИКО.
Ф. П-7607. Оп. 5.
Д. 5078

в сфере сельского бытового обслуживания, что заставляет говорить о невозможности централизованного решения проблемы. Во-вторых, сельские жители чаще всего имели возможность решать насущные бытовые проблемы, обращаясь если не к государству, то к частнику (а то и самостоятельно).

Гораздо более болезненно сельские жители воспринимали недостаток услуг, не входивших в перечень традиционных промысловых сельских занятий. Потребность в них формировалась по мере урбанизации деревни. Желание жить «по-городскому» в сочетании с невозможностью поддержания городского уровня потребления порождало серьезное чувство неудовлетворенности. К числу новых услуг относился ремонт бытовой техники. По результатам обследования 1980 года, проведенного в одной из областей Центра, в домах сельских жителей требовали ремонта 8,3% всех телевизоров, 6,6% радиоприемников, 6,1% стиральных машин, 13,3% мотоциклов и т.п. В 60% случаев мастерские отказывали ремонтировать швейные машины и в 50% случаев — мотоциклы¹.

¹ ГАРФ. Ф. 374. Оп. 39. Д. 6452. Л. 52.

Довольно четко просматривается увеличение доли участия государства в организации бытового обслуживания от колхозов к совхозам, и от совхозных поселков к городам. Например, в 1973 году в колхозах Центра до 70% расходов на пошив и ремонт приходилось на частных. В то же время в совхозах доля частных услуг составляла уже только 32%, а в городах — 10–12%¹. Соответственно возрастал и ассортимент предоставлявшихся услуг.

Очевидно, что на селе качество услуг было ниже и выполнялись они медленнее. Кроме того, как можно судить по отсутствию претензий, в совхозах отсутствовали предприятия по ремонту бытовой техники, а также фотоуслуги.

Состояние сферы бытового обслуживания в большой степени зависело от развитости городской сети. В западных областях сеть сельских предприятий службы быта была менее развитой, что проявлялось в меньших тратах на эту сферу в расчете на одного жителя села.

Опасения повышенной миграции из села вследствие резкого контраста в качестве *жилья* между городом и селом были отчасти обоснованными. Представляется, однако, что в 1960-е годы в относительно отдаленных от города колхозах проблема стояла не так остро. «Наши колхозники хорошо обеспечены, у всех добротные постройки, в квартирах хорошая мебель...» — писали из Хиславичского района Смоленской области в 1966 году². Налицо попытка сравнения уровня благосостояния не с городом (ввиду отсутствия близкого городского примера), а со своей же недавней жизнью.

На пригородных территориях ситуация была более напряженной. Их жители постоянно сопоставляли уровень комфортабельности пригородного и городского жилища, и выводы говорили не в пользу пригорода. При этом преимущества сельской местности, по-прежнему безусловные для большого числа жителей отдаленных деревень, вряд ли имели существенное значение для обитателей пригородов. Бывший белорусский колхозник, приехавший в гости к односельчанам из США и написавший книгу по своим впечатлениям от увиденного, хорошо почувствовал эти противоречия: «Обстановка главным образом фабричная. Деревня... старается держать городской фасон... Нет тараканов, клопов, блох...». Но: «Нет умывальников, горячей и холодной воды, канализации, один колодец на 4–5 дворов»³.

¹ ГАРФ. Ф. 374. Оп. 39. Д. 4008. Л. 17.

² РГАСПИ. Ф. 591. Оп. 1. Д. 172. Л. 27.

³ Горбачевич Д. Указ. соч. С. 22.

В 1970-е годы подобные сопоставления встречаются в письмах из села постоянно.

Осознавая остроту проблемы, государство попыталось ее решить с помощью пресловутого строительства в сельской местности многоквартирных домов без надворных построек, причем с середины 1970-х годов около 70—80% всех возводившихся в селе Центра домов были крупнопанельными¹. Помимо очевидного несоответствия подобного типа жилищ представлением о сельском образе жизни, и к домам, и к строителям предъявлялись и другие претензии. «Живем в совхозном доме, в котором 16 квартир... Кочегарка не работает, уголь не подвезен, крыша худая, 2 месяца были без воды...» (Бабынинский район Калужской области, 1977 год)². Многочисленные жалобы на проблемы с отоплением, водоснабжением в сельских многоквартирных домах во второй половине 1970-х — начале 1980-х годов отмечались повсеместно³. Одновременно государство практически самоустранилось от помощи в поддержании традиционного сельского жилого фонда и строительстве небольших домов, и эту сферу полностью контролировали частники, получая практически все средства, отводимые на цели индивидуального строительства)⁴.

Агитбригада районного дома культуры у механизаторов кормозаготовительного цеха. С баяном А. Гусев. Совхоз им. Ленина Дзержинского района Калужской области. Июль 1983 г.
ГАДНИКО.
Ф П-7607. Оп. 5.
Д. 7377

¹ Никитаева Е. Б. Указ. соч. С. 455.

² РГАСПИ. Ф. 591. Оп. 1. Д. 215. Л. 108.

³ Там же. Д. 243. Л. 92–93. Л. 95.

⁴ ГАРФ. Ф. 374, Оп. 39. Д. 6447. Л. 73.

Данные по структуре сельского жилья за 1973 год (табл. 1)¹, позволяют сделать следующие выводы: 1) в колхозах абсолютно преобладали собственные дома: государство не вело в них жилищного строительства, а самим колхозам это часто было не под силу; 2) размеры государственного и колхозного участия в строительстве сельского жилья в Центральном Нечерноземье были несколько меньшими, чем по Российской Федерации в целом (причина, по всей видимости, кроется в специфике староосвоенной аграрной территории). В результате представляется возможным говорить об относительно большей неравномерности урбанизационного влияния в Центре в сравнении с остальной территорией России.

Т а б л и ц а 1

**Структура жилья рабочих, служащих и колхозников
на селе, %, 1973 г.**

Регион	Государственные и кооперативные дома	Колхозные дома	Собственные дома	Снимают
<i>Рабочие и служащие</i>				
РСФСР	41,8	0,5	55,0	2,7
ЦЭР	37,9	0,6	58,2	3,3
<i>Колхозники</i>				
РСФСР	0,4	5,6	92,9	1,1
ЦЭР	0,2	5,2	94,1	0,5

Итак, немаловажно отметить, что фактор неудовлетворенности жилищными условиями, подобно тому, как это было со службой быта, был особенно значимым в частично урбанизированной сельской среде. К началу 1970-х годов, в результате распространения городского влияния, большинство сельского населения западных областей Центра было готово предъявить те же претензии к наличию и качеству жилья, которые в первой половине 60-х выражали лишь работники подмосковных совхозов. Именно к этому времени и относится большое количество соответствующих жалоб.

Об остроте жилищной проблемы на селе в 1970—1980-х годах свидетельствует приведенное в одной из работ утверждение, согласно

¹ ГАРФ. Ф. 374, Оп. 39. Д. 4008. Л. 165.

которому именно отсутствие жилья выступало в качестве важнейшей причины миграции сельского населения¹. Даже не принимая некоторой категоричности высказывания, трудно оспорить действительную значимость вопроса. К 1970-м годам мы сталкиваемся с унификацией подходов к решению жилищной проблемы в городе и селе, достигнутой в ходе урбанизации сельской местности. Применение городских критериев оценки наличия и качества жилья выявило заметное отставание села от города. Заметим, однако, что нижеприведенные данные при попытке их интерпретации в качестве миграционного фактора должны быть скорректированы с учетом специфики сельского образа жизни (табл. 2).

Т а б л и ц а 2
Обеспеченность жильем, ЦЭР, м² на чел.

Год	В целом по региону	Село
1959	14,6	12,2
1979	15,9	14,0

Попутно следует сказать, что нормативы Госплана 1968 года, очень быстро устаревшие в силу своей нереальности, определяли средний метраж жилой площади в расчете на человека в 21,5 кв. м, а в селе— 23,6 кв. м². Как видим, разработчики плана исходили из предположения, что обеспеченность жилой площадью на селе должна быть выше, чем в городе; в реальности же оказывалось наоборот.

Село продолжало проигрывать и в качестве жилья. В конце 1970-х годов по стране в целом 30,8% сельских государственных домов имели водопровод, 25,8% канализацию, 30,8%—центральное отопление. Для сравнения: в Калужской области соответственно 12,1%, 9,2% и 11,0%; в Смоленской области—6,1%, 4,2%, 11,4% и т.п. Что же касается города, то там водопроводом были оснащены 81,8% домов, канализацией—89,7% домов и центральным отоплением—88,9% домов³.

¹ Социальное развитие села и формирование трудовых коллективов. М., 1989. С. 18.

² Евдокимов М. Ю., Катровский А. П., Терещенко Т. А. Проблемы устойчивости сельских поселений юго-западного Нечерноземья // Методика и опыт изучения сельских поселений Нечерноземья. М., 1991. С. 75.

³ Никитаева Е. Б. Указ. соч. С. 454.

Качество сельского жилья зависело и от социального статуса его владельца. Так, в одном из писем (1966 год) говорилось, что у имевшей правительственные награды доярки на доме была полураскрытая соломенная крыша, а у заготовителя потребкооперации дом был крыт железом¹. В этом случае некачественное жилье было своеобразным индикатором отсутствия связи между уровнем профессиональной самореализации сельского работника и качеством его жизни.

При схожей остроте проблемы жилья у жителей города и села в городе возможность ее решения была выше. Именно в 1960–1980-е годы обеспеченность жильем городских жителей росла быстрее, чем количество жителей². В связи в этом в свое время отмечалось, что из-за возможности улучшить жилищные условия в городах, показатель жилой площади на одного жителя города слабо связан с миграционной подвижностью населения³. Что же касается Центрального района, то в эти годы он занимал первое место в Российской Федерации по обеспеченности городского населения жилой площадью, что, естественно, создавало предпосылки для усиленной миграции, в том числе из-за пределов региона. Несколько ниже среднерегионального уровня были обеспечены жильем города Брянской и Смоленской областей, а потому возможности притока мигрантов были здесь ограничены⁴.

Среди других черт социально-бытовой организации села Центрального Нечерноземья упомянем положение дел в системе *общепита*. Эта сфера бытового обслуживания выглядела наиболее децентрализованной. Свои столовые имели колхозы, совхозы, леспромхозы, райпо и горторги⁵. Несмотря на разную ведомственную принадлежность, недостатки общепита носили общий характер: как правило, отмечался ограниченный и однообразный ассортимент блюд и их плохой вкус⁶. Представляется, однако, что миграционная поведенческая ориентация сельских жителей зависела от этой сферы весьма незначительно.

Насколько можно судить по письмам с мест, гораздо более серьезные нарекания вызывала другая проблема — хронический недостаток *питьевой воды*. Чаще всего его причиной было равнодушие местных

¹ РГАСПИ. Ф. 591. Оп. 1. Д. 172. Л. 7.

² *Сенявский А. С.* Российский город в 1960–1980-е гг. М., 1995. С. 206.

³ Урбанизация и демографические процессы. М., 1982. С. 155–158.

⁴ *Гохберг М. Я., Соловьева Н. А.* Проблемы развития и размещения производительных сил Центрального района. С. 64.

⁵ *Алексеев А. И., Зубаревич Н. В.* Указ. соч. С. 39.

⁶ См. напр.: *Игнатовский П. А.* Указ. соч. С. 382.

властей. «На всю деревню—один колодезь. Люди стоят в очереди, чтобы достать 1 кружку воды. Черпать 2 ведра—20—30 мин. Нести—около 700 м. Уже год как привезли водонапорную башню, которая ржавеет и бурей ее скатило в лог... Проезжают иностранные делегации и фотографируют это явление» (по трассе Москва—Минск) (д. Архиповка Смоленского района Смоленской области, 1967 год)¹. Как видим, ни пригородный статус поселения, ни близость к автомагистрали не способствовали успешному решению проблемы. Другие письма: «В ненастную погоду приходится не ходить, а ползать за 500—600 м к колодезю с мутной водой (Сухиничский район Калужской области, 1970 год)². «Сломался водопровод, а починить забыли» (Ельнинский район Смоленской области, 1971 год)³. Таких жалоб в архивах множество. Судя по тому, что многие из них завершались констатацией типа: «нет внимания к людям, молодежь уезжает»⁴, сами жители воспринимали трудности с водой чрезвычайно серьезно.

* * *

Очевидно, что влияние состояния сельской социально-бытовой инфраструктуры на миграцию в города нельзя определить однозначно. При том что в целом в течение рассматриваемого периода на территории Центрального Нечерноземья эта сфера выглядела неудовлетворительной, роль отдельных ее компонентов в качестве миграционных факторов неодинакова. Наиболее значимыми для сельских жителей оказывались проблемы образования (в том числе дошкольного), транспорта и торговли; гораздо легче воспринимались недостатки системы бытового обслуживания. В табл. 3⁵ содержатся данные выборочного социально-демографического обследования сельского населения, проведенного Госкомстатом в 1985 году.

Как видим, претензии сельских жителей распределялись следующим образом (в порядке убывания):

- 1) обеспеченность продуктами;
- 2) транспорт;
- 3) медицина;

¹ РГАСПИ. Ф. 591. Оп. 1. Д. 33. Л. 184, 185.

² Там же. Д. 88. Л. 32.

³ Там же. Д. 102. Л. 40.

⁴ Там же. Д. 88. Л. 40.

⁵ Сост. по: Архив Госкомстата. Данные выборочного социально-демографического обследования населения, 1985. Д. 64. Л. 38, 44, 61, 71.

- 4) жилье;
- 5) бытовое обслуживание;
- 6) ассортимент и качество продукции;
- 7) социальное обеспечение.

К сожалению, в выборку не вошли данные об отношении к сельской системе образования.

Т а б л и ц а 3

**Первоочередность решения задач,
по опросам сельского населения ЦЭР, на 1000 чел.**

Категории жителей	Обеспеченность продуктами	Ассортимент и качество продукции	Жилье	Медицина	Транспорт	Социальное обеспечение	Бытовое обслуживание
Все	251	85	136	172	189	67	101
Возраст 25—29 лет	226	116	207	131	182	28	95
40—44 года	241	102	142	151	205	32	110
60—64 года	234	56	96	210	191	86	104
Образование высшее	232	120	158	158	179	31	106
среднее	226	121	187	130	187	31	102
начальное и без обра- зования	231	53	99	207	186	109	94
Рабочие	237	81	146	169	186	60	101
Служащие	230	115	162	152	181	38	104
Колхозники	217	73	89	194	205	107	99
Местные уроженцы	225	79	108	183	202	78	104
Приезжие,	238	91	167	159	176	55	98
в том числе из города	237	101	176	150	182	42	96

В категории 25—29-летних существенно большей была доля озабоченных жилищной проблемой (2-е место по значимости). В этой категории повышенными были требования к ассортименту и качеству продукции, а вопросы медицины и социального обеспечения волновали молодежь гораздо меньше. Мнение 40-летних в целом совпадало со средними значениями выборки, но стоит отметить несколько большую их озабоченность состоянием торговли и транспорта. 60-летние беспокоились состоянием медицины (2-е место) и социального обеспечения, но их почти не волновали проблемы ассортимента и качества. Молодежь чуть меньше была озабочена состоянием транспорта, так как в глубинке преобладали люди в старших возрастах.

Мнения респондентов с высшим и средним образованием почти не различались, за исключением отношения к проблеме жилья и медицины, но здесь, видимо, определяющими были все же возрастные различия. Напротив, малообразованные жители села проявляли обеспокоенность состоянием медицины и социального обеспечения (т.е. их претензии совпадали с мнением 60-летних, что естественно, так как уровень образования пенсионеров был ниже); т.е. мы вновь вынуждены констатировать, что возрастные различия в сравнении с образовательными были более значимыми.

Для колхозников чуть менее остро в сравнении с сельскими рабочими и служащими стояла проблема обеспеченности продуктами, а также жильем. В то же время они высказывали больше претензий состоянием медицины, транспорта и социального обеспечения. Это естественно, если принять во внимание, что в более благополучных пригородных зонах преобладали совхозы, а пенсии колхозников по-прежнему были меньше, чем у рабочих и служащих. Сельские служащие были склонны наиболее критично оценивать состояние ассортимента и качества продукции, а также своего жилья, и совершенно не обращали внимания на социальное обеспечение.

Приезжих по сравнению с местными уроженцами несколько больше волновала обеспеченность продуктами, в особенности же остро для них стояла проблема жилья. Они меньше были озабочены состоянием транспорта, так как предпочитали селиться вблизи городов, и медицины (среди приезжих доля молодежи, более мобильной в сравнении с другими возрастами, была выше).

Глава 6. ОСОБЕННОСТИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ЗАПАДНОРУССКОЙ ДЕРЕВНИ В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ

6.1. Общая характеристика демографической ситуации

На завершающем этапе Великой Отечественной войны, после образования в июле 1944 года Калужской и Брянской областей в их современных границах, закончилось административно-территориальное оформление нынешнего Западного региона России. Суммарная площадь территории Западного региона составила 114 тыс. кв. км, или 23% от территории Центрального района Российской Федерации¹. Население областей Западного региона в 1959 году составляло 10% населения Центра (3630 тыс. чел.), в том числе сельское — 23% от сельского населения Центра. Несмотря на изменение абсолютных данных, по данным последующих переписей соотношение оставалось таким же².

Существенно, что области Западного региона относятся к наиболее пострадавшим в результате войны. Это обстоятельство, помимо сходной хозяйственной ориентации, дает дополнительные основания для применения к ним общего подхода при анализе динамики развития в послевоенные десятилетия. По масштабам сокращения населения из-за военных потерь они занимали первое место в СССР. Согласно переписи 1959 году, в наиболее пострадавшей из трех Смоленской области городское население спустя 14 лет после окончания войны составляло

---

¹ Народное хозяйство РСФСР в 1965 г. М., 1966. С. 8.

² Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Т. 1. М., 1972. С. 10–11.

81% от довоенного, а сельское—только 35%¹. Большие размеры потерь предопределили сходные пути развития территорий в первые послевоенные годы, хотя для местных демографических структур, имевших некоторые различия между собой, была различной и тяжесть последствий. Принадлежность к Нечерноземной зоне РСФСР обусловила применение единых принципов решения большинства проблем.

Район характеризуется пониженной плотностью населения по сравнению со среднерегиональным показателем по Центральному району. Если в 1973 году для всего центра России плотность населения была равна 57,8 жителей на кв. км, то в Брянской области она составила 44,5, в Калужской—33,1, в Смоленской—только 22,0 жителя на кв. км². Это объясняется тем, что на территории западных областей находится значительно меньше средних и крупных городов, чем в соседних административных образованиях, имеющиеся здесь города обычно невелики по размеру. Количество городов с населением более 50 тыс. чел., включая областные центры, здесь в 1959 году квалифицировалось как «очень низкое»³. В 1970 году Брянская область по этому показателю несколько опережала соседей, к 1975 году ее догнала Калужская, а Смоленская даже вырвалась вперед, и «городской» показатель оценивался в ней как «выше среднего»⁴. Тем не менее, в 1973 году в 59 городах и 70 поселках городского типа, составлявших 41% городских поселений на Западе России, размещалось лишь 14% городских жителей⁵.

6.2. Эволюция системы сельского расселения в регионе во второй половине XX века

Достаточно важной чертой, определявшей демографические характеристики нечерноземного Центра, была сложившаяся здесь система расселения. Большая часть Центрального Нечерноземья относится

---

¹ Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. СССР. Сводный том. М., 1962. С. 20–21.

² Гохберг М. Я., Соловьева Н. А. Проблемы развития и размещения производительных сил Центрального района. М., 1975. С. 49.

³ Народное хозяйство СССР в 1974 г. М., 1975. С. 22–31. Проблемы расселения в СССР: социально-демографический анализ сети поселений и задачи управления. М., 1980. С. 63–64.

⁴ Проблемы расселения в СССР. М., 1980. С. 63–64.

⁵ Гохберг М. Я., Соловьева Н. А. Указ. соч. С. 203.

к мелкоселенной зоне. Такое расселение сложилось в XVIII—XIX вв. с учетом природных и климатических особенностей территории. Местные подзолистые почвы могли постоянно использоваться лишь при внесении большого количества органических удобрений, это территориально привязывало фермы к пашне. Сама же пашня (как и естественные кормовые угодья) располагалась дисперсно, с учетом рельефа — среди леса, болот, кустарников, что предопределило рассредоточение жителей в небольших населенных пунктах, расположенных на расстоянии 2—3 км один от другого¹. При этом по сей день до 1/5 всего населения региона проживает в деревушках, где число жителей не превышает 25 человек, к тому же в условиях характерного для этих мест бездорожья².

Средние размеры сел на территории Центрального экономического района — 120 чел. на одно поселение (данные 1970 года). Для сравнения: в черноземной зоне в те же годы на одно поселение приходилось 485 человек³. Если сравнить людность сельских поселений сопредельных областей без учета административных границ, то станет ясно, что она убывает с юга на север. Село российской черноземной зоны и области Украины наиболее многочисленны. Смоленская область начинается собой зону мелких поселений, которая тянется затем на северо-запад России и в Прибалтику. Характерно, что существуют различия в плотности расселения даже в границах отдельно взятых областей, при этом южные районы часто более плотно заселены, чем северные. Очень хорошо эта тенденция проявляется, например, в Калужской области. Мелкие населенные пункты располагаются здесь преимущественно в районах, граничащих со Смоленской областью, т.е. на северо-западе, а в центральных и южных, прилегающих к Брянской области районах, преобладают более крупные поселения⁴. В начале 70-х годов в Смоленской области количество жителей на кв. км изменялось от десяти на юге до пяти и менее на севере⁵.

¹ Алексеев А. Нечерноземный Чернобыль / СССР: демографический диагноз. М., 1990. С. 428–429.

² Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен. М., 2001. С. 252.

³ Ковалев С. А. Сельское расселение в районах разного типа // Региональное расселение в СССР. М., 1984. С. 125.

⁴ География Калужской области. Тула, 1975. С. 73.

⁵ География Смоленской области. М., 1990. С. 75.

В соответствии с названной закономерностью по преобладанию типов сельских населенных пунктов на территории Центрального Нечерноземья выделяются четыре группы расселения. Они изменялись следующим образом (табл. 1.):

Т а б л и ц а 1

Группы расселения в ЦЭР по преобладанию типов сельских населенных пунктов¹

Тип расселения	1959	1989
I — мелкоселенный	Ивановская, Калининская, Костромская, Смоленская , Ярославская	Калининская, Ярославская
II — среднемелкоселенный	Владимирская, Калужская , Орловская, Тульская	Ивановская, Костромская, Орловская, Смоленская , Тульская
III — среднеселенный	Брянская , Рязанская	Брянская , Владимирская, Калужская , Рязанская
IV — среднекрупноселенный	Московская	Московская

Как видим, постепенно происходило смещение большинства областей в сторону увеличения доли живущих в средних и крупных поселениях. Особенно быстро этот процесс шел в мелкоселенных регионах. Исследователями обращается внимание на стабильность ареала таких регионов. Несмотря на глобальные процессы, происходившие в селе Нечерноземья в XX столетии, положение областей в ранжированном списке людности сельских поселений изменилось мало. «За 100 лет в группу наиболее мелкоселенных территорий России никто новый не вошел и никто из нее не вышел»².

¹ Зубаревич Н. В. Эволюция сельского расселения Нечерноземья (за период с 1959 по 1989 г.) // Территориальная организация сельской местности Нечерноземья. Тверь, 1993. С. 40–41.

² Город и деревня в Европейской России. С. 253.

Кроме типов населенных пунктов, при анализе сельского расселения необходимо учитывать и другую его характеристику — людность территорий. Здесь также действует тенденция большей концентрации при продвижении с севера на юг. С учетом постоянного сокращения сельского населения в Центральном Нечерноземье во второй половине XX века эту категорию удобно рассматривать в динамике. Здесь также выделяется несколько типов территорий.

В самых мелкоселенных районах сельское население сокращалось быстрее, чем сокращение сети сельских населенных пунктов. Это было характерно для Калининской, Костромской, Смоленской и Ярославской областей. Та же проблема, но не повсеместно и с запозданием, отмечалась в среднеселенных (по меркам Центра) Брянской, Калужской, Орловской, Рязанской, Тульской областях. Одновременно уменьшение численности населения и сокращение сети сельских населенных пунктов шло во Владимирской и Ивановской областях. Наконец, в Московской области количество сельских населенных пунктов сокращалось быстрее уменьшения численности сельского населения¹. Области Западного региона, таким образом, принадлежат к разным поселенческим типам, причем наименее людной является Смоленская область, что же касается Брянской и Калужской, то они занимают среднее положение среди территорий Нечерноземного Центра.

Очевидно, что система сельского расселения, а также ее эволюция находятся под влиянием как географических (степень изрезанности территории, характер сельскохозяйственных угодий и т.п.), так и урбанизационных факторов. Влияние последних возрастало по мере распространения промышленных предприятий. Как было замечено, «с переходом на индустриальную технологию урбанизация становится ведущим процессом в расселении, основным его содержанием, определяющим его... пространственные сочетания и связи, направление развития»².

Принято считать, что влияние урбанизации на систему сельского расселения в первую очередь проявляется именно в депопуляции. Имея в виду, что урбанизационное взаимодействие города и села

---

¹ Ковалев С. А., Мигачева Л. В., Степанова Л. В. Региональные различия современного развития сельского расселения в СССР // Динамика расселения в СССР. М., 1986. С. 164.

² Зайончковская Ж. А. Демографическая ситуация и расселение // Динамика расселения в СССР. М., 1986. С. 8.

в Центре России ощущалось со второй половины XIX в., приходится признать, что до реального обезлюдения села, проявившегося на этой территории только во второй половине XX столетия, качественных сдвигов в системе сельского расселения почти не происходило.

По классификации Ж. А. Зайончковской, начальный период урбанизации соответствовал первой стадии развития расселения. Хотя влияние города на деревню постепенно углублялось, основополагающий принцип — сплошная заселенность сельскохозяйственных угодий — продолжал действовать. В это время демографических ресурсов села было еще достаточно, чтобы обеспечить рост городов, не нарушая при этом сеть сельского расселения¹.

Принесшая качественные сдвиги вторая стадия обозначилась с возникновением дефицита демографических ресурсов и выразилась в концентрации сельского расселения. Население мигрировало в пригородные зоны, сеть малых населенных пунктов при этом разрушалась. Если на первой стадии система городского расселения развивалась на фоне неподвижной сети сельских населенных пунктов, то на второй устойчивость приобрела система городов, а сельское расселение постоянно деформировалось. Городское влияние проявлялось в том, что сначала росли более крупные поселения, независимо от их удаленности от города. Затем вступал в действие фактор удаленности от города, и наиболее жизнеспособными оказывались поселения, близкие к городским центрам². Универсальность взаимосвязи между местоположением населенного пункта и характером его будущего развития позволяет говорить о закономерном характере процессов, происходивших в сельском расселении под влиянием урбанизации. Это, в свою очередь, заставляет по-иному оценить проблему обезлюдения села Центра, не сводя ее причины к просчетам в управлении.

В первые послевоенные годы еще было возможно говорить отдельно о городском и сельском типах расселения, имея ввиду их относительную независимость друг от друга. Со временем характерный для города процесс концентрации населения в ограниченных точках стал распространяться и на сельскую местность, т.е. начал складываться новый тип расселения, объединявший городское и сельское население на относительно небольшой и плотно заселенной территории.

¹ Зайончковская Ж. А. Указ. соч. С. 12.

² Там же. С. 13.

Что касается влияния на урбанизацию села мер аграрной политики, то здесь уместно сказать следующее. В конце 1940-х годов была окончательно ликвидирована система единоличных хозяйств, которые располагались на отдельно стоящих усадьбах и в малых населенных пунктах. В результате из сельскохозяйственного оборота были выведены тысячи гектаров обрабатываемой земли¹. Регулярно проводимые укрупнения колхозов и другие подобные мероприятия нередко приводили к негативным последствиям. Замкнутая система, которую представляет собой каждый населенный пункт в Нечерноземье, разрушается при таких вмешательствах. Вполне естественно, что жители малых поселений реагировали на это уходом из обжитых мест. Закладывалась основа для иных жизненных стандартов, приведшая впоследствии к переориентации на городской образ жизни.

Итак, в Центральном Нечерноземье именно в послевоенные десятилетия происходила интенсивная эволюция системы сельского расселения². Вполне естественно, что прежде всего она затронула мелкоселенные области (в том числе Смоленскую). Наиболее разрушительный период закончился здесь к концу 1980-х годов, после чего количество и численность населения крупных и средних поселений стабилизировались, и они реально стали способны играть роль опорного каркаса расселения, прежде искусственно им навязываемую. Мелкие поселения продолжали исчезать.

В среднеселенных регионах разрушение сети поселений началось позже (среди прочих Калужская и Брянская области). В период интенсивного миграционного оттока из села центра (1950–1960-е годы) исчезновение поселений не приняло на этой территории массового характера, и именно среднеселенность играла амортизирующую роль. Однако позже, в 1970–1980-е годы, расселение приобрело здесь ту же динамику, которая была характерна для более мелкоселенных областей в 1960-е годы; стабилизирующая роль крупных и средних поселений проявлялось достаточно слабо.

В особом положении на территории Центра находится Московская область. При наличии мощного городского центра крупные поселения с развитой инфраструктурой сохраняются, средние не имеют шансов на выживание и исчезают, но зато мелкие и мельчайшие сохраняются за счет изменения специализации (вместо хозяйственной функции они начинают выполнять рекреационную). В эту же фазу

¹ ГАБО. Ф. 6, Оп. 3. Д. 210. Л. 347; д. 322. Л. 366; Ф. 1649. Оп. 1. Д. 8063. Л. 1; д. 371. Л. 148.

² См.: *Зубаревич Н. В.* Указ. соч. С. 43–45.

поляризации первым среди остальных территорий ЦЭР вступили сильно урбанизированные и тяготеющие к Москве Ивановская и Владимирская области. При этом структурные изменения уже оказываются важнее депопуляционных процессов, и сокращение сети сельских населенных пунктов не сопровождается одновременными потерями сельского населения. По мере усиления городского влияния эта же перспектива ожидает и остальные области, причем в Западном регионе этот процесс затронет сначала мелкоселенную Смоленскую, а затем среднеселенные Калужскую и Брянскую области.

Описанная ситуация характеризует следующую, третью стадию расселения. На этом этапе складывается *интегрированное расселение*, когда городские и сельские системы сливаются на общей основе на сравнительно небольшой (по сравнению с прошлой) территории¹. Появляются смешанные урбанистические образования — городские агломерации, мегалополисы. Они концентрируют как городское, так и сельское расселение и, по сути, формируют опорный каркас расселения².

Динамику урбанизационного развития Центра иллюстрируют данные об этапах агломерационного формирования. К 1989 году только два областных центра — Кострома и Орел — не являлись центрами городских агломераций (ГА). Старейшие, существовавшие еще в первой половине XX в. — Московская и Ивановская агломерации. К 1959 году к ним добавились Калининская, Тульская и Ярославская; к 1970 году — Брянская и Рязанская; наконец, к 1979 — Владимирская, Калужская и Смоленская³.

Другой важный «городской» показатель — время урбанизационного перехода, когда городское население области по численности уравнивается с сельским. Здесь наблюдается следующая картина:

- области с ранним урбанизационным переходом (до 1941 года):
Московская и Ивановская;
- с относительно ранним переходом (до 1960 года): Тульская, Ярославская, Владимирская;
- со средним переходом (до 1970 года): Калининская, Костромская, Калужская;
- с поздним переходом (после 1970 года): Смоленская, Брянская, Рязанская, Орловская⁴.

¹ Зайончковская Ж. А. Указ. соч. С. 15.

² Город и деревня в Европейской России. С. 62.

³ Там же. С. 140.

⁴ Там же. С. 162.

Сопоставление показателей позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, для областей, примыкающих к Московской и падающих под ее влияние, центр урбанизированной области не обязательно сразу же становится и центром ГА. В Западном регионе это было характерно для Калужской области, достаточно поздно вступившей в агломерационную стадию.

Во-вторых, приобретение статуса центра ГА не всегда соответствует степени урбанизированности территории (Смоленская область). Именно в этом, на наш взгляд, находит отражение форсированный характер советской урбанизации.

В-третьих, в среднеселенных причерноземных областях Центра процесс складывания ГА идет с запозданием по отношению к остальной территории ЦЭР, при этом он совершается одновременно с урбанизационным переходом, и потому выглядит довольно сбалансированным (на Западе — Брянская область).

Наконец, в-четвертых, более благополучная ситуация с сельскими трудовыми ресурсами тормозит процесс формирования ГА, что позволяет говорить о существовании зависимости между состоянием аграрной сферы и темпами урбанизации (Брянская, Рязанская, Орловская области).

Чрезвычайно существенной характеристикой сельского расселения являются преобладающие функциональные типы сельских населенных пунктов.

По С. А. Ковалеву, выделяются пять типов поселений:

- 1) села-райцентры (там, где «не хватает» городов для выполнения функций базовых местных центров);
- 2) села-центры крупных хозяйств;
- 3) отделения, бригады, прифермские поселки; поселки фермеров и крестьян, выделившихся для ведения индивидуального хозяйства;
- 4) прочие сельскохозяйственные СНП;
- 5) несельскохозяйственные СНП¹.

Относительно третьего типа сразу заметим, что с завершением ликвидации хуторов в Смоленской области в послевоенные годы поселения — центры индивидуальных хозяйств на территории Центра прекратили свое существование и стали появляться вновь лишь в 1990-е годы, поэтому

---

¹ Ковалев С. А. Эволюция сельского расселения Центральной России с 20-х гг. XX в. до наших дней // Деревня Центральной России: история и современность. М., 1993. С. 139–140.

в применении к исследуемому периоду подразумевается колхозно-совхозная специализация такого рода населенных пунктов. Очевидно, что системообразующую роль играли сельские поселения первых трех типов; кроме того, об особенностях территории во многом говорит количество несельскохозяйственных сельских населенных пунктов.

Отметим две особенности. К концу 1980-х годов наибольшее значение в Центральном Нечерноземье имели населенные пункты второго типа. Они концентрировали до 40% сельского населения. При этом одновременно росли и их численность, и людность. Одновременно сохранялось большое количество мелких и мельчайших поселений четвертого типа, которые продолжали играть донорскую роль, причем преимущественно в регионах с поздней урбанизацией, т.е. среднеселенных.

Первый тип — сел-райцентов — по-прежнему широко распространен на поздно урбанизовавшемся юге Центра, а также в Брянской, Калужской и Костромской областях.

С точки зрения перспектив урбанизации наиболее жизнеспособными представляются поселения второго, четвертого, а при определенных условиях — и третьего типов. Села-райцентры первого типа, как правило, преобразовываются в города. В условиях урбанизации статус поселения тем выше, чем разнообразнее выполняемые им функции — административные, производственные, социально-обслуживающие. Этим требованиям, помимо городских поселений, могут соответствовать поселения второго типа. Поскольку географические особенности Центрального Нечерноземья располагают к дроблению сельскохозяйственных предприятий, теоретически села третьего типа могут претендовать на роль небольших хозяйственных центров. Однако в послевоенные десятилетия этот статус плохо совмещался с реалиями колхозной системы с ее склонностью к гигантомании. В результате средние поселения становились заложниками урбанизации.

Вполне естественно, что в областях с поздним урбанизационным переходом (а именно к ним мы относим территории Западного региона) на сельские поселения чаще перекладываются городские функции. Поэтому большее их количество свидетельствует скорее о недостаточной урбанизированности территории. В ЦЭР наибольшее количество несельскохозяйственных сельских поселений насчитывалось в Брянской, Орловской и Рязанской областях¹.

---

¹ Игудина А. И., Иоффе Г. В. Сдвиги в размещении сельского населения Нечерноземной зоны РСФСР // Известия АН СССР. Серия География. 1985. № 5. С. 22.

К концу 80-х годов в Центральной России такого рода населенных пунктов было около 10%, и в них проживало 8% всего сельского населения. При этом большинство их относилось к промышленным и транспортным (соответственно 45 и 27%)¹.

Во второй половине XX века небольшие несельскохозяйственные сельские поселения интенсивно сокращались, причем необязательно вследствие оттока населения в более крупные населенные пункты. Перестройка системы управления железными дорогами, электрификация и внедрение тепловозов сделали ненужными многие транспортные поселения. На территории ЦЭР этот процесс проходил очень интенсивно. Столь же быстро сокращалось и количество лесопромышленных поселений. Одновременно шло массовое преобразование несельскохозяйственных поселений в городские². Это обстоятельство заставляет быть осторожным в интерпретации интенсивного сокращения сети сельских населенных пунктов с точки зрения обезлюдения села. Игнорирование качества сельского населения, его урбанистической составляющей, и особенно в применении к Центральной России, нередко приводят к утрированию проблемы раскрестьянивания.

Говоря о специфике Западного региона, упомянем об уроне, нанесенном системе сельского расселения в ходе Великой Отечественной войны. В зоне военных действий, т.е. преимущественно на территории Запада, была уничтожена большая часть прижелезнодорожных поселений, особенно наиболее крупных, а также большое количество деревень и сел, находившихся вблизи городов и в примагистральных зонах. Были целиком или почти целиком уничтожены крупные поселения, выполнявшие роль опорных пунктов обороны, населенные пункты по берегам больших рек, вблизи аэродромов, военных городком и т.п. Остались практически не разрушенными сельские ареалы в междомагистральных пространствах, в заболоченных местностях, опольях и т.п. Даже в районах наиболее интенсивных боев разрушение сельского расселения не носило сплошного характера³.

В послевоенный период потребности восстановления сети расселения стимулировали дополнительные масштабные перемещения сельского населения из глубинки к линиям и узлам каркаса расселения

---

¹ Город и деревня в Европейской России. С. 276.

² Там же. С. 274.

³ Там же. С. 237.

(сюда же направлялись и в поисках пропитания)¹. Это обстоятельство усугубило деформации в сети сельских поселений на западе Центра и ускорило процесс ее разрушения.

6.3. Основные демографические характеристики

Одним из наиболее существенных показателей демографического развития региона является соотношение городского и сельского населения. Эта тема уже затрагивалась выше в связи с проблемой урбанизационного перехода. Определение динамики такого соотношения позволяет оценить интенсивность урбанистического развития Центральной России, в том числе и западной ее части, на фоне других регионов России, а также способствует пониманию специфики развития села рассматриваемых областей. В течение всего послевоенного периода, вне зависимости от интенсивности миграции в города, доля городского населения в ЦЭР оказывалась выше, чем по России в целом (табл. 2).

Т а б л и ц а 2

Удельный вес городского населения, % ко всему населению района²

Регион	1959	1970	1979	1989
РСФСР	52	62	69	74
ЦЭР	59	71	78	83

Нетрудно заметить, что при изначально большем значении доли городского населения в ЦЭР по сравнению с остальной территорией России, в межпереписные периоды этот показатель изменялся почти синхронно, на равную величину. Это позволяет предположить, что причины изменений и для Центра, и для России в целом были общими. К 1989 году большей, чем в ЦЭР, урбанизированностью населения отличался только Северо–Западный район (87%), доля же Центра в городском населении РСФСР составляла около 25%³.

¹ Город и деревня в Европейской России. С. 237.

² Сенявский А. С. Российский город в 1960–1980-е гг. М., 1995. С. 31.

³ Там же.

Наиболее активная стадия роста городского населения в Европейской России приходится на 20–30-е годы. При этом в первую очередь ею были затронуты области, имевшие наилучшие условия для развития промышленности (Московская, Ярославская, Тульская, Ивановская). В послевоенные годы (примерно до 1958 года) тенденция сохранялась, однако приток в основном компенсировал военные потери. Наконец, с конца 1950-х до конца 1980-х, отмечается постепенное сокращение абсолютного прироста городского населения¹. На этом этапе не столько растет городское население, сколько сокращается сельское (за счет сниженного естественного прироста, дисбаланса полов и др.). Именно эти процессы отражают данные табл. 2. Причем, если в предшествующий период росло городское население старопромышленных областей, то в послевоенные десятилетия интенсивно урбанизировались западные и южные регионы Центра. Для областей Запада эта тенденция хорошо прослеживается на материалах Всесоюзных переписей населения (рис. 1–3).

1959 г. к 1939 г.

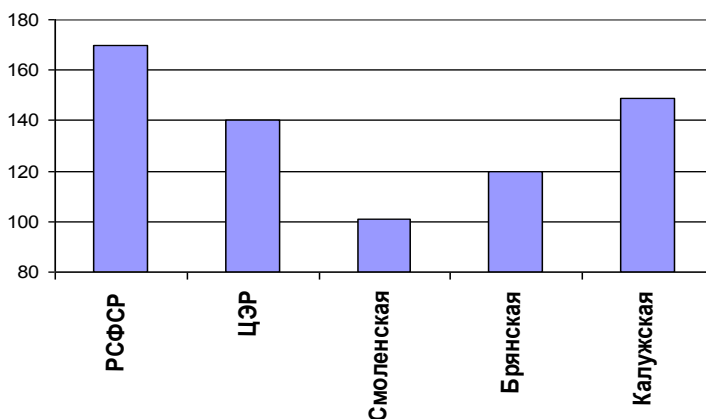

Рис. 1. Темпы прироста городского населения по западным областям ЦЭР, %². 1959 г. по отношению к 1939 г.

¹ Зайончковская Ж. А. Указ. соч. С. 21, 27.

² Сост. по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. СССР. С. 20–21; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Т. 1. С. 10–11; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336–IV. Д. 7872. Л. 4, 14–15.

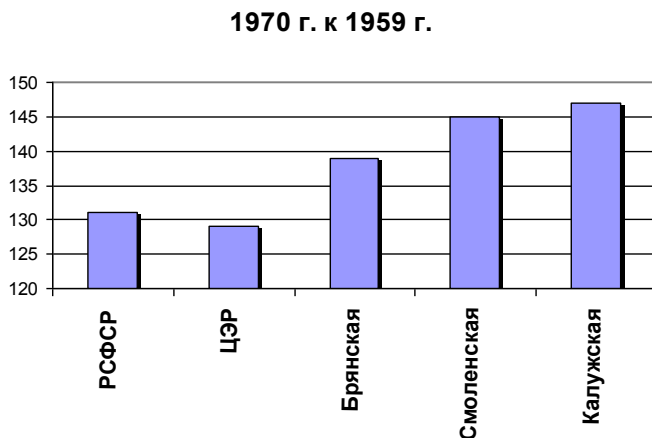

Рис. 2. Темпы прироста городского населения по западным областям ЦЭР, %¹.
1970 г. по отношению к 1959 г.

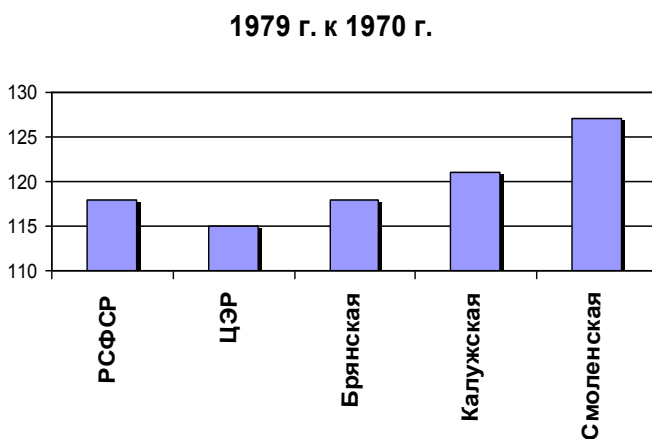

Рис. 3. Темпы прироста городского населения по западным областям ЦЭР, %².
1979 г. по отношению к 1970 г.

¹ Сост. по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. СССР. С. 20–21; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Т. 1. С. 10–11; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336–IV. Д. 7872. Л. 4, 14–15.

² Сост. по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. СССР. С. 20–21; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Т. 1. С. 10–11; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336–IV. Д. 7872. Л. 4, 14–15.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что изменения темпов прироста по отдельным областям происходили на фоне общего сокращения прироста городского населения и по Центральному району, и по России в целом. В течение всего периода происходил постепенный дрейф аграрных западных областей в сторону более высоких темпов прироста (Брянская и Смоленская), причем на скорость урбанизации населения очевидное влияние оказывал фактор мелкоселенности. Среди областей Западного региона первоначально наиболее быстро росло городское население Калужской области. Вплоть до начала 1970-х годов темпы урбанизации населения определялись поселенческим фактором, и более плотно населенные области урбанизовались быстрее (Калужская, Брянская). Таким образом, среднеселенность, которая ранее помогала поддерживать на приемлемом уровне местное сельское хозяйство, тормозя тем самым распространение городского влияния, теперь способствовала ускоренным темпам урбанизации. Городское население Смоленской области выходит на пик своего роста в 1970-е годы, постепенно отодвигая на второе место сначала Брянскую, а затем и Калужскую области. Это происходило на фоне все более замедляющейся урбанизации населения как Центра, так и России в целом и стало очевидным следствием абсолютного сокращения сельского населения области и связанной с ним деградацией аграрного сектора экономики.

Кроме соотношения долей городского и сельского населения, при демографической характеристике региона, следует обратить внимание на данные естественного прироста, а также возрастной и половой структуры населения.

Центральное Нечерноземье в целом отличается невысокими показателями естественного прироста населения. Причем в 1960—1980-е годы ЦЭР имел наименьший естественный прирост по стране в целом¹. Поскольку суженное воспроизводство населения обычно для урбанизированных территорий, то в этом нет ничего необычного.

На территории всей Центральной России издавна действовал градиент уровня воспроизводства, уменьшавшийся при продвижении с юга на север, который в основном совпадал с характером заселенности территории. На этом основании демографы выделяли «черноземный» и «нечерноземный» типы воспроизводства населения. Представляется однако, что с самого начала суженное воспроизводство

---

¹ Никитасева Е. Б. Исчезающая деревня (1960 — середина 1980-х годов) // Судьбы российского крестьянства. М., 1996. С. 445.

«нечерноземного» типа определялось влиянием многочисленных городов этой зоны. Поэтому определения «городской» и «сельский» для типов воспроизводства представляются более отвечающими реальности. Б. Н. Миронов прослеживает трансформацию этих типов, отмечая, что «во второй трети XIX века люди стали осознавать, что... необходимо регулировать рождаемость и уменьшить число детей до разумного числа. Это был мучительный процесс ломки старых стереотипов, традиций, поэтому он растянулся на несколько десятилетий и закончился в Европейской России только в 1960-е годы, когда окончательно завершился переход от традиционного к рациональному, или современному, типу воспроизводства населения»¹.

О том, что на территории Западного региона в послевоенные десятилетия переход еще не завершился, убедительно свидетельствуют данные динамики одной из составляющих типа воспроизводства — коэффициента детности (соотношения детей в возрасте до 9 лет и численности населения в репродуктивном возрасте — от 20 до 49 лет) по сельской местности (рис. 4)².

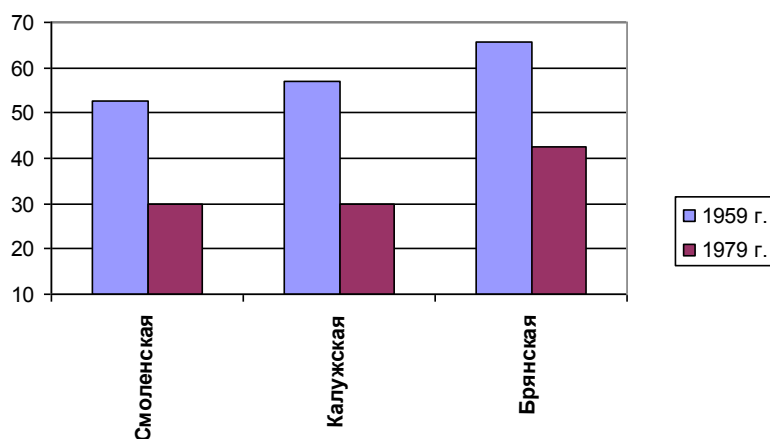

Рис. 4. Динамика изменения коэффициента детности по областям Западного региона. 1959 и 1979 гг.

¹ *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX вв.): генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. 1–2. СПб., 1999. Т. 1. С. 210–211.

² Сост. по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. СССР. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336–IV. Д. 7872.

Как и следовало ожидать, более высоким этот коэффициент оказывается в прилегающей к Черноземью Брянской области. Изначально наименьшим он был в мелкоселенной Смоленской области. В 1979 году, несмотря на очевидное уменьшение среднего числа детей в семье, Брянская область по-прежнему несколько опережает своих соседей по этому показателю. Представляется, что к концу 1970-х годов изменения типа воспроизводства определялись, помимо поселенческих, и другими обстоятельствами, не столь очевидными. Об этом свидетельствуют равные коэффициенты для Смоленской и Калужской областей, несмотря на существующие между ними поселенческие различия. К тому же есть основания считать, что в тех случаях, где коэффициент детности изменялся скачкообразно, это было следствием прежде всего интенсивной миграции репродуктивного населения, и только потом сменившейся ориентации на количество детей в семье. Исследователями отмечается инерционность, медленное изменение региональных различий в протекании демографических процессов, формирующих режим воспроизводства населения¹.

Что касается показателей естественного прироста сельского населения, то характер произошедших здесь изменений помогают оценить данные, приведенные на рис. 5²:

По отношению к 1946 году можно говорить о некоторой равномерности в распределении данных. Влияние урбанизации проявлялось лишь в Московской области, уже тогда аккумулировавшей молодое население. Наименьшим прирост был в мелкоселенных областях. Данные за 1972 год гораздо более выразительны. Из областей Западного региона самым разрушительным демографическим изменениям к этому времени подверглись мелкоселенная Смоленская и близкая к Москве Калужская области. Брянская, только вступавшая в стадию активной трансформации системы сельского расселения, пострадала меньше других. Характерно, что все области Центра, кроме Брянской и Московской, к 1972 году имели отрицательный естественный прирост.

В связи с вышесказанным представляет интерес градация областей Центра по возрасту жителей села. Имеющиеся данные позволяют сделать вывод, что имеет место почти точное соответствие

¹ Город и деревня в Европейской России. С. 55.

² Рассчитано по: ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 11. Д. 445. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 49. Д. 1825. Л. 21–22.

с показателями естественного прироста. Так, по состоянию на 1979 год, сельское население Московской области квалифицировалось как «несколько менее старое, чем в среднем по зоне», Брянской — как «старое, в основном близкое к среднему по зоне», Владимирской, Ивановской, Калужской, Костромской, Орловской, Тульской — как «более старое, чем в среднем по зоне население» и, наконец, Калининской, Рязанской, Смоленской и Ярославской областей — как «очень старое население»¹.

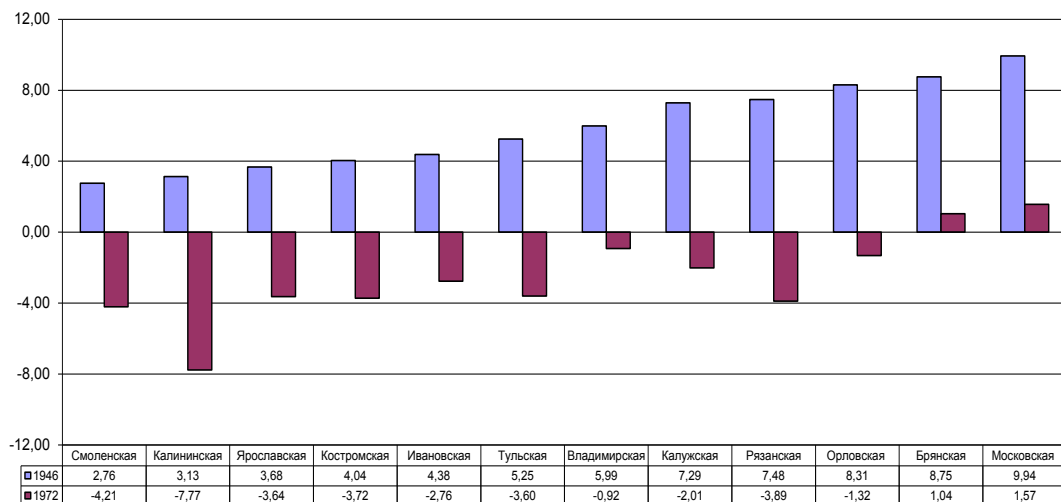

Рис. 5. Изменение естественного прироста по областям ЦЭР, на 1000 чел. сельского населения. 1946 и 1972 гг.

Итак, основные демографические характеристики сельского населения Западного региона Центральной России, подобно системе сельского расселения региона, во второй половине XX века подверглись чрезвычайно сильным изменениям под влиянием фактора урбанизации, что нашло выражение в изменении соотношения городского и сельского населения, сокращении количества детей в семье, снижении естественного прироста населения.

¹ Ткаченко А. А. Демографическая ситуация в сельской местности Калининской области: внутренние различия и место в Нечерноземье / Вопросы социально-экономической географии Верхневолжья. Калинин, 1987. С. 9.

6.4. Демографические последствия войны

Выше уже говорилось о том, что на территории областей Западного региона чрезвычайно сильно ощущались последствия Великой Отечественной войны. Безусловно важной задачей является оценка ущерба, нанесенного местному сельскому населению в результате военных действий. Проблема военных потерь, несмотря на огромную литературу, по-прежнему видится достаточно сложной. До сих пор по-разному оцениваются прямые людские потери в результате военных действий, не говоря о косвенных. Подсчет во многом затрудняется отсутствием универсальных методик оценки численности наличного населения в первые послевоенные годы, а также тем, что очередная перепись населения была проведена лишь спустя 14 лет после окончания войны.

Еще сложнее обстоит дело с оценкой демографических последствий войны для сельской местности. Поскольку деревня была беспаспортной, исследователь вынужден опираться на весьма приблизительные данные сельсоветского учета, неполнота которых признавалась самими статистическими органами¹. При этом, разумеется, анализ последствий войны не исчерпывается подсчетом абсолютной убыли наличного населения. Помимо сокращения численности, существенное значение имеют данные об изменении рождаемости и смертности, половозрастной структуры населения. Кроме того, война повлияла на перераспределение миграционных потоков, вызвав к жизни правительственную программу первоочередного заселения новых районов в составе СССР с преобладающим нерусским населением.

Перечисленные критерии рассмотрения демографических последствий войны полностью применимы для характеристики ситуации в сельской местности Западных областей Центра. Здесь будут рассмотрены изменения общей численности населения и соотношения полов. Специфика территории с точки зрения поставленной проблемы состоит, во-первых, в том, что значительная часть Западного региона была оккупирована во время войны, а значит, допустимо проведение сравнительного анализа ущерба, нанесенного людским ресурсам в зависимости от фактора оккупации. Во-вторых, достаточно многочисленные города, активно предлагавшие рабочие места в промышленности, при демобилизации предоставляли возможность выбора места жительства для селян, призванных в армию в начале войны.

---

¹ РГАСПИ. Ф. 82, Оп. 2. Д. 538. Л. 39, 45.

То, что убыль сельского населения страны в результате войны оказалась более значительной, чем городского, хорошо видно из табл. 3.

Т а б л и ц а 3

Изменение численности населения по СССР¹

	Все население, млн чел.	Сельское население, млн чел.	Доля сельского населения во всем населении, %
На 01.01.1940 г.	191,7	131,1	68,4
На 01.01.1951 г.	182,9	111,5	61,0
На 01.01.1954 г.	192,3	110,3	57,4

При том что довоенная численность населения по стране в целом была восстановлена к 1954 году, доля сельского населения к этому времени сократилась на 11%. По районам, пострадавшим в ходе военных действий, расхождения были значительно большими. Так, согласно переписи 1959 года, в Смоленской области городское население спустя 14 лет после окончания войны составляло 81% от довоенного, а сельское — только 35%². Известно, что во время войны на Смоленщине было уничтожено 135 тыс. чел. мирного населения, большинство из которых проживало в деревне³.

Анализируя данные людских потерь по областям Центра, можно заметить, что наиболее пострадавшими оказались территории с меньшей плотностью населения. Причем в западных областях, характеризующихся разреженным сельским расселением, именно наименее заселенные районы относились к самым пострадавшим⁴.

Причина видится в ограниченном воспроизводственном потенциале населения мелкоселенных районов, а также в том, что неудовлетворительное состояние местных трудовых ресурсов, а значит, высокая трудовая нагрузка, стимулировали послевоенный отток населения. Потери сельского населения по отдельным областям Центральной России распределялись следующим образом (рис. 6)⁵.

¹ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 538. Л. 95.

² Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. СССР. С. 20–21.

³ Поляков Л. Е. Цена войны. М., 1985. С. 43.

⁴ ГАКО. Ф. 883. Оп. 16. Д. 181. Л. 126. ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 89. Л. 2.

⁵ Сост. по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 44. Д. 2583. С. 42–43. ГАРФ. Ф. 374. Оп. 11. Д. 417. Л. 70.

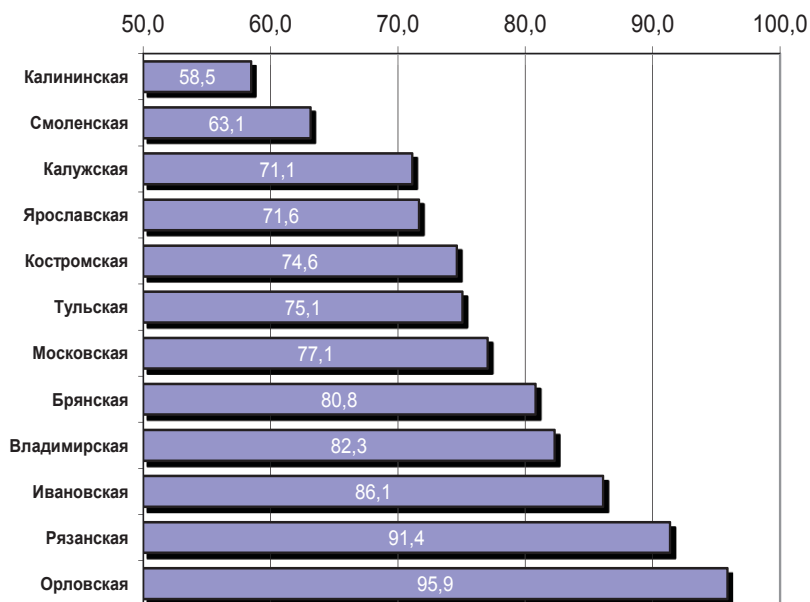

Рис. 6. Численность сельского населения Центрального района на 01.01.1947 г. по отношению к 1939 г., %

Очевидно, что сам по себе фактор оккупации не был решающим в изменении численности сельского населения. Так, пережившие оккупацию Смоленская, Брянская и Орловская области абсолютно по-разному отреагировали на военные события. Не менее важную роль играли преобладающий тип воспроизводства населения и плотность сельского расселения. Людские потери в мелкоселенной, но тыловой Ярославской области оказались более значительными, чем в прифронтовых Брянской, Московской, Орловской и Тульской. Не вызывает сомнения, что неблагоприятная поселенческая ситуация в оккупированных районах многократно усиливала тяжелые демографические последствия оккупации, как это произошло в Калининской и Смоленской областях.

Изменения в численности сельского населения в 1947–1950 годах позволяют оценить силу воздействия компенсаторного эффекта первых послевоенных лет по отдельным областям. В его основе — демобилизация и послевоенный взлет рождаемости (рис. 7)¹.

¹ Сост. по: Там же; ГАРФ. Ф. 374, Оп. 11. Д. 775.

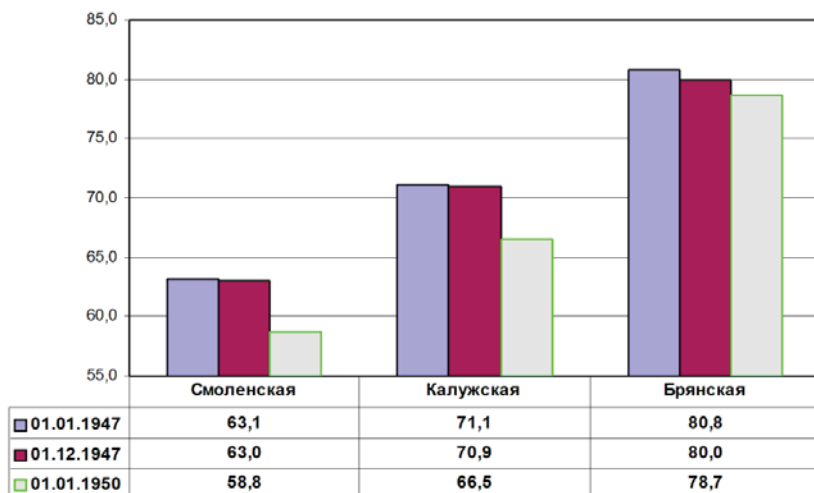

Рис. 7. Численность сельского населения Западного региона на начало и конец 1947 г. и на начало 1950 г. по отношению к 1939 г., %

Примем во внимание, что численность населения центральных областей могла сократиться в результате голода 1946—1947 годов. Именно 1947 год В. Ф. Зима определяет как наиболее тяжелый. Так, в Орловской области число умерших оказалось вдвое больше, чем в 1946 году, в Костромской — больше на 70—80%¹. В то же время проявления голода в Центральном Нечерноземье выразились главным образом в распространении случаев алиментарной дистрофии. В Западном регионе наибольшее их количество наблюдалось в Брянской и Смоленской областях². Тяжесть последствий голода снижалась по мере продвижения от черноземных областей на север, при этом среди регионов ЦЭР наиболее пострадавшей была причерноземная Орловская область³. На основании многочисленных статистических сведений В. П. Попов утверждает, что области Центрального Нечерноземья не относились к пострадавшим от голода⁴. Этот вывод в основном подтверждается нашими данными. Повышенная смертность непременно повлияла бы

¹ Зима В. Ф. Голод в СССР 1946—1947 гг. С. 162.

² Попов В. П. Экономическое и социальное положение советского общества в 40-е гг. (на примере российской деревни). Дис. ... докт. ист. наук. М., 1996. С. 165.

³ Зима В. Ф. Указ. соч. С. 27.

⁴ Попов В. П. Указ. соч. С. 165.

на данные декабря 1947 года, причем уменьшение численности сельского населения по южным областям Центра было бы более значительным. Так как эта тенденция не просматривается, можно предположить, что гораздо более весомым было действие иных факторов.

На графике видно, что январские и декабрьские показатели 1947 года по Калужской и Смоленской областям фактически совпадают. Это означает, что без сомнения активный демобилизационный приток позволял лишь фиксировать численность сельского населения на постоянном, достаточно низком уровне по сравнению с довоенным, несмотря на все усилия правительства по преимущественному заселению наиболее пострадавших областей. Влияние демобилизации в Брянской области было немного меньшим. Отток сельского населения в течение года здесь несколько превысил демобилизационный приток.

Данные 1950 года демонстрируют сокращение численности сельского населения по всем областям Центра, за исключением Московской, где его численность осталась на уровне декабря 1947 года. Также очевидно, что компенсаторная послевоенная рождаемость практически на всей территории Центра оказывалась не в силах конкурировать с миграцией из села. Несколько большим значение фактора рождаемости было в областях с «аграрным» типом воспроизводства населения, в том числе в Брянской. Кроме того, уменьшение численности населения в 1950 году по сравнению с 1947 года оказалось немного меньшим в аграрных областях со слабо выраженной урбанистической ориентацией сельского населения, к числу которых отчасти относилась Смоленская.

Среди других демографических характеристик послевоенного сельского населения Центрального района обращает на себя внимание изменение соотношения полов в наиболее активном возрасте¹ (табл. 4).

Т а б л и ц а 4

**Соотношение женщин и мужчин в трудоспособном возрасте
по районам Центра**

	На 100 женщин в возрасте 16—54 лет мужчин в том же возрасте	
	по районам, подвергавшимся оккупации	по неоккупировавшимся районам
По переписи на 17.01.1939	88	94
По сельсоветским отчетам на 01.01.1945	27	37

¹ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 538. Л. 47.

Приведенная таблица позволяет выделить два обстоятельства. Во-первых, еще до войны половая структура сельского населения в оккупированных районах была хуже, чем на территориях, избежавших оккупации, что определялось как базовыми характеристиками населения, так и хозяйственной специализацией. Во-вторых, фактор оккупации, несомненно, повлиял на это соотношение. При общей колоссальной диспропорции полов, сложившейся в послевоенной деревне, недостаток мужчин на территориях, подвергавшихся оккупации, ощущался значительно острее.

В ходе демобилизации диспропорция несколько сглаживалась. Согласно сведениям 1948 года, различия между двумя типами районов уже почти не ощущались, что должно было свидетельствовать об эффективности проводимых правительством мер по реабилитации наиболее пострадавших территорий¹ (табл. 5).

Т а б л и ц а 5

Регион	На 100 трудоспособных женщин трудоспособных мужчин	Тип территории
Калужская область Смоленская область	55 53	Подвергавшиеся оккупации
Вологодская область Мордовская АССР	55 54	Не подвергавшиеся оккупации

В то же время Всесоюзная перепись населения 1959 и 1970 годов зафиксировали отчетливые отклонения в соотношении полов в западных областях ЦЭР в сравнении с остальной территорией региона, что позволяет говорить о временном характере приведенных выше данных и заставляет принять мысль о более продолжительном влиянии последствий оккупации на половую структуру населения села.

Таким образом, основываясь на данных изменения базовых демографических показателей по регионам Центра, следует признать, что тяжесть военных последствий для сельского населения отдельных территорий, в том числе областей Запада, определялось как оккупацией и ведением военных действий на ее территории, так и типом расселения и действием городского фактора.

¹ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 538. Л. 64.

6.5. Миграция сельского населения

Миграционная мотивация

При том что миграция сельского населения из села в город во второй половине XX века справедливо воспринимается в качестве одного из самых разрушительных по своим последствиям процесса для Центральной России, причины переезда подчас воспринимаются довольно упрощенно. Существует некий стереотип восприятия проблемы, базирующийся на мнении недавних мигрантов и не опровергаемый социологами и историками советской деревни. Из вида упускается то, что мигранты 70—80-х годов — это, как правило, люди со сложившимся урбанистическим сознанием, и в более ранние периоды мотивация переезда могла быть иной. Исследователи подчас настроены довольно бескомпромиссно: «Бегство из родных мест казалось большинству людей единственным выходом из сложившейся ситуации. Эти настроения были характерны для всей крестьянской России, так как в ней уже не оставалось уголка, где бы не правила колхозная система и мощный, спаянный круговой порукой, слой местных управленцев-кормленщиков... Режим сознательно культивировал в народе отвращение к деревне»¹. В то же время остается неясным, насколько сильным и продолжительным было воздействие факторов политического свойства, изменялась ли миграционная мотивация во времени, и если да, то как? В целом приходится признать, что динамика миграционных приоритетов сельских жителей изучена недостаточно, а причины изменения миграционных факторов в массовом сознании сельских жителей практически не рассмотрены. Объективному восприятию ситуации, по всей видимости, мешает отсутствие сопоставимых данных по миграционному оттоку по 1940—1950-м и 1960—1970-м годам из-за разных методик учета миграции, либо практического отсутствия такого учета в послевоенные годы. Представляется, что на протяжении послевоенных десятилетий здесь действовали различные факторы, неравномерные по силе своего влияния в разные периоды.

Практически невозможно пытаться определить основной мотив, побуждающий людей переселиться в город. Как правило, причин переселения несколько. Редко бывает так, что одна причина доминирует настолько, чтобы мигранты могли четко ее сформулировать,

---

¹ Попов В. П. Указ. соч. С. 215.

даже если хотят¹. Поэтому представляется корректным вести разговор лишь о преобладающих тенденциях в мотивации мигрантов.

В первую очередь отметим то обстоятельство, что правительство, обратив внимание на сельскую миграцию в города в 60-е годы, зафиксировало уже позднюю стадию процесса. Несмотря на административные ограничения, в конце 1940-х—начале 50-х годов отъезд был уже достаточно массовым. Во-вторых, не вызывает сомнения сходный характер проблем, с которыми сталкивались жители села в 1940—50-е и 1960—70-е годы. И в том, и в другом случае констатируются отсутствие материальной заинтересованности в работе в колхозе, низкая оплата труда, отсутствие организованного досуга, преимущества жизни в городе по сравнению с деревней². В письмах и обращениях 40—50-х годов почти не встречаем жалоб на тяжелые условия труда, в то время как в 60—70-е годы они принимают массовый характер. В переписке 40—50-х годов по сравнению с последующим периодом существенно меньше сетований на состояние социально-бытовой сферы. Причиной тому не отсутствие недостатков, например, колхозники Брянской области в 1946 году интересовались, когда будут бесперебойно работать бани, жаловались на плохое качество хлеба, отсутствие в продаже соли, спичек и керосина³. Скорее, есть смысл говорить о характерной для традиционного сознания привычке мириться с этими проблемами. За несколько десятилетий существенно изменились жизненные стандарты.

Если в 40—50-е годы подчас нередко стоял вопрос о физическом выживании сельской семьи, то в последующие десятилетия, по мере роста благосостояния жителей села, на первый план стали выходить иные соображения. Изменения в мотивации фиксируются на рубеже 50—60-х годов в одной из справок о состоянии сельского населения: «10—15 лет назад (написано в 1973 году. — О.Г.) определяющим мотивом миграции в города было повышение уровня благосостояния, гарантированная более высокая оплата труда, теперь — культурно-бытовые мотивы»⁴. «Нет клуба, молодежи нечего делать, колхоз

¹ См.: Зайончковская Ж. А. Новоселы в городах (методы изучения приживаемости). М., 1972. С. 128.

² ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 30. Д. 4000. Л. 116. РГАСПИ. Ф. 591. Оп. 1. Д. 164. Л. 174.

³ Там же. Д. 693. Л. 12.

⁴ Соскиев А. Б. Структура трудовых ресурсов сельского хозяйства // Проблемы истории современной советской деревни. 1946—1973. М., 1975. С. 356.

перешел на денежную оплату, заработки хорошие, но молодежь не задерживается. *Бегут по городам не от материального недостатка, а от темной колхозной жизни*» (выделено нами. — О.Г.) (колхоз «Прогресс» Рославльского района Смоленской области, 1967 год). Уехавшие из колхоза, продолжает автор письма, говорили: «Мы бы в колхозе жили, но ради чего здесь жить? Чтобы только работать и все? А личное время спи на печи. Мы хоть и работаем на заводах больше и потяжелей, зато получаем духовное удовлетворение, после работы идем в кино... <А в колхозе> мы только и знаем, что работаем да спим»¹. В приведенном письме любопытна нетрадиционная оценка сельского труда как более легкого в сравнении с городским. Подобное признание, возвращающее нас к категориям «моральной экономики», нетипично для жителя села, и понадобилось автору для обоснования своей мысли о тяжести деревенской скуки.

Характерно, что перечень претензий к властям в этот период концентрируется вокруг состояния сельских досуговых учреждений. Архивные статданные о наличии и состоянии учреждений культуры на селе систематически встречаются начиная примерно с середины 1950-х годов. Массовые же жалобы о неудовлетворительном состоянии, либо о нецелевом использовании клубов отмечаются примерно с 1963 года. «Все тянутся в город, подальше от сельских забот, от черной работы, от скуки. Ведь у нас нет даже клуба для кино. В том, что молодежь убегает, нельзя особенно ее обвинять...» (Почепский район Брянской области, 1964 год)². «Закрыли клуб на ремонт в 1963 году, с этого времени ходим за 6 км в клуб. Молодежи у нас много. В газетах пишут, чтобы молодые оставались в сельской местности, но здесь невозможно оставаться... Есть при клубе библиотека, но вход в нее забит» (Брасовский район Брянской области, 1967 год)³. «В клуб почти никто не ходит, в нем за 15 мин. можно замерзнуть до основания, окна и двери разбиты, пол грязный, как в свинарнике... Не ходят даже в теплые дни... А еще хотят, чтобы молодежь оставалась в деревне» (Почепский район Брянской области, 1970 год)⁴. Письмо с идеологическим уклоном: «Нет просветработы... потому у нас не остается молодежь в деревне... и вот какие

¹ РГАСПИ. Ф. 591. Оп. 1. Д. 33. Л. 5.

² Там же. Д. 164. Л. 179.

³ Там же. Л. 23.

⁴ Там же. Д. 91. Л. 4–5.

остались тоже думаем уехать...» (Бабынинский район Калужской области, 1971 год)¹.

Отсутствие организованного досуга прямо увязывалось жителями деревни с распространенностью пьянства. «Пришлите кого-нибудь к авансу 23—25 числа или получке 10—15 числа и убедитесь сами, что здесь творится» (Холм-Жирковский район Смоленской области, 1971 год)².

В течение 1960—1970-х годов, когда миграционный отток из села Центра был наибольшим, состояние учреждений культуры (клубов и библиотек) на селе было очевидно неудовлетворительным, и в этом смысле сфера досуга мало чем отличалась от других элементов социально-бытовой инфраструктуры. Судя по характеру жалоб, у жителей села не было сомнений в том, что молодежь едет из села главным образом из-за невозможности хорошо провести свободное время. Дело, однако, в том, что неудовлетворенность досугом была лишь одним из проявлений сформировавшейся урбанистической ориентации в сознании молодых сельских жителей региона. Поэтому упоминание тех или иных недостатков в письмах сельских жителей с почти дежурной припиской «вот поэтому-то наша молодежь уезжает из села» вполне объяснимо, а авторы писем по-своему правы. Только в каждом таком случае необходимо уточнение: «еще и поэтому».

Кроме сетований по поводу отсутствия или состояния клубов в почте 60—70-х годов содержится чрезвычайно много претензий к местным хозяйственным руководителям — осуждается их некомпетентность, грубость, низкий образовательный уровень, невнимание к молодым специалистам. Так, например, на грубость председателя, избивавшего колхозников, жаловались из Красногорского района Брянской области (1967 год). Письмо заканчивалось знакомой фразой: «Вот почему в нашей деревне не задерживается молодежь, почему нет кадров механизаторов»³. И еще письмо на ту же тему, где в качестве причины отъезда из села называется жадность местных руководителей: «Хозяйство не выполнило финансового плана, а зарплаты у руководства большие». Работники даже объявили забастовку, так как «колхозники получают по 16—20 руб., а руководители — 150 и более. Для них нормы нет, хоть 2 ц с гектара уберут,

¹ РГАСПИ. Ф. 591. Оп. 1. Д. 100. Л. 49.

² Там же. Д. 103. Л. 127—128.

³ Там же. Д. 33. Л. 291.

их оклад—отдай. Доход на них не жмет. Они стали закрывать дверь, когда собирают правление, от людей хоронятся... Люди стали уезжать. Жить нельзя» (выделено нами. — О.Г.) (Клинцовский район Брянской области, 1968 год)¹.

Не ставя под сомнение справедливость обвинений, заметим, что поиск конкретных виновников проблем без попытки осмысления явления в целом— вещь довольно распространенная. Не умея (или не смея) критиковать пороки системы общественного производства в целом, авторы писем сосредоточивали внимание на местных представителях власти. Способно ли было поведение руководителей подтолкнуть людей к отъезду из села? Безусловно, поскольку порождало у рядового работника ощущение острой несправедливости, а также того, что его собственные достоинства не оценены должным образом.

По сути дела, ничто не мешает согласиться с результатом одного из социологических исследований причин отъезда: самые важные мотивы ухода из села Нечерноземья—неудовлетворенность организацией и условиями труда; на 3—4 местах—отсутствие учреждений культуры, отсутствие сверстников (для молодежи, особенно для женщин)². Таким образом, отмеченная закономерность преобладания культурно-бытовых мотивов в миграции 60—70-х годах нашла выражение в повышенных требованиях не только к присутствию учреждений культуры и бытовых удобств на селе, но—главным образом—к условиям труда, компетентности руководства, наличию условий для получения образования и повышения квалификации и т.п. В восприятии же клубов как главной причины отъезда немалую роль играл стереотип отношения старшего поколения к молодежи: «Они молодые, им нужны танцы, кино и т.п.». К тому же когда из радиоприемников, телевизоров и с газетных страниц постоянно раздавались сетования по поводу отъезда молодежи из села, каждый автор письма был готов предложить свое объяснение явления, в том числе и для того, чтобы привлечь внимание к поставленной им проблеме.

Подводя итог, вернемся к уже высказанной мысли. Любая иерархия мотивов отъезда будет недостаточной, поскольку не позволит

¹ РГАСПИ. Ф. 591. Оп. 1. Д. 49. Л. 83—84.

² Береснев М. П. Влияние социально-экономических факторов на обеспеченность трудовыми ресурсами сельского хозяйства // Демографическая ситуация и расселение населения в сельской местности РСФСР. М., 1976. С. 28.

осмыслить явление в целом. Множественность версий причин миграционного оттока в письмах сельских жителей в 60–70-е годы, в отличие от менее разнообразных причин периода 40–50-х годов заставляет искать универсальное объяснение. Очевидно, что перечень претензий потенциальных мигрантов сформирован влиянием городской среды, даже в неявных случаях, вроде конфликтов с сельским руководством. «Сравнение своей жизни с той, о которой писали газеты, наводило наивных людей на мысль, что в Советском Союзе действительно есть места, где “хорошо живут”», — отмечает Е. Ю. Зубкова. В последующем, под воздействием неформальных каналов коммуникации, этот миф разрушался. «Незыблемым оставалось только представление о том, что “город” живет лучше деревни, а “служащие” — лучше крестьян (“мы—они”). Это убеждение определяло главное направление поисков и становилось стимулом для бегства из колхозов»¹. Многочисленные свидетельства сельских жителей, объясняющие причины их переезда в город, подтверждают тезис о завершении формирования устойчивой городской альтернативы в селе Центра в 60–70-е годы. Западные области, разумеется, здесь не были исключением.

Интенсивность миграции

Используя данные Всесоюзных переписей населения, попытаемся проследить интенсивность сокращения численности сельского населения в период с 1939 по 1979 год (рис. 8)². Не будем забывать при этом, что совокупное изменение численности складывалось из показателей естественного и механического прироста.

Выше отмечалось, что наиболее сильным сокращением естественного прироста в послевоенные десятилетия оказалось в Смоленской области, как самом мелкоселенном регионе. Очевидно, что снижение общей численности сельского населения происходило параллельно с изменением естественного прироста. Обратим также внимание на период между 1959 и 1970 годом, который считается временем особенно интенсивной миграции в города. Представляется, что потери населения Смоленской области со временем становились менее значительными.

¹ Зубкова Е. Ю. Общество и реформы. 1945–1964. М., 1993. С. 173.

² Сост. по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 44. Д. 2583. С. 42–43; Оп. 336–IV. Д. 7872. С. 8, 28–29. Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Т. 1. С. 10–11.

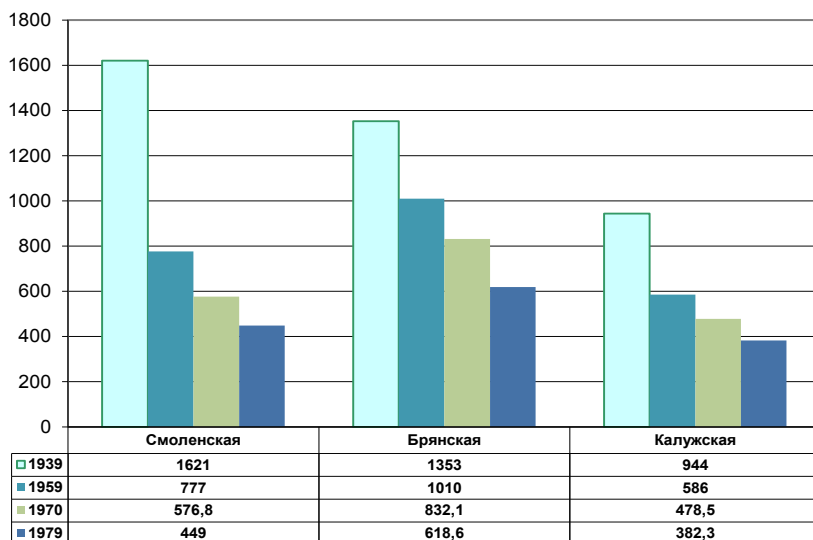

Рис. 8. Динамика изменения численности сельского населения по западным областям ЦЭР, тыс. чел.

Разрыв между данными 1970 и 1979 годов особенно велик в Брянской области, находившейся в стадии интенсивной урбанизации и малогазетен в Калужской (не столько из-за сократившегося оттока, сколько вследствие небольших размеров области).

Невозможность вычленения механического прироста, а также отсутствие сведений по первым послевоенным годам заставляют от данных переписей обратиться к сведениям сельсоветского учета. В 1945–1947 годах отмечается прирост колхозного населения по стране в целом (последствия демобилизации и компенсаторная волна рождаемости), при этом в ЦЭР он оказался менее значительным¹. Сведения по 1946 году позволяют судить о довольно интенсивном оттоке из села всех областей Запада (рис. 9)².

Очевидна обратная зависимость между интенсивностью миграции в города и величиной естественного прироста сельского населения. В основе наших расчетов лежит предположение, что в первые

¹ Вербицкая О. М. Колхозное крестьянство: от Сталина к Хрущеву. С. 84. Зима В. Ф. Указ. соч. С. 165.

² Сост. по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 49. Д. 1825. Л. 21–22. ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 11. Д. 477. Л. 1.

послевоенные годы основными центрами притяжения для сельских мигрантов выступали близлежащие города «своих» областей. График позволяет сделать вывод, что в наибольшей степени (почти наполовину) естественный прирост компенсировал стихийный отток из села в Брянской области, в наименьшей — в Смоленской. В целом же приходится признать, что возможность скомпенсировать отток в города за счет естественного прироста уже в те годы была крайне невелика. С учетом того, что впоследствии показатели естественного прироста продолжали снижаться, роль миграции в качестве главной причины обезлюдения села Центра (даже в благополучных областях) несомненна.

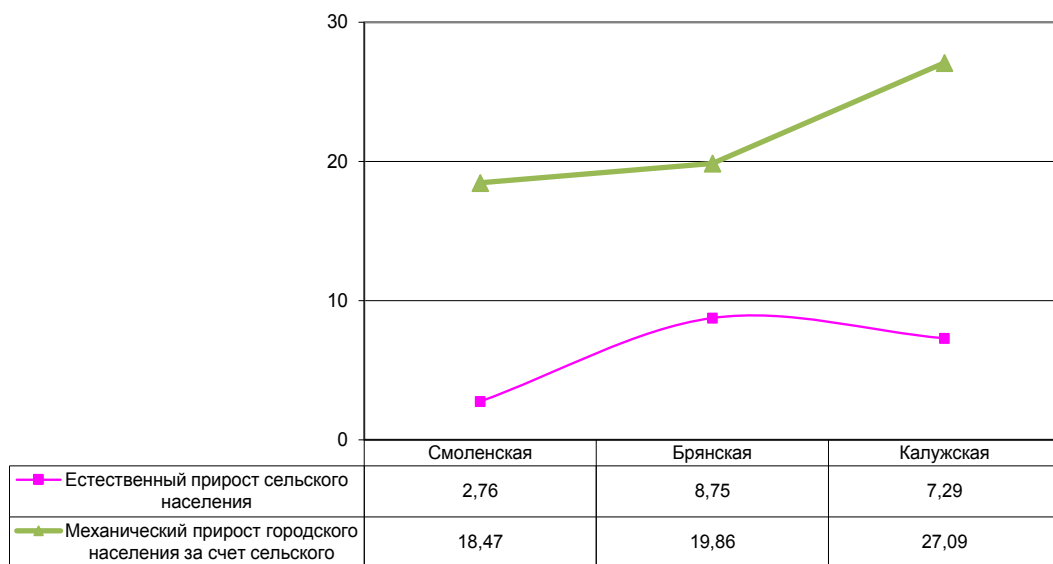

Рис. 9. Механический прирост населения городов западных областей ЦЭР за счет села (на 1000 чел.). 1946 г.

Вслед за кратковременной стабилизацией в 1948 году началось сокращение сельского населения практически на всей территории России¹.

¹ Вербицкая О. М. Изменение численности и состава колхозного крестьянства РСФСР в первые послевоенные годы (1946–1950) // История СССР. 1980. № 5. С. 130. В. П. Попов считает, что сельское население стало сокращаться с 1950 г. (Попов В. П. Российская деревня после войны. С. 4).

Сокращение крестьянского населения в 1950 году по сравнению с 1946 годом О. М. Вербицкая ставит в зависимость от положения области в качестве тыловой либо подвергшейся оккупации, утверждая, что в первых численность населения уменьшалась медленнее¹. Этот вывод не подтверждается нашими данными. Выше говорилось о том, что негативные последствия факта оккупации для местного населения наиболее остро проявлялись на изначально мелкоселенных территориях; прямая же зависимость сокращения численности местного населения в результате оккупации прослеживалась слабо. То же можно сказать и в применении к первым послевоенным годам. Гораздо более убедительным выглядит установление взаимосвязи интенсивности послевоенного оттока и количества слабых колхозов. Именно в зависимости от этого показателя в 1950 году по сравнению с 1946 годом прослеживается сокращение сельского населения в Калужской и Смоленской областях на 14–18%².

В начале 1950-х годов сельское население в областях Западного ЦЭР сокращалось более интенсивно, чем на других территориях. При том что в среднем по РСФСР за год (с 1949 по 1950 год) сельское население сократилось на 1%, в Калужской сокращение составило 4,6%, в Смоленской — 4,5%. Для сравнения: среди черноземных областей первой в списке была Воронежская, численность сельского населения которой сократилась за год на 3,1%³.

В качестве причин уменьшения численности сельского населения в конце 1940-х годов обычно указывают (в порядке снижения значимости) стихийную миграцию и политику государственного изъятия рабочей силы в промышленность и на стройки⁴. Однако в этот период организованные и легальные формы выбытия преобладали над нелегальными. Для 1949 года доля скрытого ухода в Центральном Нечерноземье определяется в 25,8%⁵. Из 16,9 тыс. чел., выбывших в 1949 году из села Орловской области, по оргнабору выехало 13,6 тыс. чел., или чуть более 80%⁶. Прирост численности

---

¹ Вербицкая О. М. Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. С. 85.

² Там же.

³ Зима В. Ф. Указ. соч. С. 205.

⁴ См. напр.: Иванов Н. С. Раскрестьянивание деревни (середина 40-х — 50-е гг.) // Судьбы российского крестьянства. С. 421.

⁵ Вербицкая О. М. Указ. соч. С. 87.

⁶ ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 11. Д. 1001. Л. 26; д. 593. Л. 88.

населения городов Смоленской области в 1950 году за счет села составил 9,4 тыс. чел., а оргнабор из сельской местности в тот год составил 5,1 тыс. чел. при том, что значительная часть выехавших по оргнабору направлялась за пределы области¹. При наличии меж-областных вариаций в соотношении организованных и неорганизованных форм выбытия, видимо, следует согласиться с оценкой среднего количества организованных мигрантов в первые послевоенные годы в 80%². Вместе с тем цифры по Смоленской области убеждают, что при аграрной специализации областей в условиях отсутствия альтернативных внутрисельских возможностей приложения труда неорганизованная миграция была существенно выше.

Интенсивность оттока в города несколько снизилась в середине 50-х годов в связи с достигнутой экономической стабилизацией в деревне. «В последние годы, — отмечалось в отчете за 1957 год по РСФСР, — прирост населения в городах за счет перемещения сельского населения снизился и составил в 1956 году около 1 млн чел., или почти в 2 раза меньше, чем в 1953 году... При общем росте численности сельского населения за 1956 год на 0,3 млн чел. численность населения по хозяйственным книгам выросла на 1,5 млн чел. вследствие 1) улучшения сельсоветского учета; 2) возвращения в сельскую местность лиц, уволенных из рядов армии в связи с сокращением Указом Верховного Совета СССР»³.

В западных областях ЦЭР эта тенденция проявилась лишь в некотором сокращении оттока (рис. 10)⁴. Это позволяет утверждать, что экономический эффект хрущевских реформ первой половины 50-х годов ощущался здесь слабее.

Представляется, что период середины — второй половины 50-х годов можно оценить как время неустойчивого равновесия, когда городская ориентация сельских жителей, несмотря на увеличение урбанистического давления, еще не стала определяющим мотивом миграционного поведения.

Данные сельсоветского учета населения за отдельные годы в границах периода 1950—1958 годов позволяют сделать вывод, что

¹ ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 11. Д. 526. Л. 70.

² *Вербицкая О. М.* Указ. соч. С. 87. Эти данные в качестве отправных признает и *И. М. Волков* (*Волков И. М.* Деревня СССР в 1945–1953 гг. в новейших исследованиях историков. С. 121).

³ РГАСПИ. Ф. 82, Оп. 2. Д. 538. Л. 96–98.

⁴ Сост. по: ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 11. Д. 445. Д. 775. Оп. 30. Д. 11982.

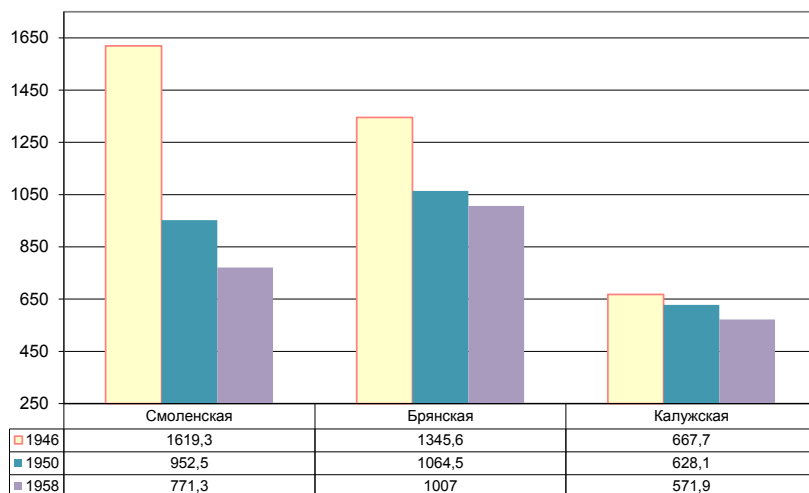

Рис. 10. Изменение численности сельского населения западных областей ЦЭР, тыс. чел. 1946–1958 гг.

положительная динамика механического прироста в большинстве областей наблюдалась примерно с 1954 года. При этом прирост достигался за счет «въезда различных категорий»¹, в основном рабочих и служащих, в то время как численность колхозников продолжала сокращаться. Например, по Калужской области в 1954 году положительная динамика составила +5 728 чел.; она складывалась из разницы между въездом рабочих и служащих (+58 865 чел.) и выездом колхозников (–52 647 чел.)².

Краткий период позитивной миграционной динамики в областях Центрального Нечерноземья в середине 1950-х годов отмечался на фоне все еще положительного естественного прироста сельского населения. Однако эта динамика не была настолько сильной и долговременной, чтобы переломить наметившуюся ранее тенденцию сокращения численности населения, а привела лишь к ее замедлению.

Стабилизация численности сельского населения отмечалась до 1958 года, а затем интенсивность оттока вновь возросла, что прямо было связано с дискриминационной политикой по отношению к хозяйству крестьянского двора и общим упадком сельской

¹ ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 30. Д. 4986. Л. 84.

² Там же.

экономики. Четкие признаки замедления механического прироста прослеживаются практически по всем областям.

Следующая диаграмма (рис. 11)¹ позволяет судить о характере изменения численности жителей села в западных областях ЦЭР в годы наиболее интенсивного миграционного оттока. Материалы первой половины 1960-х годов весьма информативны с точки зрения выявления тенденций миграционных перемещений. Во-первых, в это время большими были масштабы миграции. Во-вторых, имеется хорошо разработанная статистика. В целом в 60–70-е годы наблюдается некоторая инерционность в протекании миграционных процессов.

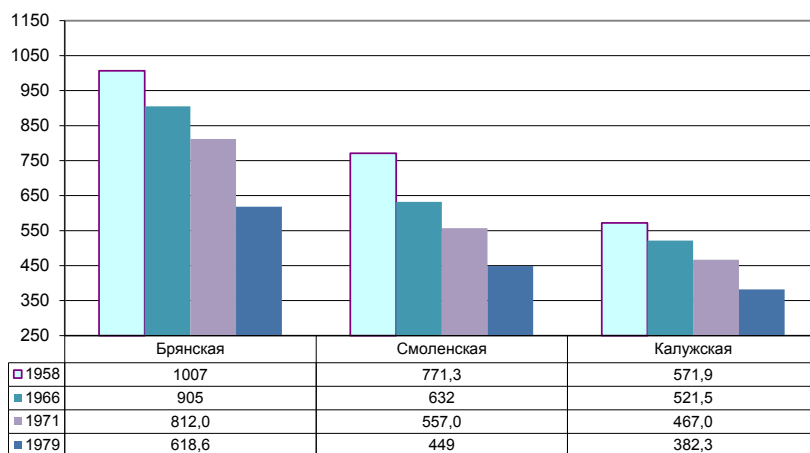

Рис. 11. Изменение численности сельского населения по западным областям ЦЭР, тыс. чел. 1958–1979 гг.

В 1958–1966 годах более интенсивной стала миграция сельского населения в города Смоленской области. Причинами ее усиления стали постепенное повышение трудовой нагрузки в льноводческой отрасли (по мере сокращения трудовых ресурсов), наступление на личные подсобные хозяйства, особенно болезненное в условиях монокультурного общественного производства, а также уменьшение

¹ Сост. по: ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 30. Д. 11982; Оп. 36. Д. 3825. Л. 1. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 48. Д. 1252. Л. 2. Численность и состав населения СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. М., 1984. С. 10–12.

расценок оплаты труда в льноводстве. Обратим также внимание, что в 1970—1979 годах период наибольших миграционных потерь наступил для Брянской области. Как уже было упомянуто, аграрный характер развития в сочетании со среднеселенностью предопределил более поздний переход области к «городскому» типу воспроизводства населения, а также затормозил формирование городской ценностной ориентации в сознании сельских жителей. Однако в начале 1970-х годов, область не смогла избежать общей участи и вступила в полосу наибольших миграционных потерь.

В этот период продолжалось уменьшение естественного прироста сельского населения, а в Смоленской области он стал отрицательным¹. В то же время размеры механической убыли резко возросли (общее сокращение сельского населения по области в 17,4 тыс. чел. за 1964 год складывалось из отрицательного естественного прироста —3,2 тыс. чел. и механического выбытия —14,2 тыс. чел.).

Ниже приводится таблица изменения численности сельского населения Калужской области за 1960—1965 годы (табл. 6)².

Т а б л и ц а 6

**Изменение численности сельского населения Калужской области
за 1960—1965 гг.**

Категория населения	1960	1965	Прирост	%
Все сельское население	565,8	528,7	—37,1	—6,6
Колхозники	348,2	261,3	—86,9	—25
Рабочие и служащие	208,2	254,5	+46,3	+22

Как и в конце 1950-х годов, в этот период сельское население по-прежнему сокращалось за счет выбытия колхозников на работу в государственные и кооперативные организации. По сравнению с предыдущим пятилетием, когда колхозы покинуло около 5%

¹ ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 32. Д. 11553. Л. 131. А. И. Казаков утверждает, что отрицательным естественный прирост в Смоленской области стал только в 1967 г. (Казаков А. И. Миграция сельского населения: причины, характер, интенсивность, направленность // Сельское хозяйство и крестьянство Нечерноземья в период строительства социализма. Смоленск, 1979. С. 61). Имеющуюся дискуссионность оценок следует отнести на счет несовершенства применявшихся методик подсчета.

² Рассчитано по: ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 35. Д. 3183. Л. 27—28.

работников, в первой половине 1960-х годов калужская деревня потеряла 25% колхозников. Из общей убыли в 37,1 тыс. чел. миграционный отток в города составил 30,8 тыс. чел., в результате административно-территориальных преобразований (преобразование сел и деревень в поселки городского типа) сельское население сократилось на 5,3 тыс. чел., и только 1 тыс. чел. за пять лет выехала по «вербовке», т.е. по оргнабору. Характерно и другое: если за 1960—1962 годы сельское население Калужской области уменьшилось на 9,8 тыс. чел., то за три последующих года — на 27,3 тыс. чел.

Весьма примечательно, что интенсивное сокращение сельского населения на местах воспринималось не в качестве результата неудачной аграрной политики, а как следствие интенсивного городского промышленного развития: «...эти данные говорят о том, что за годы семилетки значительно расширилось промышленное производство, строительство, транспорт и др. отрасли народного хозяйства, требовавшие дополнительного привлечения рабочей силы для работы в этих отраслях народного хозяйства»¹.

А вот как на численности сельского населения сказывалось действие различных факторов его сокращения (данные по Смоленской области) (табл. 7²).

Т а б л и ц а 7

**Изменение численности сельского населения
(данные по Смоленской области). 1962—1967 гг.**

Численность сельского населения на 01.01.1962	За 5 лет						Численность сельского насе- ления на 01.01.1967	То же, %
	Естественный прирост	То же, %	Выбыло за счет переселе- ния в город	То же, %	Сокращение за счет адми- нистративно-территориаль- ных преобразований	То же, %		
711,3	12	1,7	—89	—12,5	—18,8	—2,6	615,5	86,5

¹ ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 35. Д. 3183. Л. 28.

² Там же. Л. 5–6.

Как видим, влияние пониженного естественного прироста в сравнении с миграционным оттоком крайне невелико. Воздействие фактора административно-территориальных преобразований в Смоленской области, где проводилась так называемая «административная урбанизация», довольно существенно. Наконец, сопоставление данных интенсивности миграционного оттока и общего сокращения численности сельского населения за пять лет не оставляет места для сомнений по поводу определяющей роли миграции в городах в этом процессе.

Во второй половине 1960-х годов в миграции в города появились новые тенденции. В это время произошло снижение интенсивности миграционных перемещений в областях, прилегающих к Московской. Например, механический прирост сельского населения Смоленской области, составляя в 1966 году — 17,3 тыс. чел., снизился в 1967 году до 10,9 тыс. человек. В 1968 году большинство областей ЦЭР перестали фигурировать в списке территорий с наибольшим оттоком населения¹.

В 1971—1979 годах самое большое сокращение сельского населения среди экономических районов произошло не в Центральном Нечерноземье, прошедшем пик миграционных потерь, а в Центрально-Черноземном районе (на 21%)². Что же касается ЦЭР, то наиболее серьезные сокращения сельского населения продолжали происходить в Брянской и Орловской областях (рис. 13). Калужская область также вступила в стадию интенсивных миграционных потерь, но благодаря близости к Москве эта тенденция была менее заметна, и отток по отдельным периодам отличался большей равномерностью.

Общая закономерность миграционных потерь в сельском населении Центра в 1958—1979 годах сформулирована Ж. А. Зайончковской: миграция в этот период имела четко выраженный кольцевой рисунок с центром в Москве. Непосредственно к Москве примыкали области с наибольшими потерями населения. Постепенно кольцо расширялось, к 1979 году оно охватывало почти всю Европейскую часть РСФСР. Впоследствии кольцо постепенно разрушалось, и зона наибольшей интенсивности оттока сместилась к югу, в области, менее «вымытые» миграцией (в ЦЭР это были Брянская и Орловская

¹ ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 35. Д. 11215. Л. 89.

² Волынская Б. Н., Култышева Г. А., Маркова И. И. Сельское расселение в РСФСР // Демографическая ситуация и расселение населения в сельской местности РСФСР. М., 1976. С. 5.

области. — О.Г.)¹. Эти территории, имевшие незначительный отток населения в 60-е годы, теперь отличались наибольшей неустойчивостью. Напротив, в группе высокоурбанизированных областей с развитыми несельскохозяйственными видами деятельности в сельской местности, а также в регионах, где резервы для миграции были исчерпаны из-за резкого постарения населения (в том числе Калининской, Смоленской, Ярославской) проявилась тенденция к снижению темпов сокращения сельского населения².

В первой половине 1980-х годов совокупное воздействие факторов истощения миграционного потенциала села (в отдаленных от местных центров районах) и его урбанизационного развития (на территориях, прилегающих к городским центрам) позволило констатировать общее замедление темпов оттока в города.

6.6. Состав мигрантов

Мигранты по возрасту

Общеизвестно, что село нечерноземных областей покидала наиболее активная часть населения. Как правило, это были люди в трудоспособном возрасте. Легко предположить, что переезд проще давался людям, не обремененным семьей (не успевшим ею обзавестись) и не привязанным многолетней привычкой к своему месту работы. Речь, таким образом, идет о лицах вступающих, либо недавно вступивших в трудоспособный возраст.

И. Е. Зеленин отмечает, что из 7 млн выбывших из села в первой половине 60-х годов 6 млн или более 85%, составляла молодежь в возрасте от 17 до 29 лет³. Эта тенденция отмечалась и раньше. Еще в 1950 году 72,6% мигрантов из Владимирской области составляли молодые люди в возрасте от 16 до 34 лет. В то же время самыми стабильными возрастными категориями были дети до 8 лет (5,2% мигрантов) и люди старше 50 лет (5,6%)⁴.

¹ Зайончковская Ж. А. Демографическая ситуация и расселение. М., 1991. С. 85.

² Зубаревич Н. В. Эволюция сельского расселения Нечерноземья (за период с 1959 по 1989 г.) // Территориальная организация сельской местности Нечерноземья. Тверь, 1993. С. 36.

³ Зеленин И. Е. Указ. соч. С. 85–86.

⁴ ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 11. Д. 1000. Л. 35.

Устойчивая тенденция старения сельского населения Нечерноземья в результате оттока населения стала проявляться не с начала исследуемого периода, как можно было предполагать, а примерно с начала 1950-х годов. В 1945—1950 годы отмечался рост численности трудоспособных на 15,5% (главным образом в результате демобилизации). В то же время, если в 1951 году доля пожилых по различным областям составляла от 15 до 19%, то в 1953 году — уже 20—24%, и в дальнейшем эти цифры продолжали увеличиваться¹.

Отметим исключительную роль возрастной категории 16—19-летних в сельской миграции первого послевоенного десятилетия (даже с учетом бесспорного лидерства этой группы в последующие годы). В самом деле, административные ограничения второй половины 40-х — начала 50-х годов закрывали обычный впоследствии путь для переезда в город. Оставалось несколько возможностей: призыв в армию с последующим невозвращением в село, санкционированный отъезд на учебу, работа по комсомольскому призыву, оргнабор, и наконец, плановое переселение. Все эти формы, хотя и в разной степени были характерны для областей Центра. В дальнейшем увидим, что при всей значимости в отдельные годы оргнабор и переселение не играли решающей роли в статистике выбытий. Таким образом, центр тяжести сельской миграции автоматически переносился на оставшиеся формы выезда. Очевидно, что и служба в армии, и комсомольский набор, и учеба, и замужество в городе относились к побудительным причинам именно молодежной миграции. В качестве иллюстрации приведем данные за 1952 год по Калужской области. За год в города области прибыло из сельской местности 4 522 чел. в возрасте от 16 до 19 лет, 2 585 в возрасте от 20 до 24 лет и 2 167 в возрасте от 25 до 29 лет. Следующая возрастная категория — 30—34 года — дает цифру 878 чел., а предшествующая, 10—15 лет — только 363 человек². Обратный поток в село в итоге еще более усиливает возрастные диспропорции. Только 773 переселенца из города в село было в группе 16—19 лет, но уже 1 651 в возрасте от 20 до 24 лет и 1 306 в возрасте от 25 до 29 лет³.

Статистические органы Калининской области в 1953 году отмечали, что «пополнения наличного состава трудоспособных за счет возврата из Советской Армии и подростков по достижении 16 лет

¹ Иванов Н. С. Раскрестьянивание деревни. С. 425.

² ГАКО. Ф. 3469. Оп. 1. Д. 10116. Л. 32.

³ Там же. Л. 33.

не происходит, за исключением единичных случаев. Как правило, молодежь по окончании 7 классов уезжает учиться в райцентры и другие города, а по окончании учебы переходит на производство или устраивается на работу в учреждения или организации. Молодежь, не сдавшая экзамены, также в большинстве случаев уезжает в другие города и поступает учениками на производство или в няни к частным лицам. Часть молодежи выбывает из колхоза по оргнабору в ремесленные училища, по окончании которых их направляют работать в промышленные предприятия и строительные организации. Имеют место отдельные случаи, когда по окончании 7 классов подростки, не сдавшие экзамены в учебные заведения, родителями отправляются к родственникам в другие города, чтобы по исполнению 16 лет они могли бы там *выправить паспорт* (курсив наш. — О.Г.) и поступить работать на производство. Уход из колхоза, как правило, происходит без разрешения правления колхоза, так как в последнее время правления колхозов задерживают выдачу справок на получение паспорта. Поэтому уезжающие колхозники сначала устраиваются работать на временные работы, где выправляют паспорта и остаются на постоянной работе». И далее: «Достигшие 16 лет подростки не считают себя членами колхоза и обязанными работать в колхозе, они или уезжают из колхоза, или, если и остаются, то принимают очень пассивное участие в работе колхоза. В ряде случаев окончившие школу подростки живут дома, нигде не работают. Родители таких детей также считают, что их дети пусть лучше сидят дома, чем будут работать за низкооплачиваемые трудодни»¹. В этом фрагменте обращает на себя внимание наличие тщательно культивируемой ориентации молодежи на жизнь и работу вне колхоза. При этом явочным порядком массово нарушалась прежняя установка, относившая нас к категориям крепостного права, когда рожденный в колхозе считался колхозником.

О том, насколько часто служба в армии использовалась для «открепления» от колхоза, говорят следующие цифры (Московская область, 1954 год): на девять человек, призванных в армию, после службы в село возвращался только один². В то же время выбытие с целью продолжения учебы также было массовым. Вслед за возрастной категорией 14—30-летних следующей по интенсивности выбытия была группа подростков 12—14 лет³.

¹ ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 30. Д. 4000. Л. 116—122.

² Там же. Д. 5638. Л. 84.

³ Там же. Д. 7527. Л. 42.

Некоторый рост доли трудоспособных на селе, особенно среди колхозников, был зарегистрирован в середине 1950-х годов, что можно объяснить кратковременным действием мер аграрной политики (табл. 8).

Т а б л и ц а 8

Увеличение доли сельского населения в трудоспособном возрасте, на 1 января соответствующего года по Ивановской области, %¹

Год	Все трудоспособное население	Колхозники	Работавшие в государственных и кооперативных организациях
1956	54,5	53,6	23,8
1957	55,4	54,6	22,6
1958	55,7	55,2	22,7

По отдельным областям увеличение доли трудоспособных фиксировалось и в последующие годы, особенно трудоспособных мужчин (табл. 9).

Т а б л и ц а 9

Изменение удельного веса сельского мужского населения в трудоспособном возрасте, Калужская область, % к общему числу мужчин²

1945	25,5
1951	45,1
1955	50,4
1960	51,8

Особого оптимизма такая тенденция не внушала, поскольку, во-первых, она скоро себя исчерпала, а во-вторых, достигалась не только в результате стабилизации трудоспособного населения на селе, но и вследствие интенсивного сокращения доли подростков. Это подтверждалось в том числе увеличением количества сельских жителей в старших возрастах, особенно женщин. В той же

¹ ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 30. Д. 11984. Л. 80.

² Там же. Оп. 31. Д. 4881. Л. 108.

Калужской области в 1945 году было 18,6% мужчин и 46,0% женщин в возрасте старше 60 лет. К 1960 году доля мужчин увеличилась до 20,2%, а женщин — до 54,5%¹. В дальнейшем ничего неожиданного в статистике выбытий мы уже не замечаем. Скажем, в 1961 году в возрастной группе 17–29 лет в село прибыло 6 700 чел., а выбыло 11 381 чел., т.е. практически вдвое больше². Любопытно, что в более отдаленной от Москвы аграрной Орловской области миграция трудоспособного населения отличалась своеобразием. Даже в середине 60-х годов количество прибывших в село в возрастных группах от 20 до 50 лет превышало число выбывших (табл. 10).

Т а б л и ц а 10

Распределение мигрантов по возрасту, село Орловской области, 1965 г., чел.³

Возрастная группа	Прибыло	Выбыло
До 16 лет	7,8	6,2
16–17 лет	7,4	19,1
18–19 лет	12,6	14,8
20–24 года	16,5	13,4
25–30 лет	24,7	17,2
30–40 лет	17,8	12,2
41–50 лет	5,6	4,8
51 год и старше	7,6	12,3

Отток населения из села происходил в основном за счет группы 16–17-летних, уезжавших на учебу, а также женщин в старших возрастах. Для объяснения ситуации в области уместно вспомнить ранее приводившуюся мысль о более поздних качественных изменениях в составе сельского населения в аграрных областях юго-запада в сравнении с остальной территорией Центрального Нечерноземья. К тому же сведения, характеризующие динамику изменения возрастной структуры сельского населения Орловской области в течение более длительного временного промежутка позволяют сделать вывод

¹ ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 31. Д. 4881. Л. 108.

² Там же. Оп. 32. Д. 3080. Л. 42.

³ Там же. Оп. 35. Д. 7665. Л. 32.

о кратковременном действии упомянутой выше тенденции. Общая численность трудоспособных за 1961–1967 сократилась на 69,8 тыс. чел. (табл. 11).

Т а б л и ц а 11

Динамика изменения численности трудоспособных в сельском населении Орловской области, тыс. чел.¹

Категория населения	1961	1967
Всего трудоспособных	332,9	283,7
в том числе колхозников	208,2	159,8

К 1967 году 32,7% колхозников составляли дети до 15 лет, а 21,9% — лица старше трудоспособного возраста. Кроме того, около 17 тыс. колхозников (примерно 4%) работали в государственных и кооперативных организациях, а еще около 3% были инвалидами. Таким образом, в 332 колхозах области могло работать лишь около 132 тыс. чел., или 22% всего сельского населения².

Изменение соотношения возрастных групп на селе происходило не только в результате миграции, но и вследствие общей тенденции старения населения страны. Как отмечает О. М. Вербицкая, по стране в целом в 1939–1959 годах на 10% сократилась численность детей и молодежи (с 49 до 39%), соответственно увеличилась доля населения в старших возрастах³.

Исследование миграции в города, проведенное в Калининской области в 1962 году, зафиксировало различия между возрастными группами в городе и селе (табл. 12).⁴

Различия в возрастной структуре населения области наиболее сильно проявлялись в то время в группе пенсионного и предпенсионного возраста — в селе проживало на 64,9% больше людей в возрасте старше 50 лет. Что же касается населения в трудоспособном возрасте, то разница была не слишком заметной. В то же время отмечалось, что в городе число родившихся на 1000 человек было больше, чем в селе. Таким образом, последствия преимущественного

¹ ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 36. Д. 7517. Л. 56.

² Там же.

³ Вербицкая О. М. Демографические проблемы советской деревни. 1945–1959. Доклад на заседании ученого совета ИРИ РАН 15.03.2001.

⁴ ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 32. Д. 3092. Л. 36.

Т а б л и ц а 1 2

Соотношение возрастных групп на селе, на 1000 чел. населения данного возраста. Калининская область. 1962 г.

Возрастная группа	Население	
	городское	сельское
До 14 лет	280	268
15—19 лет	35	33
20—29 лет	113	103
30—39 лет	153	139
40—49 лет	109	107
50—54 года	67	73
55—59 лет	63	70
60 лет и старше	180	207

оттока трудоспособного населения в наибольшей степени проявлялись тогда именно во влиянии на рождаемость. Как видим, пониженная рождаемость в селе по сравнению с городом стала отмечаться с 1955 года (табл. 13).

Т а б л и ц а 1 3

Число родившихся на 1000 чел. по Калининской области, чел.¹

	1950	1955	1960	1961
Всего по области	22	20	17	17
Город	22	21	18	18
Село	22	19	17	15

Следует отметить, что сельское население Калининской области было самым старым по Центральному району, намного превышая по этому параметру среднероссийские показатели (табл. 14).

¹ ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 32. Д. 3092. Л. 36.

**Доля сельского населения в возрасте старше трудоспособного, %¹.
1966 г.**

РСФСР	17
Калининская область	26
Смоленская область	23
Ярославская область	23

В первой половине 60-х годов произошла окончательная переориентация сознания молодых людей на городские ценности. Об этом косвенно свидетельствуют данные по городским выпускникам школ, трудоустроенным в сельское хозяйство. Если в 1961 году в колхозы, совхозы и РТС Владимирской области устроились 2,8% окончивших школу и 4,9% всех трудоустроенных выпускников, то в 1964 году — соответственно только 0,6 и 1,2%. Если брать всех выпускников, городских и сельских школ, то в 1966 году в той же Владимирской области в село направилось (или осталось в нем) около 20%, причем непосредственно к работе в колхозах и совхозах из 11,4 тыс. чел. приступили только 550 чел., остальные поступили в различные сельскохозяйственные учебные заведения².

Из всех возрастных групп сельского населения во второй половине 60-х годов миграционный прирост отмечался только в самой младшей, до 3-х лет. Об этом свидетельствуют данные по Московской области (табл. 15).

**Механический прирост сельского населения Московской области,
по возрастным группам, чел.³. 1967 г.**

0—3 года	+469
4—6 лет	—162
7—15 лет	—129
Трудоспособные	—5101
Пенсионеры	+9
Всего	—4914

¹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 45. Д. 5850. Л. 7.

² Денисова Л. Н. Указ. соч. С. 37.

³ ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 36. Д. 7415. Л. 6.

Проследим динамику изменения удельного веса возрастных групп в сельском населении областей Центрального Нечерноземья с 1939 по 1970 год (рис. 12)¹. Наибольшее количество детей в возрасте до 14 лет в течение всего периода отмечалось в аграрных областях запада и юга ЦЭР — Брянской, Орловской и Калужской — в соответствии с отмеченной выше относительно высокой рождаемостью на этих территориях. Попутно заметим, что в 1939 году та же особенность отмечалась и в остальных областях юга — Рязанской и Тульской, но в послевоенный период уже не прослеживалась. Сокращение доли детей с 1959 по 1970 год в Рязанской и Тульской областях продолжалось довольно интенсивно, что объясняется выраженной миграционной ориентацией местного населения. Напротив, наиболее медленно число детей уменьшалось в Брянской и Орловской областях, где интенсивная урбанизация началась позже. С 1959 по 1970 год очень значительно уменьшилось количество детей в сельском населении Московской области (в отличие от предшествующего периода). Это объясняется ростом количества пришлого населения (как правило, малолетнего либо бездетного) в период интенсивной миграции 60-х годов.

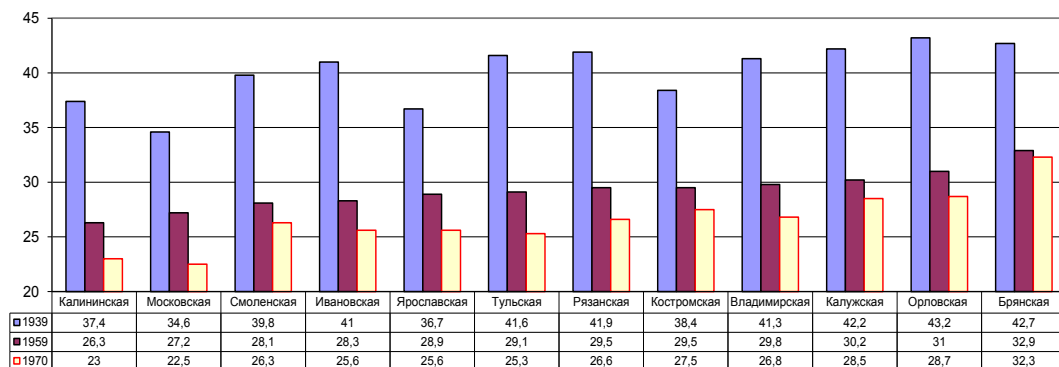

Рис. 12. Изменение доли возрастной группы 0—14 лет в сельском населении ЦЭР, %. 1939—1970 гг.

При анализе изменения доли наиболее активного населения — 15—29 лет (рис. 13) — обращает на себя внимание особое положение Смоленской области. Только здесь в 1959 году удельный вес активной группы существенно снизился по сравнению с 1939 годом (то же

¹ Сост. по: Возрастной состав населения РСФСР (по данным переписи 1970 г.). С. 144, 147, 150, 153, 156, 159, 163, 166, 169, 172, 175, 178.

произошло и в Калининской области, но в меньших масштабах). Как представляется, в западных областях таким образом проявлялось действие фактора военного ущерба. Наибольший рост числа молодежи отмечался в селе Подмосковья, что вполне естественно. В 1970 году по сравнению с 1959 годом особенно интенсивно доля сельской молодежи сокращалась в западных и южных областях на фоне более спокойной ситуации на северо-востоке, уже прошедшем фазу наибольшего оттока.

Различия наблюдались и на внутриобластном уровне. В 1965 году в сельской местности Калужской области проживало 118 тыс. женщин в возрасте от 15 до 49 лет, или 38% от их общей численности (в 1960 году — соответственно 152 тыс. чел. и 45%). При этом наибольший их процент (61%) отмечался в пригородном Калужском районе, наименьший (35–36%) — в отдаленных Мещовском, Мосальском и некоторых других¹.

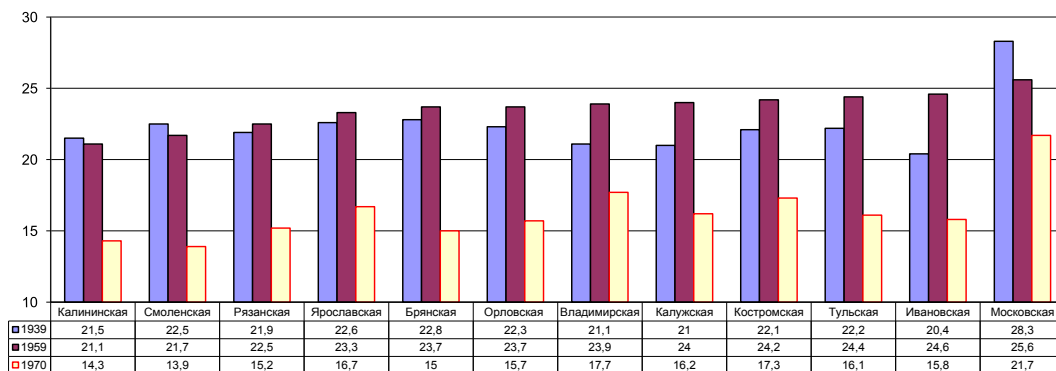

Рис. 13. Изменение доли возрастной группы 15–29 лет в сельском населении ЦЭР, %. 1939–1970 гг.

Доля старого населения с 1939 по 1959 год наиболее сильно росла в Калининской, Смоленской и Костромской областях (рис. 14). В следующий межпереписной период самые существенные изменения происходили в сельском населении Владимирской области, а также Рязанской и Тульской областей. В северной части ЦЭР старение также продолжалось, но темпы его были несколько меньшими. Самые низкие темпы старения сельского населения отмечены в Брянской, Орловской, Калужской и Московской областях; в последней — за счет постоянного притока молодого населения.

¹ ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 35. Д. 3183. Л. 30.

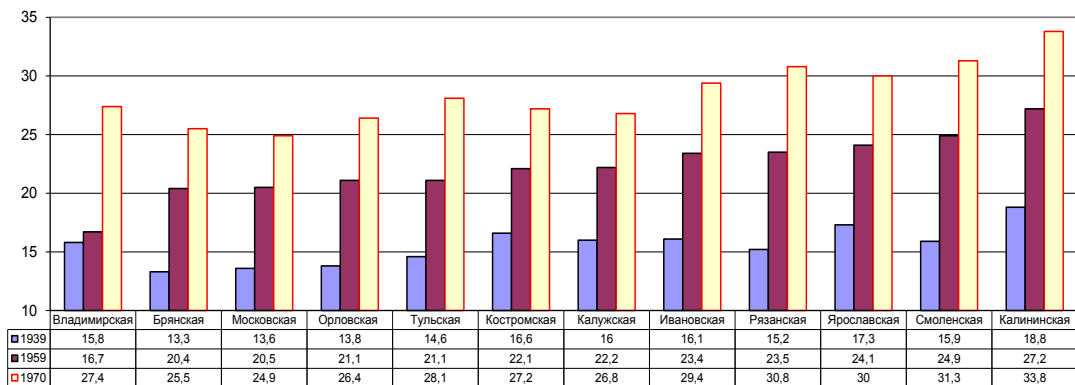

Рис. 14. Изменение доли возрастной группы 50 лет и старше в сельском населении ЦЭР, %. 1939–1970 гг.

К 1970 году возрастной состав сельского населения ЦЭР выглядел следующим образом (рис. 15)¹. Ближе всех к среднерегionalному уровню находилась возрастная структура сельского населения Костромской области. Брянская область по-прежнему имела самое молодое население, несколько превысив по этому показателю даже средние данные по РСФСР.

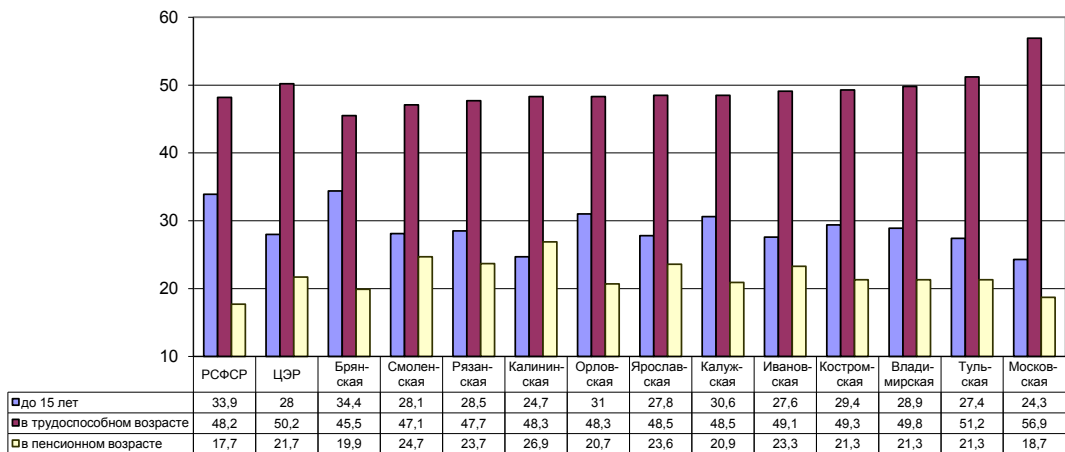

Рис. 15. Удельный вес возрастных групп в общей численности сельского населения, %. 1970 г.

¹ Сост. по: Там же. Л. 79.

К слову, только в двух областях Центра — Брянской и Калужской — отмечались процессы, связанные с превышением удельного веса детей в ранних возрастах¹. Будучи в целом явлением положительным, оно включает в себе и некоторые осложнения, связанные с необходимостью материального обеспечения несовершеннолетних со стороны семьи. В условиях низких заработков это приводит к негативным социальным результатам: большому числу малообеспеченных семей, ограниченным материальным возможностями, с трудом позволяющим дать детям полноценное пропитание, достаточное образование и т.п. В том же ряду и проблема детских дошкольных учреждений, которая, как мы видели, стояла очень остро.

Сразу же вслед за Брянской по удельному весу детей располагались соседние Орловская и Калужская области. Самым старым к 1970 году было население Калининской области — единственной в то время, где пенсионеров было больше, чем детей. Меньше всего пенсионеров (и немногим больше детей) оказалось в Московской области, зато там доля трудоспособных была наивысшей. Отчетливо видно, что сельское население Брянской области вступало в депрессивную фазу — доля трудоспособных в ней была наименьшей по региону. Правда, в идущей следом за ней Смоленской существенно большим было количество пенсионеров, а потому положение Брянской области выглядело все же более предпочтительным.

С большой долей уверенности можно утверждать, что преобладание детей в ранних возрастах стимулировало сельскую миграцию. К 1970 году стали заметны признаки выравнивания показателей по ряду областей. Изначальные региональные особенности все меньше влияли на возрастные характеристики населения. А к середине 1980-х годов деревня почти перешла к городскому типу воспроизводства населения.

Сохранялась тенденция сильных возрастных диспропорций между потоками село — город и город — село. По данным исследования 1967 года, средний возраст прибывших в село ЦЭР был существенно выше, чем возраст выбывших. Для первых он составил 25,3 года, для вторых — 20,7 года². Необходимо учитывать при этом, что среди выбывших было большое количество детей (как правило, временно приехавших к бабушкам или дедушкам, пока родители, сами в прошлом выходцы из села, не улучшат свои жизненные условия).

---

¹ См.: Нечерноземье: демографические процессы. С. 15.

² Кутафьева Э. С., Москалева Н. И. и др. Указ. соч. С. 24.

Сдача молока на
пастбище. Колхоз
«Красный овощник»
Лев-Толстовского
района Калужской
области.
ГАДНИКО.
Ф. П-7607. Оп. 4.
Д. 48. № 48

Несмотря на высокую степень готовности к переезду, молодежь отличалась меньшей адаптивностью. Данные по сельским мигрантам Брянской области за 1968 год показывают, что обратный поток молодых людей в возрасте от 16 до 21 года из города в село составлял примерно половину первичного их оттока в город. В то же время общий обратный поток в село был в три с лишним раза меньше миграции в город¹. Пониженная возможность адаптации для молодежи вовсе не означала, что мигранты-неудачники со временем не предпримут нового переезда. Так зачастую и происходило.

Наибольший урон от миграции молодежи в межпереписной период (с 1959 по 1970 год) понесло сельское население трех областей Центра — Ивановской, Калининской и Смоленской, в которых к 1970 году осталось не более 37% молодых людей по сравнению с данными предыдущей переписи. Правда, приводящий эти сведения автор не склонен всю убыль населения относить исключительно за счет миграции. Отмечалось, что в 1970 году страна переживала низкую волну рождаемости, когда молодежи мало было в принципе².

¹ ГАБО. Ф. 2419. Оп. 1. Д. 3524. Л. 16.

² Данилов В. П. Социальная структура советской деревни. С. 276.

Как и в 60-е годы, самым старым в ЦЭР было сельское население Калининской области, но теперь к ней добавилась еще и Смоленская. Вот характерное письмо из колхоза «Смена» Калининской области (1969 год): «В колхозе нет молодежи. У нас только 1 комсомолец-колхозник: шофер. После окончания школы юноши и девушки под самыми разными предлогами и зачастую по настоянию родителей уходят в город, на любую работу, но лишь бы быть в городе. И уходят по инерции, по привычке. У родителей в обиходе один довод: почему мой сын или дочь должны жить в селе, а не в городе? Виновата тут и школа, которая не прививает любовь к труду земледельца... Надо решать серьезно и как можно быстрее. Рабочих рук все меньше. В деревнях Полянская и Нелидово 44 хозяйства, а трудоспособных — всего 8 человек»¹.

Существенно расширился список областей, где остро ощущались проблемы с рабочей силой, причем впервые в нем оказались области юго-запада. По всей видимости, относительно терпимой ситуация с сельскими кадрами оставалась лишь во Владимирской, Калужской, Московской и Тульской областях².

Специфика возрастной структуры сельских работников состояла в том, что, во-первых, молодежь стремилась занимать должности по специальностям, связанным с техникой (в ряде районов страны среди молодежи от 18 до 25 лет механизаторы составляли более 33%, а вместе с теми, кто обслуживает машины — свыше 37%³). Во-вторых, в 1970 году молодых работников (в возрасте от 20 до 39 лет) в сельском хозяйстве было на 15,2% меньше, чем во всем народном хозяйстве, и на 8,7% меньше, чем в промышленности. В то же время работники в возрасте старше 50 лет в сельском хозяйстве составляли 16,6%, а во всем народном хозяйстве — 13,1%⁴.

В 70—80-е годы сохранялись три основных потока по направлению село — город: 1) 15—16-летние подростки после школы ехали в ПТУ; 2) 17—18-летние школьники ехали для поступления в вузы и на работу; 3) в город ехали отслужившие в армии⁵. В то же время не может не обращать на себя внимание снижение интенсивности

¹ РГАСПИ. Ф. 591. Оп. 1. Д. 110. Л. 22.

² Производительные силы Нечерноземной зоны РСФСР. С. 225.

³ Советская деревня на современном этапе. С. 64.

⁴ Соскиев А. Б. Указ. соч. С. 347.

⁵ Москвитина Р. А. Социокультурные процессы российского села (70-е — 90-е гг. XX в.). Дис. ... докт. ист. наук. Саратов, 1998. С. 84.

Глава 6
ОСОБЕННОСТИ
ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО
РАЗВИТИЯ
ЗАПАДНОРУССКОЙ
ДЕРЕВНИ
В ПОСЛЕВОЕННЫЕ
ДЕСЯТИЛИТИЯ

Работницы сви-
нофермы Гапутина
и Кузова за осмот-
ром молодняка.
Совхоз «Жерелево»
Куйбышевского
района Калужской
области.

ГАДНИКО.
Ф. П-7607. Оп. 4.
Д. 48. № 50

оттока молодежи. Выше говорилось, что в 1966 году работать в селе Владимирской области оставалось около 20% выпускников средних школ. Так вот, в 1974 году на работу в колхозы и совхозы в области устраивалось уже 29% молодежи (и 52% всех сельских выпускников). В сводных данных по ЦЭР фигурирует гораздо меньшая цифра оставшихся работать в сельском хозяйстве — 10–12%¹. Даже с учетом индустриальной насыщенности Владимирской области различие кажется слишком большим. Остается предположить, что сводные цифры, в отличие от сведений по Владимирской области, не учитывают поступивших на учебу в сельскохозяйственные учебные заведения. Такой подход представляется верным, поскольку «фактически сельские профтехучилища, призванные готовить кадры для села, готовили молодых специалистов массовых профессий для города». По СССР 120–150 тыс. выпускников СПТУ ежегодно шли в города в том числе и из-за преимущественно городского расположения этих училищ².

Тем не менее снижение интенсивности оттока молодежи действительно имело место. В связи с этим обращалось внимание на следующее обстоятельство: при анализе результатов Всесоюзной

¹ Никитаева Е. Б. Указ. соч. С. 449.

² Денисова Л. Н. Указ. соч. С. 38–39.

переписи населения 1979 года было замечено, что чем старше население, тем больше в нем мигрантов, т.е. пик интенсивности переездов приходился на середину 60-х годов, а впоследствии количество миграций сокращалось¹.

Причинами миграционного оттока молодежи в 1970-е годы в равной степени выступали и отсутствие ориентации на работу в сельском хозяйстве, и нежелание местных руководителей создавать условия для молодых специалистов (впрочем, эти факторы были взаимосвязаны). Сельские профессии выглядели непрестижно. Газета «Известия» в 1970 году приводила мнение десятиклассника одной из школ Смоленской области: «не хочу, чтобы были скотники, доярки, пастухи, хочу, чтобы были техники, операторы доильных установок, или еще что-нибудь»². В письмах этого периода зафиксированы многочисленные жалобы молодежи. Стипендиатка совхоза «Струнинский» Владимирской области не получила работы в своем колхозе, с ней обошлись грубо. «Больше я сюда ни за что не поеду» (1970 год)³. Агронома (молодого специалиста) выгнал с работы председатель колхоза «Красный путиловец» Стародубского района Брянской области (1970 год)⁴. Сократили молодого специалиста в совхозе «Красный Октябрь» Рязанской области (1970 год). «На отделении остался один специалист — механик, агронома нет». Руководители совхоза не имели дипломов⁵. Агроном-выпускник в Вязниковском районе Владимирской области в том же году не получил работы, работал на ткацкой фабрике, изучал «агротехнику ткацких станков»⁶. Новому зоотехнику в колхозе «Перелом» Калининского района Калининской области снизили зарплату до 80 руб., при том, что председатель получал 200, а бригадир — 140 руб. У специалиста не было жилья (1971 год)⁷. Выпускников СПТУ использовали не по специальности: «Вместо тракторов нам дали вилы и лопаты». Такие случаи в одном только 1976 году были отмечены в Брянской, Владимирской, Ивановской, Калужской, Орловской областях⁸.

¹ Зайончковская Ж. А. Демографическая ситуация и расселение. С. 64.

² Советская деревня на современном этапе. С. 65.

³ РГАСПИ. Ф. 591. Оп. 1. Д. 92. Л. 22.

⁴ Там же. Л. 24.

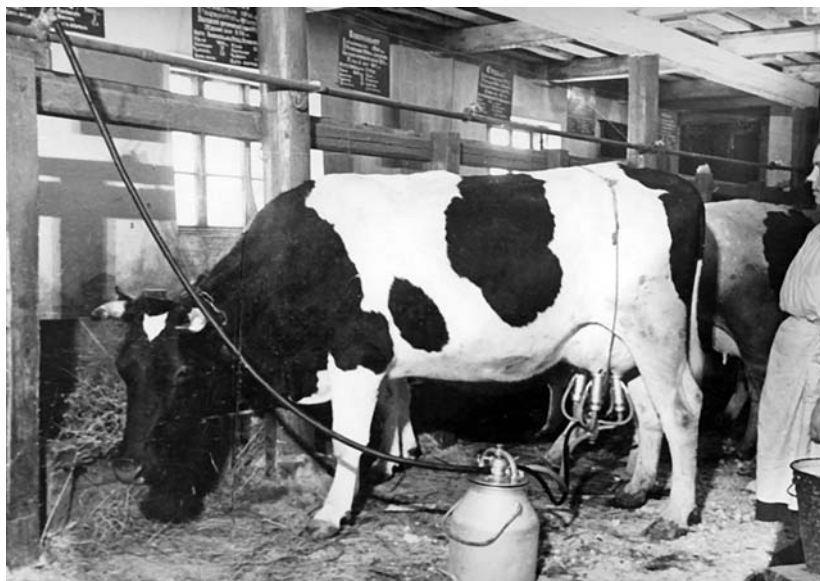
⁵ Там же. Л. 31–32.

⁶ Там же. Л. 36–37.

⁷ Там же. Д. 100. Л. 4.

⁸ Там же. Д. 204. Л. 97–100.

Глава 6
ОСОБЕННОСТИ
ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО
РАЗВИТИЯ
ЗАПАДНОРУССКОЙ
ДЕРЕВНИ
В ПОСЛЕВОЕННЫЕ
ДЕСЯТИЛИТИЯ

Механическая
дойка. Совхоз
«Игнатьевский»
Малоярославецкого
района Калужской
области.
ГАДНИКО.
Ф. П-7607. Оп. 4.
Д. 48. № 51

Приведенные факты исчерпывающе объясняют повышенную текучесть рабочих кадров на селе. По данным Л. Н. Денисовой, за 1981–1985 годы в сельское хозяйство пришли работать 640 тыс. молодых людей, через несколько лет из них не осталось и половины¹.

В межпереписной период (с 1959 по 1979 год) зафиксировано сильное изменение половозрастной структуры сельского населения ЦЭР. Доля возрастной группы 20–54 года сократилась с 49 до 29%; напротив, удельный вес старшей возрастной группы (старше 55 лет) вырос с 16% в 1959 году до 34% в 1979 году. По отдельным областям наиболее неблагоприятной к концу 70-х годов выглядела ситуация в Ивановской, Калининской, Рязанской, Смоленской и Ярославской областях, где более половины сельского населения составляли нетрудоспособные (в этом списке, в свою очередь, особо выделялись Рязанская и Смоленская области). Характерно, что в начале 80-х годов серьезно ухудшилось положение прежде довольно благополучной Брянской области, около трети сельского населения которой составляли пенсионеры².

¹ Денисова Л. Н. Указ. соч. С. 38.

² Никитаева Е. Б. Указ. соч. С. 445.

Однако, по некоторым причинам нам кажется неприемлемым чрезмерное упрощение влияния миграции молодежи на сельскую поселенческую среду. Тверские исследователи попытались выявить возрастной градиент в размещении сельского населения. В силу иерархичного характера миграции (закономерны переезды из малых населенных пунктов в большие по размеру) следовало ожидать концентрации населения в трудоспособном возрасте в местных центрах, но этого не происходило. Как выяснилось, сравнительно большой концентрацией в кустовых центрах и их ближайшей округе отличалось только размещение детей и подростков. Трудоспособные возраста были размещены почти так же, как и все население, а пенсионеры, что вполне естественно, преобладали на периферии¹. По данным более раннего исследования, проведенного в середине 1980-х годов, наиболее распространенным типом динамики в обследованных районах Калининской области было сокращение удельного веса детей, повышение доли трудоспособных и доли стариков².

«Аномалия», связанная с сохранением высокой доли трудоспособных в сельской местности несмотря на продолжение миграционного оттока, подтверждается другими исследователями. В частности, отмечалось, что «доля молодежи в возрасте 16—29 лет, а также доля трудоспособных непосредственно не коррелирует с показателями интенсивности миграции (выделено нами. — О.Г.)»³. В свете этого замечания отмеченная нами ранее кратковременная тенденция преобладания притока сельского населения в трудоспособном возрасте над его оттоком в 1965 году в Орловской области (табл. 43) может иметь и другое объяснение.

Полученный вывод заставляет иначе оценить и причины, и перспективы молодежной миграции. При несомненном большом влиянии мер аграрной политики на этот процесс его невозможно сводить лишь к последствиям этой политики. В 60—80-е годы село Российского Нечерноземья переживало переходный период, связанный с трансформацией аграрного расселения

---

¹ Алексеев А. И., Ткаченко А. А. Из истории территориальной организации сельской местности Нечерноземья. С. 9.

² Щукина А. С. Демографическая ситуация в пригородных сельских районах Калининской области // Вопросы социально-экономической географии Верхневолжья. Калинин, 1987. С. 20.

³ Урбанизация и демографические процессы. М., 1982. С. 152.

Глава 6
ОСОБЕННОСТИ
ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО
РАЗВИТИЯ
ЗАПАДНОРУССКОЙ
ДЕРЕВНИ
В ПОСЛЕВОЕННЫЕ
ДЕСЯТИЛИТИЯ

На свиноферме.
Колхоз
им. Тимирязева
Высокинского
района Калужской
области.
ГАДНИКО.
Ф. П-7607. Оп. 4.
Д. 48. № 52

в урбанизированное. Возрастные диспропорции, возникавшие в структуре сельского населения, были естественны вследствие повышенной мобильности, органичной для молодежи. С завершением формирования нового качества городской среды и прекращением роста городов становится возможной нормализация сельской возрастной структуры (симптомы этого наблюдаются уже сейчас). Предсказывалось, что перекосы в возрастной структуре будут выравниваться примерно к 2010 году, по мере того как в пожилой возраст станут переходить поколения, активно участвующие в миграциях. Для переходного же периода характерна большая возрастная амплитуда интенсивности оттока и, соответственно, влияние сельской миграции на демографические процессы в селе и в городе очень значительно¹. В то же время, по нашему мнению, «естественная повышенная мобильность» молодежи проявлялась тем сильнее, чем глубже та или иная территория была вовлечена в процесс формирования урбанизированной среды, поэтому существование межобластных различий в интенсивности миграции тех или иных возрастных групп было вполне естественным.

¹ Зайончковская Ж. А. Указ. соч. С. 63, 68–69.

Особенности распределения мигрантов по полу

Благополучие демографической ситуации во многом зависит от соотношения женщин и мужчин в конкретном регионе. Как отмечалось ранее, в Центральном районе России это соотношение долгое время определялось последствиями войны. Данные по Московской области дают представление об изменении соотношения представительства возрастных групп в сельском мужском и женском населении до войны и сразу после нее (табл. 16).

Т а б л и ц а 16

Половой состав сельского населения Московской области по возрастным группам, общей численности сельского населения¹

Возрастная группа	Мужчины			Женщины		
	1939	1945	1949	1939	1945	1949
0—13 лет	16,4	16,8	14,0	16,2	16,7	14,0
14—54 года	27,4	13,9	23,0	29,8	38,8	36,7
Старше 55 лет	3,4	4,1	3,8	6,8	9,7	8,5

Как видим, равное соотношение полов в течение всего десятилетия 1939—1949 годов наблюдалось лишь в младших возрастах. Наибольшие диспропорции в возрастной группе 14—54 года отмечены в 1945 году, т. е. до начала демобилизации (В. Ф. Зима отмечает, что после частичной демобилизации 1945 года в ЦЭР один трудоспособный мужчина приходился на 2—3 двора²). После завершения демобилизации, в 1949 году мужское население в трудоспособном возрасте примерно на треть уступало по численности женскому. Наконец, в старшей возрастной группе еще до войны женщин было примерно вдвое больше, чем мужчин. В последующие годы разрыв еще более увеличился.

Еще в довоенные годы обычной тенденцией для села Центра был недостаток мужчин в районах традиционного отходничества. После войны баланс стал определяться степенью неустроенности территории и масштабами разрушений. Складывалось противоречие между тяжелым характером сельского труда и количеством мужских рабочих

¹ ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 11. Д. 657. Л. 226.

² Зима В. Ф. Указ. соч. С. 159.

рук, наиболее для него приспособленных. Тем самым формировалась основа для будущей интенсивной женской миграции в города из села Центра. По данным 1950 года, если по СССР минимума трудодней не вырабатывали 17,4% колхозниц, то, например, в Орловской области—26,6%, а в Рязанской—27,1%. Причиной такого положения было привлечение женщин преимущественно на тяжелые физические работы в поле, в животноводстве и т.д., в то время как административные, обслуживающие должности и другие постоянные работы, не связанные с тяжелым физическим трудом были заняты главным образом мужчинами. Поэтому в 1949 году на одного трудоспособного мужчину в среднем приходилось 310 выработанных трудодней, а трудоспособная женщина вырабатывала только 205 трудодней¹.

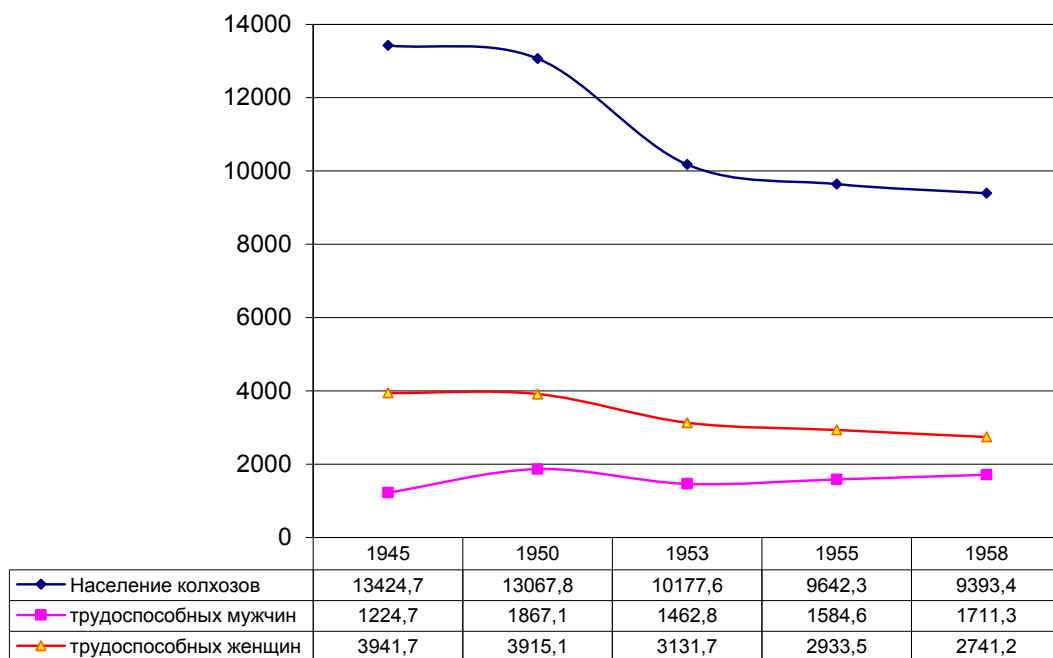

Рис. 16. Изменение численности трудоспособных мужчин и женщин в колхозном населении Нечерноземья, тыс. чел. 1945–1958 гг.

Тяжелые трудовые условия стимулировали повышенную женскую миграцию, вследствие чего послевоенные половые диспропорции

¹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 7. Д. 1057. Л. 179–180.

в сельском трудоспособном населении Центра постепенно ликвидировались. Доля мужского населения постоянно росла. К примеру, если на 1 января 1953 года в селе Ивановской области их было 39%, то на тот же период 1955 года—40,1%, в 1958 году—41,1% и т.п.¹

График на рис. 17² позволяет проследить относительно долговременную тенденцию в изменении половой структуры колхозного населения Нечерноземья. Как видим, на фоне общего сокращения колхозного населения кривые численности мужского и женского трудоспособного населения стабильно сближались.

Один из существенных факторов миграции—количество женщин на 100 мужчин³. Обе послевоенные переписи—и 1959, и 1970 год—продemonстрировали количественный перевес женщин в сельском населении ЦЭР (рис. 17)⁴. При этом среди областей, где в 1959 году отмечались наибольшие диспропорции, четыре из пяти находились на западе района, т.е. в зоне интенсивных военных действий.

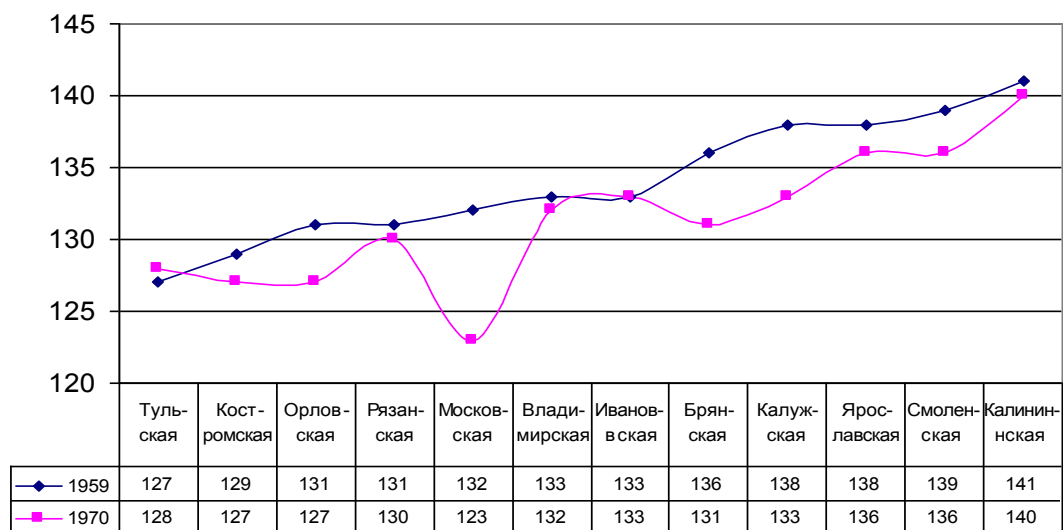

Рис. 17. Динамика изменения числа женщин на 100 мужчин в сельском населении. 1959—1970 гг.

¹ ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 30. Д. 11984. Л. 79.

² Сост. по: РГАЭ. Ф. 7486, Оп. 7. Д. 1018а. Л. 86–87. См. также табл. 7.

³ Урбанизация и демографические процессы. С. 155.

⁴ Сост. по: Возрастной состав населения РСФСР. С. 144, 147, 150, 153, 156, 159, 163, 166, 169, 172, 175, 178.

В межпереписной период продолжала действовать тенденция выравнивания соотношения полов, и количество женщин в селе по отношению к мужскому населению не снижалось лишь в Ивановской области, где привычный сельскохозяйственный труд совмещался с работой на близлежащих, часто небольших, ткацких предприятиях. Усиление диспропорции в Тульской области, напротив, объясняется повышенным индустриальным предложением «мужских» профессий (угледобыча и тяжелая промышленность). При этом занятость в промышленности обычно предполагала переезд в город. Кардинальное изменение доли женского населения к 1970 году произошло в Московской области. Там раньше, чем в других областях проявилось явление, распространившееся позже на остальную территорию Центра и известное как «деревня без невест» (по названию вышедшей в 1987 году статьи¹). Его причины кроются в более интенсивной миграции женщин по сравнению с мужчинами. О масштабах явления позволяют судить следующие данные: если в 1960 году в сельском хозяйстве РСФСР работало 53% женщин, то в 1986 году — только 40%². По выражению А. И. Алексеева, если в 1959 году в селе не хватало женихов, то в 1970-е — начале 1980-х — невест³.

Итак, приходится говорить о том, что в 60-е годы произошли серьезные качественные изменения в половой структуре сельского населения. Продолжавшийся отток женщин, не желавших заниматься тяжелым сельским физическим трудом, обусловил сначала выравнивание половых диспропорций, а затем сформировал противоположную диспропорцию, связанную с количественным преобладанием мужчин. Говоря об истоках явления, заметим, что с разрушением патриархальной сельской семьи постепенно повышалась экономическая самостоятельность ее членов. Этот процесс продолжался в послевоенные десятилетия. Тем самым противоречия между характером мужского и женского труда постепенно обострялись. В этих условиях хрущевское наступление на ЛПХ на рубеже 50—60-х годов оказалось своего рода «последней каплей». Не видя перспективы, мужчины уезжали от тяжелого физического труда, а дети росли одни при живых отцах. Исследования 1986—1987 годов показали, что более 20% современных сельских жителей, которым по 20—30 лет,

¹ Советская Россия. 1987. 2 сент.

² Панкратова М. Г. Сельская женщина в СССР. М., 1990. С. 112.

³ Алексеев А. И. Многоликая деревня. С. 174.

воспитывались только матерью¹. Однако привычная тяжелая роль «хранительницы очага» в отсутствие хозяина дома большинство женщин уже не устраивала, да и сам «очаг», т.е. хозяйство двора, разваливался под натиском мероприятий аграрной политики. Было бы неверно объяснять миграцию женщин только тяжелым трудом. На это обращает внимание Л. В. Милов: «Конечно, женщина работает очень много, но ведь она всегда работала очень много»². Очевидно, что чрезвычайно важной была появившаяся возможность сравнения городских и сельских условий труда.

Заработки женщин не могли быть сопоставимы с оплатой труда представителей сильного пола. Не получив образования, сельская женщина ограничивалась заботами о семье, участием в тяжелом неквалифицированном труде, либо работой в сфере обслуживания. Оставшиеся на селе мужчины всегда оказывались в лучшем положении в сравнении с женщинами. Как правило, они брали на себя механизированные формы труда, ручные оставляя женщинам. Труд с использованием механизмов в сельских условиях не легче ручного, но гораздо лучше оплачивается. Последнее обстоятельство было способно привлекать в деревню мужчин в трудоспособном возрасте (табл. 17).

Т а б л и ц а 17

**Распределение прибывших и выбывших по сельской местности
Орловской области по полу, %. 1963 г.³**

Категория мигрантов	Прибыло	Выбыло
Трудоспособных мужчин	54,4	49,1
Трудоспособных женщин	45,6	50,9

Наиболее значительным в деревне оказывалось количество мужчин в возрасте 15—30 лет. По мере индустриализации сельское хозяйство превращалось в сферу мужского труда⁴. Маскулинизация сельскохозяйственного производства становилась заметной тем более, чем меньшую роль на селе играло традиционно женское хозяйство двора.

¹ Панкратова М. Г. Указ. соч. С. 42.

² Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.). С. 437.

³ ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 32. Д. 11522. Л. 46.

⁴ Казаков А. И. Проблемы трудонедостаточных сельских районов Нечерноземной зоны РСФСР (на примере Смоленской области) // Демографическая ситуация и расселение населения в сельской местности РСФСР. М., 1976. С. 65.

Параллельно продолжала действовать тенденция поиска городского приложения труда. Возможность трудоустройства в городе для обладателя технической специальности выглядела несравненно более привлекательной. Механизированный труд универсален для города и села. Механизаторы и шоферы оказывались в лучшем положении при переезде в город по сравнению с другими категориями сельского населения, так как являлись носителями городской профессии. Постепенное вымывание квалифицированных мужских кадров ставило женщин лицом к лицу с механизмами. Неизбежно возникавшие при этом трудности заставляли администрацию хозяйства сокращать количество используемой техники, а значит, отсутствовал стимул дальнейшей механизации села¹.

В ряде областей Центра выравнивание возрастной структуры происходило довольно медленно. В 1964 году наиболее высокий удельный вес женщин фиксировался в Калининской области (60%); кроме того, он был высок в Ярославской (59,4%), Смоленской (59,1%), значителен в Ивановской и Калужской (58,3%), а также в Костромской (58%) областях. Причины были многообразны, в их числе были как изначально более сильные половые диспропорции в результате войны, так и более привлекательные условия для приложения мужского труда в развитом городском окружении. Однако тенденция феминизации оттока населения из села продолжала действовать, и по состоянию на конец 60-х годов в Центральном Нечерноземье на 100 мужчин-мигрантов приходилось 150 женщин².

Женщины на селе преобладали в животноводстве и льноводстве. Среди животноводов колхозов и совхозов Калининской области в 80-е годы женщины составляли 70%, в льноводческих бригадах — около 80%. Этот труд не был престижным — предпочтительными видами сельской женской занятости считались здравоохранение и дошкольное воспитание³.

О сохранявшейся тяжести женского труда на селе говорят следующие данные. За 10 лет, с 1975 по 1985 год, доля женщин в сельском хозяйстве на неквалифицированных работах снизилась только с 88 до 83%⁴. Затраты времени в личном хозяйстве

¹ См.: Панкратова М. Г. Указ. соч. С. 104.

² Кутафьева Э. С., Трудова М. Г. Миграция и трудовые ресурсы (на примере ЦЭР) // Миграция населения РСФСР. М., 1973. С. 143.

³ Там же. С. 105–106.

⁴ Там же. С. 108.

в неурбанизированных поселениях со слабо- и среднеразвитой экономической структурой у женщин составляли 20–23 часа, в урбанизированных развитых поселениях — 11–12 часов (сведения 1979 года)¹. Смертность трудоспособных мужчин на селе была выше, чем в городе на 11%, женщин — на 17%. У сельских женщин, умерших в рабочем возрасте, на первом месте среди причин были болезни системы кровообращения. Треть сельских женщин в возрасте от 40 до 60 лет имели заболевания, связанные с трудовой деятельностью².

Реальной возможностью для женщин улучшить условия своего труда на селе, а по возможности и перебраться в город, было получение образования. На селе образованная женщина могла работать в границах узкого перечня профессий: врач, учитель, представитель сферы обслуживания и работник управленческих структур. Все эти специальности были востребованы и в городе, что облегчало переезд. К тому же женщины-специалисты (врачи или учителя), очень часто приезжие, не имели своего хозяйства и обзавестись им было не в пример труднее, чем мужчинам. Из-за более высокого образовательного уровня возникали сложности и с замужеством. В итоге не появлялось основы для закрепления женщин-специалистов на селе.

Очевидно, что стремительный рост уровня образованности сельских женщин в 70-е годы был отражением их городской ориентации. По мнению Ю. В. Арутюняна, еще в начале 70-х годов сельская женщина на 2–3 пятилетки отставала от городской по уровню своего образования, но впоследствии городская тенденция более высокого образовательного уровня женщин по сравнению с мужчинами стала проявляться и на селе³.

Изменение характера женской занятости на селе фиксирует М. Г. Панкратова. При том что в 60-е годы чаще всего женщины были заняты в сфере тяжелого неквалифицированного труда (работники животноводства и разнорабочие), в 80-е годы произошло резкое сокращение занятости в этой области. Напротив, самыми востребованными в 80-е гг. (в порядке убывания) оказались должности специалистов высшего, среднего звена и работников сферы обслуживания⁴.

¹ Алексеев А. И. Многоликая деревня. С. 208.

² Денисова Л. Н. Бабыя доля // Менталитет и аграрное развитие России. С. 325–326.

³ Арутюнян Ю. В. Социальная структура сельского населения СССР. М., 1971. С. 15.

⁴ Панкратова М. Г. Сельская женщина в СССР. М., 1990. С. 107.

В течение продолжительного времени существовала некая фигура умолчания относительно действительных мотивов миграции женщин. В условиях административных ограничений у женщин было гораздо меньше возможностей для отъезда, чем у мужчин. В результате вся палитра возможных формулировок в итоге укладывалась в строку «по семейным обстоятельствам»¹. В более поздние годы миграционная активность женщин по-прежнему оставалась в прямой зависимости от их семейного статуса. Легко выделяются следующие категории: 1) мигрантки 16—18 лет, только что окончившие школу и едушие в город на учебу. В миграционном поведении этих девушек не было ничего, отличавшего их от юношей-сверстников. Единственная разница — девушкам не надо было дожидаться призыва в армию и они могли самореализоваться немедленно; 2) женщины 19—29 лет уезжали в надежде выйти замуж; 3) вдовы в разных возрастах, в основном старше 50 лет.

Вообще разрыв с деревенской традицией у мигрантов-женщин происходил проще, чем у мужчин². С возрастом физический труд в сельском хозяйстве воспринимался как все более тяжелый. Более ранняя смертность мужчин лишала женщин поддержки в нелегких условиях сельской жизни и заставляла их перебираться в город, к детям. Замена ЛПХ городским домашним хозяйством была хотя и не адекватной по весомости полученных результатов, но требовала гораздо меньших физических усилий. Т.е. чаще всего для женщин «в возрасте» определяющим был не доход от вложенного труда, а его сравнительная легкость в городе. Вполне естественным поэтому было то, что, например, в 1965 году в города Московской области женщин в возрастах старше трудоспособного прибывало в четыре раза больше, чем мужчин³.

Говоря об интенсивности миграции сельских женщин в разных возрастах, следует заметить, что при большой подвижности 16—19-летних наиболее мобильным был все-таки возраст 20—24 года. Причем помимо оттока в город, в этом возрасте довольно значительным был и поток город — село (распределение молодых специалистов и возвращение с учебы). Следующей по интенсивности миграции была группа женщин-пенсионеров. Если

¹ См.: *Староверов В. И.* Социологическое изучение миграции сельского населения. С. 226.

² *Johnson R. E.* Op. cit., p. 90.

³ ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 35. Д. 7665. Л. 24.

говорить об особенностях женской миграции в сравнении с мужской, то женщины мигрировали однократно, редко чаще, мужчины же могли менять место жительства по нескольку раз¹. Кроме того, количество женских возвратных миграций было относительно небольшим, мужчины возвращались гораздо чаще. Во многом за счет этого обстоятельства достигалась высокая степень участия женщин в миграционных процессах, даже несмотря на трудности адаптации. Считается, что миграция женщин составляла 3/5 от общего значения механического сокращения населения².

Однажды сформировавшись, тенденция более активной женской миграции в сравнении с мужской действовала в течение всего периода 1960–1980-х годов. В 1984 году по стране в целом 62% сельских девушек после школы собирались сменить место жительства, и только 20% из них выбрали сельскохозяйственные профессии. Для сравнения: у юношей этот показатель составлял 48%³.

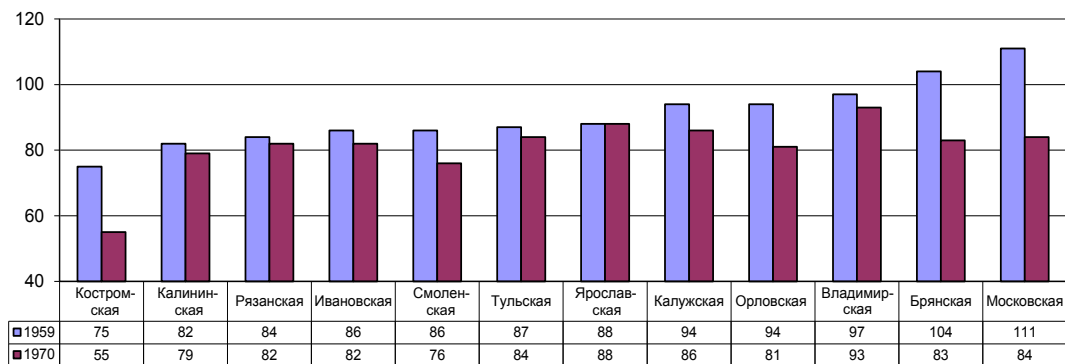

Рис. 18. Динамика изменения численности женщин в селе ЦЭР в возрасте 20–24 лет на 100 мужчин в том же возрасте. 1959–1970 гг.

Снова обратимся к региональным особенностям миграционного оттока. Характер женской миграции в наиболее активном возрасте иллюстрирует рис. 18. В 1959 году самым благоприятным соотношение женщин и мужчин в брачном возрасте было в Московской и Владимирской областях (с более высоким уровнем механизации в сельском хозяйстве), а также в аграрных областях юго-запада

¹ Зайончковская Ж. А. Демографическая ситуация и расселение. С. 67.

² Панкратова М. Г. Указ. соч. С. 105.

³ Вестник статистики. 1984. № 9. С. 65.

(Брянской и Орловской), где общий отток из села был в то время относительно небольшим. В течение следующего десятилетия отток трудоспособных мужчин резко ухудшил условия женского труда в областях со слабомеханизированным сельским хозяйством — Костромской, Орловской, Смоленской и Брянской, и в свою очередь стимулировал интенсивную женскую миграцию (именно в этих областях проблема «деревень без невест» встала особенно остро). С другой стороны, лучшие условия труда (более высокий уровень механизации сельского производства) в Московской области перестали играть сдерживающую роль для оттока женщин из села под воздействием роста уровня женского образования. Это объясняет зафиксированное усиление оттока женщин в активном возрасте в города в 1970 году по сравнению с 1959 годом.

Профессиональные характеристики мигрантов

То, что профессиональная принадлежность жителя села существенно влияла на намерение сменить место жительства, не должно вызывать особых сомнений. Условия для профессиональной самореализации в деревне были несравненно худшими, чем в городе. При том, что в 1970-е годы в РСФСР насчитывалось около 30—40 тыс. профессий, на долю сельского населения приходилось не более 300—400, или около 1%¹. Поэтому степень неудовлетворенности своей профессией у деревенского жителя, особенно в свете расширившихся городских возможностей, могла быть очень большой.

Для выяснения миграционной ориентации представителей любой сельской профессии должно быть обозначено ее место в сложившейся схеме разделения труда. При этом необходимо учитывать следующие основные критерии:

- потребность в представителях данной профессии;
- оплата труда;
- условия труда и степень его механизации;
- специфически сельская, либо универсальная ориентация профессии;
- возможность повышения квалификационного уровня;
- сезонность труда.

Наиболее очевидной кажется зависимость между интенсивностью миграции и уровнем оплаты труда. Применение такого подхода

---

¹ *Сенявский А. С.* Российский город в 1960-е — 1980-е гг. С. 235.

представляется вполне оправданным, когда речь идет о средних размерах дохода всех работников хозяйства, или даже района, и способно натолкнуть на определенные обобщения. В то же время выявление зависимости величины миграционного потока от уровня заработной платы представителей одной профессии видится некорректным. Пример тому — миграция механизаторов, очень интенсивная, несмотря на значительную оплату труда. Значение фактора оплаты на узкопрофессиональном уровне в его взаимосвязи с миграцией тем самым не уничтожается, но лишь наталкивает на необходимость комплексного рассмотрения вопроса.

Следует заметить, что отсутствие сопоставимых статистических данных о миграции представителей разных сельских профессий в очередной раз заставляет нас для характеристики оттока в города использовать разнородные источники. Полученные при этом выводы неизбежно будут носить приблизительный характер, хотя общие тенденции выступают вполне определенно.

Характерная для Центрального Нечерноземья мелкоселенность в размещении сельских жителей затрудняла механизацию производства, а значит, повышала роль ручного труда. В литературе отмечалось, что доля неквалифицированного ручного труда изменяется от мелких населенных пунктов к крупным в сторону ее снижения¹. Вместе с тем растут затраты труда на сферу обслуживания, отвлекая значительную часть работников от производства, в основном женщин. Появлявшаяся возможность выбора профессии в какой-то мере стабилизировала население. Та же мелкоселенность осложняла условия жизни сельских специалистов, в первую очередь приезжих. Для них она оборачивалась бытовыми трудностями и иногда влияла на размеры дохода, ограничивая сферу приложения труда.

В течение послевоенных десятилетий постепенно менялись профессиональные приоритеты сельского населения. Ярко выраженное противостояние ручных и механизированных форм труда заметно в конце 40-х — 50-е годы (уже к концу 50-х годов оно смягчается). Проблема внутрисельского выбора профессии стояла тем острее, чем менее выраженной была городская ориентация сельского населения.

Первые послевоенные годы были отмечены значительной нехваткой квалифицированных сельскохозяйственных кадров. По состоянию на 1945 год в наибольшей степени среди областей Центра это ощущалось в Брянской области (недостаток определялся в 50%),

---

¹ См.: Арутюнян Ю. В. Указ. соч. С. 87.

что, возможно, среди прочего было связано с ее статусом нового административного образования. Достаточно тяжелой была ситуация и в Смоленской области. Если по состоянию на 1 апреля 1950 года в зоне ЦЭР один участковый агроном обслуживал 12 хозяйств, то в Смоленской — до 20¹. Серьезной причиной недостатка сельскохозяйственных кадров можно считать и неудовлетворительные местные условия труда и быта. Так, в 1947 году на них жаловались агрономы Красногорского района Брянской области. Причем в ответ на жалобы местный руководитель пообещал их «вымести как сор»². Такое отношение властей, нередкое и в других областях, вполне объясняет повышенную текучесть квалифицированных кадров. К примеру, в 1950 году в Московскую область приехало 582 специалиста с высшим образованием, а уехало — 524, или 90,2%³.

Тогда же был отмечен 140%-й рост числа механизаторов по центральным и северо-западным областям в сравнении с 1946 годом⁴ (под влиянием фактора демобилизации и довольно высокой оплаты в сфере механизированного труда; не будем забывать и о том, что механизированный труд концентрировался в независимых от колхозов МТС с их гарантированной оплатой). Несмотря на приток, потребность в представителях этой профессии оставалась большой. М. А. Вылцан приводит пример: в 1953 году в Шелуховской МТС Рязанской области в 1952—1953 годах было подготовлено 122 тракториста. Но 46 тракторов в 1953 году из-за недостатка трактористов все равно работали в одну смену⁵.

Значительным было и увеличение количества животноводов. Их удельный вес в общей численности занятых на селе по РСФСР повысился с 6,8% в 1947 году до 10,5% в 1950 году⁶. Это явление легче понять, если принять во внимание, что во многих областях Центра в растениеводческих бригадах в те годы работало от 80 до 86% всех колхозников, занятых в общественном производстве⁷.

¹ Советская деревня в первые послевоенные годы. С. 42, 139.

² РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 678. Л. 37.

³ Советская деревня в первые послевоенные годы. С. 140.

⁴ *Вербицкая О. М.* Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. С. 121.

⁵ *Вылцан М. А.* Возникновение и развитие материально-технической базы колхозного строя (1945–1958). М., 1976. С. 157.

⁶ *Вербицкая О. М.* Изменение численности и состава колхозного крестьянства. С. 134.

⁷ Там же.

По мере распространения городской ориентации менялись понятия о престижности сельских профессий. Характерно, что впоследствии специальность механизатора сохранила приоритетную роль, правда ее популярность объяснялась иначе. Более важным становился не уровень оплаты, а универсальный характер этой профессии для города и села. Имело значение также то, что обучение в большинстве случаев проходило в городе, что создавало основу для будущей более легкой адаптации. Опрос, проведенный газетой «Известия» в Починковском районе Смоленской области, установил, что если в 1964 году в сельском хозяйстве не хотели работать 46% выпускников СПТУ, то в 1970 году — 82%¹.

В свете предъявляемых молодежью требований факторы, ранее определявшие привлекательность труда механизатора, теперь представлялись малозначимыми. Обращалось внимание на сезонный характер труда, а также на то, что около 40% рабочего времени расходовалось на работы, не связанные с использованием техники². Тракторист Тараскин из Рязанской области в 1963 году объяснял причины миграции механизаторов низкой оплатой труда и плохими условиями работы³. Немалое значение для снижения престижности механизаторского труда имела реорганизация МТС, вследствие которой представители привилегированной ранее сельской профессии «низводились» на уровень простых колхозников.

Именно поэтому в 60—70-е годы механизаторы стали одной из наиболее миграционно активных групп сельского населения. К началу 70-х годов в ЦЭР они составляли четверть всех выбывших, занятых в общественном производстве, хотя их доля в постоянном населении была менее 10%⁴. За 60-е годы в селе по стране было подготовлено 10 млн механизаторов. Непосредственно по специальности из них осталось работать только 1 млн⁵.

Можно говорить, что по отношению к механизаторам проводилась довольно недальновидная политика административного регулирования

¹ Известия. 1979. № 163. 164.

² См.: Смирнов В. Д. Оценка последствий урбанизации в истории сельского хозяйства и крестьянства Западного района РСФСР // Сельское хозяйство и крестьянство Нечерноземья в период строительства социализма. Смоленск, 1979. С. 51.

³ Денисова Л. Н. Указ. соч. С. 37.

⁴ Кутафьева Э. С., Москалева Н. И. и др. Указ. соч. С. 45.

⁵ Социальные факторы и особенности миграции населения в СССР. М., 1978. С. 123.

На птицеферме.
Совхоз
«Коллективизатор»
Жиздринского
района Калужской
области.
ГАДНИКО.
Ф. П-7607. Оп. 4.
Д. 48. № 54

их численности. Возможно, в качестве образца использовалась система распределения на работу учителей и медиков. Именно благодаря ей этих специалистов всегда приезжало больше, чем выбывало. Однако потребность в комбайнерах, шоферах и трактористах выражалась не в десятках и сотнях, а в тысячах. В сложившейся ситуации обеспечить их работу в сельском хозяйстве можно было лишь с помощью жестких принудительных мер, что в 60-е годы было уже невозможно.

Группа механизаторов с точки зрения миграционного потенциала не выглядела однородной. В ней выделялось несколько категорий — трактористы — машинисты, комбайнеры, шоферы. Прежде самая массовая специальность тракториста-машиниста очевидно теряла свою престижность. При том что в 1968—1970 годы в Калининской области было подготовлено свыше 9,5 тыс. трактористов-машинистов, общее их количество увеличилось только на 200 чел. Если в среднем по колхозам и совхозам Российской Федерации в 1974 году на 100 тракторов приходилось 133 тракториста-машиниста, то в Нечерноземье — только 116. 60—70% колхозов в Калининской и Костромской областях имели менее одного тракториста на трактор¹. В то же время представители других сельских профессий, связанных с техникой, оказывается, имели основания завидовать трактористам. В письме 1970 года из Рязанской области говорилось,

¹ Денисова Л. Н. Указ. соч. С. 36.

что комбайнеры, в отличие от трактористов, не получали доплаты за выслугу лет, так как комбайнеры — «сезонники». «Мы не чистые сезонники — в посевы — на тракторе, осенью — на ферме»¹. «Комбайнеры на 7 месяцев переводятся в птицеводство. Дополнительной оплаты не получают» (Каширский район Московской области, 1971). «Трактористам очень много привилегий. Добавили зарплату, оплачивают за экономию горючего, выслугу лет, технику. Шоферам же никаких льгот не дают. Работаем в тех же условиях, только вместо гусениц имеем колеса» (Александровский район Владимирской области, 1971). Такая же жалоба содержалась в письме из Гордеевского района Брянской области². При ближайшем рассмотрении преимущества трактористов не выглядели столь бесспорными. Они действительно получали надбавки за выслугу лет, но в случае перехода на другую работу льготы терялись³. Кроме того, выслуга лет учитывалась не повсеместно. Вот фрагмент письма механизатора из Погарского района Брянской области (1971): «Не хватает трактористов. При плохих условиях молодежь не задерживается на машинах. Не платят за выслугу лет. Приходится из-за таких условий и старикам, как молодежи, покидать машины»⁴.

В целом относительные преимущества условий труда трактористов в сравнении с работниками других сельских специальностей не выглядели настолько весомыми, чтобы заставить их забыть о городской альтернативе. К 1976 году значительно меньше, чем тракторов, механизаторов было в хозяйствах Калининской, Костромской, Рязанской, Смоленской областей. Примерно в 40% хозяйств простаивала техника, в том числе в 76% хозяйств Калининской области, 74% — Смоленской, 66% — Тульской, 58% — Калужской, 57% — Владимирской областей⁵. Газета «Правда» в 1975 году опубликовала письмо механизатора из Зубцовского района Калининской области, в котором говорилось: «В районе... 730 механизаторов, а тракторов, комбайнов и автомашин уже за 1300. По две машины на человека»⁶. Как видим, с точки зрения автора письма специали-

¹ РГАСПИ. Ф. 591. Оп. 1. Д. 89. Л. 13

² Там же. Д. 97. Л. 50–51, 53.

³ Там же. Л. 29.

⁴ РГАСПИ. Ф. 591. Оп. 1. Д. 97. Л. 65.

⁵ Денисова Л. Н. Указ. соч. С. 36.

⁶ Цит. по: Данилов В. П. Социальная структура советской деревни. С. 278.

зация механизатора (тракторист, комбайнер или шофер) в это время роли уже не играла.

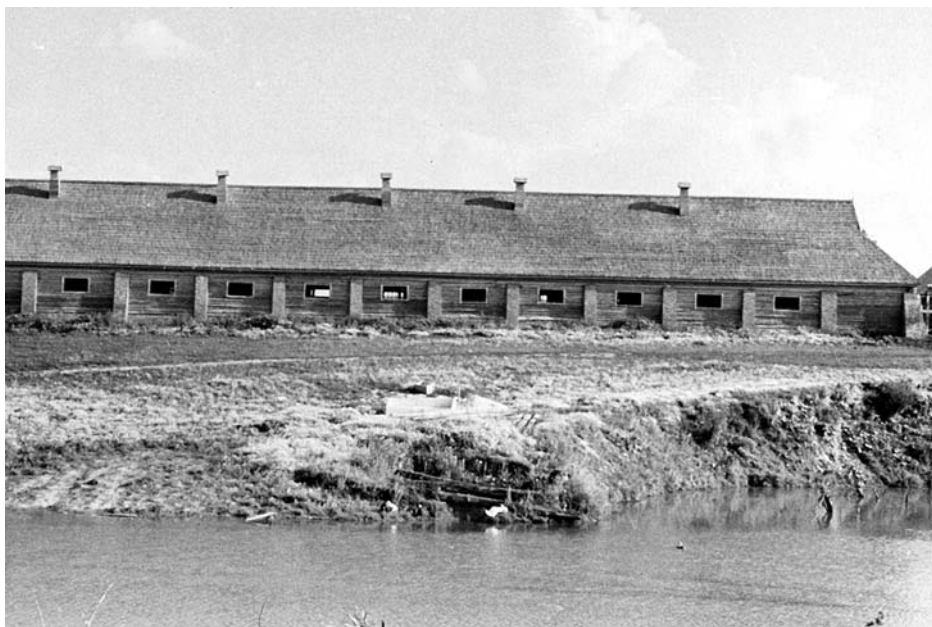
Выбытие механизаторских кадров из села утяжеляла условия труда остающихся. Летом для них обычным делом была работа без выходных по 14–15 часов в сутки. Работавшие в селе жаловались также на то, что техника была старая, а оплата труда повышалась медленно¹.

Любопытно, что в письмах из северо-восточных областей Центрального Нечерноземья, датированных тем же 1975 годом, встречаем упоминания о случаях отказа в приеме трактористов на работу. О том, что трактористы не нужны, писали из хозяйств Ивановской и Владимирской областей². Подобные факты, скорее всего, можно отнести на счет элементарной нераспорядительности местных руководителей, однако они наталкивают на мысль, что на промышленном северо-востоке проблема миграции механизаторов субъективно ощущалась менее остро, чем в аграрных областях запада и юго-запада ЦЭР. Кстати, о том, что трактористы имели проблемы с получением работы, сообщалось и в письме из западной Брянской области (Брянский район, 1970). Правда, в этом случае речь шла о пригородном районе,

Типовой коровник.
Колхоз им. Сталина
Детчинского района
Калужской области.
ГАДНИКО.
Ф. П-7607. Оп. 4.
Д. 48. № 58

¹ Денисова Л. Н. Указ. соч. С. 35.

² Там же. С. 39–40.

где концентрация квалифицированных сельскохозяйственных кадров в то время была очевидно выше, чем в глубинке¹.

В связи с последним замечанием в проблеме миграции механизаторов можно выделить еще один аспект. Вследствие индустриализации сельскохозяйственного производства в 70–80-е годы механизаторы стали восприниматься как носители сельскохозяйственной деятельности (в большей степени, чем занятые ручным трудом или специалисты сельского хозяйства). Исследователи эволюции территориальной организации сельской местности Калининской области обратили внимание, что в отношении механизаторов гораздо слабее проявляется закономерность концентрации на центральных усадьбах хозяйств. Индекс локализации (чем он меньше, тем меньше концентрация) для механизаторов в 1970 году составлял лишь 1,02 при 1,73 для «занятых в сельском хозяйстве» (т.е. занимавшихся ручным трудом) и 2,72 у специалистов. К 1980 году концентрация механизаторов на центральных усадьбах увеличилась, но по-прежнему была существенно менее значительной,

чем у других категорий сельских работников (индексы локализации соответственно 1,12, 1,45 и 1,72). В этом усматривалось проявление урбанизации сельской местности, сопровождавшейся деконцентрацией населения. Попутно обратим внимание, что вслед за механизаторами в 1980 году деконцентрация затронула и остальные группы занятых на селе: по сравнению с 1970 годом индекс локализации для них заметно снизился.

При том что механизаторы мигрировали очень интенсивно, именно на эту специальность в 1970-е годы продолжала ориентироваться сельская молодежь. Отмечалось, что в ряде районов страны среди молодежи от 18 до 25 лет механизаторы составляли более 33%, а вместе с теми, кто обслуживает машины — свыше 37%¹. Это обстоятельство весьма характерно: при всех недостатках механизаторского труда все прочие сельские профессии выглядели еще менее привлекательно.

Категории наиболее активных мигрантов продолжали оставаться специалисты с высшим образованием, также обладавшие городской

Животноводческие
постройки. Колхоз
им. Кирова
Перемышльского
района Калужской
области.
ГАДНИКО.
Ф. П-7607. Оп. 4.
Д. 48. № 59

¹ Советская деревня на современном этапе. С. 64.

специальностью. Это уже упомянутые врачи и учителя, многие из которых, будучи выходцами из города, уезжали туда сразу же по окончании срока работы по распределению.

В документах послевоенного времени, особенно относящихся к концу 40-х годов, довольно часто встречаются факты пренебрежительного отношения к работникам непроектной сферы. В докладной записке, помеченной 1947 годом, читаем, что председатель Зерновского сельсовета Суземского района Брянской области т. Ванин называл учителей дармоедами. После отпуска здесь к месту работы не явилось сразу шесть учителей, разумеется, не только из-за оскорблений. Никто из учителей не имел дров, хотя в колхозах были лошади, хлеб выдавался зерном. Заработок молодого учителя (130 руб.) покрывал лишь незначительную часть его потребностей. Учителям часто приходилось жить в землянках. Подобное положение отмечалось и в других районах области¹. Довольно красноречивы данные по Калужской области. В том же 1947 году в ряде районов учителя не получали средств для погашения квартплаты за 1946 год. В Кировском районе из 27 тыс. руб., выделенных на устройство быта учителей, было израсходовано лишь 4200 руб., в Мосальском из 38 — 8 тыс. руб., в Спас-Деменском из 33—19 тыс. руб. Хлебный паек в Тарусском районе выдавался с опозданием на 7—10 дней. Многие учителя Бабынинского и Мещовского районов не обеспечивались топливом².

Полунатуральный характер хозяйства послевоенной деревни ставил городских специалистов, и это относилось не только к учителям, в полную зависимость от поведения местных властей. Отсутствие необходимого навыка, а часто и возможностей для ведения собственного хозяйства у не работавших в аграрном секторе жителей деревни делало проблему хлеба насущного более важной, чем даже выполнение ими своих профессиональных функций. При этом возможность удовлетворения личных потребностей не находилась в прямой зависимости от затраченного труда.

К сожалению, бедственное положение учителей и других специалистов на селе невозможно объяснить лишь спецификой восстановительного периода. В дальнейшем условия их существования несколько улучшились. Но в конце 40-х — начале 50-х годов наиболее контрастно выделялись те беды, которые существовали и впоследствии.

¹ ГАБО. Ф. 6. Оп. 3. Д. 132. Л. 375.

² ГАКО. Ф. 883. Оп. 16. Д. 320. Л. 176—178.

Деревня всегда испытывала недостаток квалифицированных кадров, даже в лучшие свои годы.

По данным Калужского облисполкома, в начале 60-х годов из области ежегодно выбывало около 400 специалистов. Характерно, что при анализе причин выбытия назывались те же проблемы, что и в 1947 году — необеспеченность жильем, топливом и т.п.¹. Нетрудно догадаться, что и десятилетием позже новых мотивов выдвинуто не было: в документах 1968 года читаем, что 16% сельских учителей (на этот раз Брянской области) проживало на частных квартирах, причем в некоторых районах их было до 20%²; смоленская газета «Рабочий путь» сообщала, что около 500 сельских учителей не имели жилья. Результат — на 2814 прибывших в село за 1963—1968 годы число выбывших учителей составило 2575 человек³.

Все вышеприведенные данные взяты из документов местных органов власти, призванных улучшить положение сельских специалистов. Постановления принимались часто, но они мало влияли на повседневную практику⁴. Например, в декабре 1961 года Брянский областной совет депутатов трудящихся издал постановление «О мерах по обеспечению общеобразовательных школ учительскими кадрами», в котором высказывалась озабоченность их большой текучестью⁵. К июню 1962 года относится другой документ, который разрешил исполкому Навлинского совета «в порядке исключения» направить 10 тыс. руб., ассигнованных на строительство жилых домов для учителей сельских школ, на строительство 12-квартирного жилого дома в райцентре Навля; четыре квартиры в этом доме выделить учителям⁶. Естественно, что четыре выделенные квартиры заселили учителя райцентра, а не их сельские коллеги.

Текучесть сельских педагогических кадров приводила к тому, что даже получившие специальное образование учителя были, как правило, молоды и часто лишены необходимого профессионального опыта. Это, в свою очередь, влекло за собой общее снижение качества подготовки учеников сельских школ и их отставание по объему

¹ ГАКО. Ф. 883. Оп. 17. Д. 2170. Л. 39–41.

² ГАБО. Ф. 6. Оп. 4. Д. 1079. Л. 456.

³ Рабочий путь. 1968. 14 марта.

⁴ См.: ГАБО. Ф. 6. Оп. 4. Д. 1079. Л. 456; Оп. 3. Д. 76. Л. 199. Д. 132. Л. 375. ГАКО. Ф. 883. Оп. 17. Д. 2170. Л. 39–41. Оп. 16. Д. 320. Л. 176–178. ГАСО. Ф. 240. Оп. 1. Д. 374. Л. 10.

⁵ ГАБО. Ф. 6. Оп. 3. Д. 75. Л. 199.

⁶ Там же. Оп. 4. д. 276. Л. 41.

полученных знаний от городских сверстников, ставя жителей села в неравные условия при попытках продолжения учебы.

Однако основания для недовольства имели и носители чисто аграрных специальностей. В письме из Касимовского района Рязанской области в 1963 году в качестве основной причины ухода специалистов сельского хозяйства в промышленность указывалась их низкая материальная заинтересованность. Ветеринарам не полагалась прибавка за выслугу лет. Из Палехского района Ивановской области с обидой писали, что у агронома отобрали усадьбу, так как он не был членом колхоза¹. К тому же агрономы имели основания завидовать механизаторам: «Механизатор получает приличную зарплату, пособие за выслугу лет, дополнительную оплату, а агроном — одну чистенькую зарплату» (1975)².

Дефицит рабочих рук нередко вынуждал руководителей хозяйств использовать специалистов не по назначению. Молодого зоотехника назначили бригадиром, при том, что место зоотехника было вакантно; он же хотел работать по специальности (Рязанская область, 1972)³. Механик работал разнорабочим (совхоз «Большевик» Московской области, 1972)⁴. Проблемы с работой у учителей (! — О.Г.) и зоотехников, связанные с отсутствием вакансий, отмечались в Ефремовском районе Тульской области (1972)⁵.

Для представителей других сельских специальностей также весьма характерными были жалобы на отсутствие доплат за выслугу лет. На это жаловались сварщики (Московская область, 1970)⁶, но особенно часто — кузнецы. При этом кузнецы из Брянской, Калининской, Костромской областей сетовали на низкую оплату, опять-таки сравнивая себя с механизаторами (трактористами) (1970)⁷. Массовые нарушения по организации и оплате труда кузнецов фиксировались в 1972 году по Калининской и некоторым другим областям⁸. Из Брянской области писали, что молодежь не желала учиться специальности кузнеца, из-за отсутствия льгот и низкого заработка

¹ РГАСПИ. Ф. 591. Оп. 1. Д. 160. Л. 215, 223.

² Там же. Д. 197. Л. 96.

³ Там же. Д. 126. Л. 19.

⁴ Там же. Л. 23.

⁵ Там же. Л. 2.

⁶ Там же. Д. 89. Л. 17.

⁷ Там же. Л. 9–10.

⁸ Там же. Д. 126. Л. 36.

(52 коп. в час) (1972)¹. С течением времени ситуация не менялась. В 1975 году кузнецы Орловской области получали только 70 руб. в месяц, а в письме из Воловского района Тульской области спрашивали, «почему на производстве заработок кузнеца гораздо больше, чем в колхозах? Даже в совхозах он в два раза больше»². Последняя фраза позволяет сделать вывод, что дискриминация проводилась лишь в отношении колхозных специалистов, где система оплаты труда совершенствовалась гораздо медленнее.

На общем фоне довольно выигрышно выглядели представители животноводства. Эта отрасль характеризовалась как единственная, которая не теряла, а приобретала работников. В Центральном Нечерноземье в 1967 году здесь на 100 выбывших приходилось 165 прибывших³. К достоинствам отрасли относили отсутствие сезонности, сравнительно высокий уровень оплаты труда, большую степень механизации производственных процессов (впрочем, далеко не всегда). Эти обстоятельства обеспечили особенно большой прирост численности работников животноводства в 50-е годы.

В период с 1951 по 1958 год в Центре отмечалось увеличение количества доярок, скотников, пастухов и телятниц. Но в то же время произошло снижение численности свинаярей, птичниц, пчеловодов и конюхов⁴. Очевидно, что последние четыре специальности требовали большего применения ручного труда, были слабомеханизированы. Техническое оснащение оставалось серьезной проблемой и впоследствии. По данным Л. Н. Денисовой, в 1986 году даже в Московской области механизация труда в животноводстве не достигала 90 %, в Тульской составляла около 40 %, в Калининской и Брянской областях — еще меньше⁵. Очистка помещений от навоза в хозяйствах Брянской области в 1967 году была механизирована в диапазоне от 5 до 16 %. Раздача кормов везде производилась вручную. Занятость животноводов, в основном доярок и свинаярей, доходила до 365 дней в году⁶. Жалобы доярок на условия труда очень многочисленны. «Еще и сейчас каждый день приходится

¹ РГАСПИ. Ф. 591. Оп. 1. Д. 160. Л. 40.

² Там же. Д. 197. Л. 127–128.

³ Кутафьева Э. С., Москалева Н. И. и др. Указ. соч. С. 48.

⁴ ГАРФ. Ф. 310, Оп. 1. Д. 6498. Л. 98–99, 102–103. Д. 6915. Л. 54–55.

⁵ Денисова Л. Н. Указ. соч. С. 43.

⁶ ГАБО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 54. Л. 353.

носить воду в водогрейку для подогрева, а оттуда уже теплую воду приходится носить в ведрах на коромысле, чтобы напоить коров, а в группе их 16, а групп 3. Водогрейка в 100 м от фермы, коров приходится поить 2—3 раза» (Рыбновский район Ярославской области, 1967)¹. «Ферма не освещена и дойку приходится проводить на ощупь, а это влияет на гигиену молока, создает трудности в работе» (Чучковский район Рязанской области, 1967)². «Есть у нас для бычков два помещения, — сообщали из Сычевского района Смоленской области (1967). — В одном нет полов, зимой там стоит такая грязь, что нужно ходить в охотничьих сапогах, а животные никогда не ложатся. Часть другого помещения обрушилась совсем, а другая часть наклонилась не поймешь в какую сторону, да вдобавок кругом дыры... Поят из близлежащего пруда, вода там тухлая, часто телята отравляются идохнут... Месить резиновыми сапогами навоз целую неделю и получать 36 руб. ежемесячно, поверьте, это мало. Все подвозки — на лошади. Электричества нет, хотя рядом высоковольтная линия. В домах рабочих и во всех животноводческих постройках протянута проводка, по деревне валяются столбы, а света опять нет. Директор говорит: жалуйтесь, куда хотите (у него-то давно горит). Жаловались в райгазету, молчат (прав оказался директор). От него можно слышать только угрозы да матерщину, какой не слыхали сапожники. Было много у нас рабочих, да за годы его руководства все разъехались..., уезжают и семьями, и в одиночку»³.

Механизация в животноводстве, о которой отчитывались местные руководители, нередко оказывалась фикцией. «Испортился мотор, 2 дня доили коров руками, только тех, которые много дают молока, так как 25 голов доярка не в состоянии подоить... За ручную дойку дояркам не платят, борясь за экономию... Довыгонялись до такой степени, что уже некому работать. Если заболит одна доярка, то все остальные работают даже по месяцу, не имея выходных. Среди нас нет грамотных людей, и объяснить некому, правы мы или нет» (совхоз «Талдом» Московской области, 1967)⁴.

Было еще несколько причин непривлекательности труда доярков. «Молоко часто бывает повышенной кислотности, и за это кислое молоко с нас удерживают по 2/3 месячной зарплаты, хотя условий

¹ РГАСПИ. Ф. 591. Оп. 1. Д. 33. Л. 16.

² Там же. Л. 178.

³ Там же. Л. 245–246.

⁴ Там же. Л. 249–250.

в коровнике нет» (Переславский район Ярославской области, 1967)¹. «Проработав 20 лет, доярка, как правило, становится нетрудоспособной»². «Доярка не может быть членом профсоюза в колхозе, только механизатор» (1975)³. Что касается последней жалобы, то она могла быть результатом какой-либо местной инициативы. В любом случае она отражает сохранявшуюся привилегированность связанных с техникой профессий.

Тяжелые условия труда и невысокая его оплата были причиной снижения привлекательности профессии доярки. Из ряда областей сообщали, что молодые девушки не хотели идти в доярки, предпочитая работу свинок и телятниц (письма из Калининской, Калужской, Тульской областей, 1970)⁴. В 1985 году средний возраст доярки в Смоленской области составлял 43 года⁵. Из работавших на фермах Калининской области в 80-е годы доярок 10,8 тыс. были старше 40 лет, 3 тыс. — в возрасте от 30 до 40 лет и только 1,7 тыс. — до 30 лет⁶.

В целом специалистов-животноводов можно отнести к категории мигрантов со средней интенсивностью выбытия, одновременно учитывая отсутствие, либо слабое проявление миграционных настроений у работников механизированных участков. Традиционно у животноводов была репутация уважаемых, хорошо оплачиваемых специалистов. Перспектива достижения подобного положения в городе выглядела сомнительной в силу специфичности их занятий. Однако для городского уха названия сельских профессий звучали непрестижно, что влияло на профессиональную ориентацию сельской молодежи. Поэтому в 1970 году Министерство сельского хозяйства СССР приняло решение о переименовании профессий («вследствие изменения качества труда»). Появились «облагороженные» названия: мастер молочного животноводства, мастер машинного доения, мастер свиноводства, мастер овцеводства, птицеводства, коневодства и т.д.⁷. Впрочем, традиционный советский вербальный подход к решению проблем (однажды введенные определения немедленно становились

¹ РГАСПИ. Ф. 591. Оп. 1. Д. 37. Л. 14.

² Там же. Д. 198. Л. 37.

³ Там же. Д. 197. Л. 96.

⁴ Там же. Д. 111. Л. 43.

⁵ Казаков А. И. Проблемы трудонедостаточных сельских районов. С. 62.

⁶ Денисова Л. Н. Указ. соч. С. 45.

⁷ Никитаева Е. Б. Указ. соч. С. 451.

носителями социальной функции — пресловутые «враг народа», «подкулачник», «стиляга» и др.) — на этот раз себя не оправдал.

В середине 1970-х годов неожиданно выявилась еще одна причина миграции животноводов, связанная с механизацией производственных процессов. В большом количестве хозяйств отмечалась недостаточная квалификация кадров на механизированных фермах. В совхозах Нечерноземья лишь около 10% работников соответствовали предъявляемым требованиям¹. Работницы старшего поколения с трудом воспринимали технические новшества и, случалось, переезжали в город не в поисках более квалифицированной работы, а от нее, пополняя ряды городских маргиналов. Естественно, такие явления не были массовыми как вследствие все еще невысокого общего уровня механизации животноводства, так и из-за сравнительно небольшой миграционной подвижности представителей старшего поколения в сравнении с молодежью.

К группе сельских специалистов можно отнести и управленцев, правда их миграция отличалась некоторыми особенностями. Условия труда управленцев в сельской местности были вполне удовлетворительными, а городские административные должности они обычно занимали в результате перевода. Сельские управленцы среднего звена — бухгалтеры, плановики, секретари, складские работники в большинстве своем не видели смысла рисковать достигнутым положением, переезжая на новое место. Образ жизни руководителей среднего звена определялся как наиболее устойчивый². Не случайно обследование сельского населения Калининской области, проведенное местными статистическими органами в 1962 году, зафиксировало в его составе, помимо большого количества иждивенцев, несоразмерно большую долю «административно-управляющего и обслуживающего персонала». Она определялась примерно в 10%³.

Высокой миграционной активностью отличались разнорабочие растениеводства, т.е. наименее квалифицированная часть сельскохозяйственных рабочих. О наличии миграционных настроений в их среде свидетельствует тот факт, что только около половины из них (жителей Брянской области) дорожили своим рабочим местом (ср. у механизаторов — 74,3%)⁴.

¹ Денисова Л. Н. Указ. соч. С. 44.

² Алексеев А. И. Многоликая деревня. С. 213.

³ ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 32. Д. 3092. Л. 37, 39.

⁴ Староверов В. И. Указ. соч. С. 70.

С тяжестью труда в растениеводстве связывалась большое количество сельского населения, не имеющего занятий. Причем в колхозах доля этого населения была более высокой (табл. 18).

Т а б л и ц а 18

Занятость сельского населения Калининской области по данным Всесоюзной переписи населения 1959 года¹

	Все сельское население		В том числе колхозное	
	тыс. чел.	% к итогу	тыс. чел.	% к итогу
Все сельское население	1019,3	100	591,5	100
Имеющее занятия	573,1	56,3	356,8	60,3
Занятое только в ЛПХ	55,0	5,4	40,2	6,8

Удельный вес представителей тяжелого неквалифицированного труда в 60-е годы стремительно сокращался при одновременном росте количества управленцев. В той же Калининской области в 1961 году на 100 работающих колхозников и рабочих сельской местности приходилось 23 чел. служащих сельской местности, а с учетом административно-управленческого и обслуживающего персонала колхозов — 37 чел. На каждый колхоз в среднем приходилось 50 чел. административно-управленческого и обслуживающего персонала. В результате трудовая нагрузка на одного трудоспособного за десятилетие 1950-х годов по области выросла с 4,4 до 6,5 га пашни. Слабомеханизированы были посадка картофеля (18%), его уборка (23%), сенокошение (26%). Наиболее механизированным процессом в растениеводстве было теребление льна (55%), что отчасти снижало высокую трудоемкость льноводства².

Нет ничего удивительного в том, что неквалифицированные рабочие выигрывали от миграции в города больше других. Согласно исследованиям, в случае благополучной приживаемости на новом месте 75% их переходило на более высокий социальный уровень³. Правда, реальная возможность для адаптации у представителей этой категории была невысокой. О том свидетельствует факт, что, несмотря на большой удельный вес среди выбывших, доля занятых

¹ ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 32. Д. 3092. Л. 38.

² Там же. Л. 40.

³ Староверов В. И. Указ. соч. С. 332.

ручным неквалифицированным трудом была невелика в постоянном населении.

Важным фактором профессиональной адаптации при переезде было наличие смежной специальности. Это явление вообще достаточно характерно для работников сельского хозяйства. Количество имевших две-три специальности варьировалось в зависимости от общей квалификации от 40% у неквалифицированных работников до 80% у животноводов и специалистов¹. Так, в отчете за 1964 год по Рязанской области отмечалось, что большинство уехавших из села имело по две смежных специальности, например, тракторист-шофер, тракторист-комбайнер². Наличие второй специальности на селе почти не давало преимуществ, и совокупная заработная плата представителей разных профессий все равно была меньше, чем местных руководителей. «Тракторист+доярка+шофер за июль—август заработали 205 руб. (имеется в виду доход конкретной семьи. — О.Г.). А помощник бригадира, самый обыкновенный слесарь, один получил 270 руб.»³.

Возвращаясь к сформулированным в начале этой главы критериям миграционной ориентации представителей различных сельских профессий, следует сказать, что потребность в представителях конкретной специальности на селе некоторое время определяла миграционные предпочтения механизаторов. Эта зависимость во второй половине 1940-х—1950-е годы подкреплялась преимуществами в уровне оплаты труда. Позже фактор востребованности сельской профессии не играл сколько-нибудь значимой роли в стабилизации работников на селе.

Как отмечалось выше, размер оплаты труда имел наибольшее значение в 40—50-е годы. В последующий период более значимыми для принятия решения о миграции представителями сельских профессий стали условия труда. В то же время более низкая в сравнении с городом оплата труда в 60—70-е годы могла стать решающим аргументом в пользу переезда.

Фактор условий сельского труда представляется наиболее весомым для носителей всех сельских специальностей в 60—70-е годы, тогда как в 40—50-е годы он имел значение преимущественно для сельской интеллигенции (врачи, учителя).

¹ Агропромышленная интеграция и социальная структура сельского населения СССР. М., 1989. С. 61.

² РГАСПИ. Ф. 591. Оп. 1. Д. 164. Л. 183.

³ Там же. Л. 184.

6.7. Мигранты по типу хозяйства

Глава 6
ОСОБЕННОСТИ
ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО
РАЗВИТИЯ
ЗАПАДНОРУССКОЙ
ДЕРЕВНИ
В ПОСЛЕВОЕННЫЕ
ДЕСЯТИЛИТИЯ

При отсутствии единого подхода к определению социальной структуры сельского населения СССР довольно сложно характеризовать миграцию в города с точки зрения социальных перемещений¹. С одной стороны, в 60–70-е годы происходило сближение колхозной и совхозной форм общественного производства, что ставит под сомнение правомерность противопоставления колхозников и рабочих совхозов; с другой — сельское население приближалось по основным характеристикам к жителям городов.

Не пытаюсь теоретизировать по поводу социальной принадлежности сельских мигрантов, попытаемся выяснить, насколько существенными были различия в миграции из колхозов и совхозов.

Данные Всесоюзной переписи населения 1970 года по Центральному району РСФСР не дают перевеса группе колхозных мигрантов в числе прибывших из села в город. Напротив, колхозники занимают лишь третье место при безусловном лидерстве рабочих². Причин тому несколько. Первая из них состоит в том, что в течение всех послевоенных десятилетий колхозники оставались категорией, в наибольшей степени приверженной сельскому образу жизни в сравнении с остальными жителями деревни. Их консерватизм постепенно приходил в противоречие с условиями повседневной работы и быта, недостатки которых представлялись все более значимыми по мере расширения каналов информационных связей между городом и деревней. Для представителей колхозного населения, редко обладавших городской профессией, куда более привлекательным путем улучшения своего состояния казалось распространение совхозной формы производства, переселение в совхоз (если собственный колхоз продолжал существовать в прежнем качестве), чем переезд в неведомый город. Видимо, при организации сельскохозяйственного переселения колхозных семей идея сохранения привычного уклада при обещанном улучшении жизненного уровня также бралась на вооружение как наиболее органичная крестьянской психологии. Особенности статистического учета были таковы, что колхозников,

¹ Некоторые точки зрения представлены в следующих работах: *Безнин М. А., Димони Т. М.* Крестьянство и власть в России в конце 1930-х — 1950-е гг. *Сенявский А. С.* Российский город в 1960-е — 1980-е гг. С. 243. *Москвитина Р. А.* Социокультурные процессы российского села. С. 78. *Чижиков В. М.* Указ. соч. С. 64.

² Миграция населения РСФСР. М., 1974. С. 50.

непосредственно мигрировавших в города, сложно отделить от селян, утративших статус колхозника в результате преобразования колхозов в совхозы. Как правило, регистрировалось лишь общее сокращение численности этой категории населения¹.

Другая причина того, что переселение колхозников в города, судя по миграционной статистике, было относительно небольшим, стала характерной принадлежностью 70-х годов и выразилась в общем ослаблении интенсивности сельской миграции в ЦЭР².

Третья и очень важная причина — отток из колхозов наиболее миграционно активной части населения — молодежи. Уже в начале 60-х годов разрыв между колхозами и другими сельскими предприятиями по этому признаку был значителен. Например, из 9,7 тыс. чел. молодежи в возрасте до 20 лет, работавшей в 1963 году на селе Брянской области, 7,2 тыс., или 74%, трудились в совхозах. Оставшиеся 26% были не чисто колхозными, но распределялись между всеми предприятиями, в том числе неаграрными³. Таким образом, для молодежи в начале 60-х годов еще существовала проблема выбора между разными формами сельскохозяйственных предприятий. Спустя несколько лет становится заметным предпочтение, отдаваемое иным сферам. С 1963 по 1967 год в той же Брянской области численность молодежи до 20 лет в строительных организациях на селе увеличилась в 8,2 раза, а удельный вес этой группы населения в общей численности работников сельского строительства возрос с 6 до 16%. Одновременно с этим совхозы уже оттягивали на себя только 39% сельской молодежи⁴. Из 4 715 выпускников-восьмиклассников, оставшихся в сельском хозяйстве Брянской области в 1967 году, 2 830 устроились на работу в колхозы и 1 885 — в совхозы. Исходя из того,

---

¹ Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР. С. 24–25. ГАРФ. Ф. А-310, Оп. 1. Д. 6618. Л. 1–2, 5–6, 9–10. Д. 7007. Л. 230, 238–239.

² При учете количества колхозников-мигрантов существует одна особенность, на которую обратил внимание В. П. Попов: к колхозникам перепись относил и тех, кто являлся колхозником лишь юридически, а фактически им уже не был. В этом смысле можно говорить об определенной нетождественности данных Всесоюзных переписей населения и годовых отчетов колхозов, учитывавших только наличных членов колхоза (*Попов В. П.* Колхозное крестьянство центральных областей Нечерноземной зоны РСФСР в 1959–1970 гг. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1982. С. 196).

³ ГАБО. Ф. 6. Оп. 4. Д. 1230. Л. 379.

⁴ Там же.

что общее количество трудоустроившихся выпускников составило 10 870 чел., преимущество колхозов нельзя считать значительным, хотя сам факт его существования очень показателен¹.

Анализ качественного состава рабочих и служащих, регулярно предпринимавшийся статистическими органами (и, к сожалению, редко затрагивавший колхозников), дает любопытную картину при сопоставлении стажа работавших в совхозах и промышленности (Брянская область, 1967 г.)² (табл. 19).

Т а б л и ц а 19

**Сопоставление стажа работавших в совхозах и промышленности, %
к общей численности работавших. Брянская область, 1967 г.**

Стаж работы	В совхозах	В промышленности
До 10 лет	24	45
10–20 лет	37	40
Более 20 лет	39	15

Как видим, категория «ветеранов» оказывается наиболее многочисленной в совхозах и наименьшей среди работавших в промышленности.

Приведенные здесь данные, по всей видимости, обозначают завершающую фазу начатого в 50-е годы процесса. Массовая организация совхозов, предпринятая в начале хрущевских реформ, играла стабилизирующую роль, способствуя сокращению сельской миграции. Усиление роли новой социальной группы на селе — рабочих и служащих совхозов (новой прежде всего по своему хозяйственному опыту, совхозы существовали и до войны) интерпретировалось в качестве своеобразной альтернативы стагнировавшей колхозной экономике. По мере обретения колхозниками привилегий рабочих совхозов все более обнаруживалась условность деления занятых в сельском хозяйстве на социальные группы. Об этом наглядно свидетельствуют примерно равновеликие потоки переселенцев из колхозов и совхозов, формировавшие сельскую миграцию второй половины 60–70-х годов

¹ ГАБО. Ф. 6. Оп. 4. Д. 1190. Л. 9.

² Там же.

6.8. Миграция и сельская семья

Индивидуальная миграционная ориентация довольно важна, однако, как правило, переселение становилось актом семейным. Поэтому имеет значение изменение социально-профессионального положения семьи в целом в ходе миграции ее членов в города.

Следует сразу же оговориться, что развернутое исследование миграционного поведения сельской семьи вряд ли возможно из-за крайней скудости доступного для анализа материала. О. М. Вербицкая по этому поводу отмечала, что «специальные демографические обследования и изучение крестьянских семей не проводились вплоть до переписи 1970 года, следовательно, многие прямые данные о величине, составе, динамике изменений за ряд лет, похоже, вообще в природе не существуют»¹. Тем не менее доступные материалы позволяют прийти к некоторым выводам.

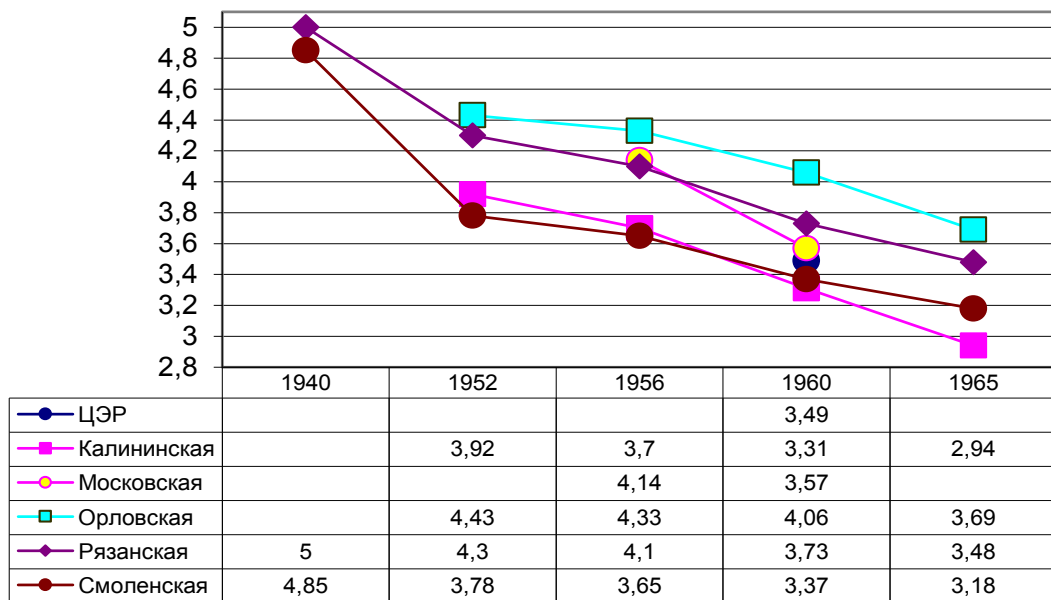

Рис. 19. Динамика изменения средней численности семей колхозников по областям ЦЭР, чел.

¹ Вербицкая О. М. Крестьянская семья в 20-е — 50-е гг. // Население России в 1920-е — 1950-е гг.: численность, потери, миграции. М., 1994. С. 127.

Для уточнения взаимосвязи между составом семьи и интенсивностью миграционного оттока прежде всего попытаемся проследить динамику сокращения численности колхозной семьи по отдельным областям ЦЭР (рис. 19)¹. Сведения о среднеобластной численности семей извлечены из материалов бюджетных обследований колхозных семей, содержащихся в фонде ЦСУ РСФСР ГАРФ (ф. А-374), а также в архиве Госкомстата. В силу выборочного характера обследований данные носят несколько фрагментарный характер.

График отражает изменения, происшедшие в колхозных семьях по преимуществу запада и юга Центрального Нечерноземья. Насколько можно судить по Рязанской и Смоленской областям, наиболее серьезные изменения в численности колхозной семьи произошли в период с 1940 по 1952 год. С учетом модели воспроизводства сельского населения не выглядит неожиданным, что по состоянию на 1952 год наиболее многочисленными были колхозные семьи Орловской области, а самыми малочисленными — Смоленской. Семьи в западных областях (Калининской и Смоленской) в 1960 году были меньше среднестатистической колхозной семьи Центра, а в южных Орловской и Рязанской, а также Московской — больше.

По всем рассмотренным областям в течение 1952—1965 годов сохранялась устойчивая динамика сокращения колхозных семей, при этом ее интенсивность едва ли зависела от стартового размера семьи. Так как городские семьи меньше сельских, то должен быть принят во внимание фактор урбанизации. Действительно, в период с 1956 по 1960 год наиболее резко сократился размер колхозной семьи в Московской области. В течение всего периода 1952—1965 годов колхозные семьи в Калининской области сокращались гораздо быстрее, чем в менее урбанизированной Смоленской.

Какую роль в этом процессе играла миграция сельского населения в города? Попробуем установить зависимость между динамикой сокращения численности колхозников и средним размером колхозных семей с помощью корреляционного анализа. На первый взгляд, результаты довольно неожиданные (табл. 20)².

¹ Сост. по: ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 30, 35, 36, 39. Архив Госкомстата.

² Рассчитано по: ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 30, 35, 36, 39; Архив Госкомстата; ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 11. Д. 775. Оп. 30. Д. 6853, 6854. Оп. 31. Д. 7877. Оп. 32. Д. 11547.

**Зависимость между динамикой сокращения численности
колхозников и средним размером колхозных семей**

Область		1950	1956	1960	1964	Коэффициент корреляции
Калининская	Колхозников, тыс. чел.	851,4	641,1	587,1	516,1	0,90489
	Средний размер колхозной семьи, чел.	3,92	3,7	3,31	2,94	
Орловская	Колхозников, тыс. чел.	912,1	601,7	426,9	405,7	0,82382
	Средний размер колхозной семьи, чел.	4,43	4,33	4,06	3,69	
Рязанская	Колхозников, тыс. чел.	1122,8	722,7	554,4	500,7	0,90821
	Средний размер колхозной семьи, чел.	4,3	4,1	3,73	3,48	
Смоленская	Колхозников, тыс. чел.	811,5	535,5	361,4	195,2	0,97014
	Средний размер колхозной семьи, чел.	3,78	3,65	3,37	3,18	

Наиболее значимым (близким к единице) соответствие оказывается в Смоленской области (численность колхозников сокращалась фактически так же быстро, как и размер колхозной семьи); наименьшим — в Орловской области. Причины некоторых расхождений с данными помещенной выше диаграммы неочевидны до тех пор, пока мы не попытаемся выявить различия в факторах изменения численности колхозников по названным областям. Безусловно, что кроме миграционного давления на колхозную среду, во второй половине 1950-х — начале 1960-х годов существенную роль в сокращении численности колхозников играло преобразование колхозов в совхозы. Вспомним, что именно в Смоленской области кампания преобразований была чрезвычайно масштабной. Таким образом, совпадение темпов сокращения колхозного населения и размеров колхозных семей наблюдается только там, где к процессам естественной и механической убыли сельского населения добавлялось административное изменение статуса колхозников. (Кстати говоря, в Московской области, где сокращение численности колхозников в результате преобразований колхозов в совхозы в первой половине 1960-х годов было едва ли не абсолютным, коэффициент корреляционной зависимости между сокращением численности колхозников и размеров колхозных семей и вовсе равен единице.)

Итак, следует признать наличие устойчивой зависимости между темпами сокращения колхозного населения и размерами колхозных семей (коэффициент корреляции по отдельным областям от 0,8 до 1,0). Вариации в размерах коэффициента, его уменьшение в областях, где преобразования колхозов в совхозы в рассматриваемый период проводились реже, заставляют думать, что на размер сельских семей влияли, кроме миграционных, и иные факторы. С учетом того, что наименьшим значение коэффициента оказалось в юго-западной Орловской области, можно предположить, что там по-прежнему давал себя знать «черноземный» южный тип воспроизводства сельского населения, менее проявившийся в соседней, но более близкой к Москве Рязанской области.

В течение всего десятилетия 1950-х средняя численность сельской семьи в Центральном Нечерноземье превышала городскую. Например, в урбанизированной Московской области в 1955 году этот показатель составлял 4,24 у колхозников и 3,25 у рабочих¹. По состоянию на 1959 год данные выглядели следующим образом (Московская область, чел.)² (табл. 21).

Т а б л и ц а 21

**Средняя численность сельской семьи. Московская область, чел.
1959 г.**

	Рабочие промышленности	Рабочие совхозов	Колхозники
Члены семьи, всего	2,98	3,47	3,7
Наличные члены семьи	2,89	3,34	3,12

Таким образом, средний размер семьи подмосковного колхозника был на 6,6% больше семьи рабочего совхоза и на 24,2% — семьи промышленного рабочего. Та же тенденция, хотя и с несколько большим разрывом, действовала и в применении к другим областям Центра.

Примерно к 1963 году в результате интенсивной миграции впервые размер городских и сельских семей выравнивается, хотя их состав был различным. Например, в Калининской области средняя колхозная семья насчитывала 3,04 чел., а семья городского

¹ ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 30. Д. 7527. Л. 43.

² Там же. Оп. 31. Д. 5539. Л. 52.

рабочего — 3,10 чел.¹ Наконец, примерно к 1965 году сельские семьи Центра стали уступать по размеру городским (по Калининской области 2,94 чел. у колхозников и 3,13 у городских рабочих²). При этом немаловажно заметить, что средняя численность городской семьи изменялась незначительно. Вполне естественно, что в юго-западных и южных областях ЦЭР (Брянской, Орловской, Рязанской) из-за несколько более высокой рождаемости тенденция сокращения размеров сельских семей в сравнении с городскими проявилась позже.

Данные о средней численности городских и сельских семей не позволяют увидеть, какой тип семьи был преобладающим. Поэтому воспользуемся материалами группировки сельских семей по размерам. Сведения по Рязанской области за 1962—1965 годы, т.е. в период наиболее интенсивной миграции, позволяют сделать вывод, что именно в эти годы в области завершается разрушение сельской многопоколенной семьи (табл. 57).

Преобладающей, с довольно большим отрывом, становится тип семьи из двух человек. С ним все еще конкурируют традиционные многопоколенные семьи из 6 и более человек, но к 1965 году они оттесняются на третье место семьями-одиночками. Уже в 1962 году более половины (53,9%) всех колхозных семей насчитывали до трех человек. К 1965 году эта цифра выросла до 56,1%.

Т а б л и ц а 2 2

Группировка семей по размерам, % к общему количеству колхозных семей. Рязанская область³

Семей, состоящих из	1962	1963	1965
Из 1 чел.	11,8	14,1	16,1
2 чел.	25,7	23,8	24,9
3 чел.	16,4	15,4	15,1
4 чел.	14,9	15,8	13,6
5 чел.	13,7	14,3	14,8
6 и более чел.	17,5	16,6	15,5

¹ ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 32. Д. 11697. Л. 106.

² Там же. Оп. 35. Д. 7896. Л. 242.

³ Сост. по: ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 32. Д. 11697. Л. 146. Оп. 35. Д. 7899. Л. 156.

В мелкоселенных западных областях ЦЭР, где размер сельских семей изначально был меньшим, ситуация была более сложной. К 1965 году 65,5% колхозных семей Смоленской области насчитывали до трех человек¹. Примерно такое же соотношение сохранялось и в Калининской области (1963 год), где до 3-х чел. насчитывали 63,4% колхозных семей (табл. 23).

Т а б л и ц а 23

**Группировка семей рабочих и колхозников по размерам, %
к общему количеству семей. Калининская область, 1963 г.²**

Семьи, состоящие из	Рабочие промышленности	Колхозники
Из 1 чел.	14,0	15,4
2 чел.	13,5	27,4
3 чел.	36,5	20,6
4 чел.	24,7	18,9
5 чел.	7,9	11,6
6 и более чел.	3,4	6,1

В отличие от Рязанской области, доля больших семей из шести и более человек на западе района была минимальной (соответственно 6,5 и 6,1%). Сравнивая данные по семьям рабочих промышленности и колхозников, замечаем, что в городах количество семей с количеством членов до трех человек также было высоким (64%), но, в отличие от села, преобладающим типом здесь были семьи из трех членов. Гораздо чаще у рабочих встречались и семьи из четырех членов. При этом доля крупных семей в городах была гораздо меньшей, чем на селе.

На основании представленных данных нетрудно сделать вывод, что в первой половине 1960-х годов в областях Центра продолжалась активная трансформация традиционной сельской семьи по городскому типу. О том, что она еще не была закончена, свидетельствовали и относительно большое количество многопоколенных

¹ ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 35. Д. 7899. Л. 178.

² Там же. Оп. 32. Д. 11697. Л. 107.

семей на селе в сравнении с городом, и более значительная доля малых и неполных семей. Последнее обстоятельство было, с одной стороны, очевидным следствием интенсивной миграции из села, с другой — представляло собой фактор риска для сельской поселенческой структуры, грозило ее дальнейшим разрушением. Как мы видели, на крупноселенных южных территориях Центра (Рязанская область) распад традиционной семьи шел гораздо медленнее, чем на северо-западе. Б. Н. Миронов замечает, что в 60-е годы в этой области большинство семей были патриархальными¹. На первый взгляд с этим плохо согласуется другое замечание исследователя, в соответствии с которым уже в 60–70-е годы в городах и сельской местности преобладающей стала немногочисленная эгалитарная семья². Представляется однако, что тенденция преобладания малых и среднечисленных семей, отмеченная нами в Калининской области по состоянию на 1963 год и характерная для большинства остальных территорий Центра, дает основания предполагать скорую эволюцию именно в этом направлении. Начало распада патриархальной семьи в сельской местности Центра подтверждается и тем, что, согласно данным переписи 1959 года, женщины были главами семей в 36–45 % сельских семей во Владимирской, Ивановской, Калининской, Калужской, Смоленской, Ярославской и других областях³.

В последующие два десятилетия по мере снижения интенсивности сельской миграции и постепенной урбанизации деревни, расхождения между городской и сельской семьями становились менее значительными. Выборочное социально-демографическое обследование населения 1985 года, предпринятое ЦСУ РСФСР, зафиксировало, что средний размер городской семьи в Центральном районе составил 3,1 чел., а сельской — 3,0 чел. При этом размер сельской семьи по-прежнему зависел от характера занятости ее членов⁴ (табл. 24а и б).

¹ *Миронов Б. Н.* Семья: нужно ли оглядываться в прошлое // В человеческом измерении. М., 1989. С. 240.

² Там же. С. 239.

³ *Вербицкая О. М.* Российское крестьянство: демографическая ситуация в 1926 и 1959 гг. // Крестьянское хозяйство: история и современность. Ч. 1. Вологда, 1992. С. 142.

⁴ Архив Госкомстата. Данные выборочного социально-демографического обследования населения, 1985 г. Д. 68. Л. 96, 102.

Т а б л и ц а 2 4 а

Средний размер сельской семьи в Центральном районе, чел. 1985 г.

	На 1000 семей, семьи, состоящие из					Средний размер семьи
	2 чел.	3 чел.	4 чел.	5 чел.	6 и более чел.	
Все	436	269	195	71	29	3,0
Рабочие	479	255	175	65	26	2,9
Служащие	383	331	245	34	7	3,0
Колхозники	548	222	141	62	27	2,8

Глава 6
ОСОБЕННОСТИ
ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО
РАЗВИТИЯ
ЗАПАДНОРУССКОЙ
ДЕРЕВНИ
В ПОСЛЕВОЕННЫЕ
ДЕСЯТИЛЕТИЯ

Т а б л и ц а 2 4 б

Категория сельских жителей	Средний размер семьи
Рабочие и служащие	3,4
Рабочие и колхозники	3,0
Служащие и колхозники	3,2

Несмотря на происшедшую нивелировку численности, колхозные семьи по-прежнему оставались самыми малочисленными. Несколько большими по размеру были совхозные семьи (они входили в категорию «рабочих»). Самыми многочисленными, а значит, и наиболее стабильными к 1985 году были смешанные семьи «городского» типа, включавшие рабочих и служащих, а также семьи, состоявшие из служащих и колхозников.

Исследователями отмечается и обратная зависимость: чем больше работников в семье, тем в большей степени она была связана с другими отраслями (несельскохозяйственными). Значит, наличие в семье двух, трех и более работников позволяло ей, не порывая с сельским хозяйством, иметь и другие источники дохода, что для многих семей было желательно. По состоянию на 1979 год В. И. Староверов определяет довольно большой процент социально-профессиональной и образовательной гетерогенности брянских сельских семей (75%)¹. Есть основания полагать, что это явление было достаточно распространено в условиях нечерноземного Центра. При

¹ Староверов В. И. Теоретико-методологические вопросы... С. 69.

этом необходимо учесть преимущественно аграрную ориентацию значительной части региона с тем, чтобы не переоценивать масштабы явления. Представляется, что замкнутые отраслевые структуры, например, Калининской и Смоленской областей не способствовали развитию профессиональной семейной гетерогенности. В любом случае при определении миграционной ориентации семьи этот фактор не должен игнорироваться. В гетерогенных семьях более оптимально сочетались преимущества городской формы занятости в общественном секторе и жизни в селе. По всей видимости, статус сельского рабочего (работника совхоза) оказывался предпочтительнее колхозного (смешанные семьи с участием рабочих совхозов более многочисленные), хотя существенные различия между двумя формами организации сельского труда и были устранены. Думается, что к середине 1980-х годов в условиях урбанизированного окружения колхозы продолжали существовать на относительно удаленных от городов территориях. Такое положение стимулировало сельскую миграцию и обуславливало сравнительно меньшие размеры полностью колхозных и частично колхозных семей.

Среди сельских семей с однородной занятостью их членов наиболее благополучными выглядели те, которые состояли из служащих (наибольшее количество семей из трех и четырех человек). Напротив, самыми малочисленными были семьи колхозников — более половины их состояло из двух человек. Сравнивая с приведенными выше данными по отдельным областям середины 1960-х годов, отметим сохранение отмеченной ранее тенденции к сокращению сельских семей. У сельских служащих семьи до трех человек составляли 71,4%, у рабочих совхозов — 73,4%, у колхозников — 77%. При этом для всех сельских семей за счет включения данных по смешанным семьям этот показатель составил лишь 70,5%, что в очередной раз свидетельствует об их относительно большой устойчивости.

В ходе более ранних бюджетных обследований колхозных семей, проводимых в начале 1950-х годов, предпринимались попытки установления зависимости между размером сельской семьи и типом хозяйства (зерновое, животноводческое, техническое), а также его статусом (передовое или отстающее). В результате в 1952 и 1953 годах был зафиксирован относительно больший размер семей в животноводческих колхозах (Ивановская и Рязанская, 1953¹). Одновременно

---

¹ ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 30. Д. 3998. Л. 1. Д. 4011. Л. 75.

отмечалось, что наибольший отток наличного населения происходил из животноводческих и технических хозяйств.

По нашему мнению, в неурбанизированном окружении семьи в животноводческих колхозах действительно были более стабильными из-за отсутствия фактора сезонности и наличия постоянных заработков. По мере расширения городского влияния, на первый план выступала пригородная ориентация большей части животноводческих хозяйств и прежние преимущества уже не играли стабилизирующей роли по отношению к сельской семье. Таким образом, в очередной раз приходится констатировать незначительность фактора специализации хозяйства в сравнении с его вовлеченностью в сферу городского влияния.

Зависимость между размерами семьи и статусом хозяйства еще менее очевидна. Номинально семьи в передовых хозяйствах больше (Московская и Орловская, 1953). Вместе с тем количество наличных членов семьи в передовом орловском колхозе «Власть труда» было меньше среднеобластного показателя за счет работавших в государственных и кооперативных организациях, т.е. действовал фактор возможности альтернативного заработка в сравнительно более урбанизированной местности¹. Средняя численность семьи в передовом рязанском колхозе «Красное Знамя» (1953) была существенно выше, чем в отстающем хозяйстве (соответственно 4,3 и 3,8 чел., а в среднем по области 4,12 чел.), примерно также различались и данные наличной численности членов семей. Однако что в этом случае играло решающую роль: статус передового хозяйства, либо тот факт, что передовой колхоз находился в восьми километрах от Рязани? Вряд ли ошибемся, если выскажемся в пользу второго обстоятельства.

Обследование 1985 года, предпринятое в Калининской области, довольно убедительно доказало зависимость среднего размера сельской семьи от статуса населенного пункта². Действовала прямая зависимость: семья была тем больше, чем в большем поселении они жили. Больше всего одиночек зафиксировано в периферийных населенных пунктах. Тем самым подтверждается ранее высказанная мысль об отсутствии к середине 1980-х годов иных значимых факторов, кроме городского окружения, влиявших на размер семьи (табл. 25).

¹ ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 30. Д. 4005. Л. 88. Д. 4008. Л. 96.

² Алексеев А. И. Многоликая деревня. С. 166.

**Зависимость среднего размера сельской семьи от статуса
населенного пункта. Калининская область, 1985 г.**

Категория населенного пункта	Средняя численность семьи, чел.
Малые города, райцентры	2,6
В среднем по сельской местности	2,3
в том числе на центральных усадьбах	2,4
поселки отделений	2,3
рядовые поселения	1,6

Сокращение численности сельской семьи имело следствием увеличение количества наличных ее членов: числившиеся на службе в армии, либо на учебе не возвращались к старому месту жительства. Кстати говоря, в московском бюджетном обследовании семей колхозников 1953 года отмечалось, что одним из главных факторов сокращения числа наличных лиц был выезд на учебу подростков¹. Та же закономерность была отмечена в 1959 году в Калининской области, одновременно позволяя судить о масштабах явления: за шесть лет, прошедших с 1953 года, доля подростков 12—15 лет в составе колхозной семьи уменьшилась на 65%². В ходе последующего сельсоветского учета устроившиеся в городе молодые люди, естественно, уже не учитывались. Посмотрим, как изменялась доля наличных членов семьи по областям, где проводились бюджетные обследования (рис. 20)³.

Как видим, наиболее серьезное увеличение удельного веса наличного населения в составе колхозных семей произошло в первой половине 1960-х годов, причем имела место тенденция выравнивания межобластных различий. Для того чтобы объяснить резкое падение доли наличного колхозного населения в Рязанской области в середине 1950-х годов, вспомним, что от мероприятий аграрной политики 1953—1956 годов в наибольшем выигрыше среди всех

¹ ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 30. Д. 4005. Л. 88.

² Там же. Оп. 31. Д. 5536. Л. 181.

³ Сост. по: ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 30. Д. 4011, д. 10311. Оп. 31. Д. 5544. Оп. 32. Д. 11697. Оп. 35. Д. 7899.

областей ЦЭР оказалась Московская область. Это, в свою очередь, усилило традиционный отход рязанских колхозников в Подмоскowie. В подтверждение этого предположения заметим, что нечто похожее наблюдалось в урбанистически ориентированной Калининской области, но почти отсутствовало в аграрных Смоленской и особенно Орловской областях.

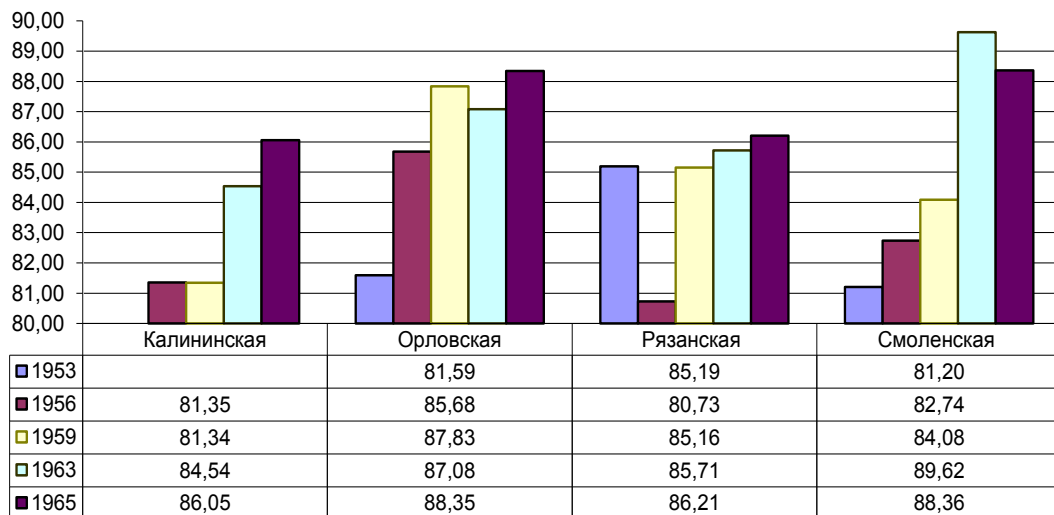

Рис. 20. Динамика изменения удельного веса наличных членов семей в общей численности колхозной семьи, %

Теперь проследим динамику изменения количества трудоспособных в составе колхозных семей (рис. 20 и 21)¹. Прежде всего обращает на себя внимание ситуация в льноводческих хозяйствах Калининской и Смоленской областях. В течение всего десятилетия 1950-х годов доля трудоспособных мужчин в составе колхозной семьи сокращалась. Вероятнее всего, сыграло роль изменение условий оплаты труда в прежде престижной отрасли конца 1950-х годов. Кстати, в эти годы одновременно наблюдалось и сокращение доли трудоспособных женщин, хотя и менее значительное.

В первой половине 1960-х годов наблюдается рост численности трудоспособных в составе колхозной семьи, причем в Калининской

¹ ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 30. Д. 4011, д. 10311. Оп. 31. Д. 5544. Оп. 32. Д. 11697. Оп. 35, Д. 7899.

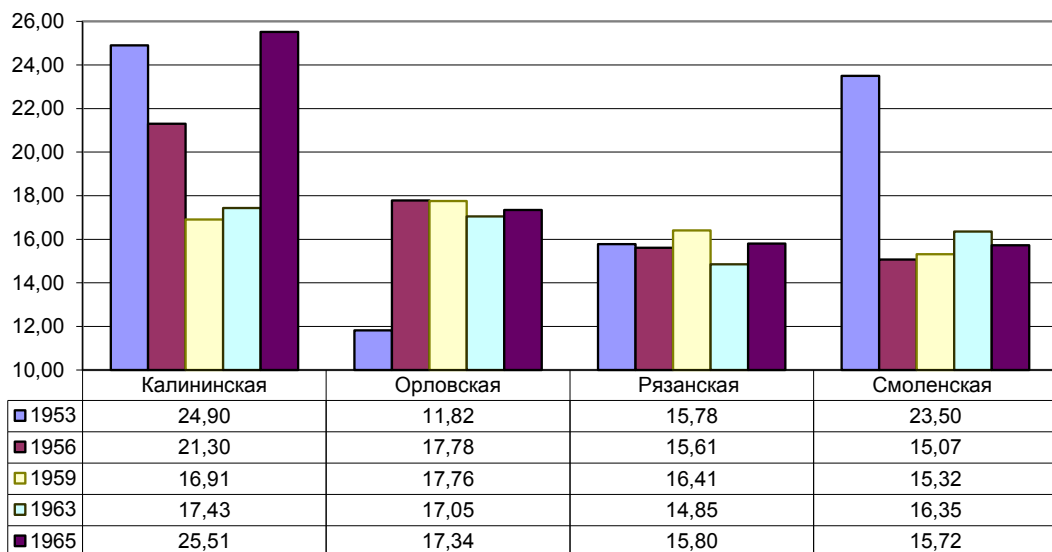

Рис. 21. Динамика изменения доли трудоспособных мужчин в общей численности колхозной семьи, %

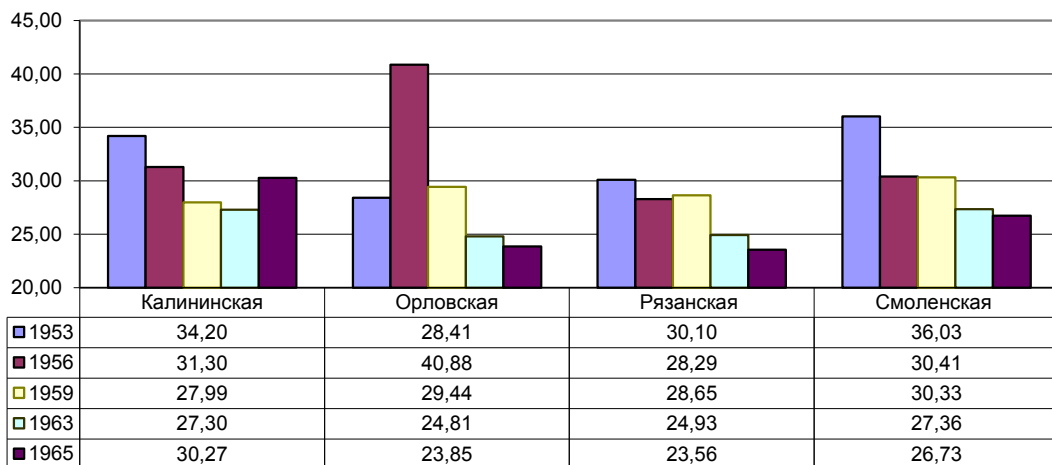

Рис. 22. Динамика изменения доли трудоспособных женщин в общей численности колхозной семьи, %

области доля трудоспособных мужчин увеличилась скачкообразно, даже несколько превысив уровень 1953 года. Его главной причиной стал миграционный отток подростков и (в меньшей степени) трудоспособных женщин. Очевидно, имела значение и востребованность преимущественно мужского механизаторского труда в трудоемком производстве. Если сравнивать ситуацию в Калининской и Смоленской областях, то необходимо учесть, что на рубеже десятилетий в Смоленской области происходило массовое преобразование колхозов в совхозы. Вместе с преобразованием изменился статус сельских жителей в отстающих колхозах, а потому в выборке за 1963 и 1965 годы отражены данные по оставшимся, относительно благополучным колхозам, что и объясняет отсутствие резких перепадов соответствующей кривой на графике.

Менее конфликтным выглядит развитие процесса в Орловской области. Улучшение условий труда в середине 1950-х годов вызвало увеличение доли трудоспособных в составе колхозной семьи. Вслед за этим на рубеже 1950–1960-х годов отмечается легко объяснимый спад с последующим выравниванием кривых и тенденцией к плавному понижению.

Обратим также внимание на то, что динамики роста числа трудоспособных и наличных трудоспособных в составе колхозной семьи могли не совпадать. Именно это явление имело место в Калининской области. В обследовании 1953 года¹ отмечалось увеличение доли трудоспособных (за счет массового оттока подростков) с одновременным сокращением доли наличных трудоспособных из-за увеличившегося числа нелегальных отъездов с целью постоянного либо временного обустройства в городе в условиях кризиса колхозной экономики.

Следующая диаграмма не нуждается в развернутой интерпретации (рис. 23)². Закономерность очевидна: доля престарелых в составе колхозной семьи неуклонно росла, при этом межобластные вариации не имели практического значения. В начале периода несколько менее старой выглядела орловская колхозная семья, более старой — смоленская. В конце периода наиболее старой оказалась калининская колхозная семья.

Естественным следствием увеличения доли престарелых был рост количества иждивенцев в колхозных семьях, особенно заметный

¹ ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 30. Д. 4000. Л. 143.

² Сост. по: ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 30. Д. 4011, 10311. Оп. 31. Д. 5544. Оп. 32. Д. 11697. Оп. 35. Д. 7899.

на фоне относительно стабильных семей рабочих и служащих. Эту тенденцию убедительно демонстрируют данные по Калининской области (табл. 26)¹.

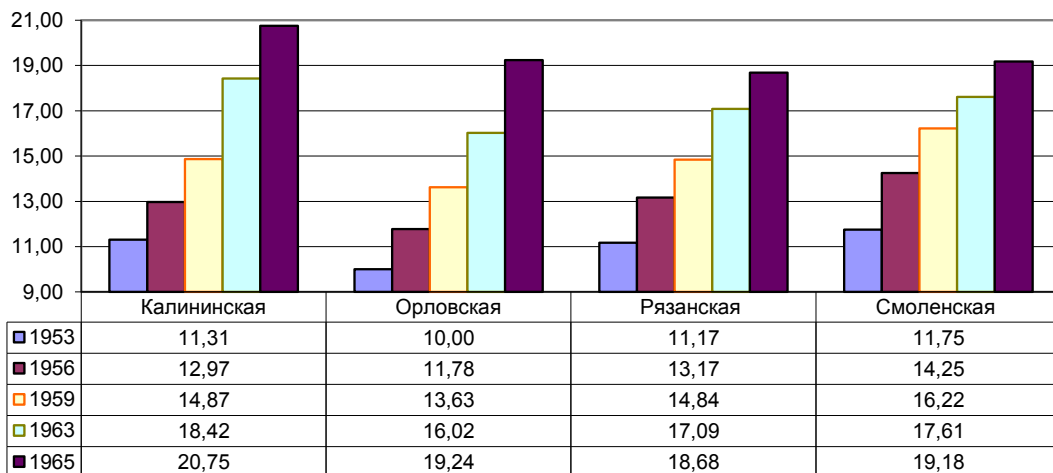

Рис. 23. Динамика изменения доли престарелых и инвалидов в общей численности колхозной семьи, %

Т а б л и ц а 26
Состав семей. Калининская область

	Рабочие		Колхозники	
	1958	1965	1958	1965
Члены семьи, всего	3,06	3,13	3,56	2,94
Детей до 11 лет	0,73	0,73	0,6	0,46
% детей	23,86	23,32	16,85	15,65
Женщин старше 55 и мужчин старше 60 лет	0,12	0,16	0,57	0,61
% престарелых	3,92	5,11	16,01	20,75
Всего нетрудоспособных	0,85	0,89	1,17	1,07
% нетрудоспособных	27,78	28,43	32,87	36,39

¹ Рассчитано по: ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 35. Д. 7896. Л. 242.

В течение семи лет в семьях рабочих наблюдалась тенденция к росту, в колхозных семьях — к сокращению. Семьи рабочих были гораздо более молодыми — за счет несколько большей доли детей и в четыре раза (!) меньшего количества пенсионеров. В колхозных семьях количество детей и престарелых было примерно равным, в семьях рабочих промышленности доля детей была многократно выше. По состоянию на 1959 год отмечалось, что 84,9% иждивенцев в рабочих семьях Калининской области составляли дети¹. Более половины колхозных семей Рязанской области в 1965 году состояли только из взрослых (54,1%), 18,5% имели по одному ребенку, 13,6% — по два². Что же касается общих тенденций в развитии рабочих и колхозных семей, то они были абсолютно схожими: в обоих случаях доля детей уменьшалась, а людей в старших возрастах — росла.

Совхозные семьи явно тяготели к городскому типу, занимая на рубеже 1950-х — 1960-х годов промежуточное положение между колхозными и рабочими (табл. 27).

Т а б л и ц а 27

**Доля трудоспособных членов семьи, %
(Калининская область, 1959 г.)³**

Рабочие промышленности	Рабочие совхозов	Колхозники
58,5	50,3	44,5

Описанная тенденция была совершенно закономерна для периода наиболее интенсивного оттока в города. В последующие десятилетия завершалась трансформация сельской семьи по городскому типу: одновременно с сокращением средней численности семей количество иждивенцев в них постепенно уменьшалось. Например, по состоянию на 1965 год в Орловской области на 100 работающих колхозников приходилось 114 престарелых, инвалидов и детей.

В 1980 году соотношение трудоспособных и иждивенцев выглядело уже как 100 к 77⁴. При этом всего лишь за год удельный вес

¹ ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 31. Д. 5539. Л. 52.

² Там же. Оп. 36. Д. 3878. Л. 38.

³ Там же. Оп. 31. Д. 5539. Л. 52.

⁴ Там же. Оп. 35. Д. 7899. Л. 139; ГАРФ (Архив Госкомстата), Ф. 374. Оп. 39. Д. 6447. Л. 96.

трудоспособных в колхозных семьях области увеличился на 3% и составил 56%. Это означает, что к началу 1980-х годов указанная трансформация еще не завершилась, поскольку фаза наиболее активного миграционного оттока наблюдалась на Орловщине именно в 1970-е годы. Кстати, увеличению количества трудоспособных в составе колхозных семей с середины 1960-х годов способствовало введение пенсий, что делало старшее поколение более независимым¹.

В середине 1980-х годов все еще отмечались полярные тенденции в структуре сельской семьи, выразившиеся в преобладании малых (из одного-двух человек) и все еще значительном количестве очень больших семей (из 6 человек и более, остатков прежнего сельского типа воспроизводства населения). При этом по сравнению с 60-ми годами численность очень больших семей сократилась примерно вдвое. Сохранялись труднопреодолимые различия в возрастной и половой структуре сельских и городских семей. В течение всего периода миграция в города определяла прогрессирувавшее старение сельского населения. Если также принять во внимание более активную миграцию женщин, то приходится констатировать утрату сельской семьей воспроизводящей функции. Кроме того, распространение в сельской местности в 80-е годы стандартов поведения, характерных для членов эгалитарных семей (при недостаточности условий, необходимых для выживания такого типа семьи на селе), обусловило непостоянство заключаемых брачных союзов. Рост числа разводов в сельской урбанизированной среде зафиксировал в своем исследовании В.И. Староверов². В другой работе отмечалось, что в 1989 году в пригородном Брянском районе распадался каждый второй брак³.

Обращалось внимание и на изменение мотивации при заключении брачных союзов по мере урбанизации села. Прежде достаточно широко распространенные хозяйственные соображения теперь лишь в исключительных случаях влияли на создание сельской семьи⁴, что также должно свидетельствовать о ее эгалитаризации.

---

¹ Будина О. Р., Шмелева М. Н. Город и народные традиции русских. М., 1989. С. 131.

² Староверов В. И. Некоторые проблемы социального развития современной деревни // Проблемы истории современной советской деревни. 1946–1973. М., 1975. С. 328.

³ Миронова Г. Л. Демографическая ситуация в сельских поселениях ЦЭР (на примере Брянской области) // Методика и опыт изучения сельских поселений Нечерноземья. М., 1991. С. 71.

⁴ Староверов В. И. Указ. соч. С. 328.

Новые акценты в оценке роли сельской семьи связаны с тем, что механизация производства на селе постепенно устраняет зависимость от общинного типа хозяйства и повышает ценность семейного производства. Сегодняшняя экономическая ее роль до конца не определена, констатируется лишь, что роль семейного хозяйства снижается в селах, но растет в городах¹, что отнюдь не лишает его перспективы. А потому приведем здесь оптимистичное утверждение Т. Шанина: «Семейная экономика — это экономика настоящего и будущего»².

6.9. Направления миграции

Исходя из того, что целью большинства сельских мигрантов был город, в этом разделе работы предполагается установить, какого рода города привлекали мигрантов в наибольшей степени. С точки зрения цели переезда нас интересуют населенные пункты трех типов: 1) местные районные центры; 2) свои областные центры и города областного подчинения; 3) города за пределами области.

Есть известное положение, выражающее ступенчатый характер миграции, проявляющийся в том, что переезжающие в большинстве случаев выбирают в качестве цели миграции близлежащие районы³. Исходя из этого, притягательность конкретных городов для мигрантов прямо пропорциональна степени их удаленности. В силу той же ступенчатости мигранты часто выбирают для вселения населенный пункт, занимающий более высокое место в иерархии поселений, но сохраняющий особенности места выхода. Иерархичность миграций свидетельствует о разном качестве жизни на каждом из иерархических этапов (село — малый — средний — крупный город). При этом потребности мигрантов учитывала только инфраструктура крупнейших городов, что было неизбежно в условиях отраслевого подхода. Трудности адаптации, тем не менее, создавали предпосылки для более или менее равномерного распределения мигрантов по населенным пунктам разных категорий⁴.

---

¹ Современные концепции аграрного развития... // Отечественная история. 1994. № 2. С. 48.

² Там же. С. 26.

³ Демографические проблемы занятости. С. 172.

⁴ Сеньявский А. С. Российский город в 1960-е — 1980-е гг. С. 156, 158.

Ж. А. Зайончковская отмечает, что с иерархичностью переселений связывались представления о миграционной устойчивости крупных сел и надежды на то, что население из мелких деревень в случае их ликвидации переселится именно в них. Но перепись 1970 года показала, что иерархические переселения вовсе не являлись преобладающими. За их счет было обеспечено от 10% механического прироста в городах с населением 20—50 тыс. чел., до 23% в городах с населением свыше 500 тыс. чел. Весь остальной механический прирост населения был обеспечен за счет непосредственного вселения сельских жителей¹.

По данным той же переписи, из 640,5 тыс. мигрантов из села, переселившихся в города и поселки городского типа в пределах Центрального района, мелкие городские населенные пункты с числом жителей до 20 тыс. чел. предпочли 123,1 тыс. (19,2%), что, собственно, и позволяет судить об иерархичности сельских переселений в Центральном Нечерноземье. Новые жители поселков городского типа преследовали, как правило, цель улучшения условий труда, стремились получить возможность сочетать сельскохозяйственный труд с другими его видами (т.е. избежать сезонности). Более крупные по размерам города, с числом жителей от 20 до 50 тыс. чел. и от 50 до 100 тыс. чел. выбрали соответственно 92 и 54,3 тыс. чел. (14,4 и 8,5%) переселенцев. Поток переселенцев из села непосредственно в города с населением от 100 до 500 тыс. жителей в конце 60-х годов в ЦЭР также был значительным и составил около 122 тыс. чел. (19%); крупные и крупнейшие города (от 500 тыс.) предпочли 71,8 тыс. чел. (11,2%). Наконец, внутрисельские переселения в пределах региона составили 27,7% (177,3 тыс. чел.)². То есть иерархия соблюдалась примерно в 47% случаев (внутрисельские перемещения, в том числе с сохранением или понижением статуса населенного пункта, и переезд в небольшие города). То, что большинство мигрантов в ходе переезда решалось на резкую перемену образа жизни, неизбежную в значительно более крупном поселении в сравнении с местом выхода, подтверждало распространенность городских стандартов среди переселенцев.

На примере Калининской области была разработана типология районов по характеру движения населения. Среди них выделялись «отражающие» (принимающие население из-за пределов области и отдающие в другие районы), «акцепторы» (принимающие

¹ Зайончковская Ж. А. Указ. соч. С. 59.

² Миграция населения РСФСР. С. 25.

и перераспределяющие в село), «доноры» (только отдающие) и «трансляторы» (перераспределявшие население между городами и селом внутри области). Полярные типы — это доноры и акцепторы. Донорские районы находились на крайнем западе и востоке области, в зонах влияния Москвы и Ленинграда. Акцепторы размещались на юге и юго-востоке, принимая население из более неблагополучных территорий сопредельных областей (преимущественно Смоленской). Между ними размещалась полоса районов-трансляторов, которых было большинство. Механизм миграции в 80-е годы действовал следующим образом: внешние мигранты переезжали в юго-восточные «акцепторные» районы сразу, либо используя малые и средние города в качестве промежуточных пунктов. Этот процесс накладывался на поток село — город, главным направлением которого был областной либо районные центры¹.

Было замечено, что в 60-е годы население стремилось на Украину, Кавказ, в Среднюю Азию, затем этот поток ослабел. Центральный экономический район, кроме того, служил традиционным поставщиком населения для Сибири, Дальнего Востока и Казахстана. К началу 70-х годов в ЦЭР ощущался недостаток рабочей силы, следствием чего стал миграционный приток. В 70-е годы в Северо-Западный и Центральный районы направлялось до 50% всех мигрантов, что было примерно сопоставимо с притоком в южную зону в 60-е годы. При этом 45% мигрантов по стране принимали Москва и Ленинград². Демографы лишь констатировали колебания в перераспределении населения между районами, отмечая, что они очень значительны в течение короткого промежутка времени и устойчивых динамических тенденций не обнаруживали³.

Графики на рис. 24 и 25⁴ дают представление о миграционных предпочтениях сельских мигрантов центральных областей. В 1970 году доля переселенцев в сельскую местность была наибольшей в Московской области, что легко объяснимо лучшими бытовыми условиями и хорошей транспортной доступностью мест вселения в сравнении с селом других центральных областей. С другой

¹ Ковалев Е. М. Современные миграционные процессы в Тверской области // Территориальная организация сельской местности Нечерноземья. Тверь, 1993. С. 70–72.

² Зайончковская Ж. А. Указ. соч. С. 72–74.

³ Там же. С. 75.

⁴ Сост. по: Там же. С. 25–28.

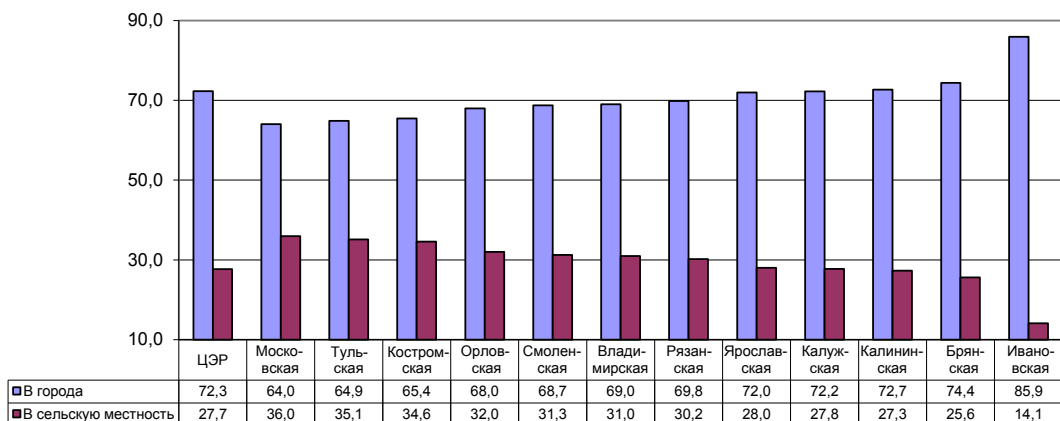

Рис. 24. Направления миграции из села по областям ЦЭР, по данным ВГН, %, 1970 г.

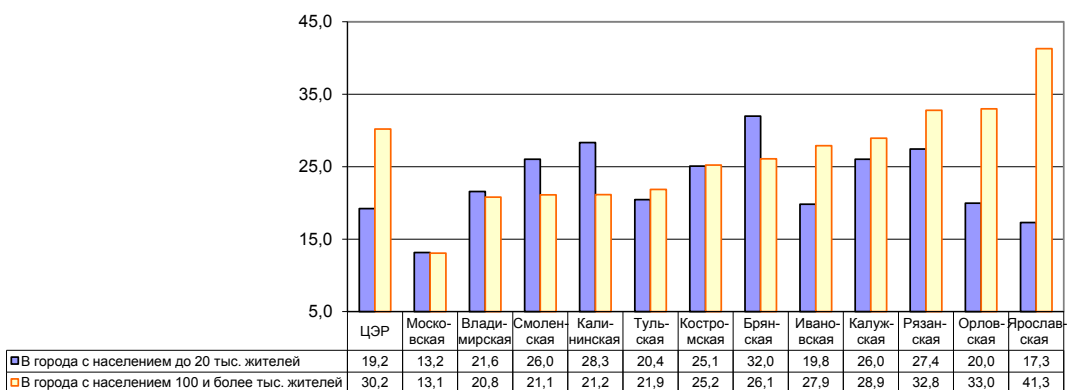

Рис. 25. Направления миграции из села по областям ЦЭР, по данным Всесоюзной переписи населения, %, 1970 г.

стороны, повышенная по отношению к среднерегionalному уровню миграция в города могла объясняться не только депрессивным характером развития села, но и сильной урбанизированностью территории (Ивановская область).

Преобладающей тенденцией в границах ЦЭР в 1970 году было переселение жителей села в крупные города с населением 100 и более тысяч жителей. Однако на уровне отдельных территорий ей соответствовали лишь области, переживавшие в то время активную

стадию урбанизации (Брянская, Калужская, Рязанская и Орловская), а также индустриально насыщенные северо-восточные Ивановская и Ярославская. Количество сельских мигрантов в небольшие города было наибольшим в мелко- и среднеселенных аграрных областях запада — Брянской, Калининской и Смоленской. Не должно удивлять малое количество мигрантов из села в города Московской области: на этом этапе стадия активного оттока в границах агломерации завершилась, начиналось рекреационное освоение мелких и мельчайших поселений. Население мегаполиса пополнялось преимущественно за счет городских мигрантов.

Другой проблемой является выяснение соотношения между внутриобластными и межобластными миграциями. Следует заметить, что выбор места вселения определялся условиями в районах выхода, определенной инерцией в формировании миграционных потоков, а также действием глобальных процессов в масштабах страны в целом.

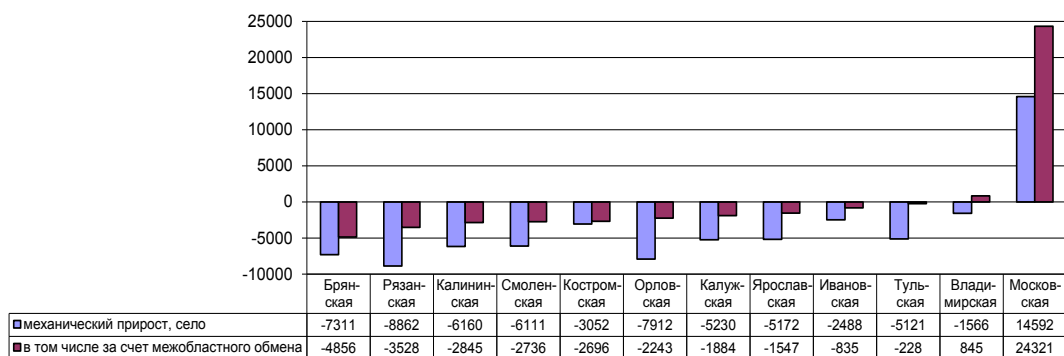

Рис. 26. Механический прирост сельского населения по направлениям оттока, чел. 1964 г.

Диаграмма на рис. 26¹ отображает соотношение внутри- и межобластных сельских миграций по состоянию на 1964 год. При положительном значении показателя прироста за счет межобластного обмена количество приезжавших в село из-за пределов области было больше, чем уезжавших. Эта тенденция отмечалась лишь в Московской и Владимирской областях. В Тульской и Ивановской области межобластной обмен сельским населением был почти сбалансирован. Остальные области ЦЭР в тот нелегкий для села Центра период

¹ Сост. по: ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 35. Д. 3161.

интенсивно теряли свое сельское население в миграционном обмене с другими территориями.

Не менее важен и другой показатель: доля выбытий за пределы области в общем числе выбывших (см. табл. 11). Наименьшим он был в Тульской области — только 4,4% всех выбытий (причина — развитая местная промышленность). Наибольшим — в Костромской (88,3% всех выбытий), существенным — в Брянской (66,4% выбытий).

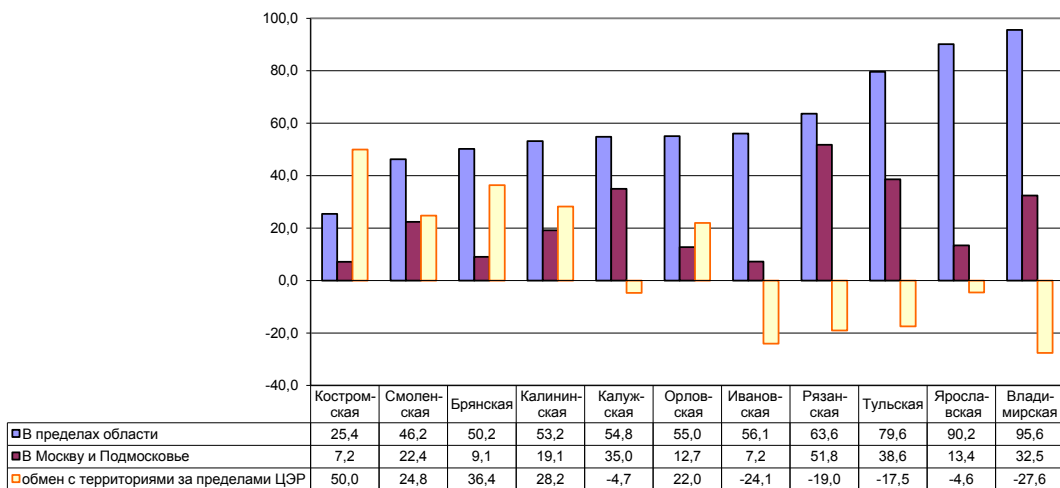

Рис. 27. Направления сельской миграции по областям ЦЭР, % к общей численности мигрантов. 1968 г.

На рис. 27¹ представлено соотношение выбытий за пределы района и миграций в Москву и Подмосковье по состоянию на 1968 год. Это позволяет судить о степени привлекательности межрегиональных переселений, в том числе в сравнении с внутриобластными. Чаще всего переезд в границы своей области выглядел более привлекательным. Тенденция нарушалась лишь в Костромской области, где большинство переселенцев выезжало за пределы ЦЭР. Это явление прослеживается в течение всего послевоенного периода и объясняется слабой урбанизированностью территории, низкой привлекательностью собственного областного центра, а также большим количеством населения (в течение долгого времени сюда ехали рабочие,

¹ Сост. по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 45. Д. 9780. Л. 1,5, 22–23.

которых привлекали по оргнабору на лесозаготовки)¹. Внутриобластные перемещения чаще отмечались в промышленно развитых Владимирской, Ярославской и Тульской областях. Неплохой была ситуация и в Рязанской области, но здесь по-прежнему большим, из-за давних традиций отходничества, был отток сельского населения в Москву и Подмосковье. В силу пограничного положения на стыке трех республик существенным был отток за пределы региона в Брянской области.

Приток из-за границ ЦЭР (на диаграмме — данные ниже нулевой отметки; положительные данные, напротив, свидетельствовали о преобладании оттока за границы ЦЭР над притоком) наблюдался в пограничных с Московской, преимущественно северо-восточных и южных областях. Здесь располагались так называемые «карманы» — места, где накапливались потенциальные мигранты, желавшие стать москвичами, но не имевшие такой возможности. Эти территории входили в состав Московского столичного региона по критериям транспортной доступности, пассажиропотоков и маятниковой миграции. Поэтому далеко не все обитатели «кармана» в конце концов переезжали в Москву. Для многих было достаточно пользование социальными благами Москвы и Подмосковья с приемлемыми временными затратами, при этом отсутствовали проблемы с пропиской. Самыми большими «карманы» были во Владимирской (Петушки—Александров), Калужской (Обнинск—Малоярославец) и Калининской (Конаково—Кимры) областях².

В 50—70-е годы количество прямых переездов из села в крупнейшие города сократилось в сравнении с довоенным временем, но продолжало оставаться значительным. Часто областные центры были не в состоянии обеспечить достаточное количество рабочих мест «своим» мигрантам. Данные переписи 1970 года позволяют сделать вывод: наиболее часто целью переселения были Москва и Московская область, затем Ленинград, и лишь потом — близлежащие области³.

---

¹ В 1970-е гг. неблагоприятная тенденция преимущественного оттока сельского населения в другие регионы по сравнению с местными центрами в Костромской области сохранится; похожие процессы будут отмечаться также в Орловской области. Между переписями 1970—1979 гг. в этих областях будет отмечена самая большая убыль — соответственно 30 % и 28 % всего населения (*Переведенцев В. И. Какие мы? Сколько нас? М., 1989. С. 19*).

² *Ковалев Е. М. Указ. соч. С. 68–72.*

³ Миграция населения РСФСР. С. 98–121.

Как видим, особенно интенсивно в Москву и Подмосковье переселялись (в порядке убывания количества мигрантов) жители села Рязанской, Тульской, Калужской, Владимирской и Смоленской областей. Отсутствие в списке Калининской области не должно вводить в заблуждение — к 20 %-й миграции в Москву и Подмосковье из ее села добавлялись еще почти 26 % переселенцев в Ленинград и область. Большая притягательность Ленинграда сложилась исторически и объясняется ориентированностью отходников на бывшую столицу. Кроме того, именно в Калининскую область эвакуировали блокадников. Поэтому зона влияния Ленинграда на территории Калининской области выглядела непропорционально большой, учитывая меньшее население Ленинграда в сравнении с Москвой и вдвое большее до него расстояние (эта зона была вытянута вдоль северо-западной границы области с большим языком на северо-востоке)¹.

Как можно судить на основании того же графика, кроме Калининской, центростремительная тенденция (по отношению к Москве) была выражена слабее также в Костромской, Брянской, Орловской и Смоленской областях (миграция за пределы района превышает отток в Москву и Подмосковье). Разумеется, имел значение фактор сравнительной удаленности от центра. Но эта закономерность, справедливая в применении к остальным «аномальным» территориям, не срабатывает в отношении Смоленской области, граничащей с Московской. Не менее (если не более) убедительным выглядит объяснение, основанное на преимущественно аграрном характере экономики всех перечисленных областей. Для относительно слабоурбанизированного местного сельского населения привлекательность Москвы и Подмосковья в качестве конечной цели переселения могла быть ниже, чем в более индустриально насыщенных областях Центрального Нечерноземья.

Вот как, к примеру, в 1961 году выглядела структура выбытий сельского населения по Орловской области (из числа выбывших за пределы области) (табл. 28²).

Присутствие в списке отдаленных территорий (Архангельская область и Приморский край) объясняется продолжавшимся в то время сельскохозяйственным переселением на эти территории. При довольно значительном обмене с Москвой и Подмосковьем (22,6 % всех выбытий и 53 % механической убыли) существенную

¹ ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 32. Д. 7042. Д. 7043.

² Рассчитано по: Там же. Д. 3080. Л.40.

Т а б л и ц а 28

**Межобластной обмен сельского населения по Орловской области,
1961 г.**

Глава 6
ОСОБЕННОСТИ
ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО
РАЗВИТИЯ
ЗАПАДНОРУССКОЙ
ДЕРЕВНИ
В ПОСЛЕВОЕННЫЕ
ДЕСЯТИЛЕТИЯ

	Прибыло из области	Выбыло в область	Механический прирост
г. Москва	85	658	–573
Московская	136	415	–404
Брянская	287	691	–279
Донецкая	662	815	–153
Курская	277	408	–131
Архангельская	151	280	–129
Приморский край	140	245	–105
Тульская	535	601	–66
Ростовская	249	280	–31
Воронежская	156	152	4
Луганская	230	200	30
<i>Итого</i>	2908	4745	–1837

роль в миграционном обмене играли соседние области — Брянская, Воронежская, Курская и Тульская, а также более отдаленные Донецкая, Луганская и Ростовская. При том что по отношению к Москве и Подмосковию область играла роль донора (обратный приток оттуда и в малой степени не компенсировал отток), контакты с другими территориями (за исключением Брянской) были менее болезненными за счет развитого обмена по линии «село — село».

Попробуем определить, какие регионы играли наиболее значительную роль в приросте населения Москвы и Подмосковию (табл. 29¹ и диаграмма на рис. 28²).

¹ ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 11. Д. 1000. Л. 189.

² Сост. по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 45. Д. 9780. Л. 28.

Доля отдельных регионов в приросте городского населения
Московской области за счет села, %. 1950 год

Рязанская	20,6
Тульская	8,1
Орловская	6,7
Тамбовская	6,5
Калужская	6,4
Воронежская	6,1
Смоленская	4,9
Владимирская	4,0
Калининская	3,2

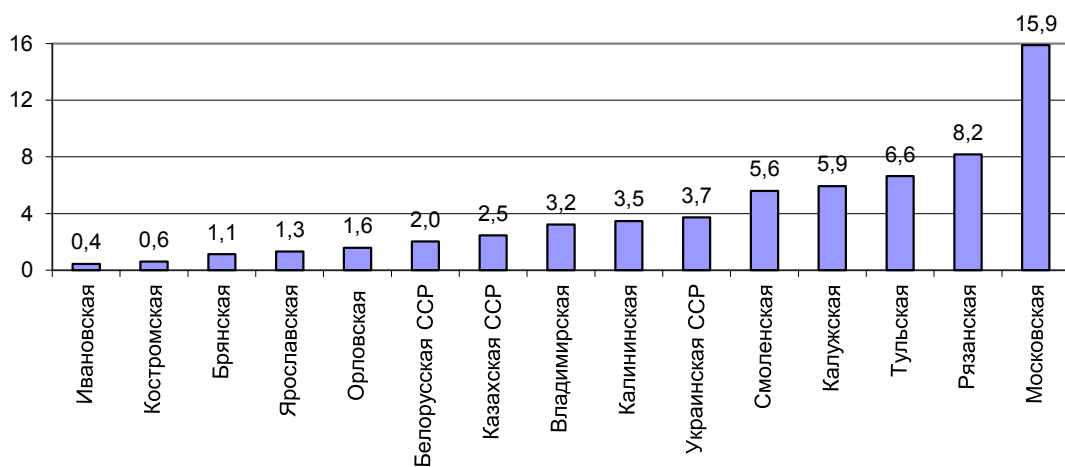

Рис. 28. Доля отдельных регионов в приросте городского населения
Московской области за счет села, %. 1968 г.

Подтверждается тенденция, проявившаяся на предыдущей диаграмме — низкая активность в обмене жителей Ивановской области со столичной. Сельская миграция в Москву и Подмоскowie оказалась там даже меньше, чем в отдаленных аграрных Брянской и Костромской областях. Чтобы объяснить это явление, вспомним, что Ивановская городская агломерация была одной из старейших

в Центре, а потому фаза активного сельского переселения в города для нее осталась в прошлом. То же, хотя и в меньшей степени, можно сказать о Ярославской области. К тому же, в ее пределах существовало собственное сильное индустриальное предложение. А вот прямая миграция в Москву и Подмоскovie из Владимирской области в 1968 году оказалась более интенсивной, даже несмотря на меньшую в сравнении с Ярославской территорию, при том, что в 1950 году область находилась в нижней части списка доноров. Это естественно, если учесть, что агломерационное развитие началось здесь значительно позже.

Значительное снижение донорской доли Рязанской области в 1968 году по сравнению с 1950 года. объясняется развитием собственных агломерационных процессов на ее территории, в результате росла привлекательность местных городских центров.

В соответствии с отмеченной выше тенденцией в конце 60-х годов начался приток населения отдаленных территорий в Центральный район, и особенно в столичную область. Как видим, наиболее интенсивным он был из Украины, Казахстана и Белоруссии, что естественно, если принять во внимание значительную численность населения этих республик. В целом же 46% мигрантов в Москву и Московскую область переселялось из-за пределов ЦЭР¹.

Объемы внутрисельского обмена населением из-за отсутствия паспортизации села с трудом поддаются учету. Перепись 1970 года позволяет сделать вывод о том, что они были довольно большими. В 1967 году при том, что в город переехали 16,5 тыс. сельских жителей Подмоскovie, внутрисельский обмен составил 14,4 тыс. чел.². Другой пример: если в 1968—1969 годы в город из села переехало около 34 тыс. жителей Брянской области, то из села в село мигрировало около 12 тыс. чел.³. Причем в сопоставлении со сведениями областного статуправления за 1960—1961 годы можно видеть, что за десятилетие количество таких переселенцев уменьшилось незначительно⁴.

В межобластных миграциях по направлению село — село продолжала действовать общая тенденция, т.е. области ЦЭР играли донорскую роль по отношению к Подмоскovie. Причины миграции

¹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 45. Д. 9780. Л. 28.

² ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 36. Д. 7413; д. 7415. Л. 3.

³ Миграция населения РСФСР. С. 19.

⁴ ГАБО. Ф. 2419. Оп. 1. Д. 1444. Л. 8. Д. 1438. Л. 113.

в подмосковное село были очевидны — лучшие условия труда и более высокая его оплата по сравнению с местом выхода. Правда, вклад отдельных областей по сравнению с потоком село — город был несколько иным (табл. 30).

Т а б л и ц а 30

**Механический прирост сельского населения Московской области
за счет сопредельных областей, чел. 1962 г.**

Тульская	+2226
Рязанская	+1710
Калининская	+947
Владимирская	+876
Смоленская	+750
Калужская	+740

Первое место Тульской области, отодвинувшей на второе бесспорного лидера по передаче собственного сельского населения Подмосковью — Рязанскую область, позволяет оценить степень индустриального развития территории. Та же ситуация и с Владимирской областью — в межобластном обмене в целом ее место было не слишком высоким из-за собственного высокого индустриального предложения; напротив, во внутрисельском обмене она выступала в числе явных лидеров. С другой стороны, по мере урбанизационного развития территории интенсивность оттока по направлению село — село снижалась. В 1957 году упомянутая Владимирская область занимала безусловное первое место во внутрисельском обмене с Подмосковьем. В дальнейшем по мере формирования Владимирской городской агломерации миграция за пределы области (и в том числе внутрисельская) естественным образом уменьшилась¹.

Ценность исследования внутрисельских миграций состоит именно в том, что они позволяют выявить миграционные предпочтения жителей села без оглядки на степень урбанизированности территории. В очередной раз приходится пожалеть об отсутствии сопоставимой статистики перемещений по направлению село — село.

Необходимо упомянуть о специфической в советских условиях форме переселения городских жителей, а именно, о миграционном потоке из города в село. Это уместно потому, что во-первых, приезжающие горожане становились частью сельского населения, оказывая существенное влияние на его развитие; во-вторых, потому что значительная часть населения, переезжавшая из города в село, состояла из лиц, ранее мигрировавших из сел в города, но не сумевших или не захотевших там остаться. Таких мигрантов было немного. Самый масштабный организованный приток горожан в село был отмечен в 1947—1957 годы, когда в колхозное производство для оказания помощи деревне по стране в целом пришло около 70—80 тыс. городских специалистов¹. Позже подобные мероприятия не проводились. В 1970-е годы в некоторых районах РСФСР, в основном в западной ее части, была отмечена кратковременная тенденция обратного оттока город — село: ехали специалисты по распределению, часть бывших сельских жителей, редко — горожане. На миграционном балансе в целом этот процесс не отразился². Не принесла успеха и кампания, организованная в 1980-е годы газетой «Комсомольская правда» и журналом «Крестьянка» под названием «Выбираю деревню на жительство». Следует обратить внимание, что среди немногих переселившихся в село в те годы около 40% составляли механизаторы, которые чувствовали себя в деревне увереннее, чем представители других профессий³.

Продолжая тему качественного состава приезжавших в село, отметим следующее: 1) чаще ехали бывшие сельские жители; 2) среди них больше было мужчин; 3) в городе труднее приживались выехавшие туда лица моложе 25 лет: в возрасте от 18 до 21 года был каждый третий выехавший, от 22 до 24 лет — каждый второй; 4) в село мигрировали преимущественно люди со средним и среднетехническим образованием, а получившие неполное среднее и высшее оставались в городе, т.е. имела значение перспектива трудоустройства; наконец, 5) среди приехавших больше было рабочих, чем служащих⁴. Если же

---

¹ *Тюрин А. П.* О некоторых изменениях в составе и расстановке кадров производственно-технической интеллигенции сельского хозяйства на завершающем этапе строительства социализма // Проблемы истории современной советской деревни. 1946—1973. М., 1975. С. 362.

² *Сенявский А. С.* Указ. соч. С. 158.

³ *Денисова Л. Н.* Указ. соч. С. 47.

⁴ *Евтеева Н. В.* Кто и почему возвращается в село // Социологические исследования. 1987. № 2. С. 61—64.

вести речь о переехавших в село горожанах, то чаще всего это были владельцы дач. Кроме того, в 70-е годы вследствие депопуляции распространились случаи покупки (наследования) домов в селе. Эта практика была узаконена в 1989 году¹.

Существовала еще одна разновидность возвратной миграции — возвращались жертвы насильственного переселения в ходе ликвидации «неперспективных» деревень. Конечно, это была другая категория людей. Среди них большинство составляли люди в преклонном возрасте.

Увеличение количества возвратов теоретически было возможно в связи с улучшением материального положения населения во второй половине 60-х годов². Это предположение тогда не нашло серьезного подтверждения. Напротив, цифры показывали снижение обратного потока в село. В Брянской области в конце 60-х годов в деревню ежегодно возвращалось только около 9 тыс. чел., тогда как в начале десятилетия — 15 тыс. чел. при том, что миграция была тогда значительно меньшей³. Причиной были повысившиеся возможности адаптации сельских жителей в городе и дальнейшее разрушение сельского семейного уклада. Реальный же рост числа добровольных возвратов отмечен позже, во второй половине 70-х годов⁴.

6.10. Организованная миграция

Толчком для создания советской системы организованного переселения послужило отмеченное в середине 1920-х годов большое количество желающих переехать из центральных губерний за Урал. Побудительными причинами выступали идеологическое давление на деревню, осознание невозможности сохранения прежнего уклада вкупе с проблемой малоземелья. В 1924 году по стране заявок на переезд было 163 тыс., а в 1926 году — 500 тыс. С 1925 года в системе Наркомзема начала действовать программа организованного переселения. В ее рамках только за 1925—1929 годы в Сибирь

---

¹ Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен. С. 385–386.

² Шабанова М. А. Сезонная и постоянная миграция населения в сельском районе: комплексное социолого-статистическое исследование. Новосибирск, 1991. С. 35.

³ Староверов В. И. Указ. соч. С. 149.

⁴ ГАБО. Ф. 2419. Оп. 1. Д. 1444. Л. 8. Д. 1438. Л. 113.

(обычное направление тогдашних переселений) переехало около 910 тыс. чел. При этом на долю Центрального района приходилось около 10% от этого количества¹. С учетом того, что на территории района строилось огромное количество новых промышленных предприятий, привлекавших рабочие руки, эта цифра вряд ли могла быть большей. Последующее переселение, достаточно массовое, проводилось в рамках начавшейся коллективизации. При этом обозначившиеся ранее тенденции, касающиеся численности, районов выхода и вселения переселенцев, в основном сохранялись.

После Великой Отечественной войны содержание процесса несколько изменилось. По-прежнему многие территории востока РСФСР оставались главным направлением выхода для переселенцев. Вместе с тем положение Центрального района как региона-донора существенно ухудшилось. К последствиям массовых миграций из села в довоенные годы добавились серьезные военные потери. Аграрное перенаселение перестало существовать. Тем не менее, это не повлекло за собой изменение государственной политики в отношении территорий, традиционно поставлявших переселенцев. Давала себя знать инерция подходов. И поэтому, хотя Центральное Нечерноземье интенсивно теряло собственное сельское население в результате стихийной миграции, многие области Центра (а сразу после войны — большинство) отправляли своих жителей на восток.

В послевоенной переселенческой политике появился новый фактор. Помимо очевидной экономической целесообразности заселения районов нового освоения, легко вписывавшейся в планы послевоенных пятилеток, в концепции переселения присутствовал политический акцент, усилившийся после войны. Речь шла о заселении русскими территорий, прежде занимаемых другими народами. Концентрированно суть этой политики была выражена в названии одного из постановлений Совета Министров СССР: «О репатриации из Сахалинской области японских военнопленных и интернированных гражданских лиц и о переселении колхозников и другого сельского и городского населения в Сахалинскую область для работы в промышленности и на транспорте» (№ 3014 от 28 августа 1947 г.)². Помимо Сахалинской, ставилась задача замены переселенцами местных жителей в Карелии (тогда входившей в Ленинградскую область),

¹ Платунов Н. И. Переселенческая политика Советского государства и ее осуществление в СССР (1917 — июнь 1941 гг.). Томск, 1976. С. 82, 74.

² ГАКО. Ф. 883. Оп. 15. Д. 89. Л. 130.

Калининградской и Саратовской областях (в последней до войны, как известно, существовала Республика Немцев Поволжья). Кроме того, в 1946 году завершалась ранее начатая программа подобных мероприятий в отношении Крымской и Грозненской областей.

Территории Центральной России рассматривались в качестве основного источника ресурсов для переселения. Проблема решалась следующим образом: планируемое число переселяемых семей распределялось примерно равными долями среди областей, имевших репутацию малоземельных. При этом в Нечерноземном Центре несколько большее количество семей предлагалось переселить западным и юго-западным областям, как имеющим аграрную специализацию, а следовательно, по мнению переселенческих органов, более существенные излишки рабочей силы. Практика равного распределения заданий между областями как нельзя лучше иллюстрировала инерционность переселенческой политики. Смоленская область на протяжении ряда послевоенных лет продолжала быть втянутой в обязательства по переселению, между тем аграрное перенаселение здесь было ликвидировано уже к середине 30-х годов¹.

Представление о масштабах переселений дают следующие данные. Например, по плану на 1947 год в Сахалинскую область необходимо было отправить 22 500 семей переселенцев. При этом по тысяче семей требовалось направить из большинства областей Центра². А всего за первое послевоенное пятилетие из Центрального Нечерноземья было переселено 156 тыс. колхозных семей, из них 80 % — организовано, а остальные самостоятельно³. В некоторые области выхода был организован встречный поток переселенцев. В Центральном экономическом районе эта практика проводилась в отношении Калининской и Ярославской областей. Так, по плану 1947 года, из 1117 семей ингерманландцев, переселенных из Калининградской области, 658 приняла сельская местность Калининской, а 107 — Ярославской области⁴.

Переселения второй половины 40-х годов носили на себе следы аврального подхода, что было рецидивом военного времени. Впоследствии возобладало более трезвое отношение к практике организованных переездов. По-видимому, экономические соображения постепенно стали

¹ Казаков А. И. Население Смоленщины: прошлое и настоящее. С. 73.

² ГАКО. Ф. 883. Оп. 15. Д. 89. Л. 135.

³ Зима В. Ф. Указ. соч. С. 206.

⁴ ГАРФ. Ф. А-327, Оп. 2. Д. 443. Л. 78.

перевешивать значение политических факторов. Из числа поставщиков населения были исключены области с неудовлетворительным балансом трудовых ресурсов, в том числе Смоленская.

Задача отбора возлагалась на переселенческие отделы при обл. исполкомах, реорганизованные в 1945 году из отделов по хозяйственному устройству эвакуированного населения¹. При отборе семей в районы, прежние жители которых интернировались, приоритет отдавался селянам. Так, при переселении в Сахалинскую область в 1946 году в Брянске распорядились послать 110 семей из города и 890 из села². Впоследствии переселялось исключительно сельское население. В инструкциях по организации оргнабора и переселения находила отражение ставка на лучшие сельские кадры. Необходимой признавалась вербовка «демобилизованных и лучших колхозников»³. В отчетах обычно присутствовали цифры количества привлеченных специалистов; в подходе к сельскохозяйственному переселению определяющим был принцип отбора семей, имевших не менее двух трудоспособных членов⁴. Таким образом, структура трудовых ресурсов в местах выхода ухудшалась.

Льготы, предлагавшиеся переселенцам, по теперешним меркам выглядят весьма скромными. Однако в послевоенных условиях они действительно играли роль стимулирующего фактора при принятии решения о переезде в другую часть страны. В местах вселения приехавшим по государственным ценам за наличный расчет продавалось продовольственное зерно по 1,5 ц на главу семьи и 0,5 ц на члена семьи; выдавалось денежное пособие 1000 руб. на главу и по 300 руб. на члена семьи; прибывшим бесплатно передавался жилой дом с приусадебным участком от 0,25 до 0,6 га, а на Карельском перешейке — от 0,6 до 1 га; каждой семье в местах вселения полагалось одно пальто, 30 м хлопчатобумажных тканей, 10 л керосина, 10 кг соли, 40 коробок спичек, а каждому члену семьи — одна пара обуви, один головной убор (платок или шапка), две пары носков или чулок, две катушки ниток, 2 кг хозяйственного мыла; во время переезда бесплатно выдавался сухой паек на 10—15 суток и один раз в сутки платный горячий обед из двух блюд⁵.

¹ ГАВО. Ф. 6. Оп. 3. Д. 130. Л. 214.

² Там же. Д. 212. Л. 336.

³ ГАКО. Ф. 883. Оп. 16. Д. 196. Л. 249.

⁴ Там же.

⁵ ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 443. Л. 38–39. Д. 441. Л. 86.

Довольно часто организация переселения оставляла желать лучшего, что не могло не влиять на количество желавших переселиться. Из отчетов переселенческого управления за 1947 года узнаем, что переселенцы из Костромской в Калининградскую область в течение четырех суток ожидали подачи вагонов, а 500 человек, переселявшихся из Калужской области, шесть суток находились на станции Козельск под открытым небом, что привело к массовым заболеваниям детей¹. В Масловском и Некоузском районах Ярославской области переселенцам продавали продукты по завышенным ценам. Многим из них приходилось платить за ночлег личные деньги². Переселенцам из Судогодского района Владимирской области вместо печеного хлеба выдавали муку, людей размещали в вагонах очень скученно³.

Другим препятствием к переселению было нежелание местных властей отпускать работников из своей области. В 1947 году против переселения возражали руководители Владимирской, Калининской, Ярославской областей, обосновывая свое несогласие недостатком рабочей силы в колхозах⁴. Эти возражения обычно не принимались во внимание как в силу представлений об излишке рабочей силы в областях выхода, реальном или воображаемом, так и из-за мобилизационного характера сельскохозяйственного переселения второй половины 1940-х годов.

Что касается излишка, то он оценивался по-разному, от 15 тыс. трудоспособных в Калининской до 110 тыс. во Владимирской областях⁵. Кроме того, в некоторых областях местным властям указывалось на целесообразность внутриобластного переселения и на приток жителей из районов выселения. Тем не менее об остаточном перенаселении в первые послевоенные годы можно было говорить главным образом лишь в применении к западной части ЦЭР. Так, в Жиздринском районе Калужской области на одного трудоспособного приходилось 2,6 га пашни, в Людиновском — 3,0 га, в Кировском — 2,5 га⁶, в то время как в областях вселения этот показатель обычно превышал 10 га на одного работающего.

Одной из серьезных проблем, волновавших переселенческие органы, было распыление плана отбора. Например, для отбора

¹ ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 442. Л. 24.

² Там же. Д. 441. Л. 92.

³ Там же. Д. 561. Л. 2.

⁴ Там же. Д. 441. Л. 92.

⁵ Там же.

⁶ ГАКО. Ф. 883, Оп. 16. Д. 396. Л. 7.

250 семей колхозников в Ярославской области в 1947 году было привлечено 17 районов и 170 колхозов, во Владимирской — 16 районов для отбора 150 семей и т.п.¹ Распыление было нежелательным, так как, во-первых, компактно проживающие группы односельчан лучше приживались на новом месте в сравнении с одиночками, а во-вторых (что не афишировалось), в случае возвращения группы переселенцев из-за плохих условий в местах вселения их негативный опыт не распространялся за пределы одной или нескольких деревень. В то же время на местах были заинтересованы именно в распылении отбора, поскольку выбытие одной-двух семей из колхоза не оказывало существенного воздействия на состояние местных трудовых ресурсов.

Лучше других с организацией отбора в Центральной России справлялись Московская и Орловская области. Сообразно представлениям эпохи, большую роль играла внешняя сторона дела. В частности, отмечалось, что все эшелоны с переселенцами, отправлявшиеся из Московской области, были художественно оформлены лозунгами, плакатами, портретами вождей и т.п., в отличие от Рязанской и Владимирской областей, где ничего подобного не было².

В первые послевоенные годы отношение самих колхозников к переселению было скорее положительным, что определялось неудовлетворительной экономической конъюнктурой в местах выхода. В 1949 году даже отмечались случаи приписки в состав семьи посторонних лиц с целью создать видимость наличия в семье двух трудоспособных членов семьи (необходимое условие отбора на переселение)³.

Материалы по Калужской области неплохо объясняют причины, побуждавшие колхозников переселяться. Так в 1952 году из колхоза «Верный путь» Хвастовичского района вместо запланированных к переселению четырех семей в Молотовскую область фактически переселилось восемь, а желало еще десять. Дело в том, что большинство колхозников предпочитали работать на близлежащих предприятиях — в леспромхозе и на стеклозаводе, номинально оставаясь членами колхоза. В результате фактическая нагрузка земли по колхозу на каждого оставшегося трудоспособного составила не три, а семь га⁴. Этот пример доказывает, что в условиях Центрального

¹ ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 561. Л. 1–2.

² Там же. Л. 14.

³ ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 473. Л. 3.

⁴ Там же. Д. 590. Л. 45.

экономического района, где существовали многочисленные промышленные предприятия и богатые традиции отходничества, бумажные расчеты нагрузки пашни на одного трудоспособного колхозника очень часто были далеки от реальности.

По мере того как практика переселений и оргнаборов утрачивала мобилизационный характер, и особенно после либерализации, наступившей в середине 50-х годов, на местах все отчетливее стало проявляться противодействие проводимым мерам.

Постепенно обозначалось все более активное сопротивление местных властей, не желавших терять рабочую силу. На практике это выливалось в препятствия, чинимые заключению договоров с колхозниками, игнорирование вербовщиков¹. Иногда от переселявшихся местные органы власти требовали справки о согласии на переселение руководителя хозяйства, предписывали возвращать недоимки, чем нарушали закон о переселении². Любопытно, что в 1949 году на вопрос проверяющих выполнение плана переселения в Калужской, Костромской, Рязанской и Ярославской областях о причинах невыполнения задания был дан ответ, что местные руководители о нем не знали. Совершенно ясно, что в конце 40-х годов можно было позволить себе не знать лишь о том задании, за выполнение которого строго не спрашивали (либо задание не было доведено до исполнителей, что не менее показательно). Несвоевременный расчет с государством по госпоставкам имел гораздо более серьезные последствия, нежели срыв плана отбора переселенцев. Понимая это, местные руководители разных уровней из двух зол выбирали меньшее. Из многочисленных примеров несогласия с планом переселения приведем лишь несколько. В 1952 году второй секретарь Ульяновского райкома ВКП(б) Калужской области Степанова открыто заявляла, что «...не будет возражать, если ее снимут за переселение с работы»³. Тогда же секретарь Орловского обкома партии Волков подверг сильной критике редактора Задонской районной газеты за опубликование материала по переселению и запретил печатать материал по переселению, а зав. сектором печати обкома дал письменное указание райкомам партии, запрещающее опубликовывать материал по переселению без ведома обкома. Председатель колхоза из Верховского района Орловской области Сапунов «27 мая с.г. (1952.— О.Г.) обругал инспектора

¹ ГАБО. Ф. 6. Оп. 3. Д. 370. Л. 133.

² ГАКО. Ф. 883. Оп. 16. Д. 1149. Л. 10.

³ ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 590. Л. 52.

переселенческого отдела т. Минаева нецензурными словами и выгнал из райисполкома, заявивши: “я сам все сделаю, нечего ездить по сельсоветам”»¹.

Такая смелость в высказываниях и поступках ясно говорила об одном: программа переселения зашла в тупик. Причем все чаще местные руководители в своем неприятии переселенческой программы опирались на мнение «обратников», т.е. вернувшихся переселенцев. При этом, несмотря на относительно небольшое количество вернувшихся по отношению к укоренившимся переселенцам, их влияние на формирование негативного общественного мнения в местах выхода было чрезвычайно сильным. В 1952 году в Шиловский район Рязанской области из 65 семей переселенцев на Карельский перешеек вернулось 16. В результате, по донесению местных переселенческих органов, «в этом районе совершенно прекратилось переселение в Ленинградскую область и район был переключен на Свердловскую область»². При определении направлений переселения обычно старались учитывать принцип совпадения природных условий, сформулированный еще в 1918 году в «Законе о социализации земли»³. Из лесной зоны переселяли в лесную, из степи в степь и т.д. Это, однако, не становилось достаточным условием ассимиляции переселенцев. Согласно сведениям из Калининградской области, в 1950 году из 4 664 переселившихся выбыло 968, в 1951 году из 1326 — 174, в 1952 году из 7 489 — 1191 чел.⁴.

Следует принять во внимание, что обычно возвращалось меньше колхозников, чем желало вернуться. Дело в том, что, по существовавшим правилам, «обратники» были обязаны компенсировать все средства, затраченные государством на их переселение. Это сдерживало обратный поток, а некоторые вернувшиеся подолгу скрывались от переселенческих органов. Возвращались потому, что отношение к переселенцам в местах вселения часто было совершенно равнодушным, а иногда даже враждебным. Письмо из Молотовской области, датированное 1951 годом, сообщает, что здесь «переселенцев не встретили, квартирами не обеспечили и плюс к тому обложили налогами. Угрожают убийством, гонят из колхоза»⁵. Наполнено отчаянием

¹ ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 591. Л. 45.

² Там же. Д. 592. Л. 161.

³ Вестник комиссариата внутренних дел. 1918 г. 22 февраля.

⁴ РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 641. Л. 26.

⁵ ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 503. Л. 15.

письмо в Брянский облисполком переселенца в Котласский район Архангельской области Болокова: «Условий нет и не дают, и нету. Просьба людей не обманывать, беззащитных людей, мы как здесь последние, прав не имеем. Пусть страдаем мы, а Вам проклятье!»¹

В числе причин выбытия были также слабость колхозов, потребность местных промышленных предприятий в рабочей силе, некачественный отбор переселенцев, среди которых попадались люди, не имевшие отношения к сельскому хозяйству. Информация из мест вселения тщательно дозировалась, замалчивались негативные факты. Вынужденные реагировать на большое количество «обратников», власти старались очернить этих людей. Рассматривая вопросы переселения, Калужский облисполком в 1948 г. принял документ, в котором говорилось: «Спас-Деменский райисполком... допустил серьезную ошибку, отправив в Амурскую область недобросовестных переселенцев (следуют фамилии. — О.Г.). Не желая работать в колхозах, они возвратились в район и в настоящее время безнаказанно распространяют провокационные измышления о “голодовке” в пограничных областях и т.д.». В конце документа озабоченно указывалось на то, что эти люди «не только не привлекаются к ответственности, но и поощряются»². Последнее обстоятельство говорит о том, что «обратники» помогали руководителям хозяйств сохранять рабочую силу. Колхозники скорее были склонны доверять бывшим переселенцам, чем официальной пропаганде.

В создавшейся ситуации вербовщики были вынуждены действовать едва ли не по-партизански, без согласования с администрацией хозяйств. Очень часто они вербовали людей там, где были наихудшие условия, тем самым осложняя положение оставшихся работать в этих отсталых хозяйствах³. Есть сведения о попытке переселения людей дважды судимых и тех, кого именовали «околоколхозный элемент»⁴.

Характерно постепенное изменение тона руководящих документов. Еще в 1950 году была возможна фраза «Председатель райисполкома т. Прудников допустил распространение антигосударственных настроений о том, что в районе нет желающих на переселение»⁵.

¹ ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 503. Л. 194.

² ГАКО. Ф. 883. Оп. 16. Д. 663. Л. 30.

³ Волков И. М. Колхозы и колхозное крестьянство СССР в первые послевоенные годы. Дис. ... докт. ист. наук. М., 1968. С. 425.

⁴ ГАКО. Ф. 883. Оп. 16. Д. 1148. Л. 70.

⁵ Там же. Оп. 17. Д. 735. Л. 20.

Уже в ближайшие несколько лет оценки стали мягче, виновники трудностей с переселением более не персонифицировались. В 1953 году в «неперспективных» районах (Перемышльский и Хвостовичский Калужской области) были ликвидированы должности инспекторов по переселению без попытки замены исполнителей¹.

В 1951–1952 годы программа сельскохозяйственного переселения была слегка подкорректирована. Во-первых, сокращался отбор. В ЦЭР был снят план переселения с Ярославской области, а в Московской он был уменьшен². При этом сохранялся порядок формирования плана по итогам предшествующего года, т.е. от достигнутого. Поэтому нередко местные органы власти не торопились выполнять план, «чтобы иметь лишний козырь к получению меньшего плана» в следующем году³. Во-вторых, 19 ноября 1951 года было издано постановление Совета Министров СССР, согласно которому переселение указывалось производить в основном целыми колхозами или бригадами. Это мотивировалось тем, что «в селах, как правило, соглашается на переселение отдельная группа людей, связанная родственными отношениями или производственной деятельностью»⁴.

В-третьих, были скорректированы льготы переселенцам, причем большое внимание уделялось освобождению от налогов или же их смягчению. Списывались все недоимки по обязательным поставкам продуктов сельского хозяйства, а также по денежным налогам и страховым платежам; в местах вселения в первый год переселенцы полностью освобождались от сельскохозяйственного налога, от подоходного налога с доходов от сельского хозяйства, от страховых платежей и обязательных поставок государству продукции с приусадебных участков и от поставок продуктов животноводства. В последующие три года поставки и налоги взимались в размере 25% от норм поставок и ставок налога⁵. Учитывая тяжесть госпоставок для крестьянского двора в послевоенной советской деревне, эти льготы следует признать довольно серьезными.

В то же время, именно с 1952 года появляются свидетельства нечестной игры с переселенцами со стороны переселенческих органов — еще одно проявление кризиса переселенческой политики.

¹ ГАКО. Ф. 883. Оп. 16. Д. 1420. Л. 34.

² ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 503. Л. 117.

³ Там же. Д. 590. Л. 10.

⁴ Там же. Д. 591. Л. 19.

⁵ Там же. Д. 590. Л. 35.

Например, в Брянской и Калининской областях старались воздерживаться от посылки квартирьеров в места вселения, чтобы не давать предварительной информации об условиях будущего проживания¹. Дело в том, что впечатления «ходовков» не только влияли на состояние текущего отбора, но и нередко формировали негативное общественное мнение в местах выхода, т.е. работали «на перспективу». Так, в 1952 году «ходыки» из Костромской области отчитались, что им очень понравилось в месте будущего проживания, но ни один из них переселяться не захотел².

Кроме того, поступали предложения даже запретить руководителям районов вселения давать в районы выхода переселенцев всякого рода указания о количестве семей, которые могут быть ими приняты, поскольку это дезорганизовывало работу по отбору семей³. Получалось, что переселенческие органы, выполняя план, игнорировали не только ситуацию с трудовыми ресурсами в местах выхода, к чему уже все привыкли, но также не учитывали положение в местах вселения, что выглядело уже полным абсурдом. Одновременно признавалось, что бригадное переселение гораздо труднее, чем организация переезда отдельных семей, поскольку негативное отношение к переезду формировалось в этом случае гораздо проще.

Примечательно, что в архивных документах не содержится упоминаний о наказании исполнителей, срывавших или саботировавших сельскохозяйственное переселение. По всей видимости, на правительственном уровне негласно признавалось, что баланс трудовых ресурсов в местах выхода недостаточен для выполнения полномасштабной переселенческой программы.

Стоит также принять во внимание, что переселение в колхозы проводилось одновременно с организованным набором рабочих, и количество колхозников, отобранных для работы в промышленность, обычно существенно превышало число переселенных в колхозы и совхозы. Например, в 1949 году из села Костромской области по оргнабору выбыло 5,9 тыс. чел., по переселению — 2,2 тыс. чел.; Орловской — соответственно 13,6 и 2,1 тыс. чел.⁴ Из колхозов РСФСР по оргнабору в 1951—1957 годы выбыло 739 тыс. чел.; особенно же много — из областей с преобладанием крестьянского

¹ ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 518. Л. 147.

² Там же. Л. 88.

³ Там же. Л. 138.

⁴ Там же. Ф. А-374. Оп. 11. Д. 593. Л. 66, 88.

населения и низкой оплатой трудодня¹. Таким образом, не менее трети всех выбывших по оргнабору были из ЦЭР².

Организованный набор рабочей силы для промышленности и строительства был возобновлен в 1947 году Постановлением Совета Министров СССР от 21 мая 1947 года «О порядке проведения организованного набора рабочих» разрешало колхозникам заключать временные трудовые договоры с предприятиями, на основании которых им предоставлялось право временного выбытия из колхоза. Несмотря на то что формально по оргнабору колхозники уходили на строго определенный срок, фактически в деревню почти никто не возвращался и это означало утрату колхозами все большего количества рабочих рук³.

Так же, как и при отборе крестьян для сельскохозяйственного переселения, прежде директивный характер оргнабора уже с начала 1950-х годов стал обставляться различными условиями. В случае возникновения разногласий между колхозом и вербовщиком вопрос отдавался на рассмотрение райисполкома, который имел право в случае недостатка рабочей силы в отдельных колхозах запретить оргнабор⁴. С начала 1951 года он стал регулироваться Министерством трудовых резервов, которое пыталось руководствоваться следующим правилом: набор на местные предприятия производить из числа рабочей силы, не состоящей в колхозах. Критиковался подход, при котором колхозы рассматривались «не как отдельные сельскохозяйственные предприятия, требующие определенного минимума рабочей силы, а как неиссякаемый источник трудовых ресурсов». Отмечалось, что «вербовщики едут в экономически отсталые колхозы, где проще выполнить план, следовательно, создают еще большие трудности в работе, и совсем не используют распыленную массу околоколхозного населения»⁵. Под давлением Минсельхоза райисполкомы обязывались при доведении плана оргнабора учитывать положение с рабочей силой в каждом колхозе⁶. В результате количество организованных выбытий из колхозов постепенно стало сокращаться.

---

¹ Иванов Н. С. Раскрестьянивание деревни (середина 40-х — 50-е гг.). С. 421.

² Вербицкая О. М. Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. С. 86.

³ Там же.

⁴ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 7. Д. 1057. Л. 251.

⁵ Там же. Л. 235–237, 242.

⁶ Там же. Л. 175.

При том, что сразу после войны наибольшее количество выбытий происходило в результате оргнабора (в сравнении со стихийной миграцией), в дальнейшем происходило выравнивание, стихийные выбытия делались более активными, что не могло не вызывать беспокойства властей. Со стороны колхозного руководства нередко были жалобы на «несанкционированное отходничество», особенно из областей с развитой кустарно-промысловой или государственной промышленностью (северо-восток Центра), а также из колхозов, расположенных вблизи городов, железнодорожных станций и промышленных предприятий. Признавалось, что «...этот вопрос тесно связан с действующим порядком оргнабора рабочей силы, так как самовольно ушедшие колхозники принимаются на работу предприятиями и учреждениями, запрос которых на рабочую силу недостаточно или совсем не удовлетворяется по планам оргнабора». Для исправления ситуации предполагалось ввести дополнительные административные ограничения: «С включением в этот план потребностей всех отраслей народного хозяйства можно было бы запретить прием на работу колхозников иначе как в порядке оргнабора»¹.

Хрущевская либерализация инициировала волну просьб местных властей о снятии или хотя бы сокращении плана переселения и оргнабора. Руководство Владимирской области аргументировало свой протест по плану переселения 1953 г. тем, что рабочих в области больше, чем колхозников (более 56 % всего населения), а потому колхозы совершенно без рабочих рук². Тем не менее, в последующие годы Владимирская область продолжала оставаться в числе территорий-доноров. Дело в том, что в 1950-е годы изменились критерии отбора переселенцев. В это время началось массовое создание совхозов. Соответственно, большее распространение совхозы начали получать и в местах нового освоения. Именно поэтому в конце 1950-х—1960-е годы чаще стали говорить не только о переселении колхозников, но еще и рабочих, и служащих. А значит, жалобы на оскудение сельских трудовых ресурсов в местах выхода можно было смело игнорировать.

Начало новой политики совпало с ведомственной реорганизацией. В 1956 году Главное переселенческое управление и Главное управление оргнабора рабочих при Совете Министров РСФСР объединились

¹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 7. Д. 1057. Л. 330.

² ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 590. Л. 74.

в Главное управление переселения и оргнабора рабочих при Совете Министров РСФСР¹. С середины 50-х годов потребность в оргнаборе резко уменьшилась. Вот как выглядели его результаты по областям Центра в 1956 г. (табл. 31).

Т а б л и ц а 31

Оргнабор рабочих из села ЦЭР, чел. 1956 г.²

Область	Сельское население	В том числе колхозное
Брянская	2973	701
Владимирская	—	—
Ивановская	758	3
Калининская	1072	—
Калужская	791	90
Костромская	926	1
Московская	3981	92
Орловская	1972	504
Рязанская	2421	194
Смоленская	650	—
Тульская	—	—
Ярославская	126	—

Совершенно очевидно проявлялось нежелание привлекать для оргнабора колхозное население, что выглядело признанием депрессивного состояния колхозной экономики Центра. С 1957 года вследствие хрущевских экспериментов участие крестьян в оргнаборе снова резко возросло (правда не везде: например, в Смоленской области в 1957 году оргнабор не проводился)³.

В то же время политика сельскохозяйственного переселения переживала очевидный кризис. В середине 1950-х годов обнаружилось стойкое нежелание переселенцев ехать в северные районы страны.

¹ ГАБО. Ф. 6. Оп. 3. Д. 1507. Л. 207.

² ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 30. Д. 8248. Л. 52–54.

³ Вербицкая О. М. Указ. соч. С. 86. ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 30. Д. 11984. Л. 63.

В 1956 году это даже привело к перераспределению планового задания по Калужской области. Вместо Архангельской области и Карело-Финской ССР колхозников послали в Молотовскую (Пермскую) область¹. Тому предшествовали попытки силового давления на не выполнявших план представителей местных властей, не увенчавшиеся успехом². Возможно, одной из причин невысокого энтузиазма была перспектива использования части переселявшихся в Карело-Финскую ССР для работы на Беломорско-Балтийском канале³.

Архивные материалы, касающиеся переселения в 1958–1961 годы, носят единичный характер. По всей вероятности, это объясняется нежеланием переселенческих отделов работать в явно неблагоприятной обстановке — на фоне успехов, достигнутых в сельском хозяйстве в середине 1950-х годов. И хотя на рубеже десятилетий положение в этой сфере снова ухудшилось, очевидно, что новая переселенческая традиция еще не успела сформироваться. Имели влияние и продолжающие поступать негативные отзывы с мест вселения. В отчетах указывалось также на волокиту в деятельности отдела по переселению и, как следствие, на низкую популярность его в народе⁴. Нередки были задержки с отправкой переселенцев, приводившие к невозможности наладить хозяйство до наступления холодов⁵.

План переселения постепенно снижался с нескольких сотен до сотни и менее семей на область в год, но и это не гарантировало его выполнения. Поэтому в начале 1960-х годов Главпереселеноргнабор был вынужден прибегнуть к практике распыления отбора, прежде подвергавшейся нещадной критике. Различие состояло в том, что если раньше руководители трудоизбыточных областей распыляли план отбора по всем районам, без учета состояния трудовых ресурсов в каждом из них, то теперь распыление плана производилось на уровне главка.

К отбору переселенцев подключались либо области с большим недостатком трудовых ресурсов, либо подмосковные, сильно терявшие население в миграционном обмене со столицей и потому исключенные

---

¹ ГАРФ. Ф. А-327, Оп. 2. Д. 503. Л. 15.

² ГАКО. Ф. 883. Оп. 16. Д. 731. Л. 15–16. Д. 735. Л. 19–20. Д. 690. Л. 61–67.

³ Там же. Д. 742. Л. 21–22.

⁴ ГАБО. Ф. 1853, Оп. 1. Д. 29. Л. 55.

⁵ Там же. Д. 35. Л. 2.

ранее из плана отбора. Именно таким образом в план переселения 1966 года снова попали Калужская и Костромская области¹.

В 1959 году довольно существенно изменился характер льгот, предоставляемых переселенцам. В условиях, когда налоги перестали играть существенную роль в бюджете колхозников, наиболее значимыми выплатами оказывались льготы на обзаведение. Ссуда на строительство до 3500 руб. (обычно давалось меньше) выдавалась на срок до десяти лет под 2% годовых. Кроме того, давался кредит в сумме 300 руб. на покупку коровы². Одновременно проявлялась инерция подходов: в льготах по-прежнему фигурировало утратившее актуальность обещание освобождения переселенцев от обязательных поставок.

Очень скоро льготы снова пришлось пересматривать. В 1965 году было обращено внимание на то, что много переселенцев выбывает из-за необеспеченности коровами. В районах вселения корова стоила не 300, а 450–600 руб. Кроме того, признавалось, что условия предоставления ссуды на строительство оказывались слишком тяжелыми для переселенцев³. Поэтому появился новый проект указа о льготах переселенцам. После процедуры ведомственного согласования в нем осталось довольно мало от первоначальных, довольно взвешенных предложений. В итоговом варианте ссуда на строительство планировалась в прежнем, правда максимальном размере 3500 руб. на 17 лет под 0,5% годовых с погашением 35% за счет государственных средств, кредит на корову — 300 руб., т.е. в прежнем размере⁴. Совершенно ясно, что предложенные косметические поправки не могли существенно изменить характер переселения.

В отличие от сельскохозяйственного переселения, оргнабор в начале 1960-х годов все еще был способен влиять на статистику выбытий. По Орловской области в 1962 году фиксировалось увеличение количества отсутствующих хозяйств «главным образом вследствие оргнабора» (в тот год в области недосчитались 236 хозяйств)⁵. В 1960–1962 годах по указанию Совета Министров РСФСР было разрешено направлять сезонных рабочих из сельской местности в лесную промышленность без выдачи паспортов⁶. Отсутствие практики

¹ ГАРФ. Ф. А-518. Оп. 1. Д. 308. Л. 139–148.

² Там же. Д. 275. Л. 327.

³ Там же. Л. 141.

⁴ Там же. Л. 487.

⁵ Там же. Ф. А-374. Оп. 32. Д. 3092. Л. 96.

⁶ Там же. Ф. А-518. Оп. 1. Д. 226. Л. 36.

подобных разрешений в предшествующие годы позволяет судить о том, что прежде жесткие требования политики организованного набора рабочей силы смягчались. Поскольку раньше колхозников на подобные работы привлекали реже, то и проблема выдачи паспортов не вставала. Таким образом, вследствие истощения людских ресурсов в местах выхода социальный состав участников оргнабора (как и сельскохозяйственных переселенцев) размывался.

Если в 1950-е годы просьбы о снижении планов переселения и оргнабора исходили в основном из мелкоселенных областей, то в 1960-е годы с ними выступали руководители более южных среднеселенных территорий. Например, в письме из Орловского обкома КПСС, датированном 1966 г., говорилось: «В порядке оргнабора за последние 5 лет было направлено в другие экономические районы 7 тыс. рабочих, за которыми последовали члены их семей и родственники, что значительно увеличило число убывающих людей за пределы области». Высказывалась просьба «рассмотреть вопрос о прекращении оргнабора рабочих из Орловской области для других районов и разрешить провести в 1967 году внутриобластной оргнабор для промышленных предприятий Орловской области в количестве 5 тыс. и строительных организаций в количестве 1 тыс. чел.». Ответ был отрицательным, поскольку в Орловской области по-прежнему признавалось наличие избытка трудоспособного населения, а точные районы требовали освоения. Более того, руководству области был доведен специальный (!), в дополнение к существующему план оргнабора на 1967 год в количестве 1050 чел., в связи с чем «представитель Орловского ОИК разногласий не заявил»¹.

В этой ситуации обращает на себя внимание поведение местных властей. Их просьба о перераспределении оргнабора была продиктована интересами развития местной промышленности, а не села, поскольку рабочую силу по-прежнему предполагалось рекрутировать из сельской местности.

В то же время роль организованных форм выбытия в 60-е годы продолжала снижаться. Соответственно падало влияние отделов Главпереселеноргнабора на жизнь региона. План набора оставался низким. Работники отделов находились перед трудным выбором: с одной стороны, переселенцы легче всего вербовались в колхозах из-за низкого уровня жизни, с другой — с учетом демографических реалий ставилась задача приоритетного переселения городских

жителей и рабочих совхозов, которые переезжали неохотно. В качестве цели переселения выбирались чаще совхозы, а старая инструкция запрещала переселение колхозников не в колхозы. В этой ситуации деятельность переселенческих органов становилась весьма условной. Колхозники почти совсем исключались из плана переселения¹. Как следствие, в 1967 году была проведена очередная реорганизация: функции Главпереселеноргнабора возлагались на Госкомитет Совета Министров РСФСР по использованию трудовых ресурсов². Этим шагом признавалось снижение эффективности программы сельскохозяйственного переселения и делалась попытка ее адаптации к изменившейся ситуации.

Деятельность переселенческих органов в итоге не была остановлена, но она не могла оказать (к сожалению или к счастью) сколько-нибудь значительного влияния на изменение баланса трудовых ресурсов на местах. Так, по данным за 1968 год, на 1600 чел., переселенных в организованном порядке, приходилось более 90 тыс. чел., выбывших с прежних мест жительства самостоятельно³.

6.11. Маятниковая миграция

Для села центрального Нечерноземья маятниковая подвижность населения достаточно распространенное явление и в значительной степени связана с традициями отходничества, порожденными близостью промышленных центров. «Работа за пределами поселения в Нечерноземье — обычное дело; здесь концентрация производства опережает концентрацию расселения, а расстояния между поселениями невелики»⁴. В начале XX в. количество отходников из сел Центра измерялось сотнями тысяч. Наибольшее их число давали Костромская, Рязанская, Ярославская губернии⁵. Отходничество было неизбежным явлением в условиях индустриального окружения. Б. Энгел предполагает, что взаимодействие с миром за пределами деревни давало крестьянам возможность быстрее приспособиться

¹ См. напр.: ГАКО. Ф. 883. Оп. 17. Д. 3144. Л. 63.

² ГАРФ. Ф. А-518, Оп. 1. Д. 301. Л. 520.

³ ГАВО. Ф. 6. Оп. 4. Д. 1242. Л. 141.

⁴ Алексеев А. И. Сельское расселение как фактор образа жизни // Динамика расселения в СССР. М., 1986. С. 186–187.

⁵ Миронов Б. Н. Указ. соч. Т. 1. С. 338.

к переменам, которые принесла индустриализация¹. На наш взгляд, в условиях городского окружения такое поведение было вполне естественным. При этом крестьянство не только приспособилось к индустриализации, но сумело гибко использовать предоставленные городом возможности. В результате происходила предсказанная А. В. Чаяновым рыночная эволюция крестьянского мира.

Замечено, что уровень жизни выигрывал только в тех районах, где отход существовал давно. На этом основании делается вывод, что отходничество становилось частью жизненного уклада². Вообще в литературе присутствует некоторая идеализация дореволюционного отхода, что естественно, если принять во внимание разрушительные для села последствия взаимодействия с городом в советское время. «Отходники приносили в деревню чуждые для нее обычаи, но влияние этих обычаев не было настолько сильным, чтобы сломать иммунитет общины»³. Отмечается положительное влияние процесса: «Отходничество расширяло кругозор, повышало общий культурный уровень, делало крестьян восприимчивыми к иным системам ценностей и способам поведения, к новшествам. “Отчего промышленный ярославец, которому больше хлопот и беготни, нежели земледельческому крестьянину, смысленнее нашего пензенца, не дичится никакого улучшения, и сына непременно учит грамоте, и дети опрятны и не ходят в оборвышах, да и дом его зажиточен?”»⁴.

Процесс медленного «врастания» деревни в город был прерван во второй половине 1920-х годов. Активное наступление государства на доколхозную деревню придавало контактам с городом совсем иное содержание. Прежде город не отрицал деревню, вполне допуская возможность сельской альтернативы. Теперь же «пензенцам» места не находилось. Впрочем, и «промышленные ярославцы» вынуждены были распрощаться с рыночным отходом. Город не поддерживал хозяйство крестьянского двора, как прежде, а замещал его.

В то же время обозначившиеся в дореволюционное время направления отхода поддерживались и в 20-е годы. Вот как распределялись потоки отходников по некоторым губерниям Центра: отход

---

¹ Энгел Б. Бабыя сторона // Менталитет и аграрное развитие России. С. 76.

² Менталитет и аграрное развитие России. С. 417.

³ Лурье С. В. Как погибла русская община // Крестьянство и индустриальная цивилизация. М., 1993. С. 154.

⁴ Миронов Б. Н. Указ. соч. Т. 1. С. 339.

из Смоленской губернии составлял 28,5 чел. на тыс. жителей, Брянской—34, Московской—36, Тверской—67, Калужской—105,7 чел. на тыс.¹ Место Московской губернии в середине списка определялось, по всей вероятности, более широкими возможностями заработка по месту жительства (распространенность промыслов), невысокие же показатели по другим губерниям—отдаленностью городских центров и их плохой транспортной доступностью. Именно электрификация железных дорог в Подмоскovie в 30-е годы послужила толчком для всплеска интенсивности регулярных межпоселенных перемещений².

В 30-е годы отходничество не только не сокращалось, но наблюдалась тенденция к его росту. Возрастала также продолжительность отсутствия одного отходника в родных местах. Данные по Рязанской и Тульской областям свидетельствуют, что если в 1933 году один отходник почти 7,5 месяцев в году проводил вне колхоза, то в 1936 году—уже около 9 мес. Эти люди возвращались в деревню, в колхоз чаще всего летом, в самую «горячую» пору, а остальное время года были заняты на государственных предприятиях. Судя по продолжительности отсутствия одного отходника, они становились не сезонными рабочими, а «сезонными колхозниками», так как только 3—4 мес. в году проводили в деревне.

Основными направлениями отхода в Рязанском районе, например, было строительство (26,6% отходников), торфяные разработки (23,7%), лесное хозяйство (21,1%). В других районах крестьян-отходников притягивали строящиеся промышленные предприятия, где необходима была рабочая сила. Высказывалось предположение, что отходничество в этот период было не столько формой рационального использования излишков рабочей силы, сколько давало возможность дополнительного заработка для многих крестьянских семей³.

Во второй половине 40-х—начале 50-х годов трудовая маятниковая миграция из села часто производилась в форме организованных сезонных работ, причем работать приходилось преимущественно опять-таки в сельской местности. Принципы набора сезонных рабочих

¹ Казаков А. И. Население Смоленщины: прошлое и настоящее. С. 66.

² Симагин Ю. А. Экономико-географические аспекты субурбанизации в Московском столичном регионе. Дис. ... канд. геогр. наук. М., 1997. С. 72.

³ Кирьянова Е. Л. Трудовые ресурсы сельского хозяйства Рязанской и Тульской областей в 30-е гг. XX в.: некоторые аспекты изучения // Проблемы исторической демографии и исторической географии Центрального Черноземья и Запада России. Липецк, 1998. С. 141–142.

соответствовали порядку вербовки по оргнабору и для сельскохозяйственного переселения. Судьба набора сезонных рабочих также оказалась схожей. Вербовка их наталкивалась на серьезное сопротивление руководителей хозяйств, которые в итоге и одержали победу. Есть указания на то, что отходничество в чистом виде приветствовалось в гораздо большей степени, и справку об отходничестве было подчас получить легче, чем разрешение на выезд на сезонные работы по оргнабору¹. Дело в том, что сезонные работы часто давали еще одну узаконенную возможность для оставления хозяйства. Справка об отходничестве служила гарантией возвращения. Поэтому по решению Министерства сельского хозяйства СССР летом 1950 года требование таких справок при устройстве на работу в городах было признано обязательным².

Размеры неорганизованного трудового отхода также были значительными, причем послевоенная стихийная маятниковая миграция наиболее интенсивной была в районах традиционного отхода. Например, только в Калужской области в 1947 году на внеколхозные заработки самовольно уходило более 25 тыс. колхозников³. Если в целом по РСФСР в 1950 году отходничеством занималось около 8% сельского населения, то в Московской области его уровень составлял 33,3%, во Владимирской — 25,1%, в Калужской и Ивановской — по 15%⁴. Заметим, что в этот период наличие традиционных промыслов в местах выхода уже не могло служить сдерживающим фактором для отхода ввиду фактической утраты рыночной составляющей этих занятий.

Часто самовольный отход имел следствием исключение из колхозов всех членов семьи колхозника. Особенно много таких случаев отмечалось в Брянской и Рязанской областях. Кроме того, в ЦЭР из-за распространенности маятниковой миграции из колхозов исключали гораздо чаще, чем в других районах⁵. Поскольку подобная

---

¹ ГАБО. Ф. 6. Оп. 4. Д. 690. Л. 29. Справки об отходничестве были введены в 1933 г. специальным постановлением. Его главным результатом стало резкое ограничение стихийной миграции (*Моисеев В., Мукомель В.* В буднях великих строек // СССР: демографический диагноз. М., 1990. С. 225).

² *Вербицкая О. М.* Плановое сельскохозяйственное переселение в РСФСР в 1946–1958 гг. // Вопросы истории. 1986. № 12. С. 61.

³ Очерки истории Калужской организации КПСС. Калуга, 1967. С. 500.

⁴ *Вербицкая О. М.* Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. С. 88.

⁵ *Вербицкая О. М.* Указ. соч. С. 88.

практика стимулировала дальнейший отток из колхозов, она была признана неправильной¹.

В первые послевоенные годы крестьяне совершали множественные поездки в город, а также в село других регионов за продовольствием. В 1946 году отмечалось, что в городах Ивановской области основными покупателями коммерческого хлеба являлись приезжие из сельских районов. «Очереди у коммерческих магазинов создаются, главным образом, за счет колхозников, приезжающих в город за хлебом»². Колхозники Смоленской, Орловской и Калужской областей выезжали за хлебом в западные районы Украины, Белоруссии и Прибалтики.

В колхозе «Наука Ленина» Калужской области «девять колхозников бросили колхозную работу и уехали за хлебом». В колхозе «Серп и Молот» «колхозница Тарасова ездила за хлебом 13 раз и привезла в общей сложности 135 пудов, из которых ею продано 43 пуда на сумму 20 тыс. руб.»³.

Корреспондент газеты «Правда» Земцов в 1946 году писал: «Из Смоленской, Курской, Орловской и Великолукской областей в деревни Брестской, Гродненской, Барановичской, Молодечненской областей идет бесконечный, многотысячный поток людей, перебирающийся и по железной дороге, и пешком, и на коровах. Они прибывают сюда для того, чтобы приобрести хлеба (одни — на деньги, другие — в обмен на домашние вещи). Их здесь называют “жебраками”, что на белорусском языке означает “нищие”»⁴. А вот цитата из письма в ЦК ВКП(б) курсанта, находившегося в Белоруссии в отпуске: «Испытывая недостатки, население Курской, Орловской, Брянской областей, а также Белоруссии в массовом порядке едет в западные районы Белоруссии и приобретает там себе все необходимое. Следовательно, в западных районах более благоприятная почва для провокационной деятельности контрреволюционных элементов против колхозов и выборов в ВС СССР»⁵.

После снижения коммерческих цен на промышленные товары в 1946 году жители села еще чаще стали посещать городские магазины. «В коммерческих магазинах г. Рязани большой спрос на макароны, хлеб,

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 907. Л. 39.

² Там же. Д. 690. Л. 58.

³ Там же. Л. 1.

⁴ Там же. Л. 2.

⁵ Там же.

дешевую рыбу, мясо. В связи с наплывом покупателей в некоторых магазинах пришлось открыть дополнительные кассы. Покупатели главным образом колхозники»¹. Частые поездки колхозников в город за продуктами отмечались и впоследствии: «В связи со слабой экономикой колхозов и незначительными выплатами зерна на трудодни наблюдается большой спрос на хлеб. Местные сельпо или совершенно не имеют хлеба и муки для продажи колхозникам, или, если и имеют, то в очень небольшом количестве. Поэтому колхозники выезжают за хлебом в райцентр, а в случае перебоя с продажей хлеба в райцентре, едут за ним в г. Калинин, а из районов, расположенных ближе к Москве, в Москву» (Калининская область, 1953)².

При определении интенсивности трудовой маятниковой миграции специализация хозяйства (колхоза или совхоза) не играла решающей роли. В 1953 году статистические органы Ивановской области предприняли попытку увязать количество колхозников, работавших в государственных и кооперативных организациях без отрыва от семьи с профилем хозяйства. Выяснилось, что в зерновых и животноводческих районах не менее половины трудоспособных колхозников в обследованных хозяйствах работали вне колхоза (в Наволокском — 9 из 13, в Шуйском — 7 из 13, в Кинешемском — 7 из 14). В районах с преобладанием хозяйств технического направления дело обстоит иначе — в выборке по Палехскому району на производстве работало только 2 из 15, в Лужском районе — 2 из 16 трудоспособных мужчин. Попутно признавалось, что главной причиной столь существенных различий была не хозяйственная специализация, а то обстоятельство, что в районах технических культур, в силу их отдаленности от городских центров, почти отсутствовали промышленные предприятия, а для работы на производстве было необходимо отрываться от семьи и проживать в другом районе, где располагалось промышленное предприятие³. Показательно, что внеколхозная занятость женщин часто была даже выше, чем мужчин. Такая ситуация весьма характерна для Ивановской области, где имеется большое количество текстильных фабрик.

Более существенные отличия в размерах маятниковой миграции существовали в 1950-е годы между передовыми и отсталыми хозяйствами. В табл. 32 приводятся данные, характеризующие

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 691. Л. 43.

² ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 30. Д. 4000. Л. 137.

³ Там же. Д. 3998. Л. 3.

отвлечение трудоспособных от работы в передовом («Ленинский путь») и отсталых хозяйствах («Великий» и «1 Мая») Калининской области¹. При этом отсталый колхоз «Великий» был расположен ближе к городу, чем «1 Мая».

Т а б л и ц а 3 2

Работа колхозников в государственных и кооперативных организациях, % к выработанным трудодням

Колхоз	Без отрыва от семьи		С отрывом от семьи	
	трудоспособные мужчины	трудоспособные женщины	трудоспособные мужчины	трудоспособные женщины
«Ленинский путь»	6,6	7,0	9,0	64,6
«Великий»	43,1	0,4	13,9	36,5
«1 Мая»	2,8	26,8	61,6	73,4

Маятниковая миграционная активность мужчин и женщин вызывалась разными причинами. Представляется, что для мужчин определяющим был фактор заработка, а для женщин — условий труда. Ежедневные маятниковые перемещения (без отрыва от семьи) самыми значительными были у трудоспособных мужчин отсталого пригородного колхоза «Великий». Что касается долговременного отхода, то его интенсивность у мужчин определялась невозможностью заработать на месте; поэтому наиболее сильной маятниковая миграция трудоспособных мужчин была в отдаленном отсталом колхозе «1 Мая». Долговременный отход трудоспособных женщин слабо зависел от уровня благосостояния хозяйства, так как условия труда в разных типах хозяйств были схожими. Несколько меньшим уровень миграции с отрывом от семьи у женщин был в колхозе «Великий», поскольку более легкую работу вне колхоза можно было найти, никуда не уезжая. Нечто похожее встречаем и в Рязанской области (1953 г.), где более половины членов отстающего колхоза отвлекались на работу в государственных и кооперативных организациях. В районе отстающего колхоза располагался целый ряд крупных промышленных предприятий: судовой, чугунолитейный, кирпичный и рыбный заводы, катушечная фабрика и т. д.².

¹ ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 30. Д. 4000. Л. 149.

² Там же. Д. 4011. Л. 94.

Легко предположить, что в ходе дальнейшей урбанизации и роста количества промышленных предприятий на фоне застойного аграрного производства количество несельскохозяйственного населения в сельской местности должно было возрасти. Так и происходило. Еще в 1965 году в маятниковую миграцию было вовлечено 3,5% сельского населения страны. Спустя десятилетие доля маятниковых мигрантов увеличилась до 6%¹. По мере выравнивания доходов городских и сельских жителей миграция с целью заработка отходила на второй план. По-прежнему актуальным был поиск более щадящих условий труда. Как и прежде, большое количество жителей села ездило в город за покупками. Больше, чем раньше, стали ездить на учебу, а также с рекреационными целями (городские формы проведения досуга естественно предпочитались сельским).

В зависимости от мотивации интенсивность поездок в города существенно менялась. В ежедневные поездки на работу вовлекалось сельское население, проживавшее в пределах двухчасовой доступности от города. С культурно-бытовыми и деловыми целями совершали поездки люди, жившие в зоне 3–4-х часовой досягаемости от центра. Перемещения этого типа были гораздо более редкими (десять раз в год и чаще)².

Закономерности маятниковой миграции многократно описаны, определена ее роль как индикатора урбанизма (чем больше работающих в сельском хозяйстве, тем меньше маятниковая миграция³). Однако из-за ограниченности доступных источников ее сравнительный анализ по областям Центра затруднен. Наиболее информативная на этот счет Всесоюзная перепись населения 1970 года учитывала количество маятниковых мигрантов лишь по крупнейшим городам и их пригородным зонам без вычленения в итогах собственно сельских жителей⁴. С трудом можно доверять и данным сельсоветского учета работавших в городе — часто они были неточны⁵. Поэтому исследователи вынуждены оперировать разрозненными сведениями

¹ Хорев Б. С., Лиходед В. Н. Житель села — работник города. М., 1982. С. 17.

² См.: Давидович В. Г. Расселение в пригородных зонах (количественные закономерности) // Расселение в пригородных зонах. (Вопросы географии. Вып. 87). М., 1971. С. 7.

³ Игудина А. И. Указ. соч. С. 77.

⁴ Кудрявцев В. В. Указ. соч. С. 95.

⁵ Ковалев С. А. Типология пригородных зон // Расселение в пригородных зонах (Вопросы географии. Вып. 87). М., 1971. С. 49.

по отдельным регионам¹. На наш взгляд, не будет ошибкой, опираясь на косвенные данные, увязать развитие процесса с характером городского развития, а также с транспортной насыщенностью территории.

Зоны транспортной доступности для трудовой и культурно-бытовой маятниковой миграции различны. Трудовые связи наблюдаются в зонах двухчасовой доступности — «первого круга» (передвижение от жилья до места работы в один конец; «от двери к двери» — до 130 мин.). Культурно-бытовые и деловые связи, при том что с этой целью совершалось не менее десяти поездок на одного жителя в год, действовали в пределах 3—4 часовой доступности (зона «второго круга»)². Наибольшая часть трудящихся первого круга расселяется в зонах, где затраты времени не превышали одного часа, но удельных вес живущих в дальних зонах не так мал, чтобы им можно было пренебречь³.

Однозначное влияние транспортной доступности городов на интенсивность маятниковой миграции подтвердилось в ходе проведенного в конце 1970-х годов исследования⁴. Наиболее высокий коэффициент маятниковой миграции — свыше 100 на тысячу жителей при ограниченных возможностях последующего роста имели Владимирская, Калужская, Московская и Тульская области.

Во вторую группу входили Брянская и Орловская области (70—90 чел. на тысячу жителей) с резервами для дальнейшего увеличения. В третьей группе оказались Ивановская, Костромская, Рязанская и Ярославская области (60—70 чел. на тысячу жителей). Наконец, самой низкой (40—60 чел. на тысячу жителей) маятниковая миграция оказалась в Калининской и Смоленской областях⁵. Во всех случаях

¹ См. напр.: *Денисова Л. Н.* Указ. соч. С. 147—148.

² Стоит также отметить, что в пределах Московской агломерации в 1970-е гг. не менее трети поездок с трудовыми целями оказывались совмещенными с культурно-бытовыми (*Денисова Л. Н.* Указ. соч. С. 148).

³ *Давидович В. Г.* Указ. соч. С. 7.

⁴ Следует обратить внимание на то, что в распоряжении исследователей на сегодняшний день имеется лишь статистика трудовой маятниковой миграции. Не связанные с работой маятниковые передвижения в советское время не изучались, и по ним имеются лишь разрозненные данные (*Алексеев А. И.* Многоликая деревня. С. 193).

⁵ Проблемы расселения в СССР: социально-демографический анализ сети поселений и задачи управления. М., 1980. С. 229—230. В 1970 г. на 1000 сельских жителей Московской области работали или учились в городских поселениях 254 чел. Владимирская область находилась на третьем месте в Нечерноземье по интенсивности маятниковой миграции после Московской и Ленинградской (*Алексеев А. И.* Указ. соч. С. 56).

интенсивность перемещений позволяла судить о развитости пригородных зон, в которых, собственно, и совершается маятниковый обмен. Вообще в 70—80-е годы модель маятниковой миграции в Нечерноземном центре уже была очень близка к современной, основанной на закономерностях функционирования городской агломерации. В новых условиях маятниковые перемещения были абсолютно необходимым звеном городской системы, при этом их роль постоянно возрастала. Одновременно происходило сокращение безвозвратной миграции. Имела место прямая корреляционная зависимость между интенсивностью перемещений и состоянием транспорта: маятниковая миграция шла тем интенсивнее, чем более развитой была транспортная сеть¹. Уже в начале 1970-х вокруг Москвы существовало десять сложнейших линейных сгущений сельского населения вдоль железных дорог, где лишь небольшая часть живущих была занята в сельском хозяйстве. «Сгустки» населения отмечались также вдоль многочисленных шоссейных дорог с твердым покрытием². Подобная же ситуация отмечалась в других центральных областях с развитой транспортной системой (см. главу 1).

В 1970—1980-е годы заметную роль стала играть рекреационная маятниковая миграция (по направлению город—село). В 1985 году при населении Подмосковья 1,4 млн чел. рекреанты составляли около 6 млн чел. Что касается «глубинки», то, например, в Фировском районе Калининской области количество людей, выезжавших в село на отдых, примерно соответствовало численности населения района. По замечанию А. И. Алексеева, рекреанты — это ушедшая часть населения, которая летом доводила структуру населения до «нормальной». Т.е. рекреантов было тем больше, чем меньше был сельский населенный пункт и больше стариков. Для молодых семей, уехавших из «неперспективных» деревень оставленные дома и приусадебные участки играли роль «продовольственного цеха» и «дачи». Рекреационные функции были более выражены на периферии, а ближе к центру доминировали сельскохозяйственные³.

¹ *Игудина А. И.* Указ. соч. С. 55.

² *Кузнецов Г. А.* Особенности сельской районной планировки в пригородных зонах // Расселение в пригородных зонах. Вопросы географии. Вып. 87. М., 1971. С. 58. К 1990-м гг. из Московской области в Москву на работу и учебу ежедневно перемещалось около 600 тыс. чел., из Москвы и область — около 200 тыс. чел. Маятниковые мигранты составляли около 12 % занятых в Москве (*Симагин Ю. А.* Указ. соч. С. 72).

³ *Алексеев А. И.* Указ. соч. С. 190–191.

Обращаясь к качественным характеристикам мигрантов, следует сказать, что маятниковых мигрантов-мужчин было несколько больше (около 60%), причем они были моложе, чем женщины. Кроме того, было замечено, что в регулярные поездки в город вовлекались, как правило, наименее образованные и квалифицированные жители села (наблюдения в Пушкинском районе Московской области)¹. Напротив, в обратном потоке преобладали квалифицированные специалисты, выступавшие своеобразными катализаторами развития сельских поселений². Обращалось также внимание на вынужденный характер многих маятниковых перемещений. Одни, работая в городе, не желали окончательно туда переселяться, другие и хотели бы, но не имели жилья³. В Подмоскovie процесс маятниковых перемещений оказался очень тесно связанным с пресловутым набором рабочей силы «по лимиту». Административные ограничения на проживание в Москве определили российскую специфику маятниковой миграции в сравнении со странами Запада. У нас мигрантами в подавляющем большинстве были не выехавшие в пригород москвичи, а желавшие пробиться в столицу подмосковичи⁴.

Подобно безвозвратной миграции, в маятниковых перемещениях также отмечается иерархичность. Население центральных усадеб хозяйств обычно посещало райцентры и крупные города. Жители других населенных пунктов ездили в центральные и крупные отделенческие поселки⁵. Было замечено, что трудовая маятниковая миграция между поселками городского типа и селами почти отсутствовала⁶. Крайне редкими были и поездки по направлению село—село, привлекая лишь около 2% сельского населения⁷. В этом видится коренное отличие от ситуации в доколхозной деревне, где выезд на работу в близлежащее село был делом обычным. Причиной переориентации трудовых мигрантов была специфика общественного

---

¹ Симагин Ю. А. Трудовая маятниковая миграция сельского населения пригородных зон крупнейших городов России // *Деревня Центральной России: история и современность*. С. 158–159.

² Город и маятниковая миграция населения. Минск, 1973. С. 62.

³ Шабанова М. А. Указ. соч. С. 30.

⁴ Город и деревня в Европейской России. С. 383.

⁵ Алексеев А. И. Указ. соч. С. 194.

⁶ Щукина А. С. Демографическая ситуация в пригородных сельских районах Калининской области // *Вопросы социально-экономической географии Верхневолжья*. Калинин, 1987. С. 19.

⁷ Симагин Ю. А. Указ. соч. С. 158.

сельскохозяйственного производства, а также сильно усилившееся городское влияние.

Неоднократно обращалось внимание на двоякую роль маятниковой миграции. С одной стороны, она способствовала дальнейшей урбанизации села, готовя почву для последующих переездов в город. С другой, в ходе маятниковых перемещений реализовывались городские потребности сельских жителей, и это способствовало стабилизации населения¹. Видя в маятниковых мигрантах потенциальных переселенцев в город, невозможно предположить их в каждом, совершающем, например, покупки в городе, хотя регулярность таких покупок и может в какой-то степени свидетельствовать о городской ориентации. По мере урбанизации села возрастало значение маятниковых перемещений как неотъемлемой составляющей современного быта, а их дестабилизирующая функция по отношению к системе сельского расселения постепенно исчезала. Маятниковая миграция оказывалась тесно связанной с агломерационным развитием территорий, будучи естественным проводником городских жизненных стандартов. Двигаясь по нарастающей в течение 1960-х—1980-х годов, к началу 90-х агломерационные процессы затронули около 4/5 всего населения страны².

Приток маятниковых мигрантов был тем интенсивнее, чем меньшим было количество переселенцев в крупные города³. На агломерационной стадии рост городов за счет прямого вселения прекращается, и маятниковые мигранты успешно компенсировали низкую интенсивность прибытия населения (в советских условиях — в том числе и вследствие административных ограничений).

---

¹ Ср. с оценкой отходничества: оно «и стимулировало отток, и замедляло его» (*Вишневский А. Г.* Указ. соч. С. 82). Сходство очевидно, хотя речь идет о разных категориях населения: отходом занималось аграрное население, а маятниковые мигранты — обычно люди, порвавшие с сельскохозяйственным трудом.

² *Сенявский А. С.* Российский город в 1960-е — 1980-е гг. С. 202–203.

³ Урбанизация и демографические процессы. С. 144.

Глава 7. СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ ЗАПАДНОРУССКОЙ ДЕРЕВНИ В 1945–1953 ГОДЫ

Для понимания взаимоотношений крестьянства и власти в 1945–1953 годы, в первую очередь, важен анализ факторов и направлений эволюции механизма непосредственного управления деревней — системы институтов власти, процедур ее функционирования, а также изменения отношения к ним на селе, поскольку звенья этого механизма от районного центра до колхоза (совхоза) и являлись для крестьянства той политической властью, с которой оно сталкивалось изо дня в день.

7.1. Районная власть и ее восприятие деревней в 1945–1953 годы

Высшим уровнем механизма управления западнорусской деревней, с представителями которого непосредственно соприкасались многие крестьяне, являлись учреждения сельского районного центра, а их ядром — аппараты райкома ВКП(б) и исполнительного комитета районного Совета депутатов трудящихся. Чем определялось их функционирование, менялось ли оно с течением времени, если да, то в какой мере это зависело от политики центра, а в какой — от характеристик самого «объекта управления» — деревни, как воспринималось ее жителями?

Задача «улучшения повседневного партийного руководства в смысле его приближения к низовой работе» посредством «разукрупнения организаций» была озвучена И. В. Сталиным еще на XVIII съезде ВКП(б)¹. С окончанием войны ее реализация продолжилась.

---

¹ XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). М., 1939. С. 28–29, 37.

Еще 5 июля 1944 года были созданы Брянская и Калужская области, что давало возможность повысить управляемость и влияние структур власти на население. Несколько возросло и количество районных центров. Если на 1 января 1946 года в Брянской, Калужской и Смоленской областях насчитывался 94 районных центра, управлявшие 2182 сельсоветами, 161 МТС, 11470 колхозами, 80 совхозами¹, около 16 тыс. сельских населенных пунктов. Политика уплотнения административной сети вполне понятна, так как «район» вышел из войны основательно потрепанным в кадровом отношении. Мобилизации на фронт, гибель в партизанских отрядах и в подполье, отстранение за нарушение многочисленных директив и вследствие наличия компромата привели к острой нехватке ключевых работников. Около 2/3 чиновников были выдвиженцами, только вступили в должность и имели малый опыт руководящей работы². Сменяемость руководящих кадров районного звена доходила до 60%, высоким был удельный вес сменившихся по негативным причинам³. О ситуации, типичной для многих сельских районов в первое послевоенное время, писал первый секретарь Андреевского РК ВКП(б) Смоленской области, информировавший секретаря обкома о своем бессилии в борьбе с нерадивыми районными руководителями: «Из района... после его освобождения взято на работу в другие районы области и в Смоленск 12 чел., а дали нам 4 чел. В результате все командные «высоты» пришлось «затыкать» выдвиженцами. Многие из последних прошли головокружительный подъем по служебной лестнице, и когда достигли последней ее ступени, оказались «воронами в павлиньих перьях», некоторые оказались просто неспособными ни на что, другие «заболели» зазнайством...»⁴. «Запущенность» кадровой работы в Смоленской парторганизации признал и Секретариат ЦК ВКП(б)⁵.

---

¹ Подсчитано: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 11. Д. 2106. Л. 29. Д. 2391. Л. 19, 20, 28, 29, 37, 38.

² *Кометчиков И. В.* Будни аппарата сельских РК ВКП(б) и райисполкомов Центрального Нечерноземья в 1945–1953 гг. // Вестник Челябинского госуниверситета. Сер. История. Вып. 60. 2014. № 12 (341). С. 66–67.

³ Там же. С. 67.

⁴ ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1861. Л. 152–157.

⁵ ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты 1945–1953 / Сост. В. В. Денисов, А. В. Квашонкин. Л. Н. Малашенко, А. И. Минюк и др. М., 2004. С. 56–68.

Объективные трудности первого послевоенного времени в работе аппарата РК ВКП(б) и РИКа (нехватка жилья, продовольствия, одежды и обуви, работа в кое-как приспособленных помещениях) усиливались сверхцентрализацией власти в райцентре, а в нем — в РК ВКП(б), отсутствием правового механизма и ресурсов для реализации низовыми советскими органами своих полномочий. В отличие от союзного уровня власти, где в послевоенные годы государственные структуры (Совет Министров СССР) довели над партийными (ЦК ВКП(б)), особенно в оперативном управлении экономикой¹, на местах главная ответственность за реализацию политики (и соответствующие полномочия) лежала на аппаратах обкомов и райкомов ВКП(б)². Еще в годы войны верхи не решились поколебать этот баланс, выражавший цементирующую роль ВКП(б) в политической системе, мирясь с перетягиванием партийными комитетами на себя функций государственных органов. В январе 1944 года в Политбюро ЦК ВКП(б) поступил проект постановления «Об улучшении государственных органов на местах», предполагавший сосредоточение функций оперативного хозяйственного руководства в государственных органах, а политическое руководство, контроль, подбор и выдвижение кадров — в партийных, перевод в госорганы работников партаппарата, занятых хозяйственными вопросами, упразднение отраслевых отделов партийных комитетов. Несмотря на поддержку И. В. Сталина и ряда других руководителей, он был отвергнут³. 10 мая 1948 года председатель Совета Министров РСФСР М. И. Родионов направил И. В. Сталину письмо и проект постановления ЦК ВКП(б) «Об улучшении работы местных Советов депутатов трудящихся». Причиной «серьезных недостатков» их деятельности называлось «неправильное руководство местными Советами со стороны парторганов», «подмена их и мелочная опека». Для исправления положения предлагалось передать вопросы о снятии, перемещении и назначении руководящих советских кадров из номенклатуры партийных органов на усмотрение исполкомов соответствующих Советов, разработать

¹ *Мохов В. П.* Региональная политическая элита России (1945–1991 гг.). Пермь, 2003. С. 73, 74. *Пыжиков А. В.* Хрущевская «оттепель». С. 87.

² История государственного управления в России / под. ред. Р. Г. Пихои и др. М., 2003. [Электронный документ]: URL: <http://www.twirpx.com/file/402937/> [дата обращения: 17.12.2013].

³ *Жуков Ю. Н.* Сталин: тайны власти. М., 2005. С. 204–211.

проекты новых положений о Советах и их исполкомах. Но, как и проект 1944 года, этот документ также был положен под сукно¹.

Жители деревни, наблюдавшие взаимоотношения руководства РК ВКП(б) и РИКа, ясно представляли, что реальная власть сосредоточена в руках руководства райкома ВКП(б). При этом в силу законспирированности принятия решений население часто не представляло, где пролегает грань между формальными и неформальными prerogative верхушки районного руководства (что особенно заметно в рассуждениях о ее материальных льготах²). В письмах во власть верхи района часто характеризовались как некомпетентные и корыстолюбивые самодуры-«кулаки» или «помещики», суть руководства которых — произвол³.

Блокирование попыток ограничить вмешательство партаппарата в работу государственных структур совпало с реформой аппарата РК и ГК ВКП(б), усилившей на местах партийный контроль, даже несмотря на сокращения партаппарата 1946–1948 годов. В январе 1949 года функциональный принцип организации работы райкомов ВКП(б), введенный решением XVIII съезда партии⁴, заменяется отраслевым. Вместо оргинструкторского, военного отделов, отдела кадров создавались сельскохозяйственный (при необходимости — промышленно-транспортный) отдел и отдел партийных, профсоюзных и комсомольских организаций (отделы пропаганды и агитации сохранялись почти без изменений), сосредоточившиеся на подборе кадров и контроле исполнения решений по «своим» отраслям⁵. Причинами отказа от ограничения влияния партаппарата в литературе называются неурожай 1946 года, сложная внешнеполитическая обстановка, милитаризация управления, редукция партийной работы на местах к решению хозяйственных

¹ ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 6. Д. 4953. Л. 1–8.

² *Кометчиков И. В.* Привилегии номенклатуры Центрального Нечерноземья: попытки модернизации и восприятие населением (конец 1950-х — начало 1960-х гг.) // Известия Смоленского госуниверситета. 2015. № 2 (30). С. 243.

³ ТЦДНИ. Ф. 147. Оп. 3. Д. 2783. Л. 177, 177 об., 387. ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 594. Л. 57–58. Д. 598. Л. 147–148.

⁴ XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). С. 671, 674.

⁵ ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты. С. 34–35. *Федоров А. Н.* Перестройка партийных органов Урала в 1948–1949 гг. // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2005. № 7 (47). С. 104–107.

Глава 7
СОЦИАЛЬНО-
ПОЛИТИЧЕСКАЯ
ЖИЗНЬ
ЗАПАДНОРУССКОЙ
ДЕРЕВНИ В 1945–1953
ГОДЫ

Механизаторы
Калужской МТС
знакомятся с ре-
шениями январ-
ского пленума ЦК
КПСС. Калужский
район Калужской
области.
ГАДНИКО.
Ф. П-7607. Оп. 4.
Д. 48. № 2

вопросов¹, а также осознание верхушкой партноменклатуры опасности потерять власть одновременно с освобождением от руководства экономикой².

Концентрация на хозяйственных вопросах часто отодвигала на обочину деятельности исполкомов районных Советов вопросы налаживания формальной стороны их собственной организационной работы. К концу войны в районных Советах оставалось около 40% депутатов, избранных в декабре 1939 года, а прочие были мобилизованы в армию, а также выбыли по другим причинам. Состав депутатского корпуса сократился более чем в два раза. Не являлись депутатами районных Советов более 50% членов их исполкомов, 73,9% членов их постоянных комиссий³. К началу 1947 года более четверти председателей райисполкомов РСФСР были вчерашними фронтовиками⁴, привносящими в райисполкомовские будни свой недавний военный опыт. Особенно много их было в областях, переживших оккупацию. В 1945 году

¹ Федоров А. Н. Функции и кадровый состав партийных органов Урала в первые послевоенные годы. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2006. С. 13–17, 24.

² Левин М. Номенклатура — Arcanum Imperii // Куда идет Россия? Общее и особенное в современной России / под общ. ред. Т. И. Заславской. М., 1997. С. 74.

³ ГАРФ. Ф. А-385. Оп. 46. Д. 54. Л. 1, 2, 8, 9.

⁴ Там же. Д. 55. Л. 5.

Колхозники
собирают хлеб
для сдачи
государству. Колхоз
«Красная Армия»
Мосальского района
Калужской области.
ГАДНИКО.
Ф. П-7607. Оп. 4.
Д. 48. № 36

в среднем не более 20% районных Советов РСФСР созывали сессии в установленные сроки, а около 14% — вообще не проводили сессий, в 1946 году — 23,6% и 13% соответственно¹. Налаживание формальной стороны функционирования районных Советов и их исполкомов происходило медленно. Даже во втором полугодии 1952 года лишь 64,7% районных Советов областей Центра проводили сессии в установленные сроки, в большинстве случаев не переизбирали их депутатов вместо выбывших, число актива, привлеченного к работе в их постоянных комиссиях, значительно пре-

вышало число депутатов². Во втором полугодии 1953 года выступления депутатов райсоветов в среднем составили 50,3% выступлений на сессиях, 21,5% райсоветов заслушали отчеты исполкомов о работе³.

Аппарат РК ВКП(б) и подконтрольный ему аппарат РИКа, выстроенные по отраслевому принципу, работали с постоянной перегрузкой, усиленной сокращениями кадрового состава, опекая в условиях бездорожья и неразвитости телекоммуникаций⁴ непосильное количество колхозов, совхозов, МТС, сельсоветов, сел и деревень, рассеянных по огромной территории. Проживавшее на ней население постоянно совершенствовало «социальный иммунитет»⁵ к колхозному

¹ Подсчитано: ГАРФ. Ф. А-385. Оп. 46. Д. 55. Л. 27.

² Подсчитано: Там же. Д. 65. Л. 4, 5, 7, 11.

³ Там же. Д. 69. Л. 16.

⁴ Кометчиков И. В. Будни аппарата... С. 68.

⁵ Осокина Е. А. О социальном иммунитете, или критический взгляд на концепцию пассивного (повседневного) сопротивления // История сталинизма: итоги и проблемы изучения. Материалы международной научной конференции. Москва, 5–7 декабря 2008 г. М., 2011. С. 387–406.

Колхозники сдают
хлеб государству.
Колхоз им. Карла
Маркса Калужского
района Калужской
области.
ГАДНИКО.
Ф. П-7607. Оп. 4.
Д. 48. № 37

строю — активное приспособительное поведение, направленное на обеспечение выживания, затруднявшее реализацию аграрной политики, особенно ее повинностной составляющей. Так, на 1 января 1946 года 361 ответственному работнику райкомов ВКП(б) Калужской области необходимо было только на селе контролировать 13 совхозов, 3 244 колхозов, 60 МТС, 683 сельсовета, в 1948 году 366 работникам — 21 совхоз, 3 458 колхозов, 56 МТС, 682 сельсоветов, в 1950 году 395 работникам — 26 совхозов, 1 164 колхозов, 62 МТС, 682 сельсовета,¹

(ситуацию немного облегчило первое массовое укрупнение колхозов 1950 года, когда их число в Брянской, Калужской и Смоленской областях сократилось в 2,5 раза²). Но и этих административных сил не хватало. Для того, чтобы справляться с поставкой государству различных ресурсов, в первую очередь, продовольствия, райкомы ВКП(б) и РИКи держали в мобилизационном напряжении не только собственный аппарат, но и актив учреждений и предприятий райцентра. Срыв важной «хозяйственно-политической» кампании представлялся несравненно более серьезным промахом и наказывался повышением ротации кадров и снятием с должностей. При таком функционировании аппарата стабилизации его состава не происходило, что говорит о хроническом действии причин текучести кадров.

¹ Подсчитано: ГАДНИКО. Ф. 55. Оп. 8. Д. 70. Л. 125, 126. Д. 178. Л. 13 об., 41. Д. 801. Л. 7 об., 16. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 11. Д. 3020. Л. 64, 70. Д. 3745. Л. 125, 132, 138. 40 лет образования Калужской области. Юбилейный статистический сборник. Для служебного пользования. Калуга, 1984. С. 32, 33.

² Подсчитано: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 11. Д. 3745. Л. 138, 139.

В начале 1950-х годов состав основных категорий районного руководства по стажу работы и их сменяемость были примерно такими же, как и в середине 1940-х годов¹. Замена районных руководителей (особенно первого ранга), в свою очередь, запускала «ротацию», инициированную их преемниками — подбор кадров по неформальным признакам, сотрясавший нижележащие уровни власти. Из Ельнинского района Смоленской области в середине 1948 года писали секретарю Смоленского обкома ВКП(б) Д. М. Попову о нравах в среде районного руководства: «Если на заседаниях или на пленуме РК ВКП(б) желает кто-либо сказать слово о плохой работе райкома, как его тут же убирают. Этот коммунист обречен на то, что его снимают с работы и исключают из партии. <...> Коммунисты не могут выступать с критикой о РК ВКП(б), иначе “налетят шайки”, как называют в Ельне работников РК ВКП(б) и избьют, затопчут безвозвратно. Я старый член партии, мой стаж 27 год, и я нигде не видел такой террор, как в Ельнинском районе. Я руководитель одного из учреждений, и я стараюсь забиться в угол, чтобы был не виден мой взор на руководителей райкома...»².

К началу 1950-х годов аппарат сельских районов действовал в условиях обострившегося кризиса управления, состоявшего, как видно, в достижении предела возможностей сверхцентрализованной организации власти. Об этом говорили результаты важнейших «хозяйственно-политических» кампаний, которые не улучшались административными мерами. К июлю 1953 года рост недоимок крестьянских хозяйств по сельхозналогу составил 528 млн руб. — около 10% его суммы, которая могла реально поступить в бюджет в 1953 году. По многим показателям развития сельского хозяйства не была выполнена первая послевоенная пятилетка, 50% колхозов страны во второй половине 1940-х годов не выполняли планов заготовок зерна³. В 1950–1953 годах не менее 15% колхозников не вырабатывали установленного минимума трудодней. Еще выше этот уровень был в разоренных войной и непосильными налогами

¹ *Кометчиков И. В.* Будни аппарата... С. 69.

² ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 594. Л. 127, 127 об.

³ *Попов В. П.* Крестьянские налоги в 1940-е годы // Социологические исследования. 1997. № 2. С. 106–107. Его же. Сталин и проблемы экономической политики после Великой Отечественной войны (1946–1953). Изд. 2-е, испр. М., 2002. С. 79–80. *Вербичук О. М.* Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. Середина 40-х — начало 60-х годов / отв. ред. И. Е. Зеленин. М., 1992. С. 23.

Глава 7
СОЦИАЛЬНО-
ПОЛИТИЧЕСКАЯ
ЖИЗНЬ
ЗАПАДНОРУССКОЙ
ДЕРЕВНИ В 1945–1953
ГОДЫ

Механизаторы
принимают
социалистические
обязательства на
весеннем севе.
Берестнянская МТС
Хвастовичского
района Калужской
области.
ГАДНИКО.
Ф. П.-7607. Оп. 4.
Д. 48. № 10

колхозах западнорусских областей¹. И власть, и общество часто были единодушны в оценке ситуации как критической. Из Руднянского района Смоленской области авторы анонимного письма Г. М. Маленкову сообщали, что в отличие от первых послевоенных лет, когда «район всегда шел в первой шеренге области», с 1953 года он катился «под откос», провалив сев, подписку на займ, сенокос и другие кампании. Первый секретарь руководство районом «построил на толкачах», которые «в 10 дней получает по 3–5 часов зарядку и разбегаются, как мыши...»². О том же московское руководство информировали из Детчинского района Калужской области³.

Таким образом, функционирование аппарата РК ВКП(б) и РИКов в 1945–1953 годах определялось не только транслируемыми «сверху» принципами централизации власти, отраслевой специализацией, угрозой ротации или смещения в качестве ведущих стимулов для чиновничества, объективными тяготами послевоенного времени, но и приспособлялось к характеристикам «объекта управления» — во многом традиционному сельскому социуму, живущему во множестве мелких деревень, плохо связанных коммуникациями, постоянно совершенствующему

¹ Кометчиков И. В. Будни аппарата... С. 70.

² ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 1790. Л. 242.

³ ГАДНИКО. Ф. 55. Оп. 8. Д. 1025. Л. 16, 17–18.

социальный иммунитет. Это не в последнюю очередь обуславливало блокирование попыток разгрузить райкомы ВКП(б) от оперативного управления деревней с передачей его советским органам, что угрожало ослаблением наиболее важного с точки зрения мобилизационного потенциала института власти. В то же время выполнение главной задачи РК ВКП(б) и РИКа по форсированному изъятию из села ресурсов обостряло противоречие между требованиями к аппаратам и их возможностями, в результате чего они постоянно функционировали в авральном режиме, широко опираясь на чрезвычайные практики. Неизбежные срывы выполнения планов, за которыми следовали «организационные выводы», придавали кризису управления в районном звене хронический характер.

7.2. Чрезвычайное функционирование районной власти

Для верховной власти в послевоенные годы критерием эффективности управления селом было своевременное и полное выполнение производственных планов, что в значительной мере определяло сеть, структуру и деятельность властных институтов. Однако в западно-русской деревне их звенья часто не могли обеспечить этого, что делало актуальным чрезвычайные методы. Одним из них выступал так называемый «институт уполномоченных» («представителей») партийных и советских органов. Этим термином обозначались мобилизации верхушки партийно-советского актива, наделяемой чрезвычайными полномочиями для проведения на периферии «хозяйственно-политических» кампаний. Причинами его воспроизводства было чрезмерное по сравнению с возможностями штатного аппарата РК КПСС и райисполкомов, количество объектов управления (колхозов, совхозов, сельсоветов, сел и деревень), сосредоточение основной массы номенклатурных кадров в райцентре, небольшое в сравнении с городами, промышленностью и транспортом количество на селе первичных парторганизаций и коммунистов, слабый кадровый состав и отсутствие реальных полномочий у низовых советских органов, низкий уровень телефонизации села¹, постоянно

---

¹ *Кометчиков И. В.* «Институт уполномоченных» на селе Центрального Нечерноземья середины 1940-х — начала 1960-х гг. // Вестник Пермского Университета. Сер. История. 2014. № 4 (27). С. 125–126.

совершенствовавшийся деревней «социальный иммунитет»¹ к колхозному строю.

В западнорусской деревне институт имел ряд атрибутов полноценного органа власти: свою внутреннюю иерархию, своеобразную «нормативную базу», систему планирования и отчетности и т.д. Хотя основная масса документов, отражавших его функционирование, не сохранилась, по фрагментам текущих архивов райкомов и обкомов ВКП(б) можно представить институционализированность уполномоченных. Областные руководители получали санкцию на мобилизацию актива из Москвы и давали ее районному руководству², что оформлялось постановлениями бюро комитетов ВКП(б). Только в 1945–1950 годах бюро Калужского обкома ВКП(б) приняло несколько десятков решений о направлении в районы областного актива для «оказания на месте организационной помощи» райкомам ВКП(б) в проведении сельскохозяйственных кампаний³. Такие же телеграммы райкомам ВКП(б) адресовали Калининский, Брянский, Смоленский обкомы ВКП(б). Собственных уполномоченных в регионы направлял ЦК ВКП(б)⁴.

Командированные в колхозы и сельсоветы члены районного актива действовали в соответствии с «удостоверениями уполномоченных», в которых указывалась фамилия работника, продолжительность, место и цель командировки⁵. На основе решений бюро о проведении той или иной кампании райкомы партии разрабатывали инструкции, «узаконивавшие» полномочия своих порученцев, зачастую плохо знакомых с реалиями деревенской жизни и партийной работой. Плохая сохранность таких документов затрудняет оценку степени их распространенности, однако говорит о попытках аппарата суммировать опыт организации уполномоченных и повысить эффективность их действий. По содержанию выявленные инструкции отличаются высокой степенью единообразия и представляют

¹ Осокина Е. А. О социальном иммунитете. С. 387–406.

² ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты. С. 98. Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР в 1945–1953 / Сост. О. В. Хлевнюк, И. Горлицкий, А. П. Кошелева, А. И. Минюк и др. М., 2002. С. 226–227.

³ ГАДНИКО. Ф. 55. Оп. 8. Д. 69. Л. 7, 13. Д. 70. Л. 88, 89, 91, 110, 218–221. Д. 74. Л. 6, 10, 80, 100, 101, 118. Д. 443. Л. 24, 63, 154, 155, 178, 179. Д. 445. Л. 116, 120, 125, 137. Д. 693. Л. 9, 11, 21, 23, 53, 109, 189. Д. 689. Л. 10, 11.

⁴ ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты. С. 133–134.

⁵ Коментчиков И. В. «Институт уполномоченных»... С. 127.

собой алгоритмы действий уполномоченного в той или иной ситуации. Так, летом 1945 года работники Спас-Деменского РК ВКП(б) Калужской области составили для «отъезжающих уполномоченных РК ВКП(б) и райисполкома в сельсоветы и колхозы района» инструкцию из 19 пунктов, поясняющую, чем, как и в какие сроки они должны заниматься и какие предоставить отчеты. Ее восьмой пункт обязывал уполномоченных правильно расставлять кадры колхозных руководителей «по важнейшим участкам работ на обмолоте, охране и сдаче хлеба государству», пункт 10 — организовать охрану урожая, выделив для этого «хорошо проверенных людей», и т.п.¹ В начале 1946 года Спас-Деменский РК ВКП(б) составил «памятку» из 24 пунктов для членов актива, получивших поручение проверить первичные партийные организации, представлявшую собой подробную анкету по обследованию партийной работы и активности коммунистов. Ее шестой пункт требовал выяснения «бдительности коммунистов в вопросах сбережения себя от враждебного влияния, поступков и связи с чуждыми элементами, растраниживания государственного и общественного имущества, пьянства, бытовой распушенности и т.д.», а также «бдительности в вопросах борьбы с враждебными элементами, которые наносят вред хозяйству, элементами, разлагающими трудовую дисциплину, растраниживающими социалистическое имущество, занимающимися антигосударственной агитацией и т.д.»² В июле 1946 года Хвостовичский РК ВКП(б) Калужской области адресовал уполномоченным по сельсоветам «памятку», разъясняющую их действия в ходе уборочной и заготовительной кампаний. Она особенно интересна детальной регламентацией схемы связи уполномоченного с районным руководством³. 2 декабря 1947 года Хвостовичский РК ВКП(б) разработал еще одну «памятку» о порядке и целях подготовки и проведения собраний по поддержке кандидатов в депутаты Верховного Совета РСФСР, требовавшую обеспечить стопроцентную явку колхозников, выступления «лучших» из них и избрание на районное предвыборное собрание «вполне достойных людей»⁴. Летом 1949 года райком снабдил уполномоченных инструкцией по проверке выполнения постановления IX пленума РК ВКП(б) от 8 января 1949 года и II пленума РК ВКП(б) от 7 апреля

¹ ГАДНИКО. Ф. 40. Оп. 1. Д. 324. Л. 120–121.

² Там же. Д. 323. Л. 33, 33 об. — 34.

³ Там же. Ф. 41. Оп. 1. Д. 120. Л. 48, 48 об.

⁴ Там же. Д. 120. Л. 49.

1949 года об улучшении руководства комсомолом¹. Деятельность уполномоченных также направлялась большим количеством директив, поступавших с исходящей корреспонденцией сельских РК ВКП(б). Обширную переписку с уполномоченными вели Мещовский, Мосальский, Юхновский, Тарусский РК ВКП(б) Калужской области².

При распределении актива руководство райкомов стремилось максимально плотно охватить периферию, учесть особенности конкретных сельсоветов и колхозов, «политические и деловые качества» их председателей, наличие или отсутствие парторганизации и т. д. Это просматривается в «списках» уполномоченных, закреплявшихся за колхозами и сельсоветами: уполномоченные в первую очередь направлялись туда, где существовала угроза невыполнения плана, был «слабый» местный руководитель, отсутствовала первичная парторганизация и т. п.³ При соотнесении с основными системами кадрового учета района — актива и номенклатуры — списки уполномоченных позволяют представить их состав и численность. В целом актив⁴ района был шире корпуса уполномоченных, среди которых редко встречались председатели сельсоветов, секретари первичных парторганизаций, избачи и другие массовые номенклатурные кадры. По составу должностей списки уполномоченных в значительной мере совпадают с верхушкой номенклатуры сельского райкома ВКП(б) (кадры руководителей и ответственных работников райцентра), численность которой в конце сталинской эпохи редко превышала 35–40% работников, входящих в номенклатуру сельского райкома⁵.

На время кампании уполномоченные «дополняли» аппарат РК ВКП(б) и РИКов, который был не в состоянии «вытянуть» ее в одиночку. В масштабе области институт позволял мобилизовать несколько тысяч человек актива, чьи должности входили

¹ ГАДНИКО. Ф. 40. Оп. 11. Д. 12. Л. 9.

² Там же. Ф. 30. Оп. 5. Д. 291. Л. 1–85. Д. 392. Л. 1–126. Д. 511. Л. 1–346. Ф. 27. Оп. 23. Д. 52. Л. 1–139. Оп. 24. Д. 68. Л. 1–136. Ф. 53. Оп. 2. Д. 131. Л. 1–33. Ф. 32. Оп. 11. Д. 17. Л. 1–45.

³ Коментчиков И. В. «Институт уполномоченных»... С. 127–128.

⁴ Политический словарь 1940 г. содержит следующие определения понятия «актив»: 1) «руководящие кадры и наиболее деятельные члены организации, общества»; 2) партийный актив — «руководящие партийные кадры, активные работники организаций ВКП(б)». См.: Политический словарь / под ред. Г. Александрова, М. Гальянова и Н. Рубинштейна. М., 1940. С. 18.

⁵ Подсчитано: ГАДНИКО. Ф. 27. Оп. 27. Д. 82. Л. 21–24.

в номенклатуру обкома и райкомов ВКП(б)¹. На время кампании работа «активиста» по основной должности забрасывалась, он переключался на выполнение данного райкомом поручения. 6 мая 1953 года заведующая отделом пропаганды и агитации Перемышльского РК КПСС Калужской области Г. Цветкова направила в ЦК КПСС письмо, в котором охарактеризовала практику управления районом силами нескольких десятков уполномоченных, типичную для западнорусской деревни: «Руководство райкома живет лишь по звонку из обкома партии: звонят, что в районе плохо с дровозаготовками, уполномоченные посылаются по проведению дровозаготовок, звонят, что в районе плохо с заготовками шерсти, уполномоченных посылают по заготовкам шерсти. <...> По-прежнему, как и 15 лет назад, для проведения кампаний посылаются уполномоченные, которые проводят только данную кампанию, не занимаясь глубоко вопросами колхозного строительства. Кампания сменяется другой кампанией, и руководство скользит по поверхности. Уполномоченные обкома партии тоже занимаются только текущими кампаниями, дублируя работу секретаря РК КПСС. В чем состоит работа уполномоченного обкома КПСС в период уборки урожая и заготовок? Совместный выезд с секретарем РК КПСС колхозов на машине, после обеда — заседание бюро РК КПСС, куда пачками вызываются председатели колхозов по очереди для очередного разноса на бюро. Сверхплановая, а сейчас — авансовая сдача зерна и картофеля — также с ведома и под нажимом уполномоченного обкома партии, так как ему также хочется поскорее проверить данную кампанию и уехать из района до следующего года <...>. В районе все превращается в кампанию: укрупнение колхозов — кампания, борьба с нарушениями Устава — кампания. Кампании провели — и забыли, а надо изучать результаты сделанного, обобщать опыт. Но уполномоченные могут проводить только кампанию. Чем скорее они “провернут” задание райкома, тем скорее они могут вернуться в район...». В ответе ЦК КПСС Калужский обком КПСС подтвердил обыденность направления уполномоченных².

Руководители области и района наделяли уполномоченных правом управлять людскими и материальными ресурсами, исходя из задач «хозяйственно-политической кампании». Представители могли забрать из колхоза последний центнер хлеба, заставить правление сдать государству семенное зерно, санкционировать приписки к отчетности,

¹ Кошетчиков И. В. «Институт уполномоченных»... С. 128.

² РГАНИ. Ф. 5. Оп. 15. Д. 429. Л. 107, 108, 109.

в приоритетном порядке распределять помощь шефских организаций, кредиты, технику, определять сроки сельхозработ, без формальностей смещать председателей колхозов, сельсоветов, секретарей первичных организаций. Они проверяли жалобы на сельский актив, инициировали следствие по фактам злоупотреблений, формировали по указанию секретарей РК ВКП(б) состав делегатов на пленумы и районные партконференции, готовили и проводили общие собрания колхозников и т.д.¹. Однако главной функцией уполномоченного был, безусловно, политический контроль и «направление» той или иной кампании. Отсутствие специальных знаний или слабая политическая грамотность не являлись препятствием для командирования в колхоз. И материалы прессы, и письма населения во власть содержат множество примеров этого. «Уполномоченный райкома по колхозу «Коминтерн» <...> (управляющий конторой «Заготлен») приказал сеять лен в полузамерзшую землю. Лен посеяли, но ничего не убрали, что принесло большой ущерб колхозу...», — писали весной 1951 года из Куйбышевского района Калужской области в редакцию «Правды»².

Невыполнение уполномоченным поручения считалось тяжким проступком и часто (особенно в первые послевоенные годы) влекло серьезное взыскание, вплоть до исключения из партии и снятия с работы. Конфликты из-за «недисциплинированности перед райкомом ВКП(б)» начальников райотделов МГБ, райвоенкомов постоянно возникали в Смоленской и Калининской областях в конце 1940-х — начале 1950-х годов³. В спорах о мобилизации в качестве «представителей» оперативного состава органов госбезопасности, прокуратуры, милиции, пожарной охраны секретарей райкомов ВКП(б) часто поддерживало руководство обкомов⁴. Гораздо жестче верхушка райкомов действовала по отношению к работникам «несиловых» ведомств⁵. При этом сами уполномоченные в массе относились

¹ ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 1790. Л. 242, 284, 285–286. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 15. Д. 432. Л. 152.

² ГАДНИКО. Ф. 42. Оп. 16. Д. 13. Л. 10. *Кометчиков И. В.* «Институт уполномоченных»... С. 129.

³ ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1845. Л. 159. Д. 1860. Л. 62. Оп. 2. Д. 1086. Л. 65–66. ТЦДНИ. Ф. 147. Оп. 3. Д. 2749. Л. 31, 32. Оп. 4. Д. 66. Л. 182, 182 об. Д. 67. Л. 6.

⁴ ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 1336. Л. 27–28.

⁵ ГАДНИКО. Ф. 40. Оп. 1. Д. 324. Л. 143. Ф. 30. Оп. 5. Д. 511. Л. 54, 54 об.

к своим поручениям как к трудной и малопочетной, но необходимой для парторганизации работе. В сентябре 1953 года авторы коллективного письма из пос. Новодугино Смоленской области сообщали Н. С. Хрущеву: «Партийный актив райцентра, руководители организаций и учреждений, иначе — уполномоченные, каждый раз получают накачку отдельно от другого актива, так как широкий круг не должен слушать всевозможные оскорбления актива. Представитель райкома в колхозе, где особенно плохо, терпит всякие оскорбления: его могут назвать теленком, дураком, мокрой курицей, ослом, и по всякому, как и что взбредет на ум предрику или секретарю райкома..., или потерявшему всякую тактичность начальнику районного управления сельского хозяйства... Актив постоянно находится в колхозах и может появиться в райцентр только с разрешения секретаря или председателя РИКа. Хуже всего достается уполномоченным-женщинам, они совершенно оторвались от семей, вынуждены забыть про детей. Райкому и райисполкому, а точнее руководителям, ничего не стоит выругать женщину-коммуниста нецензурными словами, сказать, что мы тебя выгоним из партии и к черту выгоним с работы; так уже потупили со многими женщинами, которые были в списках актива. <...> Такой метод работы с активом отталкивает от райкома и исполкома активистов, и актив просто отбывает командировку в колхозах до вызова в район за очередной накачкой или партийным наказанием, которых отдельные активисты имеют 4—5. Хуже всего обстоит дело с заботой об активистах. Многие не пользовались отпуском 2—3 года, не учатся заочно, так как все равно не отпустят на сессии...»¹.

Многomesячные командировки в колхозы вынуждали уполномоченных устраивать быт на месте «второй» работы. «Становясь на постой», они попадали в зависимость от председателей колхозов в вопросах проживания и питания, что способствовало укреплению между ними неформальных отношений. Повод для этого давала и центральная власть. Уполномоченный райкома ВКП(б) и РИКа, отправляясь на село, попадал под действие постановления СНК СССР от 19 июня 1940 года № 1047 «Об оплате служебных командировок в пределах Союза ССР», согласно которому командированным в сельские местности на срок не менее двух суток выплачивались суточные в размере 1,5% твердой месячной ставки (5—13 рублей в день), а при командировках в пределах административного района — 1% ставки (5—10 рублей). Проезд по железной дороге оплачивался

по «тарифу жесткого вагона», «по водным путям» — по тарифу второго класса, по шоссейным и грунтовым дорогам — по тарифам данной местности. На время командировки заработная плата по основному месту работы сохранялась, но не предусматривалось дополнительного вознаграждения за работу в выходные и праздничные дни¹. В 1945 году килограмм сливочного масла в государственной ненормированной торговле стоил 25 руб. (в коммерческой торговле — 370 руб.), литр молока — 2 руб., десяток яиц — 6,5 руб., килограмм сахара-рафинада — 5,7 руб., килограмм сыра — 29 руб., килограмм пшеничной муки высшего сорта — 4,6 руб., килограмм хлеба из ржаной муки — 1 руб., килограмм хлеба из пшеничной муки второго сорта — 1,7 руб. (цены коммерческой торговли — 40 руб., 100 руб., 250 руб., 330 руб., 90 руб., 24 руб., 30 руб. соответственно)².

Обыденность и размах «самоснабжения» уполномоченных проявлялись в ходе ежегодных проверок соблюдения Устава сельскохозяйственной артели. Первая общесоюзная кампания развернулась после выхода известного постановления Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) от 19 сентября 1946 года. По ее итогам в колхозах Смоленской области было выявлено «разбазаривание» 210 лошадей, 649 коров, 1225 гол. мелкого скота, 579 свиней, 211 т зерна, 416 т картофеля и т.д.³

Устав сельхозартели, действовавший в колхозах с поправкой на активное приспособительное поведение крестьянства, становился в руках села инструментом манипулирования верховной властью, которая получала тысячи писем о безобразиях уполномоченных. Осенью 1947 года секретарю ЦК ВКП(б) А. А. Андрееву сообщали из Смоленской области: «Что творится в районах... <...> Секретари райкомов и члены бюро завели коров, по стаду овец, пчел, имеют по два огорода, все это приобретается за счет колхозов. Полученные коровы раздаются семьям полицейских и старост, секретари райкома машинами возят картофель в Вязьму и в Москву. <...> В районах самоснабжение, круговая порука, кумовство...»⁴. Колхозники колхоза «Память Ленина» Клинцовского района Брянской области в начале 1951 года сообщали в Совет по делам колхозов

¹ ЦНИТО. Ф. 40. Оп. 1. Д. 145. Л. 24, 25, 26.

² Советская жизнь. 1945–1953 / сост. Е. Ю. Зубкова. Л. П. Кошелева, Г. А. Кузнецова, А. И. Минюк, Л. А. Роговая. М., 2003. С. 512–513.

³ РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 642. Л. 74.

⁴ ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 342. Л. 62 об., 63.

о председателе РИКа, призывавшем устранить нарушения устава сельхозартели: «Ему бесплатно доставляют из колхозов ящики яблок, поросят, мед, мясо и другое, но все это делается так умело, что не найдешь следов. Председатель колхоза им. Хрущева сам говорил: заставили везти яблоки начальству, хозяевам, а хозяева — это председатель райисполкома и секретарь исполкома, так как они сами себя называют и других заставляют называть...»¹.

За многие годы институт уполномоченных врос в систему власти на селе, на вершине которой находился райком ВКП(б). Уполномоченные выступали его важным звеном, передающим «мобилизационное напряжение» в колхозы, сельсоветы, первичные парторганизации. Значимость их роли зависела от количества и «качества» кадров на местах, наличия или отсутствия первичной парторганизации, размеров планового задания, сроков проведения кампании, реакции на нее населения, уровня экономического развития территории и др. Представители райкома всегда стояли выше сельских руководителей, действовали автономно, перетягивая на себя их полномочия и подталкивая к скорейшему решению главной задачи. Неслучайно в райкомах ВКП(б) и в народе за уполномоченным закрепилось прозвище «толкач», «теребильщик».

Хозяйственно-политические кампании первых послевоенных лет показательны с точки зрения реализации представителями своей власти. В течение года уполномоченные без оглядки на необходимость соблюдения формальностей перевыборов смещали и назначали сотни председателей колхозов и сельсоветов². Подобная практика продолжалась и в дальнейшем, хотя не достигала размаха первых послевоенных лет. Обратной стороной кратковременного эффекта от вмешательства уполномоченных было подавление инициативы сельских руководителей, принятие множества неквалифицированных решений, подрывавших местную экономику. Судя по провальным результатам хозяйственных кампаний начала 1950-х годов, не улучшавшихся административным нажимом, можно сделать вывод о кризисе управления селом, основанном на «чрезвычайщине», об осознании и населением, и местными руководителями ее нелегитимности. Росло несоответствие чрезвычайных методов руководства усложнению и укрупнению масштаба задач, решение которых требовало специальных знаний.

¹ ГАБО. Ф. Р-2224. Оп. 1. Д. 56. Л. 8.

² *Рометчиков И. В.* «Институт уполномоченных»... С. 130.

Номенклатура РК ВКП(б): место в механизме власти и восприятие крестьянством

Глава 7
СОЦИАЛЬНО-
ПОЛИТИЧЕСКАЯ
ЖИЗНЬ
ЗАПАДНОРУССКОЙ
ДЕРЕВНИ В 1945–1953
ГОДЫ

Наряду с районным аппаратом и институтом уполномоченных, важнейшим составляющим механизма власти в сельском районе выступала номенклатура. В литературе о номенклатуре в послевоенные годы речь, по преимуществу, идет о борьбе ведомств и партаппарата за право контролировать ее на высшем или региональном уровнях¹. Изменения в самой номенклатуре изучены слабее и в основном в масштабе государства или региона². Еще меньше известно о подвижках в повседневно соприкасавшемся с населением уровне номенклатурного контроля, который осуществлял РК ВКП(б).

В первые послевоенные годы комплектованием номенклатур РК ВКП(б) занимались единые отделы кадров партийных комитетов. 25 октября 1948 и 4 января 1949 года постановлениями Политбюро ЦК ВКП(б) аппарат региональных, городских и районных органов партии был реорганизован, были созданы отраслевые отделы, на которые возложен подбор кадров и реализация решений вышестоящих партийных, государственных и советских органов в «своих» отраслях³. Номенклатурный контроль стал более специализированным. В исследуемый период номенклатура РК ВКП(б) подразделялась на две части — основную и учетно-контрольную (или учетно-резервную). В первом случае речь шла о ключевых руководящих должностях, утверждением кандидатур на которые занимались вышестоящие партийные комитеты (в основном — обкомы ВКП(б)), во втором — руководству колхоза, совхоза, учреждения или предприятия достаточно было уведомить о подобранном кандидате РК ВКП(б) и направить учетные документы. Грань между частями номенклатуры переносилась в зависимости от изменения общих принципов номенклатурного учета, потребности усиления внимания к определенной отрасли или учреждению, местных особенностей состава и численности кадров.

Основным принципом номенклатурного контроля РК ВКП(б) во второй половине 1940-х — начале 1950-х годов была

---

¹ *Кометчиков И. В.* Номенклатура РК КПСС в механизме управления селом Центрального Нечерноземья середины 1940-х — начала 1960-х гг. // Ученые записки Орловского государственного университета. Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 4 (60). С. 22.

² Там же. С. 22.

³ ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты. С. 25–26, 34–35.

централизация, сосредоточение принятия решений о ключевых назначениях в районе, во-первых, в ЦК ВКП(б) и обкомах и, во-вторых, в райкомах ВКП(б). Структуры номенклатур сельских райкомов ВКП(б) характеризуются детальным учетом кадров руководителей и специалистов предприятий, организаций и учреждений районного центра (что отражало концентрацию в нем власти) и неразвитостью учета сельских руководителей. Все руководящие должности в РК ВКП(б), РИКе, основных районных организациях и предприятиях, входившие в основную номенклатуру РК ВКП(б), являлись частью основной номенклатуры бюро и отраслевых отделов обкома ВКП(б).

Основу сельского уровня основной номенклатуры РК ВКП(б) составлял немногочисленный перечень должностей секретарей первичных организаций, председателей сельсоветов и колхозов, директоров совхозов, директоров МТС, заместителей директора МТС по политчасти, специалистов МТС, иногда — заведующих избами-читальнями и секретарей комсомольских организаций. Так, из 82 должностей номенклатуры Боровского РК ВКП(б) Калужской области, утвержденной бюро райкома 9 августа 1946 года и охватывавшей 417 человек, к работавшим на селе можно отнести 252 чел., замещавших 12 из них, в том числе секретарей 24 сельских первичных парторганизаций и большинства из 70 комсомольских организаций, председателей 24 сельских и поселковых Советов, 2 директоров и 4 специалистов МТС, председателей 108 колхозов, директоров 3 совхозов, директоров 12 неполных средних школ, председателей 5 сельпо¹.

Распыленные по территории района номенклатурные кадры терялись в остальной массе работников различных учреждений села, колхозов, совхозов и МТС. Однако к окончанию сталинской эпохи началось распространение принципов номенклатурного контроля «вниз», в первую очередь, на ряд административных должностей в колхозах. Важнейшей предпосылкой этих перемен стало первое послевоенное массовое укрупнение колхозов (1950 г.). Однако ответом на укрупнение колхозов административными методами стал рост социальной апатии, отстраненности колхозников от мероприятий власти. Часто негативное отношение к работе председателя колхоза вызывало недовольство самим номенклатурным принципом комплектования председательского корпуса. Когда общее собрание колхозников колхоза «Верный» Севского района Брянской области

в феврале 1950 года пытались избрать нового председателя колхоза, присутствовавший на собрании уполномоченный райкома ВКП(б) сказал собравшимся, что «если вы выберете нового председателя колхоза, то ему придется через 2 месяца сидеть в тюрьме...»¹. В начале 1952 года из Куйбышевского района Калужской области писали в ЦК ВКП(б), перечисляя злоупотребления председателя колхоза имени Сталина: «Когда обращаешься в райком: почему так, они отвечают, что председатель колхоза — номенклатура обкома, они их снимают и ставят на работу, когда обращаешься в обком, то ответа нет. Поэтому колхоз идет не в гору, а катится назад, но мер не принимают...»².

Следует отметить, что, несмотря на наличие определенного «типового» перечня номенклатурных должностей в сельской округе (как правило, верхушки руководства), местные особенности определяли различия в номенклатурах конкретных райкомов ВКП(б). Это позволяет говорить об определенной дифференциации номенклатурного учета, действии некоего номенклатурного «конструктора», ослаблявшего или концентрировавшего кадровый контроль на тех или иных категориях работников с учетом политической целесообразности, качественного состава и наличия на месте необходимых кадров³.

«Засоренность» руководящих кадров села и райцентра была лейтмотивом многих обращений во власть сельского населения. Бывший председатель Дубровского сельсовета Екимовичского района Смоленской области, воевавшая в партизанском отряде, сообщала в письме председателю Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинину (май 1945 года): «Все же жизни, работы, уважения партизанам в Екимовичском районе нет. Здесь широко открыты двери кулакам, которые начинают засорять ряды партии, которые в районе пользуются авторитетом больше, чем партизаны...». Дочь репрессированного, исключенная до войны из ВЛКСМ, после войны вступила в партию и, работая директором Дубровской неполной средней школы, трудоустраивала учителей, «которые в период немецкой оккупации работали в немецких школах, воспитывали детей на немецком духе. В учебниках и на портретах наших вождей кололи Сталину глаза, а вместо его наклеивали Гитлера. Разве можно таких изменников Родины допускать в партийные ряды, и на работе нет им

¹ ГАБО. Ф. Р-2224. Оп. 1. Д. 37. Л. 209.

² ГАДНИКО. Ф. 42. Оп. 18. Д. 14. Л. 7.

³ Коменчиков И. В. Номенклатура РК КПСС... С. 24.

места среди нас, партизан, и в советских учреждениях. А в нашем районе, в Екимовичском, таких фактов очень много. И никаких мер не принимается с ним. Разве можно калечить советских детей... В районе все подарки, которые привозятся для партизан, распределяются полицейским и всем немецким прихвостникам. А партизанам и инвалидам ничего нет. А зато немецкие прихвостники смеются около партизан и инвалидов Отечественной войны, что мы жили и жить будем. Больше терпеть этого нельзя...»¹. Из колхоза им. Мичурина Новозыбковского района Брянской области заместителю председателя Совета Министров СССР А. А. Андрееву писали о том, как заведующий сельхозотделом «со всего свету пособирал немецких служаков и порасставил в колхозах», один из которых руководит их колхозом и привел его к упадку².

Колебания номенклатурного контроля отчетливо просматриваются в местностях с наличием неблагонадежных, с точки зрения властей, категорий населения, подчас смыкаясь с акциями по их выявлению и преследованию органами госбезопасности. В Смоленской области в 1945—1946 годах «за пассивность и недостойное поведение на оккупированной территории» из партии было исключен 21 председатель колхоза³. В Калужской области в 1945 году из 3 237 председателей колхозов было отстранено как скомпрометировавших себя 132 чел., а 230 (33,4%) из 688 председателей сельсоветов и 1769 председателей колхозов (54,6%) были учтены как проживавшие на оккупированной территории⁴. Графы о награждении правительственными наградами и проживании на оккупированной территории продолжали оставаться обязательными в таблицах номенклатурного учета вплоть до начала 1950-х годов. Так, приложения к статотчету Калужского обкома ВКП(б) о составе, укомплектованности и утверждении номенклатурных кадров райкомов ВКП(б) на 1 января 1951 года говорят, что из 687 председателей сельсоветов области 494 чел. были награждены правительственными наградами, 144 оставались на оккупированной территории, из 1162 председателей колхозов — 853 и 258 чел., из 1992 секретарей первичных организаций — 1542 и 224 чел. соответственно⁵. Присутствует она в составленных

¹ ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1861. Л. 130 и об., 132.

² ГАВО. Ф. Р-2224. Оп. 1. Д. 91. Л. 362.

³ Подсчитано: ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1905. Л. 1.

⁴ Подсчитано: ГАДНИКО. Ф. 55. Оп. 8. Д. 132. Л. 25, 26, 30, 31.

⁵ ГАДНИКО. Ф. 55. Оп. 8. Д. 772. Л. 10, 11. 12.

работниками Боровского РК ВКП(б) в 1949 г. таблицах кадрового резерва райкома с данными о рекомендуемых на выдвижение кадрах¹. Руководство райотделов и УМГБ по Смоленской области регулярно информировало секретарей обкома ВКП(б) о наличии в сельских райцентрах, сельсоветах и колхозах немало числа лиц, «не внушавших политического доверия», но, тем не менее, занимавших руководящие должности. 4 февраля 1949 года начальник УМГБ по Смоленской области направил секретарю Смоленского ОК ВКП(б) В. П. Фронтасьеву докладную записку, в которой указывал на «засоренность» учительских кадров в районах области, так как многие учителя, продолжающие работать в школах, оставались на оккупированной территории и «оказывали серьезные услуги немецким властям». В Починковском районе из 461 учителя 344 оставались на оккупированной территории, 119 работали в открытых немцами школах, в Вяземском районе из 345—189 и 19, в Каспянском из 285—174 и 35 учителей соответственно, причем 11 человек было репатриировано из разных зон оккупации Германии². В Хиславичском районе из 158 председателей колхозов 111 чел. проживали на оккупированной территории, из 19 председателей сельсоветов—8. Из 380 учителей школ района 332 оставались на оккупированной территории, 255 чел. работали в открытых немцами школах³. В одном только Стодолищенском районе в мае 1945 года, по данным райотдела НКГБ, проживало 29 бургомистров, 247 старост, 31 начальник полиции, 467 полицейских, а также их «помощники и прислужники», которых вместе с членами семей насчитывалось несколько тысяч человек. Многие из них уже успели отслужить в Красной армии и, «прикрываясь колхозами», устроиться счетоводами, сборщиками молока и т. д. Сообщавший об этом секретарю Смоленского обкома ВКП(б) Д. М. Попову заместитель заведующего отделом кадров обкома ВКП(б) предлагал ужесточить отношение районной власти к «немецким прислужникам», а райотделу НКГБ «изъять наиболее активных антисоветских лиц» из их числа⁴. 26 июля 1950 года начальник УМГБ Смоленской области направил в обком ВКП(б) подробную докладную записку, посвященную «проникновению социально-чуждых и политически неблагонадежных элементов» в комсомол и на руководящую работу, в которой,

¹ ГАДНИКО. Ф. 16. Оп. 8. Д. 305. Л. 2, 3, 5, 6, 8–12.

² ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 821. Л. 15–16.

³ Там же. Оп. 1. Д. 1947. Л. 188, 190.

⁴ Там же. Д. 1843. Л. 63, 65.

в частности, сообщал, что 5 бывших полицейских находятся в составе пленумов РК ВЛКСМ, 17 — работают секретарями первичных комсомольских организаций, у 13 секретарей первичных организаций ВЛКСМ близкие родственники активно помогали немцам в период оккупации. Только в 22 районах в комсомол было принято 38 бывших полицейских, 5 бывших старост, 45 других пособников, 11 чел. добровольно уехавших в Германию в период оккупации, пятеро служивших в РОА и немецкой армии, 166 чел., родственники которых были репрессированы за «контрреволюционные преступления», 211 чел., родственники которых пособничали немцам¹. 7 апреля 1950 года УМГБ повторно информировало руководство обкома ВКП(б), что в Ершичах даже после проведения проверки районных учреждений и решения бюро обкома ВКП(б) об «очищении» районного аппарата от скомпрометировавших себя во время оккупации повторной проверкой было вновь выявлено 80 чел. «неблагонадежных», которые работали в аппарате РИКа, райпромкомбинате, райпищекомбинате, отделении Госбанка, районной конторе связи, райсберкассе, МТС, сельсоветах, средней школе и даже среди технического персонала райкома ВКП(б). Население возмущалось, а часть коммунистов райцентра обвиняла руководителей района в покровительстве «немецким пособникам»².

Как видно, нехватка кадров в первое послевоенное время и развитые неформальные связи позволяли даже при наличии «пятна» в биографии занять выгодную номенклатурную должность.

7.3. Сельские Советы и крестьянство

Хотя с низовыми Советами изо дня в день соприкасалось значительное число сельского населения, немного известно об их будничном функционировании. Верховная власть отнюдь не считала его раз и навсегда определенным, разработав в послевоенные годы несколько вариантов реформ. Важным для понимания направлений реформирования, места сельсоветов в механизме управления деревней может стать выяснение соотношения в их деятельности формальной и повседневной сторон, функций органов государственной власти и местного самоуправления.

¹ ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 1086. Л. 89, 91, 94.

² Там же. Л. 41–47.

К окончанию войны сельсоветы, как и другие советские и партийные органы на местах, потеряли большую часть довоенного состава. На 1 января 1945 года в сельских Советах РСФСР числилось 38,4% депутатов, избранных в декабре 1939 года, недепутатами «своих» Советов были 65,5% их председателей, 30,2% заместителей председателя, 75,8% секретарей, 48,5% состава исполкомов. Сельские Советы на две трети состояли из членов исполкомов. К 1 января 1947 года из состава депутатов сельских и поселковых Советов, избранных в 1939 г., осталось лишь 45,7%, депутатами являлись 32,8% их председателей. Остроту кадрового вопроса понизил приток на советскую работу значительного числа демобилизованных. На 1 января 1947 года 52% председателей сельских и поселковых Советов РСФСР являлись вчерашними фронтовиками, в Брянской области их было 77,3%¹. Значительное число людей в гимнастерках закрепило «военизированную» практику их работы. Органы прокуратуры Смоленской области за 1944—май 1945 года получили около 20 тыс. жалоб, вынесли 1559 протестов и 1374 представления о нарушении законности РИКа и исполкомами сельсоветов, в основном — о незаконных обысках, изъятии имущества и скота, насильственных действиях, угрозах оружием, наложении штрафов, незаконных мобилизациях. Старший ревизор Смоленского областного финансового отдела и председатель Кокоревского сельсовета Вяземского района занимались сбором военного налога в д. Кокорево. Выпив, они обходили дома семей инвалидов и военнослужащих, многие из которых были освобождены от его уплаты. При отказе немедленно уплатить налог по своему усмотрению изымали имущество, избивая крестьян и угрожая им оружием. За подобные действия в области было предано суду 41 чел., в том числе 11 председателей сельсоветов. РИК и сельсоветы по своему усмотрению распоряжались имуществом, транспортом колхозов и трудом колхозников. Ельнинский РИК направил 24 апреля 1945 года председателям сельсоветов решение о мобилизации по 1–2 человека «с колхоза» для работы на узкоколейку, причем колхозы были обязаны начислить им за все это время трудодни. Подобные решения издавал и Смоленский облисполком².

¹ ГАРФ. Ф. А-385. Оп. 46. Д. 54. Л. 1, 2,, 4, 5, 6, 8.

² ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1854. Л. 103 об., 104, 104 об., 105, 105 об., 106, 106 об., 108, 111, 111 об., 112–113, 121, 121 об. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 129. Л. 300.

Преобладание «исполнительно-распорядительной» функции потеснило такие формы работы сельских Советов, как созыв и проведение сессий, деятельность постоянных комиссий, отчетность депутатов перед избирателями, а во многом и вовсе лишило их значения. В первом полугодии 1945 года лишь 71,3% сельских и поселковых Советов РСФСР созывали сессии, из них в сроки, установленные конституцией (не реже раза в месяц) — 19,5%, во втором полугодии — 70,8% и 21,4%, в первом полугодии 1946 года — 77,1% и 28,3%, во втором полугодии 1946 года — 79,9% и 26,3% соответственно. Из требовавшегося по норме количества сессий сельские и поселковые Советы республики в 1946 году провели 46,6%. В частности, 682 сельсовета Калужской области вместо ежемесячного созыва сессий, согласно Конституции РСФСР 1937 года, провели, в среднем, в 1945 году по 5,69 сессии, в 1946 году — по 7,1 сессии¹. Подавляющее большинство постоянных комиссий сельсоветов были малоработоспособными по составу. В 1945 году в постоянной комиссии сельского Совета РСФСР в среднем состояло 1,1 депутата, в 1946 году — 1². В Калужской области в 1946 году из 12 426 членов 2 798 комиссий сельсоветов депутатами были 2 013 чел. Из состава комиссии в среднем 4,4 чел. депутатами было 0,7 чел. Невысокого мнения о работе сельских Советов были руководящие советские работники³.

Во многом такое функционирование сельсоветов задавалось верховной властью. Их правовой статус и практика функционирования оформились до войны на базе доминирования функций органов государственной власти над функцией сельского самоуправления. Как и другие местные Советы, они были обязаны согласовывать с вышестоящим Советом «план хозяйственного и социально-культурного строительства» и бюджет. Облисполком ежегодно носил на рассмотрение сессии областного Совета проект бюджета области в объеме, установленном законом Верховного Совета РСФСР и утвержденном Советом Министров РСФСР. Его обсуждение носило формальный характер, так как сессия не могла увеличить по сравнению с утвержденными ни размеры фондов заработной платы, ни объем капиталовложений, ни сеть подведомственных учреждений, даже если в течение года появлялись неплановые доходы, и т.д. То же самое происходило на сессиях районных и сельских

¹ ГАКО. Ф. Р-883. Оп. 17. Д. 125. Л. 16.

² ГАРФ. Ф. А-385. Оп. 46. Д. 55. Л. 12, 16, 27, 29.

³ Подсчитано: ГАКО. Ф. Р-883. Оп. 17. Д. 125. Л. 20.

Советов. Предмет ведения сельского Совета Положение от 1 января 1931 года определяло с высокой степенью детализации, но не оговаривало процедур реализации функций, что порождало разное их понимание работниками РИКов и сельских Советов. Обследования работы сельских Советов показали, что одни из них пытались «давать колхозам руководящие указания, как им выполнить государственное задание», чего «не могла обеспечить структура советских районных организаций», а другие не делали этого из-за укрупнения колхозного производства¹.

Другими основными заботами сельских Советов были ремонт и содержание объектов социально-культурной инфраструктуры села, поглощавшие львиную долю их бюджета. Часть его составляли доходы от имущества и предприятий самого сельсовета, а также отчисления от собираемых на его территории государственных и местных налогов, платежей и займов. Размер отчислений определял РИК с учетом разницы между доходами сельсовета от собственных источников и расходами². Скудость бюджета заставляла руководство сельских Советов обращаться за материальной помощью к администрациям предприятий, колхозов, сельпо и других организаций. При этом депутаты и актив почти повсеместно вели основной объем работы по исчислению и взиманию налогов и страховых платежей, хотя, согласно постановлению ЦИК и СНК СССР от 21 марта 1937 года, этим должен был заниматься аппарат райфо, а также отвечали за выполнение плана натуральных поставок продовольствия колхозами и населением государству, хотя по постановлению ЦИК и СНК СССР от 21 марта 1937 года это возлагалось на аппарат райуполнаркомзага. Такое противоречивое положение стимулирует попытки приведения формального статуса сельских Советов в соответствие с реалиями их работы. В 1946 году возобновляется разработка нового Положения о сельсовете, в 1947–1953 годах составляются четыре его проекта, проект укрупнения сельсоветов, два проекта укрупнения сельсоветов и создания волостей и волостных Советов, проект укрупнения сельсоветов и повышения должностных окладов их работников, исходившие из необходимости передачи сельсоветам значительной части полномочий районных организаций по управлению

¹ СУ. 1931. № 11. С. 142–145. ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 41. Д. 152. Л. 14–15. Д. 287. Л. 2–5. Оп. 58. Д. 924. Л. 54. Д. 925. Л. 6–7

² Справочник председателя исполкома сельского Совета депутатов трудящихся / сост. Я. М. Котов. Калуга, 1949. С. 190, 191, 205–218.

колхозами, учреждениями и организациями сельской местности (начисление и взимание налогов и страховых платежей, руководство агрономическими и зоотехническими участками, контроль за кадрами села и др.)¹. Однако тогда эти идеи не получили развития.

И юридическое оформление деятельности сельсоветов и, что более важно, практика управления ими со стороны РИКов и РК ВКП(б) выхолащивали даже те элементы самоуправления, которые потенциально содержали основные формы сельсоветской работы. Активности депутатов предписывалось разворачиваться вокруг уже принятых директив, что делало ее сочетанием почетной, но не содержавшей реальных полномочий бесплатной обязанностью, и разновидностью «политического воспитания». Пониженный статус сельских Советов в управлении селом просматривался и в скудном материальном обеспечении членов их исполкомов. До 1954 года они были одними из самых низкооплачиваемых работников сельских учреждений.

Чрезмерная концентрация власти в центре сельского административно-территориального района предопределяла живучесть чрезвычайных властных практик, компенсировавших пониженную дееспособность институтов власти на селе. Для «помощи» и контроля за деятельностью низовых Советов в период «хозяйственно-политических кампаний» из района направлялись многочисленные уполномоченные РК ВКП(б) и РИКа. В военное время это имело, с точки зрения властей, известное оправдание: повышалась оперативность руководства, сглаживалась нехватка кадров и т.д. Но война уходила в прошлое, а «военные» методы управления сохранялись, хотя о недопустимости смешения функций партаппарата и Советов писала центральная партийная пресса. Зачастую даже простейшие решения принимались через голову низовых советских органов и РИКов — в райкоме партии, а на местах — его уполномоченными, которые смещали и назначали членов исполкомов сельских Советов, исходя из задач очередной «хозяйственно-политической» кампании (с введением в середине 1920-х годов номенклатуры выборных должностей выборы в Советы и другие органы вообще стали фикцией²). В 1945–1947 годах ЦК ВКП(б) и Оргбюро ЦК ВКП(б) обновляет секретные инструкции об организационной и агитационно-

¹ ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 41. Д. 287. Л. 16, 17, 18. Оп. 58. Д. 924. Л. 56–60. Оп. 75. Д. 413. Л. 5–9.

² Фигатнер Ю. Ю., Коржикова Т. П. Советская номенклатура: становление, механизмы действия // Вопросы истории. 1993. № 7. С. 30.

пропагандистской работе парторганизаций в период предвыборных кампаний и выборов, детально регламентировавшие порядок подбора, утверждения и выдвижения кандидатов в депутаты Советов и устанавливавшие квоты на «представительство» основных социальных групп, что сохранялось и позднее¹.

Практика предварительного рассмотрения и утверждения персонального состава депутатов местных Советов комитетами КПСС разного уровня сохранялась и позднее². Пользуясь этим, партийное руководство определяло состав депутатского корпуса сельских и районных Советов в интересах укрепления своей власти и «авторитета». «Вот, что значит угодить начальству, и ты будешь восхвален самим секретарем райкома, а люди поработавшие, старые большевики, травятся секретарем, и те, которые не подхалимы, тоже никуда не проведены, ни в депутаты райсовета, хотя они и работают на руководящих постах в районе. Вот, хотя бы взять военкома <...>, он выступил по адресу райкома с критикой — он нигде не депутат. В районе передовой колхоз им. Сталина Косенковского сельсовета, но депутата от их колхоза нет в райсовет, но зато от непередового колхоза Свердлова есть 2 депутата в райсовет. Почему? Потому что председатель колхоза им. Сталина нет, да и выступит с критикой по адресу [первого секретаря Руднянского РК КПСС]...» — делился своими наблюдениями анонимный автор из райцентра Рудни Смоленской области в КПК при ЦК КПСС³.

Во главу угла при назначениях на должности в исполкомах сельских Советов ставилось умение быть «приводным ремнем» «района» — справляться с большим объемом работы по исполнению директив. Любой серьезный провал в ней влек «избиение» сельсоветских кадров. Особенно велика была текучесть их состава в первые два года после войны⁴. К моменту первых послевоенных выборов в местные Советы 24,5% председателей сельских Советов РСФСР имели стаж работы в должности до одного года, 26,6% — от одного до трех лет, 12,4% — от трех до пяти лет, свыше пяти лет работали

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 495, без нумерации. Ф. 556. Оп. 14. Д. 147. Л. 3.

² Там же. Ф. 556. Оп. 14. Д. 147. Л. 3.

³ ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 1790. Л. 66, 66 об.

⁴ Кометчиков И. В. Будни и реформы сельсоветов Центрального Нечерноземья 1945 — начала 1960-х гг. // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 2 (65). С. 13.

14,9%. По общему стажу руководящей работы в Советах 62,9% председателей работали до трех лет, т.е. были назначены в первые послевоенные годы, еще 15,5% — в годы войны¹.

Казалось, текучесть состава председателей сельсоветов должна была сократиться после первых послевоенных выборов, но этого не произошло, так как и в мирное время административное смещение и назначение сельсоветских кадров обуславливались централизацией власти на селе в руках парторганов, номенклатурными принципами кадровой политики. За 1948–1949 годы из состава председателей сельских Советов РСФСР, избранных на первых послевоенных сессиях, выбыло 26,1%, не депутатами были 10,6%, за 1950 год выбыло 13,2% председателей, 14,3% секретарей, за 1952 год — 18% председателей, не депутатами были около 8%, секретарей, соответственно 17,4% и 20,9%. За 1953 год вновь выбыло 5,6% председателей исполкомов сельских Советов РСФСР и 7,8% секретарей. В западных областях РСФСР сменяемость исполкомов сельских Советов доходила до 20–30% состава в год². В коллективном заявлении из колхоза «Боевик» Замышевского сельсовета Новозыбковского района Брянской области, адресованном председателю Совета по делам колхозов А. А. Андрееву, рассказывалось, как руководство РИКа выполняло решение бюро РК ВКП(б) о снятии с должности неугодного «району» председателя сельсовета. Дважды в сельсовет приезжали «представители», которые запугиванием пытались добиться этого от сессии, а когда не удалось — отстранили, не объясняя причин, на заседании РИКа³.

Милитаризация управления селом и подавление без того урезанных полномочий сельсоветов вели к забвению формальных процедур их функционирования. За 1948–1949 годы около 38% сельсоветов Брянской области созывали сессии в установленные сроки, 64,1% — в Калужской, около 48% — в Смоленской⁴, в первом полугодии 1952 года — 62%, 55 и 61%, во втором полугодии 1952 года — 58,4%, 47,6 и 68,3% соответственно. Некоторое упорядочение созыва сессий низовыми Советами наблюдается к середине 1953 года, хотя и не говорит о соответствующем росте

¹ ГАРФ. Ф. А-385. Оп. 46. Д. 57. Л. 19, 20.

² Подсчитано: Там же. Л. 57. Л. 17. Д. 63. Л. 4, 5. Д. 64. Л. 4, 37. Д. 65. Л. 5. Д. 68. Л. 14. Д. 69. Л. 14.

³ ГАБО. Ф. Р-2224. Оп. 1. Д. 21. Л. 74–75.

⁴ ГАРФ. Ф. А-385. Оп. 46. Д. 59. Л. 46, 47, 48.

Агитатор Горячева
проводит беседу с
доярками. Колхоз
им. Орджоникидзе
Козельского района
Калужской области.
ГАДНИКО.
Ф. П-7607. Оп. 4.
Д. 48. № 44

активности депутатов. Исполкомы сельских и поселковых Советов были оторваны от основной массы депутатов, почти не отчитались на сессиях о работе. В первом полугодии 1953 года в Брянской области доля сельских Советов, заслушавших отчеты исполкомов, составила 24,8%, в Калужской — 1,3%, в Смоленской — 22%. Большинство присутствовавших на сессиях представляли местный актив (были агентами финансовых, заготовительных органов, секретарями первичных парторганизаций, председателями колхозов и т.д.) и уполномоченными РК ВКП(б) и РИКа. Относительно высокий удельный вес выступлений депутатов на сессиях (до двух третей выступлений) формировался благодаря «штатным ораторам» — членам исполкомов¹.

Распространенной формой политической мобилизации населения в рамках сельсоветов была деятельность постоянных комиссий. Несмотря на то, что итоги их работы оформлялись как необязательные для исполнения «предложения», количество состоявших в них депутатов и актива росло. В первые послевоенные годы постоянные комиссии были малочисленны абсолютно и по составу. На 1 января

¹ ГАРФ. Ф. А-385. Оп. 46. Д. 64. Л. 31, 31 об., 32. Д. 65. Л. 6, 7, 8, 9. Д. 68. Л. 39, 50, 51, 52.

1947 года в среднем в постоянной комиссии сельского Совета РСФСР состоял один депутат, а среднее число комиссий в сельском Совете равнялось 4,1. В реальности, скрывавшейся за средними цифрами, постоянные комиссии могли быть еще малочисленнее. В конце 1947 года, после первых послевоенных выборов в местные Советы, средний состав комиссии сельского Совета РСФСР повысился до 3 депутатов, а их количество в сельском Совете стало равняться в среднем 4, в последующие годы — 2–3 депутата и 3,4–4 комиссии соответственно¹. Но даже с учетом этого малочисленность состава и количества комиссий продолжали оставаться серьезным препятствием для их нормальной работы. Выбытие даже одного члена часто влекло прекращение их деятельности.

Работа депутатов в постоянных комиссиях находилась под контролем актива, численность которого превышала число депутатов. В абсолютном большинстве сельских Советов действовало три постоянные комиссии — бюджетная, сельскохозяйственная и культурно-просветительная (по другим отраслям они создавались значительно реже). На неудовлетворительное выполнение постоянными комиссиями своих функций периодически указывали в отчетах облисполкомы и Верховный Совет РСФСР². За первые полгода 1953 года постоянные комиссии сельских и поселковых Советов Калужской и Смоленской областей провели в среднем по одному заседанию, в Брянской — менее одного заседания. Количество поданных комиссиями предложений в сельские и поселковые Советы и их исполкомы составило в среднем на одну комиссию: в Брянской области — 0,58 предложений в Совет, 0,32 предложений в его исполком, в Калужской области — 0,21 и 0,12 предложений, в Смоленской — 0,51 и 0,13 соответственно. С отчетами о работе на сессиях сельских Советов выступили: 26,9% постоянных комиссий сельских Советов Брянской области, 6,5% — Калужской. Изучение распределения постоянных комиссий сельских Советов и их членов по отраслям деятельности вообще говорит о декоративном характере их функций: большинство депутатов совмещало членство в комиссии с выполнением профессиональных обязанностей в той же сфере. На 1 января 1947 года, 1 января 1950 года и 1 января 1953 года бюджетные, сельскохозяйственные и культурно-просветительные комиссии сельсоветов РСФСР составляли 60–75%

¹ *Кометчиков И. В.* Будни и реформы сельсоветов. С. 13–14.

² ГАКО. Ф. Р-883. Оп. 17. Д. 244. Л. 60–61. Д. 302. Л. 18. Д. 583. Л. 95.

их общего числа, объединяя 65–75% депутатов¹. Участие сельского населения в проведении «советской демократии», как видно, было весьма ограниченным. Да и сами сельсоветы оставались практически лишенными самостоятельности вспомогательными инструментами районной власти в глубинке, несмотря на некоторое упорядочение к концу изучаемого периода формальных показателей их работы. Для многих депутатов юридически закреплённая зависимость органов сельской администрации от РИКов и, что более важно, от контроля партаппарата за деревней, почти исключали возможность повлиять на судьбу своего села. В деятельности немалого количества сельсоветов существовало осознававшееся его членами разделение на работу, проводившуюся на профессиональной основе членами исполкома, и массово-политические мероприятия на «общественных началах».

7.4. Крестьянство в первичных организациях ВКП(б)

Согласно Уставу КПСС, первичные парторганизации должны были привлекать новых членов, содействовать их политическому просвещению, помогать руководящим структурам партии в выполнении официальных решений, мобилизовывать для этого беспартийных. Важнейшей их прерогативой являлось право контролировать администрации предприятий, обоснованное ещё в докладе А. Жданова на XVIII съезде ВКП(б) необходимостью «наладить контроль за состоянием дела на производстве и помочь хозяйственникам выполнить и перевыполнить программу» и бывшее, как видно, конкретизацией сталинской идеи об «улучшении повседневного партийного руководства» через его «приближение к низовой работе»². Тезис о контроле первичной парторганизацией администрации производства повторялся в редакциях Устава, принятых XIX и XXI съездами партии³. Представляется, что в изучаемый период регулирование состава, численности и функционирования ячеек КПСС на селе Центрального Нечерноземья, в первую очередь, преследовало реализацию этой установки, включавшей не только преодоление объективных

¹ ГАРФ. Ф. А-385. Оп. 46. Д. 55. Л. 30, 31, 34. Д. 59. Л. 24–25, 33. Д. 65. Л. 29. Д. 68. Л. 39, 40.

² XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). С. 28, 535.

³ КПСС в резолюциях. Т. 7. С. 105. Т. 8. С. 298. Т. 10. С. 201.

и организационных трудностей роста низовых структур партии, но и отработку системы взаимодействия с усилившим свое влияние местным партаппаратом.

Налаживание контроля над деревней посредством ячеек ВКП(б) затруднялось обстоятельствами военного времени и малочисленностью сельских коммунистов. Война замедлила рост партийных рядов. К ее окончанию прирост численности коммунистов на 45—50% по сравнению с довоенным периодом наблюдался только в областях Центрального Нечерноземья, не знавших боевых действий. В остальных областях он был относительно скромным: в Брянской—4,6%, Калужской—17%, Смоленской—7,2%¹. Потери, которые ВКП(б) понесла в годы войны, лишь отчасти возмещались приемом в ее ряды на фронте. На 1 января 1946 года члены и кандидаты в члены ВКП(б) «военного призыва» составляли 72,4% ее состава², в парторганизациях центральных областей—более 2/3³. С одной стороны, «военное» поколение качественно отличалось от однопартийцев с довоенным партстажем, так как не знало массовых чисток, обладало фронтовым опытом, обостренным самосознанием победителей. Многие его представители видели Западную Европу взглядом, мало замутненным пропагандой⁴. С другой стороны, значительная его часть имела в целом скромный общеобразовательный уровень, знание «политической грамоты» и опыт участия во внутрипартийных процедурах и «мирных» политических кампаниях. Именно за счет демобилизованных коммунистов в 1945—1947 годах преимущественно увеличивался состав региональных парторганизаций, росла разреженная сеть первичных парторганизаций на селе⁵.

Демобилизация обострила задачу регулирования численности рядов ВКП(б). В постановлении ЦК ВКП(б) от 26 июля 1946 года «О росте партии и о мерах по усилению партийно-организационной и партийно-политической работы с вновь вступившими в ВКП(б)»,

¹ Подсчитано: РГАНИ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 16. Л. 99, 100, 101.

² *Зубкова Е. Ю.* Кадровая политика и чистки в КПСС (1945–1956) // Свободная мысль. 1999. № 3. С. 118.

³ *Кометчиков И. В.* Сельские первичные организации КПСС Центрального Нечерноземья середины 1940-х — начала 1960-х гг.: численность, состав, функционирование // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 11 (49). Часть 1. С. 107.

⁴ *Зубкова Е. Ю.* Кадровая политика и чистки в КПСС. С. 119.

⁵ *Кометчиков И. В.* Сельские первичные организации КПСС... С. 108.

кроме указаний на недопустимость огульного подхода при приеме, парторганизациям сельских районов предлагалось улучшить работу по отбору в партию передовиков¹. Фактически речь шла о сдерживании приема, ограничивать который ЦК регулярно требовал и позднее². Однако во многих областных парторганизациях, нуждавшихся в пополнении, эти директивы выполнялись непоследовательно³. С начала 1950-х годов ежегодные темпы прироста рядов коммунистов ускоряются: в 1951 году они составляют: в Брянской области — 4%, в Калужской — 6,3, в Смоленской — 5% состава областных парторганизаций, в 1952 году — 3,8, 6 и 4,6% соответственно. В 1953 году происходит понижение приема и рост количества исключенных, что, как представляется, было связано со смертью Сталина и последовавшими политическими катаклизмами: прием в КПСС сокращается до 2,5, 2,2 и 3,2% состава парторганизаций Брянской, Калужской и Смоленской областей, а количество исключений, напротив, возрастает до 1,5, 2,6 и 2,2% их состава соответственно⁴.

Кроме того, увеличение количества коммунистов на селе в 1945–1953 годы шло в основном не за счет колхозников, рабочих совхозов и МТС, а благодаря первостепенному приему работников, учитывавшихся в партийной статистике как «служащие», что подчеркивало приоритет, отдававшийся совершенствованию контроля над управленческими структурами⁵. Немалая часть сельских коммунистов оседала в аппаратах различных организаций (сказывались номенклатурные принципы кадровой политики и нехватка элементарно грамотных людей). К середине 1947 года в Брянской области там работало 40,8% сельских партийцев, в Калужской — 48,6, в Смоленской области — 48,2%, непосредственно в колхозном производстве было занято, соответственно, 34,1%, 55,3 и 55,3% коммунистов-колхозников⁶. Итогом послевоенного партийного призыва с преимущественным приемом административных работников стало увеличение к началу 1953 года численного состава Брянской областной парторганизации по сравнению с 1945 года в 1,8 раза.

¹ КПСС в резолюциях. Т. 8. С. 25, 27.

² Романовский Н. В. Лики сталинизма. М., 1995. С. 126.

³ Коментчиков И. В. Сельские первичные организации КПСС. С. 108.

⁴ РГАНИ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 18. Л. 60–69, 100–103, 108–111. Д. 19. Л. 96–105.

⁵ Коментчиков И. В. Сельские первичные организации КПСС. С. 108.

⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 221. Л. 158, 159, 161, 162.

Калужской — в 1,5 раза, Смоленской — в 1,6 раза¹. Таким был один из основных способов, которым на местном уровне пытались усиливать партийное влияние в деревне.

Избирательный прием в партию соседствовал с чистками (хотя формально от них решено было отказаться еще на XVIII съезде ВКП(б)². Поводом для этого стала война, воспринимавшаяся на местах как проверка на преданность советскому строю. Если в 1945 году количество исключенных из ВКП(б) в Брянской областной парторганизации составило 6,5% ее состава, в Калужской — 1,2, в Смоленской — 0,7%, то уже в 1947 году оно в целом увеличилось и составило, соответственно, 3,8, 3,1 и 3% всех коммунистов, существенно превысив число принятых³. По всей стране с 1 июля 1945 по 1 июля 1947 года за пребывание на оккупированной территории было исключено 29,2% всех удаленных из ВКП(б) (на первом месте находились исключенные за должностные преступления и «морально-бытовое разложение» — 37,8%)⁴.

Сдерживать прием в партию также приходилось из-за довольно низкого усвоения потенциальными кандидатами официального дискурса. Начальник Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г. Ф. Александров указывал на политическую безграмотность 70–80% коммунистов⁵. Исправить положение было призвано развертывание сети политического просвещения. В отличие от предвоенных лет, когда основным «методом изучения марксизма-ленинизма» было самостоятельное освоение «истории и теории большевистской партии»⁶, теперь на первом плане находилось развитие кружковых форм⁷. В качестве показателя, реалистично отражающего эффективность работы сети политпросвета, можно рассматривать количество кандидатов в члены ВКП(б) с просроченным кандидатским стажем. По Уставу ВКП(б) 1939 года он составлял год, в течение

¹ Подсчитано: РГАНИ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 16. Л. 110–113, 116–117. Д. 18. Л. 96–103, 108–111.

² XVIII съезд ВКП(б). С. 519–520.

³ Подсчитано: РГАНИ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 16. Л. 110–113, 116–117. Д. 17. Л. 134–137, 140–141.

⁴ Зубкова Е. Ю. Кадровая политика и чистки в КПСС. С. 124.

⁵ Данилов А. А., Пыжиков А. В. Рождение сверхдержавы. СССР в первые послевоенные годы. М., 2001. С. 191.

⁶ Пропаганда и агитация в решениях и документах ВКП(б). М., 1947. С. 368–369, 374–375.

⁷ Коментчиков И. В. Сельские первичные организации КПСС. С. 109.

которого кандидат должен был усвоить Программу, Устав и «тактику партии»¹. Однако большинству кандидатов тяготы послевоенных лет и сеть политпросвещения не обеспечивали своевременного его прохождения². Даже политическая грамотность руководителей воспринималась сельским населением как не затрагивающая сути их повседневной работы.

Преобладание в западнорусской деревне до начала 1950-х годов мелких колхозов и малочисленность сельских коммунистов влияли на их распределение. Долгое время основной формой первичной парторганизации была сельская территориальная (при сельсовете), объединявшая коммунистов его центра и близлежащих сельхозартелей. С точки зрения главной на тот момент задачи, как ее определял ЦК ВКП(б) — «борьбы за план»³, — это имело известные преимущества. Поэтому в первые послевоенные годы многие сельские территориальные парторганизации превратились в своеобразные «подрайкомы», одинаково вмешивающиеся и в дела первичных парторганизаций колхозов, и колхозов, где вообще не было коммунистов⁴. Объединяя актив сельсовета, они являлись более крупными по составу, что делало их важными агентами райкома в работе с населением. В 1953 году в сельской территориальной парторганизации Брянской области состояло в среднем 7,4 коммуниста, в Калужской — 6,8, в Смоленской — 8,4⁵. Но формирование партячеек по территориальному принципу консервировало слабый уровень их влияния на периферийные колхозы и чрезвычайные методы руководства. В середине 1947 года в Брянской области лишь 23,5% сельхозартелей имели первичные парторганизации, в Калужской — 9,3%, в Смоленской — 7,1%, при этом на учете в них не состояло 58,8, 65 и 74,6% коммунистов-колхозников соответственно⁶.

Количественный перевес сельских территориальных парторганизаций над колхозными завершился в западнорусской деревне в начале 1950-х годов, когда после укрупнения количество колхозов

¹ КПСС в резолюциях. Т. 7. С. 97.

² *Кометчиков И. В.* Сельские первичные организации КПСС. С. 109.

³ Задачи партийной работы в современных условиях // *Партийная жизнь*. 1946. № 1. С. 18.

⁴ КПСС в резолюциях. Т. 7. С. 105.

⁵ Подсчитано: РГАНИ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 19. Л. 60–75.

⁶ Подсчитано: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 221. Л. 146, 154, 155, 156, 157.

Актив Брынского
сельского Совета
Думиничского
района Калужской
области. 1950-е гг.
Фото из личного
архива
Ю.В. Холопова

резко сократилось. В конце 1952 года первичные парторганизации имелись в 73,4% колхозов Брянской области, в 61,5% — Калужской, 62% — Смоленской. Состав большинства первичек при этом уменьшился¹. В определенной степени такая перегруппировка носила компенсирующий характер: в условиях оттока значительной доли трудоспособных колхозников в города она должна была усилить мобилизующее влияние партийных организаций.

И официальные документы, и партийные историки значительно переоценивали уровень политической «сознательности» и «активности» сельских коммунистов, что на деле часто было невысоким. Самыми подготовленными секретарями первичных организаций были работники умственного труда (избач, учитель, заведующий медпунктом, работник сельсовета, колхозной администрации, финагент), многие из которых не были заняты на производстве и, соответственно, не имели возможности повседневно «передавать мобилизационное

¹ Подсчитано: РГАНИ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 18. Л. 60–63, 66–67.

напряжение» на фермы и в бригады. Внутрипартийная и массово-политическая работа на селе, выражаясь языком партийных документов, хронически отставали от задач «хозяйственно-культурного строительства». Причинами этого были, с одной стороны, материальные трудности, которые переживали многие сельские партийцы, а с другой — концентрация райкомов партии на хозяйственных кампаниях¹. Сами секретари райкомов ВКП(б) и актив района часто были невысокого мнения о возможностях сельских партячек. В своем объяснении Смоленскому обкому КПСС по жалобе Н. С. Хрущеву член бюро Шумячского РК ВКП(б), сетуя на «укрывательство и разбазаривание» хлеба председателями колхозов, указывал: «Справедливо в жалобе отмечается, что районный партийный актив все же часто посылается райкомом в колхозы и первичным парторганизациям все же мало оказывает помощи в работе, <...> больше работает за председателей колхозов и секретарей парторганизаций, иногда подменяя их, потому что они самостоятельно не решают вопросы так, как это требуется, по-государственному...»². Такое же мнение о сельских первичках часто встречалось в письмах во власть населения. Из Холм-Жирковского района Смоленской области секретарю обкома ВКП(б) Д. М. Попову в середине 1948 года сообщали: «Руководство первичными организациями на селе райком партии отдал на откуп заведующему оргинструкторским отделом <...>, который закопался в бумагах, живого руководства нет, и отдельные парторганизации <...> не работают, над воспитанием коммунистов никто не занимается, и отдельные коммунисты докатились до обывателей, ведут себя не по-партийному, роль организаций на селе незаметная, отсюда мероприятия на селе проходят с большим криком...»³.

Несмотря на провозглашенный после войны курс на усиление внутрипартийной работы и попытки наладить соблюдение уставных процедур, сельские парторганизации оставались заложниками системы управления деревней, сложившейся в довоенные годы. Обкомы и райкомы ВКП(б) делали ставку на рост партийного влияния в деревне не за счет увеличения состава и улучшения работы производственных первичных парторганизаций, а распространяя членство в партии и номенклатурный учет на все новые должности в колхозно-совхозном производстве. Вследствие этого первичные организации ВКП(б)

¹ Коментчиков И. В. Сельские первичные организации КПСС. С. 110.

² ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 1790. Л. 198, 198 об.

³ Там же. Д. 597. Л. 82.

в деревне Центрального Нечерноземья к концу сталинской эпохи переживали кризис, проявлявшийся в сокращении численности их членов, оттеснении сельских ячеек на периферию механизма управления. Если на 1 июля 1947 года в Брянской, Калужской и Смоленской областях непосредственно на селе работало 38 548 коммунистов (из них более 40 % — в учреждениях и организациях), то на 1 января 1954 года на учете в сельских первичных организациях их состояло на 22,7% меньше¹, хотя за 1945–1953 годы прирост парторганизаций этих областей составил 36 542 коммунистов (67,3%)². Неудивительно, что широкое распространение получили такие чрезвычайные властные практики, как «институт уполномоченных».

7.5. Председатели колхозов и крестьянство

Значительное влияние на трансформацию взаимоотношений председательского корпуса и колхозников в западнорусской деревне оказали изменения правового статуса и состава председателей по мере укрупнения колхозов и преобразования их части в совхозы.

Правовой статус председателя оформился в предвоенные годы. Согласно Примерному Уставу сельхозартели (1935 год), колхозом управляло общее собрание, избиравшее подотчетные ему ревизионную комиссию, правление и председателя, которые вели повседневное руководство. Устав обязывал председателя не реже 2 раз в месяц собирать правление для обсуждения текущих дел, отвечать за выполнение обязательств перед государством, давал право распоряжаться средствами артели³. На председателей распространялись правовые нормы, касавшиеся прочих членов артели⁴.

Не менее значимыми для взаимоотношений председателей и колхозного населения был неписаный кодекс поведения руководителей колхозов и осознание ими своего «пограничного» места в механизме

¹ Подсчитано: РГАНИ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 19. Л. 62–63, 66–67, 74–75. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 221. Л. 158, 159.

² Подсчитано: РГАНИ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 16. Л. 110–119, 124–125. Д. 18. Л. 96–115, 120–123.

³ История колхозного права. Т. I. С. 432–433.

⁴ Безнин М. А., Димони Т. М. Протобуржуазия в сельском хозяйстве России 1930–1980-х годов (новый подход к социальной истории российской деревни). Вологда, 2008. С. 19.

управления селом — между иерархией власти и населением. Многие председатели стремились учитывать многообразие «незаконных» отношений, посредством которых деревня адаптировалась к аграрной политике и разрешала свои внутренние конфликты. Сюда были вытеснены традиции мирского общежития. Отражавшие эту «неуставную» демократию решения правлений и общих собраний касались вопросов труда, землепользования, организации различных «помочей», подготовки к официальным и неофициальным коллективным торжествам. Правления колхозов «судили» односельчан за незначительные преступления, облагали «налогами» колхозников-отходников и т.п.¹ Такие взаимоотношения председателя и колхозников можно считать коллективистскими, базировавшимися на тождестве их социального происхождения и статуса.

Председатель «из своих» был центральным действующим лицом крестьянских обращений во власть по поводу нарушения постановления Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) от 19 сентября 1946 года «О мерах по ликвидации нарушений Устава сельхозартели в колхозах»². Они рисовали деревенский мирок раздираемым борьбой «партий» односельчан или жителей соперничавших сел за избрание колхозной администрации и контроль над «привилегиями». Восстановить «порядок», под которым авторы писем понимали жизнь по Уставу, должен был представитель верховной власти, которая его ввела. Для обозначения выделившихся «партий» использовался как бытовавший продолжительное время «терминологический аппарат», так и «наслоения» военных и послевоенных лет, что говорит о спорах в среде хорошо знавших друг друга людей, одним из которых был председатель. Односельчан делили на «врагов-кулаков» и «народную массу колхоза», «класс бывших полицейских и старост» и «класс бывших бедняков и середняков», «группировки изменников родины» и «массу колхозников», на «весь трудовой народ» и «бракоделов-коммунистов»³. С другой стороны, чрезвычайные условия военного времени усилили директивный стиль управления колхозом, при котором основные решения принимались председателем. Во многих сельхозартелях годами не созывались общие собрания, не производились

¹ ГАБО. Ф. Р-2224. Оп. 1. Д. 3. Л. 204. Ф. Р-2416. Оп. 1а. Д. 176. Л. 35. ГАКО. Ф. Р-1626. Оп. 2. Д. 12. Л. 129, 200. Л. 17. Л. 28. Д. 30. Л. 51.

² КПСС в резолюциях. Т. 8. С. 55–61.

³ ГАБО. Ф. Р-2224. Оп. 1. Д. 40. Л. 579. Д. 57. Л. 3 об. Д. 87. Л. 283.

перевыборы правлений. Местные партийные структуры часто закрывали на это глаза: необходимость выполнения планов в сжатые сроки заставляла пренебрегать «демократией». Высокая централизация власти, частые авралы в проведении «хозяйственно-политических» кампаний, выработанный деревней социальный иммунитет к колхозному строю деформировали деятельность правлений и председателей колхозов, подстраивавшихся под уполномоченных райкомов ВКП(б) и райисполкомов, стремившихся любой ценой «дать план».

Столкновение коллективистской и директивной тенденций определило направление «селекции» властью председательского корпуса, заключавшейся в наращивании количества председателей-«администраторов» и сокращении — «коллективистов». В ходе хозяйственно-политических кампаний 1945—1947 годов от руководства были отстранены многие председатели, с которыми колхозники пережили войну и первое послевоенное время, бывшие выходцами из крестьянской среды, нередко — из своей же деревни. Немало их привлекалось к уголовной ответственности за «саботаж хлебозаготовок» (стремление хоть что-нибудь выдать на трудодни) и т.п.¹ Широкое распространение имела практика формального избрания на общих собраниях «привезенных» уполномоченными райкома партии или РИКа председателей в течение года взамен смещенных административными методами. В частности, из 1286 председателей (43,7% их состава), сменившихся за 1947 год в колхозах Брянской области, 130 человек были освобождены по итогам отчетных и отчетно-выборных собраний в начале 1947 года, следовательно, 1156 человека были лишены занимаемых должностей в течение года, в 1949 году при смещении 1000 чел. (32,6%) 740 чел. были заменены на собраниях и 260 чел. — минуя формальности². Многие руководители колхозов слагали полномочия сами, будучи не в состоянии руководить разоренным хозяйством и не желая заставлять односельчан трудиться бесплатно³.

С начала 1950-х годов отношение деревни к председателям еще более изменяется. В результате первого массового укрупнения

¹ Попов В. П. Российская деревня после войны (июнь 1945 — март 1953 гг.). М., 1993. С. 25–28. Зима В. Ф. Голод в СССР 1946–1947 годов: происхождение и последствия / отв. ред. В. П. Дмитренко. М., 1996. С. 102–106. ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 337. Л. 1, 3.

² ГАВО. Ф. Р-2224. Оп. 1. Д. 6. Л. 172, 375. Д. 34. Л. 236.

³ ГАДНИКО. Ф. 30. Оп. 5. Д. 288. Л. 1. Д. 205. Л. 19 об., 20, 21, 37.

Глава 7
СОЦИАЛЬНО-
ПОЛИТИЧЕСКАЯ
ЖИЗНЬ
ЗАПАДНОРУССКОЙ
ДЕРЕВНИ В 1945–1953
ГОДЫ

Председатель
колхоза им. 1 Мая
Федор Питиримов.
с. Корекозёво
Перемышльского
района Калужской
области.

Фото из книги
«Сокровищница
Калужского края.
История. 1944—
2007»

1950 года количество колхозов в Центральном Нечерноземье уменьшилось в 2,5 раза. До укрупнения каждый из них объединял в среднем 1,2 сельских населенных пункта, после — 4,1¹. В председателском корпусе увеличивается партийная прослойка, растет охват колхозов первичными парторганизациями. Укрупнение справедливо рассматривается как усиление контроля государства за колхозами и углубление раскрестьянивания². Хотя формально решения об объединении должны были приниматься добровольно, частым был нажим власти на общие собрания. Житель Кушалинского района Калининской области сообщал в ЦК КПСС, что в районе «как-то само собой дело по укрупнению колхозов форсировалось»: на то, чтобы «всеми правдами и неправдами» «из 105 колхозов сделать 20», потребовался месяц. Во главе этих хозяйств оказались люди, «которые едва-едва справлялись или совсем не справлялись с руководством маленьким колхозом». Резко упала дисциплина, колхозники «сильных» колхозов не хотели работать за колхозников «слабых». «Из обиходов

¹ Подсчитано: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 11. Д. 3745. Л. 138, 139. Д. 4102. Л. 113, 114.

² Попов В. П. «Второй и важнейший этап» (об укрупнении колхозов в 50-е — начале 60-х годов) // Отечественные архивы. 1994. № 1. С. 27–35. Зима В. Ф. Голод в СССР 1946–1947 годов. С. 204.

колхозной жизни» исчезли общие собрания, которые удавалось собирать только после обещания выдать в счет аванса по 15–20 рублей тем, кто «высидит» их до конца. В укрупненных колхозах не знали, что происходит в соседней бригаде и в хозяйстве в целом¹.

Особенностью укрупнения 1950 года стала массовая «селекция» председателей по критерию готовности проводить директивы власти: только по итогам 1950 года в Брянской, Калужской и Смоленской областях их было заменено 1398 чел. (31,5%), многие — как «не обеспечивающие руководство»². Если ранее должности председателей, входя в номенклатуру сельского райкома ВКП(б), по причине «кадрового голода» часто замещались местными жителями, то теперь — «чужаками», среди которых было немало бывших районных руководителей. Постановление Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) от 9 июля 1950 года обязывало местные власти «укреплять» кадры председателей «проверенными в политическом и деловом отношении специалистами», которым первые три года работы гарантировалась оплата труда деньгами, льготы по налогообложению, сохранялось членство в профсоюзах, право на пенсионное обеспечение, выделялись льготные кредиты на обустройство и т.д.³

В ответ на административное укрупнение колхозов росла отстраненность колхозников от участия в «колхозной демократии». В 1951 году отмечается спад посещаемости общих собраний и количества выступлений на них колхозников. В колхозах Брянской области явка составила 72%, в Калужской области — 70,2%⁴, сочетаясь с пассивностью в прениях. Немало собраний проходило без кворума. На рядовых членов артели давили колхозные администрации и районная власть, не заинтересованные в «неуправляемой» смене правления и председателя. Член колхоза им. Жданова Бабынинского района Калужской области сообщал в Президиум ЦК КПСС в середине 1953 года, что в укрупненном колхозе почти перестали созываться общие собрания, «как это было в прошлом»: «Так что живем сейчас, как при анархии: сильные и жулики давят слабых и честных. Недовольство в народе, что “нет никакой жизни”, растет все...»⁵. Колхозники колхоза им. К. Маркса Дубровского района

¹ ТЦДНИ. Ф. 147. Оп. 5. Д. 1051. Л. 2 и об., 3, 4.

² Подсчитано: РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 1151. Л. 79, 297, 324.

³ КПСС в резолюциях. Т. 8. С. 236–239.

⁴ Подсчитано: РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 1151. Л. 297, 324.

⁵ ГАДНИКО. Ф. 15. Оп. 24. Д. 22. Л. 18.

Брянской области писали в марте 1950 года представителю Совета по делам колхозов при Совете Министров СССР по Брянской области: «До войны 1941 года наш колхоз был передовым колхозом, с нас брали пример соседи, у нас учились работать и вести хозяйство другие колхозы, имели уважение друг к другу, братство и равенство, была спайка, сила единения, порядок, товарищеская дисциплина, а теперь мы ненавидим друг друга, завидуем сосед соседу, клеветаем друг на друга, в панике бежим от своих родных полей и рощ, вербуемся, уходим на предприятия, переселяемся в другие районы, словом, расползаемся, как мыши от пустых закромов...»¹.

К началу 1950-х годов положение с соблюдением формальной стороны «колхозной демократии» настолько обострилось, что в Совете по делам колхозов был разработан проект введения тайного голосования на выборах председателей и ревизионных комиссий. Необходимость этого объяснялась тем, что открытое голосование «ограничивает демократические права колхозников, связывает их инициативу при выборах руководящих органов сельскохозяйственной артели и сдерживает критику и самокритику»².

---

¹ ГАБО. Ф. Р-2224. Оп.1. Д. 40. Л. 409.

² РГАЭ. Ф. 9476. Оп.1. Д. 1156. Л. 58, 59.

Глава 8. ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ЗАПАДНОРУССКОЙ ДЕРЕВНИ В 1953—НАЧАЛЕ 1960-Х ГОДОВ

8.1. Реформы районного звена управления и западнорусское крестьянство в 1953 — начале 1960-х годов

Необходимость корректировки управления селом осознавалась еще в последние годы сталинской эпохи. В сентябре 1952 года страна размышляла над дилеммой руководства колхозами «по-пролетарски» или «с крестьянской справедливостью», сформулированной в очерках В. В. Овечкина¹. На сентябрьском (1953 года) пленуме ЦК КПСС неблагополучие в районном звене было признано официально. Главная его причина виделась в неверных «содержании и методах» работы: в засилье чрезвычайщины, бюрократизме, «обезличке и безответственности», когда при наличии значительных штатов районного аппарата райкомы КПСС опирались на чрезвычайных уполномоченных, в отрыве районного аппарата от колхозов и МТС². Накануне пленума было обследовано функционирование нескольких райкомов КПСС, руководивших преимущественно через уполномоченных и погрязших в хозяйственных кампаниях, «подменив» райисполком и запустив политическую работу³. Районное звено явно переживало предел возможностей сверхцентрализованного управления.

---

¹ Овечкин В. В. Районные будни // Овечкин В. В. Собрание сочинений. В 3 т. Т. 2. М., 1989. С. 20.

² КПСС в резолюциях. Т. 8. С. 341–343.

³ Региональная политика Н. С. Хрущева и местные партийные комитеты. 1953–1964 гг. / сост. О. В. Хлевнюк, М. Ю. Прозуменщиков, В. Ю. Васильев, Й. Горлицкий, Т. Ю. Жукова, В. В. Кондрашин, Л. П. Кошелева, Р. А. Подкур, Е. В. Шевелева. М., 2009. С. 55–56, 64, 65.

Провальные результаты «хозяйственно-политических» кампаний начала 1950-х годов свидетельствовали не только о кризисе управления, но и о нелегитимности его повседневного чрезвычайного функционирования в глазах населения. Не посягая на изменение порядка власти, село пыталось манипулировать «районом», указывая на забвение «правильного руководства» через первичные парторганизации и сельсоветы. Преодоление неэффективности функционирования районного звена, таким образом, переплелось с задачей восстановления доверия к нему деревни. Распутать этот узел новый лидер партии планировал, опираясь на известную сталинскую идею «улучшения повседневного партийного руководства в смысле его приближения к низовой работе», о которой на XIX съезде ВКП(б) Г. М. Маленков напомнил словами о «большом развороте социалистического строительства и задачах дальнейшего приближения партийного и советского руководства к району, городу, селу»¹. С этой точки зрения преобразования означали «приближение» аппарата РК КПСС к непосредственному производству без передачи реальных полномочий советским и хозяйственным учреждениям — путем перемещения партработников по структуре аппарата. На сентябрьском пленуме ЦК КПСС Н. С. Хрущев призвал устранить «обезличку» и чрезвычайщину, «приблизив» аппарат сельских РК КПСС и РИКов к колхозам, совхозам и МТС². Вместо сельскохозяйственных отделов и отделов партийных, профсоюзных и комсомольских организаций в райкомах КПСС создавались группы инструкторов, обязанные вести основной объем партийной работы в зоне охвата МТС. Зональные инструкторы «закреплялись» на жительство в «опекаемых» колхозах, а секретарь РК КПСС по зоне МТС — на ее центральной усадьбе. При этом в райкомах формировались отделы пропаганды и агитации и организационно-инструкторский. Введенные по итогам февральского (1947 год) пленума ЦК ВКП(б) для дополнительного контроля колхозов и улучшения работы парторганизаций МТС должности замдиректора МТС по политчасти упразднились³. Принципом функционирования аппарата отделов

¹ Отчетный доклад ЦК ВКП(б) XIX съезду партии. Доклад секретаря ЦК ВКП(б) тов. Г. М. Маленкова // Правда. 1952. 6 окт.

² КПСС в резолюциях. Т. 8. С. 343–344; Правда. 1953. 15 сент.

³ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 15. Д. 433. Л. 6. КПСС в резолюциях. Т. 8. С. 144–145, 343.

райкомов становился отраслевой, а зональных групп — территориально-производственный. Выбор МТС в качестве «опорного пункта» райкома был не случайным. К началу реформы здесь имелись самые крупные первичные парторганизации села¹, была сосредоточена сложная сельхозтехника. Отсюда осуществлялось агрономическое и зоотехническое обслуживание колхозного производства. Почти все МТС имели телефонную связь с районными центрами. Даже в 1955 году после неоднократных укрупнений лишь 30,2% колхозов Брянской области имели телефонную связь с райцентрами, в Калужской области — 43,8%, в Смоленской — 28,8%². Ответы обкомов КПСС Центрального Нечерноземья на запрос ЦК о новых штатах сельских райкомов свидетельствуют о стремлении региональных и местных партработников всячески их увеличивать, обосновывая это пересеченным рельефом местности, подорванной экономикой колхозов, большим их количеством и т.д.³. Сам Хрущев высказывался за то, чтобы зональный инструктор приходился на «один, максимум два колхоза»⁴. На деле нагрузка оказалась существенно выше. Так, на 1 августа 1955 года на одного работника инструкторских групп сельских РК КПСС Смоленской области приходилось в среднем 4,8 колхоза⁵, в Калужской — 4⁶.

Но реформа натолкнулась на сопротивление районной бюрократии⁷. Кадры для зональных групп частично переводились из аппарата РК КПСС, областных учреждений, частично — из других учреждений района и сельской округи. Наиболее опытные работники РК КПСС уже проявили немалую активность, чтобы выбраться из деревни и пытались закрепиться в райцентре. В самих райкомах КПСС смысл преобразований увидели в разделении аппарата

¹ Подсчитано: РГАНИ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 19. Л. 60–75.

² Подсчитано: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 11. Д. 5301. Л. 198.

³ *Кометчиков И. В.* «Дайте нам секретаря, который был бы с народом»: десталинизация партийной власти в сельских районах Центрального Нечерноземья (1953 — начало 1960-х гг.) // *Новый исторический вестник.* 2014. № 4 (42). С. 78.

Подсчитано: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 15. Д. 412. Л. 123–124, 132. Д. 413. Л. 21, 22, 32, 33. Д. 414. Л. 19, 20, 42, 82, 203, 206.

⁴ Правда. 1953. 15 сент.

⁵ Подсчитано: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 15. Д. 414. Л. 81. ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 3. Д. 89. Л. 127.

⁶ ГАДНИКО. Ф. 55. Оп. 9. Д. 390. Л. 1. Д. 391. Л. 1.

⁷ КПСС в резолюциях. Т. 8. С. 388.

на «привилегированную» и «непривилегированную» ветви¹. В Дугнинском, Дзержинском и Куйбышевском районах Калужской области решения сентябрьского пленума первоначально саботировали. Потребовалось вмешательство обкома, «разъяснение ошибок райкома партии» районному активу, чтобы из райцентра в колхозы были направлены группы коммунистов². Инструкторы Юхновского РК КПСС Калужской области писали в ЦК КПСС при ЦК КПСС о том, что «у нас ни один руководитель не сдвинулся с места, они спасовали перед передним краем, а послали в колхозы ряд руководителей, лишь бы отделаться и как бы самим туда не поехать...»³.

В ЦК КПСС, областные комитеты, прессу хлынул поток писем бывших работников областных, городских и районных учреждений и организаций, «обиженных» мобилизацией на село и ссылавшихся на то, что они «больны», «болеет жена», «не знают сельского хозяйства», «имеют слабый характер» и т.д.⁴. Многие стремились задействовать имеющиеся неформальные связи, а в случае невозможности уклониться от мобилизации просили «вернуть» их в родной район, чтобы, опираясь на неформальные связи, вновь устроиться на работу в райцентре. Из Думиничского района Калужской области в редакцию газеты «Известия» в середине 1954 года писали: «У нас сейчас устроили панику в районе: сегодня работаешь, а что завтра будет — неизвестно... Начальству не понравится — увольняют для отправки в колхоз. <...> “Колхоз” стал самым ругательным словом в районе... В учреждениях только и разговору: кого намечают к увольнению. Работать стало гораздо хуже — все ждут изменения. Руководители учреждений на работу приходят пьяными — все равно последние дни. Куда не зайди, нигде нет порядка... говорят, такая неразбериха творится и в областном городе Калуге...»⁵. В коллективном анонимном письме из Смоленской области, направленном Н. С. Хрущеву, сообщалось, как многие руководители области и Смоленска, направленные в 1953 году на «укрепление» села, отправились «поднимать» передовые районы (бывший председатель Смоленского облисполкома стал первым секретарем Смоленского райкома КПСС,

¹ Кометчиков И. В. «Дайте нам секретаря, который был бы с народом». С. 78.

² ГАДНИКО. Ф. 55. Оп. 9. Д. 168. Л. 31.

³ Там же. Д. 615. Л. 75.

⁴ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 15. Д. 433. Л. 31.

⁵ ГАДНИКО. Ф. 55. Оп. 9. Д. 180. Л. 50.

переехав в Смоленске из одного административного здания в другое, бывший председатель Смоленского горисполкома возглавил передовой Починковский район), а «районы Пречистое, Батурино, Екимовичи, вроде Андреевска, лежат на боку по несколько лет, туда по-прежнему посылаются малоопытные в партийной работе люди, лишь бы заполнить места...». Письмо заканчивалось просьбой «поправить эти смоленские порядки», которыми «народ возмущен»¹.

Аппарат зональных инструкторов, ответственный за широкий спектр партийной работы, часто был предоставлен сам себе и действовал методами уполномоченных². Реформа аппарата РК КПСС сопровождалась реорганизацией сельскохозяйственных министерств и их органов на местах, упразднением сети участковых агрономов и зоотехников, а также агрономов в районных управлениях сельского хозяйства и заготовок³. Первая масштабная мобилизация провинциальной бюрократии стартовала по решению сентябрьского (1953 года) пленума ЦК КПСС для «укрепления» села «опытными, хорошо знающими сельское хозяйство кадрами, способными правильно руководить колхозами. МТС и совхозами»⁴. В ходе нее в Калужской области с сентября 1953 по октябрь 1954 года на работу в сельскую местность было направлено 2189 коммунистов, в том числе 460 чел. — из Калуги. Аппараты сельских РК КПСС пополнились 300 работниками, 124 из них были направлены из аппарата обкома КПСС и других областных организаций. На должности председателей колхозов были переведены 367 коммунистов, в том числе 30 секретарей райкомов КПСС, 10 председателей РИКов, 24 руководителя из областных организаций. В сравнении со всей номенклатурой сельских райкомов КПСС области на 1954 год (11381 работников) количество мобилизованных составляло 19,2%⁵. В Смоленской области с сентября 1953 по март 1954 года «укреплять руководство» сельскими районами отправились 934 чел., из которых 276 чел. подобрал обком КПСС, а 658 чел. — местные органы. По численности это было сопоставимо с 80% номенклатуры

¹ ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 1789. Л. 69 об. — 70 об.

² *Кометчиков И. В.* «Дайте нам секретаря, который был бы с народом». С. 78–79.

³ *Томилин В. Н.* Наша крепость. С. 120–121.

⁴ КПСС в резолюциях. Т. 8. С. 343.

⁵ Подсчитано по: ГАДНИКО. Ф. 55. Оп. 9. Д. 168. Л. 29, 30. Д. 243. Л. 118.

обкома КПСС на 1954 год. До 1 января 1956 года в сельские районы, колхозы, совхозы и МТС было перемещено 3 570 чел., в том числе из Москвы—336 чел., из городов области—1434 чел., 1800 чел.—из районных организаций¹. Шло перекраивание сетки административно-территориального деления. Только в ходе реализации постановления ЦК КПСС от 25 января 1954 года «О серьезных недостатках в работе партийного и государственного аппарата» к середине 1956 года в РСФСР было упразднено 172 района, 13 368 сельсоветов, в три раза сокращен объем отчетности, штаты управленцев уменьшены на 193 тыс. чел. Высвобожденные 2761 ответственный и 690 технических работников РК КПСС стали кадровым «ресурсом» для периферии². В Брянской, Калужской и Смоленской областях за 1953—1961 годы число сельских районов сократилось с 96 до 82³.

Мобилизации коммунистов, перестройки районного аппарата обусловили высокую кадровую нестабильность. Передаваясь вниз, она лихорадила чиновников нижележащих уровней, вынужденных заново подстраиваться под новое руководство. За 1956 год в РСФСР сменилось 24% председателей РИКов, 28,6% их заместителей, 21,2% секретарей. За 1957 год сменяемость составила, соответственно, 15,3%, 17,9% и 11,6%⁴. В Смоленской области до двух лет в своих должностях работали 81,8% секретарей РК КПСС, 70,8% заведующих отделами райкомов партии, 71,0% председателей РИКов. Высокой была текучесть состава руководства, доходя в год до 30—55%⁵.

Высокая сменяемость воспринималась аппаратом как «наказание» и противоречила замыслу десталинизации: чтобы быть на хорошем счету, первый секретарь РК КПСС и председатель РИКа задействовали чрезвычайные методы. Население же, оценивая функционирование «района» с точки зрения доклада Н. С. Хрущева «О культе личности и его последствиях», видело в этом сопротивление сворачиванию «культа» (доклад, скупое упоминавший о «голом

¹ Подсчитано по: ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 3. Д. 88. Л. 4, 4 об. Д. 93. Л. 104. Д. 246. Л. 12.

² РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 14. Д. 29. Л. 1.

³ Подсчитано: Народное хозяйство РСФСР в 1961 году. Статистический ежегодник. М., 1962. С. 88. ГАРФ. Ф. А-385. Оп. 46. Д. 65. Л. 7, 8, 9.

⁴ Подсчитано: ГАРФ. А-385. Оп. 46. Д. 74. Л. 15. Д. 77. Л. 15.

⁵ Кошетчиков И. В. «Дайте нам секретаря, который был бы с народом». С. 79.

администрировании», «лакировке действительности», бюрократизации аппарата, незнании им реального положения¹, наводил на мысли о схожести ситуации в верхах и в сельском районе). Так, в начале 1957 года первому секретарю Смоленского обкома КПСС жаловались на секретаря Ельнинского РК КПСС: «Это сухарь-чинуша, который сидит целыми днями в кабинете... <...> Нам не нужны у власти чинуши-одиночки, самовластье нам не надо, время не то. Замучил всех, что захочет, то и делает. Нет у него человечности к людям. Уберите его от нас, дайте нам секретаря, который был бы с народом, понимал его...»². Авторы анонимной жалобы первому секретарю Калужского обкома КПСС С. О. Постовалову на первого секретаря Людиновского РК КПСС считали его злоупотребления следствием поддерживаемого им собственного «культа личности»: «Сейчас всюду пишут о коллективном руководстве, о широкой демократии и борьбе с культом личности, этого только не признает [первый секретарь РК КПСС]. Он никого не признает, ни с кем не считается, нет подхода к людям по-ленински, кричит на всех. <...> Вот факты: перевез свою сестру, сразу устроил, освободив человека, устроил зятя, обеспечив квартирой в новом доме, а люди годами не получают. Сейчас отстроили детясли, место теплое, давай сестру [первый секретарь РК КПСС] свою заведующей. Перевез он своего знакомого и устроил начальником в Сукремле, и сразу квартира. Перевез сестру жены с мужем — и теплое местечко приготовлено. <...> Его в районе не уважают и много говорят плохого...» В справке о проверке письма «сигналы» признаны подтвердившимися и «отрицательно воспринимающимися отдельными членами бюро и работниками аппарата РК КПСС»³.

Растущее сопротивление реформам районной бюрократии, зафиксированное в потоке жалоб с мест, ускорило признание неэффективности инструкторских групп как метода «приближения» партаппарата к колхозному производству. Зональные инструкторы дублировали отраслевые отделы райкомов, имели меньше опыта и знаний, чем руководимые ими председатели колхозов. Они стремились покинуть деревню, а первые секретари райкомов КПСС — вновь сосредоточить

¹ О культе личности и его последствиях. Доклад первого секретаря ЦК КПСС тов. Н. С. Хрущева XX съезду КПСС // Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 160.

² ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 3. Д. 394. Л. 69.

³ ГАДНИКО. Ф. 55. Оп. 9. Д. 487. Л. 70, 72, 72 об.

в своих руках полноту власти. Ликвидация зонального аппарата была оформлена постановлением Секретариата ЦК КПСС от 14 сентября и Президиума ЦК от 19 сентября 1957 года, так как он, якобы, выполнил свои задачи, обеспечив рост состава первичных партийных организаций, «укрепление» корпуса колхозных и совхозных руководителей и преодоление «в известной мере» «обезлички» руководства¹. Наиболее опытные зональные инструкторы влились в восстановленные отраслевые отделы РК КПСС. Другая их часть стала председателями колхозов, секретарями первичных парторганизаций и другими низовыми руководителями. В этом смысле инструкторские группы, безусловно, стали шагом вперед к полному охвату села «регулярными» партийными структурами и «приблизили» партийное руководство к низовой работе. Одновременно на 2—15% были увеличены ставки заработной платы заведующих отделами, их заместителей и инструкторов сельских райкомов КПСС (последних — особенно ощутимо)².

Спад производства сельскохозяйственной продукции в начале 1960-х годов, свидетельствовавший о провале хрущевской аграрной политики, подтолкнул верхи к еще одной аппаратной реформе — созданию территориальных производственных колхозно-совхозных управлений, каждое из которых охватывало несколько районов и «подкрепляло» «живой организаторской работой» «слабые» колхозы и совхозы. «Инспекторы-организаторы» управлений обязывались «через правление колхоза и дирекцию совхоза» выполнять планы и основное время находиться на селе вместе с группами инструкторов

Общий вид
с. Студенец
Куйбышевского
района Калужской
области. 1960-е гг.
ГАДНИКО.
Ф. П-7607. Оп. 5.
Д. 5650

¹ Региональная политика Н. С. Хрущева. С. 117–119.

² Подсчитано: Региональная политика Н. С. Хрущева. С. 155, 159, 160.

парторгов обкомов КПСС при управлениях, ответственных за политическую и пропагандистскую работу¹. Так попытки «приближения» районного партаппарата к производству материальных благ были распространены в полной мере и на государственный аппарат. В ноябре 1962 года с преобразованием парторгов обкомов КПСС, групп инструкторов и райкомов КПСС в парткомы территориальных колхозно-совхозных управлений их труд был еще более специализирован². К апрелю 1963 года в Брянской, Калужской и Смоленской областях 34 укрупненных сельских района, возглавленных парткоммами, объединили территорию 82 районов, существовавших в начале 1962 года³.

Децентрализация власти, «критика культа», доктрина «общенародного государства»⁴ узаконили погружение парторганов в управление экономикой села. Но отсутствие обстоятельств военного и первого послевоенного времени делало привычное им чрезвычайное функционирование нелегитимным в глазах населения, побуждая верховную власть обновлять образ своих представителей на селе. На смену чрезвычайному «комиссару» должен был прийти функционер-специалист. Необходимость знания парработником экономики сельского хозяйства неоднократно подчеркивал Н. С. Хрущев⁵. На местах это возводилось в абсолют. Акцент на «интересах дела» в официальной оценке руководящих кадров стал придавать «критике» (жалобам и доносам на районное руководство) оттенок «гражданского» контроля над властью⁶. Авторы обращений в региональные центры и в Москву, предлагая усовершенствовать управление селом, выступали за создание структур, которые бы боролись с «зажимом критики» и «семейственностью» бюрократии, «смелее направлять председателями колхозов областных руководителей»⁷. Однако подобные предложения растворялись в потоке просьб наказать «неправильно»

---

¹ Справочник партийного работника. Вып. 4 / редкол. В. Н. Малин и др. М., 1963. С. 321–328.

² КПСС в резолюциях. Т. 10. С. 292–293.

³ Подсчитано: Народное хозяйство РСФСР в 1961 году. С. 88. Народное хозяйство РСФСР в 1962 году. Статистический ежегодник. М., 1963. С. 8.

⁴ *Пыжиков А. В.* Политические преобразования в СССР (50–60-е гг.). М., 1999. С. 234.

⁵ *Кометчиков И. В.* «Дайте нам секретаря, который был бы с народом». С. 81.

⁶ *Пыжиков А. В.* Политические преобразования. С. 218, 219.

⁷ *Кометчиков И. В.* Указ. соч. С. 83.

действующих районных начальников-«специалистов», которые можно считать традиционной реакцией деревни на адаптацию бюрократии к реформам аппарата, децентрализации номенклатурного контроля и полному охвату к началу 1960-х годов первичными парторганизациями укрупненного колхозно-совхозного производства¹, а также на рост ее формальных и неформальных привилегий². По мнению авторов письма в газету «Правда» из Тарусы — центра ликвидированного в ходе создания производственных колхозно-совхозных управлений района в Калужской области — все работники из учреждений бывшего райцентра «разбежались по городским организациям, только не в сферу производства, а в кабинеты укрупненных районов и области». В результате в 4-х комнатах бывшего парткабинета расположилось пять инструкторов сельскохозяйственного парткома и 2 инспектора-организатора территориального колхозно-совхозного управления, вместо одного телефона стало два. Работники бывших районных организаций направили свою энергию на создание «новых надуманных организаций», в результате чего в укрупненном Ферзиковском районе, куда вошла территория бывшего Тарусского района, оказалось 2 отделения госбанка, 2 конторы связи, 2 лесхоза, 2 головных молочных завода, 2 заготконторы, две оптовые базы и т.д. В бывшем Тарусском райкоме КПСС вместо трех инструкторов ту же территорию теперь опекали пять, зарплата каждого из которых выросла с 90 до 130 рублей. В ответе Калужского сельского обкома КПСС указывалось, что укрупнение района и создание колхозно-совхозных управлений привело к сокращению штатов управленцев, однако «большинство работников бывших РК КПСС и РИКов перешли работать в новые органы, а остальные трудоустроились на предприятиях Тарусы»³. Авторы анонимного письма Н.С. Хрущеву из Днепровского района Смоленской области весной 1961 года обвиняли «пропившего район» и «рвущегося в Москву первого секретаря РК КПСС и его супругу в распространении слухов о ликвидации района, которая им на руку: «В данный момент район переживает “катастрофу” — панику по поводу ликвидации района. Нам неизвестно, так ли это на самом деле, но известно другое, пустил ее лично первый секретарь райкома партии т. [...]». Его жена помогла распространить эту утку по всему району, и на протяжении

¹ Коментчиков И. В. Указ. соч. С. 84.

² Он же. Привилегии номенклатуры. С. 243–249.

³ ГАДНИКО. Ф. 6878. Оп. 1. Д. 63. Л. 21, 22.

уже месяца в колхозах района ничего не делают, ждут, когда будут созданы совхозы, и это в такое горячее время, когда весенний сев на носу. В учреждениях пьянствуют в рабочее время, бездельничают, решить любой вопрос не у кого...». Авторы письма просили Хрущева не ликвидировать район, а заменить в 5 из 14 колхозов председателей и «дать хорошего первого секретаря РК КПСС». Однако в марте 1961 года Днепропетровский район был ликвидирован, его территория поделена между Сычевским и Новодугинским районами области, а его бывший первый секретарь и председатель РИКа были «не рекомендованы на партийную и советскую руководящую работу»¹.

Почувствовал защитную реакцию аппарата и Н. С. Хрущев: одновременно с очередной перестройкой управления колхозами и совхозами ЦК КПСС утверждает «Инструкцию о проведении выборов руководящих партийных органов», согласно которой состав райкомов КПСС должен был обновляться раз в два года наполовину, вводился лимит пребывания в выборной должности не более трех сроков подряд².

Отмена новаций в структуре районного аппарата после смещения Н. С. Хрущева³ при сохранении возросших прав управления сельской экономикой стала победой райкомовской бюрократии не столько над реформатором, сколько над обществом. Используя десталинизацию для освобождения своей власти от теряющего легитимность чрезвычайного функционирования, опираясь на разросшиеся низовые структуры, она существенно продвинулась в легализации своего не только фактического, но и «правового» господства над селом. Переживавший кризис сталинский порядок заменялся «приближенным» к низовой работе систематическим контролем управленцев-специалистов, связанных устойчивыми неформальными связями между собой и с верхушкой районного партаппарата. Осознание деревней такого результата десталинизации, интуитивное, без знания реального механизма, как представляется, обусловило латентный рост недоверия к районной власти, безразличие к ее инициативам. Активизированная хрущевской десталинизацией и «оттепелью» социальная энергия людей переключалась с приспособления к колхозному строю на миграцию в города.

¹ ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 3. Д. 1087. Л. 188, 189, 191, 193.

² Справочник партийного работника. Вып. 4. С. 482, 484.

³ *Пыжиков А. В.* Политические преобразования в СССР. С. 288.

8.2. Сворачивание чрезвычайщины в районном звене управления западнорусской деревней

Глава 8
ПРОБЛЕМЫ
СОЦИАЛЬНО-
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ИСТОРИИ
ЗАПАДНОРУССКОЙ
ДЕРЕВНИ В 1953 —
НАЧАЛЕ 1960-х
ГОДОВ

Создание инструкторских групп РК КПСС по зонам МТС (сентябрь 1953 года), укрупнение районов и сельсоветов, сокращение управленческого аппарата, объединение аппарата сельских РК КПСС (1957), организация территориальных колхозно-совхозных управлений и парткомов при них, разделение партийного и госаппарата по отраслевому принципу (1962) преследовали цель повышения эффективности работы районного аппарата путем его приближения к «объектам управления», а также вытеснения чрезвычайных методов управления планомерной активностью первичных парторганизаций, сельсоветов, «укрепленного» председательского корпуса. Фоном реформ стало усиление приема в партию, достижение к концу 1950-х — началу 1960-х годов полного охвата укрупненных колхозов и совхозов первичными парторганизациями, мобилизации на село тысяч городских коммунистов, упорядочение формальной стороны деятельности советских органов, завершение к началу 1960-х годов телефонизации колхозов¹, распространение номенклатурного учета на низовые категории руководителей и специалистов колхозно-совхозного производства².

Однако сопровождавшая преобразования высокая сменяемость кадров нервировала районное руководство, усиливая актуальность чрезвычайных властных практик, становившихся важным инструментом создания благоприятного имиджа в глазах вышестоящего руководства. В Москву и областные центры шел поток писем о пробуксовке системы управления, основанной на инструкторских группах. В середине 1954 года временный исполняющий обязанности прокурора Руднянского района Смоленской области обратился с письмом к секретарю ЦК КПСС Н. С. Хрущеву, секретарю Смоленского обкома КПСС П. И. Доронину и Генеральному прокурору СССР Р. А. Руденко по поводу практики закрепления всех работников прокуратуры района уполномоченными РК КПСС и РИКа в двух-трех сельсоветах: «Меня лично РК партии, начиная с 1 января 1954 года, постоянно закреплял на длительное время за Богдановским сельсоветом, Ивановским и Дягилевским с выездом только

¹ Подсчитано: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 11. Д. 6296. Л. 87–88.

² Подсчитано: ГАДНКО. Ф. 16. Оп. 39. Д. 53. Л. 105–108, 108 об., 109–126.

для получения нового инструктажа — вывозить навоз, направлять людей в лес. Готовить семена в колхозах и т.д., тогда как для этого есть на местах специальные ответственные люди. Но эти люди становятся безответственными, поскольку за спиной стоит «ответственный» уполномоченный, или, как их теперь называют, представитель, это одно и то же. Поскольку средства на командировки для прокуратуры отпускаются только для поездки в г. Смоленск, то командировочных удостоверений прокурор не подписывает, и он в этом прав, и сидишь в колхозе, что называется, на бобах. За три года работы в районе мне не удалось узнать 50% сельсоветов только оттого, что приходится быть закрепленным на длительное время за одним колхозом или сельсоветом...»¹. В сентябре 1956 года районный прокурор, судья и следователь Хвастовичского района направили в бюро Калужского обкома КПСС и Бюро ЦК КПСС по РСФСР письмо о грубости и «зажигании критики» первым секретарем РК КПСС, в котором речь шла и о руководстве райкома сельским хозяйством: «С наступлением периода уборки картофеля в колхозах тов. [первый секретарь РК КПСС] приказал народному судье [...], прокурору [...], нарследователю [...] закрыть свои учреждения, взять корзины и идти подбирать картофель в колхозах. Когда из этих учреждений ограничились выделением некоторого количества работников для уборки картофеля в колхозах, то тов. [первый секретарь РК КПСС] на пленуме райкома 20 сентября 1956 года публично стал наносить угрозы и оскорбления. XX съезд КПСС подтвердил указания ЦК о необходимости полного восстановления и всемерного укрепления ленинского принципа коллективного руководства. Мало что заметно в вопросе укрепления коллективного руководства в Хвастовичском районе. Первый секретарь РК КПСС [...] попирает все и вся. Критика и самокритика зажаты до бескрайности. За небольшой период времени в районе сменилось три председателя исполкома райсовета... [...] Метод партийного руководства в сельском хозяйстве тов. [первого секретаря РК КПСС] заключается в том, что по каждому малейшему вопросу в колхозы направляются уполномоченные на длительный срок без права выезда без его разрешения. Сам свою работу строит путем курсирования на автомашине из колхоза в колхоз...». Ни в справке о проверке письма, подготовленной работниками Калужского обкома КПСС, ни в объяснении первого секретаря Хвастовичского РК КПСС

направление в колхозы уполномоченных осталось без комментария. Конфликт между авторами письма и секретарем райкома был представлен как «неправильное» восприятие ими «законных требований» райкома и РИКа, разверставших задание по уборке картофеля всем учреждениям и предприятиям района¹.

После упразднения инструкторских групп по зонам МТС (ноябрь 1957 года) инструкторы организационных отделов РК, на которых возлагалась работа по руководству сельскими номенклатурными кадрами и контроль выполнения решений партийных комитетов, должны были закрепляться не за колхозами, а за парторганизациями. Объединение аппарата райкомов КПСС сопровождалось его сокращением, что не способствовало сворачиванию института. Правда, упоминания об «осужденных» методах руководства к началу 1960-х годов почти перестают появляться в партийных документах, прессе, создавая впечатление «правильного» управления. Фактически же функции уполномоченных не изменились: как и в первые послевоенные годы, они продолжали осуществлять оперативный контроль за ходом хозяйственных кампаний².

Крах «рязанской авантюры» и других аграрных «сверхпрограмм» Н. С. Хрущева, сопровождавшийся значительным спадом производства продовольствия, обозначил невозможность решить эту проблему посредством перекраивания аппарата, который воспринимал реформы как угрозу стабильности своего положения, преодолеваемую привычной чрезвычайщиной. После «принятия» Рязанской областью обязательства выполнить в 1959 году три годовых плана заготовки мяса руководство обкома КПСС создало специальную «мясную» комиссию, которая «работала» с секретарями райкомов, руководителями колхозов, совхозов, кооперативных, торговых, заготовительных организаций, координируя махинации с отчетностью. При проверке секретари РК КПСС заявляли ревизорам из Москвы, что на протяжении нескольких лет руководство обкома практиковало «голый нажим, администрирование, шантаж»³. То же самое происходило и в других регионах. Во многих крестьянских письмах во власть тех лет шла речь об уполномоченных, обшаривавших колхозные фермы и крестьянские подворья в поисках яиц, молока и других продуктов, что напоминало крестьянам времена немецкой оккупации. Хотя

¹ ГАДНИКО. Ф. 55. Оп. 9. Д. 487. Л. 156, 156 об., 154, 155, 166, 167.

² Коменчиков И. В. «Институт уполномоченных»... С. 131.

³ Там же. С. 131–132.

иногда деревня даже благодарила «своих» уполномоченных, смягчавших шквалы хрущевских преобразований и «перегибы» местного руководства: месяцами живших в колхозе и помогавших ему пережить, «выбивавших» для него в районе семенные ссуды, трактор или комбайн, «воевавших» с пьянством и бесхозяйственностью колхозных руководителей. От уполномоченных не отказались и с созданием территориальных производственных колхозно-совхозных управлений. В начале 1960-х годов руководство Калужского обкома КПСС постоянно направляло в районы бригады из десятков членов бюро обкома, облисполкома и чиновников областных организаций для «оказания организационной помощи и налаживания практической работы»¹.

Изменение роли уполномоченных, опекавших руководителей укрупненных колхозов и совхозов, происходило по мере расширения полномочий, повышения квалификации и статуса последних: если ранее представителей воспринимали как агентов региональной или районной власти, то теперь могущественный хозяйственный руководитель, уже поработавший начальником в «районе» или «области», часто видел в них «свой» административный ресурс, как это было в передовом колхозе «Россия» Перемышльского района Калужской области². В документах Смоленского обкома КПСС есть свидетельства «отрыва» некоторых председателей колхозов и директоров совхозов от прикрепленных уполномоченных и инструкторов райкомов КПСС. Представители, пытавшиеся «поправить» руководителей, грубивших населению, оказывались выставленными из кабинета и даже избитыми. Райком при разборе подобных случаев становился на сторону «грубияна» или ограничивался выговором³. Партийная пресса конца 1950-х годов все чаще писала о нецелесообразности направления в колхозы уполномоченных в связи с улучшением состава колхозных руководителей⁴.

Таким образом, непосильность одновременного выполнения широкого спектра задач по управлению западнорусской деревней в первые послевоенные годы заставляла ослабленные войной официальные структуры концентрироваться на главном — текущих хозяйственных кампаниях. Но даже их ведение было невозможно без

¹ ГАДНИКО. Ф. 55. Оп. 9. Д. 1123. Л. 69, 82, 108, 118, 122, 135–136, 160. ТЦДНИ. Ф. 147. Оп. 6. Д. 772. Л. 116.

² ГАДНИКО. Ф. 6878. Оп. 1. Д. 63. Л. 119–120, 123, 124, 134–136, 139.

³ ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 3. Д. 1094. Л. 145, 146.

⁴ Кошетчиков И. В. «Институт уполномоченных»... С. 132.

чрезвычайных методов управления, одним из которых был институт уполномоченных, вписавшийся в систему сверхцентрализованной власти. Уполномоченные компенсировали ее слабые стороны, преодолевали накопленный деревней социальный иммунитет к колхозному строю, способствовали решению главной задачи, как ее понимало политическое руководство — максимизации изъятия ресурсов деревни. С этой точки зрения эффективность института, измерявшаяся, прежде всего, в количестве поступивших в распоряжение государства продовольствия и денег (только в 1946—1953 годы из сельского хозяйства в другие отрасли было переведено 105 млрд руб.)¹, была несомненна. Именно она мирила власть с неквалифицированными решениями уполномоченных, их работой вхолостую, дезорганизацией «штатного» руководства и т.д. Тактический успех института стратегически приводил к «пирровой победе»: к исходу сталинской эпохи

Делегация Калужской области на совещании в Кремле. На фото — секретари РК КПСС и руководители хозяйств. Москва, Кремль. Конец 1950-х гг. ГАДНИКО. Ф. П-7607. Оп. 5. Д. 5545

¹ Вербицкая О. М. Указ. соч. С. 24–25.

его пример наиболее рельефно обозначил пределы возможного для управления на основе административного нажима. Позднее институт способствовал провалу аппаратных реформ, аграрных «сверхпрограмм» Хрущева, окончательному подрыву мотивации к труду и переходу к дотированию сельского хозяйства. Слабая восприимчивость института к аппаратным реформам, увеличению числа коммунистов и первичных парторганизаций, оптимизации административно-территориального деления, прогрессу телекоммуникаций подчеркнула противоречивость попыток повсеместно утвердить «правильные» методы руководства, так как это неизбежно вело и к подавлению мобилизующего потенциала членства в КПСС — ключевого основания и института, и политического порядка в целом. И верхушка местного руководства использовала это противоречие в своих интересах, не торопясь отказываться от нарастающей в условиях усложнения управленческих задач неэффективности «чрезвычайщины», к тому же терявшей легитимность. Медленное сворачивание института происходило не вследствие повышения «уровня организационно-партийной работы», а, в первую очередь, по мере «приватизации» районными руководителями подконтрольного им слоя номенклатуры, роста квалификации и расширения полномочий колхозно-совхозного руководства при погружении парторганов в управление экономикой села на «законных» основаниях.

8.3. Эволюция номенклатуры РК КПСС в 1953–1964 годы и восприятие этого крестьянством

С приходом к власти Н. С. Хрущева курс на расширение охвата номенклатурным контролем организаций и предприятий района, начавшееся еще в последние годы сталинской эпохи, сохранился, но средством его реализации стала децентрализация номенклатур. При подготовке перестройки партийного и государственного аппарата была изменена номенклатура ЦК КПСС. Новая номенклатура, принятая 16 июля 1953 года, расширила права обкомов КПСС в части назначений первых секретарей райкомов, председателей райисполкомов, районных уполномоченных министерства заготовок и других районных руководителей, уменьшившись из-за этого с 45 до 25,3 тыс. должностей¹. Следующее ее сокращение вводилось постановлением Президиума ЦК КПСС от 1 июня 1956 года, в результате которого

---

¹ Региональная политика Н. С. Хрущева. С. 6.

основная номенклатура ЦК КПСС сократилась вдвое, а учетно-контрольная — более чем в 3,5 раза. Региональным партийным комитетам рекомендовалось вновь уменьшить свои номенклатурные списки, предоставив больше прав по подбору и расстановке кадров «нижестоящим органам»¹. В западнорусской деревне фоном этих нововведений было укрупнение районов, сельсоветов и колхозов (за 1953—1961 годы в Брянской, Калужской и Смоленской областях число сельсоветов сократилось с 2207 до 1174, колхозов — с 3608 до 1010², полный охват колхозов и совхозов первичными партийными организациями к началу 1960-х годов, несколько волн кадровых мобилизаций из городов на село, аппаратные реформы).

Децентрализация номенклатурного учета сопровождала проведение первой хрущевской реформы аппарата РК КПСС — создания инструкторских групп райкомов по зонам МТС (1953—1957 годы)³. Но убедившись, что партийные работники не могут изменить сложившуюся практику руководства, а инструкторские группы работают формально⁴, верхи партии сделали следующий шаг к совершенствованию номенклатурного контроля. Постановлением сентябрьского (1953) пленума ЦК КПСС проводилась реорганизация системы агрономического и зоотехнического обслуживания колхозов: состоя в штатах МТС, агрономы и зоотехники закреплялись за обслуживаемыми колхозами и, как и аппарат инструкторских групп, должны были там жить⁵. Постановлением февральско-мартовского (1954 года) пленума ЦК КПСС региональные партийные организации обязывались направить на работу в деревню «лучших работников из аппаратов» областных организаций, а также из городов и промышленных центров. В постановлении, опубликованном в «Правде» 6 марта 1954 года, говорилось о включении должности председателей колхозов в номенклатуру обкомов КПСС, а их заместителей, бригадиров производственных бригад и заведующих фермами колхозов — в номенклатуру райкомов КПСС, что мыслилось как мера по «повышению ответственности местных партийных

¹ Региональная политика Н. С. Хрущева. С. 7.

² Подсчитано: ГАРФ. Ф. А-385. Оп. 46. Д. 65. Л. 7, 8, 9. Д. 116. Л. 41–43. Народное хозяйство РСФСР в 1961 году. С. 352. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 11. Д. 4443. Л. 111.

³ КПСС в резолюциях. Т. 8. С. 343.

⁴ Там же. Т. 9. С. 387–388.

⁵ Там же. Т. 8. С. 337.

органов за правильный подбор, расстановку и воспитание руководящих колхозных кадров»¹. 20 августа 1955 года ЦК КПСС и Совет Министров СССР принимают решение о зачислении агрономов и зоотехников МТС в штаты колхозов, рекомендовав им вступать в их члены². Таким образом, партийное руководство продолжило начатое еще в начале 1950-х годов наращивание «нижних» ярусов номенклатуры сельских РК КПСС, распространяя ее на все новые должности в административной иерархии колхозов, перераспределяя в их пользу кадры МТС.

Однако, как и комплектование групп инструкторов РК КПСС по зонам МТС, подбор и утверждение кадров низовых руководителей проходили сложно, со значительной долей формализма. В Калужской области на 1 января 1954 года не было утверждено 20,5% номенклатуры сельских РК КПСС, на 1 января 1955 года — 23,3% (2622 работника). Указания обкома КПСС об этом райкомами игнорировались. На 1 января 1955 года из 962 заведующих колхозными фермами райкомами было утверждено только 571 чел. (59,3%). Часто утверждение производилось даже без предварительной беседы работников райкома с кандидатом на замещение должности³. Те же недостатки в кадровой работе отмечались в справке обкома за 1955 год. Несмотря на сокращение сельскими райкомами КПСС своей номенклатуры с 12 105 до 10 981 должности, 2 109 чел. (17,5%) номенклатурных работников не были утверждены райкомами. Занимавших их работников председатели колхозов смещали и назначали по своему усмотрению. В Людиновском, Дугнинском, Калужском, Ульяновском районах утверждение происходило заочно. Из 2 937 бригадиров полеводческих бригад колхозов на 1 января 1956 года РК КПСС утвердили 2 033 чел. (69,2%), из 1 078 заведующих животноводческими фермами — 732 чел. (68%), из 723 бригадиров тракторных бригад МТС — 616 чел. (85,2%), из 385 председателей сельсоветов — 260 (67,5%), из 752 секретарей колхозных парторганизаций — 672 (89,3%)⁴.

¹ КПСС в резолюциях. Т. 9. С. 389.

² Томили В. Н. Наша крепость. Машинно-тракторные станции Черноземного центра России в послевоенный период: 1946–1958 гг. М., 2009. С. 205–206.

³ ГАДНИКО. Ф. 55. Оп. 9. Д. 243. Л. 109, 110, 114.

⁴ Подсчитано: Там же. Д. 243. Л. 117. Д. 388. Л. 1, 2, 6, 16, 19–20, 22, 24, 25–26.

Еще более подхлестнуло перераспределение кадров специалистов в пользу колхозов ликвидация МТС и перевод их работников в штаты колхозов и совхозов. К началу 1960-х годов в номенклатурах РК КПСС еще более увеличивается число должностей и работников села, особенно — низовых руководителей и специалистов колхозно-совхозного производства, в том числе — входящих в учетно-контрольную часть. Подобно тому как право назначать верхушку районного руководства увеличивало самостоятельность региональных лидеров, передача райкомами КПСС председателям укрупненных колхозов, совхозов, других учреждений и предприятий полномочий по подбору подчиненных им напрямую кадров говорила о повышении статуса и самостоятельности хозяйственного руководства. Состав должностей, входящих в основную номенклатуру Боровского РК КПСС Калужской области на 1 января 1959 года, показывает, что, кроме присутствовавших в ней в середине 1950-х годов должностей руководителей низовых советских органов и колхозно-совхозного производства, добавились должности агрономов и зоотехников колхозов. В учетно-контрольную номенклатуру вошли 13 руководящих должностей работников культуры (43 чел.), должности 8 руководителей промышленных предприятий, директоров семилетних школ, управляющих отделениями совхозов, председателей сельских и поселковых Советов, должность секретаря горсовета, председателей колхозов и работающих в них специалистов сельского хозяйства¹. На 1 января 1962 года основная номенклатура Боровского РК КПСС включала 8 должностей руководителей производства в колхозах и совхозах, а также должности секретарей сельских первичных парторганизаций, председателей сельсоветов, в совокупности охватывая на селе 183 чел. (46,5% основной номенклатуры)².

Обращает на себя внимание персональный состав номенклатурных работников, многие из которых возглавили укрупненные колхозы, совхозы и их первичные партийные организации, перейдя с руководящих должностей в аппарате райкомов КПСС, РИКов и других районных организаций³. Свидетельством повышения статуса руководителей колхозов и совхозов в начале 1960-х годов стало включение их должностей в основную или учетно-контрольную номенклатуру обкомов КПСС, что можно рассматривать в качестве

¹ ГАДНИКО. Ф. 16. Оп. 39. Д. 53. Л. 105–108, 108 об., 109–126.

² Подсчитано: там же. Д. 53. Л. 31.

³ Коменчиков И. В. Номенклатура РК КПСС... С. 27.

ответа системы номенклатурного учета не только на рост масштабов сельскохозяйственного производства, но и на укрупнение «масштаба» людей, которые его теперь возглавляли. Так, председателем колхоза «Советская Россия» работал бывший секретарь Боровского РК КПСС Калужской области, председателем колхоза им. XX съезда КПСС — бывший секретарь Боровского РИКа, председателем колхоза им. Кирова — бывший заместитель председателя Боровского РИКа, директором совхоза «Боровский» — бывший первый секретарь Износковского РК КПСС Калужской области, секретарем парторганизации этого совхоза — выпускник Московской высшей партийной школы, директором совхоза «Ермолино» — бывший начальник инспекции сельского хозяйства Куйбышевского района Калужской области и т.д. Свидетельством повышения статуса руководителей колхозов и совхозов в начале 1960-х годов стало включение их должностей в основную или учетно-контрольную номенклатуру обкомов КПСС, что можно рассматривать в качестве ответа системы номенклатурного учета не только на рост масштабов сельскохозяйственного производства, но и на укрупнение «масштаба» людей, которые его возглавляли. Должности 371 председателя колхозов Калужской области вошли в учетно-контрольную, а должности директоров 63 совхозов — в основную номенклатуру обкома КПСС, утвержденную 23 мая 1961 года¹.

Районные и областные руководящие работники, приходя к руководству колхозами и совхозами, дополняли свой новый должностной статус прежними неформальными связями. Письма населения во властные инстанции изобилуют примерами того, как районные и сельские руководители «приватизировали» доступный им уровень номенклатуры. О том, как «работал» механизм рекрутирования кадров по неформальным признакам, проросший через принципы номенклатурного учета, рассказывается в нескольких анонимных письмах из Велижского района Смоленской области, где в начале 1960-х годов произошла смена руководства. Первый секретарь РК КПСС «вызвал» в 1960 году в Велиж из Холм-Жирковского района своего племянника, «поставив» его директором РТС, «культурно убрав» его предшественника, а спустя год обеспечил избрание родственника на должность председателя райисполкома с одновременной заменой многих работников аппарата РИКа. Вторым секретарем

¹ ГАДНИКО. Ф. 16. Оп. 39. Д. 53. Л. 14 об., 15 об., 16, 16 об. Ф. 55. Оп. 9. Д. 1009. Л. 104, 110.

Глава 8
ПРОБЛЕМЫ
СОЦИАЛЬНО-
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ИСТОРИИ
ЗАПАДНОРУССКОЙ
ДЕРЕВНИ В 1953 —
НАЧАЛЕ 1960-х
ГОДОВ

Семинар первых
секретарей
РК КПСС
в Калужском обкоме
КПСС. 1953 г.
ГАДНИКО.
Ф. П-7607. Оп. 5.
Д. 5543

РК ВЛКСМ стал брат жены первого секретаря райкома КПСС, родственнице новоиспеченного председателя РИКа была обеспечена должность заведующей сберкассой. Писавшие об этом в анонимном письме первому секретарю Смоленского обкома КПСС П.А. Абрахимову жаловались: «В тяжелые годы после войны Велижский район выполнял все задания партии, и это было потому, что руководители района по-человечески относились к людям. Теперь с людьми не разговаривают, их чистят, и это делает первый секретарь райкома...». В справке о проверке писем из Велижа, подготовленной секретарем обкома, факты родства руководителей района отрицались, шла речь не о выживании руководителей, а об их переводе или снятии «вышестоящими организациями»¹.

Таким образом, изменения в номенклатуре сельского РК КПСС Центрального Нечерноземья в середине 1940-х — начале 1960-х годов следовали общему направлению совершенствования районного звена управления, цель которого верховная власть видела в как можно более плотном охвате района политическим контролем. При Сталине средством ее достижения была централизация

¹ ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 3. Д. 1087. Л. 224, 227, 230, 239–240.

номенклатурного учета верхушки районных кадров в ЦК и ОК ВКП(б), а прочих районных и сельских кадров — в РК ВКП(б), детализация на уровне райцентра и разреженность — на селе. В результате существовали не охватывавшиеся номенклатурным учетом «мертвые пространства», а нижние ярусы номенклатуры РК ВКП(б) были уязвимы от нежелательных в глазах власти кандидатов на замещение должностей. Приход на высший пост в партии Хрущева ознаменовался децентрализацией номенклатурного контроля, возрастанием удельного веса учетно-контрольной части номенклатур обкомов и райкомов КПСС, расширением их сельского уровня, а значит — кадровых полномочий верхушки района, руководителей колхозно-совхозного производства, сельских учреждений и предприятий. В глазах крестьянства прорастание номенклатурного контроля «вниз» выглядело как «приватизация» верха района и села доступного им уровня номенклатуры, углубление их отрыва от непривилегированного населения.

8.4. Сельские Советы и западнорусское крестьянство в эпоху Н. С. Хрущева

В первые годы эпохи Н. С. Хрущева упорядочение формальной стороны функционирования сельских Советов и повышение активности их депутатов продолжилось. К середине 1950-х годов сводится к минимуму замещение должностей в исполкомах не депутатами и текучесть депутатского корпуса. С 1957 года усиливается тенденция сокращения количества сельсоветов, нарушавших сроки созыва сессий. К середине 1950-х годов большинство депутатов сельских Советов стали выступать с регулярными отчетами перед избирателями. Проявлением общей тенденции нормализации работы сельских Советов стало и увеличение к 1955–1957 годам в Брянской, Калужской и Смоленской областях удельного веса сельских Советов, заслушивавших отчеты исполкомов, до 74–87%. Стабильным в середине 1950-х годов оставался размер постоянных комиссий сельских Советов, равняясь в среднем 4,1 депутата на одну комиссию, хотя активность комиссий не изменилась по сравнению с более ранним периодом. С содокладами на сессиях ежегодно выступало до 30–45% из них, а на одну комиссию сельского Совета РСФСР в 1954–1956 годах в среднем приходилось от 1 до 1,5 содоклада,

сопровождая доклад его председателя¹. Как и ранее, исполкомы сельских Советов значительную часть времени посвящали исполнению рутинных функций: финансировали социально-культурную инфраструктуру, выдали справки, регистрировали акты гражданского состояния, совершали нотариальные действия, вели похозяйственные книги. Эти поводы обращения в сельсовет запечатлены в крестьянских жалобах во власть на некомпетентных и корыстолюбивых работников сельских Советов².

Наряду с восстановлением формальной стороны «советской демократии» власть в 1954–1957 годах реформирует сельсоветы. В 1954 году проводится их укрупнение, в результате количество сельских Советов в Брянской, Калужской и Смоленской областях сокращается с 2 207 до 1 339 (на 39,3%)³. В то же время новое Положение о сельсовете РСФСР, утвержденное 12 сентября 1957 года, содержало мало нового по сравнению с Положением 1931 года и вышедшим после его принятия законодательством, касавшимся сельсоветов. В нем с 18 до 12 сократилось количество статей, посвященных предмету ведения сельсовета, уменьшилась детализация функций по статьям. Если в 18 статьях раздела II «Предметы ведения сельсовета» Положения 1931 года насчитывался 91 подпункт, то в 12 статьях нового Положения — 67. Положение 1957 года не содержало статей об «организационно-массовой работе сельского Совета», деятельности «в области планово-статистической работы», «национальной политики», «судебно-следственной области», «области общего управления» и др. (даже советская государственно-правовая наука признавала размытость формулировок нового Положения при определении компетенций Советов⁴). Хотя основные функции остались неизменными, по новому Положению сельсоветы лишились таких prerogatives, как решение вопросов об отсрочке, рас-срочке, сложении и возврате сумм по налогам и сборам, полностью зачисляемым в сельский бюджет, взыскание штрафов и недоимок по налогам и сборам, производство описи и продажи имущества недоимщиков, организация и исполнения решений сельского суда,

¹ *Кометчиков И. В.* Будни и реформы сельсоветов. С. 14.

² Там же. С. 14–15.

³ Подсчитано: ГАРФ. Ф. А-385. Оп. 46. Д. 65. Л. 7, 8, 9. Д. 70. Л. 24–26.

⁴ *Лукьянов А. И.* Развитие законодательства о советских представительных органах власти. (Некоторые вопросы истории, теории и практики). М., 1976. С. 147.

организация отбывания наказаний осужденными к принудительным работам, исполнение постановлений о наложении административных взысканий, проведение обысков и задержаний и др. Положение 1957 года сохраняло за сельсоветами право контролировать поступление налогов, страховых и других платежей организаций, колхозов и колхозников. Им вновь передавались функции по приему налогов, имевшиеся по Положению 1931 года, но отмененные постановлением ЦИК и СНК СССР 21 марта 1937 года¹. Важным нововведением стало предоставление сельсовету права при перевыполнении доходной части сельского бюджета по своему усмотрению расходовать сверхбюджетные средства, но «кроме увеличения расходов на зарплату и содержание аппарата» (хотя разрешение расходовать половину суммы, превышающей доходную часть сельского бюджета, давалось постановлением СНК СССР от 3 августа 1935 года «О мерах улучшения финансовой работы сельских Советов»²). Как и в Положении 1931 года, за сельсоветом сохранялось право приостанавливать решения правлений колхозов и общих собраний колхозников, если они «не соответствуют закону», «немедленно сообщая об этом РИКУ»³. По новому Положению полномочия сельсовета продлевались с одного до двух лет, депутата сельсовета запрещалось привлекать к судебной ответственности и арестовывать без санкции сельсовета или его исполкома. Депутат сельсовета мог направить запрос исполкому сельсовета и руководству организаций и учреждений на его территории⁴. В целом Положение 1957 года не изменило перекоса в балансе власти на селе в пользу учреждений райцентра, так как не дало сельсоветам почти никаких реальных административных прав. Они оставались в полной зависимости от района при формировании и исполнении бюджета, назначении председателя и ряда других должностных лиц сельской округи.

Конец 1950-х — начало 1960-х годов становится временем окончательного упорядочения формальной стороны деятельности сельских Советов, вписывавшегося в инициативы Н. С. Хрущева

¹ ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 41. Д. 152. Л. 72. СУ. 1931. № 11. С. 142–145. Положения о сельских Советах депутатов трудящихся. (Сборник официальных текстов). М., 1959. С. 5–13.

² ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 41. Д. 152. Л. 64.

³ Положения о сельских Советах депутатов трудящихся (Сборник официальных текстов). М., 1959. С. 10. ГАРФ. Оп. 75. Д. 552. Л. 46 об. СУ. 1931. № 11. С. 143.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 75. Д. 552. Л. 49.

по вовлечению в «управление государством» широких слоев населения как важный показатель трансформации «диктатуры пролетариата» в «общенародное государство»¹. В Брянской, Калужской и Смоленской областях прекращается смещение членов исполкомов, соблюдаются формальности перевыборов, доизбрания депутатов, количество сельских Советов, нарушавших сроки созыва сессий, к 1963 году стабилизируется в среднем на уровне 4—6%. К концу 1950-х годов 60—100% депутатов сельсоветов регулярно отчитывалось перед избирателями. Увеличилось число сельсоветов, заслушивавших отчеты исполкомов о работе. В 1958—1961, 1963 годах их удельный вес составлял от 91 до 100%. В 1959 году с отчетами выступило 27—33%, в 1960 году — 39—42% постоянных комиссий, на одну из них приходилось в среднем от 1,3 до 1,9 содокладов².

Но налаживание формальной стороны «советской демократии» не привело к повышению статуса сельсоветов в механизме власти. Как и в первое послевоенное время, они были не в состоянии в одиночку обеспечить проведение важных для власти мероприятий, что подтвердилось в ходе «соревнования» с США по производству продуктов животноводства, когда село наводнили многочисленные уполномоченные района, «помогавшие» им организовать закупки у населения мяса, яиц, молока, шерсти и других продуктов. Письма населения во власть содержат немало рассказов об этом. Кроме того, в глазах многих крестьян председатель сельсовета продолжал оставаться должностным лицом, прежде всего выполнявшим функции по документальной фиксации изменений в составе семьи и ее имуществе. Самой распространенной темой писем сельского населения во власть, «героями» которых были председатели сельсоветов, являлись жалобы на их злоупотребления и пьянство за счет «подношений» нуждавшихся в справках. Из колхоза «Авангард» Кировского района Калужской области летом 1958 года сообщали: «Много в сельсовет без пол-литра не ходи. [Председатель сельсовета] всегда пьяный и все нам грозит, я, мол, вам покажу, вы меня будете знать. Если узнает, кто получил получку, то берет за лапку и давай пол-литры...»³. В заявлении первому секретарю Бабынинского РК КПСС Калужской области анонимный автор жаловался

¹ Пыжиков А. В. Политические преобразования в СССР. С. 204.

² Подсчитано: ГАРФ. Ф. А-385. Оп. 46. Д. 81. Л. 39—41. Д. 113. Л. 39—41. Д. 120. Л. 60—62.

³ ГАДНИКО. Ф. 34. Оп. 27. Д. 45. Л. 23.

на председателя Сабуровщинского сельсовета в январе 1960 года: «Известный Вам председатель сельсовета [...] — известный пьяница и без стеснения просит за каждую справку: “А будет?”, кабинет сельсовета превращен в пивную самую настоящую... <...> Гулянки начинаются с 10 утра и кончаются поздно вечером...»¹.

Принятие в 1957 году нового Положения о сельском Совете, а также постановления Президиума ЦК КПСС от 17 марта 1959 года «Об укреплении и повышении роли местных Советов депутатов трудящихся» оживили дискуссии о месте, которое низовые советские органы должны занять в управлении селом. Некоторые предложения содержали, по сути, новое Положение о сельском Совете, принятие которого могло стать правовой основой формирования дееспособного сельского самоуправления по образцу волисполкомов начала 1920-х годов². Однако подобные инициативы, связанные с пересмотром объема административных прав сельских Советов, находились вне основной тенденции развития «советской демократии». По справедливому замечанию А. В. Пыжикова, критерием прогресса здесь были количественные параметры, связанные с привлечением к участию в системе Советов и решению актуальных для государства проблем как можно большего числа людей. Им предлагается сотрудничество в поддержании общественного порядка, борьбе с преступностью, контроле за соблюдением законности и норм «советской морали», хотя в условиях неизменности базовых характеристик механизма власти это и не приводит к демократизации управления³.

К началу 1960-х годов сохранение сложившихся в довоенные годы принципов и практики функционирования сельских Советов, за которым стоял приоритет интересов государства над развитием локальных территорий, законсервировало их место в управлении селом. Непрерывные укрупнения колхозов, преобразование их в совхозы, сосредоточение в учреждениях райцентра основных функций по снабжению, кадровому обеспечению, руководству их производством сделали фикцией право сельских Советов участвовать в управлении ими, а малый объем бюджетных прав выхолащивал попытки улучшить социальную инфраструктуру села. Для всего этого сельские Советы не располагали ни кадрами, ни материальными ресурсами, ни юридическими механизмами.

¹ ГАДНИКО. Ф. 15. Оп. 42. Д. 40. Л. 6.

² *Кометчиков И. В.* Будни и реформы сельсоветов. С. 16.

³ *Пыжиков А. В.* Политические преобразования в СССР. С. 215, 249.

8.5. Сельские первичные организации КПСС

Глава 8
ПРОБЛЕМЫ
СОЦИАЛЬНО-
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ИСТОРИИ
ЗАПАДНОРУССКОЙ
ДЕРЕВНИ В 1953—
НАЧАЛЕ 1960-х
ГОДОВ

С утверждением у власти Н. С. Хрущева усилия по полному охвату первичными парторганизациями производственной структуры колхозов и совхозов были форсированы. «Укрепить» производственные парторганизации села призвал сентябрьский (1953) пленум ЦК КПСС¹. Были скорректированы подходы к регулированию и учету численности коммунистов². В результате, если в 1954 году прирост рядов Брянской областной парторганизации составил 3,2%, Калужской — 4,5%, Смоленской — 2%, в 1955 году — 3,3, 6,2, 3,1%, то в 1956 году уже 5, 7,7, 4,8%, в 1957 году — 4,9, 7,6, 5,6% соответственно. Количество исключаемых, напротив, снижалось: в 1954 году оно составило в Брянской областной парторганизации 1,9% ее состава, в Калужской — 2,5%, в Смоленской — 2,6%; в 1955 году — 0,6, 0,7, 1,1%, в 1956 и 1957 годы — по 0,5, 0,7, 0,8% состава соответственно³. Хотя доля колхозников среди принимаемых в КПСС, колеблясь от 13 до 20%, за 1954—1957 годы их численность выросла в Брянской, Калужской и Смоленской областях на 7 420 чел. (53,2%)⁴. Сокращалось число кандидатов с просроченным стажем, что говорит о некотором росте политической грамотности коммунистов. В 1953 году их количество в Брянской области равнялось 73,1%, в Калужской — 50,7%, в Смоленской — 75,6%, в 1954 году — 49,9%, 24,8%, 58,4%, в 1955 году — 47,9%, 13,9%, 39,5%, в 1956 году — 43,8%, 10,7%, 34,5%, в 1957 году — 45%, 8,9%, 34,5% соответственно⁵. И все же итоги приема в партию в западнорусской деревне в 1954—1957 годы следует признать скромными. Численность коммунистов, состоящих на учете в парторганизациях колхозов, совхозов, МТС и сельских территориальных Брянской, Калужской и Смоленской областей увеличилась на 10 850 чел. (36,4%), что превысило уровня середины 1947 года всего лишь на 2 109 чел.⁶

¹ КПСС в резолюциях. Т. 8. С. 344. Правда. 1953. 15 сент.

² *Кометчиков И. В.* Сельские первичные организации КПСС. С. 110—111.

³ Подсчитано: РГАНИ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 19. Л. 96—111. Д. 20. Л. 82—83, 86—87, 90—91, 94—95. Д. 21. Л. 78—79, 82—83. Д. 22. Л. 80—85.

⁴ Подсчитано: Там же. Д. 18. Л. 96—103, 108—111. Д. 22. Л. 94—99.

⁵ Подсчитано: Там же. Д. 18. Л. 127—129. Д. 19. Л. 131—134. Д. 20. Л. 139—142. Д. 21. Л. 152—155. Д. 22. Л. 150—153.

⁶ Подсчитано: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 221. Л. 158, 159. РГАНИ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 22. Л. 130—137, 138—141.

Однако увеличение числа сельских коммунистов стимулировало расширение охвата колхозов сетью первичных парторганизаций. В 1953 году первичные парторганизации действовали в 76,2% колхозов Брянской области, в 63,3% — Калужской, в 61,8% — Смоленской, объединяя 19,4%, 17,6%, 20,5% коммунистов области, в 1954 году — 85,2, 84%, 77,6% колхозов и 22%, 19,5%, 23% коммунистов, в 1955 году — 89,7%, 91,6%, 82,6% колхозов и 23,8%, 21,4%, 24,5% членов и кандидатов КПСС, в 1956 году — 90,8%, 96,4%, 89,9% колхозов и 22,6%, 28,5%, 26,1% коммунистов, в 1957 году — 92%, 97,8%, 95,6% колхозов и 23,8%, 27,8%, 27%, коммунистов соответственно¹. В то же время следует отметить, что и в 1950-е годы, несмотря на невиданную концентрацию партийных сил в колхозном производстве, малочисленность сельских партийцев, особенно вдали от райцентра, заставляла райкомы КПСС, как и в случае с сельскими территориальными парторганизациями, объединять в колхозных парторганизациях много коммунистов — нечленов колхозов. Как видно, волны партийных мобилизаций на работу в деревню до колхозов доходили слабо: в 1954 году в западнорусских областях число членов колхозных парторганизаций, не состоявших в колхозе, равнялось 22,3–38,2% состава колхозных партячек, в 1955 году — 21,7–40%, 1956 году — 22,6–28,5%, 1957 году — 23,8–27,8%².

Наиболее крупными по составу, хотя и относительно малочисленными были первичные парторганизации совхозов и МТС. К началу 1950-х годов их сеть почти полностью охватывала эти сельскохозяйственные предприятия³. Вторым по массовости (после колхозных) типом первичной парторганизации оставались ячейки при сельсоветах (в 20–50% их числа). Они были в среднем более крупными, чем колхозные, могли более эффективно концентрировать свои усилия на различных «хозяйственно-политических» кампаниях. В 1954 году в сельской территориальной парторганизации западнорусских областей состояло в среднем 7,7–8,5 коммуниста, в 1955 году — 7,7–8,9, в 1956 году — 8,4–9,7, в 1957 году — 9,7–10,9⁴.

---

¹ Подсчитано: РГАНИ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 18. Л. 60–63, 66–67. Д. 19. Л. 60–67, 72–75. Д. 20. Л. 114–121, 126–129. Д. 21. Л. 132–139, 144–147. Д. 22. Л. 130–141.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

Глава 8
ПРОБЛЕМЫ
СОЦИАЛЬНО-
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ИСТОРИИ
ЗАПАДНОРУССКОЙ
ДЕРЕВНИ В 1953 —
НАЧАЛЕ 1960-х
ГОДОВ

Секретарь партбюро
Полотняно-
Заводской МТС
Кирсанов обсуждает
с механизаторами
директивы XX
съезда КПСС.
Дзержинский район
Калужской области.
1956 г.
ГАДНИКО.
Ф. П-7607. Оп. 5.
Д. 6092

Конец 1950-х — начало 1960-х годов становится важной вехой на пути увеличения численности сельских коммунистов и их концентрации в производственных первичных парторганизациях при возрастании числа последних, что объявлялось основой повышения эффективности партийного управления и сворачивания чрезвычайщины¹. Ряды коммунистов в Брянской, Калужской и Смоленской областях росли: в 1958 г. на 5,3%, 7%; 5,5%, в 1959 году — на 6,2%, 7,3%, 7,6%; в 1960 году — на 6,7%, 7,1%, 8%; в 1961 году — на 7%, 6,8%, 7,4%, причем, как и ранее, основную долю прироста обеспечивали коммунисты, учитываемые как «служащие по роду занятий», которых насчитывалось 40–50%. Но если с 1 января 1958 по 1 января 1961 года Брянская, Калужская и Смоленская областные парторганизации возросли на 28 293 чел. (23,6%), то колхозников по роду занятий среди них было лишь 9 922 чел.². В 1958 году только в Брянской и Смоленской количество колхозников, занятых непосредственно в колхозе, составляло около 30% принятых в партию.

¹ КПСС в резолюциях. Т. 8. С. 342–343, 387–388, 390, 486, 490. Справочник партийного работника. Вып. 1 / редкол. В. Н. Малин и др. М., 1957. С. 342–345.

² Подсчитано: РГАНИ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 23. Л. 100–115. Д. 24. Л. 100–105. Д. 25. Л. 100–105. Д. 26. Л. 87–91.

В 1959 году около 30% колхозников приняли в партию в Брянской, Калужской и Смоленской областях, в 1960 году — в Брянской и Смоленской. В 1961 году в Брянской областной парторганизации среди принятых в партию колхозников насчитывалось 25,1%, в Калужской — 19,9%, в Смоленской — 18,8%¹. Низким оставалось число исключаемых из КПСС, не превышавшее 0,5–1% состава региональной парторганизации², а также число коммунистов с просроченным кандидатским стажем. В 1959 году по парторганизациям Брянской, Калужской и Смоленской областей оно составляло 48%, 8,9%, 31% принятых в партию, в 1960 году — 23%, 9%, 11,8%, в 1961 году — 26,3%, 7,3%, 9,5%, постепенно понижаясь³. И все же численность рядов КПСС на селе к началу 1960-х годов говорит о пробуксовке курса на увеличение числа сельских коммунистов. На 1 января 1961 года в первичных парторганизациях колхозов, совхозов и сельских территориальных Брянской, Калужской и Смоленской областей насчитывалось 28 031 членов, на 4 596 чел. (16,3%) больше по сравнению с численностью на 1 января 1958 года. Однако за 1947–1961 годы в этих областях количество коммунистов села сократилось на 10 569 чел.⁴ Продолжилось перераспределение сельских коммунистов между типами первичных парторганизаций: сокращение числа сельских территориальных и увеличение — колхозных. В 1958 году парторганизации имелись в 8,1% сельсоветов Брянской области, в 5,7% — Калужской, в 4,4% — Смоленской, в 1959 году — 6%, 4,6%, 4,2%, в 1960 году — 8%, 4%, 2,9% соответственно⁵. Как и ранее, они оставались более крупными по составу, чем парторганизации колхозов. Наиболее многочисленными и важным с точки зрения управления селом виделись производственные первичные парторганизации. Самыми крупными среди них были парторганизации совхозов и МТС. Неслучайно постановлением декабрьского пленума ЦК КПСС (1959) только при первичных

¹ Подсчитано: РГАНИ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 23. Л. 100–115. Д. 24. Л. 100–105. Д. 25. Л. 100–105. Д. 26. Л. 87–91.

² Подсчитано: Там же. Д. 23. Л. 84–85, 88–89, 92–93. Д. 25. Л. 72–83. Д. 26. Л. 72–77.

³ Подсчитано: Там же. Д. 23. Л. 182–184. Д. 24. Л. 172–174. Д. 25. Л. 172–174. Д. 26. Л. 158–160.

⁴ Подсчитано: Там же. Д. 22. Л. 130–145. Д. 26. Л. 138–141, 142–144, 150–153. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 221. Л. 158, 159.

⁵ Подсчитано: РГАНИ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 23. Л. 162–173. Д. 24. Л. 152–163. Д. 25. Л. 152–154, 156–163.

парторганизациях совхозов было решено создавать комиссии по контролю хозяйственной деятельности администраций¹.

В результате роста отряда коммунистов на селе, а также укрупнения колхозов Центрального Нечерноземья власти к 1961 году впервые удалось добиться почти полного их охвата первичными парторганизациями. С конца 1950-х годов ими полностью охватывались совхозы². Однако неизбежным следствием быстрого перевода основной массы сельских коммунистов на учет в колхозные парторганизации стал большой удельный вес нечленов колхоза в их составе (в 1958—1961 годах в западнорусских областях он составлял 20—25%)³, что не могло не сказаться на осуществлении контроля за колхозным производством. Распространенными были формализм, апатия, приспособление внутрипартийных процедур под личные интересы, что было особенно распространено среди сельских партийцев, занимавших административные должности. До некоторой степени это провоцировала и политика ЦК КПСС по децентрализации власти. Так, постановлением ЦК КПСС от 30 сентября 1958 года «О дальнейшем расширении прав ЦК компартий республик, крайкомов, горкомов, райкомов партии и первичных парторганизаций в решении организационно-партийных и финансово-бюджетных вопросов» первичным парторганизациям разрешалось определять «целесообразность предоставления» протоколов бюро и общих собраний первичных организаций в РК КПСС⁴, что объективно вело к ослаблению контроля райкома над ними. Из колхоза «Колос» первому секретарю Кировского РК КПСС Калужской области осенью 1958 года писали, что большинство коммунистов парторганизации «не критикуют неблагоприятные поступки других», «зажимает критику» и председатель колхоза, заявивший на предложение собрать «серьезное» партсобрание, что «болтовни в наш век много, работать надо»⁵. К началу 1960-х годов под влиянием нарастания проблем в экономике увеличилось количество

¹ КПСС в резолюциях. Т. 9. С. 467—472, 488.

² Подсчитано: РГАНИ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 23. Л. 82—83, 86—87, 90—91, 162—177. Д. 25. Л. 72—83, 152—154, 156—167. Д. 26. Л. 72—77, 138—149, 150—153.

³ Подсчитано: Там же. Д. 23. Л. 162—177. Д. 24. Л. 152—167. Д. 25. Л. 152—167.

⁴ Справочник партийного работника / редкол. В. Н. Малин и др. Вып. 2. М., 1959. С. 555, 556.

⁵ ГАДНИКО. Ф. 34. Оп. 27. Д. 45. Л. 117 об., 118.

писем, авторы которых были скептически настроены по отношению к коммунистам вообще¹. Обновление состава руководителей укрупненного колхозно-совхозного производства, выступавшее важной чертой хрущевских преобразований на селе, обострило противоречие между уставным правом первичной парторганизации контролировать администрацию предприятия, при котором она создана, и повышением номенклатурного статуса и прерогатив его руководства. По письмам во власть можно судить о том, что часто на селе фигуры хозяйственных руководителей воспринимались стоящими выше, чем секретари первичных парторганизаций. Колхозники и механизаторы колхоза «Новый путь» Дугнинского района Калужской области в декабре 1958 года сообщали в редакцию газеты «Сельское хозяйство»: «Руководители не то что не советуются с колхозником, они не хотят разговаривать, собрания собирают очень редко, чаще всего собирают партийные закрытые <и> открытые ввиду того, что председатель коммунист и заместитель — секретарь партийной организации, агроном и завхоз, и потому на общем собрании нам, колхозникам, не дают выступить с болтовней, а на партийном поговорили — вроде сделают, а дела стоят, как и стояли, на одном месте. Колхозники и механизаторы жаловались в обком и Верховный Совет, но оттуда отсылают на местную власть, а местная власть на смех на тех, кто писал, а жизнь идет по-старому: колхозник переживает, а (председатель колхоза и секретарь партийной организации. — *Авт.*) поживают и добра наживают и водочку попивают...». Проверив эту жалобу, Дугнинский РК КПСС признал, что «в руководстве хозяйственной деятельностью колхоза» много упущений, однако содержание письма счел «клеветой» на колхозников и парторганизацию колхоза ранее судимого и исключенного из партии бывшего председателя этого колхоза, который один и написал письмо². Колхозники колхоза «Знамя победы» Сухиничского района Калужской области, жалуюсь в ЦК КПСС на самоуправство и грубость председателя колхоза, отмечали, что он ни во что не ставит секретаря колхозной первичной организации, который к тому же являлся и его заместителем, даже не доверяя ему «легкую телегу», из-за чего секретарь партячейки разъезжал по колхозу «на разломанной фурманке, как ферябник»³.

¹ *Кометчиков И. В.* Сельские первичные организации КПСС. С. 112.

² ГАДНИКО. Ф. 51. Оп. 29. Д. 23. Л. 1, 5.

³ Там же. Ф. 6878. Оп. 1. Д. 65. Л. 118.

Обновление состава руководителей укрупненного колхозно-совхозного производства, выступавшее важной чертой хрущевских преобразований на селе, обострило противоречие между уставным правом первичной парторганизации контролировать администрацию предприятия, при котором она создана, и повышением номенклатурного статуса и прерогатив его руководства. По письмам во власть можно судить о том, что часто на селе фигуры хозяйственных руководителей воспринимались стоящими выше, чем секретари первичных парторганизаций. Председатель райкома совхоза «Анастасьино» Смоленской области осенью 1961 года в письме в ЦК КПСС заключал, что из-за райкома КПСС роль первичных организаций в районе «сведена к нулю»: «Можно было привести десятки примеров и фактов, когда председатель колхоза пьянствовал, бездельничал, попираал законы советской власти и волю колхозников, жульничал и этими поступками снижал трудовую активность колхозников, а партийная организация стояла в стороне, райком партии знал, но мер не принимал. Более того, если отдельные секретари первичных партийных организаций пытались поднять голос против таких руководителей, их быстро убирал райком или переводил в другую организацию. Такие секретари, переведенные в другие парторганизации, становились смирнее и не ставили уже перед райкомом [вопросов] о безобразиях...»¹. Член колхоза «7-й съезд Советов» Краснинского района Смоленской области, направивший весной 1961 года в редакцию «Правды» письмо о злоупотреблениях председателя, так оценивал главу партячейки колхоза: «Секретарь парторганизации — это очень недалекий, ограниченный человек, который даже газеты читает редко, именуя их “политикой”, вкладывая в это слово все, что называют нудным, скучным, но он хорошо может жонглировать лозунгами и, самое главное — он пьяница и верный соратник и соучастник всех дел и махинаций <председателя колхоза>...». Сам же председатель колхоза, по словам автора письма, считал партийную работу в колхозе «пустой кисельной болтовней»².

Таким образом, к началу 1960-х годов руководству райкомов и обкомов КПСС Центрального Нечерноземья удалось несколько нарастить количество сельских коммунистов, создать первичные организации во всех колхозах и совхозах, упорядочить соблюдение в них внутрипартийных процедур. Однако противоречие между

¹ ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 3. Д. 1261. Л. 91–92.

² Там же. Д. 1086. Л. 216.

задачей утверждения эффективного влияния на колхозно-совхозное производство посредством ячеек КПСС и их способностью проводить его в жизнь осталось неразрешенным, отражая углубление разрыва между почувствовавшим свою власть партаппаратом и рядовыми коммунистами. Количественное разрастание сети производственных первичных парторганизаций не сделало их основным рычагом партаппарата в решении проблем, стоявших перед КПСС в деревне. Руководство партийных комитетов продолжало опираться, в первую очередь, на непосредственно управлявших материальными ресурсами и рабочей силой, а не на сеть первичных организаций, носившую вспомогательный характер и являвшуюся более или менее налаженным каналом мобилизации сельского населения при проведении «массово-политических кампаний», резервуаром для выдвижения низовых номенклатурных кадров и опорой «представителей» райкомов КПСС и РИКов.

8.6. Председательский корпус и крестьянство в эпоху Н. С. Хрущева

С приходом к власти Н. С. Хрущева «укрепление» председательского корпуса было ускорено и стало частью реформ управления селом. Только по итогам 1953 года в Центральном Нечерноземье было заменено 26,2% председателей, в том числе в Брянской области — 29%¹. Несмотря на некоторое увеличение на селе числа коммунистов и первичных парторганизаций, при выборе кандидатур председателей ставка вновь была сделана на «чужаков». По решению сентябрьского (1953) и февральско-мартовского (1954) пленумов ЦК КПСС партийным и советским органам следовало направить на работу в колхозы, МТС и совхозы «лучших работников из аппаратов» областных организаций, из городов и промышленных центров². Должности председателей колхозов были включены в номенклатуру обкомов КПСС, а их заместителей — в номенклатуру райкомов³. На деле подбор председателей колхозов из бюрократии провинциальных административных центров проходил сложно. В Калужской области из 665 человек, направленных председателями колхозов

¹ РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 22. Д. 5. Л. 74.

² КПСС в резолюциях. Т. 8. С. 338, 389–390.

³ Там же. С. 389.

с осени 1953 года, на 1 августа 1955 года выбыло 18%, 11% — как не справившиеся, в Смоленской из 1124 чел. — 20,2% и 12% соответственно¹. Чтобы преодолеть сопротивление чиновников мобилизациям на село, 25 марта 1955 года ЦК КПСС принимает постановление «О мерах по дальнейшему укреплению колхозов руководящими кадрами». Вожди партии через голову местных руководителей обращаются к коммунистам и «лучшим беспартийным», желающим возглавить колхозы, повторяя тот же, что и в 1950 году, перечень льгот и обязывая «не препятствовать отпуску их с работы»². В рамках выполнения этого постановления в Брянской, Калужской и Смоленской областях предполагалось заменить председателей 851 колхоза (26,7%) на кандидатуры, подобранные партийными органами в счет «30 тысяч» (в том числе 500 — за счет перераспределения из других областей). Из 511 кандидатов на должности председателей, утвержденных бюро обкомов КПСС, 18,6% имели высшее, 78,6% — незаконченное высшее, среднее и незаконченное среднее образование, почти все были коммунистами, по опыту работы 59,4% являлись партийными и советскими работниками, 30,1% работали в промышленности и на транспорте, 7,4% — в сельскохозяйственных органах³. Как видно, главным при формировании председательского корпуса оставалась партийность, а не специальное образование и подходящий опыт работы. Обкомы КПСС стремились обеспечить своим выдвиженцам как можно более выгодные условия труда. В феврале—апреле 1957 года в сельхозотдел ЦК КПСС по РСФСР поступили просьбы ряда обкомов КПСС об установлении доплаты председателям экономически слабых колхозов, хотя ее уже получали многие председатели. Однако в этом было отказано⁴.

И власть, и деревня оценивали тридцатитысячников двойственно. С одной стороны, руководству и деревне импонировало, что они не имеют неформальных связей в округе, не пьянствуют, «не смотря свысока на крестьян», не чураются физической работы, «достойно

¹ Кометчиков И. В. Мобилизации провинциальной бюрократии для работы на селе Центрального Нечерноземья в середине 1950-х — начале 1960-х годов: замысел и результаты // Известия Смоленского государственного университета. 2014. № 2 (26). С. 186.

² КПСС в резолюциях. Т. 8. С. 499–504. Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. В 4 т. Т. IV (1953–1957 гг.). М., 1958. С. 388–398.

³ Подсчитано: РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 22. Д. 73. Л. 7–8, 60–61, 79–80.

⁴ РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 22. Д. 180. Л. 5, 7, 13, 48.

Председатели колхозов-тридцатитысячники. г. Калуга.
9 сентября 1963 г.
ГАДНИКО.
Ф. П-7607. Оп. 5.
Д. 6646

ведут себя в быту», строят в колхозе дома и вообще «прочно устраиваются»¹. Однако партработники были более сдержаны в оценке «тридцатитысячников», отмечая их «неверие» в малочисленные колхозные парторганизации, наивность в оценке целесообразности планирования общественного хозяйства, ведения севооборотов, робость секретарей первичек перед городскими коммунистами и др. Распространенными причинами неудовлетворительной работы «посланцев партии» были отсутствие опыта и желания работать, пьянство, слабые организаторские способности, тяжелое положение доставшихся колхозов². Как осознание временного характера работы в колхозе расценивалось «раздельное» проживание «тридцатитысячника» со своей семьей. О сопротивлении тридцатитысячников устройству в колхозах сообщалось в многочисленных крестьянских письмах³. Многие председатели-«чужаки» не знали реалий управления селом

¹ ГАДНИКО. Ф. 55. Оп. 9. Д. 404. Л. 7–8, 17–18.

² Там же. Л. 19–21.

³ Кошетчиков И. В. Мобилизации провинциальной бюрократии. С. 189–190.

и, погружаясь в них, быстро убеждались в полной зависимости председателя от верхушки района, что вызывало их высокую сменяемость. Часть тридцатитысячников, напротив, вписалась в механизм управления деревней и извлекала выгоду из нового положения, занимаясь «самоснабжением» за счет колхоза.

Эффект от мобилизаций на должности председателей назначенцев партийных комитетов закреплялся расширением их прерогатив. 6 марта 1956 года выходит постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР¹, позволявшее колхозам самим «изменять и дополнять» положения Устава, касавшиеся организации и оплаты труда, исключения из колхоза, размеров личных подворий и другой экономической активности за пределами общественного хозяйства. Хотя формально это право предоставлялось общему собранию, в условиях «укрепления» председательского корпуса, увеличения числа первичных парторганизаций в колхозах нововведение, в первую очередь, расширяло возможности председателя и представителей райкома КПСС по манипулированию собраниями колхозников. Тем более, что теперь колхозам в зависимости от размеров самим разрешалось определять порядок рассмотрения вопросов, вынося их на общие, бригадные собрания или собрания уполномоченных.

Несмотря на дезорганизацию производства и рост отстраненности колхозников от участия в обсуждении колхозных дел вследствие укрупнения колхозов, мобилизации для них председателей продолжались. За 1954—1962 годы количество сельхозартелей в Брянской, Калужской и Смоленской областях сократилось в 3,5 раза. На 1 апреля 1961 года в 1204 колхозах этих регионов 46,3% председателей работали в своих должностях до трех лет, 46,7% являлись практиками без специального образования, 13,2% имели высшее образование, 38,7% — среднее специальное. Таким образом, в конце 1950-х — начале 1960-х годов председательский корпус вновь обновился более чем наполовину. Ставка при этом, как и прежде, делалась отнюдь не на увеличение в нем числа специалистов сельского хозяйства².

Направление председателями колхозов значительного количества коммунистов из городов и промышленности укрепило осознание деревней отгороженности от управления делами артели большим

¹ История колхозного права. Сборник законодательных материалов РСФСР и СССР. 1917—1958 гг. В 2 т. Т. II. 1937—1958 гг. / рук. кол. сост. проф. Н. Д. Казанцев. М., 1958. С. 449—452.

² Подсчитано: РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 22. Д. 334. Л. 67, 70—71.

размером хозяйств и иерархией «посаженных» сверху руководителей, которые утверждали взаимоотношения с колхозниками на основе субординации. Вследствие децентрализации номенклатурного учета, включения в середине 1950-х годов должностей председателей колхозов в номенклатуры обкомов и сельских райкомов КПСС, региональное и районное партийное руководство интегрировало в реформированный механизм власти многих своих сокращенных из аппарата коллег. «Снизу» номенклатурные принципы комплектования председательского корпуса виделись основанием неформальных отношений в среде местной «знати», враждебных «интересам тружеников». Как и ранее, председатели, не способные вписаться в механизм управления селом, отстранялись. В Смоленской области только за второе полугодие 1957–1959 годов из 769 председателей было освобождено 28,7%, из них 65% как не справившиеся. Из 374 тридцатитысячников к 1959 году продолжали работать лишь 74 человека. Райкомы и горкомы КПСС, представив в 1958 году к награждению 415 председателей, через несколько месяцев сняли из них 46 человек как не справившихся. 133 председателя были исключены из партии, при этом райкомы инициировали возбуждение в отношении них уголовных дел за хозяйственные преступления без обсуждения этого на общих собраниях¹.

«Своих» председателей партийное начальство «вело» на протяжении многих лет, делая из возглавляемых ими хозяйств «маяки». Показательна судьба председателя колхоза им. Кирова Перемышльского района Калужской области, направленного в 1954 году с поста руководителя областной конторы Сельхозбанка «поднимать» колхоз, который, по утверждению автора письма председателю ЦК КПСС при ЦК КПСС А. Н. Шелепину, не был отстающим. Впервые о его «отсталости» заговорил его новый председатель, руководство области и областная газета. В результате колхоз упоминался в закрытом письме ЦК КПСС как пример быстрого роста «отсталой» экономики при «грамотном» руководстве, а его новый руководитель был награжден орденом Ленина. За время работы (1954–1961 годы) нового председателя посевная площадь выросла в 4,3 раза, производство молока — в 10 раз, мяса — в 8,8 раз, яиц — в 9,8 раза, денежные доходы — в 17 раз, а задолженность по ссудам государству — в 21,6 раза. В 1961 году обком КПСС рекомендовал «своего» председателя на ту же должность в колхоз «Россия», долги которого только

за 1962 год выросли на 405,3 тыс. руб. Но руководство обкома продолжало рекламировать «маяк». В декабре 1962 года материал о колхозе «Россия» появился в журнале «Советский Союз», а в мае 1963 года — сюжет на центральном телевидении. Председатель «России» пользовался поддержкой обкома: кризис с уборкой урожая 1962 года был преодолен за счет сторонней рабочей силы и «организационной помощи» уполномоченных обкома. Автор письма призывал привлечь руководство обкома к ответственности за «обман ЦК» и сокрытие тяжелого положения сельского хозяйства. Однако для председателя «России» письмо не имело последствий. За работу в этой должности он будет удостоен звания Героя Социалистического труда, избран депутатом Верховного Совета РСФСР¹.

Диктат «посаженного районом» председателя отмечали не только старожилы, но и наблюдавшие жизнь деревни во время отпусков и командировок. В письме о колхозе «VII съезд Советов» Краснинского района Смоленской области отношение его председателя к рядовым труженикам характеризовалось как «барско-пренебрежительное». Спасаясь от преследований председателя, «выживающего» всех, кто пытался его критиковать, из колхоза уехало 46 семей. На слова о том, что так «из колхоза все разбегутся», председатель в духе эпохи заявил, что «это и лучше будет: объявим территорию целинной и пригласим новых людей»². В анонимной жалобе в ЦК КПСС на самоуправство председателя колхозники колхоза «Знамя победы» Сухиничского района Калужской области сообщали: «При грубости председателя колхоза многие колхозники разъезжаются по соседним колхозам, так как при таком председателе не стало возможно жить в этом колхозе. Которые колхозники переезжают в другие колхозы — работают и находятся в почете. Наш председатель колхоза не стал уже считаться с народом и не дорожит им, поэтому так и получается. <...> [Председатель колхоза] хочет разогнать колхоз, чтобы он и не существовал. Мне, мол, зарплату не от народа платят, ну, а народу нужен будет — пришлют из городов... <...> Но сказать нельзя: общих собраний в нашем колхозе не бывает, потому что он сам хозяин, что хочу, то и ворочу, в моих руках все. А членов правления за 14 годов подобрал очень хороших, большинство с денежными окладами и хорошими должностями, что же они

¹ Подсчитано: ГАДНИКО. Ф. 6878. Оп. 1. Д. 63. Л. 119–120, 123, 124, 186, 126, 127, 134–136, 139.

² ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 3. Д. 1086. Л. 210, 214–215, 217.

могут сказать против, что Михаил [председатель колхоза] крикнет — то и все замерло, ни за, ни против, вот как он решает, попробуй, скажи-ка, с работы снимет — это для него пустяки, и поставит работать за трудодни, лучше молчать...»¹. Этим строкам вторил член колхоза «Коммунар» Козельского района Калужской области, писавший в «Правду» о самоуправстве председателя: «За последний только 1962 год, не считая прошлых лет, с нашего колхоза выехало 350 человек. В настоящее время население колхоза везде разговаривает только о выезде из родных мест. Каждый день идут в правление колхоза, просят справки, чтоб уехать. Ежедневно в сельском совете сидит народ, просит снять с учета военные билеты и паспорта, что категорически запрещено председателем колхоза <...>. В колхозе дела каждый год все хуже. <...> 40—50 процентов населения колхозников председателем колхоза судимы, если что скажешь — кричит: ты — нахал, — и звонит в милицию, после чего человек получает 10—15 суток. Все коммунисты побывали у него или бригадиром, или кладовщиком, и каждого выгонял с позором, держит не более года. Кассиров тоже меняет каждый год. Штрафы процветают как обычное явление. Если кто попытается сказать или посоветовать, то будет наказан председателем...»².

Завершение отчуждения колхозников от участия в управлении общественным хозяйством и общественной собственностью происходило в ходе преобразования экономически слабых колхозов в совхозы, начавшегося в Центральном Нечерноземье с середины 1950-х — начала 1960-х годов. Если в 1947—1953 годы в Брянской, Калужской и Смоленской областях число совхозов увеличилось с 80 до 110, в 1954—1962 годы — с 112 до 249. В 1946 году на один совхоз приходилось 145 колхозов, в 1954 году — 31,9, в 1962 году — 4³. Директор совхоза представлялся вчерашним колхозникам еще более недостижимым, чем председатель, так как, отвечая за выполнение плана, он единолично распоряжался материальными ценностями, увольнял и принимал работников, давал и отбирал приусадебные участки и т. п. Анонимный автор в декабре 1963 года сообщал в газету «Сельская жизнь» о злоупотреблениях директора совхоза

¹ ГАДНИКО. Ф. 6878. Оп. 1. Д. 65. Л. 111—118.

² Там же. Д. 63. Л. 40—42.

³ Подсчитано: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 11. Д. 2391. Л. 28, 29, 37, 38. Д. 4445. Л. 140, 173, 174. Народное хозяйство РСФСР в 1962 году. С. 330, 352.

«Неделинский» Малоярославецкого района Калужской области: «Со своей высоты он [директор совхоза] всегда видит свою правоту, для него рабочком — ничто, парторганизация — тоже ничто. Критика везде и всюду приглушена, и неслучайно на собраниях рядовые работники почти не выступают, контроль со стороны комиссий партгосконтроля поставлен бессистемно...»¹

Таким образом, к началу 1960-х годов в западнорусской деревне была завершена трансформация взаимоотношений председателя и колхозников, состоявшая в вытеснении коллективистского принципа их построения субординационно-административным. Укрупнение колхозного производства приводило и к отчуждению колхозников от собственности, и от участия в управлении колхозом. Государство углубляло пропасть, отделявшую их от председателя, комплектуя председательский корпус городскими коммунистами, проводя его «селекцию» по принципу безусловной лояльности аграрной политике. Вехой на этом пути стало укрупнение колхозов 1950 года: если ранее ключевые должности в колхозной администрации замещались местными жителями, то теперь — «чужаками», чувствовавшими ответственность, в первую очередь, перед властью и наделенных рядом привилегий и неформальных возможностей. Прерогативы новых председателей вытеснили и уставные, и «неуставные» процедуры коллективного принятия решений правлениями и общими собраниями. Массовое преобразование колхозов в совхозы окончательно закрепило административный характер взаимоотношений руководителей и тружеников, подчиненное положение трудовых коллективов.

* * *

Таким образом, главные нити реализации аграрной политики в западнорусской деревне в 1945 — начале 1960-х годов сходились в итоге в партийный аппарат, особенно его районное звено, функционировавшее между вышестоящими уровнями власти и крестьянством. Аппараты сельских райкомов партии и подчиненных им исполкомов районных Советов депутатов трудящихся вышли из войны существенно ослабленными в кадровом отношении. Реформа аппарата РК ВКП(б) 1949 года, несмотря на некоторое его количественное сокращение, позволила детализировать контроль над селом, но не могла обеспечить достаточного прироста эффективности

¹ ГАДНИКО. Ф. 6878. Оп. 1. Д. 65. Л. 131–135.

функционирования, мерилom которого выступало полное и своевременное выполнение экономических заданий. Проекты 1944 и 1948 годов передачи полномочий по управлению экономикой от региональных и местных партийных структур советским, предполагавшие укрепление исполкомов Советов соответствующими кадровыми и материальными ресурсами, отклонялись, как и проекты перераспределения полномочий от районных органов власти сельсоветам (1946—1953 годы): аппарат ВКП(б) выступал связующим звеном всего механизма управления, и руководство страны не решилось изменить это *status quo*. Более того, в довоенные и послевоенные годы оно требовало от областного и районного партийного руководства «приближать» повседневное управление к «низовой работе», «налаживать контроль за состоянием дела на производстве» через первичные парторганизации. Однако так управлять деревней аппараты РК ВКП(б) и райисполкомов были не в состоянии вследствие явно превышавшего их возможности масштаба задач, особенностей самого «объекта управления» — западнорусского села, малочисленности и неразвитости низовых официальных структур, на которые они могли бы опереться.

Острая нехватка подготовленных кадров в заключительные годы сталинской эпохи диктовала сосредоточение номенклатурного учета в сельской местности на учреждениях и организациях районного центра. На периферии района детализация номенклатур РК ВКП(б) существенно понижалась. Перечень номенклатурных должностей в небольших деревнях был и вовсе коротким. Сельсоветы, несмотря на налаживание к началу 1950-х годов формальной стороны функционирования, большой объем повседневной работы по исполнению бюджета и содержанию социально-культурной инфраструктуры, не имели полномочий, квалифицированных кадров и материальных ресурсов для самостоятельного управления подведомственной территорией и полностью зависели от партийных органов и вышестоящих Советов.

Не могли обеспечить ожидавшийся уровень контроля колхозов и сельские первичные парторганизации Центрального Нечерноземья, крайне малочисленные в первые послевоенные годы. В результате усилий по приему в партию, направленных на компенсацию потерь ВКП(б) за годы войны, на 1 января 1954 года на учете в них состояло не меньше, чем на 1 июля 1947 года, несмотря на существенный прирост рядов областных парторганизаций за 1945—1953 годы. Причины этого состояли в значительной миграции из села, затрагивавшей

и сельских коммунистов, а также в приоритетном комплектовании из их числа штатов учреждений райцентра. В середине 1947 года более 80% сельхозартелей не имели первичных парторганизаций. Почти полностью охваченными партийкеками были лишь немногочисленные совхозы и МТС. Значительно продвинуло охват первичными парторганизациями колхозов укрупнение сельхозартелей 1950 года, в результате которого их количество сократилось и впервые за годы советской власти в более 2/3 из них появились ячейки ВКП(б). Укрупнение подстегнуло перераспределение сельских коммунистов из сельских территориальных (самого распространенного до начала 1950-х годов типа первичной парторганизации) в производственные парторганизации. Разреженность и слабость низовых официальных структур усиливалась неразвитостью коммуникаций (не только путей сообщения, но и средств связи).

Как видно, в заключительные годы сталинской эпохи было невозможно наладить управление селом Центрального Нечерноземья только через непосредственно предназначенные для этого структуры, что делало практически безальтернативным использование чрезвычайных властных практик. Наиболее распространенным из них в механизме будничного управления являлся «институт уполномоченных» партийных и советских органов. Мобилизациями тысяч представителей верхушки партийно-советского актива в дополнение к штатному аппарату управления институт отчасти компенсировал неразвитость собственно сельского уровня номенклатуры сельского РК ВКП(б), неспособность многих низовых официальных структур выполнить спускаемые директивы в требуемом объеме. Но он же глушил инициативу сельского руководства, отрывал от выполнения непосредственных должностных обязанностей региональную и районную бюрократию. Ее хронический перегруз ими и многочисленными партийными поручениями сделал обыденным наиболее подходивший в таких условиях способ выполнения плановых заданий — хозяйственно-политическую кампанию. На время ее проведения прочие задачи отодвигались на второй план. Безусловный приоритет технологических вопросов сельского хозяйства и вообще экономики обуславливал систематическое забвение региональными и районными парторганизациями политических функций, формализм внутрисоветской работы в советских органах. Неизбежные при авральном функционировании провалы части кампаний повышали уровень сменяемости руководящих кадров района и села, доходивший по ключевым категориям в год до 30—60%, что, с одной стороны,

нервировало функционеров, укрепляло их веру в штурмовщину как панацею, а с другой, понижало управляемость. Выполнение планов «любой ценой» оправдывало высокий уровень произвола в действиях руководства, отношение к которому в письмах во власть часто выражалось словами «самодержец», «абсолют», «жандарм», «зверь в образе человека» и т.д.

В целом к началу 1950-х годов будничное функционирование механизма управления западнорусской деревней скорее походило на непрерывный аврал архаичной авторитарной администрации, чем на индустриально организованное тоталитарное господство. К этому времени можно говорить об исчерпании механизмом управления деревней, основанным на сверхцентрализации власти и чрезвычайщины как будничной нормой, значительной части своего потенциала: «закручивание гаек» уже не давало нужного хозяйственного эффекта. Гранью осознания этого верха можно считать резкое сокращение в 1952 году в западнорусских областях масштаба политических репрессий.

И власть, и крестьянство осознавали неэффективность и нелегитимность механизма управления, пронизанного чрезвычайщиной. Стремившуюся к стабильности своего положения верхушку регионального и районного руководства тяготило «комиссарство», функционирование в режиме многолетней чрезвычайной мобилизации. Крестьянство в письмах во власть часто пеняло на расхождение деклараций о «демократическом ленинском стиле руководства» с реальностью, а про себя совершенствовало социальный иммунитет к аграрной политике (в первую очередь, ее податной составляющей) и к местной власти, что усиливало нагрузку на и без того перенапряженные властные структуры. Осознание этого противоречия выразилось в широком обсуждении в публицистике начала 1950-х годов проблемы «районных будней» — необходимости изменения практики повседневного руководства деревней. В первых публичных выступлениях нового руководства она прозвучала как призыв к ликвидации «обезлички и безответственности» в руководстве колхозами и совхозами, обусловив значительный кредит доверия общества реформам механизма управления селом Н. С. Хрущева.

Анализ политики нового лидера партии по реформированию районного звена управления селом выявил ее преемственность сталинскому курсу на уплотнение партийного контроля сельскохозяйственного производства. С одной стороны, реформы означали перемещение многих руководящих работников «вниз» по неустанно

приближаемой к колхозам, совхозам и МТС структуре аппарата, были нацелены на завершение полного их охвата первичными парт-организациями. В этом Н. С. Хрущев видел ключевые политические средства решения главной для него задачи аграрной политики — обеспечения роста колхозно-совхозного производства. Ее решению должно было содействовать перераспределение в пользу региональных и районных комитетов КПСС части полномочий центра в сфере номенклатурного контроля, партийного бюджета, учета коммунистов. С другой, за время «оттепели» на селе существенно сократилось общее количество объектов управления. В 1954—1962 годах продолжается укрупнение сельхозартелей, проводится укрупнение сельсоветов. Сокращается число сельских районов, начинается трансформация традиционной системы сельского расселения.

Несколько волн укрупнений колхозов, преобразование их в совхозы, упрощение правил приема в КПСС, существенное сокращение исключений из партии, завершение перераспределения сельских коммунистов из сельских территориальных партячеек в производственные обеспечивают к началу 1960-х годов полный охват ими колхозно-совхозного производства при общем сокращении числа коммунистов западнорусской деревни. Одновременно в несколько раз расширяется сельский уровень номенклатуры РК КПСС. Особенно существенно она проросла «вниз» по управленческой иерархии укрупненного колхозно-совхозного производства. Статус сельских Советов и их руководства в механизме управления селом в годы «оттепели» остался неизменным.

Чтобы обеспечить сельское хозяйство достаточным количеством подходящих новым условиям руководящих кадров, был востребован опыт партийных мобилизаций эпохи коллективизации. Однако в новых условиях мобилизация провинциальной бюрократии для работы на селе часто вызывала ее сопротивление. Неизбежная при проведении реформ управления высокая сменяемость руководящих кадров, бывшая производным от самих преобразований фактором дестабилизации управления, тормозила преодоление чрезвычайщины — защитной реакцией бюрократии на неопределенную ситуацию.

Следствием продолжившегося укрупнения колхозов, преобразования большого их количества в совхозы становится нарастающая пропасть между основной массой тружеников и руководящей верхушкой. Изменяется характер взаимоотношений руководителей колхозов и большинства колхозников: на смену коллективистским взаимоотношениям, основанным на общности их социального происхождения

и статуса по отношению к власти, приходят субординационно-административные. Ко многим председателям укрупненных колхозов, а также директорам совхозов (вчерашних колхозов) сельские труженики относятся как к присланным «сверху» «хозяевам», отгороженным от них рядом формальных привилегий и весомых неформальных возможностей.

Аппаратные реформы, некоторый рост числа сельских коммунистов, прогресс телекоммуникаций, в конечном счете, не стали ключевыми факторами сворачивания чрезвычайщины. В механизме будничного управления селом она оказалась более живуча, чем прямые репрессии, к началу 1960-х годов сократившиеся на порядки по сравнению с первыми послевоенными годами¹. Большее влияние на ее вытеснение оказали рост классового сознания провинциальной партийной бюрократии, «приватизация» ею подконтрольного слоя номенклатуры, рост квалификации и детализации полномочий колхозно-совхозного руководства. Постепенное сворачивание чрезвычайных властных практик в механизме управления дает двоякий эффект: с одной стороны, оно переводит управление деревней в руки штатного аппарата партийных и государственных органов, опирающихся на множество первичных парторганизаций и других низовых официальных структур, а с другой — неизбежно понижает мобилизующий потенциал членства в КПСС — одну из важнейших составляющих власти партаппарата. Смягчение «партийной дисциплины» ускоряет центростремительные тенденции в слое провинциальной бюрократии, благоприятствует формированию в ней кланов, соперничающих между собой за контроль над колхозно-совхозным производством. Постепенная замена чрезвычайщины систематическим контролем управленцев-специалистов, действующих на основе более последовательной формализации административных процедур, не приводит к соответствующему повышению открытости процесса выработки и реализации управленческих решений. Одной из причин этого, как представляется, было опережавшее процессы демократизации возвышение партийной бюрократии, освобождавшейся от стеснявших

---

¹ Мозохин О. Б. Право на репрессии: Внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1918–1953). Жуковский; М., 2006. С. 365–366, 376–377, 381–383, 386–387, 401–402, 416–417, 430–431, 444–446, 456–458. Крамола. Инакомыслие в СССР при Хрущеве и Брежнев. 1953–1982. Рассекреченные документы Верховного Суда и Прокуратуры СССР / под ред. В. А. Козлова и С. В. Мироненко, отв. сост. О. В. Эдельман при участии Э. Ю. Завадской. М., 2005. С. 36.

ее черт сталинской политической системы и расширившей не только свое фактическое, но и формально-«правовое» господство над селом. Интуитивное осознание этого крестьянством, усиленное эффектом односторонних разоблачений «культа личности», привело многих на селе к разочарованию в реформаторе и инициированных им реформах районного звена управления. Тем более, что центральная, областная и районная власть была единодушна по отношению к оживившейся на волне «оттепели» «критике снизу». Она не только отвергала большинство обращений, но и устраивала гонения на их авторов. В результате отмеченных изменений механизма управления деревней социальный иммунитет наиболее активной части крестьянства все чаще срабатывал не на приспособление к острым углам аграрной политики и механизму власти, как это было раньше, а нацеливался на поиск выхода из колхозного состояния путем самораскрестьянивания (уходят в прошлое массовые «захваты» нескольких дополнительных соток приусадебной земли, сложнее становится «договориться» с председателем-«чужаком» или занять выгодную управленческую должность, колхозники все чаще ищут способы ликвидации своих подворий и миграции в города — к лучшим условиям труда и жизни).

Глава 9. УЧРЕЖДЕНИЯ КУЛЬТУРЫ ЗАПАДНОРУССКОЙ ДЕРЕВНИ И КРЕСТЬЯНСТВО В 1945— НАЧАЛЕ 1960-х ГОДОВ

Послевоенные годы можно считать во многом переломным этапом в истории многовековой крестьянской культуры, когда она окончательно теряет свою целостность, размывается под натиском городской секуляризованной культуры, массовой по сути¹. В отличие от реакции на аграрную политику, реформы механизма власти, отношение западнорусской деревни к этой культуре, проводником которой являлось прежде всего государство, было в большинстве случаев положительным, хотя и включавшим в себя и неподдельный интерес, и непонимание. Для власти же актуальность трансляции ее унифицированных и стандартизированных ценностей обуславливалась прежде всего приоритетом «хозяйственно-политических» задач, проекцией которых в разных сферах жизни села были «массово-политическая работа», «культурно-просветительная работа», «организация культурного досуга населения» и т.д. Однако еще с довоенной поры утверждение на селе официальной культуры было затруднено неразвитостью многих ее низовых звеньев и отдельных институтов, уроном, который они понесли в результате войны и послевоенной разрухи, живучестью традиционной культуры и другими факторами. Представляется актуальным выяснить, как происходила модернизация официальной культуры, воплощенная в динамике ее основных буднично доступных крестьянству институтов, какие из них развивались медленнее, а какие — лидировали, как этот процесс воспринимался крестьянством, каким был механизм взаимовлияния официального и традиционного пластов в культуре деревни.

---

¹ Пронькина А. В. Национальные модели массовой культуры США и России: культурологический анализ. Рязань, 2009. С. 105–106.

9.1. Культурно-просветительные учреждения

Глава 9
УЧРЕЖДЕНИЯ
КУЛЬТУРЫ
ЗАПАДНОРУССКОЙ
ДЕРЕВНИ
И КРЕСТЬЯНСТВО
В 1945 — НАЧАЛЕ
1960-х ГОДОВ

В первые послевоенные годы клубные учреждения и библиотеки являлись одним из самых развитых институтов официальной культуры на селе. Выделившись в феврале 1945 года из системы образования, ведомство «культурно-просветительной работы»¹ объединило большинство государственных учреждений культуры, взаимодействовавших с аудиторией на основе живого слова. В этом обособлении проявилось стремление власти нивелировать «нездоровые» послевоенные настроения и мобилизовать общественное мнение вокруг идей «русского» («советского») патриотизма², когда другие средства идеологического воздействия (кино, радио и др.) еще не получили на селе широкого развития. Несмотря на переименование политико-просветительной работы в культурно-просветительную и формальное отступление от ее идеологизации³, суть виделась руководству нового ведомства в «продолжении массово-политической работы ВКП(б) среди крестьянства»⁴.

Для повышения результативности работы сельских клубных учреждений было объявлено об их унификации на основе сельского клуба, который должен был располагать типовой материально-технической базой⁵. Еще до конца войны началось восстановление довоенной сети клубных учреждений⁶, завершение чего планировалось к 1946—1947 годам одновременно с радиофикацией каждого из них, обеспечением в нем демонстрации кино не менее двух раз в месяц, комплектованием инвентарем, библиотекой на 300—500 томов, подшивками центральной прессы и т.д. Благоустроенные клубы должны

---

¹ Сборник руководящих материалов по культурно-просветительной работе. М., 1947. С. 3–5.

² Романовский Н. В. Указ. соч. С. 105–107, 114, 115. Исторический материализм / под общ. ред. В. Ф. Константинова. М., 1950. С. 639–640.

³ Литовкин Е. В. Культурно-просветительная работа России послевоенного периода. М., 2004. С. 33, 52–56.

⁴ Кошетчиков И. В. Клубные учреждения в культуре повседневного досуга села Центрального Нечерноземья 1945–1953 гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 12 (50). Часть 3. С. 107.

⁵ Там же. С. 107.

⁶ Никитина Г. Я. История культурно-досуговой деятельности. М., 1998. С. 41–42.

были появиться в каждом селе РСФСР¹. Однако выполнение этих планов происходило медленно и с большими трудностями. Материальная база сельских клубных учреждений была подорвана. Лишь незначительное количество изб-читален имели две и более комнат, что позволяло организовать кружковую и лекционную работу, разместить библиотеку и т.д. Зачастую одна большая комната и составляла все помещение избы-читальни. Чуть лучше были обеспечены помещениями сельские клубы: их здания были относительно недавно и специально построены для культпросветработы². Впрочем, даже возобновление деятельности маленького и скудно оборудованного клуба воспринималось как свидетельство возвращения к мирной жизни и признак «полноценности» сельского населенного пункта. К 1951 году собственные здания имели 24,2% изб-читален Калужской области, 45,3% — Брянской, 61,8% — Смоленской области. Две и более комнат имели 41,1 изб-читален Брянской области, 5,8% — Калужской и 5,9% — Смоленской, зрительным залом располагали, соответственно, 12,9, 33,8 и 20,1% изб-читален. Более 90% сельских клубов располагали собственными зданиями, состоявшими в большинстве случаев из одной комнаты³.

Несмотря на трудности, восстановление клубных учреждений на селе в 1945—1950 годах позволило в большинстве областей Центрального Нечерноземья иметь клуб или избу-читальню в каждом сельсовете⁴. Однако после укрупнения колхозов в 1950 году количество «очагов культуры» уменьшилось из-за преобразования их части в почти не функционирующие «красные уголки». В письме редакции «Комсомольской правды» из колхоза «Борец» Барятинского района Калужской области в конце 1952 года сообщалось: «В колхозе нет клуба, библиотеки. Молодежи после работы некуда сходить, чтобы культурно провести свой отдых. Таким образом, культурная жизнь молодежи замерла. Что плохо отражается на их внутреннем мире. Они думают, что хорошо работать — их долг. Да, это правильно. Но это только лишь одна из их обязанностей. А у них их очень много.

¹ Сборник руководящих материалов по культпросветработе. С. 30, 31, 34–35.

² *Кометчиков И. В.* Клубные учреждения в культуре повседневного досуга. С. 107.

³ Подсчитано: ГАРФ. Ф. А-534. Оп. 1. Д. 317. Л. 49, 108. Д. 318. Л. 44.

⁴ *Кометчиков И. В.* Клубные учреждения в культуре повседневного досуга. С. 107.

И, прежде всего — повышать свой идейно-политический уровень, расширять свой кругозор в сфере всех наук...»¹

Скудное финансирование строительства клубов побуждало партийные и комсомольские органы стимулировать «инициативу снизу»². Движение за строительство сельских клубных учреждений развернулось в конце 1946—1947 годов и получило отклик населения, особенно молодежи³. Чтобы ускорить строительство клубов и изб-читален и укрепить их материальную базу, высказывались предложения о передаче их в собственность колхозов с возложением «заботы о расширении культурно-просветительной сети»⁴. Но «почины» не меняли сложившуюся практику финансирования: даже спустя продолжительное время после войны не удалось ощутимо улучшить условия размещения клубных учреждений, что, в свою очередь, консервировало в целом их возможности по организации досуга. К концу 1953 года 55,1% изб-читален Смоленской области имели собственное помещение, 86,4 не имели зрительного зала, почти все — комнат для кружковой работы⁵. К 1953 году количество клубных учреждений в Брянской, Калужской и Смоленской областях было ниже, чем в 1940 году⁶.

Ограничивало возможности клубных учреждений и недофинансирование текущей деятельности. Клубы и избы-читальни находились на бюджете сельского Совета, который должен был руководить их работой⁷. По Положению о сельском клубе в основе его деятельности лежала смета доходов и расходов. Доходная часть формировалась из «ассигнований по местному бюджету», из средств, выделяемых колхозами, промкооперацией и другими организациями, доходов от платных мероприятий клуба и других поступлений⁸. Но уровень финансирования часто не обеспечивал и минимума потребностей, что

¹ ГАДНИКО. Ф. 2264. Оп. 9. Д. 11. Л. 100.

² Кометчиков И. В. Клубные учреждения в культуре повседневного досуга. С. 107.

³ Там же.

⁴ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 32. Д. 741. Л. 8–10.

⁵ Подсчитано: ГАРФ. Ф. А-501. Оп. 1. Д. 323. Л. 110.

⁶ Подсчитано: Народное хозяйство РСФСР в 1956 году. Статистический ежегодник. М., 1957. С. 329–330. Народное хозяйство РСФСР в 1962 году. С. 526.

⁷ СУ. 1931 г. № 11. Ст. 142.

⁸ Культурно-просветительная работа на селе. Сборник материалов в помощь работникам сельских культурно-просветительных учреждений. М., 1950. С. 363.

видно на примере исполнения смет в 1945 и 1950 годах. В 1945 году 70—100% средств на содержание сельских клубных учреждений поступало из бюджета сельсоветов, еще от нескольких десятых долей до 1—5% — от платных мероприятий клубов. В ряде областей Центра 0,5—16% доходов сельских клубов и изб-читален формировалось из средств колхозов, что допускалось Уставом сельхозартели¹. Впрочем, большинство колхозов не могли ничего выделить клубам или же эти суммы были незначительны: в 1945—1953 годах они не превышали 1—3% их денежных доходов за год (чаще всего около 1—3,5 млн руб.) и в основном расходовались в самом колхозе². Всего же в 1945 году на содержание избы-читальни поступило в среднем 126—438 руб. в месяц. Большая дифференциация существовала в финансировании клубов, что, однако, не позволяло радикально улучшить работу даже части из них. Около 75—90% расходов изб-читален и 40—60% расходов сельских клубов составляла заработная плата сотрудников. На покупку книг, организацию работы с населением, ремонт и оборудование помещений приходилось 3—25% расходов изб-читален и 13—40% — клубов. В 1950 году финансирование несколько улучшилось. Поступления из бюджетов сельсоветов составляли 95—100% доходов изб-читален и 85—100% — клубов. Собственные доходы клубов и изб-читален были незначительны. Колхозы восьми центральных областей формировали 0,1—2,2% доходов изб-читален, колхозы семи областей — 1—9,1% доходов сельских клубов (в остальных областях перечислений от колхозов не было). На содержание избы-читальни в месяц выделялось в среднем 539,5—724 руб., сельского клуба — 724,5—1230,5 руб., в том числе заработная плата клубных работников — до 65% этой суммы, 12—35% средств шло на приобретение литературы, организацию массовой работы, ремонт и оборудование помещений³. С конца 1940-х годов в бюджете РСФСР не предусматривалось средств на строительство и ремонт сельских учреждений культуры, а ассигнования на их оборудование и инвентарь из года в год уменьшались⁴.

¹ Примерный Устав сельскохозяйственной артели, принятый Вторым Всесоюзным съездом колхозников-ударников // История колхозного права. Сборник законодательных материалов СССР и РСФСР. В 2 т. Т. 1. 1917—1936 гг. / рук. кол. сост. проф. Н. Д. Казанцев. М., 1959. С. 430.

² *Кометчиков И. В.* Клубные учреждения в культуре повседневного досуга. С. 108.

³ Там же. С. 108.

⁴ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 34. Д. 8. Л. 6.

Заведующий клубом или избой-читальней был одним из самых низкооплачиваемых работников официальных сельских учреждений¹, что препятствовало комплектованию этих должностей квалифицированными специалистами. Так как финансирование текущей деятельности сельских учреждений культуры и вообще социальной сферы производилось за счет отчислений в местный бюджет части налогов с населения и колхозов, средств самообложения и займов, провалы в их сборе приводили к недофинансированию, частым задержкам заработной платы².

Сельские учреждения культуры мыслились как средоточие на селе «предметов культуры», обеспечивающих организацию разноплановой «культурно-просветительной» работы. Но скудный бюджет ставил под вопрос своевременное и полноценное обеспечение инвентарем. Во второй половине 1940-х годов действовал запрет Наркомторга СССР на продажу культурно-просветительным учреждениям по наличному расчету «культтоваров», вынуждая их работников идти на ухищрения, чтобы приобрести необходимое для работы³. В конце 1945 года большинство изб-читален и сельских клубов имели только самую простую обстановку: стулья, столы, шкафы. Среди собственно «культурного» инвентаря наибольшее распространение имели географические карты. Полностью отсутствовали духовые инструменты, было мало патефонов⁴. Немного улучшилась обеспеченность инвентарем к началу 1950-х годов⁵. Собственную библиотеку в 1945 году имели 27,7% изб-читален и 5,2% сельских клубов Брянской области, 20,6% изб-читален Калужской области, 100% изб-читален — в Смоленской. В большинстве изб-читален объем книжного фонда не превышал 300 экз., а число читателей, приходившееся в среднем в год на библиотеку, в восьми областях составляло не более 100 человек. Только в сельских клубах Брянской области объем книжного фонда сельских клубов составлял в среднем 250 экз., а в сельских

¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 34. Д. 8. Л. 6.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 341. Л. 34. Оп. 132. Д. 95. Л. 88, 89. ГАРФ. Ф. А-534. Оп. 1. Д. 172. Л. 253, 254. Д. 233. Л. 74. Литовкин Е. В. Культурно-просветительная работа России послевоенного периода. С. 149–152.

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 437. Л. 12. Материалы по культурно-просветительской работе. Сборник. М., 1959. С. 228.

⁴ Кометчиков И. В. Клубные учреждения в культуре повседневного досуга. С. 109.

⁵ Там же.

клубах и избах-читальнях других западнорусских областей в среднем не превышал 100 экз. Малым было число читателей, приходившееся в год на библиотеку сельского клуба и избы-читальни¹. Сельским бюджетом предусматривалось выделение средств на выпуск газет и журналов, но не на пополнение книжного фонда². К началу 1951 года собственной библиотекой располагало уже 53,8—91% изб-читален и 48,4—75,1% клубов западнорусского села. Увеличился и объем их книжного фонда: в библиотеке избы-читальни он составлял в среднем 394—473 экз., в библиотеке сельского клуба — 411—662 экз. Число читателей библиотек изб-читален составляло в среднем 84—125 человек, библиотек клубов — 105—149 человек³.

Абсолютное большинство сельских клубных учреждений во второй половине 1940-х годов не имели собственных киноустановок и сдавали в аренду помещение для кинопередвижек Министерства кинофикации. В начале 1946 года собственными киноустановками располагало лишь 5,2% сельских клубов Брянской области, а в остальных западнорусских областях сельские учреждения культуры их не имели. К началу 1951 года киноустановки имелись в 1% изб-читален Брянской области, 2,4% — Калужской, 0,1% — Смоленской и в 7,6, 9,4 и 2,2% сельских клубов соответственно⁴. В 1945 году в большинстве изб-читален и клубов киносеансы проводились до 3—10 раз в год, в 1950 году — 30—40 раз в год⁵. Пик радиофикации сельских клубных учреждений достигается к началу 1950-х годов, когда радио располагало 70—90% изб-читален и сельских клубов (в начале 1946 года радиопередачи можно было слушать в 15—20% из них)⁶. Как видно, к началу 1950-х годов обеспеченность сельских клубных учреждений инвентарем кардинально не улучшилась, а большие межобластные колебания говорят о последствиях войны (особенно на территориях, где шли боевые действия), разной собираемости налогов и займов, упадке хозяйства колхозных дворов и колхозов — основных налогоплательщиков западнорусской деревни.

¹ Подсчитано: ГАРФ. Ф. А-534. Оп. 1. Д. 249. Л. 12, 29, 48.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 565. Л. 25.

³ Подсчитано: ГАРФ. Ф. А-534. Оп. 1. Д. 317. Л. 49, 108. Д. 318. Л. 44.

⁴ Подсчитано: Там же. Д. 317. Л. 49, 108. Д. 318. Л. 44.

⁵ Подсчитано: Там же. Д. 249. Л. 12, 29, 48. Д. 317. Л. 49, 108. Д. 318. Л. 44.

⁶ *Кометчиков И. В.* Клубные учреждения в культуре повседневного досуга. С. 109.

Быстрее, чем сеть клубных учреждений, в первые послевоенные годы восстановилась сеть библиотек. Если в 1940 году в областях Центрального Нечерноземья их насчитывалось 9 767, то в 1953 году — 12 926 (132,7%)¹, однако они находились в таких же тяжелых условиях. Охват читателей редко превышал 10–25% взрослого населения и 50% школьников, проживавших на обслуживаемой библиотекой территории². К концу 1953 года в Центральном Нечерноземье на один сельсовет приходилось около 1,2 библиотеки. В 1953–1963 годах почти вдвое вырос книжный фонд, которым располагали библиотеки³, однако и при этом он редко превышал на селе 2–4 тыс. экз. книг и журналов, что делало распространенной формой знакомства с ними чтение вслух. Тем более что в противовес официально провозглашавшейся функции библиотеки как источника «производственно-политических» знаний⁴ большинство их посетителей видели в книге прежде всего способ проведения досуга: 45–90% запросов читателей составляла художественная и детская литература, что во многом объясняет прирост числа книговыдач: в 1951–1959 годах он возрос в 1,2–3 раза⁵.

Недофинансирование ограничивало спектр досуга, который сельские клубные учреждения могли предложить населению. Согласно Положениям о сельском клубе 1946 и 1948 годов, его деятельность должна была «способствовать повышению культурного уровня населения», воспитанию «активных и сознательных строителей коммунистического общества», а первостепенная задача состояла в «разъяснении текущих политических событий, повседневной информации о решениях коммунистической партии и советского правительства, о постановлениях местных партийных и советских органов

¹ Подсчитано: Народное хозяйство РСФСР в 1962 году. С. 520–521. ГАРФ. Ф. А-385. Оп. 46. Д. 70. Л. 24.

² ГАРФ. Ф. А-339. Оп. 1. Д. 6193. Л. 4, 5, 10, 15, 17, 25, 26, 26 об., 36, 37, 40, 87–93.

³ Подсчитано: Народное хозяйство РСФСР в 1956 году. С. 329–330. Народное хозяйство РСФСР в 1962 году. С. 520–521.

⁴ Культурно-просветительная работа на селе. С. 365.

⁵ Подсчитано: ГАРФ. Ф. А-501. Оп. 1. Д. 2954. Л. 24, 24 об., 26, 26 об., 34, 34 об., 40, 40 об., 43, 43 об., 51, 51 об., 64, 64 об., 80, 80 об., 87, 87 об., 104, 104 об., 114, 114 об. Ф. А-534. Оп. 1. Д. 279. Л. 17–18, 46–47, 78–79. Д. 315. Л. 39–40, 43–44, 49–50, 84–85, 98–99, 102–103, 115–116, 169–170. Д. 330. Л. 29–30, 46–47, 75–76, 98–99, 127–128. Д. 331. Л. 48–49, 52–53, 55–56, 80–81, 91–92, 95–96, 107–108, 151–152.

и мобилизации населения на их выполнение». На клуб возлагались развертывание социалистического соревнования, ведение научно-просветительной и агрозоотехнической пропаганды, справочной работы, содействие самообразованию населения, распространению «военных знаний», физкультуры и спорта, развитию народного творчества и художественной самодеятельности, а также (в последнюю очередь) — «организация культурного отдыха и художественного обслуживания трудящихся и членов их семей»¹.

Так как для власти организация большинства досуговых мероприятий была более сложной, затратной и менее важной, чем политическое информирование, последнее было ведущим направлением клубной работы. Большинство клубных учреждений выполняли рекомендованный Положением о сельском лектории от 14 июня 1949 года минимум лекционной пропаганды (ежемесячно 2–3 лекции в клубе и по одной в ближайших населенных пунктах) в основном за счет лекций на «общественно-политические» темы. В конце 1940-х годов на одного сельского жителя западнорусской деревни приходилось в среднем 1,4–2,2 посещения клубных лекций и докладов в год, что свидетельствует об охвате клубной лекционной пропагандой малой части потенциальной аудитории². Еще меньшее количество населения (в основном — молодежь) затрагивала кружковая работа. В 1949 году на одну избу-читальню Брянской, Калужской и Смоленской областей в среднем приходилось 3,3–4,8 кружков (в сельских клубах — 4,0–6,0), которые посещало сотые доли процента сельского населения. При этом следует отметить, что вторая половина 1940-х годов была временем значительного многообразия тематики кружковой работы. В 1947 году сельские клубные учреждения могли предложить посетителям более десятка тематических кружков, наиболее распространенными из которых были политические. Действовали также хоровые, драматические, агрозоотехнические, общеобразовательные, литературные, военно-оборонные и другие. Примерно такое же распределение аудитории кружков сохранилось и в 1949 году³. В 1950 году, по сравнению

---

¹ Культурно-просветительная работа на селе. С. 360–361. Сборник руководящих материалов по клубной работе. В помощь сельским клубным работникам. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1951. С. 3–4.

² Подсчитано: ГАРФ. Ф. А-534. Оп. 1. Д. 306. Л. 63–65, 111–113. Д. 307. Л. 51–53.

³ Там же.

с 1947 годом, число и аудитория кружков выросли в среднем более чем на четверть¹.

Ближе к «чистому» досугу находилась организация концертов, вечеров художественной самодеятельности, выступлений агитбригад, хотя власть рассматривала самодеятельное художественное творчество как «одно из средств коммунистического воспитания советского народа»². Частота их проведения также была невелика, а количество год от года колебалось. В 1947 году 80—90% изб-читален и клубов проводили спектакли и выступления художественной самодеятельности, организовав в среднем на одно учреждение в Брянской, Калужской и Смоленской областях 9—41 мероприятий. 80—90% сельских клубных учреждений организовывали вечера танцев. Агитбригады имелись при 9—46% сельских клубов и изб-читален, выступая в среднем 7,6—10 раз в год. В 1949 году мероприятия с участием художественной самодеятельности организовывали 90—100% сельских клубных учреждений, в каждом из которых состоялось в среднем 7,8—10 выступлений, вечера танцев — более 50% клубов и изб-читален (в Смоленской — 100%). Агитбригады действовали при 6,3—10,4% сельских клубных учреждений, проводя в год в среднем 6,2—16,6 выступлений. В 1950 году по сравнению с 1947 годом состоялось ощутимо меньше выступлений художественной самодеятельности и агитбригад³.

В послевоенные годы восстанавливается многоуровневая система смотров художественной самодеятельности⁴ с вершиной в виде концертов на сценах Москвы⁵. Однако сельская самодеятельность часто существовала в отрыве от опеки партийной пропаганды и Домов народного творчества, которые должны были оказывать самодеятельным коллективам методическую помощь и «направлять» при выборе репертуара. Подведение итогов сельских и районных ее смотров в 1947 году показало, что в репертуаре было много подготовленных

¹ Подсчитано: Там же. Д. 280. Л. 8—10. Д. 282. Л. 44—46, 102—104. Д. 317. Л. 49, 108. Д. 318. Л. 44.

² РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 10. Д. 187. Л. 1.

³ Подсчитано: ГАРФ. Ф. А-534. Оп. 1. Д. 306. Л. 63—65, 111—113. Д. 307. Л. 51—53.

⁴ Самодеятельное художественное творчество в СССР. Очерки истории. 1930—1950-е гг. В 2 кн. Кн. 1. / ред. С. Ю. Румянцев, А. П. Шульпин. М., 1995. С. 77.

⁵ Кошетчиков И. В. Клубные учреждения в культуре повседневного досуга. С. 110.

наспех «вредных» пьес, инсценировок старинных свадебных обрядов «без критического подхода». Самодеятельные хоры исполняли песни, имевшие «только этнографическое значение». Вместо «содержательных народных танцев» демонстрировалось много «вариаций чечетки», западноевропейских танцев, а также «чуждых народу безвкусных “лубков”». Кружки художественной самодеятельности собирались только «под большой праздник» или если удавалось достать новую пьесу¹.

Даже формально открытый сельский клуб или изба-читальня нередко были недоступны крестьянству. Председатель Погарского районного комитета профсоюза работников культпросветучреждений Брянской области «сигнализировал» в 1952 году в письме ЦК ВЛКСМ о реальном состоянии работы с населением: «В селах очень редко читаются лекции и доклады, тематических вечеров и вечеров вопросов и ответов нигде не проводится. Вечеров молодежи, за исключением вечеров танцев, не проводится, кружков в избах-читальнях нигде нет, а в отчетах числится 142 кружка художественной самодеятельности. <...> Население и молодежь очень часто пишут в газеты о недостатках, и когда редакция запрашивает ответ — факты, то Иван Антонович пишет (инспектор Погарского районного отдела культпросветработы. — *Авт.*), не выезжая на место проверки: факты не подтвердились, или же подтвердились, помощь оказана. В Бугаевской избе-читальне лежат на полках книги, а вверху висят лампадки церковные да иконы...»². О таком же положении в сельских клубах сообщалось в середине 1951 года в письме из Куйбышевского района Калужской области в областную газету «Знамя»³.

Кроме государственных клубных учреждений, на селе действовали красные уголки и клубы колхозов, однако во второй половине 1940-х — начале 1950-х годов количество их было невелико и постоянно, работа зачастую хаотична вследствие бедственного положения колхозов, на содержании которых они находились. Работали также ведомственные клубы и библиотеки, подчинявшиеся райкомам отраслевых профсоюзов и обслуживавшие «свои» аудитории. Вход в них для «посторонних» часто был закрыт.

¹ *Кометчиков И. В.* Клубные учреждения в культуре повседневного досуга. С. 110.

² РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 32. Д. 710. Л. 70.

³ ГАДНИКО. Ф. 42. Оп. 16. Д. 13. Л. 13.

Глава 9
УЧРЕЖДЕНИЯ
КУЛЬТУРЫ
ЗАПАДНОРУССКОЙ
ДЕРЕВНИ
И КРЕСТЬЯНСТВО
В 1945 — НАЧАЛЕ
1960-х ГОДОВ

Вновь построенный
клуб колхоза
«40 лет Октября».
Малоярославский
район Калужской
области. 1957 г.
ГАДНИКО.
Ф. П-7607. Оп. 5.
Д. 3934

Слабая материальная база сельских клубов, узкий спектр возможностей по организации досуга, периферийное положение культпросветработы по сравнению с хозяйственно-политическими кампаниями, малое количество свободного времени у крестьянства, почти не знавшего официальных выходных и праздничных дней (в первой половине 1950-х годов крестьянская семья вырабатывала около 5 тыс. часов в год¹), тяжелые условия труда и быта формировали в сфере досуга значительное неподконтрольное власти пространство, заполнявшееся элементами традиционной досуговой культуры, профанированными попытками подражания западной музыкальной культуре. Дефицит клубного досуга приводил к «присвоению» функций клубов железнодорожными станциями, пристанями, общежитиями и другими людными местами². Сельское руководство закрывало глаза на кризис клубных учреждений, а часто само принимало участие в традиционных развлечениях, в числе которых были распространены гуляния в дни религиозных праздников, гадание на картах, азартные игры,

¹ Безнин М. А. Крестьянский двор в российском Нечерноземье 1950–1965 гг. С. 58.

² Кометчиков И. В. Клубные учреждения в культуре повседневного досуга. С. 111.

кулачные бои, часто сопровождавшиеся значительным употреблением алкоголя. В справке секретарю ЦК ВЛКСМ А. Е. Харламову о состоянии культпросветработы в Смоленской области в середине 1947 года сообщалось, что из-за очень слабой материальной базы сельских клубов и «безучастного отношения» к их работе комсомольских организаций в области участились случаи хулиганства, пьянок, посещения церквей, гаданий, веры в чудеса¹.

В годы «оттепели» власть попыталась повысить отдачу от клубных учреждений, культивируя в их деятельности, как и в общественных организациях, начала «советского демократизма»². Но к середине 1950-х годов много сельских клубов, да и районных домов культуры выглядели аутсайдерами на фоне бурного развития на селе радио, кино, телевидения³. Хотя число государственных сельских клубных учреждений в Центральном Нечерноземье увеличивалось (за 1953—1957 годы — на 8,9%)⁴, система их финансирования не изменилась⁵. Недостаточное финансирование определяло слабость материальной базы. Хотя клубные учреждения в основном располагались в собственных помещениях, многие из них не были приспособлены для культпросветработы. В ходе унификации клубных учреждений на базе сельских клубов росло количество их собственных киноустановок. С 1955 по 1960 год количество изб-читален, имевших собственные киноустановки, увеличилось: в Брянской области — с 1,2 до 24,2%, Калужской области — с 3,3 до 13,1%, в Смоленской области — с 0,7 до 67%, количество сельских клубов, располагавших собственными киноустановками, увеличилось, соответственно, с 11,6 до 54,2%,

¹ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 32. Д. 458. Л. 100.

² XXI съезд КПСС. Стенографический отчет. В 2 т. Т. 1. М., 1959. С. 103. *Пыжиков А. В.* Политические преобразования в СССР. С. 190, 193, 194, 215, 216, 234–235.

³ *Кометчиков И. В.* Клубные учреждения в повседневном досуге села Центрального Нечерноземья середины 1950-х — начала 1960-х гг. // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2014. № 6 (30). С. 20–21. Он же. Об одной пропагандистской кампании. Всесоюзный поход комсомола и молодежи за культуру (1958–1960) в Центральном Нечерноземье // Свободная мысль. 2014. № 1 (1643). С. 158–159.

⁴ Подсчитано: Народное хозяйство РСФСР в 1958 году. С. 469. Народное хозяйство РСФСР в 1962 году. С. 526.

⁵ *Кометчиков И. В.* Клубные учреждения в повседневном досуге села. С. 21.

с 15 до 42% и с 3,6 до 70%. Узким был спектр клубного досуга, слабым — охват потенциальной аудитории. В 1955 году сельские клубные учреждения Брянской, Калужской и Смоленской областей обеспечили проведение в год в среднем 2,1–2,4 лекций на сельского жителя. Объем лекционной пропаганды сельских культпросветучреждений Центра составлял в тот период 78,5% от уровня 1947 года, а охват аудитории — 85,8%. В 1955 году на избу-читальню приходилось в среднем 1,7–2,3 кружка, на сельский клуб — 2,1–2,6, которые посещало 0,02–0,04% сельских жителей. В большинстве клубов имелись агитбригады и художественная самодеятельность, хотя интенсивность выступлений была невысокой: в среднем в год 5,3–12,7 выступлений самодеятельности и 1,1–1,5 — агитбригад на клубное учреждение¹. В 1955 году количество выступлений самодеятельности составило в областях Центра 71,3%, агитбригад — 30,6% от уровня 1947 года².

Много писем жителей глубинки, темой которых был упадок учреждений культуры, узкий спектр организуемого ими досуга, его коммерциализация и т. д., поступало в середине 1950-х годов в партийные и комсомольские органы, редакции газет и журналов³. Их авторы обозначили важную и для власти, и для общества проблему хронического отставания институтов советской культуры от прогресса материального производства и изменений социальной структуры деревни, проблему больших различий в доступности и разнообразии «культурных благ» в городе и на селе. «Сверху» причина материально-технологической отсталости сельских культпросветучреждений и узкого спектра клубного досуга виделась, прежде всего, в ведомственности, а ее преодоление — в расширении внебюджетного финансирования и стимулировании общественной активности. Сентябрьский (1953 года) пленум ЦК КПСС рекомендовал «экономически крепким колхозам» выделять средства для строительства учреждений культуры⁴. Местные органы власти обязывались активизировать их ремонт и оборудование за счет местного

¹ ГАРФ. Ф. А-501. Оп. 1. Д. 1105. Л. 63, 63 об., 128, 128 об., 149, 149 об.

² Кометчиков И. В. Клубные учреждения в повседневном досуге села. С. 21–22.

³ ГАДНИКО. Ф. 2264. Оп. 13. Д. 11. Л. 35, 36 об. — 38. ГАНИСО. Ф. 89. Оп. 1. Д. 534. Л. 21, 25, 25 об.

⁴ КПСС в резолюциях. Т. 9. С. 339–341, 390, 489–490.

бюджета, самообложения и других источников, «поддерживать» инициативу колхозов¹. Увеличение числа колхозов, имевших или строивших собственные клубы, обусловило принятие «Положения о колхозном клубе» (1954). Отражая стремление к равномерному размещению учреждений культуры по территории района, устанавливалась регистрация колхозного клуба в отделе культуры исполкома районного Совета². На протяжении 1953 — начала 1960-х годов в верхах было разработано несколько проектов реформирования системы сельского культпросвета, но ни один из них не был реализован полностью, главным образом, из-за слабой экономики колхозов, которые должны были принять на себя финансирование значительной части культпросветучреждений³. Официально рекомендовались лишь некоторые меры⁴.

Следует отметить, что в конце 1950-х годов западнорусская деревня, как и все Центральное Нечерноземье, стояло на пороге нового витка концентрации сельскохозяйственного производства с сселением мелких населенных пунктов, что повлияло на сеть учреждений культуры. Расходовать средства государства на любое их плановое строительство запрещалось⁵. Решение вопроса перекладывалось на плечи колхозов, совхозов, предприятий, перепоручалось комсомолу, профсоюзам. Накануне XIII съезда ВЛКСМ (апрель 1958 года) стартовал двухлетний «поход» комсомола и молодежи за культуру как «почин» комсомольских организаций Калужской, Воронежской областей и Башкирской АССР по «повышению культуры молодежи», особенно сельской. «Выбор» Калужской области в числе его инициаторов был далеко не случаен: много калужских учреждений культуры, как и в других областях Центрального Нечерноземья, находились в упадке. Главными целями «похода» объявлялись подъем общеобразовательного и культурного уровня населения, строительство, благоустройство и оборудование культурно-просветительных учреждений, кинофикация, радиофикация сел и поселков, их озеленение. Совместно с органами культуры, профсоюзными

¹ Материалы по культурно-просветительной работе. С. 64, 70.

² Там же. С. 171, 172.

³ *Кометчиков И. В.* Клубные учреждения в повседневном досуге села. С. 22.

⁴ Материалы по культурно-просветительной работе. С. 95, 98, 99–100, 165–171. Культурно-просветительная работа на селе. С. 360–363.

⁵ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 32. Д. 1015. Л. 129.

организациями, колхозами за 2—3 года молодежи предлагалось построить 10 тыс. клубов, 10 тыс. киноаппаратных, благоустроить 40 тыс. учреждений культуры, подготовить 25 тыс. руководителей художественной самодеятельности и т. д.¹

Начало «похода» сопровождалось активизацией поиска вариантов улучшения деятельности учреждений культуры, объединенных идеей оптимизации государственных расходов на их содержание. В начале 1958 года в ЦК КПСС стали поступать предложения по изменению сложившегося порядка финансирования и руководства ими. В начале 1958 года председатель Совета Министров РСФСР Д. Полянский направил в Бюро ЦК КПСС по РСФСР докладную записку и проект постановления о передаче или продаже колхозам сельских клубов, находившихся на государственном бюджете. С одной стороны, проект признавал слабость материальной базы сельских клубов, на содержание которых государство в 1958 году выделило в среднем 10 300 руб. в год (из которых 5 400 рублей составляла заработная плата заведующего), с другой — «готовность» колхозов принять «на полное содержание» значительную часть клубов, что должно было улучшить их деятельность. Предусматривалась постепенная передача клубов с бюджета сельсоветов на содержание колхозов, установление колхозом гарантийного минимума заработной платы заведующему колхозным клубом в размере ставки учителя сельской школы (500—600 рублей в месяц). Руководство работой клубов, методическая помощь, подготовка и переподготовка кадров их работников возлагались на органы культуры. За государством сохранялась функция кинообслуживания населения, но предусматривалась выплата колхозам арендной платы за использование принадлежащих им помещений и аппаратуры². Сходное предложение поступило в марте 1958 года в ЦК КПСС из ЦК ВЛКСМ³. Более глубокие преобразования предлагало Министерство культуры СССР (май 1958 года), выступавшее за «выравнивание» охвата сельского населения учреждениями культуры за счет перестройки их «стихийно сложившейся» сети. Вместо нее в течение 10—15 лет планировалось сформировать унифицированную сеть государственных учреждений культуры с охватом центра каждого сельсовета, а также сети типовых домов культуры, клубов и библиотек на центральных усадьбах,

¹ XIII съезд ВЛКСМ. Стенографический отчет. М., 1958. С. 36, 313.

² ГАРФ. Ф. А-501. Оп. 1. Д. 2159. Л. 161—165.

³ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 32. Д. 943. Л. 1, 2, 3, 4.

в крупных отделениях колхозов и совхозов. В отдаленных деревнях предлагалось строить красные уголки или обслуживать население передвижными автоклубами районных домов культуры. Реализация этих планов означала бы передачу в «безвозмездное полное содержание» колхозам 25 тыс. из 80 тыс. сельских клубов с направлением высвободившихся средств на ремонт, оборудование и приобретение инвентаря для остающихся в ведении государства. За счет этого в 1958–1965 годах планировалось укомплектовать обязательным его минимумом каждый государственный клуб, построить в течение 10–15 лет около 3,5 тыс. типовых зданий районных домов культуры и районных библиотек¹.

Различия в понимании механизма совершенствования деятельности учреждений культуры проявились в ведомственном соперничестве за право возглавить «поход». Первый год «двушлетки» совпал с проведением Всероссийского общественного смотра работы культпросветучреждений, организованного по решению Бюро ЦК КПСС по РСФСР и Совета Министров РСФСР. ЦК ВЛКСМ, кроме объявления «похода», использовал в качестве «своих» поводов для активизации «борьбы за культуру» установление 7 февраля 1958 года указом Президиума Верховного Совета СССР Дня советской молодежи и объявление о проведении в 1960 году второго Всесоюзного фестиваля советской молодежи². Кроме того, 19 февраля 1960 года ЦК ВЛКСМ принял постановление «О работе комсомольских организаций в связи с постановлением ЦК КПСС «О задачах партийной пропаганды в современных условиях», обязывавшем комсомольские органы разработать планы, согласованные с органами культуры, радиовещания и другими организациями³. Министр культуры РСФСР в письме от 24 февраля 1958 года указал, что поход «должен стать составной частью всей деятельности всех органов и учреждений культуры», рекомендовав им, однако, принимать участие в составлении планов «похода», разработке «конкретных обязательств» комсомольцев по подъему культуры и оказании им практической помощи⁴. Министр культуры СССР

¹ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 32. Д. 943. Л. 12–33.

² Материалы по культпросветработе. С. 46, 49–50, 95–96. Справочник партийного работника. Вып. 2. С. 775, 777.

³ Справочник партийного работника. Вып. 3 / редкол. М. Т. Ефремов и др. М., 1961. С. 720–721

⁴ Материалы по культпросветработе. С. 86, 87.

Н. А. Михайлов (в прошлом секретарь ЦК ВЛКСМ) ориентировал местные органы культуры на сотрудничество с комсомолом и председателями колхозов в создании «единой, планомерной сети культпросветучреждений»¹.

В выполнении планов «похода» в Калужской области проявились как объективные трудности, так и противоречия, связанные с организацией взаимодействия структур разных ведомств. «Двухлетка по улучшению культурно-массовой работы, эстетического и физического воспитания» молодежи была провозглашена по инициативе бюро обкома комсомола с 1 января 1958 года на состоявшейся в декабре 1957 года VIII Калужской областной конференции ВЛКСМ. За время «похода» планировалось построить с участием комсомольцев и молодежи 180 и капитально отремонтировать 250 клубов, создать красные уголки на каждой животноводческой ферме, высадить 300 тыс. деревьев, распространить литературы на 10 млн руб., завершить радиофикацию населенных пунктов, построить во всех райцентрах стадионы, на всех предприятиях и в организациях — спортплощадки². Однако вместо сотрудничества органов власти и общественности «двухлетка» выявила немалые разногласия между, с одной стороны, администрациями колхозов и совхозов, руководителями предприятий и организаций, с другой — секретарями комитетов комсомола и стоявшими за ними партийными чиновниками и, с третьей — руководителями органов культуры, существовавшие по поводу целей, методов «культурного строительства» и использования на это местных ресурсов. На IX Калужской областной конференции ВЛКСМ (декабрь 1959 года), подводившей итоги «двухлетки», в адрес районных отделов культуры раздавались обвинения секретарей райкомов ВЛКСМ в преследовании коммерческой выгоды при организации работы клубов, «отрыве» от задач «похода» и действиях «вразрез» усилиям комсомольцев³. Анализируя проблемы укрепления материальной базы учреждений культуры и, в частности, выполнение обязательств «похода», руководство Калужского обкома комсомола в докладной записке ЦК ВЛКСМ подчеркнуло «неохотное» финансирование его мероприятий профсоюзными организациями, правлениями колхозов, администрациями предприятий, преодолевавшееся, однако,

¹ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 32. Д. 943. Л. 34, 37, 38.

² ГАДНИКО. Ф. 2264. Оп. 16. Д. 7. Л. 35.

³ Там же. Д. 169. Л. 106, 126.

«настойчивостью комитетов ВЛКСМ»¹. В то же время секретарь Калужского обкома ВЛКСМ В. Козырев констатировал, что строительство клубов и библиотек полностью зависело от экономического состояния колхозов, большинство которых вести его не могли².

Но, несмотря на оживление работы сельских учреждений культуры и некоторое укрепление их материальной базы, «поход» в итоге оказался шумной кампанией. Это вынуждено было признать руководство Калужского обкома комсомола. В июне 1962 года заместитель директора Туркменского филиала ЦПА ИМЭЛ при ЦК КПСС обратился с просьбой к Калужскому обкому ВЛКСМ принять сотрудника филиала, работающего над темой «Молодежь Туркменистана в борьбе за повышение культуры на селе», желавшего изучить «прошлое и настоящее» «похода» в области и пообщаться с активистами. В июле 1962 года в Туркменистан было сообщено о «хороших результатах» «напряженной работы» комсомола области по укреплению материальной базы учреждений культуры и улучшению содержания их работы, но при этом отмечалось, что в дальнейшем «натиск был ослаблен» и «в настоящее время никакими особыми достижениями мы похвастаться не можем»³. В масштабе страны итоги «похода за культуру» были подведены на VIII пленуме ЦК ВЛКСМ (август 1960 года), посвященном усилиям комсомола по организации досуга молодежи. Активисты-общественники, перекрыв план, построили 15 тыс. новых клубов, домов культуры, библиотек, кинотеатров, 16 тыс. помещений для киноустановок, десятки тысяч стадионов и спортплощадок, отремонтировали свыше 40 тыс. учреждений культуры, подготовили около 25 тыс. руководителей художественной самодеятельности, что позволило создать около 40 тыс. новых коллективов. Стремясь «развить успех», пленум постановил «продлить поход» и построить в течение 2—3 лет силами молодежи еще 5 тыс. клубов, 20 тыс. киноаппаратных, 5 тыс. турбаз и пансионатов, отремонтировать 50 тыс. клубов и библиотек⁴. В Брянской, Владимирской, Ивановской, Калининской, Орловской, Калужской, Костромской, Рязанской, Смоленской, Тульской и Ярославской областях за время «двухлетки культуры» было построено 2837 и отремонтировано 2604 сельских и колхозных клубов, районных домов культуры, библиотек, красных

¹ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 32. Д. 1015. Л. 116–117.

² Там же. Л. 135.

³ ГАДНИКО. Ф. 2264. Оп. 24. Д. 15. Л. 35, 37.

⁴ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 32. Д. 1011. Л. 147, 158.

уголков, построено 4 138 спортивных площадок, стадионов, бассейнов, тиров, танцплощадок, 5 084 бань и 3 718 колодцев, разбито 333 сквера, посажено свыше 5,5 млн деревьев, организована установка свыше 123 тыс. радиоточек и 19,3 тыс. радиоприемников, создано 1,5 тыс. коллективов художественной самодеятельности, подготовлено 728 работников культуры¹.

Однако за цифрами отчетов обкомов комсомола просматривается не только невыполнение ряда показателей «похода» многими областями, но и значительная пестрота при планировании, что еще раз, несмотря на поддержку решения ЦК ВЛКСМ о «непрерывном» характере «похода», подтверждает его кампанейский характер. Судя по представленным в ЦК ВЛКСМ документам, только в пяти областях Центрального Нечерноземья из десяти готовились на курсах кадры работников учреждений культуры, в трех велись работы по радиофикации, в двух — создавались новые коллективы художественной самодеятельности, в пяти — высаживались деревья, в трех — строились и ремонтировались общественные колодцы, бани, разбивались скверы и парки и т.д.². Однако даже не достигнув ряда запланированных нормативов, «поход» все же обеспечил временное улучшение деятельности изб-читален, клубов, библиотек на волне активности комитетов ВЛКСМ и общественного энтузиазма. Хотя другая важная его цель — запуск на местах межведомственной модели решения проблем культуры села — не была достигнута, накопленный опыт лег в основу последующих попыток преодоления ведомственности в управлении учреждениями культуры, их недофинансирования, расширения спектра организуемого ими досуга и более полного охвата населения. Наряду с усилиями государства по налаживанию лекционной пропаганды, завершению радиофикации и кинофикации сельской местности, наращиванию тиражей прессы, развитию телевидения и совершенствованию других институтов советской культуры на рубеже 1950—1960-х годов «поход» стал формой кооперации власти и общества, ускорившей окончательное замещение традиционной культуры деревни массовой секуляризованной культурой.

Таким образом, увеличение сельскохозяйственными предприятиями финансирования клубных учреждений происходило с трудом,

¹ Подсчитано: РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 32. Д. 1013. Л. 245, 246, 247. Д. 1014. Л. 1, 2, 3, 5, 9, 135. Д. 1015. Л. 82, 83, 88, 107, 109, 110, 111. Д. 1016. Л. 59. Д. 1018. Л. 20, 71, 75, 78, 183, 188, 191. Д. 1021. Л. 191, 192.

² Там же.

так как зависело от состояния их экономики, а она была слабой. Так, в 1958–1959 годы колхозы Брянской, Калужской и Смоленской областей отчислили в культфонд менее одного процента годового денежного дохода.

Строительство помещений культурно-бытового назначения в объеме капиталовложений 1958–1959 годов почти повсеместно не превышало 3%¹. Статистика министерства культуры РСФСР свидетельствовала, что к началу 1960-х годов материальная база сельских клубных учреждений Центрального Нечерноземья оставалась слабой, хотя по сравнению с серединой 1950-х годов обеспеченность клубами и избами-читальнями выросла в среднем до 1,8–2,7 их единиц на сельсовет². Сократилось количество клубов, располагавших собственными библиотеками, неудовлетворительным было обеспечение инвентарем. При этом клубы активно насыщались оборудованием для трансляции кинофильмов, фонограмм, телепередач и т. д. В 1960 году уровень радиодиффузии изб-читален Брянской, Калужской и Смоленской областей составлял 39,4–56,5%, сельских клубов — 60,6–62,2%³. Рост оснащенности трансляционной аппаратурой препятствовал развитию сложных форм клубного досуга, способствовал его «коммерциализации»⁴.

Разнообразие сложных вербальных форм клубной работы постепенно вытеснялось единообразием кино-, радио- и телетрансляций. Не увеличивался объем лекционной пропаганды сельских клубных учреждений: в 1960 году на селе Центрального Нечерноземья он составил 94,2% от уровня 1947 года, аудитория — 97,6%. Стагнировала кружковая работа: общее количество кружков составило 70,6%, а число их участников — 61,7% от уровня 1947 года. Участники художественной самодеятельности провели в среднем в год в сельском клубном учреждении 6,1–10,3 выступлений, еще 1,4–3,5 выступлений состоялось благодаря агитбригадам. По сравнению

¹ ГАРФ. Ф. А-501. Оп. 1. Д. 3023. Л. 162 «б» об. — 162 «а».

² *Кометчиков И. В.* Клубные учреждения в повседневном досуге села. С. 23–24.

³ Подсчитано по: ГАРФ. Ф. А-501. Оп. 1. Д. 3294. Л. 83, 83 об., 129, 149.

⁴ *Антонов В.* О делах коммерческих и культурной работе // Культурно-просветительная работа. 1958. № 4. С. 38–39. РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 32. Д. 1056. Л. 160.

с 1947 годом самодеятельностью клубов было организовано 67,7% концертов, агитбригадами — 52,7%¹. Барьерами для развития самодеятельности также были отсутствие квалифицированных организаторов, трудовая занятость ее участников, их возраст: большинство составляла холостая молодежь, «отстававшая» от самодеятельности с появлением собственной семьи². Эти процессы были характерны и для культпросвета западнорусской деревни. Спад активности самодеятельности ко второй половине 1950-х годов происходил и из-за разрыва преемственности между поколениями ее участников, потери интереса к традиционному репертуару, роста ожиданий к исполнению под влиянием радио, кино и т.д.³. Фасадом самодеятельности, имевшим мало общего с ее повседневностью, были парадные смотры разного масштаба — мероприятия с отобранными по разверстке и хорошо подготовленными коллективами⁴. Самодеятельное творчество страдало из-за попыток подражания профессиональным артистам, вытеснения традиционного репертуара стилизованным «под фольклор», усиления официального контроля⁵. В программах смотров, фестивалей самодеятельности этого времени 30–40% номеров занимали «общерусские» песни, еще 30–40% — авторские произведения, представлявшие собой стилизацию народной музыки. Шло активное освоение самодеятельностью музыки кинофильмов и грамзаписей⁶, усиливалась унификация обработанной фольклорной традиции танца, тиражировавшаяся в виде «методических

¹ *Кометчиков И. В.* Клубные учреждения в повседневном досуге села. С. 24.

² *Анохина Л. А., Шмелева М. Н.* Культура и быт колхозников Калининской области. М., 1964. С. 313, 332–333, 338–339.

³ *Литовкин Е. В.* Восстановление и развитие культурно-просветительной работы Рязанской области в послевоенный период. Рязань, 2004. С. 166–170.

⁴ РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 10. Д. 187. Л. 8, 9, 11, 12.

⁵ Самодеятельное художественное творчество в СССР. Очерки истории. Конец 1950-х — начало 1990-х гг. / К. Г. Богемская, П. Р. Гамзатова, С. Ю. Румянцев и др., председ. редкол. Л. П. Солнцева. СПб., 1999. С. 108–109, 336, 338, 339, 341–342. *Кометчиков И. В.* Клубные учреждения в повседневном досуге села. С. 25.

⁶ Дома народного творчества России: ретроспектива и современность. Исторические очерки. Сохранение и развитие нематериального культурного развития народов России. Книга 1 / ред.-сост. Л. А. Богуславская. М., 2009. С. 409.

рекомендаций» для кружковой танцевальной самодеятельности¹. Однако предпринимались и попытки ввести его централизованное утверждение. В 1955 году Всесоюзный дом народного творчества им. Н. К. Крупской направил в Министерство культуры СССР свои предложения по ужесточению контроля за репертуаром художественной самодеятельности на местах, предложив выпускать раз в квартал списки «рекомендованных» им пьес и эстрадных номеров, которые должны были стать основой репертуара. Директора Домов народного творчества в регионах могли дополнить присланный из Москвы список только произведениями национальных авторов. Обязанность контролировать репертуар художественной самодеятельности возлагалась на директоров районных домов культуры, начальников областных и районных отделов культуры. Для реализации этого права директора районных домов культуры должны были разослать во все коллективы театральной самодеятельности письмо с требованием высылки на утверждение репертуарного плана на полугодие с тем, чтобы разрешать постановку только тех пьес, которые есть в «спускаемых» сверху списках². На местах предпринимались попытки запретить даже пение частушек, казавшихся местным руководителям культуры слишком флиртованными³.

В передовых колхозах в конце 1950-х — начале 1960-х годов под влиянием развития их экономики, роста благосостояния населения, доступности радио, электричества, укрепления материальной базы клубных учреждений фиксировались прогрессивные, с точки зрения власти, изменения. Уходила в прошлое традиция досуговой самоорганизации молодежи, вытеснявшаяся досугом в клубе и на спортивной площадке. С клубным досугом активно конкурировал домашний

---

¹ Самодеятельное художественное творчество в СССР. Очерки истории. 1930–1950-е гг. В 2 кн. Кн. 1 / ред. С. Ю. Румянцев, А. П. Шутьпин. М., 1995. С. 143.

² РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 10. Д. 187. Л. 22, 23.

³ Кобзев И. Как изгнали «Сашеночку» // Культурно-просветительная работа. 1955. № 12. С. 46–47. Одной из новейших работ, рассматривающих проблему взаимовлияния фольклора и советской культуры на уровне дискурса, является исследование К. А. Богданова: Vox populi: Фольклорные жанры советской культуры. М., 2009. В ней приводятся свидетельства пропагандистской работы с исполнителями частушек, формирования образцов частушечного творчества, «сочетающие тематику текущей пропаганды с мотивами интимных переживаний и коллективных радостей» (Там же. С. 192–193).

за чтением художественной литературы, прессы, слушанием радиопередач. Работники клубов отмечали преобладание в будни молодежной и подростковой аудитории, появление взрослых — только по праздникам или «значительным» поводам¹. Население же большинства экономически слабых хозяйств отмечало нахождение их села на периферии «культурной жизни», недостаток у колхозов средств на «культуру», остаточное бюджетное финансирование клубов, скудный выбор форм клубного досуга, индифферентность местной власти к этим проблемам². Неразвитость будничного клубного досуга считалась одной из основных причин распространения на селе карточных игр, пьянства, хулиганства, драк³, уличных танцев и частушек. Председатель рабочкома совхоза «Анастасьино» Смоленского района Смоленской области размышлял в своем письме в ЦК КПСС о проблемах, которые переживал совхоз и другие сельскохозяйственные предприятия района: «Почему уходит молодежь из деревни в город? Как известно, на Смоленщине деревни малые, как правило, от 20 до 60 домов, в которых избы плохие, в большинстве из них нет ни бань, ни клубов, зачастую, даже колодцев, молодежь сейчас стала не та, что была 40 лет тому назад. Она желает жить не только богато, но и культурно, это нужно учитывать. Никакие тут административные меры, законы не помогут по удержанию молодежи в деревне. Чтобы удержать молодежь в деревне, нужны меры более капитальные и правильные, нужно настойчиво подтягивать деревню к уровню города. Разрыв этот на Смоленщине очень велик, и пока этот разрыв будет существовать, деревня будет самым узким местом с точки зрения обеспечения рабочей силой...»⁴.

Вместо «культурного досуга» в культпросветучреждениях наблюдатели сельской жизни отмечали увлеченность деревни лото и карточными играми, самодеятельными танцами и исполнением частушек под гармонь или аккордеон летними вечерами на улицах, что компенсировало неразвитость «официального» досуга даже в довольно благополучных с точки зрения работы учреждений культуры в населенных пунктах. Распространенность «заменителей»

¹ Кометчиков И. В. Клубные учреждения в повседневном досуге села. С. 25.

² Там же.

³ ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 3. Д. 1078. Л. 21. Д. 1256. Л. 179, 180, 181, 182, 185. Д. 1257. Л. 12, 104.

⁴ Там же. Д. 1261. Л. 88.

досуга вынуждено было признавать и республиканское руководство культурой. В марте 1956 года министр культуры РСФСР Т. М. Зуева сообщала в Бюро ЦК КПСС по РСФСР: «Многие сельские клубы находятся в таком запущенном состоянии, что колхозники просто не идут в них. Нередко молодежь устраивает вечеринки с выпивкой и танцами, арендуя частные дома колхозников...»¹

На рубеже 1950–1960-х годов многие официальные учреждения культуры села по-прежнему могли предложить населению довольно узкий спектр досуга, что наряду с более низким по сравнению с городом уровнем оплаты труда, гораздо более скромным выбором профессий, несравненно более тяжелыми условиями труда и быта являлось фактором усиления оттока сельских жителей в города. Особенно много уезжало молодежи. Студент, наблюдавший жизнь и труд колхозников колхоза им. Димитрова Лев-Толстовского района Калужской области, писал в «Комсомольскую правду» в конце 1959 года: «В колхозе нет бани. Да как же жить без бани? Нет клуба. В селе очень скучно. Молодежь «сбежала» в города. Как же так? Да вот так, что им неведомая такая жизнь. Но молодежь приходит и из города, особенно молодые специалисты, но быстро разочаровываются...». В соседних деревнях, по его словам, культурные блага были, но председатель колхоза им. Димитрова и парторг, «страстные любители спиртного спорта», не стремились к появлению этого в колхозе: «Возможно, они не хотят, чтобы колхозники слышали и знали, радовались, как штурмуют космическое пространство наши спутники и ракеты, как успешно проходят визиты дружбы Н. С. Хрущева и других членов правительства в зарубежные государства, особенно, как борется весь советский народ за досрочное выполнение и перевыполнение планов семилетки и пр. ...»²

Новые возможности проведения досуга постепенно видоизменяли традицию досуговой самоорганизации молодежи, создавая сплав традиционных и новых форм проведения свободного времени. В отдаленных от центральной усадьбы деревнях экономически крепких колхозов Бежецкого, Весьегонского, Молоковского, Сандовского районов Калининской области в начале 1960-х годов жила традиция посиделок (или «бесед») и «светлых вечеров», самостоятельно организуемых молодежью. Но если раньше по таким случаям арендовалась одна из изб, приглашался гармонист, то теперь

¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 34. Д. 8. Л. 2.

² ГАДНИКО. Ф. 2101. Оп. 20. Д. 29. Л. 449, 449 об., 450 об.

«на беседу» собирались в более просторном доме одного из ее участников или в домах каждого по очереди. В «беседах», на которые собирались в основном девушки, принимали участие и домашние. Собравшиеся слушали радио или патефон. Часто с «беседы» молодежь отправлялась в кино или в клуб. Разрастание сети учреждений культуры вытесняло «беседы». Более широко были распространены «светлые вечера», которые собирались и в населенных пунктах, где был клуб, кино и т.д. Поводами для них становились проводы в армию, приезд кого-либо из колхозной молодежи на побывку и т.д. На «светлый вечер» приходила молодежь не одного села, а всей округи. Для «гуляния», как и раньше, арендовалась свободная изба, где танцевали под гармонь, двусмысленно шутили, пели частушки, играли. Быстрота вытеснения «светлых вечеров» также считалась производной от разнообразия клубного досуга и активности сельской комсомольской организации¹.

Таким образом, стремясь нивелировать общественное мнение в условиях материальной и технологической отсталости культуры западнорусского села, власть в середине 1940-х годов обособила культпросветработу, формально отказалась от ее сплошной идеологии и пыталась расширить содержание. Однако скудость средств, на которые могли рассчитывать сельские клубы, предопределила их медленное восстановление, узкий спектр форм работы, основанных преимущественно на живом слове, заслонение организации досуга политической информацией. В сочетании с малым бюджетом свободного времени большинства крестьян, живучестью подчинявшихся религиозному ритму форм его проведения все это оставляло многих в деревне вне клубного досуга или вовлекало в его орбиту время от времени. Реформы клубного досуга, нацеленные на преодоление ведомственности и развитие инициативы «снизу», свелись к попыткам перераспределить скудные бюджетные средства и развить внебюджетное финансирование при еще большей концентрации во властных структурах организационного и идеологического контроля. Не сумев создать сеть клубов, равномерно охватывавшую основные звенья укрупненного колхозно-совхозного производства², наладить повседневно широкий спектр традиционной клубной работы, власть

¹ Анохина Л. А., Шмелева М. Н. Указ. соч. С. 245–246, 311–312.

² Кометчиков И. В. Об одной пропагандистской кампании. Всесоюзный поход комсомола и молодежи за культуру (1958–1960) в Центральном Нечерноземье // Свободная мысль. 2014. № 1 (1643). С. 166–167.

все больше полагается на прогресс кино-, радио- и телетрансляций, теснивший ее сложные вербальные формы. Под влиянием этой тенденции и альтернативы семейного досуга многие сельские клубы утрачивают потенциал многопрофильных «очагов культуры», какими, судя по официальной статистике, они были во второй половине 1940-х — начале 1950-х годов.

9.2. Система лекционной пропаганды

Лекционной пропагандой на селе в первые послевоенные годы занималось несколько структур. Одной из них являлись лекционные бюро, действовавшие на базе учреждений культуры¹. Налаживание работы областных лекционных бюро и особенно районных лекторских групп происходило медленно, созданные действовали нерегулярно, многие местные советские органы не обеспечивали руководства ими². Еще более медленно складывалась сеть сельских лекториев, что вполне объяснимо: в отличие от штатных лекторов областных и городских лекционных бюро члены районных лекторских групп, а также сельских лекторских объединений действовали на общественных началах³. Согласно «Положению о сельском лектории» от 14 июня 1949 года его основной целью определялась «пропаганда политических и научных знаний» посредством чтения «популярных лекций», причем не только лекторами-общественниками из числа сельской интеллигенции, но и работниками партийных, комсомольских органов, лекционных бюро, лекторами Общества по распространению политических и научных знаний. Лекторий должен был обеспечить проведение 2—3 лекций в месяц в пункте своего расположения, а также по одной лекции в близлежащих населенных пунктах⁴. Отчеты сельских клубных учреждений свидетельствуют о том, что

---

¹ Кабанов П. И. Указ. соч. С. 61–63.

² Кометчиков И. В. Лекционная пропаганда на селе Центрального Нечерноземья 1945 — начала 1960-х гг.: организация и функционирование // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 7 (45). Ч. 1. С. 80.

³ Сборник руководящих материалов по культпросветработе. С. 57, 58, 132, 133, 134. Культурно-просветительная работа на селе. С. 7.

⁴ Сборник руководящих материалов по клубной работе. С. 7–9.

большинство из них выполняло этот план¹. Однако аудитория данных лекций была невелика и составляла в среднем 30—70 слушателей, чаще всего — жителей того сельского населенного пункта, где находился сельский клуб или изба-читальня, т.е. основная масса сельского населения не охватывалась лекциями местных культпросветработников. В 1949 году на одного сельского жителя Брянской, Калужской и Смоленской областей приходилось в среднем от 1,4 до 2,2 посещений клубных лекций и докладов. Ранжирование клубных лекций конца 1940-х годов по тематике и посещаемости дает следующую картину: наиболее распространенными были лекции по общественно-политической тематике; по вопросам техники и агротехники; на естественно-научные темы; на литературные и художественные темы².

Другим институтом лекционной пропаганды являлось Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний. В условиях неразвитости на селе технических средств трансляции информации, могущих одновременно обеспечить большой охват аудитории, живое слово долгое время было основным инструментом, с помощью которого власть обращалась к живущему в тысячах сел и деревень населению. Предтечей Общества можно считать действовавший в довоенные годы Союз воинствующих безбожников, возглавляемый Е. М. Ярославским. Но постановлением Совета Министров СССР от 29 апреля 1947 года № 1377 Союз был упразднен, а функция по «распространению научных и материалистических знаний» передавалась Всесоюзному обществу по распространению политических и научных знаний³. Создание новой структуры в дополнение к системе лекционных бюро, районных лекторских групп и сельских лекториев находилось в общем русле активизации пропаганды для нивелировки общественного мнения, оживившегося в военные и первые послевоенные годы. Создание Общества можно объяснить стремлением максимизировать число лекторов и продублировать систему лекционных бюро посредством привлечения к чтению лекций квалифицированных научных и политических работников. Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний (республиканское Общество — в РСФСР) с разветвленной сетью областных, районных отделений, сельских объединений и групп его членов на первых порах объединяло преимущественно представителей

¹ Коментчиков И. В. Лекционная пропаганда. С. 81.

² Там же.

³ ГАРФ. Ф. 9547. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.

городской (научной и вузовской) интеллигенции. Ему было предназначено стать верхним ярусом всесоюзного пропагандистского аппарата. Согласно Уставу Всесоюзного Общества, принятому 9 июля 1947 года, оно являлось «общественной политико-просветительной организацией» по «распространению научных и политических знаний», что достигалось путем организации публичных лекций по различным вопросам¹. Членство в Обществе формально было добровольным и имело две градации. Действительными членами являлись лично принимавшие участие в составлении и чтении лекций, написании научно-популярной литературы, а членами-соревнователями — читавшие лекции на основе одобренных Обществом текстов и участвовавшие в организации научных опытов, выставках и т. д. Членство в Обществе было платным². Действительное членство давало возможность выступать от имени Общества с платными лекциями, что должно было стать стимулом вступать в его ряды. Однако статистические отчеты и другая документация о деятельности провинциальных отделений Общества свидетельствуют, что платные лекции местных интеллигентов в глубинке составляли меньшую часть его пропаганды. Для вступивших в Общество в сельских районах членство было обременительной обязанностью, связанной с уплатой высоких для села членских взносов³. Среди части партийного руководства на местах образование ячеек Общества было воспринято как сигнал к массовой вербовке его членов⁴. Власть была заинтересована в превращении Общества в действительно массовую организацию. Для этого Обществу и его членам периодически предоставлялись финансовые льготы⁵.

В конце 1940-х годов низовым звеном Общества на селе являлись его лектории в колхозах, совхозах, МТС, селах, к которым тяготела основная масса читавших лекции сельских интеллигентов. В 1947—1953 годах плотность ячеек Общества на селе была очень низкой: в 1951 году в Брянской области на один сельский лекторий Общества приходилось в среднем 280 колхозов, совхозов, МТС и сел, в Калужской — 225. В 1953 году в областях Центрального Нечерноземья всего действовало 136 его лекториев в сельских райцентрах,

¹ ГАРФ. Ф. 9547. Оп. 1. Д. 26. Л. 25, 26.

² Там же. Л. 27, 36.

³ *Кометчиков И. В.* Лекционная пропаганда. С. 81–82.

⁴ ГАРФ. Ф. 9547. Оп. 1. Д. 613. Л. 182–184.

⁵ *Кометчиков И. В.* Лекционная пропаганда. С. 82.

356 районных отделений и 448 лекториев в колхозах, совхозах, МТС и селах¹. Анализ объема лекционной пропаганды областных отделений Общества в зависимости от удельного веса тематики показывает, что с 1949 по 1953 год наиболее распространенными темами лекций были (по мере убывания): международное положение, история КПСС, история СССР и всеобщая история, сельское хозяйство, медицина, история государства и права, научный атеизм, биология, опыт передовиков сельскохозяйственного производства². Несмотря на то что деятельность Общества контролировалась партийными пропагандистами, тематика лекций существенно зависела от наличия на месте узких специалистов. Этим обстоятельством объясняется преобладание лекций по вопросам «международной обстановки», истории партии и сельскому хозяйству, с которыми в глубинке мог выступить почти любой человек, читавший прессу и слушавший радио. Чем более специфичным был предмет, тем меньше квалифицированных лекторов можно было найти. Чаще всего нагрузка по ведению таких лекций возлагалась на врачей, агрономов, зоотехников, низовых партийных, советских работников и учителей сельских школ — в своем большинстве самых подготовленных и способных лекторов сельской местности.

Обращает на себя внимание довольно скромное количество атеистических лекций в общем объеме лекционной пропаганды, которые прочно держались на 6—7 месте. В 1951 году их количество, приходящееся в среднем суммарно на один колхоз, совхоз, МТС и сельский населенный пункт, было незначительно и не превышало 0,012—0,045 лекции³. При этом в начале 1950-х годов власть не придавала антирелигиозной пропаганде большого значения⁴. Антирелигиозная и естественно-научная пропаганда отличалась неконкретностью, часто запаздывала с реакцией на локальный всплеск религиозности, а то и вовсе провоцировала нагнетание панических слухов и суеверий. 23 февраля 1945 года заместитель наркома государственной безопасности СССР Б. З. Кобулов направил в Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б)

¹ Подсчитано: ГАРФ. Ф. А-385. Оп. 46. Д. 65. Л. 7–10. ГАРФ. Ф. 9547. Оп. 1. Д. 620. Л. 22. Д. 777. Л. 18–19.

² Коменчиков И. В. Лекционная пропаганда. С. 82.

³ Подсчитано: ГАРФ. Ф. 9547. Оп. 1. Д. 620. Л. 39–41. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 11. Д. 4102. Л. 113–114. Д. 4445. Л. 140, 166.

⁴ Коменчиков И. В. Лекционная пропаганда. С. 82–83.

В агитпункте.
г. Кондрово. Фото
Н. Спиридонова.
21 ноября 1951 г.
ГАДНИКО.
Ф. П-7607. Оп. 5.
Д. 3926

информацию, основанную на материалах перлюстрации частной переписки, о распространении панических слухов и настроений о якобы «предстоящей катастрофе Земли от столкновения с раскаленным телом, оторвавшимся от Солнца». Слухи о «конце света» спровоцировала трансляция по радио лекций «Было ли начало и будет ли конец мира?», «Есть ли жизнь на планетах?», «Необыкновенные явления в природе», «Астрономия на войне», которые читал сотрудник московского планетария А. Ларионов. В письмах, отправленных из Смоленской области, авторы так осмысливали услышанное по радио: «У нас здесь говорят, что через 14 дней свалится планета, величина ее займет всю Смоленскую область. Дорогие, сильно не волнуйтесь, если свалится, то попадем все в рай и на том свете в раю встретимся». «Ждем падения метеора. Вот по этому поводу решила написать. Чем черт не шутит, возможно, стихия решит нашу судьбу. У нас в колхозе только и разговоров про это сообщение. Падение ожидается к 1-му числу. Так что, Петя, будем живы — увидимся, но все возможно»; «От Большой Медведицы оторвалась звезда, которая должна упасть на одну из трех областей: Московскую, Смоленскую или Орловскую. Думали эвакуировать население, но уже поздно — не успеют. Все население одной из этих областей должно погибнуть. Если об этом не говорит официальная печать, то просто не хотят создать паники

у населения»¹. Содержание лекций на селе было притчей во языцех во власти при обсуждении вопросов идеологической и культурно-просветительной работы².

Были у отделений Общества и успехи. В сельских районах Брянской, Калужской и Смоленской областей объем лекционной работы отделений Общества с 1949 по 1953 год увеличился в 3,3—7,6 раза, а в колхозах, совхозах и МТС — в 4—11 раз³. Большинство лекций, прочитанных на селе членами Общества, были бесплатными. Наиболее активно лекционная работа велась в сельских райцентрах. Так, в 1949 году на один сельский районный центр Брянской области в среднем пришлось 9,1 лекций, в Калужской области — 25, в Смоленской — 17,1, в 1951 году — 80,8, 64,8 и 74,5 лекций, в 1953 году — 69,2, 77,3 и 83,5 лекций соответственно⁴. Гораздо меньшее количество лекций читалось непосредственно на селе. В 1951 году на один сельский населенный пункт, колхоз, совхоз и МТС в Брянской области пришлось в среднем 0,04 лекции, в Калужской области — 0,012, в Смоленской области — 0,012 лекции⁵. Неудивительно, что часто и с трибун различных заседаний, и в письмах сельского населения во власть как обиденное явление отмечалось почти полное отсутствие лекционной пропаганды. Исключительный с точки зрения элементарного информирования о событиях в стране казус привел в апреле 1953 года на заседании Калужского областного Совета заведующий облконторой «Заготзерно», упомянувший о ситуации в колхозе им. Сталина Спас-Деменского района, в котором с октября 1952 года не было ни областных, ни районных руководителей: «Народ даже не знает, был ли похоронен товарищ Сталин или нет. Никакой разъяснительной работы там не проводится. В колхозе есть партийная организация. Секретарь парторганизации — учитель, который все время находится в Широковском сельсовете и появляется в колхозе один раз в квартал...»⁶.

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 343. Л. 11–14.

² Кошетчиков И. В. Лекционная пропаганда. С. 82–83.

³ Подсчитано: ГАРФ. Ф. 9547. Оп. 1. Д. 306. Л. 27–28. Д. 985. Л. 8–14, 22–24, 28–30.

⁴ Подсчитано: там же. Д. 306. Л. 27–28. Д. 620. Л. 32–33. Д. 985. Л. 22–24.

⁵ Подсчитано: ГАРФ. Ф. 9547. Оп. 1. Д. 306. Л. 27–28. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 11. Д. 4102. Л. 113–114.

⁶ ГАКО. Ф. Р-883. Оп. 16. Д. 1251. Л. 22.

Таким образом, несмотря на создание на селе в первые послевоенные годы разветвленной системы лекционной пропаганды, добиться массовости и высокой интенсивности пропагандистского воздействия не удалось. Власть вынуждена была мириться с параллелизмом, заметным в работе областных и районных отделений Общества, низовых объединений лекторов областных лекционных бюро, штатных и внештатных пропагандистов обкомов и райкомов ВКП(б), порождавшим приписки объемов лекций и «тройную бухгалтерию»¹. Качество и интенсивность лекционной пропаганды существенно понижались по мере удаления от крупных городов и районных центров, были крайне неравномерными между ними. Для жителя сельской местности лекция была довольно редким, а подчас и недоступным мероприятием.

В середине 1950-х годов верхи предпринимают объединение лекционной пропаганды под эгидой Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний, направленное на расширение числа лекторов и увеличение числа лекций, особенно на селе. К этому времени, кроме областных лекционных бюро министерства культуры РСФСР, практически в каждом районе действовали районные бюро, которые координировали работу десятков бюро при МТС и колхозах, а также сотен сельских лекторских объединений². В начале 1956 года количество членов лекционных бюро и сельских объединений лекторов в областях Центра в 2–3 раза превосходило ряды отделений Общества³. От 45 до 65% лекторов системы лекционных бюро составляли учителя, от 11 до 16% — медицинские работники, от 15 до 24% — специалисты сельского хозяйства, от 1,5 до 5,5% — инженерно-технические работники⁴. В канун завершения деятельности лекционных бюро Брянской, Калужской и Смоленской областей в качестве самостоятельной структуры их лекторы добавляли к лекциям отделений Всесоюзного общества в среднем в год на одного сельского жителя от 2 до 2,9 лекций⁵. По составу эти лекции, как и лекции членов Общества, являлись

---

¹ ГАРФ. Ф. 9547. Оп. 1. Д. 452. Л. 266. Сборник руководящих материалов по клубной работе. С. 17–22, 23–25. Сборник руководящих материалов по культурно-просветительной работе. С. 101–103, 107.

² ГАРФ. Ф. А-501. Оп. 1. Д. 1109. Л. 9.

³ Подсчитано: ГАРФ. Ф. А-501. Оп. 1. Д. 1109. Л. 7, 8, 12. Ф. 9547. Оп. 1. Д. 1090. Л. 6, 7.

⁴ Подсчитано: Там же. Ф. А-501. Оп. 1. Д. 1109. Л. 7, 8.

⁵ Там же. Л. 5, 6.

сочетанием политической информации и сельскохозяйственной пропаганды: мероприятия на «общественно-политические темы» составляли от 33,1 до 34%, на сельскохозяйственные темы — от 25,4 до 29,4%, по медицине — от 6,3 до 10,5%, на естественно-научные темы — от 14,8 до 17,5%, по вопросам техники — от 1,6 до 3%, научно-атеистические лекции — от 6,6 до 7%¹.

«Узким» местом лекционной пропаганды отделений Общества оставалось чтение научно-атеистических лекций, упиравшееся в проблему отсутствия на селе достаточно квалифицированных для этого кадров. В 1955 году количество антирелигиозных лекций, приходящееся в среднем на один колхоз, совхоз, МТС и сельский населенный пункт, составляло в Брянской области от 0,05, в Калужской — 0,03, в Смоленской — 0,017². 4 февраля 1955 года на совещании руководителей секций при правлении Общества, посвященном коррективке научно-атеистической пропаганды, первый заместитель председателя правления Общества профессор Лаптев проанализировал типичные промахи лекторов-антирелигиозников. К ним он отнес подмену антирелигиозной пропаганды оскорблением представителей духовенства и верующих, попытки безосновательного опровержения постулатов вероучения, отсутствие понятной аудитории связи естествознания и атеизма, нехватку квалифицированных кадров лекторов-атеистов и их выступления перед неверующей аудиторией. Отрыв атеизма от естествознания аргументировался так: «Был такой случай, когда на селе была поставлена лекция, даже с передвижным планетарием, где для верующих показывалось строение Вселенной. Слушали все внимательно. После лекции спросили: “Ну как вам понравилась лекция?” — “Очень понравилась”. — “А что, собственно, вам понравилось в лекции?” — “Нам понравилось, как прекрасно Бог устроил Вселенную”»³.

Основная ставка при проведении лекционной пропаганды по-прежнему делалась на живое слово. В середине 1950-х годов число лекций, переданных по радио, продолжало оставаться незначительным. В 1955 году в Центральном Нечерноземье только в Ярославской области по радио было передано 14 лекций, в Московской — 31 лекция, составлявшие десятые доли процента в общем объеме лекционной

¹ Подсчитано: ГАРФ. Ф. А-501. Оп. 1. Д. 1109. Л. 5, 6.

² Подсчитано по: Там же. Ф. 9547. Оп. 1. Д. 1090. Л. 18–19, 20, 21. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 11. Д. 5301. Л. 186, 198.

³ Там же. Ф. 9547. Оп. 1. Д. 1048. Л. 6, 11, 13, 15, 17, 21.

пропаганды Общества для сельской аудитории. В 1957 году незначительное количество лекций для слушателей в сельских районах было прочитано в Калужской области¹.

И в правлении Общества, и в его областных отделениях признавали малочисленность многих районных отделений и слабую активность значительного числа лекторов, стремившихся уклониться от чтения лекций для села. Из около 10 тыс. специалистов умственного труда Калужской области членами Общества в 1954 году состояли 1367 чел., причем в некоторых районах их насчитывалось по 15–20 чел.² Когда Спас-Деменский РК КПСС направил директора Нестеровской семилетней школы, бывшего к тому же в колхозе этого сельсовета парторгом, прочитать доклад о 36-й годовщине Октябрьской революции в одну из деревень, тот не выполнил поручения, говоря в своем круту: «Там народ готовится встречать Казанскую. Зачем им мешать?»³ В Федосовском сельском клубе Невельского района Великолукской области⁴ местные лекторы часто сводили свои выступления к «громким читкам» научно-популярных брошюр и статей из журналов. Заведующие сельскими клубами и избами-читальнями в районе были уверены, что «на лекцию народ не пойдет, если ее не сопроводить кино, а лучше всего танцами». Стремясь «дать план» по посещаемости лекций, заведующий Пучковским сельским клубом попросил бригадиров колхоза привлечь аудиторию, и те ходили по домам и «наряжали на лекцию»⁵. Следует отметить, что и руководство Общества было заинтересовано в представлении в выгодном свете статистики прочитанных лекций. По существовавшему в конце 1950-х годов порядку планирования объемов лекционной пропаганды годовые планы составлялись в областных отделениях Общества и согласовывались в обкомах КПСС, после чего поступали на утверждение правления Общества. Интенсивность лекционной пропаганды определялась из расчета чтения 1–2 лекций на каждое предприятие, цех, смену,

¹ Подсчитано: ГАРФ. Ф. 9547. Оп. 1. Д. 1062. Л. 11–12. Ф. А-561. Оп. 1. Д. 123. Л. 16, 24, 37, 43, 89.

² ГАДНИКО. Ф. 55. Оп. 9. Д. 154. Л. 132.

³ Там же. Ф. 40. Оп. 20. Д. 10. Л. 217.

⁴ Великолукская область — территориально-административная единица РСФСР с 1944 по 1957 год. Великие Луки и близлежащие районы вошли в состав Псковской области, а восточная часть — в состав Калининской области.

⁵ Самсонов В. Лекции, не оставившие следа... // Культурно-просветительная работа. 1954. № 4. С. 22, 24.

Глава 9
УЧРЕЖДЕНИЯ
КУЛЬТУРЫ
ЗАПАДНОРУССКОЙ
ДЕРЕВНИ
И КРЕСТЬЯНСТВО
В 1945 — НАЧАЛЕ
1960-х ГОДОВ

Политинформация
на Скачковской фер-
ме. Справа налево:
В. В. Холопова,
бригадир; А. С. Лав-
рик, библиотекарь-
политинформатор;
Н. М. Короткова,
заведующая фермой,
Ф. С. Колбас, тех-
ник-осеменатор, (?).
Конец 1950-х гг.
Колхоз им. Куйбы-
шева с. Брынь Ду-
миничского района.
*Фото из личного
архива Ю. В. Хо-
лопова*

колхоз, МТС, РТС, совхоз, бригаду, полевой стан, ферму, клуб, Дом культуры, ЖАКТ, избу-читальню, красный уголок. Порядок планирования лекционной пропаганды на душу населения в правлении Общества считали «оригинальным», но «неправильным», рекомендуя отделениям при составлении плана исходить из «наличия производственных и иных единиц, насчитывающих от 15 и более работающих», для каждой из которых должно было проводиться ежемесячно по одной лекции¹. При этом в закрытых статистических обзорах о деятельности учреждений культуры конца 1950-х годов многие показатели охвата сельского населения теми или иными формами культурного обслуживания рассчитывались из их числа, приходящегося на количество сельского населения².

Незадолго до решения о слиянии систем лекционной пропаганды на страницах периодики развернулся обмен мнениями и опытом унификации пропагандистских структур на селе под эгидой партийных органов. В качестве одной из мер по упорядочению лекционной пропаганды, устранению параллелизма и несогласованности в работе лекторов, а главное — по достижению равномерного охвата сельского

¹ ГАРФ. Ф. А-561. Оп. 1. Д. 369. Л. 16–17, 23.

² Там же. Ф. А-501. Оп. 1. Д. 3023. Л. 162а-192е и об.

населения лекционной пропагандой предлагалось введение «единых» планов лекционной пропаганды с учетом лекторов разных ведомств. Контроль их выполнения предлагалось возложить на пропагандистский аппарат РК КПСС¹. До объединения лекционной пропаганды под эгидой Всесоюзного общества были введены единые ставки гонорара лекторам².

Не сумев обеспечить динамичный прирост на селе численности рядов Общества «изнутри», власти превратили его в массовую организацию административно. Решение о передаче ведения лекционной пропаганды от органов Министерства культуры СССР Обществу было принято ЦК КПСС 29 января 1957 года. 12 февраля 1957 года вышел приказ № 97 министра культуры СССР Н. А. Михайлова «О передаче функций лекционной пропаганды органов Министерства культуры СССР Всесоюзному обществу по распространению политических и научных знаний»³. В РСФСР его реализацию конкретизировало постановление Совета Министров РСФСР от 2 марта 1957 года № 83, предусматривавшее резкое увеличение чтения членами Общества бесплатных лекций, особенно на селе. Его четвертый пункт обязывал привлекать в сельские группы членов Общества лекторов из существующих сельских объединений и лекторских групп при МТС. Ряды Общества также должны были возрасти за счет членов лекторских групп при РИКах⁴. Активные лекторы сельских лекторских коллективов, вступившие в члены Общества до 1 июля 1957 года, освобождались от уплаты вступительных взносов. Районным отделениям Общества рекомендовалось формировать сельские группы Общества при наличии на селе 7–10 его членов⁵. Слияние, таким образом, предполагало не только концентрацию лекционной пропаганды в одной организации, но и усиление ее районного звена, что вписывалось в курс мобилизации на село партийных и советских работников из городов. В результате численность членов Общества по распространению политических и научных знаний РСФСР только за 1957 год выросла на 162 тыс. чел. Было создано 22 тыс. сельских групп его членов⁶. Если в 1956 году ряды Брянского областного

¹ *Кометчиков И. В.* Лекционная пропаганда. С. 85.

² Материалы по культурно-просветительной работе. С. 269, 270.

³ ГАРФ. Ф. 9547. Оп. 1. Д. 1092. Л. 64.

⁴ Там же. Л. 88–89.

⁵ Материалы по культурно-просветительной работе. С. 91.

⁶ ГАРФ. Ф. А-561. Оп. 1. Д. 369. Л. 15, 16.

отделения Общества насчитывали 2 200 членов, Калужского — 1699, Смоленского — 2 368 членов, то в конце 1959 года — 7 535, 5 067 и 6 416 членов соответственно¹. К 1957 году по сравнению с 1953 годом объем лекционной пропаганды Брянского отделения Общества в сельских районах возрастает в 6,8 раз, Калужского отделения — в 2,6 раза, Смоленского отделения — в 2,5 раза, а число лекций в колхозах, МТС и совхозах — в 8,6, 1, 5 и 1,1 раза соответственно². Вследствие этого в сельских районах в значительно увеличивается посещаемость лекций: если в 1953 году на одного сельского жителя Калужской области пришлось в год в среднем 0,3 посещения лекций членов Общества, в Смоленской — 0,2, то в 1957 году этот показатель составил в 2,1 и 1,9 посещений соответственно³.

Объединение лекционной пропаганды в Обществе находилось в общем русле политики, проводимой министерствами культуры СССР и РСФСР под руководством отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС, состоявшей в ужесточении контроля над сферой «культурно-массовой» работы путем ее концентрации в одном ведомстве, расширении охвата сельского населения, а также унификации транслировавшихся культурных ценностей. Стремясь повысить эффективность лекционной пропаганды на селе, власть продолжала и ее интеграцию в сеть учреждений культуры. Их заведующим и руководителям сельских групп членов Общества рекомендовалось составлять совместные планы работы и вести организацию университетов культуры при клубах и кинолекториев с еженедельным чтением в них лекций⁴. Плотность низовой сети лекционной пропаганды еще более повысилась: в 1961 году в Брянской области на одну сельскую группу членов Общества приходилось в среднем 8 колхозов, совхозов, РТС и сельских населенных пунктов, в Калужской — 10,6, в Смоленской — 16,9⁵. Увеличилась и активность лекторов Общества. За 1957–1961 годы количество лекций, прочитанных членами Общества в колхозах, совхозах, МТС, селах Брянской области, выросло в три раза, Калужской — в 2,7 раза,

¹ ГАРФ. Ф. А-561. Оп. 1. Д. 303. Л. 8, 9. Ф. 9547. Оп. 1. Д. 1090. Л. 6–7.

² Подсчитано по: ГАРФ. Ф. 9547. Оп. 1. Д. 985. Л. 22–24, 28–30. Ф. А-561. Оп. 1. Д. 123. Л. 13, 37, 77.

³ Подсчитано: ГАРФ. Ф. А-561. Оп. 1. Д. 123. Л. 37, 77.

⁴ Материалы по культурно-просветительной работе. С. 74, 77–78.

⁵ Подсчитано: ГАРФ. Ф. А-561. Оп. 1. Д. 514. Л. 6–7. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 11. Д. 6296. Л. 87–88.

Смоленской—более чем в 4 раза¹. Увеличилось количество лекций, приходящихся в среднем на один колхоз, совхоз, сельский населенный пункт. Если в 1955 году их насчитывалось в Брянской области 0,3, в Калужской—0,2, в Смоленской—0,33, то в 1960 году—8,7, 5,7 и 11,5 лекций соответственно². За десятилетие с конца 1940-х до конца 1950-х годов в областях Центрального Нечерноземья количество бесплатных лекций и лекций, прочитанных по радио и телевидению, выросло до 80—90% всего объема лекционной пропаганды³.

В то же время, как и раньше, эффективность лекционной пропаганды продолжала вызывать массу нареканий самих пропагандистов и их партийных кураторов. 27 августа 1959 года ЦК КПСС принимает постановление, в котором Общество критиковалось за недостаточную «идейность и научность» лекционной пропаганды, ее отрыв от «задач коммунистического строительства», слабый охват сельского населения, низкую активность многих лекторов, значительное число платных лекций⁴.

Таким образом, развитие лекционной пропаганды на селе в 1945—начале 1960-х годов определялось потребностью власти формировать и мобилизовывать общественное мнение, которую приходилось удовлетворять в условиях неразвитости технических средств трансляции информации. Установка на живое слово предопределила логику совершенствования системы лекционной пропаганды путем наращивания числа лекций и расширения охвата аудитории. По этим показателям разрозненная сеть лекционной пропаганды в заключительные годы сталинского правления в разы отставала от уровня, достигнутого объединенным Всесоюзным обществом по распространению политических и научных знаний к концу 1950-х—началу 1960-х годов. Но даже с учетом значительного роста числа лекторов и лекций в конце 1950-х—начале 1960-х годов система лекционной пропаганды не справлялась с полным охватом жителей сел и деревень, а весьма скромный, как правило, уровень сельских лекторов делал многие лекции разновидностью политинформации с высокой долей профанации, мало менявшей мировоззрение и ценности их аудитории.

¹ Подсчитано: ГАРФ. Ф. А-561. Оп. 1. Д. 123. Л. 13, 37 об., 77 об. Д. 514. Л. 6–7.

² Подсчитано: Там же. Ф. 9547. Оп. 1. Д. 1062. Л. 11, 12. Ф. А-561. Оп. 1. Д. 514. Л. 6–7.

³ Подсчитано: Там же. Ф. А-561. Оп. 1. Д. 303. Л. 8, 9.

⁴ Справочник партийного работника. Вып. 3. С. 470–477.

9.3. Доступность и восприятие на селе периодической печати

Глава 9
УЧРЕЖДЕНИЯ
КУЛЬТУРЫ
ЗАПАДНОРУССКОЙ
ДЕРЕВНИ
И КРЕСТЬЯНСТВО
В 1945 — НАЧАЛЕ
1960-х ГОДОВ

В сельской местности Центрального Нечерноземья РСФСР в послевоенные годы распространялись центральные (союзные и республиканские), областные и районные газеты. Доступность их читателям менялась в зависимости от возможностей государства по наращиванию тиражей, состояния сети распространения печати, наличия на местах достаточного количества более или менее квалифицированных журналистов — интерпретаторов идеологического дискурса, колебаний политики в отношении содержания прессы, развития прочих СМИ и других факторов.

Во второй половине 1940-х — начале 1950-х годов власти сдерживали рост тиражей областных и районных газет и увеличивали — общесоюзных и республиканских. Одной из основных причин этого было, как представляется, значительное отставание уровня местной прессы, особенно районной, от уровня центральной. Только за 1946—1949 годы разовый тираж областных и районных газет, выходивших в Брянской, Калужской и Смоленской областях, вырос на 10,6%, а тираж «Правды» — на 14%, «Комсомольской правды» — на 16%, «Пионерской правды» — 31%, «Литературной газеты» — почти в 11 раз, «Социалистического земледелия» — на 48%, газеты «Культура и жизнь» — вдвое, газеты «Советский спорт» — на 56%⁵. Вследствие слабой полиграфической базы, недостатка газетной бумаги многие районные газеты выходили на двух полосах с крайне невысоким качеством печати, набирались вручную. Частыми были срывы графика выпуска номеров, так как газетчики, как и другие работники учреждений райцентра, мобилизовывались райкомами ВКП(б) для участия в «хозяйственно-политических кампаниях». Сходные трудности в первые послевоенные годы переживала и областные газеты⁶. Их объем был четыре полосы, периодичность выхода — три-четыре раза в неделю. ЦК ВКП(б) неоднократно принимал постановления, в которых отмечалось однообразие содержания местных газет, нежелание редакций публиковать критические очерки и статьи, заполнение

⁵ Подсчитано: ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 1. Д. 221. Л. 7, 28, 61. Оп. 10. Д. 655. Л. 25. Д. 656. Л. 10, 25. Д. 657. Л. 25.

⁶ «Рабочий путь». Орган Смоленского обкома ВКП(б) и облисполкома. 1945–1953 гг. «Знамя». Орган Калужского обкома ВКП(б) и облисполкома. 1945–1953 гг.

страниц различными постановлениями и решениями, малое количество материалов нештатных корреспондентов, неряшливость оформления и т.д.¹. Закрытые обзоры районной печати, регулярно составлявшиеся в обкомах ВКП(б), ВЛКСМ, органах внутренних дел, показывают низкий уровень владения журналистами официальным дискурсом, подчас граничивший с «политическими ошибками», обслуживание редакциями интересов руководства райкомов и обкомов ВКП(б). Не слишком высокого мнения о районной прессе были зачастую и сельские жители. В середине 1951 года в редакцию калужской областной газеты «Знамя» из Куйбышевского района области поступило письмо сельского корреспондента районной газеты «Куйбышевский стахановец», озаглавленное «Об авторитете районной газеты и еще кое о чем». Редакция «Знамени» переслала письмо в Куйбышевский РК ВКП(б), который признал «сигнал» правильным. В письме сообщалось о том, что газета регулярно помещала заметки, не соответствующие действительности, выбирала из редакционной почты для публикации хвалебные сообщения, а критические кала под сукно. Селькоры были «предоставлены сами себе», так как редакцию устраивала односторонняя связь с ними: «селькоры в редакцию пишут, а редакция селькорам ни ответа, ни привета»².

Ограниченные тиражи прессы, которыми могло располагать село, были основной причиной значительного распространения газетных витрин, дававших возможность прочесть свежий номер большому числу людей. Так, в 1946 году в Брянской области действовало 1115, в Смоленской — 1514 газетных витрин. В августе 1947 года прошел Всесоюзный рейд проверки распространения, продвижения и доставки печати на село, проводившийся по распоряжению министра связи СССР и постановлению ЦК ВЛКСМ. В смоленской деревне в ходе проверки было обнаружено, что жители 341 населенного пункта не выписывали прессу, а в 342 пунктах не было подписчиков на центральные газеты и журналы. Из 2137 газетных витрин в 305 не обеспечивалась регулярная расклейка газет³.

В первые послевоенные годы продолжало сохраняться распределение тиражей газет и журналов по бюджетным учреждениям⁴.

¹ КПСС в резолюциях. Т. 7. С. 547–549. Т. 8. С. 31–36, 255–256.

² ГАДНИКО. Ф. 42. Оп. 16. Д. 13. Л. 4, 5, 6, 8.

³ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 32. Д. 448. Л. 2, 10.

⁴ *Кометчиков И. В.* Выпуск, распространение и доступность газет на селе Центрального Нечерноземья 1945 — начала 1960-х гг. //

Большая часть тиражей оседала в городах, различных учреждениях и правлениях колхозов по бюджетно-ведомственной подписке, лишь незначительное количество экземпляров прессы распространялось индивидуально. ЦК ВКП(б) принял постановление «О недостатках работы Рязанского обкома ВКП(б) по распространению периодической печати», обязав не менее 70% тиражей газет распространять по подписке среди населения¹. В 1948 году Всесоюзный рейд проверки распространения, продвижения и доставки печати был проведен вновь². В заключительные годы сталинской эпохи число газетных витрин на селе Центрального Нечерноземья в разы превосходило количество пунктов продажи печати, также косвенно свидетельствуя о малочисленности распространяемых тиражей. В 1951 году Брянской области в среднем на один сельсовет приходилось 2,1 газетных витрин, в Калужской области — 0,9, в Смоленской — 5,4, в 1953 году — 2, 1,1 и 5 витрин соответственно. Ни в одной из областей Центрального Нечерноземья в 1951–1953 годах число пунктов продажи прессы и киосков «Союзпечати» не превышало в среднем одного на сельсовет, составляя от 0,2 до 0,8³.

Несмотря на усилия по улучшению распространения периодической печати во второй половине 1940-х — начале 1950-х годов нельзя говорить о широкой доступности газет для большинства сельского населения. В 1946 году количество экземпляров разового тиража областных и районных газет, приходящееся в среднем на одного сельского жителя, составляло в Брянской области — 0,09, в Калужской — 0,15, в Смоленской — 0,13 экз., в 1949 году — 0,09, 0,20 и 0,13 соответственно⁴. Фактически количество экземпляров, оказывавшихся на селе, было еще меньше, так как нами этот показатель рассчитан исходя из стопроцентного распространения тиражей в сельской местности. Однако львиная доля центральной, областной

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 4 (42). Ч. 2. С. 102–103.

¹ Кабанов П. И. Очерки культурно-просветительной работы в СССР в послевоенные годы. 1945–1953 / отв. ред. В. Е. Быстров. М., 1955. С. 88.

² Поучительные итоги // Распространение печати. 1948. № 6. С. 1.

³ Подсчитано: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 11. Д. 2119. Л. 8–9. Д. 4098. Без пагинации. Д. 4439. Л. 310, 311. Д. 4445. Л. 132, 133. ГАРФ. Ф. А-385. Оп. 46. Д. 69. Л. 45, 45 об.

⁴ Подсчитано: ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 10. Д. 221. Л. 7, 28, 61. Д. 656. Л. 10, 25. Д. 657. Л. 25.

и районной периодической печати оседала в городах и районных центрах. Так, в 1945 году село получило 34,6% тиража «Правды», 34,5% — «Известий», 36,6% — «Комсомольской правды», 48,4% республиканский и областных газет, 69,1% — районных, а районные центры сельской местности — 14,5, 14,3, 16,3, 13,6 и 14,1% соответственно. Остальной тираж распространялся в областных центрах, промышленных районных центрах, городах областного подчинения и рабочих поселках¹. Кроме того, следует учесть, что в 1951—1953 годах почти во всех областях Центрального Нечерноземья на 4—27% недовыполнялся план розничной продажи печати, также в большинстве областей на 1—13% — и план ее продажи по подписке². Были свидетельства и повышенного спроса на прессу. Так, в мае 1949 года на Заднепровском рынке Смоленска была задержана жена механика и завхоза издательства газеты «Большевистский путь» Западной железной дороги, продававшая по завышенным ценам местные газеты и журналы. При обыске у нее была обнаружена справка начальника издательства, разрешающая их продажу частным порядком³.

На протяжении середины 1950-х годов отмечается некоторое улучшение обеспеченности населения районных центров и села газетами, которое происходит как вследствие общей коррекции аграрной политики, увеличения объема направлявшихся на село ресурсов, так и «потепления» политического режима, отразившегося на политике в отношении СМИ. Пытаясь повысить значимость выступлений печати, власть ориентировала редакции на расширение взаимодействия с рабселькорами, развертывание критических выступлений⁴. Отмеченные перемены, связанные с приходом к власти Н. С. Хрущева, стимулировали рост тиражей. Значительно возросли тиражи центральной прессы. К 1957 году по сравнению с 1949 годом разовый тираж газеты «Правда» вырос в 2,17 раза, «Известий» — в 1,93 раза, «Комсомольской правды» — в 2,58 раза, «Пионерской правды» — в 2,5 раза, «Литературной газеты» — в 1,7 раза, газеты «Сельское хозяйство» — в 2 раза⁵. Разовый тираж областных и районных газет Брянской, Калужской и Смоленской областей за 1955—1957 годы

¹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 11. Д. 2119. Л. 5.

² Там же. Д. 4098. Л. 246. Д. 4439. Л. 314. Д. 4744. Л. 230.

³ ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 821. Л. 193.

⁴ Справочник партийного работника. Вып. 1. С. 340, 341, 342.

⁵ Там же.

не увеличился, составляя 486 тыс. экз.¹, хотя вследствие улучшения полиграфической базы, увеличения отпускавшихся лимитов газетной бумаги многие районные газеты начинают выходить на четырех полосах.

За счет укрупнения сельсоветов более плотной стала розничная сеть продажи печати, увеличившись по сравнению со второй половиной 1940-х — началом 1950-х годов и составляя в среднем в Брянской области 0,9, Калужской — 0,95, в Смоленской области — 1,50 пунктов продажи на сельсовет². Часто спрос сельского населения на прессу был выше и ограничивался размерами выделенных при реализации подписки лимитов.

В конце 1950-х — начале 1960-х годов власть вновь сдерживает рост тиражей местных газет при наращивании выпуска центральных, а также сокращает количество местных изданий. Необходимость «не расширять сеть печатных органов», а «повышать их идейный уровень» и «связь с массами» подчеркивалась в постановлении Бюро ЦК КПСС по РСФСР «О неправильной практике издания новых газет», критиковавшем местные партийные, государственные структуры, руководство кооперации за несанкционированное издание «своей» прессы. Постановление ЦК КПСС от 31 июля 1959 года «О ликвидации убыточности газет и журналов» требовало достижения рентабельности местных периодических изданий при сокращении их числа за счет слияния редакций. ЦК КПСС вернул себе право окончательно утверждать решения об открытии новых областных, городских, ведомственных газет и журналов³. Ряд центральных и местных периодических изданий, полностью не реализуемых через сеть розничной продажи, объявлялись «не отвечающими требованиям читателей и не пользующимися их спросом»⁴. Весной 1962 года верхи партии пошли на еще более радикальные меры, приняв решение о приведении в соответствие с новой структурой управления сельским хозяйством существовавшего количества районных газет: во многих областях вместо нескольких десятков районных газет было создано гораздо меньшее число межрайонных газет территориальных производственных управлений⁵.

¹ Кометчиков И. В. Выпуск, распространение и доступность газет. С. 103.

² Подсчитано: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 11. Д. 5301. Л. 131, 150.

³ Справочник партийного работника. Вып. 2. С. 533–534. Вып. 3. С. 465–470.

⁴ Там же. Вып. 3. С. 484–485.

⁵ ГАДНИКО. Ф. 55. Оп. 9. Д. 1115. Л. 114.

Конец 1950-х — начало 1960-х годов также становится временем, когда предпринимались попытки повысить статус периодической печати в обществе, сделать ее активным участником процессов десталинизации. Одним из способов этого виделось оживление рабселькоровского движения. В постановлении ЦК КПСС от 30 августа 1958 года «Об улучшении руководства массовым движением рабочих и сельских корреспондентов советской печати» рабселькоры призывались «повышать силу воздействия печати на массы населения». Систематическое взаимодействие с рабселькоровским активом провозглашалось постоянной обязанностью редакций центральной и местной прессы, а также партийных и советских органов, общественных и первичных партийных организаций¹. Постановлением ЦК КПСС «О дальнейшем развитии общественных начал в советской печати и радио» было санкционировано повсеместное создание внештатных отделов редакций, рабселькоровских и авторских советов на общественных началах². С 1957 года был возобновлен прерванный в 1941 году выпуск издававшегося «Правдой» журнала рабселькоровского движения «Рабоче-крестьянский корреспондент». Статистика редакционной почты районных газет, куда чаще всего писали рабселькоры, а также сами газетные страницы свидетельствуют, что призыв «глубоко освещать на страницах печати злободневные вопросы» находил на селе отклик³. Много рабселькоровских корреспонденций публиковали и областные газеты⁴.

Однако стимулирование общественной активности «снизу» далеко не всегда поддерживалось в редакциях самих районных газет, работники которых, как и ранее, работали с оглядкой на райкомы КПСС⁵. 18 сентября 1962 года ЦК КПСС принимает очередное постановление «О повышении действенности выступлений советской печати», в котором вновь повторяется спектр «узких мест» советской прессы, включая индифферентное отношение к критическим публикациям руководителей организаций и учреждений, ставших их «героями», зажим критики и преследование корреспондентов, слабую связь редакций с рабселькорами⁶. Однако, несмотря на все

---

¹ КПСС в резолюциях. Т. 9. С. 256–258.

² Справочник партийного работника. Вып. 3. С. 547.

³ *Кометчиков И. В.* Выпуск, распространение и доступность газет. С. 104.

⁴ Знамя. 1961. Рабочий путь. 1961.

⁵ *Кометчиков И. В.* Выпуск, распространение и доступность газет. С. 104.

⁶ Справочник партийного работника. Вып. 4. С. 450–453.

преобразования, качество прессы, с точки зрения центральной власти, по-прежнему оставалось весьма неравномерным: районной прессе приходилось «прислушиваться» к мнению руководства РК КПСС, которое в большинстве случаев определяло, какие материалы о жизни района будут опубликованы, рассматривая «свою» газету в качестве инструмента по укреплению собственного влияния.

Для значительного числа периодических изданий, особенно местных, как видно, существовала проблема привлечения внимания аудитории, что подталкивало редакции к размещению большого количества фотографий, «развлекательных» материалов, перепечаток произведений детективного, фантастического жанра. Так, в Брянской области 15 из 26 районных газет, многие районные газеты Орловской области публиковали рассказы и повести о шпионах, уголовниках и спекулянтах¹.

В ходе оптимизации числа областных и районных газет, попыток улучшения содержания, расширения связей с аудиторией их суммарный разовый тираж в Брянской, Калужской и Смоленской областях за 1959—1961 годы сокращается на 4,6%². Рост количества экземпляров, поступавших на село, происходил в основном за счет увеличения тиражей общесоюзных и республиканских изданий. С 1958 по 1962 год число всесоюзных газет сократилось с 24 до 23, а их разовый тираж вырос с 4 981 до 7 947 тыс. экз. (на 59,5%), тираж двух республиканских газет РСФСР — с 543 до 617 тыс. экз. (на 13,6%)³. Но и с учетом некоторого сокращения численности сельского населения за этот период, ощутимого увеличения его обеспеченности местной прессой не произошло. Количество экземпляров разового тиража местных газет, приходящееся в среднем на одного сельского жителя, составляло в Брянской области: в 1959 году—0,16, в 1960 году—0,17, в 1961 году—0,17, в Калужской области—0,28, 0,26, 0,27, в Смоленской области—0,24, 0,24, 0,25 соответственно⁴.

Материалы социологических обследований колхозной деревни показывают, что в экономически успешных хозяйствах пресса была

¹ Справочник партийного работника. Вып. 2. С. 482, 515–517.

² Подсчитано: Печать в СССР в 1959 году. Статматериалы. М., 1960. С. 159, 160. Печать в СССР в 1961 году. Статматериалы. М., 1962. С. 86, 87, 88.

³ Подсчитано: Народное хозяйство РСФСР в 1962 году. С. 537.

⁴ Печать в СССР в 1959 году. Статматериалы. М., 1960. С. 159, 160. Печать в СССР в 1960 году. Статматериалы. М., 1961. С. 159, 160.

широко распространена и выписывалась как повседневный источник информации о «больших» и «малых» политических событиях, а также для чтения на досуге. В упоминавшемся колхозе «Молдино» Удомельского района Калининской области во всех населенных пунктах на газеты и журналы подписывалось 88–100% населения. В день колхоз получал пятнадцать наименований прессы, из которых наибольшее количество номеров приходилось на газеты «Ленинец» (районная газета, 152 экз.), «Смена» (152 экз.), «Сельская жизнь» (103 экз.), «Правда» (41 экз.), «Пионерская правда» (42 экз.), «Калининская правда» (37 экз.), «Советская Россия» (35 экз.), «Известия» (32 экз.), «Комсомольская правда» (23 экз.). Правление колхоза получало по подписке свыше 60 наименований общественно-политических, отраслевых и литературно-художественных журналов. То же наблюдалось в передовых колхозах Бежецкого, Краснохолмского и других районов области¹.

Таким образом, в целом за 1946—начало 1960-х годов власти, увеличив в полтора раза разовый тираж областной и районной прессы в Брянской, Калужской и Смоленской областях², в то же время многократно нарастили объемы издания республиканских и общесоюзных газет, что свидетельствует о безусловном приоритете развития центральной прессы и целенаправленном ограничении тиражей областной и районной как хронически отстающих от политической конъюнктуры. «Оттепель» закрепила эту сформировавшуюся еще в сталинские годы тенденцию. Центральная, областная и районная газеты были для сельского населения, в первую очередь, доступным и точным повседневным источником политической информации, хотя степень доступности зависела от места жительства читательской аудитории: наиболее востребованные газеты село получало по урезанному лимиту. Наиболее доступная областная и районная пресса, с одной стороны, вызывала интерес особой актуальностью публикуемой информации, а с другой, смещалась вниз читательской шкалы достоверности и авторитета, как и находящаяся на виду местная власть, выступавшая заказчиком ее публикаций.

---

¹ Опыт историко-социологического изучения села «Молдино» / под ред. В. Г. Карпова. М., 1968. С. 387–388. *Анохина Л. А., Шмелева М. Н.* Указ. соч. С. 322.

² Подсчитано: ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 10. Д. 221. Л. 7, 28, 61. Печать в СССР в 1961 году. Статматериалы. М., 1962. С. 86, 87, 88.

9.4. Кинофикация и кинообслуживание

Глава 9
УЧРЕЖДЕНИЯ
КУЛЬТУРЫ
ЗАПАДНОРУССКОЙ
ДЕРЕВНИ
И КРЕСТЬЯНСТВО
В 1945 — НАЧАЛЕ
1960-х ГОДОВ

Система кинообслуживания сельского населения сформировалась еще в довоенные годы. Во время культурной революции, коллективизации и в последние предвоенные годы кино отводилась важная роль по вытеснению традиционных ценностей и формированию «нового» человека. В то же время доходы от кино были важной статьёй государственного бюджета, что порождало в кинопрокатной деятельности постоянное противоречие между пропагандистской, «культурно-просветительской» и «фискальной» функциями кинообслуживания, особенно заметное на местном и сельском уровнях. Организация кинообслуживания сельского населения была трехуровневой и включала стационарные кинотеатры в районных центрах, сельские и колхозные стационарные кинотеатры и сельские передвижные киноустановки — кинопередвижки, на которые приходилась основная нагрузка по демонстрации кино живущему в тысячах деревень населению. На селе также действовали профсоюзные и ведомственные киноустановки.

Во второй половине 1940-х — начале 1950-х годов в западнорусской деревне кино демонстрировалось в небольшом числе наиболее крупных сельских населенных пунктов, расположенных в «коммерчески привлекательных» для механиков кинопередвижек точках маршрутов и с крайне невысоким качеством демонстрации. Малое количество киноустановок, охват ими жителей наиболее крупных населенных пунктов, нехватка элементарно приспособленных для демонстрации кино помещений, высокая степень износа оборудования и киноплёнки, недостаток транспорта были основными причинами малого количества киносеансов на селе. В Калужской области из 3 494 сельских населенных пункта кинофильмы демонстрировались в 1 261. «Сельские клубы, избы-читальни и другие помещения, где осуществляется кинопоказ, для работы в зимних условиях не подготовлены. Свыше 400 клубов и изб-читален не обеспечены на зиму топливом и не отремонтированы...», — информировал заместителя председателя Совета Министров РСФСР Т. М. Зуеву министр кинематографии РСФСР Г. И. Шашков¹. Участники совещания в Управлении пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) (сентябрь 1947 года) иронизировали по поводу низкого качества демонстрации фильмов в провинции и преобладании при этом коммерческого

¹ ГАРФ. Ф. А-495. Оп. 1. Д. 70. Л. 117.

интереса над «культурно-политическим»¹. В январе 1951 года редакция газеты «Комсомольская правда» переслала Калужскому ОК ВЛКСМ письмо комсомольца В. К. Касаткина, побывавшего в отпуске в родном Чаусовском сельсовете Высокининского района и наблюдавшего работу сельского клуба: «Кинокартины проводятся так, что приходишь в ужас. Начинают ставить кинокартину, и она длится в течение нескольких дней, и если нужно посмотреть ее сразу, то для этого требуется ходить в течение трех дней, чтобы узнать, чем кончился фильм, а то и еще хуже: начнут, а когда оборвется (кинолента. — *Авт.*), то совсем закрывают и уж больше эту кинокартину не показывают... когда молодежь и труженики сельского поля собрались на торжественную часть 6 ноября, в такой знаменитый праздник советского народа, то кинокартину вообще почти не показали. А когда масса спросила, почему так, то киномеханик ответил: "хотите смотреть — могу показать без звука..."»². Даже после введения в 1949–1952 годах нового порядка работы киноустановок в сельской местности с премиями киномеханикам за перевыполнение плана доходов от киносеансов³, стимулировавшего к более полному охвату аудитории, многие работники сельской кинофикации продолжали работать по старинке, без учета плана маршрута и заранее утвержденного графика киносеансов⁴. И все же, несмотря на частое отсутствие элементарных условий, кино на селе пользовалось большой популярностью. Планы по количеству зрителей на организованных для сельского населения киносеансах выполнялись на 80–90%⁵. Об огромной популярности кино говорят и письма людей во власть.

Важными показателями, позволяющими представить степень доступности кино в сельской местности в 1945-м — начале 1950-х годов, также могут служить количество киносеансов, приходящихся в год в среднем на одного сельского жителя, и количество сельского населения в расчете на одну киноустановку. В 1948 году на селе

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 493. Л. 52.

² ГАДНИКО. Ф. 2264. Оп. 8. Д. 9. Л. 10, 10 об.

³ Кремлевский кинотеатр. 1928–1953: Документы. М., 2005. С. 280, 281.

⁴ *Кометчиков И. В.* Кино в культуре повседневного досуга деревни Центрального Нечерноземья РСФСР середины 1940-х — начала 1960-х гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 1 (39). Часть 2. С. 91.

⁵ ГАРФ. Ф. А-495. Оп. 1. Д. 82. Л. 262. Д. 90. Л. 131. Д. 91. Л. 20, 119, 175, 201. Д. 100. Л. 119, 120. Д. 111. Л. 3, 4, 5, 102.

Брянской области насчитывалось 88 киноустановок, на каждую из которых в среднем приходилось 12,1 тыс. сельских жителей, в Смоленской — 113 киноустановок и 8,8 тыс. сельских жителей. Количество киносеансов на одного сельского жителя в то время составляло в среднем 1—1,5 в год. В 1949 году вследствие значительного роста числа сельских киноустановок число сельских жителей на одну киноустановку понизилось, произошел существенный рост посещаемости киносеансов. Однако она все равно оставалась относительно невысокой, составляя в среднем 1,2—2,4 посещения кино в год на одного сельского жителя¹. Для оценки охвата сельского населения демонстрацией кино с 1953 года в государственной отчетности Министерства культуры СССР о наличии, движении и эксплуатации киноустановок был введен показатель обслуживания сельских населенных пунктов (включая и те, что были расположены в радиусе 1—3 км от пункта демонстрации). Согласно ему, в 1953 году количество сельских населенных пунктов, охватывавшихся кинообслуживанием, составляло в Брянской области 83,3%, в Калужской — 48,4%. В первом квартале 1953 года население около 2700 сел и деревень Центрального Нечерноземья не охватывалось кинообслуживанием, во втором квартале — 3320, в третьем — 4149, четвертом — 4312². Однако следует признать, что государство прилагало немалые усилия для увеличения количества киноаппаратуры на селе. Если в 1946 году в Брянской, Калужской и Смоленской областях насчитывалось 161 киноустановка, то в 1949 году только на селе их было уже 651³.

Тяжелые условия жизни и труда, скромный в целом уровень достатка большинства сельских жителей и малый бюджет свободного времени, отсутствие благоустроенной сети дорог, особенности планирования доходности в кинопрокатных организациях накладывали отпечаток на репертуар стационарного сельского кинотеатра и кинопередвижки. Министерства кинематографии СССР и РСФСР, министерства культуры СССР и РСФСР, отдел пропаганды и агитации

¹ Подсчитано: ГАРФ. Ф. А-495. Оп. 1. Д. 100. Л. 1, 2, 119, 120. Д. 111. Л. 78, 79, 102, 103.

² Подсчитано: Там же. Ф. А-501. Оп. 1. Д. 40. Л. 6 об., 54 об. Д. 41. Л. 67 об., 74 об., 81 об., 122 об., 140 об., 144 об. Д. 42. Л. 16 об., 51 об., 86 об., 117 об.

³ Подсчитано: Там же. Ф. А-374. Оп. 30. Д. 3310. Л. 4—4об. Ф. А-495. Оп. 1. Д. 111. Л. 64, 65.

ЦК ВКП(б) постоянно требовали от органов культуры периферии соблюдения идеологически «правильного репертуара», в котором большую часть должны были составлять научно-популярные, пропагандистские и художественные фильмы с обязательным идеологическим подтекстом. Но сельское население воспринимало кино прежде всего как развлечение, способ на время отрешиться от повседневных забот. Министр кинематографии РСФСР Г. И. Шашков докладывал курировавшей в Совете Министров РСФСР сферу культуры Т. М. Зуевой о выполнении Калининским облисполкомом постановления СМ РСФСР от 26 июля 1951 года «О повышении доходов от кино», что в области много недостатков в использовании фильмофонда, а в вопросе репертуарной политики — аполитичность: фильмы, «имевшие важное воспитательное значение», во многих районах не демонстрировались. Так, фильм «Александр Попов», имевшийся в области в количестве 18 копий, за пять месяцев 1951 года был на экранах 40 дней, а 2 654 дня пролежал на полке, так и не дойдя до зрителя восьми районов. Аналогичное положение было с прокатом фильмов «Мусоргский», «Жуковский», «Далеко от Москвы», «Великая сила», «Советская Армения», «Советский Казахстан». Многие ленты сельский зритель мог видеть по нескольку раз. В Удомельском районе Калининской области «вследствие неправильно проводимой репертуарной политики со стороны заведующего отделением конторы Главкинопроката <...> отдельные советские высокохудожественные фильмы, как то: “Клятва”, “Иван Павлов” и другие на экранах киноустановок района совершенно не демонстрировались, в то же время такие кинофильмы, как “Чертово ущелье”, “Пядь земли”, “Мишка — аристократ” и другие на экранах одной и той же киноустановки в 1950 году демонстрировались 2—3 раза...». В Калужской области кинофильм «Клятва» с 1950 по 1952 год был на экранах всего лишь 765 дней, а находился на складе невостребованным 2 397 дней. Копии фильма «Ленин в 1919 году» за это же время демонстрировался в 309 дней, а на складе пробыл 621 день. Имевшиеся в области 18 копий фильма «Кавалер золотой звезды» были на экранах 1068 дней, а на складе провели 1 561 день. Кинофильм «Донецкие шахтеры» посмотрело 6,9% сельских жителей области, а фильм «Правда хорошо, а счастье лучше» — 3,2%¹.

Время от времени власть допускала демонстрацию населению трофейных фильмов. В литературе существует обоснованное мнение

о значительном влиянии зарубежных фильмов и других «трофейных» культурных вещей (джазовая музыка, радиоприемники, позволявшие ее слушать, «трофейная» одежда, обувь, предметы домашнего обихода, автомобили и т.п.), ставших не просто атрибутами западного образа жизни, а одной из главных внешних причин зарождения процессов «оттепели» и размывания «монолитного строя» стилевой системы сталинской эпохи¹. 31 августа 1948 года Политбюро ЦК ВКП(б) санкционировало выпуск на широкий экран страны 25 кинофильмов производства Германии, Италии и Чехословакии второй половины 1930-х — начала 1940-х годов (еще 25 фильмов производства киностудий США было разрешено к закрытому показу), большинство которых являлись музыкальными, историческими или приключенческими. Министр кинематографии СССР И. Большаков обязывался обеспечить в течение 1948—1949 годов чистый доход от их проката не менее 750 млн руб.². Однако во власти и в центре, и на местах, как видно, существовала определенная «борьба мнений» по вопросу необходимости пополнения таким образом бюджета и следования «выдержанному» кинорепертуару. В период уборки урожая в 1952 году на кинопередвижках Мещовского района Калужской области демонстрировались трофейные заграничные фильмы «Тарзан», «Железная маска» и другие. В других районах кинемеханики без ограничений демонстрировали запрещенные для детей кинофильмы «Мадам Бовари», «Восьмой раунд», «На всякого мудреца довольно простоты». В Сухиничском районе «дело подбора репертуара, контроль за его соблюдением [было] отдано кинемеханикам, которые не имели для этого ни знаний, ни политической зрелости и опыта...»³.

Руководству кинопрокатом в первые послевоенные годы так и не удалось сформировать эффективную систему материального поощрения работников, проводивших киносеансы. Низкая оплата труда, постоянная потребность в средствах на текущие расходы во время работы на маршруте и постоянный же сбор наличных денег за билеты формировали богатое поле для нарушений «финансовой дисциплины» и злоупотреблений. Свидетельства этого часто встречались

¹ Брусиловская Л. Б. Культура повседневности эпохи «оттепели»: метаморфозы стиля. Автореферат дис. ... канд. культурологи. М., 2000. С. 4, 8, 11, 12.

² Кремлевский кинотеатр. С. 801–811.

³ ГАДНИКО. Ф. 55. Оп. 8. Д. 1083. Л. 15.

при проверках работы механиков кинопередвижек на селе. С 1 октября 1950 года сельская киносеть была переведена на новый порядок работы: для увеличения валового сбора и количества киносеансов в пунктах демонстрации кинофильмов были установлены должности внештатных уполномоченных кинофикации, в обязанности которых входила реализация билетов, поиск помещений для демонстрации кино и т.д. Как показала проверка, новый порядок работы не улучшил кинообслуживание сельского населения¹. Несмотря на то что только союзное правительство за период с 1948 по 1952 год приняло четыре постановления, содержавшие категорический запрет на бесплатную демонстрацию кинофильмов², было широко распространено бесплатное посещение киносеансов представителями сельской верхушки, которые по своему должностному положению принимали участие в создании условий для работы киностационара или кинопередвижки (предоставляли транспорт для перевозки киноаппаратуры, помещение и топливо для отопления импровизированного кинозала) и поэтому рассчитывали на «контрамарку»³. Таким образом, не приходится говорить о значительной доступности кино широкой сельской аудитории в первые послевоенные годы. Регулярные киносеансы чаще всего были приметой крупных населенных пунктов, а также официальных праздников и торжеств.

Середина 1950-х годов становится рубежной датой в развитии кинообслуживания сельского населения. Только с 1956 по 1959 год число киноустановок на селе Центрального Нечерноземья возросло на 1475 (более 25%), в том числе в Брянской — на 41%, в Калужской — на 55,7%, в Смоленской — в 2,5 раза⁴, что явилось одной из составляющих своеобразного «культурного скачка» — резкого увеличения в середине 1950-х годов количества технических средств и распространителей официальной культуры на селе. Другим важным фактором, повлиявшим на повышение количества киносеансов, стали изменения в законодательстве, регулирующем организацию и финансирование сельского кинопроката. 9 апреля 1954 года в среднем на 18% были снижены цены на билеты в кино.

¹ ГАРФ. Ф. А-495. Оп. 1. Д. 60. Л. 101–102.

² *Кометчиков И. В.* Кино в культуре повседневного досуга. С. 93.

³ ГАДНИКО. Ф. 55. Оп. 9. Д. 1083. Л. 17–18. ГАРФ. Ф. А-495. Оп. 1. Д. 70. Л. 52, 72, 96. Д. 83. Л. 10.

⁴ ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 30. Д. 9618. Л. 23–25. Оп. 31. Д. 1833. Л. 8–10.

В сельских райцентрах и на селе они стали стоить от 50 коп. (сеансы для детей) до 3 руб. 50 коп. Район был заинтересован в увеличении выручки от продажи билетов, так как 10% суммы сбора поступало в его бюджет¹. Вскоре после создания союзного ведомства культуры (1954 год) произошло подчинение государственных киноустановок в государственных клубах руководителям этих учреждений (ранее они подчинялись районному отделу кинофикации), а отдел культуры РИКа получил ряд важных хозрасчетных прав². Порядок премирования за перевыполнение плана выручки от киносеансов, введенный в 1949 году и первоначально касавшийся только работников сельской киносети, был распространен на работников отделов культуры райисполкомов и культурно-просветительных учреждений. 40% чистой прибыли от сверхплановых поступлений по сельским киноустановкам шло колхозу, совхозу, МТС, сельскому клубу, школе и другим организациям, предоставившим помещение для киносеанса, а также на премирование лиц, способствовавших перевыполнению плана кинопроката, 45% — на премии работникам стационарных киноустановок и кинопередвижек, 10% — на премии работникам районных отделов культуры. Размеры премий не ограничивались определенным процентом от окладов работников и должны были выплачиваться полностью из чистой прибыли от сверхплановых киносеансов³. С одной стороны, подчинение сельского кинопроката руководству культпросветучреждений и отделам культуры, усиление в нем «хозрасчетных» отношений заинтересовывало киномехаников и заведующих учреждениями культуры увеличивать число киносеансов, с другой — вытесняло из повседневной работы клубов такие более трудоемкие и менее выгодные для заведующих формы работы с населением, как «вечера вопросов и ответов», организация выставок, докладов и т.п. Киносеансы оставляли для них все меньше и меньше времени.

В результате роста числа киноустановок и изменения законодательства, регламентирующего кинопрокат, в Центральном Нечерноземье к середине 1950-х годов, согласно официальной статистике, кинофикация охватила почти все сельские населенные пункты. В 1954 году в Калужской области кино демонстрировалось жителям всех сел и деревень, в Брянской области — 76%,

¹ Материалы по культурно-просветительной работе. С. 223, 226, 227.

² Там же. С. 123–127, 213–214.

³ Там же. С. 279–280, 281–282, 283, 287.

в Смоленской — 86,4%. К 1956 году ситуация с охватом сельского населения кино перестала быть такой пестрой, как в начале 1950-х годов. В Калужской области этот показатель составлял 94,1%, в Смоленской — 99%, в Брянской области — 79,1%¹. С середины 1950-х годов сельский житель Центрального Нечерноземья начинает посещать кино в среднем один раз в месяц. В 1956 году в Брянской области на одного сельского жителя приходилось 5,7 посещений кино в год, в Смоленской — 8,6, в Калужской области — 10,7². В то же время следует признать, что за этими цифрами подчас скрывалась значительные «мертвые» пространства, не охватывавшиеся маршрутами передвижек и сетью стационарных киноустановок.

Однако увеличение количества киноустановок на селе не сняло проблему качества демонстрации кино, которое во многих случаях продолжало оставаться низким. Вот как виделась организация киносеансов в середине 1950-х годов из зрительного зала сельского кинотеатра. Из колхоза им. Ленина Мосальского района Калужской области писали в редакцию областной газеты «Знамя» в декабре 1954 года: «Кинокартину или художественную самодеятельность можно увидеть только во сне. Мы уже забыли, что такое советские фильмы, тогда как с кинофильмов мы можем учиться, как живут и работают наши труженики. Ведь у нас имеются художественные, научные, документальные фильмы, для нас они очень далеко и будет большой диковинкой, если в колхоз привезут в кино...»³. Из колхоза «Новый быт» Афанасовского сельсовета Малоярославецкого района Калужской области в редакцию журнала «Крокодил» сообщали о проведении киносеансов в колхозе: «Кинокартина — лучший проводник культуры на селе. А как это проводится? Кино бывает в помещении сельсовета. Тесно, неудобно. Скамейки предназначены для зрителей со стоимостью билета в 2 руб. 50 коп., а дети со стоимостью билета в 1 руб. вынуждены смотреть картину, сидя на полу...»⁴.

Власть пыталась поменять отношение населения к кино как, в первую очередь, к развлечению. В 1954 и 1956 годах был издан ряд приказов министра культуры СССР, обязывающих регулярно организовывать показ научно-популярных, хроникально-документальных

¹ Подсчитано: ГАРФ. Ф. А-501. Оп. 1. Д. 402. Л. 50 об., 73 об., 146 об. Д. 1189. Л. 73 об., 114 об. Д. 1190. Л. 65 об.

² Подсчитано: ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 30. Д. 9618. Л. 26, 27.

³ ГАДНИКО. Ф. 27. Оп. 38. Д. 62. Л. 8.

⁴ Там же. Ф. 25. Оп. 23. Д. 13. Л. 83.

и учебных кинофильмов, демонстрировать их на селе сверх репертуара художественного кино, а также на льготных условиях¹.

В конце 1950-х — начале 1960-х годов происходит еще один скачок доступности кино как способа проведения досуга сельского населения, обусловленный значительным увеличением количества киноустановок. Только с 1958 по 1965 год их число на селе Центрального Нечерноземья возросло с 6 883 до 14 423, т.е. более чем в 2 раза (в Брянской области — в 3,3 раза, в Калужской — в 2,7 раза, в Смоленской области — в 3,1 раза)². В результате существенно увеличилось и число киносеансов, и их посещаемость. В 1958 году в Брянской области на одного сельского жителя в среднем в год приходилось 6,6 посещений кино, в Смоленской области — 7,5, в Калужской — 10,4. В 1959 году в Брянской области на каждого сельского жителя приходилось по 7 посещений кино, в Калужской — 12, в Смоленской области — 10³. Почти полный охват сельских населенных пунктов киносеансами в большинстве областей Центрального Нечерноземья был достигнут к 1960 году. Лишь в Брянской области в кино могли регулярно видеть в 77,7% сел и деревень, а в Калужской области — в 94,4%, в Смоленской — 89,1%⁴. В передовом Бежецком районе Калининской области, согласно данным этнографического обследования, в 1960 году действовало шесть стационарных киноустановок и 22 кинопередвижки, обслуживавших 64 населенных пункта. В Весьегонском районе на 13 киностационаров и 10 передвижек приходилось 48 населенных пунктов. В деревнях и селах, обслуживавшихся кинопередвижкой, кино в среднем демонстрировалось 8–9 раз в месяц, стационаром — 18–20 раз. Кино в основном посещала молодежь (от одного до 2–3 раз в неделю), ощутимо реже — пожилые колхозники⁵.

Однако успехи кинофикации сельской местности, достигнутые к концу 1950-х годов, весьма сдержанно оценивали деятели советского

¹ *Кометчиков И. В.* Кино в культуре повседневного досуга. С. 94.

² Подсчитано: ГАРФ. Ф. А374. Оп. 31. Д. 1833. Л. 5–6, 8–10. Народное хозяйство РСФСР в 1964 году. Статистический ежегодник. М., 1965. С. 465.

³ Подсчитано: ГАРФ. Ф. А374. Оп. 31. Д. 1833. Л. 5, 6. Ф. А501. Оп. 1. Д. 3032. Л. 162^{«в»}, 162^{«г»}.

⁴ Подсчитано: там же. Ф. А501. Оп. 1. Д. 3052. Л. 117 об., 126 об., 153 об., 177 об., 185 об., 222 об., 177 об. Д. 3053. Л. 32 об., 75 об., 115 об., 148 об., 173 об.

⁵ *Анохина Л. А., Шмелева М. Н.* Указ. соч. С. 320–321.

кино. Председатель Оргкомитета союза работников кинематографии СССР, известный советский кинорежиссер И. А. Пырьев направил в феврале 1959 года в ЦК КПСС записку, озаглавленную «О задачах в области кинофикации и кинопроката». В ней он информировал о неблагополучии в кинофикации страны и ратовал за придание демонстрации кинофильмов размаха, каким она обладала на Западе. Причину неудовлетворительного состояния кинообслуживания Пырьев видел в повсеместном строительстве не только в сельской местности, но и в городах малогабаритных кинотеатров с небольшим количеством зрительских мест, которые невозможно было реконструировать для демонстрации кино на широкоформатном экране, считавшемся в середине 1950-х годов «наиболее прогрессивным видом кинозрелища». Острая нехватка зрительских мест в кинотеатрах городов страны вызывала, по его мнению, «острый голод на кинозрелища», а охват кинообслуживанием потенциального зрителя составлял всего 20%. Чтобы удовлетворить зрительский спрос и повысить доходность, администрация кинотеатров в 1950-е годы шла на сокращение продолжительности киносеансов и увеличение их количества в течение одного рабочего дня, в результате чего средняя продолжительность киносеансов с СССР была одной из самых малых в мире — 1,5 часа (в лучших современных кинотеатрах тех лет она составляла 3 часа, а в дешевых — еще выше). Эти выводы подтверждаются данными обследований состояния кинофикации сельских районов.

Тем не менее, к началу 1960-х годов демонстрация кино на селе из атрибута официальных праздничных мероприятий и досуга жителей крупных населенных пунктов, каким она была во второй половине 1940-х — начале 1950-х годов, становится одним из самых распространенных и доступных повседневных развлечений, организованных властью. Государству, делавшему ставку на развитие унифицированных трансляций ценностей официальной культуры, впервые удалось добиться столь широкого распространения кино. Однако если для власти оно было, прежде всего, одним из проводников идеологии, то население воспринимало кинофильмы, в первую очередь, как способ проведения досуга. Государственный кинопрокат не мог игнорировать это, полагаясь только на финансовый и репертуарный план. Рост числа киноустановок, киносеансов на селе в середине 1940-х — начале 1960-х годов являлся не только частью политики стандартизации и унификации досуга жителей деревни по городскому образцу, но и свидетельствовал об отклике на нее населения, отвечавшего повышенным спросом на кинозрелища.

9.5. Радиофикация и радиовещание

Глава 9
УЧРЕЖДЕНИЯ
КУЛЬТУРЫ
ЗАПАДНОРУССКОЙ
ДЕРЕВНИ
И КРЕСТЬЯНСТВО
В 1945 — НАЧАЛЕ
1960-х ГОДОВ

Система радиовещания, основу которой составляла проводное радио, начала формироваться в 1930-е годы как система трансляции политической информации и оповещения населения. Приоритетное развитие сетей проводного вещания при радиофикации сельской местности сохранялась и дальнейшем: дополнительным стимулом для этого стало активное развитие антисоветского вещания на территорию СССР из-за рубежа. Большой урон радиовещанию, особенно местному, нанесла война. На территориях, где велись боевые действия, была практически полностью уничтожена инфраструктура проводного радиовещания. Знаком постепенного перехода к мирной жизни стало ее восстановление и возвращение изъятых в начале войны эфирных радиоприемников индивидуального пользования¹.

Задачу радиофикации села в послевоенные годы решали несколько министерств и ведомств, из которых министерство связи СССР занималось радиофикацией райцентров. Радиофикацию сельской местности также проводили органы министерства сельского хозяйства СССР, министерства совхозов СССР, ВЦСПС, Всесоюзного комитета по радиоинформации и радиовещанию, колхозы. Такое положение создавало путаницу и «мертвые пространства», за радиофикацию которых никто не отвечал. Абонентскую плату за пользование эфирными радиоприемниками взимал Всесоюзный радиокомитет, плату за пользование проводными трансляционными радиоточками — министерство связи СССР или то ведомство, которому принадлежал радиоузел, обслуживавший радиотрансляционную точку². По официальным оценкам, вследствие «беспризорного состояния» радиофикации деревни в первые послевоенные годы ежегодный прирост радиоточек составлял всего 150—200 тысяч. Полная радиофикация такими темпами считалась возможной не ранее, чем через 50 лет³. На сдерживание радиофикации села оказывал влияние уровень абонентской платы за пользование радиоточками. Если в довоенные годы она составляла 4 рубля в месяц, то в начале 1950-х годов — 10 рублей, причем обладатели проводных трансляционных точек платили в три раза больше. Владельцы эфирных приемников к тому же имели возможность выбора радиопрограмм

¹ «Великая книга дня...». Радио в СССР. Документы и материалы / сост. Т. М. Горяева. М., 2007. С. 983.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 254. Л. 124.

³ Там же. Л. 122–123, 124.

(с 1 апреля 1953 года абонентская плата была снижена)¹. В результате к 1949 году по уровню радиофикации СССР занимал одно из последних мест в мире: в США один радиоприемник приходился на 2 человека населения, в Англии — на 5 человек, в Дании — на 4, в Австрии — на 7, в Германии — на 6, в Аргентине — на 10, в СССР — на 25–28 человек².

При отсутствии ресурсов в короткие сроки провести сплошную радиофикацию деревни власть стремилась в первую очередь оснастить радио ее наиболее людные места: помещения сельсоветов, правлений колхозов, сельских клубов и изб-читален, установить уличные репродукторы. В 1946 году в Калужской области было радиофицировано 15,6 % сельсоветов, в Брянской — 34,7, в Смоленской области — 45,5 %, причем основная масса — эфирными радиоприемниками. Количество эфирных радиоприемников на 100 человек сельского населения в 1946 году в Брянской области составляло 0,01, в Калужской — 0,025, в Смоленской области — 0,01³. В конце 1949 года в Брянской области на одну радиоточку и эфирный радиоприемник приходилось 34 сельских жителя, в Калужской области — 19,4, в Смоленской — 35,5⁴. Радиофикация сельсоветов завершается к началу 1950-х годов⁵. Ниже был уровень радиофикации колхозов. В 1951 году в Брянской области было радиофицировано 100 % сельхозартелей, в Калужской — 77 %, в Смоленской области — 83,3 %⁶. Тогда же достигается максимум радиофикации клубных учреждений села в 1945–1953 годах.

Сельское население считало радио «культурной вещью» и, как правило, откликалось на усилия власти по радиофикации населенных пунктов, которые нередко велись параллельно со строительными и восстановительными работами⁷. Несмотря на динамичный рост числа трансляционных точек и радиоприемников (за 1945–1953 годы

¹ Кабанов П. И. Указ. соч. С. 110. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 490. Л. 1.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 254. Л. 122.

³ Подсчитано: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 11. Д. 2393. Л. 91. ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 11. Д. 416. Л. 34, 35.

⁴ Подсчитано: там же. Д. 3350. Л. 27, 86. Д. 3746. Л. 107.

⁵ Подсчитано: там же. Д. 3022. Л. 50. Д. 4445. Л. 132–133.

⁶ Подсчитано: там же. Д. 4102. Л. 113–114.

⁷ Кометчиков И. В. Радио в буднях села Центрального Нечерноземья середины 1940-х — начала 1950-х гг.: доступное и недоступное // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 1 (39). Ч. 1. С. 111.

их количество в брянской, калужской и смоленской деревне увеличилось с 2614 до 56 001)¹, радио к концу сталинской эпохи не стало привычным в жилищах сельского населения. К концу 1952 года в Брянской области было радиофицировано лишь 6% колхозных дворов, в Калужской — 11,1%, в Смоленской — 6,8%².

Чтобы полнее представить степень доступности радио на селе, следует кратко охарактеризовать организацию радиовещания в послевоенные годы и политику в отношении регионального и районного вещания. Система государственного радиовещания в РСФСР была трехуровневой. Центральное радиовещание организовывал Всесоюзный комитет по радиоинформации и радиовещанию при Совете Министров СССР, региональное — его областные, краевые и республиканские управления, местное — редакции городского и районного радиовещания. Несколько обособленным было внутриколхозное радиовещание, использовавшееся для передачи внутриколхозной информации. Разработанная в 1951 году межведомственная инструкция по эксплуатации и содержанию радиотрансляционных узлов в колхозах допускала его функционирование, только если оно «обеспечивалось политически»³. В силу неразвитости технической инфраструктуры, а также из-за отсутствия в глубинке достаточного количества людей, ориентирующихся в официальном дискурсе, организация местного радиовещания могла стать «политически опасным» для любого ведомства. В ведомственных интересах следует искать причины, по которым верхи настойчиво проводили курс на свертывание местного радиовещания. Одновременно с восстановлением инфраструктуры радио и радиофикацией общественных учреждений деревни власти всерьез задумались над вопросом организации и содержания местной радиопропаганды, что вполне вписывалось в начавшуюся в 1946 году кампанию по ужесточению идеологической дисциплины и сосредоточению идеологической работы в отделе пропаганды и агитации ЦК ВКП(б). Поиск повышения эффективности использования радио выявил решимость центра пожертвовать частью подконтрольных региональным партийным органам редакций районного радиовещания в интересах унификации радиопропаганды.

Стимулом к более интенсивному использованию инфраструктуры проводного радиовещания стало сокращение тиражей районных

¹ Подсчитано: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 11. Д. 2106. Л. 29. Д. 4443. Л. 83, 104.

² Подсчитано: Там же. Д. 4443. Л. 111.

³ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 16. Д. 740. Л. 126.

газет в годы войны. 3 июня 1943 года постановлением «О местном районном радиовещании» ЦК ВКП(б) обязал местные партийные органы организовать передачу по телефонным проводам в колхозы и сельсоветы свежего номера районной газеты не менее двух-трех раз в неделю, а в дни, когда газета не выходила, передачу политических новостей и материалов о жизни района. Редактирование радиопередач возлагалось на редакторов районных газет, а политический контроль радиовещания — на вторых секретарей райкомов ВКП(б)¹. Согласно постановлению СНК СССР от 15 июня 1943 года № 779, в зависимости от объема вещания (30, 45 или 60 минут в сутки) редакции районного радиовещания были распределены на три группы². На совещании в ЦК ВКП(б) по вопросам пропаганды 18 апреля 1946 года выяснилось, что за годы войны областные управления Всесоюзного радиокомитета были отодвинуты от контроля за содержанием местных радиопередач обкомами и крайкомами ВКП(б). Произошло вытеснение из местного радиоэфира передач центра региональным и районным вещанием. Предложения агитпропа сводились к радикальному сокращению объема местного радиовещания при организации радиоузлов «в каждом районе»³.

При обсуждении реформы местного радиовещания в 1946—1948 годах выявились некоторые разногласия между стремящейся унифицировать радиопропаганду центральной властью и протестующим против урезания штатов редакций районного радиовещания региональным партийным руководством⁴. Ко времени, когда весной 1948 года предложениям агитпропа был дан ход, в Брянской области сеть районного вещания охватывала 13,7% районных центров, в Калужской — 40,3%, в Смоленской — 47,3%. В Брянской области районное радиовещание принималось в 38,2% центрах сельсоветов, 37,2% центральных усадеб МТС, 31,8% усадеб совхозов, 0,72% правлений колхозов, в Смоленской — в 34,3%, 46%, 21,3% и 0,65% соответственно⁵.

В отделе пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), изучив деятельность редакций районного радиовещания, заключили, что

¹ КПСС в резолюциях. Т. 7. С. 413–414.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 470. Л. 98.

³ Там же. Д. 377. Л. 44–45, 47.

⁴ *Кометчиков И. В.* Радио в буднях села. С. 112.

⁵ Подсчитано: ГАРФ. Ф. 6903. Оп. 1. Д. 293. Л. 65, 112. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 11. Д. 3020. Л. 57, 64, 70. Д. 3746. Л. 113.

значительная их часть «не выполняет возложенных на них задач», охватывая лишь небольшую часть населения районного центра¹. Вследствие этого, а также из-за отсутствия политического контроля за работой радио и недостатка журналистских кадров самостоятельные редакции районного радиовещания предлагалось сохранить лишь в городах и районных центрах, имевших не менее тысячи трансляционных радиоточек, а в остальных — ликвидировать, передав их функции редакциям районных газет². 10 сентября 1948 года ЦК ВКП(б) принял постановление, в основном повторявшее эти предложения³. Если на 1 января 1948 года в областях Центрального Нечерноземья действовало 304 редакции районного радиовещания, то на 1 января 1949 года — 151, а к началу 1952 года — 77, причем в Брянской области они действовали в 6,8% районов, в Калужской — в 3,4%. В Смоленской области районного радиовещания не было⁴. Таким образом, партийное руководство весьма скептически относилось к политическому информированию населения большинством редакций районного радиовещания.

Поскольку техническая инфраструктура центрального и областного вещания была разделена между министерством связи СССР, Всесоюзным радиокомитетом и Комитетом по делам искусств⁵, на местах были частыми сбои в графике вещания, означавшие недоступность для сельской аудитории части радиопрограмм центрального или областного вещания. Нарушалась введенная в довоенные годы практика составления расписания центрального радиовещания на осенне-зимний и весенне-летний период, что давало возможность учитывать сезонные колебания слушаемости радиопрограмм. Действовавшая в конце 1940-х годов сетка программ центрального радиовещания была разработана в 1946 году. Однако после этого время трансляций неоднократно менялось без учета их слушаемости, в результате чего многие радиопередачи из центра накладывались на программы местного вещания и не транслировались⁶.

¹ Подсчитано: ГАРФ. Ф. 6903. Оп. 1. Д. 293. Л. 65, 112. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 11. Д. 3020. Л. 57, 64, 70. Д. 3746. Л. 113.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 340. Л. 40–41.

³ *Кометчиков И. В.* Радио в буднях села. С. 113.

⁴ Подсчитано по: ГАРФ. Ф. 6903. Оп. 1. Д. 293. Л. 52, 54, 61, 64, 65, 71, 87, 97, 105, 112, 122, 133. Оп. 7. Д. 310. Л. 26 и об. Д. 379. Л. 15–17.

⁵ Там же. С. 113–114.

⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 433. Л. 110–112.

Отчеты областных радиокомитетов свидетельствуют, что в послевоенные годы областное радиовещание было малым по продолжительности и подчинялось задачам политической пропаганды. В 1945 году в общем объеме радиовещания, которое велось областными радиокомитетами, политическое вещание составляло от 73 до 91%, причем две трети его объема составляли оригинальные местные радиопередачи, треть — материалы Всесоюзного комитета. Художественное вещание (музыкальное, драматическое и литературное) занимало от 4 до 13% эфирного времени¹. Такая структура эфира сохранялась до конца 1940-х годов, хотя в отдельных регионах возрос объем художественного вещания, занимавшее от 7 до 18% эфира. Третьей составляющей эфира были информации на платной основе (частные объявления). В большинстве областей они не превышали 10—15% эфирного времени². По итогам 1949 года объем суточного радиовещания большинства районных редакций составлял не более 30 минут в сутки, а в некоторых — еще меньше. В 1951 году только в Московской области на одну из 58 редакций районного вещания в среднем приходилось ежедневно более 30 минут эфирного времени, а в остальных областях Центра этот показатель колебался от 15,4 до 28,5 минут³. Осенью 1951 года ЦК ВКП(б) вновь возвращается к вопросу областного и местного вещания. Согласно постановлению от 15 сентября 1951 года, всем комитетам радиоинформации областей Центрального Нечерноземья был установлен объем вещания в 1 час в сутки, Московской области — 1 час 45 минут. На местное вещание постановление отводило 15—20 минут эфирного времени⁴.

Кроме вещания редакций и радиостанций СССР в конце 1940-х — начале 1950-х годов сельскому населению, имевшему подходящие эфирные радиоприемники, были доступны и радиостанции, вещавшие на территорию СССР из-за рубежа («Би-би-си», «Голос Америки» и др.). Партийные пропагандисты неоднократно сетовали на отсутствие со стороны министерства связи СССР «действенных мер по заглушению заграничных радиостанций, из-за чего население западных районов страны слушало «антисоветские передачи»⁵. На 1 января 1953 года в Брянской области приемниками

¹ Подсчитано: ГАРФ. Ф. 6903. Оп. 7. Д. 185. Л. 34 об., 36 об., 38 об.

² Подсчитано: там же. Д. 185. Л. 15, 15 об., 17, 17 об., 24 об., 26. Д. 310. Л. 2, 2 об., 6.

³ Подсчитано: там же. Д. 310. Л. 26. Д. 379. Л. 11, 12, 13.

⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 490. Л. 28–29. Д. 492. Л. 24, 27.

⁵ Там же. Д. 470. Л. 41.

было радиофицировано 1,25% колхозных дворов, имевших радио, в Калужской — 4,5%, в Смоленской — 3,1%, причем на селе технически более совершенные ламповые приемники преобладали над детекторными¹. Крестьянство не только слушало «антисоветские» радиопередачи, но и обсуждало услышанное между собой. Так, в 1949 году два жителя д. Демьянково Монастырщинского района Смоленской области были уличены в том, что, имея радиоприемник, регулярно слушали «антисоветские» радиопередачи и пересказывали их содержание односельчанам. Один из них «ожидая скорого начала войны с Америкой» и якобы говорил про своего родственника: «Мы у него собираемся каждый вечер, Трофим поставил радио и теперь у нас новости каждый день, наши газеты никогда не пишут правды и, только слушая Америку, можно узнать правду». Родственник владельца радиоприемника якобы вел среди односельчан «антисоветскую агитацию», заявляя, что «надо вооружаться и разогнать колхозы, уничтожать их, иначе пропадем», «восхвалял настоящую демократию в Америке» и призывал создать для борьбы против советской власти повстанческую организацию «Крестьянский союз», к которой потом «присоединится население». Сам хозяин радиоприемника на допросах рассказал, что «антисоветские убеждения» возникли у него еще при организации колхоза в д. Демьянково в 1930 году. Проработав год кузнецом в колхозе, он из него вышел, так как «не понравился коллективный труд» и «болезненно воспринимал потерю частной собственности». «Антисоветские убеждения» усилились после того, как летом 1948 года был приобретен радиоприемник «Родина», при помощи которого он слушал передачи радиостанций «Голос Америки» и «Би-би-си», воспринимая их как «истину, совпадающую с его собственными антисоветскими убеждениями». В день Пасхи 1949 года в его доме собралось несколько пожилых граждан села, которые, слушая по радио трансляцию заграничной радиостанцией церковного богослужения, стали молиться Богу. В начале марта 1950 года оба «радиолюбителя» были осуждены Военным трибуналом войск МВД по Смоленской области на 25 лет лишения свободы каждый с конфискацией имущества². Передачи радиостанций «Голос Америки» и «Освобождение» регулярно прослушивались и обсуждались персоналом многих участков Калининской

¹ Подсчитано: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 11. Д. 4443. Л. 111.

² ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 1085. Л. 87, 88, 90, 91–92, 93. Д. 1086. Л. 12.

железной дороги на территории Калининской и Смоленской областей, в том числе и членами КПСС¹. На пленуме Калужского обкома ВКП(б) (январь 1952 г.), посвященном «массово-политической работе» партийных организаций области, вопрос о том, кто слушает «антисоветские» радиопередачи, вызвал спор членов бюро обкома — редактора областной газеты и прокурора области. Редактор утверждал, что «Голос Америки» долетает до «отдаленных уголков области» и «находит слушателей», а прокурор возражал ему в том смысле, что его слушают только «антисоветчики», а другие, «если кто случайно попадает на эту волну, то сразу же выключают приемник». Точку в споре поставил первый секретарь обкома ВКП(б), заявивший о «неправоте» обоих своих коллег. По его мнению, «Голос Америки» не имел «большого круга слушателей из широких масс», однако его слушают не только «антисоветчики», а «определенный круг советских людей», которые «плохо разбираются в политике, незрелые люди в этом. Услышав “Голос Америки”, они иногда выносят американские бредни и клевету на обсуждение среди населения, а мы плохо разоблачаем эти вещи»².

Рубежом, от которого ведет свое начало массовая радиофикация сельской местности (если понимать под этим радиофикацию жилищ колхозников), стало постановление ЦК КПСС и СМ СССР от 5 мая 1954 года о сплошной радиофикации сел страны с 1954 по 1960 год³. К этому времени охват колхозных дворов областей Центрального Нечерноземья радио представлял собой довольно пеструю картину. В Брянской, Калужской и Смоленской областях к концу 1954 года количество радиофицированных дворов не превышало 20%, но уже в 1956 году — 38,6, 41,2 и 37,0% соответственно. Всего же в этих регионах с 1953 по 1956 год количество трансляционных точек и радиоприемников на селе увеличилось почти в 4,4 раза⁴. В 1954—1955 годах подошла к завершению радиофикация сельских населенных пунктов и правлений колхозов⁵. К 1960 году в Центральном Нечерно-

¹ ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 1778. Л. 238–239.

² ГАДНИКО. Ф. 55. Оп. 8. Д. 953. Л. 174, 179, 209.

³ РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 15. Д. 36. Л. 44.

⁴ Подсчитано: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 11. Д. 4443. Л. 83, 104. Д. 5015. Л. 67, 68. Д. 5591. Л. 77.

⁵ *Кометчиков И. В.* Радиофикация села Центрального Нечерноземья в 1953 — начале 1960-х гг.: политика и культура повседневного досуга // Вестник Брянского государственного университета. 2015. № 2. С. 165.

земье не было ни одной области, где уровень радиофикации колхозных дворов был бы ниже 70%, в том числе в Брянской области их насчитывалось 72,7%, в Калужской — 73,4, в Смоленской — 75,6%¹. Если в 1956 году на каждые сто человек сельского населения в Брянской области приходилось 0,6 эфирных радиоприемников, в Калужской — 3,2, в Смоленской — 3, то в 1960 году в Брянской области их было 1, в Калужской — 2,2, в Смоленской — 4,1². Правительство стимулировало распространение теле- и радиоприемников отменой с 1 января 1962 года их регистрации на предприятиях связи и абонементной платы за пользование зарегистрированными до 1 января 1959 года, а также ограничением тремя годами срока взимания абонентской платы с владельцев приемников, зарегистрированных с 1 января 1959 по 1 января 1962 года³. Однако бывало и так, что в конкретном селе, колхозе, совхозе, МТС радиофикации приходилось преодолевать много препятствий. Часто она не входила в число приоритетов местного руководства, сдерживалась недофинансированием, отсутствием запчастей и питания для радиоприемников, проволоки для радиолиний, нехваткой специалистов для ремонта и эксплуатации радиоузлов⁴. И все же успехи радиофикации делают конец 1950-х — начало 1960-х годов временем, когда радио становится одним из наиболее распространенных средств трансляции официальной информации и проведения повседневного досуга, оказывая влияние, по мнению авторов этнографических обзоров, «и на самую старшую возрастную группу».

При этом сплошную радиофикацию села Центрального Нечерноземья в эпоху Хрущева можно рассматривать как грань определившегося еще в сталинскую эпоху стремления к увеличению трансляций идеологически унифицированной информации. Ради ее «чистоты» центральная власть продолжала сдерживать рост тиражей местной прессы, свертывала районное и урезала колхозное и совхозное радиовещание. К ноябрю 1955 года в стране насчитывалось всего 208 городских и районных редакций радиовещания, а Главное управление радиоинойформации министерства культуры СССР

¹ Подсчитано: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 11. Д. 5947. Л. 122, 123. Д. 6296. Л. 112.

² Подсчитано: Там же. Д. 5591. Л. 77. Д. 6296. Л. 112.

³ Справочник партийного работника. Вып. 4. С. 370.

⁴ ГАДНИКО. Ф. 28. Оп. 35. Д. 9. Л. 107, 108. РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 10. Д. 67. Л. 18, 34.

готовилось прекратить местные радиопередачи еще в 96 районах и городах¹. Жесткая опека за содержанием радиоинформации устанавливалась и в отношении колхозного и совхозного радиовещания. 30 декабря 1955 года секретарь ЦК КП Казахстана Л. И. Брежнев на Всесоюзном совещании по вопросам сельского хозяйства посетовал на то, что Министерство связи СССР запретило передачу внутриколхозной информации через колхозные трансляционные узлы. Отдел пропаганды и агитации ЦК КПСС, «отрабатывая» вопрос Брежнева, обязал министерство культуры и министерство связи СССР санкционировать использование в этих целях колхозных радиоузлов, но «при условии выделения РК КПСС лиц, ответственных за подготовку и содержание такой информации»².

Стремясь устранить неразвитость технической инфраструктуры радиовещания в СССР, власть в 1950-е — начале 1960-х годов регулярно пыталась ликвидировать «узкие» места в радиофикации и радиовещании. А их было немало. По свидетельству председателя Главного управления радиоинформации министерства культуры СССР А. А. Пузина, для уверенного приема радиотрансляций заседаний XX съезда КПСС пришлось организовать их передачу в 50 городов страны по проводам, так как у радистов не было уверенности в их передаче по эфиру. Из трех программ центрального радиовещания в середине 1950-х годов передачи второй велись с 14.00, а 3-й — с 19.20. Утром и днем можно было слушать только одну радиопрограмму — первую (основную), однако даже в областях центра РСФСР в эти часы она могла приниматься с помехами³.

Бурная радиофикация побуждала власти совершенствовать не только систему трансляции, но и наращивать объем и разнообразие радиопрограмм. В начале 1961 года из одиннадцати областей Центрального Нечерноземья в Московской области объем областного вещания составлял 2 часа в сутки, в Брянской — 3 часа. В остальных областях суточный объем областного вещания не превышал одного часа⁴. Для исправления положения только в 1960–1961 годах ЦК КПСС, Совет Министров СССР и Совет Министров РСФСР приняли по вопросам радиовещания и телевидения восемь постановлений. С точки зрения развития содержания радиовещания они явились шагом

¹ «Великая книга дня...». С. 134–135.

² РГАНИ. Ф. 5. Оп. 16. Д. 740. Л. 127–128.

³ «Великая книга дня...». С. 137, 140.

⁴ РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 15. Д. 94. Л. 6–7.

к еще большей идеологизации радиопередач, возрастанию удельного веса и дифференциации политической информации и пропаганды¹. В результате завершения сплошной радиофикации была создана сеть проводного вещания, в значительной мере закрытая от проникновения извне и почти безальтернативная с точки зрения выбора радиостанции, вызывавшая удивление у посещавших СССР иностранцев².

Входя в повседневность все большего числа сельских жителей, радио не только расширяло возможности государства по информационному охвату аудитории, но одновременно создало сложно контролируемые бреши для приема зарубежных передач. Общий объем антисоветского радиовещания в середине 1950-х — начале 1960-х годов составлял около 50 часов в сутки. Только радиостанция «Голос Америки» передавала ежедневно 16,5 часов программ для СССР, в том числе 8 часов — на русском языке³. Возможность слушать их давали советские радиоприемники с коротковолновым диапазоном. В середине 1950-х годов их насчитывалось около 5 млн, а к началу 1960-х годов стало в 4–6 раз больше⁴. На селе Центрального Нечерноземья к 1961 году число эфирных радиоприемников составляло 23% всех радиоточек, в Брянской области они составляли 5,8% радиоточек, в Калужской — 11,9, в Смоленской — 21,3%⁵. Но и приобретение радиоприемника, не имевшего коротковолнового диапазона, не являлось препятствием для приема «заграницы». Широкий размах получила кустарная переделка бытовых радиоприемников: за 200–300 рублей радиолюбители встраивали в них устройства, позволявшие принимать только зарубежные передачи. В Москве у ГУМа и других магазинов к покупателям эфирных радиоприемников обращались «лица без определенных занятий с предложением встроить в приемник дополнительный коротковолновый диапазон»⁶. ЦК КПСС издал постановление «Об ответственности за незаконное изготовление и использование радиопередающих устройств» (1960 г.). Форсированными темпами наращивались мощности глушения антисоветских радиостанций, «забивавшие» 40–60% их передач⁷.

¹ Кометчиков И. В. Радиофикация села. С. 166.

² Там же.

³ Пыжиков А. В. Политические преобразования в СССР. С. 222.

⁴ «Великая книга дня...». С. 138. Крамола. С. 112.

⁵ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 11. Д. 6296. Л. 112.

⁶ Крамола. С. 112.

⁷ Кометчиков И. В. Радиофикация села. С. 167.

«Неправильное» использование радио в зависимости от обстоятельств рассматривалось властью как нарушение общественного порядка (так было воспринято изготовление жителем Перемышля Калужской области радиолы, под «западную музыку» которой танцевала молодежь райцентра¹) или даже как преступление. На железнодорожной станции и в городе Рославле (центре одного из районов Смоленской области) сотрудниками УКГБ была установлена работа незарегистрированных радиопередатчиков, владельцы которых регулярно выходили в эфир, проигрывали патефонные пластинки с записями джазовой музыки и «допускали хулиганские действия». «Передачи» велись в радиусе 15–20 км при помощи приставки с микрофоном к обычному ламповому радиоприемнику. Аппаратура была изъята у пяти местных жителей, самостоятельно ее изготовивших, а сами они привлечены к уголовной ответственности. При этом, как видно, радиопередачи не прекращались: чекисты информировали первого секретаря Смоленского обкома КПСС М. В. Виноградова о продолжении работы по установлению «других лиц, имеющих аналогичные устройства»². В другом районном центре Смоленской области — Ярцево — в конце 1960 года сотрудниками УКГБ были выявлены двое молодых людей, которые устраивали на квартире одного из них «систематические сборища для прослушивания зарубежных антисоветских радиопередач», посещавшиеся молодежью райцентра. Оба молодых человека направили в адрес радиостанции «Свобода» анонимное письмо, в котором писали: «Мы часто слушаем Ваши информации. Передачи слышим очень хорошо, но иногда мешает глушение. Почему глушат Ваши передачи? Да потому, что правительство боится, что народ узнает правду. Часто слушая Ваши беседы, мы узнаем правду о наших соотечественниках, а также о зарубежных видных деятелях. <...> Мы любим джазовую музыку, но наши композиторы мало уделяют времени ей, они целиком ударились в классическую музыку, которая мало понятна простому народу...». Не установив за «радиолюбителями» других «антисоветских проявлений», чекисты ограничились их профилактикой в присутствии родителей³.

Следует отметить, что широкое распространение радио и других средств трансляции в конце 1950-х годов повлияло на ужесточение

¹ *Кометчиков И. В.* Радиофикация села. С. 167.

² ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 3. Д. 1256. Л. 194.

³ Там же. Д. 1077. Л. 180, 181, 182.

контроля за тиражированием грампластинок. До этого определяющим фактором при формировании их репертуарных списков был повышенный спрос населения на музыку западных композиторов и исполнителей. Постановлением ЦК КПСС от 26 июня 1958 года Министерства культуры СССР и союзных республик обязывались составлять «рекомендательные репертуарные списки» записей, ставшие обязательной основой для формирования заказов на них торговых сетей. Контроль за выпуском, распространением и использованием грамзаписей учреждениями культуры возлагался на партийные органы¹.

Огромный интерес на селе вызывало телевидение. Только в 1959—1960 годах в 16 городах страны было организовано двухпрограммное теле вещание. В 1955—1959 годах были введены в действие телецентр в Ярославле и ретрансляционные станции во многих областных центрах Центрального Нечерноземья. Промышленность быстро наращивала выпуск телеприемников и к началу 1960-х годов их число в сельской местности многократно возросло. На селе Московской области к 1960 году насчитывалось 123,7 тыс. телевизоров, что являлось наивысшим показателем в СССР². Быстро росло количество телевизоров и в других регионах. С 1958 по 1960 год их число на селе Брянской области увеличилось с 6 до 338, Калужской — с 492 до 2023, Смоленской — с 8 до 840 и т.д.³. В сельских клубах, красных уголках, общежитиях, на животноводческих фермах у телевизоров собиралось большое количество людей. Телевизоры в области приобретали организации и жители всех районов, даже тех, где телепередачи принимались нерегулярно из-за ограниченного радиуса действия ретрансляционной станции⁴. Телевизор, как и радиоприемник в одном из общественных мест деревни, безусловно, рассматривался как атрибут культурного досуга, конкурировавший по популярности с кино. По этой причине он нередко перекочевывал в дом или рабочий кабинет местного руководства. Из совхоза «Кудиновский» Малоярославецкого района Калужской области в июле 1958 года в редакцию областной газеты «Знамя» писали

¹ Справочник партийного работника. Вып. 2. С. 501–502.

² Подсчитано: РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 15. Д. 94. Л. 12, 13, 14, 176, 177. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 11. Д. 5947. Л. 122. Д. 6296. Л. 112, 113.

³ Подсчитано: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 11. Д. 5947. Л. 122. Д. 6296. Л. 112, 113.

⁴ РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 15. Д. 21. Л. 43.

о том, что совхозной молодежи «заняться нечем», так как в клубе нет никаких развлечений. Имевшийся в нем телевизор директор забрал себе в кабинет. Отвечая редакции, секретарь Малоярославецкого райкома КПСС отметил, что за полгода работы в клубе телевизор «Темп», которым было премированы рабочие одного из отделений совхоза, дважды выходил из строя и после его ремонта директор «временно поставил его у себя»¹.

Таким образом, в результате реализации программы сплошной радиофикации села к началу 1960-х годов радио стало атрибутом повседневного досуга сельского населения в общественных учреждениях и на дому. На селе впервые за годы советской власти была создана плотная инфраструктура трансляции информации с высокой долей единообразия, основу которой составила оберегаемая от проникновений извне и профанаций идеологической доктрины сеть проводного радиовещания. Однако логика сплошной радиофикации, превращавшей радио в средство действительно массового информирования и досуга населения, неизбежно прорывалось за рамки, которое отводило ему государство. Это нашло отражение в восприятии жителями села «оповседневнивания» радио. С одной стороны, оно считалось важным «культурным благом» — «голосом Москвы», а, с другой — выступало альтернативным источником информации и средством проведения неформального досуга.

9.6. Советская праздничная культура и обрядность в западнорусской деревне

К числу институтов массовой культуры села, демонстрировавших немалый прогресс, следует отнести официальные праздники и обряды. Хотя в литературе праздники зачастую рассматриваются обособленно от будней², присущая им ритмичность и постепенное проникновение в сферу частной жизни³ позволяют говорить об определенной рутинности. Кроме того, в послевоенные годы их

¹ ГАДНИКО. Ф. 25. Оп. 33. Д. 8. Л. 150, 152.

² Кром М. М. Повседневность как предмет исторического исследования (вместо предисловия) // История повседневности / отв. ред. М. М. Кром. СПб., 2003. С. 10, 11.

³ Рольф М. Советские массовые праздники / пер. с нем. В. Т. Алтухова. М., 2009. С. 344–345.

распространение и рецепция крестьянством советских праздников напрямую зависели от изменений в институтах массовой культуры, обеспечивавших будничный досуг.

В первые послевоенные годы, когда был достигнут пик внеэкономического изъятия ресурсов деревни, государство почти не уделяло внимания развитию здесь официальной праздничной культуры. В отличие от города деревня почти не знала выходных дней и официальных праздников как «праздного» времени, полностью свободного от труда. Из 19 «всенародных памятных дат и праздников», перечисленных в «Справочнике агитатора» (1949 г.), 12 были установлены в 1930-е — первой половине 1940-х годов и являлись государственными, военными и профессиональными «индустриально-техническими». Прочие были учреждены еще раньше и представляли собой государственные, революционные праздники и дни солидарности¹. Периферийное положение села в установленной властью системе приоритетов подчеркивалось отсутствием в официальном календаре праздников сельской тематики. В сборниках методических материалов для работников сети культпросвета рекомендации по организации «культурного отдыха и развлечений» были отделены от более «серьезных» мероприятий с выраженным политическим подтекстом².

Хотя традицией многих сельских клубов Московской области называлось проведение народных гуляний в дни общегосударственных праздников, а также «Праздников урожая»³, правильнее говорить о «передовом опыте» экономически крепких колхозов, располагавших для этого значительными материальными ресурсами. В абсолютном большинстве сельских районов западных областей РСФСР в 1945—1953 годах такие праздники были редкостью. В районах Калужской области празднование даже таких дней, как 7 Ноября, выборы в Советы или суды, отличалось от отдыха в будни «торжественной частью», состоявшей из доклада на сессии сельсовета, и «художественной частью» — специально подготовленным выступлением творческой самодеятельности в сельском клубе или школе, детским утренником

¹ Культурно-просветительная работа на селе. С. 374–388.

² Там же. С. 306–309.

³ *Кометчиков И. В.* Советские праздники и обряды на селе Центрального Нечерноземья 1945 — начала 1960-х гг.: распространение и рецепция населением // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 2 (40). Часть 2. С. 99.

Центральный вход
на Калужскую обла-
стную сельскохозяй-
ственную выставку.
г. Калуга. 1954 г.
ГАДНИКО.
Ф. П-7607. Оп. 5.
Д. 3935

и работой буфета. Прочие его составляющие (танцы, вечера молодежи и организуемые при наличии условий киносеансы) были привычным атрибутом досуга и в будни. Празднование происходило в основном на базе местных учреждений культуры, сельсовета, школы, что значительно ограничивало число участников. Центром официального праздника был райцентр, где концентрировались демонстрации, митинги, праздничная торговля и выступления коллективов художественной самодеятельности, а «центром центра» — районный дом культуры, в котором проводились торжественное заседание и закрытый праздничный вечер для руководства¹. На селе празднование проводилось с несравненно меньшим размахом, ограничиваясь торжественным заседанием в сельсовете, беседами агитаторов, выпуском стенгазеты, стимулированием «трудового подъема» населения².

Неразвитость советской праздничной культуры, «невнимание» государства к неофициальной части советских торжеств на селе

¹ ГАДНИКО. Ф. 50. Оп. 4. Д. 327. Л. 24–26. Оп. 9. Д. 103. Л. 6–7. Ф. 38. Оп. 12. Д. 104. Л. 48, 49, 50. Ф. 40. Оп. 13. Д. 48. Л. 32.

² Там же. Ф. 40. Оп. 15. Д. 37. Л. 6, 7, 40. Ф. 28. Оп. 15. Д. 56. Л. 8.

Глава 9
УЧРЕЖДЕНИЯ
КУЛЬТУРЫ
ЗАПАДНОРУССКОЙ
ДЕРЕВНИ
И КРЕСТЬЯНСТВО
В 1945 — НАЧАЛЕ
1960-х ГОДОВ

Экспозиция Ма-
лоярославецкого
района на первой
областной сель-
скохозяйственной
выставке. Осень
1954 г.

Фото из книги
«Сокровищница
Калужского края.
История. 1944—
2007»

в первые послевоенные годы объективно усиливали роль традиционных практик в их рецепции. Редкое официальное мероприятие обходилось без неофициальной части, включающей коллективное застолье с распитием специально приготовленного по такому случаю самогона или браги. Особенно широкое распространение это имело до первого массового укрупнения колхозов (1950 г.), когда большинство из них объединяло хорошо знавших друг друга односельчан, а зачастую — и родственников. Статистика привлечения к уголовной ответственности за изготовление самогона свидетельствует о масштабах явления, но не об эффективности борьбы с ним¹. Таким образом, в первые послевоенные годы связь политики внедрения советских праздников и их рецепции носила по преимуществу односторонний характер: село должно было следовать спускаемому сверху канону, усвоение которого часто происходило нелегитимными или не поощрявшимися властью способами.

С середины 1950-х годов под влиянием десталинизации и ослабления нажима на село советский праздник становится более массовым.

¹ Кошетчиков И. В. Советские праздники и обряды. С. 99–100.

Государство уделяет больше внимания «управлению» его восприятием, вовлечению в него как можно большего числа участников. Элементы традиционной праздничной культуры деревни (традиционные игры, песни, пляски, соревнования, катание на тройках, общее гуляние, коллективные и семейные застолья и т.д.) целенаправленно сочетаются с компонентами советского торжества (митинг, подведение итогов социалистического соревнования, «парады» сельхозтехники, выступления коллективов художественной самодеятельности и т.д.), выступая катализатором его рецепции. Формируется цикл праздников локального (сельского, районного и регионального) уровня и сельской социально-производственной и культурной тематики. Большинство из них были сезонными и претендовали на замещение религиозных праздников.

К возрождению и обогащению «того хорошего, что было в русских народных гуляньях», призывали пресса и культурно-просветительная литература¹. Публикации в них отразили начало формирования традиции празднования Дня урожая, Праздника первой борозды, Юбилея колхоза, Праздника зеленого друга, Праздника русской зимы, Вечеров трудовой славы, Дня агронома, зимних межколхозных гуляний, праздников песни, физкультурных и спортивных праздников, сельских и районных фестивалей сельской молодежи, сценарии которых специально разрабатывались работниками культуры, физкультуры и спорта, активистами, сотрудниками областных Домов народного творчества². Основой большинства сельских праздников являлись знакомые местному населению торжественная часть, выступления коллективов художественной самодеятельности, а также традиционные массовые игры и состязания. Рекомендованные журналом «Культурно-просветительная работа» элементы Праздника урожая также имели параллели в традиционной культуре, которые подверглись, однако, театрализации в духе официальных мероприятий³.

Следует отметить, что, как и в послевоенные годы, новые сельские праздники первыми входили в традицию досуга населения передовых колхозов, будучи поддержанными сельской школой, сельсоветом, райкомом комсомола, районным отделом и областным управлением культуры, областным Домом народного творчества.

---

¹ Коментчиков И. В. Указ. соч. С. 100.

² Там же.

³ Там же.

Глава 9
УЧРЕЖДЕНИЯ
КУЛЬТУРЫ
ЗАПАДНОРУССКОЙ
ДЕРЕВНИ
И КРЕСТЬЯНСТВО
В 1945 — НАЧАЛЕ
1960-х ГОДОВ

Жители с. Брынь
Думиничского
района Калужской
области на ВДНХ
в Москве. Справа
налево в первом
ряду: П. Т. Сокур,
председатель Брын-
ского сельсовета,
Герой Советского
Союза; Г. Д. Ми-
шин, председатель
колхоза им. Куйбы-
шева; И. В. Матвеев,
секретарь Думи-
ничского райкома
КПСС; Т. Смол-
кина, животновод;
В. В. Холопова,
бригадир полеводов;
(?). Л. Г. Сенина,
(?). Справа налево
во втором ряду:
П. Каряушкина, жи-
вотновод; А. А. Гор-
дюшина, животно-
вод; Т. Никитина,
животновод. Конец
1950-х гг. Фото
из личного архива
Ю. В. Холопова

В Рязанской области в самом начале печально известной «мясной эпопеи» практиковалось проведение праздников животноводов, на которых поздравляли победителей социалистического соревнования. Их программа включала торжественный подъем флага праздника, преподнесение передовикам «пирога славы», совершение ими «круга почета» по селу на лучшей колхозной тройке и др.¹. Этнографические обзоры показывают постепенное углубление присвоения сельским населением «высоких» государственных праздников. Такой праздник становится поводом для приезда городских родственников, домашнего праздничного застолья и гуляния. Рецепция же новых советских сельских праздников протекала сложно.

Таким образом, в середине 1950-х годов в деревне Центрального Нечерноземья только начиналось складывание цикла советских сельских праздников, дополнявших ряд «высоких» государственных и революционных торжеств и дней международной солидарности. Их пионерами выступали колхозы, сельсоветы и районы с передовой экономикой. Новые сельские праздники, внедряемые при помощи элементов традиционной праздничной культуры, часто

¹ Турбин Н. Разжигать соревнование! // Культурно-просветительная работа. 1957. № 8. С. 7, 8, 9.

воспроизводили сценарий «пережиточных» торжеств. Однако сам факт выделения администрациями колхозов, сельсоветов, районной властью от одного до нескольких полностью свободных от работы в общественном хозяйстве дней для «организованного отдыха» свидетельствовал о нарастании тенденции вытеснения «пережитков» в культуре досуга новыми формами проведения свободного времени. Ее подпитывали спорадические попытки укрепить материальную базу сельских учреждений культуры и оживить работу с населением.

С конца 1950-х — начала 1960-х годов подоплекой утверждения новых советских традиций становится риторика «перехода к строительству коммунизма», который должен был совершаться не только в праздничной культуре, но и в быту, семейной и личной жизни, повседневности трудовых коллективов. Государство формирует «заказ» на систему советской обрядности, «тотально» охватывавшую разные стороны общественной и частной жизни, на уровне самой традиции вытеснявшей основного соперника — религиозную праздничную культуру и обрядность¹.

Яркое отражение призывы формировать советские праздничные традиции нашли в вытеснении ими традиций празднования местных религиозных праздников и попытках утверждения гражданских обрядов наречения имени новорожденному, вручения паспорта гражданина СССР, торжественного получения первой зарплаты, регистрации брака, комсомольской свадьбы. В середине 1958 года ЦК ВЛКСМ направил в ЦК КПСС и СМ СССР письмо, в котором констатировал «забвение многих старых обычаев», в значительной мере не имевших «никакого отношения к церкви и религии». Отмечалось «оказенность» процедуры регистрации брака в органах ЗАГС вследствие их долгого подчинения органам МВД и разрыва «связи с общественными организациями». «Скучность и неторжественность» регистрации брака подталкивали часть новобрачных к его «скреплению» венчанием в церкви². Необходимость «придания большей торжественности» процедуре регистрации брака подчеркивалась и на состоявшемся в апреле 1958 года XIII съезде ВЛКСМ³.

Примером привлечения общественности к выработке новых советских торжеств стал опыт «комсомольских свадеб». Часть расходов по их проведению должны были взять на себя колхоз и комсомольский

¹ *Кометчиков И. В.* Советские праздники и обряды. С. 102.

² РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 32. Д. 940. Л. 1, 4, 5.

³ XIII съезд ВЛКСМ. Стенографический отчет. М., 1958. С. 37–38.

Свадьба в с. Брынь
Думиничского
района Калужской
области. 1950-е гг.
*Фото из архива
Ю.В. Холопова*

актив. При разработке сценария свадьбы ее организаторы старались «взять все хорошее и красивое от старого свадебного обряда, отбросив его религиозное содержание». Вместо церкви и домов жениха и невесты, где после венчания устраивалось застолье, центром комсомольской свадьбы выступал клуб. Здесь происходила регистрация брака и свадебное гуляние, организованное комсомольцами, работниками культуры и активом. Руководство комсомола предлагало создавать при районных бюро ЗАГС и сельсоветах комиссии общественности, которые содействовали бы органам ЗАГС в работе и «несли определенную ответственность за регистрацию брака и создание новой семьи», а также принять как закон новый ритуал регистрации брака¹. В прессе и литературе о советских праздниках и обрядах публиковались примеры сценариев комсомольских свадеб².

В ЦК ВЛКСМ также разработали проект указа Президиума Верховного Совета СССР «О придании торжественности акту вступления в брак и мероприятиях по улучшению жилищно-бытовых условий молодоженов», «Примерный порядок бракосочетания» и «Некоторые предложения по свадебному ритуалу», причем последние, как видно, во многом исходили из опыта проведения «комсомольских свадеб». Согласно «Предложениям», свадьба должна была начинаться со сватовства, в котором принимали бы участие «близкие жениху и невесте» люди: сотрудники, руководители цеха, предприятия, учреждения. На них и на родителей новобрачных возлагалась

¹ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 32. Д. 940. Л. 7, 8, 11, 12.

² *Кометчиков И. В.* Советские праздники и обряды. С. 102.

подготовка свадьбы. Важная роль отводилась приготовлению невестой приданого, накоплению ей и женихом некоторой суммы на приобретение предметов домашнего обихода, в чем также требовалась помощь не только родителей, но и «хозяйственных руководителей и профсоюзной организации». Перед свадьбой невеста устраивала девичник. Брак регистрировался в ЗАГСе в присутствии «сватов и близких». Прибытие молодоженов на свадебное застолье сопровождалось пением «величальных песен», а сам свадебный вечер должен был сопровождаться «музыкой, песнями, танцами, шуточными играми и представлениями, соответствующими этому событию»¹.

Подготавливая изменение свадебного ритуала, ЦК ВЛКСМ обратился к материалам этнографических экспедиций 1956—1958 годов в передовые колхозы Калининской области. Выяснилась, что там довольно стойким был традиционный предбрачный и брачный обряды. Брак, оформленный в ЗАГСе, считался в деревне окончательно заключенным только после того, как была «сыграна свадьба». «Глядеть на свадьбу» приходила «вся деревня». Лучшая сохранность традиционных свадебных обрядов отмечалась в местностях, где до революции дольше держалось натуральное хозяйство, а в послевоенные годы — удаленных от центра колхоза и сельсовета. При этом посемейная перепись в обследованных колхозах показала редкость венчания и зависимость частоты его совершения от доступности действующей церкви². Изменился и сам «свадебный календарь»: свадьбы в деревне стали совершаться независимо от времени года, хотя чаще зимой, так как «это время свободно от полевых работ». Отмечалось и сохранение традиции не устраивать свадьбы в периоды, совпадающие с постами. На деревенскую свадьбу, продолжавшуюся 2—4 дня, расходовалось 4—5 тыс. рублей. Свадебный стол состоял не только из традиционных угощений, но и из вина и «городских закусок». Причину стойкости традиционного свадебного ритуала этнографы находили и в отсутствии «новых свадебных традиций», которые «отражали бы новый характер семейных отношений». В качестве попытки его утверждения приводились «комсомольские свадьбы» конца 1950-х годов, организуемые на предприятиях Калинина и других городов области³.

¹ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 32. Д. 940. Л. 28–29, 31–32, 93–95.

² *Кометчиков И. В.* Советские праздники и обряды. С. 103.

³ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 32. Д. 940. Л. 118–137. *Анохина Л. А., Шмелева М. Н.* Указ. соч. С. 221–232.

Однако новые обряды не приживались так, как хотелось их инициаторам, и требовали значительных государственных и колхозных средств. Опыт проведения «комсомольских свадеб» во второй половине 1950-х — середине 1970-х годов показал их нежизнеспособность как обряда (что признавалось и в официальной литературе), так как, неся в себе черты «показательного мероприятия», их проведение требовало значительных государственных и общественных средств, а доминирование общественности приводило к отстранению от свадебного ритуала родственников, которые устраивали «свою» свадьбу, включая элементы традиционной обрядности¹.

Кроме «организованно» внедряемых в жизнь села новых гражданских обрядов, подобных «комсомольской свадьбе», этнографами фиксировалось утверждение в семьях колхозников торжеств, связанных с рождением детей, днями рождения членов семьи, новосельем, проводами в армию, приездом из города родственника и т. д., лишенных какого-либо религиозного смысла². Преодолению религиозности должны были содействовать и советские сельские праздники. Попытки «окончательного» замещения ими религиозного праздничного календаря получили широкое распространение во время проведения «комсомольской двухлетки культуры» (1958—1960-е годы). Ее начало совпало со стартом общесоюзной кампании по массированному наступлению на церковь и религию, в рамках которой воплощался «комплекс мер» по закреплению на службе новой праздничной культуры элементов религиозного праздника. Они включали принятое «всем миром» решение о его проведении, знаменательный повод (часто совпадавший с датой местного престольного или «двунадесятого» праздника), торжественную часть, гостевание, застолье, гулянье и ярмарку. Постепенное забвение гостевания на престолы после закрытия церкви подтверждается воспоминаниями современников³. Во многих районах Смоленской и Калужской областей райкомы, горкомы ВЛКСМ, учреждения культуры организовывали зимние и летние праздники и массовые гуляния молодежи, стремясь интегрировать «внешнюю» сторону традиционной обрядности в новую праздничную традицию. Новые сельские праздники следовали ритму

¹ Советские традиции, праздники и обряды. Словарь-справочник. Киев, 1988. С. 168–169.

² Анохина Л. А., Шмелева М. Н. Указ. соч. С. 219–221.

³ Севастьянова А. А. Жизнь в центре рая. Советский райцентр 50-х — 60-х годов XX века. М., 2008. С. 108–110.

сельскохозяйственных работ и смене времен года, а также формировали собственный ритм: отмечались праздники зимы и весны, окончания весеннего сева и урожая, праздник животноводов, день рождения бригады, день советской молодежи, праздники русской березки и зеленого друга, маевки, проводились районные фестивали молодежи, проводы в армию, праздники совершеннолетия и т.п.¹. Много материалов, обобщающих опыт организации и проведения массовых праздников, появлялось в прессе².

Таким образом, особенностью конца 1950-х — начала 1960-х годов в процессе утверждения на селе Центрального Нечерноземья советской праздничной культуры становится широкое распространение цикла массовых сельских праздников, с которыми смыкались попытки внедрения новой гражданской обрядности, охватывавшей ключевые события в трудовой, семейной и личной жизни человека, а также создание под них организационной и материальной базы³. Новые праздники и обряды начинают действовать как многоуровневая советская праздничная культура, стремящаяся к «тотальному» охвату разных сторон жизни советского человека и соперничающая с религиозной праздничной культурой и обрядами. Устанавливается более тесная взаимосвязь между политикой по внедрению советского праздника и его рецепцией населением на основе включения «приемлемого» старого в новое, ускоряющая размытие традиционной праздничной культуры деревни.

* * *

Функционирование сферы культуры на селе часто рассматривалось политическим руководством, особенно местным, не самоценно, а по весомости вклада в выполнение хозяйственно-политических кампаний. Однако, не имея возможности наращивать одновременный охват всеми институтами официальной культуры живущего во многих тысячах сел и деревень крестьянства, власть концентрируется на развитии по-настоящему массовых — радио, кино, периодической печати, а в конце исследуемого периода — телевидения. Именно они позволяли транслировать идеологически унифицированный дискурс

¹ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 32. Д. 1014. Л. 137, 140. Д. 1015. Л. 83, 110. Д. 1016. Л. 61. *Анохина Л. А., Шмелева М. Н.* Указ. соч. С. 303–310.

² *Кометчиков И. В.* Советские праздники и обряды. С. 104.

³ *Закович Н. М.* Указ. соч. С. 79, 175, 181, 201, 204. Советские традиции, праздники и обряды. С. 180, 182, 185, 209–211, 210.

Глава 9
УЧРЕЖДЕНИЯ
КУЛЬТУРЫ
ЗАПАДНОРУССКОЙ
ДЕРЕВНИ
И КРЕСТЬЯНСТВО
В 1945 — НАЧАЛЕ
1960-х ГОДОВ

Открытие памятника
В.И. Ленину
к 90-летию со дня
рождения. Колхоз
им. Ленина (бывш.
«Красный городок»)
Калужского
сельского района
Калужской области.
1960 г.
ГАДНИКО.
Ф. П-7607. Оп. 5.
Д. 4467

максимально широкой аудитории без искажений. Гораздо меньше внимания уделялось сельским клубам и избам-читальням, стоявшим по способу взаимодействия с аудиторией ближе к традиционной культуре, чем к трансляциям СМИ и кино.

Исследование взаимодействия с населением культурно-просветительных учреждений и системы лекционной пропаганды, базировавшихся, преимущественно, на живом слове, выявило присущую им довольно скромную динамику или даже отрицательный пророст активности. Пик активности сельских клубов и изб-читален приходится на вторую половину 1940-х — начало 1950-х годов, когда на них неизбежно легла основная нагрузка по трансляции официального дискурса вследствие неразвитости на селе кинофикации и СМИ. Уже тогда, по-видимому, был достигнут и предел возможностей большинства культпросветучреждений. С начала 1950-х годов показатели взаимодействия с населением сельских клубов и изб-читален не растут. Скромным был прирост числа книговыдач государственных сельских библиотек. Рост объема лекционной пропаганды структур Общества по распространению политических и научных знаний (только за 1951—1960 годы количество лекций, приходящихся в год в среднем на один колхоз, совхоз, сельский населенный пункт, возрастает как по областям Центра, так и на Западе РСФСР с 0,5—0,95 до 3,65—11,5 лекций в зависимости от региона) свидетельствует

о крайне невысоких стартовых показателях и преобладании количества мероприятий над их качеством. Играл определенную роль и эффект объединения лекционной пропаганды под эгидой Общества по распространению политических и научных знаний (1958 г.), возрастание в ее структуре удельного веса лекций по радио, телевидению.

Основная причина стагнации «традиционного» сельского культпросвета состояла в сохранении на протяжении изученного периода без существенных изменений практики его финансирования, не позволявшей радикально улучшить взаимодействие с населением. От реализации проектов глубокого реформирования сети сельских клубов и изб-читален, предполагавших передачу/продажу значительного их числа колхозам, власть обоснованно воздерживалась из-за непосильности их содержания для колхозной экономики.

Напротив, в сравнении с традиционным культпросветом кинофикация и СМИ демонстрировали впечатляющую динамику. В 1945-м — начале 1960-х годов количество трансляционных радиоточек и эфирных приемников на селе Центрального Нечерноземья увеличивается в 11,7 раза (особенно быстро — в индустриально развитых Московской, Владимирской, Ярославской, Тульской областях), на 50 % вырастает разовый тираж областной и районной прессы, многократно — республиканских и общесоюзных газет. К концу 1950-х годов завершается сплошная радиофикация жилищ колхозников. Быстро растет число телеприемников. Количество киноустановок в 1948—1965 годах возрастает в 7 раз, что к началу 1960-х годов обеспечивает посещение кино крестьянством большинства областей Центрального Нечерноземья в среднем раз в месяц. Досуг, организованный посредством кино и СМИ, теснит не только традиционные формы крестьянской досуговой культуры, но и коллективный досуг в культпросветучреждениях. Формируется культура домашнего досуга в компании родственников, друзей, соседей у радиоприемника, телевизора, за книгой, газетой. Бурный рост кинофикации и СМИ на селе в годы хрущевского десятилетия прямо и косвенно содействовал сворачиванию чрезвычайных властных практик, демократизации общественно-политической сферы, повышению роли в механизме управления формальных структур и процедур. Кино, телевидение, пресса, радио способствовали преодолению локальной замкнутости отдаленных от административных и культурных центров сел и деревень, сглаживали перепады в оперативности информирования их жителей о важнейших событиях в стране и мире. Пресса и радио также использовались для трансляции информации местного

значения. Радио, кино и пресса (особенно центральная) считались большинством крестьян несомненными «культурными благами», достоверными источниками информации. Крестьянство, как правило, с энтузиазмом поддерживало инициативы власти по их развитию и распространению, участвуя в них трудом и финансово.

Однако власть, осознавая существовавшую для устойчивости политического порядка опасность использования средств массовой информации недостаточно подготовленными для интерпретации официального дискурса кадрами, сдерживала и порой даже поворачивала вспять их развитие. Продолжительное время ограничивались тиражи региональной и районной прессы, объемы областного, районного и внутриколхозного радиовещания, сокращалось количество редакций районного радиовещания, лимитировалась демонстрация зарубежного кино, трансляции и тиражирование записей популярной западной музыки. Следует учесть и то, что в целом выгодная власти логика распространения средств трансляции неизбежно расширяла и сложноконтролируемые информационные ниши. Так, для минимизации влияния зарубежного антисоветского радиовещания акцент при радиофикации делался на развитии системы проводного радиовещания, закрытого для вторжений извне. В результате к 1961 году на селе Центрального Нечерноземья число эфирных радиоприемников составляло 23% всех радиоточек. Динамично развивалась инфраструктура глушения антисоветских радиопередач.

Распространение унифицированных и стандартизированных культурных ценностей и образцов посредством СМИ становится важным фактором, влияющим на трансформацию крестьянской культуры, особенно — на прерывание способа передачи от поколения к поколению социально значимой информации — традиций деревни. Если в конце сталинской эпохи относительно слабое в целом проникновение на село официальной культуры оставляло достаточно пространства для бытования крестьянских традиций, то в конце 1950-х — начале 1960-х годов по источникам почти перестают фиксироваться досуговая самоорганизация крестьянской молодежи (посиделки, традиция кулачных боев в дни религиозных праздников). Не воспроизводятся элементы традиционной обрядности, исполнение сельской художественной самодеятельностью традиционного песенного репертуара все чаще оценивается по стандартам профессиональной эстрады, знакомой по радио-, телепередачам, патефонным пластинкам и кинофильмам. Забывается крестьянская песенная традиция или же она насильственно

прерывается, активизируется идеологическая переработка фольклора и т.п. Быстрее и глубже отмеченные перемены утверждались в буднях колхозов и районов с передовой по меркам того времени экономикой, что подтверждает влияние индустриализации социально-экономического строя деревни на соответствующую трансформацию ее будничной культуры.

Опираясь на достигнутые во второй половине 1950-х годов довольно высокие показатели радиофикации и кинофикации, улучшение распространения печати и увеличение ее тиражей, усовершенствование в ходе пропагандистских кампаний, насколько позволяла колхозная экономика, сети сельского культпросвета, эффект от реформы лекционной пропаганды 1958 года, власть начинает реализовывать стратегию «окончательного» преодоления сохранившихся элементов традиционной культуры. Одним из наиболее эффективных способов такого преодоления стали попытки встраивания «приемлемого старого» в «новое», заостренные против ядра традиционной духовной культуры деревни — религиозности. Стало выделяться гораздо больше ресурсов для «оповседневнивания» нового образа жизни, формирования советских традиций, в широком смысле — рецепции крестьянством ценностей официальной культуры. Это особенно заметно в советском обрядотворчестве 1950-х — начала 1960-х годов и показательном вытеснении советскими обрядами и праздниками религиозного праздничного цикла и обрядности. В начале 1960-х годов формируется система советской обрядности, претендующая на «тотальный» охват наиболее значимых событий личной, семейной, трудовой, общественной жизни человека — нижний ярус многоуровневой советской праздничной культуры и обрядности. Для «оповседневнивания» новых советских обрядов начинает создаваться соответствующая организационная и материальная инфраструктура. Присутствовало и влияние традиционной культуры на официальную, выражавшееся в профанации ее ценностей, вторжении «старого» в «новое», особенно заметное в попытках утверждения советской обрядности. Под натиском институтов официальной культуры и атеистической политики государства в 1945 — начале 1960-х годов в основном завершается переход от основанной на религиозной картине мира традиционной культуры крестьянства к секуляризованной культуре.

Глава 10. ФОРМЫ РЕЛИГИОЗНОСТИ ЗАПАДНОРУССКОЙ ДЕРЕВНИ В 1945—НАЧАЛЕ 1960-х ГОДОВ

10.1. Политика в отношении религиозности деревни

«Директивное возрождение»¹ Русской Православной Церкви Московского патриархата в середине 1940-х годов актуализировало уточнение статуса религиозности в обществе, где атеизм был неотъемлемой частью официального порядка. В государственно-церковных отношениях середины 1940-х — начала 1960-х годов выделяются несколько периодов: 1) 1943—1948, 2) 1949—1954, 3) 1955—1957, 4) 1958—1961 годы. Такой подход позволяет представить потепления и охлаждения политики в отношении религии и церкви, однако не вполне подходит для анализа изменения рамок религиозности, так как не каждый всплеск антицерковной активности влек за собой их существенный пересмотр. Инструментом регулирования этих рамок еще с начала 1920-х годов стало перенесение границы легальности² — определения законности или незаконности того или иного феномена религиозной сферы по критерию лояльности советскому строю. «Изобретение» границы легальности означало осознание советским государством возможности использования для контроля сферы свободы совести обычной для государства как такового правоустанавливающей функции, а не только прямых репрессий. Граница легальности была важнее именно для контроля религиозности как более массового и укорененного в обществе явления, нежели почти уничтоженной РПЦ. Она давала

---

¹ Чумаченко Т. А. Государство, православная церковь, верующие. 1941–1961 гг. М., 1999. С. 67.

² Беглов А. Л. В поисках «безгрешных катакомб». Церковное подполье в СССР. М., 2008. С. 33–34, 39.

возможность ограничивать проявления религиозности, которые могли быть неканоническими, но одновременно вполне «законными» для верующих, используя авторитет легальной РПЦ.

Политику в отношении религиозности середины 1940-х — начала 1960-х годов можно условно разделить на два периода, различавшихся по динамике, глубине и широте вторжения государства в эту сферу. С начала возобновления взаимоотношений между государством и церковью в военные годы до 1958 года происходило ограничение религиозности, преимущественно, стенами зарегистрированных храмов при медленном сокращении их числа без решительных скоординированных действий в отношении ее нелегальных проявлений. С 1958 года начинается переход к «окончательному» свертыванию влияния РПЦ на население и религиозности путем ограничения ее легальных и нелегальных форм. Подобная периодизация позволяет лучше понять взаимоотношения государства, РПЦ и верующих в контексте долговременных процессов развития советского общества¹.

Основным правовым актом, продолжавшим регулировавшим сферу религиозности в послевоенные годы, было постановление ВЦИК и СНК СССР от 9 апреля 1929 года «О религиозных объединениях». Им устанавливалась регистрация «религиозных объединений верующих» в виде «религиозных обществ» или «групп верующих», которые могли получить в пользование по договору от райисполкома или волысполкома помещение для молитвенных собраний или арендовать его. Религиозным объединениям запрещалась производственная деятельность, создание касс взаимопомощи, оказание материальной помощи своим членам, организация специальных собраний детей, молодежи и женщин, библийских, трудовых и других собраний, кружков по изучению религии, библиотек, санаториев, экскурсий, лечебной помощи, преподавание религиозных учений в учебных и воспитательных заведениях. Деятельность служителей культа ограничивалась местом жительства членов обслуживаемого ими религиозного объединения. Сбор пожертвований допускался только среди его членов и на цели, связанные с содержанием его исполнительного

---

¹ Гераськин Ю. В. Русская православная церковь, верующие, власть (конец 30-х — 70-е годы XX века). Рязань, 2007 // [Электронный документ]. Сайт «Бесплатная электронная библиотека (Авторефераты, диссертации, методички, учебные программы, монографии)». URL: <http://www.diss.seluk.ru/monografiya/732803-1-yuv-geraskin-russkaya-pravoslavnaya-cerkov-veruyushchie-vlast-konec-30-h-70-e-godi-veka-monografiya-ryazan-2007-bbk-86372-g37-p.php> (дата обращения: 24.03.2015).

органа и отправлением культа. Верующие были обязаны получать разрешение на совершение богослужений в не приспособленных для этого помещениях. Запрещалось совершение обрядов в учреждениях и предприятиях, помещение там предметов культа. Исключение допускалось только для кладбищ, крематориев, изолированных помещений больниц и мест заключения. Религиозные шествия и обряды под открытым небом допускалось по особому и каждый раз вновь получаемому разрешению местной власти за две недели до церемонии. Не требовалось разрешения для религиозных шествий как части богослужения вокруг храмов, если они «не нарушали нормального уличного движения». Незарегистрированные религиозные объединения считались закрытыми¹. Таким образом, нелегальными стали монашество, церковная благотворительность, образование, хозяйственная деятельность, многие традиционные формы религиозности.

Поворот государства к церкви вследствие стремления руководства СССР использовать ее влияние для реализации внешнеполитических планов на фоне патриотической позиции РПЦ и оживления религиозности на оккупированных территориях² привел к некоторому расширению рамок дозволенного в сфере религиозности. 4 сентября 1943 года состоялось совещание с участием руководителей страны и уцелевших иерархов РПЦ, на котором было решено открыть приходы, духовные учебные заведения, разрешить издание религиозной литературы. Была освобождена часть духовенства³. 31 января 1945 года в Москве состоялся Поместный собор, на котором было принято «Положение об управлении Русской Православной Церкви», избран патриарх⁴. Был скорректирован ряд ограничивающих религиозность и статус РПЦ норм, содержавшихся в постановлении

---

¹ Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917–1941. Документы и фотоматериалы / отв. сост., автор статей перед разд. О. Ю. Васильева. Отв. ред. Я. Н. Шапов. М., 1996. С. 250, 251, 252, 258, 259, 260.

² Шкаровский М. В. Крест и свастика. Нацистская Германия и Православная Церковь. М., 2007. С. 478–481. Болотов С. В. Русская Православная Церковь и международная политика СССР в 1930-е — 1950-е годы. М., 2011. С. 51, 65, 66, 94–95.

³ Шкаровский М. В. Последняя атака на Русскую Православную церковь // Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. Т. 2. Апогей и крах сталинизма / под общ. ред. Ю. Н. Афанасьева. М., 1997. С. 329.

⁴ Там же. С. 332.

от 9 апреля 1929 г.: разрешена церковная благотворительность, хозяйственная деятельность, распространение воззваний иерархов. Государство в большинстве случаев терпимо относилось к крестным ходам, паломничествам к святым местам¹.

Учреждением, формировавшим рамки религиозности, стал созданный 8 октября 1943 года Совет по делам РПЦ при Совете Министров СССР, тесно связанный с НКГБ². Возглавил Совет кадровый офицер госбезопасности Г. Г. Карпов³. 7 октября 1943 года СНК СССР утвердил «Положение о Совете по делам РПЦ», согласно которому на него возлагалось предварительное рассмотрение вопросов, возбуждаемых патриархом перед правительством, разработка проектов законов, постановлений по вопросам РПЦ и инструкций по их применению, наблюдение за соблюдением религиозного законодательства, информирование правительства о состоянии РПЦ и т. д. Совет имел своих уполномоченных в регионах. Их работой должны были руководить председатель или секретарь исполкома областного Совета. В первую очередь уполномоченные назначались в области, освобожденные от немецкой оккупации, где было уже немало действующих храмов⁴. Со стороны СНК Совет курировал В. М. Молотов, придерживавшийся мнения, что в освобожденных местностях уполномоченных следует назначать из чекистов, а утверждать их кандидатуры должны обкомы ВКП(б)⁵. В немалой степени такая установка соблюдалась⁶. Налаживание работы новой структуры тормозилось убежденностью партийно-советского актива, что уступки церкви — тактический ход, вызванный чрезвычайными условиями войны⁷, а также безусловным приоритетом хозяйственных кампаний в деятельности структур управления⁸.

---

¹ *Одинцов М. И.* Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма. 1917–1953 гг. М., 2014. С. 339. *Беглов А. Л.* В поисках «безгрешных катакомб». С. 103–104.

² *Беглов А. Л.* Указ. соч. С. 113.

³ *Чумаченко Т. А.* Указ. соч. С. 24.

⁴ Там же. С. 25, 28, 31.

⁵ Там же. С. 28. *Одинцов М. И.* Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма. С. 306.

⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 6. Л. 56, 57.

⁷ *Чумаченко Т. А.* Указ. соч. С. 231. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 497. Л. 117.

⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 497. Л. 215. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 485. Л. 12.

28 января 1944 года постановлением СНК СССР было утверждено «Положение об управлении РПЦ» — своеобразный устав церковной жизни. «Высшая власть в области вероучения и церковного управления» принадлежала представительному органу — Поместному собору в составе епископов, клириков и мирян. РПЦ разделялась на епархии, границы которых должны были совпадать с «гражданскими границами» — областными, краевыми и республиканскими. Епархии состояли из благочиний, а те, в свою очередь, из приходов. Во главе приходской общины находился назначенный епархиальным архиереем священник. Он являлся председателем церковного совета, ведшего церковное хозяйство, был духовным и административно-хозяйственным руководителем общины. На него возлагалась обязанность следить за тем, чтобы «уклад и распорядок приходской жизни не препятствовал выполнению прихожанами гражданских обязанностей». Приходская община считалась возникшей после регистрации поданного верующими «гражданской власти» заявления, инициированного двадцатью активистами, которое являлось основанием для выделения в бесплатное пользование церковного здания и культового имущества. Священник наделялся правом сообщать архиерею о «незаконмерных действиях» исполнительного органа общины, который после проверки «по сношению» с уполномоченным Советом по делам РПЦ мог предложить общине «заменить неисправных членов исполнительного органа новыми людьми»¹. 22 августа 1945 года правительство предоставило патриархии, епархиальным управлениям, зарегистрированных религиозным общинам ограниченное право юридического лица². Местным органам власти предлагалось не препятствовать колокольному звону и приобретению колоколов, однако отливать новые было запрещено³. Государство в 1943—1947 годах пошло на открытие ограниченного числа храмов.

Логичным следствием поворота в государственно-церковной политике стало свертывание антирелигиозной пропаганды. В постановлении ЦК ВКП(б) от 27 сентября 1944 года «Об организации научно-просветительной пропаганды» это определение отсутствовало,

¹ Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. С. 271–278.

² Шкаровский М. В. Последняя атака на Русскую Православную церковь. С. 333.

³ Чумаченко Т. А. Указ. соч. С. 92–93.

ставилась задача улучшения пропаганды естественно-научных знаний, а ее содержанием определялось материалистическое объяснение действительности¹. 4 декабря 1943 года скончался глава Союза воинствующих безбожников Е. М. Ярославский, а весной 1947 года ЦК ВКП(б) прекратил существование Союза. Его функции по организации лекционной пропаганды были переданы Всесоюзному обществу по распространению политических и научных знаний. До 1951 года в годовой отчетности Общества отсутствовал показатель количества лекций на антирелигиозные темы.

Первые признаки охлаждения государственно-церковных отношений проявились в 1947 году. В феврале 1947 года по указанию Совета Министров СССР патриарх предписал полностью прекратить сборы на патриотические цели: власти беспокоило связанное с ними усиление авторитета церкви². В 1947 году начальник Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г. Ф. Александров подверг критике деятельность Совета по делам РПЦ. 24 августа 1948 года «по рекомендации» Совета патриарх и Синод приняли решение о прекращении молебнов под открытым небом, крестных ходов из села в село, духовных концертов в храмах вне богослужений. 18 ноября 1948 года было решено ограничить проповедническую деятельность духовенства религиозными темами³. С марта 1948 года Советом было прекращено удовлетворение ходатайств об открытии церквей⁴. Осенью 1948 — весной 1949 годов отдел пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) подготавливает проекты постановлений, направленных на свертывание деятельности Совета по делам РПЦ и серьезное ограничение религиозности. Деятельность Совета осуждалась, он обвинялся в содействии росту религиозного движения и деятельности церкви⁵, из-под контроля правительства он постепенно переходит в орбиту влияния отдела пропаганды и агитации ЦК ВКП(б)⁶. По мнению Т. А. Чума-

¹ КПСС в резолюциях. Т. 7. С. 521–523.

² Шкаровский М. В. Последняя атака на Русскую Православную церковь. С. 342.

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Оп. 497. Л. 114. Чумаченко Т. А. Указ. соч. С. 134. Шкаровский М. В. Последняя атака на Русскую Православную церковь. С. 344.

⁴ Чумаченко Т. А. Указ. соч. С. 127.

⁵ Там же. С. 115–122. Одинцов М. И. Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма. С. 364–365.

⁶ Чумаченко Т. А. Указ. соч. С. 124–125.

ченко, под давлением агитпропа с конца 1940-х годов Совет начал отход с позиций следования конституционно-правовым нормам в отношениях с РПЦ в сторону их идеологизации¹. Во втором полугодии 1948 года Совет проводит кампанию по переписи членов церковных советов и отсеву из них «религиозных фанатиков», лиц, имевших судимости, политически неблагонадежных и т.д. По мнению Г. Г. Карпова, это должно было выявить среди церковного актива лиц, не внушающих доверия², что находило определенную поддержку у глав епархий, находившихся под прессингом уполномоченных Совета³. В 1949 году патриарха вынудили запретить крестные ходы «на Иордань» и ввести освящение воды в ограде церкви⁴. Продолжением курса на ужесточение контроля Совета за состоянием религиозности на местах и деятельностью уполномоченных стала разработка «Инструкции Совета для уполномоченных по делам РПЦ» от 8 марта 1951 года, согласно которой по всем практическим вопросам они должны были обращаться в Совет⁵.

В 1953—середине 1954 года власть не препятствовала некоторому оживлению религиозности и церковной жизни. Однако 7 июля 1954 года вышло постановление ЦК КПСС «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения», развивавшее идеи проектов антирелигиозных постановлений 1949 года. Уполномоченным была разослана «Оrientировка» «О формах и методах идеологического воздействия церкви на верующих в настоящее время», в которой деятельность РПЦ рассматривалась как «приспособленческая», а духовенство — как идеологический противник. «Широкая пропаганда научно-атеистических знаний» вылилась в открытую борьбу против духовенства и верующих, что потребовало опубликования постановления ЦК КПСС от 10 ноября 1954 года, в котором подчеркивалось, что советские верующие — преданные обществу люди, которых нельзя ставить под «политическое сомнение» из-за их религиозных убеждений⁶.

¹ Чумаченко Т. А. Указ. соч. С. 125.

² Там же. С. 136. Одинов М. И. Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма. С. 348.

³ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 627. Л. 54.

⁴ Беглов А. Л. Указ. соч. С. 106.

⁵ Чумаченко Т. А. Указ. соч. С. 124.

⁶ КПСС в резолюциях. Т. 8. С. 428–432, 446–450.

Начало «оттепели», внутрипартийная борьба за власть, сложная внешнеполитическая обстановка 1955—1956 годов отодвинули на второй план вопросы церковной политики. РПЦ пережила некоторое потепление отношений с государством, которое, однако, не расширило рамки дозволенного в сфере религиозности. 17 февраля 1955 года Совет Министров СССР изменил порядок открытия молитвенных зданий, согласно которому Совет по делам РПЦ получил право регистрировать общины, действовавшие без официального разрешения (массовой их регистрации не произошло). Впервые за советскую эпоху было разрешено издать Библию, Евангелие. Началось освобождение из заключения священнослужителей. В то же время 8 декабря 1955 года Совет по делам РПЦ направил своим уполномоченным циркулярное письмо, впервые определявшее задачи работы по выделению лояльного духовенства для получения информации о деятельности церкви¹.

Таким образом, на протяжении середины 1940-х—1958 годов ограничение рамок религиозности происходило постепенно. Верующие могли ходатайствовать об открытии храмов, посещать богослужения в зарегистрированных церквях, состоять в органах приходского управления, церковных хорах, полужакоально совершать паломничество к святым местам, поддерживать традицию сельского религиозного праздника, приглашать священников для совершения обрядов на дому, для сопровождения усопших из церкви на кладбище и совершения там богослужений. До конца 1950-х годов почти не предпринималось масштабных скоординированных акций против нелегальной религиозности, несмотря на внимание к ней уполномоченных Совета (исключение может составить, пожалуй, лишь высылка летом 1944 года из ряда центральных регионов страны более 1,5 тыс. антисоветски настроенных «истинно православных христиан»²). Репрессиям подвергались отдельные нелегальные священники, лица, возбуждавшие религиозные предрассудки, самовольно открывавшие храмы, «подстрекатели на антисоветские выступления» и т. п.³.

С весны 1957 года в ЦК КПСС начало формироваться мнение о необходимости серьезно ограничить влияние РПЦ на население.

¹ Шкаровский М. В. Последняя атака на Русскую Православную церковь. С. 354.

² Беглов А. Л. Указ. соч. С. 85, 116.

³ Там же. С. 108, 120, 121.

Наступление на религиозность и церковь стартовало в 1958 году и было связано с провозглашением руководством КПСС перехода к непосредственному строительству коммунизма (Н. С. Хрущев публично заговорил об этом уже в 1957—1958 годах¹). Его целью было радикальное снижение религиозности. Антицерковные и анти-религиозные постановления 1958—1961 годов не публиковались в открытой печати — партийное руководство не афишировало изменение церковной политики и сложившегося в послевоенные годы статуса церкви. Объективной основой идеологических новаций к концу 1950-х годов стали качественные социально-экономические и демографические сдвиги: подрыв традиционной системы расселения в ходе укрупнения колхозов, преобразования значительной их части в совхозы, делавшие «неперспективными» мелкие деревни и размывавшие остатки угасавшего в форме колхоза общинного начала — социальную основу бывшего прихода, миграция в города, достижение к 1958 году перевеса численности городского населения над сельским, прогресс социалистической культуры и образа жизни². 4 октября 1958 года вышло постановление ЦК КПСС «О записке отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам «О недостатках научно-атеистической пропаганды». В «Записке» констатировались активизация религиозных организаций и несоответствие ей уровня антирелигиозной работы³, а постановление ставило задачу ограничения деятельности религиозных организаций и наступления на религиозные «пережитки»⁴. По предложению Совета по делам РПЦ и Министерства финансов СССР 16 октября 1958 года Совет Министров СССР изменил порядок обложения подоходным налогом церковных свечных мастерских. Облагаемый доход от производства свеч повышался, что понижало доходы РПЦ,

¹ Пыжиков А. В. Истоки доктрины строительства коммунизма в СССР // Вестник Российской Академии наук. 2004. Т. 74. № 3. С. 248.

² Народное хозяйство РСФСР в 1964 году. Статистический ежегодник. М., 1965. С. 11, 12. XXII съезд КПСС. Стенографический отчет. В 3-х т. Т. 1. М., 1962. С. 151—154, 221. Беглов А. Л. Указ. соч. С. 245—246.

³ Записка Отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам от 12 сентября 1958 г. «О недостатках научно-атеистической пропаганды» // [Электронный документ]. Сайт Общероссийской общественной организации «Российское объединение исследователей религии». URL: <http://rusoir.ru/03print/02/239/index.html> (дата обращения — 02.06.2015).

⁴ Чумаченко Т. А. Указ. соч. С. 185—185. Шкаровский М. В. Последняя атака на Русскую Православную церковь. С. 363.

так как патриархия была предупреждена о недопустимости повышения розничных цен на свечи¹. Возросли ставки налога с земельных участков в пользовании монастырей, отменялись установленные для них льготы по налогу со строений и земельной ренте². Летом 1959 года закрыто 14 монастырей и 5 скитов, снято с регистрации 305 церквей и молитвенных домов³. В ноябре—декабре 1958 года состоялась массовая чистка церковных библиотек. Многие книги изымались, иностранная литература была взята под цензорский контроль⁴. Активизировался выпуск антирелигиозной литературы⁵. В 1962 году тиражом 850 тысяч экземпляров впервые с 1938 года была переиздана книга Е. М. Ярославского «Библия для верующих и неверующих».

Приобрела значительный размах борьба с нелегальной религиозностью, возросла ее координация. 28 ноября 1958 года было принято постановление Президиума ЦК КПСС «О мерах по прекращению паломничества к так называемым «святым местам», в котором подчеркивалась незаконность самого факта паломничества, предусматривалось усиление антирелигиозной пропаганды, «разъяснение» духовенству мероприятий советских органов, содействующих прекращению «обманной деятельности» у «святых мест»⁶. Связанная с паломничеством традиция локального религиозного праздника массированно вытеснялась циклом советских праздников и обрядов. Повысилась интенсивность репрессий и «проработок» органами госбезопасности лидеров нелегальных религиозных групп⁷. В инструктивном письме Совета уполномоченным от 6 июня 1959 года № 61 Совет рекомендовал отклонять все ходатайства об открытии храмов, следить, чтобы исполнение треб священником по просьбе верующих совершалось,

¹ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1672. Л. 15. *Чумаченко Т. А.* Указ. соч. С. 186.

² *Чумаченко Т. А.* Указ. соч. С. 199.

³ Там же. С. 205, 206.

⁴ *Шкаровский М. В.* Последняя атака на Русскую Православную церковь. С. 364–365.

⁵ *Ярославский Е. М.* Библия для верующих и неверующих. Изд. 11-е. М., 1962. Спутник атеиста / под ред. В. Е. Титова. М., 1959. Русское народно-поэтическое творчество против религии и церкви / сост., вступ. статья и прим. Л. В. Домановского и Н. В. Новикова, отв. ред. В. П. Вильчинский. М. — Л., 1961. и др.

⁶ «Добиться закрытия так называемых «святых мест» // Источник. 1997. № 4. С. 125–126.

⁷ *Беглов А. Л.* Указ. соч. С. 241–242.

если в доме нет лиц, возражающих против этого. Уполномоченным следовало выявить приходы, которые не могли существовать без поддержки епархии и под продуманными предложениями не допускать направления туда священников¹. 13 января 1960 года ЦК КПСС принимает постановление «О мерах по ликвидации нарушений духовенством советского законодательства о культах», которое усиливало контроль за недопущением привлечения к службе в церкви молодежи до 18 лет. Отрицался приоритет власти духовенства в приходе².

Ужесточению политики государства в отношении религиозности и церкви сопровождалось перестановками в руководстве Совета по делам РПЦ. В феврале 1960 года Г. Г. Карпова в должности его председателя сменил В. А. Куроедов, в прошлом партийный функционер³. Деятельность Совета до 1960 года он охарактеризовал как «содействие укреплению церковной иерархии» и материального положения церкви, а его основную задачу в новых условиях видел в «государственном контроле за деятельностью религиозных объединений». Озвученный Куроедовым план «устранения нарушений советского законодательства о культах» включал ограничение приобретения религиозными организациями имущества, запрет благотворительности, детских церковных кружков, привлечения молодежи и детей к участию в богослужениях, церковных хорах и подготовке к поступлению в духовные учебные заведения, подворных обходов священников без приглашения и выезда с этой целью за пределы прихода, ограничение деятельности настоятелей только богослужением, «правильное» налогообложение духовенства, меры по «упорядочению церковной сети», ликвидации паломничества к «святым местам» и др.⁴. Постановлением Совета Министров СССР

¹ Чумаченко Т. А. Указ. соч. С. 188–189.

² Гераськин Ю. В. Русская православная церковь, верующие, власть. С. 133.

³ Марченко А., *прот.* Религиозная политика советского государства в годы правления Н. С. Хрущева и ее влияние на церковную жизнь в СССР. М., 2010. С. 93.

⁴ Одинов М. И. «Проявлять бдительность, своевременно пресекать антисоветские выпады духовенства». Доклад председателя Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР В. А. Куроедова на Всесоюзном совещании уполномоченных. 1960 г.: // [Электронный документ]. Сайт Общероссийской общественной организации «Российское объединение исследователей религии». URL: <http://rusoir.ru/president/works/118/> (дата обращения — 02.06.2015 г.).

«Об усилении контроля за деятельностью церкви» от 16 января 1961 года отменялись все законодательные акты, принятые в годы войны и первое послевоенное десятилетие как противоречившие законодательству 1929 года¹. 16 марта 1961 года Совет Министров принимает постановление «Об усилении контроля за выполнением законодательства о культах»: к обеспечению контроля за религиозной обрядностью в обязательном порядке стали привлекаться местные органы власти, при них создавались комиссии содействия, деятельность которых часто сводилась к доносам, вмешательству во внутрицерковную жизнь². Совет по делам РПЦ и Совет по делам религий приняли «Инструкцию по применению законодательства о культах», запрещавшую религиозным организациям благотворительность, проведение женских и детских собраний, организацию кружков и библиотек, паломничества, санаторной и лечебной помощи, экскурсий, использование средств для возрождения затухающих церквей и монастырей³. Предусматривалось ограничение колокольного звона⁴. Уполномоченные Совета получили подробные разъяснения по подбору в церковные советы кандидатур для проведения нужной им политики⁵.

Ударом по основам управления РПЦ и религиозности стала перестройка приходского управления с подоплекой необходимости привлечения «общественности» к управлению делами приходов по аналогии с демократизацией управления государством⁶. В июле 1961 года Архиерейский собор вынужден был принять новую редакцию «Положения об управлении РПЦ», делавшего настоятеля храма только руководителем духовной жизни и возлагавшего финансово-хозяйственную деятельность на церковный совет. Священники нанимались общиной по договору только для «исполнения религиозных потребностей»⁷. Фактическими руководителями приходской жизни становились старосты, которые назначались

¹ Марченко А., *прот.* Указ. соч. С. 94.

² Шкаровский М. В. Последняя атака на Русскую Православную церковь. С. 374. Гераськин Ю. В. Русская православная церковь, верующие, власть. С. 137.

³ Шкаровский М. В. Последняя атака на Русскую Православную церковь. С. 372.

⁴ Чумаченко Т. А. Государство, православная церковь, верующие. С. 220.

⁵ Марченко А., *прот.* Указ. соч. С. 97–98.

⁶ Там же. С. 95.

⁷ Там же. С. 106–107.

РИКами из людей не только невоцерковленных, а иногда и просто неверующих и полностью подчиненных авторитету власти¹. Было расширено участие в богослужении женщин, которым поручались функции псаломщиков, регентов. Духовенство стало чаще практиковать заочное отпевание, общую исповедь, сокращало продолжительность богослужений², лишилось права выезжать в соседние населенные пункты, отправлять требы в домах верующих, посещать их под любым предлогом, кроме тяжелой болезни мирянина. С 1961 года получила распространение «индивидуальная работа» с верующими, направленная на отказ от веры путем убеждения. Если это не помогало, следовало обсуждение на собраниях, а затем понижение в должности, исключение из учебных заведений и т. д.³. Значительно возросло воздействие на жизнь приходов и епархий уполномоченных Совета, а также городских и районных исполкомов Советов, которые требовали выполнения своих указаний, стремились разложить двадцатку — основу прихода⁴.

Нажим на церковь обосновывался идеологическими установками, изложенными в решениях XXII съезда КПСС. Программа КПСС, ставившая задачу построения коммунистического общества к 1980 году, обозначала рубеж существования РПЦ и других религиозных организаций. В обновленном Уставе партии появилась формулировка, обязывающая каждого коммуниста вести «решительную борьбу с религиозными предрассудками»⁵. XIV съезд ВЛКСМ подчеркнул, что «свобода совести не распространяется на детей», предпринимались попытки не пускать их в храмы под страхом лишения родителей родительских прав⁶. В 1961 году состоялся «единовременный учет» молитвенных зданий и имущества религиозных организаций, после которого у них было изъято большинство автомашин, хозяйственных и жилых построек. Перестройка

¹ Русская Православная церковь в советское время (1917–1991). Кн. 2. С. 34–38. *Шкаровский М. В.* Последняя атака на Русскую Православную церковь. С. 374. *Марченко А., прот.* Указ. соч. С. 109, 118, 124.

² *Гераськин Ю. В.* Русская православная церковь, верующие, власть. С. 134.

³ *Шкаровский М. В.* Последняя атака на Русскую Православную церковь. С. 375.

⁴ *Марченко А., прот.* Указ. соч. С. 112, 115.

⁵ КПСС в резолюциях. Т. 10. С. 128, 187.

⁶ *Шкаровский М. В.* Последняя атака на Русскую Православную церковь. С. 381.

управления приходами сократила суммы их отчислений епархиальным управлениям, что ликвидировало возможность благотворительности, поддержки слабых приходов¹ и в конечном счете упростило для власти сокращение их числа. Весной 1962 года духовенство было переведено на твердые оклады, священнослужителей, бравших оплату у верующих, снимали с регистрации². Вводилась регистрация штатных псаломщиков, а также совершенных обрядов с перечислением платы за них исполнительным органам, которые сдавали «излишки» в Фонд мира. Информация об участии в обрядах передавалась официальным лицам и могла быть использована для преследования верующего³.

Таким образом, перенос границы легальности все ближе к полному запрету религиозности сузил в начале 1960-х годов разрешенный верующим спектр религиозных практик до возможности посещать богослужения в немногочисленных зарегистрированных храмах, в экстренных случаях приглашать священника на дом, затруднил возможность входить в состав органов приходского управления, петь в церковном хоре, ходатайствовать об открытии храмов без надежды быть услышанным властью.

10.2. Движение за открытие церквей и легальные приходы РПЦ

Возможность легального открытия храмов РПЦ, появившаяся в результате потепления государственно-церковных отношений в 1943 году, а также «религиозный взрыв», произошедший на временно оккупированной территории, где было открыто около 10 тыс. церквей⁴, из них примерно 2 150 — в оккупированных областях РСФСР⁵, актуализировало петиционное движение. Оно не было уникальным явлением военных и послевоенных лет. В дореволюционной России крестьяне, движимые стремлением иметь «свой», близкий в географическом и литургическом отношениях храм, часто

---

¹ Марченко А., *прот.* Указ. соч. С. 120.

² Шкаровский М. В. Последняя атака на Русскую Православную церковь. С. 379, 380.

³ Там же. С. 380, 381.

⁴ Там же. С. 329.

⁵ Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. С. 170.

просили об этом епархиальные власти и далеко не всегда получали одобрение. Если в дореволюционные годы решение зависело, в первую очередь, от удаленности или малых размеров существующей церкви, способности местного населения построить и содержать церковное здание и обеспечивать приходское духовенство¹, то в середине 1940-х годов — от колебаний власти (в первую очередь, областного руководства) между стремлением как минимум не увеличить новыми регистрациями сеть действующих церквей и опасением спровоцировать отказом всплеск религиозности.

Освобождение от оккупации западных областей РСФСР и начало массовой регистрации храмов обострили проблему легализации церквей, открывшихся при немцах. Часть из них была закрыта еще до правовой регламентации этого вопроса под предлогом нехватки жилья и помещений, пригодных для размещения официальных организаций. По ходатайству главы Совета по делам РПЦ Г. Г. Карпова 1 декабря 1944 года правительство приняло постановление «О порядке открытия церквей и молитвенных зданий на территории, освобожденной от немецкой оккупации», согласно которому изъятие здания бывшей церкви следовало согласовывать с Советом, предоставляя верующим взамен изъятых другое. Но, как правило, оно было меньшей площади, на окраине и в таком состоянии, что религиозная община отказывалась от него, а это делало ее «распустившейся», так как регистрация допускалась при наличии здания для богослужений. По данным Совета, на оккупированной немцами территории верующими было занято 1701 общественное здание, 1150 из них были изъятые в 1945—1947 годах, в том числе 324 здания бывших церквей и 826 нецерковных зданий². Так, в Брянской области в период оккупации функционировало 184 церкви, а на 1 января 1947 года легально действовало 99³. В Калининской области не было допущено возобновление церковной службы в более 100 церквях, которые в предвоенные и первые военные годы «механически прекратили свою деятельность из-за отсутствия священников и на которые

¹ Шевцова В. Ф. Православие в России накануне 1917 г. СПб., 2010. С. 103—105.

² Чумаченко Т. А. Государство, православная церковь, верующие. 1941—1961 гг. М., 1999. С. 76—77. Она же. Правовая база государственно-церковных отношений в 1940-е — первой половине 1960-х годов: содержание, практика применения, эволюция // Вестник Челябинского государственного университета. История. 2008. Вып. 24. № 15. С. 142.

³ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 317. Л. 10, 12.

не было решения органов власти о закрытии их»¹. В Смоленской области в начале 1945 года наряду с 54 действовавшими церквями было учтено 169 недействующих, в том числе 51 занятая под хозяйственные и иные нужды².

Была разработана многоступенчатая процедура открытия церкви. Согласно постановлению СНК СССР от 28 ноября 1943 года «О порядке открытия церквей», ходатайства верующих рассматривали СНК союзных и автономных республик, областные или краевые исполкомы Советов. Затем заявления пересылались в Совет по делам РПЦ, чтобы в случае одобрения быть переправленным в СНК СССР, а затем снова в Совет, который при одобрении Совнаркомом его заключения сообщал облисполкому окончательное положительное решение для регистрации «религиозного общества» и оформления передачи ему церковного здания³. В постановлении был реализован механизм согласования интересов местных и центральных властей, но принципиальное решение оставалось за региональным руководством⁴. Ходатайства направлялись уполномоченными в Совет по делам РПЦ только в случае положительного решения вопроса руководством области⁵, а многие отклонялись уже на стадии предварительного рассмотрения. 20 апреля 1944 года Совет по делам РПЦ направил на места инструктивное письмо, в котором перечислялись «законные» мотивы отклонения ходатайств⁶. Опасаясь всплеска нелегальной религиозности в местностях, ходатайства из которых оставались без удовлетворения, руководство Совета предлагало изменить процедуру принятия решения о регистрации

---

¹ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 895. Л. 19.

² Там же. Д. 34. Л. 68.

³ Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны. С. 263–264.

⁴ Беглов А. Л. Указ. соч. С. 122. Чумаченко Т. А. Государство, православная церковь, верующие. С. 67–68. Одинцов М. И. Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма. С. 310.

⁵ Бакиеева Е. Б. Политика Совета по делам Русской Православной Церкви при СНК (СМ) СССР в 1943–1965 гг.: ее особенности и проявления на Дальнем Востоке РСФСР // DIXI — 2012: идеи, гипотезы, открытия в социально-гуманитарных исследованиях: сборник научных трудов: выпуск 3 / под науч. ред. А. Ю. Завалишина. Хабаровск, 2012. С. 14.

⁶ Перелыгин А. И. Русская Православная Церковь на Орловщине в годы Великой Отечественной войны // Отечественная история. 1995. № 4. С. 130.

храма, оставив за «местными органами» «высказывание мнения» по этому вопросу, передав право решать Совету¹, однако поддержки это не нашло. Заместитель председателя СМ СССР В.М. Молотов, курировавший Совет по делам РПЦ, на одном из обсуждений процедуры открытия церквей заметил: «Открыть церкви в некоторых местах придется, но нужно будет сдерживать. Решение же вопроса — за правительством...»².

Наряду с усложнением процедуры открытия церкви по ходатайству с конца 1940-х годов упрощался порядок их снятия с регистрации, аппарат уполномоченных и региональные власти подталкивались к созданию преград для функционирования зарегистрированных храмов. До июня 1949 года уполномоченные Совета имели право самостоятельно закрывать те из них, где богослужения не проводились от 6 месяцев до года. В ноябре 1950 года снятие с учета стало производиться с согласия Совета по мотивированному заключению уполномоченного. Если Совет решал снять церковь с учета, то уполномоченный заносил ее в число недействующих, не сообщая об этом ни верующим, ни главе епархии. Направляемым в них священникам отказывалось в регистрации³.

Несмотря на все условности и ограничения, западнорусское крестьянство восприняла поворот в политике государства по отношению к церкви и религии как «награду» за тяготы и жертвы военного времени, возможность, не таясь, следовать ценностям традиционной духовной культуры, хотя «религиозный поворот», нелогичный в свете довоенного антирелигиозного курса, вызывал множество вопросов о том, какое место будет отведено религии и церкви⁴. Изменение отношения к вере люди объясняли «уступками» союзникам по антигитлеровской коалиции и «поворотом к старому»⁵, т.е. к дореволюционным ценностям.

Поскольку в большинстве областных и районных центров храмы либо не закрывались с довоенного времени, либо были вновь открыты в числе первых, основная масса ходатайств поступала из сельской местности. В 1944—1947 годах по РСФСР их поступило 19 772 (95, 6 % общего количества по СССР), в том

¹ Чумаченко Т.А. Правовая база государственно-церковных отношений в 1940-е — первой половине 1960-х годов. С. 141.

² Чумаченко Т.А. Государство, православная церковь, верующие. С. 68.

³ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 895. Л. 19–20. Чумаченко Т.А. Правовая база государственно-церковных отношений. С. 132.

⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 122. Л. 16.

⁵ Там же. Л. 17.

числе из Калининской—1467, Калужской—128¹. Однако удовлетворялась лишь малая часть ходатайств. В Калужской области по поступившим в 1944—1953 годах 207 заявлениям было открыто 36 храмов². Среди обоснований просьб открыть церковь в ходатайствах выделяются желание жить по заветам предков, исполняя все полагающиеся для православного обряды, избавиться от бед, поразивших деревню вследствие разорения храма, получить поощрение за выполнение заданий власти, обеспечить государству открытием храма дополнительный источник налоговых поступлений, реализовать данную «сталинской конституцией» свободу совести, преодолеть отдаленность от ближайшей действующей церкви и т. п.³. За большинством подобных обоснований просматривается стремление иметь доступный действующий храм. Отказ открыть его, который следовал за большинством обращений, верующие воспринимали как проявление двойных стандартов, нередко открыто высказывая свое возмущение представителям власти⁴. «Последним средством» в борьбе за церковь считалось обращение к Сталину⁵. Результатом петиционного движения в областях Центрального Нечерноземья в 1946—1948 годах, когда власти еще регистрировали церкви, стало увеличение их числа с 915 до 1006 (на 9,9%)⁶.

Сокращение к началу 1950-х годов числа ходатайств свидетельствует о разочаровании села в возможности зарегистрировать «свой» храм. Переписка между верующими и Советом тянулась годами, а количество заявлений из одной местности могло измеряться десятками. В числе причин стабилизации и сокращения количества прошений в 1949—1952 годах отмечаются материальные затруднения верующих при ремонте церковных зданий, волокита, удлинявшая

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 7. Л. 27, 28. Подсчитано: ГАКО. Ф. Р-3501. Оп. 1. Д. 1. Л. 19. ГАДНИКО. Ф. 55. Оп. 8. Д. 594. Л. 30.

² *Кометчиков И. В.* «Заветы социализма»: трансформация религиозного праздника на селе Центрального Нечерноземья в середине 1940-х — начале 1960-х гг. // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2015. № 2 (33). С. 242–243.

³ ГАКО. Ф. 3501. Оп. 1. Д. 22. Л. 9, 11 об., 19, 30 об. — 31, 42, 44, 51, 58 об., 60. Д. 31. Л. 2 об. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 181. Л. 12, 13. Д. 181. Л. 28, 50.

⁴ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 63. Л. 3 об. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 109. Л. 132.

⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 109. Л. 131.

⁶ Подсчитано: ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 180. Л. 22а-25.

и удорожавшая ходатайство¹. Не последовало ощутимого роста числа регистраций храмов и вследствие некоторой либерализации ее порядка по постановлению Совета Министров СССР от 17 февраля 1955 года: решение о регистрации молитвенного здания должны были принимать Советы Министров союзных республик по согласованию с Советом по делам РПЦ, которому также было дано право регистрировать фактически действующие, но не зарегистрированные религиозные общества, имеющие молитвенные здания².

Практически сразу с рубежа 1948/49 годов, когда прекратилось открытие храмов по ходатайствам, власти приступили к закрытию недавно открытых церквей. Только в 1949—1953 годах их количество в Центральном Нечерноземье сократилось на 49 по сравнению с численностью на 1 января 1949 года³. К 1945 году в Брянской и Смоленской областях число действующих храмов превысило 20% от числа учтенных церковных зданий. В Калужской области оно составило 4,7%. В начале 1952 года этот показатель составил более 20% в Смоленской области, в Брянской — 14,9⁴. Если в 1914 году в епархиях центральной России насчитывалось 10 243 приходских храма, то в 1946 году — 915 (8,9%), в 1953 году — 957 (9,3%)⁵.

¹ Гераськин Ю. В. Подача ходатайств об открытии храмов в 1940—1950-е годы как способ отстаивания конституционного права на свободу вероисповедания // Вестник Челябинского государственного университета. История. 2008. Вып. 24. № 15. С. 134.

² Чумаченко Т. А. Правовая база... С. 141.

³ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 180. Л. 22а-25.

⁴ Подсчитано: ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 34. Л. 68. Д. 35. Л. 5, 6, 81. Д. 37. Л. 51. Д. 172. Л. 25. Д. 173. Л. 8, 41. Д. 181. Л. 47. Д. 197. Л. 3. Д. 204. Л. 2, 63. Д. 215. Л. 3, 114. Д. 317. Л. 10, 12. Д. 318. Л. 9, 63. Д. 337. Л. 153. Д. 342. Л. 3, 84, 88. Д. 346. Л. 15. Д. 349. Л. 45. Д. 359. Л. 92. Д. 476. Л. 5, 69. Д. 485. Л. 2, 59. Д. 500. Л. 20, 65. Д. 508. Л. 35. Д. 518. Л. 195. Д. 635. Л. 49. Д. 646. Л. 2. Д. 667. Л. 3. Д. 759. Л. 107. Д. 904. Л. 17. Д. 765. Л. 52, 111. Д. 777. Л. 35. Д. 784. Л. 28, 44. Д. 790. Л. 60. Д. 888. Л. 10. Д. 895. Л. 79, 103. Д. 907. Л. 41. Д. 917. Л. 3, 39. Д. 921. Л. 6, 71. Д. 1023. Л. 2. Д. 1027. Л. 30, 37. Д. 1037. Л. 13. Д. 1043. Л. 46. Д. 1046. Л. 26. ГАДНИКО. Ф. 55. Оп. 8. Д. 594. Л. 1. Оп. 9. Д. 49. Л. 26. ГАКО. Ф. Р-3501. Оп. 1. Д. 1. Л. 19. Д. 29. Л. 1. Д. 34. Л. 17.

⁵ Подсчитано: Шевцова В. Ф. Указ. соч. С. 172. Смоленская епархия // [Электронный документ]. Сайт «Древо. Открытая православная энциклопедия». URL: <http://drevo-info.ru/articles/9619.html> (дата обращения: 11.11.2014). Орловская и Севская епархия // [Электронный документ]. Сайт Брянской епархии Брянской митрополии РПЦ МП. URL: <http://www.bryansk-eparhia.ru/eparhialnoe-upravlenie/istoriya-eparhii/sevskaya->

Таким образом, число зарегистрированных храмов серьезно уступало не только их дореволюционному количеству, но и числу уцелевших к началу 1950-х годов церковных зданий.

С регистрации снимались почти исключительно сельские церкви, в которых продолжительное время не было священнослужителя. Однако то, что в отчетах уполномоченных считалось следствием угасания религиозности, на деле было скорее следствием увеличения налоговой нагрузки на священнослужителей, роста налогов сельского населения, миграции из села. Уже к началу 1950-х годов снятие с регистрации значительного числа недавно открытых храмов привело к противоречивому результату, так как часто вызывало всплеск нелегальной религиозности и петиционной активности, которые считались «нежелательными». Из сел, где были закрыты церкви, поступали заявления о возобновлении богослужений. В ряде случаев верующие даже сумели добиться повторного открытия части храмов, снятых с учета в начале 1950-х годов. «Глухота» представителей власти к просьбам открыть действовавший, но вновь закрытый храм озлобляла ходатаев¹.

В конце 1950-х годов усилия по сокращению количества действующих церквей активизировались, став частью хрущевского наступления на религию «по всему фронту». В нем приняли участие создававшиеся группы содействия при РИКах, в составе которых было много участников довоенных атеистических кампаний. Работавшие на общественных началах группы следили за соблюдением законодательства о религиозных культах, вели «индивидуальную работу» с духовенством и религиозными общинами, что рассматривалось как предпосылка более настойчивого «упорядочения церковной сети»². Работа общественных групп давала эффект. Изменилась и манера официальной работы с ходатаями и ходатайствами. Если раньше настойчивость верующих преодолевалась волокитой, то с конца 1950-х годов становятся обычными прямые отказы в регистрации церкви самих руководителей областей на личном приеме и усиление антирелигиозной пропаганды в населенных пунктах, являвшихся источниками ходатайств³. Устав ждать открытия «своего» храма, верующие обращались в ближайшие

---

eparhiya/orlovskaya-i-sevskaya-eparhiya (дата обращения: 11.11.2014). ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 180. Л. 22а-25.

¹ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1555. Л. 7.

² Там же. Д. 1856. Л. 11.

³ Там же. Оп. 1. Д. 1558. Л. 25. Д. 1686. Л. 1. Д. 1761. Л. 8.

действующие церкви, пользовались услугами незарегистрированного духовенства и самосвятов¹.

Активизировалось воздействие уполномоченных Совета на духовенство. Глава Калининской епархии епископ Феодосий адресовал Совету по делам РПЦ и патриарху жалобу на уполномоченного Совета по Калининской области Хевронова, обвиняя его в препятствии замещению вакантных приходов, запугивании прибывающих в область священников их «бедностью» и «плохими бытовыми условиями»². Власти устанавливали инициаторов заявлений об открытии храмов и организовывали «индивидуальную работу» по прекращению ходатайств. Факторами, способствовавшими проведению политики сокращения числа действовавших храмов, также являлись укрупнения колхозов, трансформация традиционной сети сельского расселения, ускорявшие миграцию населения в города, старение и уход из жизни крестьян старших поколений, чтивших сельский храм как местную святыню, прогресс ряда институтов официальной культуры. Суммарный эффект от прямых и косвенных усилий власти по сокращению легально действующих храмов РПЦ в Центральном Нечерноземье позволил в 1953—1961 годах снять с регистрации 142 храма, в том числе в Брянской области — 16, Калужской — 11, Смоленской — 13. Только в 1958—1961 годах в областях Центра их было закрыто 131³. К концу 1950-х годов административными мерами было практически полностью остановлено поступление ходатайств⁴.

Трагически складывалась судьба многих недействовавших храмов, переоборудованных в культурно-просветительные учреждения, склады, зернохранилища, инкубаторы, электростанции и т.п. За 1948—1952 годы в СССР по решениям Совета у верующих было изъято, сломано, переоборудовано, разобрано 418 церковных зданий⁵. В 1953 году Совет утвердил решения облисполкомов о разборке 26 храмов, в 1954 году — 10. Кроме того, в 1948—1955 годах,

¹ Там же. Д. 1570. Л. 7.

² Там же. Д. 1664. Л. 42.

³ Там же. Оп. 2. Д. 180. Л. 1, 22а-25. Д. 263. Л. 30-34. Д. 313. Л. 74, 77, 90, 93, 97, 110, 129, 151, 168, 177, 190, 211.

⁴ Там же. Д. 156. Л. 12. Д. 180. Л. 13, 14. Д. 235. Л. 30, 33. Д. 206. Л. 17. Д. 288. Л. 28-29, 127, 132, 147, 151, 157, 202, 221, 228, 244. Д. 313. Л. 74, 76, 77, 90, 93, 97, 110, 129, 151, 168, 177, 190, 211.

⁵ Там же. Д. 235. Л. 63.

минуя Совет, по решениям местной власти было сломано и перестроено 292 православных храма¹. В 1959—1961 годах у верующих было изъято 307 общественных зданий, которые длительное время использовались как молитвенные дома, в том числе 249 зданий клубов и других учреждений культуры, 36 зданий школ, 22 хозяйственных здания². Далеко не везде переоборудование церковных зданий протекало безболезненно³.

Таким образом, за десять с лишним лет (с момента стабилизации численности церквей на рубеже 1948—1949 годов и до 1 января 1962 года) власти свели на нет значительную часть достигнутого верующими западнорусского села в рамках движения за открытие церквей, сняв с регистрации в Брянской, Калужской и Смоленской областях 49 церквей (27,7% храмов, действовавших на их территории на 1 января 1949 года)⁴. На 1 января 1962 года в областях Запада РСФСР на регистрации состояло 128 церквей, а на 1 апреля 1946 года — 185. Для значительной части населения села Центрального Нечерноземья официально действующий храм стал еще более труднодоступным, чем в начале поворота государства к церкви в середине 1940-х годов.

* * *

Блокирование движения за открытие храмов и снятие с регистрации значительного количества открытых церквей исключило формирование их сети, хоть сколько-нибудь напоминавшей дореволюционную, деформировало приходскую жизнь. Согласно «Положению об управлении РПЦ», утвержденному СНК СССР 28 января 1944 года, массовой основой организации верующих РПЦ являлся приход — община, объединившаяся вокруг официально зарегистрированного храма⁵. Возрождение организационной структуры РПЦ в первые послевоенные годы обозначило разреженность сельской приходской сети. На 1 января 1951 года в Брянской области количество сельских населенных пунктов, приходившееся в среднем на одну церковь (даже с учетом городских храмов), составляло 46,2, в Калужской — 112,6,

¹ Чумаченко Т. А. Указ. соч. С. 129—130.

² ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 288. Л. 45.

³ Там же. Оп. 1. Д. 1027. Л. 100.

⁴ Так же. Оп. 2. Д. 180. Л. 22а-25. Д. 313. Л. 74, 98, 177.

⁵ Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны. С. 275—276.

в Смоленской—136,2. Распределение действующих церквей по территории сельских районов было неравномерным, что вынуждало верующих посещать церкви, отдаленные на значительное расстояние. В 1950-е годы по мере сокращения официально действовавших храмов и роста количества сельских населенных пунктов разрежение церковной сети усиливалось. На 1 января 1960 года в Брянской области насчитывалось в среднем 62,2 сельских населенных пунктов на один храм, в Калужской—115,5, в Смоленской—160¹. Власть, управляя открытием церквей, тем самым контролировала и «целесообразное распределение» приходов по территории епархий. В результате храмы села располагались друг от друга на большом расстоянии: само понятие прихода в это время можно считать весьма условным, поскольку многие верующие прибывали на богослужения за 30—50 и более километров.

Почти сразу после стабилизации сети церквей в Центральном Нечерноземье, произошедшей на рубеже 1948—1949 годов, обозначилась своеобразная дифференциация приходов на «богатые» и «бедные». Важнейшей причиной этого, как представляется, была не столько антирелигиозная и культурно-просветительная работа, сколько экономическое оскудение села, вызывавшее миграцию в города. Малочисленность и бедность прихожан подрывала основу существования приходского храма, приводила к сменам настоятеля или его длительному отсутствию. Важным фактором, влиявшим на выдавливание из села священников и сворачивание религиозности, был налоговый пресс. Долгое время не существовало общеупотребительного метода вычисления облагаемого дохода священников, что позволяло исчислять его произвольно. Совет по делам РПЦ и его уполномоченные регулярно устанавливали много случаев неправильного их налогообложения. Финансовые инспекторы выбирали самый доходный для духовенства месяц в году, умножали полученную в течение него сумму дохода на двенадцать и так рассчитывали налог на год². На приемах у уполномоченного Совета по Калужской области сельское духовенство регулярно жаловалось на снижение

¹ Кошетчиков И. В. Религиозность в сельских приходах РПЦ Центрального Нечерноземья середины 1940-х — начала 1960-х гг. // Государство, общество, церковь в истории России XX—XXI веков. Материалы международной научной конференции, г. Иваново, 18–19 марта 2015 г. / отв. ред. А. А. Корников. В 2 ч. Ч. 1. Иваново, 2015. С. 152.

² Там же. С. 152–153.

посещаемости, низкую доходность служб и высокий уровень налогообложения. Священник церкви с. Спас-Суходрев Малоярославецкого района заявил уполномоченному Совета на приеме 12 февраля 1953 года, что посещение богослужений с каждым годом уменьшается, вследствие чего падают и доходы. В обычное время служба в храме была только в воскресенье. В 1951 году ее посещало 15 чел., годовой доход составлял 13—15 тыс. руб. В 1952 и 1953 годах прихожан стало не более 5—8 человек, а доходность в 1952 году составила 8—8,5 тыс. рублей, из которых 3—4 тыс. руб. ушло на налоги. Священник сетовал: «Посещают <службу> все время пожилое население, молодежь совершенно не ходит, если приходят в большие праздники—Пасху, Рождество <...>, да и то девушки, мужского пола молодежь не ходит, а их мало в деревнях, все разъехались на заработки...». На приеме 17 марта 1953 года священник церкви с. Спас-Загорье того же района сообщил, что ему пришлось попросить епископа о переводе из церкви села Лукьяново в церковь села Спас-Загорье из-за отсутствия доходов в лукьяновской церкви: «Посещаемость в воскресные дни в прошлом 1952 и 1953 годах стала до того мизерной, что приходит к заутрене в воскресенье одна старуха, а к обедне 3—5 человек старушек, мужчины перестали совершенно ходить в церковь, вот за 4 недели Великого поста говели всего 32 человека <...>. Крестин в 1953 году за три месяца не было ни одних, не говоря о свадьбах—их никогда не было. Впрочем, в 1945—1949 годах посещаемость церковного богослужения была намного больше, например, в воскресные дни посещали человек по 40—50 <...> Я там служил 8 лет, привык к населению и мне оно помогало, по существу, приношением продуктов, я один, мне (монаху) немного надо, а налоги я платил—то, что зарабатывал за год, например, в 1952 году заработал около 7000 руб. и уплатил около 6 тыс. руб.»¹. Заметим, что, согласно сводке уполномоченного Совета, ставки налога на доходы духовенства 25 сельских храмов Калужской области в 1952 году колебались от 17,9 до 38,4%, а сами эти доходы не превышали 27 тыс. руб., причем у более чем половины священников они были не более 14 тыс. руб.²

Для многих сельских священников вопрос заработка был вопросом продолжения богослужения. Духовенство «богатых» приходов чувствовало себя в деревне уверенно, а из «бедных» оно уезжало,

¹ ГАКО. Ф. Р-3501. Оп. 1. Д. 26. Л. 6–6 об., 12 об. —13.

² Подсчитано по: Там же. Д. 34. Л.13–15.

что влекло закрытие церквей. Скучность утвари и ветхость зданий «бедных» храмов отмечались во многих отчетах уполномоченных Совета и благочинных епархий¹. Богослужения в церквях «богатых» сельских приходов и городов отличались большей пышностью. Духовенство служило в дорогостоящих облачениях, церковные советы нанимали хоры певчих, руководимые профессиональными регентами. Храмы обладали разнообразной церковной утварью, росписями и колоколами. В них часто служили главы епархий, что привлекало верующих. Так, на предложение переехать служить в другой приход священник церкви с. Козлово Завидовского района Калининской области (где располагалась крупная текстильная фабрика) ответил: «Нет, прошу меня не трогать, с населением я живу хорошо, местная власть меня не беспокоит, доход хороший, Москва близко, лучше этого места мне не надо», а священник церкви с. Вырец Лихославльского района той же области на вопрос уполномоченного Совета, как живете, сказал: «Лучше ничего и желать не надо, население меня уважает, я первый человек в деревне, денег и продуктов у меня много, я никакой нужды не имею...»². Священник церкви с. Душкино Суражского района Брянской области пользовался большим уважением прихожан и, по словам уполномоченного Совета, «знал не меньше, чем сельские активисты». У него был действующий радиоприемник, тогда как в избе-читальне и колхозном клубе они не работали, имелись центральные газеты и журналы. В сельсовете, клубе, магазине он часто знакомил крестьян с новостями «на темы международной и внутренней жизни», а материальный достаток позволял ему одалживать им деньги³. Действие комплекса социально-экономических факторов, приводивших к угасанию многих храмов сельской местности, в сочетании с усилиями власти по сворачиванию религиозности сократили частоту богослужений. От ежедневных служб в первые годы мирной жизни храмы села перешли к богослужениям только по воскресеньям и большим религиозным праздникам. Три-четыре раза в неделю действовали церкви районных центров, ежедневно — лишь некоторые храмы районных и областных центров⁴. В Брянской области из 71 храма, состоящего на регистрации на 1 января 1961 года, ежедневное богослужение проводилось в 4,

¹ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1471. Л. 21, 24, 25, 26, 27. Д. 1883. Л. 11.

² Там же. Д. 326. Л. 65.

³ Там же. Д. 759. Л. 95.

⁴ Кошетчиков И. В. Религиозность в сельских приходах РПЦ. С. 154.

в воскресные и праздничные дни—в 56, нерегулярно действовавших церквей и церквей, где богослужения не проводилось, не было¹.

Для власти важнейшим индикатором религиозности было посещение верующими богослужений. В дореволюционные годы, когда религиозность определялась не по убеждениям, а юридической принадлежностью к одному из вероисповеданий по рождению и крещению (или соответствующих обрядам в нехристианских религиях)², православное крестьянство регулярно посещало церковные службы только по воскресеньям и религиозным праздникам, что было особенно характерно для верующих из отдаленных от храма деревень. В будние дни в церковь ходили заказавшие обедню или готовившиеся к причастию³. Гонения на церковь и религию углубили обыкновение посещать церковные службы в основном в праздничные дни. Воскресные службы в сельских церквях Центрального Нечерноземья посещали от нескольких до 100—500 прихожан, а по большим праздникам—до 3 000 человек. Особенно многолюдными богослужения были в первые три года после войны. По подсчетам уполномоченного Совета по делам РПЦ по Брянской области, за II и IV кварталы 1947 года церкви области посетило приблизительно 107 378 чел., в 1948 году—195 433 чел., в 1949 году—120 522 чел. По оценке уполномоченного Смоленской области, в 1949 году там насчитывались «сотни тысяч человек» верующих⁴.

Близость приходской церкви поддерживала традицию соблюдения основных обрядов. Так, в храмах Брянской области во II квартале 1947 года было совершено 630 обрядов крещения, 281 венчание, 328 похорон. В 1948 году, по данным Брянского областуправления, в области было зарегистрировано 25 111 новорожденных, из них были крещены 8 841 чел. (31,2%), из 10 052 зарегистрированных смертей 2 440 чел. были похоронены с исполнением религиозных обрядов (24,2%), из 12 435 браков венчались 826 пар (6,6%). По другим данным, в 1948 году в области было крещено 16 358 детей, похоронены 1 950 чел., венчались 1 253 пар, в 1949 году—14 115 детей,

¹ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 288. Л. 10.

² Синелина Ю. Ю. О критериях определения религиозности населения // СОЦИС. 2001. № 7. С. 91.

³ Громыко М. М. Отношение к храму и священнику // Православная жизнь русских крестьян XIX–XX веков. Итоги этнографических исследований / отв. ред. Т. А. Листова. М., 2001. С. 88.

⁴ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 508. Л. 38.

4 916 умерших, 290 пар соответственно¹. Уполномоченный по Калининской области в III квартале 1948 года информировал Совет по делам РПЦ: «Новорожденные дети верующих родителей крестятся, а из бесед с сельскими священниками можно сделать вывод, что некрещеными остаются буквально единицы. Отмечаются случаи крещения детей и отпевания умерших в семьях сельского актива, в том числе и членов партии...»². В обычные дни в смоленском кафедральном соборе крестили до 90 новорожденных. Только 6 и 7 ноября 1949 года (в воскресенье и понедельник) было крещено около 200 человек³. Согласно данным Совета по делам РПЦ, даже в условиях нажима на религиозность, в 1960 году в Брянской области было крещено 33% новорожденных, в Калужской — 35,4%, в Смоленской — 36,1%, обвенчалось 0,7%, 1,0% и 0,2% новобрачных, было отпето 19,4%, 33,0% и 45% усопших соответственно. Сходные показатели соблюдения обрядов отмечались и в 1961 году⁴. Религиозно настроенная часть крестьянства оказывала давление на игнорирующих по разным причинам православные обряды, или, выражаясь казенным языком, «вела религиозную пропаганду». Ее невольными заложниками становились подчас даже дети. Выступая в октябре 1948 года на пленуме Тарусского РК ВКП(б) (Калужская область), один из членов РК заявила, что из-за слабой постановки в Тарусской средней школе воспитательной работы ее дети стыдятся носить пионерский галстук, о чем, по ее словам, свидетельствовал обращенный к ней вопрос ее одиннадцатилетней дочери: «Мама, а почему ты меня не окрестила в церкви?...»⁵ Заведующий Владимирским участком Брасовского хмлесхоза (Брянская область), проживавший в лесном поселке и имевший 6 человек детей, всех их крестил. «У нас, — заявил он, — нельзя не крестить. Засмеют...»⁶. «Отступников» «от православной обрядности» «вразумляли» пожилые, как правило, глубоко верующие люди. Одна из жительниц деревни Крюково Богдановского сельсовета Сычевского района Смоленской области регулярно обращалась к молодым односельчанам со словами, что «молодежь забыла бога, в большие храмовые праздники не ходит в церковь,

¹ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 476. Л.74. Д. 317. Л. 106. Д. 172. Л. 9, 28.

² Там же. Д. 326. Л. 25.

³ Там же. Д. 349. Л. 33. Д. 508. Л. 28.

⁴ Там же. Оп. 2. Д. 263. Л.140, 141.

⁵ ГАДНИКО. Ф. 55. Оп.8. Д.76. Л.139.

⁶ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 887. Л. 93.

устраивает танцы, за что Господь и наказывает вас. Скоро наступит конец мира, надо молиться и просить всевышнего, он всемилостив и пошлет счастье верующим...» При посещении одной молодой семьи она говорила: «Да от вас слышится запах земли, а это потому, что вы живете невенчаные, вот Господь и разгневался на вас, наслал на вас кару, вам необходимо повенчаться в церкви, просить Бога о прощении, он всемилостив, простит вас и вы будете счастливы...»¹. В Вяземском районе «религиозную пропаганду» в деревнях «вели» монахи некогда закрытых монастырей, странствовавшие из деревни в деревню и занимавшиеся пошивом одеял, рубашек, платьев и т. п.². Практически всегда после подобных разговоров партийные и советские органы на местах фиксировали рост набожности.

Однако сокращение возможностей участвовать в легальных богослужениях деформировало канонические формы приходской церковной жизни, заставляя верующих и духовенство приспосабливаться к неблагоприятным социально-экономическим условиям и антицерковной политике. Так, скудное благосостояние большинства прихожан сельских храмов, дефицит культового имущества стимулировали полуподпольные кустарные промыслы по изготовлению свеч, нательных крестиков, церковной утвари и икон, широко продававшихся в Брянской и Смоленской и других центральных областях³. Запрет в 1948 году традиционных для сельской местности крестных ходов внутри прихода и богослужений вне храмов приводил к их профанации, когда посетивший отдаленный храм верующий покупал свечи или брал освященную воду «на весь колхоз», а колхозники сами совершали обряд⁴. Стремление преодолеть ограничения, в которых были вынуждены действовать зарегистрированные храмы, подталкивало настоятелей и церковные советы к развитию близ храма «ночлежных домов» для прихожан из дальних деревень, использования под ночлег притвора храма⁵. В Калининской области священники «слабых» приходов помимо храма крестили, причащали, исповедовали,

¹ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 784. Л. 16.

² Там же. Д. 204. Л. 71.

³ Там же. Оп. 1. Д. 1023. Л. 10. Д. 1129. Л. 16. Д. 1478. Л. 23. Д. 1675. Л. 11. Д. 1581. Л. 6–7. Д. 1689. Л. 24.

⁴ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 888. Л. 41. ГАДНИКО. Ф. 55. Оп. 9. Д. 327. Л. 21.

⁵ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1350. Л. 19. Д. 1675. Л. 15. Д. 1877. Л. 4. Д. 1961. Л. 11. Д. 1857. Л. 4.

служили молебны¹. Практиковалось заочное совершение обрядов², использование для богослужения магнитофонов³.

Таким образом, если в конце XIX—XX вв. в деятельности прихода выделялись религиозная, религиозно-праздничная, нравственно-воспитательная, школьно-образовательная, хозяйственная функции, а также функция культурной адаптации⁴, то на протяжении изучаемого нами периода легальный приход был нацелен на выполнении одной функции, отводившейся ему властью в системе церковной организации — был центром совершения разрешенных обрядов. Однако политика по усилению «разреженности» церковной сети, а также неравномерность распределения малого количества действующих храмов по значительной территории делала затруднительным выполнение верующими даже минимума требований православного культа. Религиозность большинства прихожан в лоне легальной церкви в большинстве случаев сводилась к исполнению основных обрядов, обозначавших основные события в жизни верующего, и редкому посещению праздничных богослужений. Стремясь преодолеть ограничения, духовенство и верующие пытались воссоздать «инфраструктуру» прихода, обслуживавшую прихожан из отдаленных населенных пунктов, упрощали обрядность, формировали местные «центры» обеспечения предметами культа и т.д.

10.3. Подпольные молитвенные дома в пространстве крестьянской религиозности

Стремление власти удержать в установленных рамках всплеск религиозных настроений военных и первых послевоенных лет высветил распространенность на селе Центрального Нечерноземья наряду с зарегистрированными приходами РПЦ немалого числа верующих, собиравшихся для молитвы явочным порядком. Власть вытеснила эти собрания за границу легальности, хотя мотив противопоставления

¹ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1961. Л. 5.

² Там же. Д. 1675. Л. 17.

³ Там же. Д. 1857. Л. 4.

⁴ Русские Рязанского края. В 2 т. Т. 2. С. 234. Кузнецов С. В. Православный приход в России в XIX в. // Православная вера и традиции благочестия у русских в XVIII—XX веках. Этнографические исследования и материалы / отв. ред. О. В. Кириченко, Х. В. Поплавская. М., 2002. С. 157.

государству и легальной церкви был для них вовсе не обязательным¹. Но нелегальность богослужений часто вела за рамки богослужбного канона РПЦ. Контролируя официальную РПЦ, государство использовало ее для устранения феномена, определяемого как «народное православие»². Представляется, что большинство верующих села, не отличаясь религиозной активностью и будучи не знакомыми в достаточной мере ни с советским законодательством о культах, ни с богослужбным канонам, при удовлетворении своих религиозных потребностей исходили из иной системы координат, нежели власть и РПЦ. Для них коллективные моления явочным порядком без зарегистрированного духовенства, считавшиеся государством нелегальными, РПЦ — зачастую неканоничными (или «сектантскими»), являлись «законными» наравне с официальными приходами РПЦ, так как означали богослужение, отвечающее повседневному потребностям и доступное в географическом и материальном отношениях. Многие верующие села индифферентно относились к догматическим и политическим разногласиям в среде религиозных активистов, в частности, их спорам по поводу «благодатности» легальной РПЦ и ее руководства.

Потребность в «своем» богослужении существовала и в дореволюционные годы³, часто выражаясь в неканоничных формах⁴. Но в условиях атеистического государства ее реализация, как и вполне каноничной «религиозности», была затруднена. Одним из адекватных обстановке способов преодоления этой проблемы стали коллективные богослужения явочным порядком, часто именовавшиеся в официальных документах «подпольными молитвенными домами» или «нелегальными молитвенными собраниями». Хотя нелегальная религиозная деятельность ими не исчерпывалась, именно к подпольным молитвенным домам и нелегальному духовенству значительное количество сельского населения обращалось изо дня в день. Уже в середине 1940-х годов Г. Г. Карпов подчеркивал связь сдерживания регистрации церквей с распространением нелегальных богослужений, бороться с которыми было гораздо сложнее, чем пытаться понижать активность легального прихода⁵. В августе 1948 года, спустя четыре

¹ Беглов А. Л. Указ. соч. С. 12, 14, 233–234.

² Панченко А. А. Указ. соч. С. 17–37.

³ Шевцова В. Ф. Указ. соч. С. 103, 172–212, 221.

⁴ Русские Рязанского края / отв. ред. С. А. Иникова. В 2 т. Т. 2. М., 2009. С. 227, 256–260. Шевцова В. Ф. Указ. соч. С. 333.

⁵ Беглов А. Л. Указ. соч. С. 119–122.

месяца после прекращения удовлетворения ходатайств об открытии храмов, он обратился к К. Е. Ворошилову с предложением открыть «некоторое количество» церквей, так как «нелегальное отправление обрядов» может привести «только к укреплению религиозности, а не ослаблению», а также разработать совместно с МГБ и МВД СССР меры по ликвидации нелегальных молитвенных домов¹. Во второй половине 1940-х годов уполномоченные Совета столкнулись с многочисленными случаями богослужений скртытников (незарегистрированных священников), монахов и монахинь ликвидированных монастырей, «монашек» (мирянок, монашествующих в миру без принятия пострига²), самосвятов (мирян, самочинно совершавших религиозные обряды)³ и, соответственно, приходов, количество которых превышало количество зарегистрированных. В Брянской области, кроме официально зарегистрированного, насчитывалось около 50 монахинь закрытых монастырей. Много их было и в соседних областях⁴. Отмечались многочисленные случаи богослужений «простецов»⁵. Ситуация была столь серьезной, что специально изучалась в 1945 и 1946 годах Синодом, полагавшим единственным выходом против сектантства и «самочинных совершителей церковных служб и треб» введение института разъездных священников, о чем Синод ходатайствовал перед Советом по делам РПЦ. Однако в 1949 году это предложение было отклонено⁶.

Как видно, в вопросе о том, кто и какие обряды православного культа может совершать, иерархи РПЦ в послевоенные годы придерживались установлений дореволюционной поры. Известный знаток православного богослужебного канона С. В. Булгаков различал «по полномочию и благодати священнодействия» епископов, пресвитеров и диаконов. Первые определялись как «полновластные и независимые» совершители богослужения всех видов, вторые — зависимые от них,

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 6. Л. 94–95.

² Русские Рязанского края. Т. 2. С. 253.

³ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 45. Л. 38, 39. Д. 172. Л. 25–26. Д. 204. Л. 71. Д. 485. Л. 34.

⁴ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 34. Л. 144. Д. 48. Л. 202. Д. 197. Л. 15. Д. 650. Л. 51, 52. Д. 1266. Л. 7. РГАСПИ. Ф. Ф. 17. Оп. 132. Д. 252. Л. 249, 250.

⁵ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 44. Л. 32 об. Д. 45. Л. 39. Д. 48. Л. 1 об. 188–189. Д. 50. Л. 176, 209 об. Д. 342. Л. 10, 41.

⁶ Чумаченко Т. А. Государство, православная церковь, верующие. С. 81. Беглов А. Л. Указ. соч. С. 174–175.

но могущие совершать все службы и таинства (кроме таинства священства, евхаристию — только на освященном епископом антиминсе, миропомазание — посредством им же освященной мирры). Диаконны были обязаны прислуживать при богослужении епископам и пресвитерам, но не могли вести его самостоятельно. Из таинств РПЦ лишь крещение могло совершаться православными мирянами (даже женщинами), но только в отсутствие клириков вплоть до псаломщика. Богослужения заштатных священников допускались только с согласия приходского священника и разрешения епархиальных властей¹. Таким образом, богослужения всех самосвятов, а также заштатного духовенства, не имевшего священнического сана и официальных разрешений иерархов РПЦ на их совершение², можно считать нарушениями церковного канона. Государство учитывало это, активно используя легальную РПЦ в борьбе с запрещенной религиозностью.

С середины 1940-х до конца 1950-х годов подпольные приходы, обслуживавшее их духовенство или самосвяты не ощущали централизованного прямого давления. Представляется, что власти тогда не воспринимали их как серьезную угрозу, хотя в первые послевоенные годы Совет рекомендовал уполномоченным бороться с незарегистрированным духовенством «через местные советские, административные, финансовые органы». Но местная власть «проявляла безразличное отношение ко всяким видам религиозной деятельности, как к легальной, так и к подпольной»³. С 1958 года сворачивание нелегальных богослужений вписывается в общий курс на «окончательное» сворачивание религиозности вообще широким набором инструментов.

Противостояние государства и крестьянства по поводу доступности богослужений могло проявляться довольно остро. В Брянской области в начале 1950-х годов насчитывалось более 30 самосвятов и около 300 монахов и монахинь 14 ликвидированных монастырей,

---

¹ Булгаков С. В. Настольная книга для священноцерковнослужителей (Сборник сведений, касающихся преимущественно практической деятельности отечественного духовенства). Репринтное воспроизведение издания 1913 г. М., 1993. С. 736–748, 973–976.

² А. Л. Беглов отмечает массовую практику выдачи патриархией и епархиальными архиереями в 1944–1945 гг. не имевшим официальной регистрации, но желающим получить приход священникам указов с правом совершать богослужения в домах верующих, чтобы эти священники инициировали ходатайства об открытии церквей. См.: Беглов А. Л. Указ. соч. С. 195–197.

³ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 342. Л. 42. Д. 627. Л. 9. Д. 650. Л. 30.

часть которых работала на дому, часть нищенствовала, а большинство состояло в церковных общинах псаломщиками, служками, уборщицами, членами ревизионных комиссий, церковных двадцаток. Монахини служили панихиды на могилах партизан и советских воинов, сохраняли в своих домах «чудотворные иконы», к которым продолжалось паломничество. Такая же ситуация была в конце 1940-х — начале 1950-х годов в 27 районах Орловской области, не имевших зарегистрированных церквей. Смоленское УКГБ в начале 1957 года информировало руководство обкома КПСС о деятельности наряду с 54 легальными храмами «патриаршей ориентации» групп верующих, подозреваемых в связях с «Истинно православной церковью». Участники этих групп не признавали РПЦ, так как она «продалась антихристу», выполняя обряды с «монахами и странниками». Противопоставлявшие себя РПЦ считали, что «священники действующих церквей служат не богу, а властям, что поэтому верующие должны молиться не у них, а у священников, бывших в заключении и ссылках»¹.

Подпольный молитвенный дом был не только порождением политики ограничения количества церквей, но и адаптацией церковного канона под повседневные крестьянские религиозные потребности, о чем свидетельствует его топография и воспроизводившиеся в нем религиозные практики. Подпольные молельни выгодно выделялись на фоне легальных церквей большей территориальной доступностью, дешевизной и широким спектром выполняемых треб. В них не только крестили детей, отпевали усопших, причащали, служили литургии², но и выполняли такие обряды, за которые зарегистрированное духовенство снимали с регистрации: служили молебны о дожде или,

¹ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 50. Л. 297–298. Д. 482. Л. 15, 51. Д. 485. Л. 4. Д. 500. Л. 32. Д. 765. Л. 50. Д. 777. Л. 25, 42. Д. 784. Л. 51. Д. 907. Л. 49. Д. 1239. Л. 99, 100. Д. 1361. Л. 44. Д. 1555. Л. 8–9. ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 3. Д. 387. Л. 221, 223, 224.

² Видимо, в каких-то случаях уполномоченные Совета принимали за литургию самосвятов чтение ими акафистов — гимнографических произведений в честь Христа, Богородицы и святых, при исполнении мирянами являющихся частной домашней молитвой, не равнозначной церковному богослужению. См.: Практическое руководство при совершении приходских треб. Сост. свящ. Н. Сильченков. Изд. 5-е, испр., печат. по изд. 1888 г. СПб., 1994. С. 103 [Электронный документ]. Сайт «Типикон. Страница игумена Корнилия». URL: <http://typikon.ru/books/treby.pdf> (дата обращения — 15.06.2015).

напротив, «бездождии», «об уничтожении червя на полях», «об урожае», освящали посевы и скот, служили панихиды на братских могилах, в «святых местах», «снимали порчу», «изгоняли бесов», «врачевали». Можно согласиться с мнением, что активность подпольного молитвенного дома в немалой степени зависела от авторитетности его лидера, готового объединить верующих и взять на себя обязанности священника, степени антирелигиозного настоя местной власти¹.

Большинство нелегальных молелен, посещенных уполномоченными Совета в 1950-е годы, представляло собой более или менее просторные частные дома, богослужение в которых велось самосвятами с участием хора в сокращенной форме. Их внутреннее убранство формировалось верующими в складчину и было скудным². Их внутреннее убранство формировалось верующими в складчину и было скудным³. Таким был молитвенный дом в с. Доброводье Севского района Брянской области, действовавший в 1944–1951 годах после закрытия церкви, которая располагалась при немцах в сельской школе. Ежегодно религиозная община меняла помещение «храма», переносила его в дом другого верующего. Богослужение велось трижды в неделю и в дни религиозных праздников. Евангелие «за священника» читала 25-летняя жительница села с семиклассным образованием под пение хора, состоящего из местных жителей. Утварь «церкви» включала большую икону, медный настольный крест, подсвечник и Евангелие⁴.

Нелегальные богослужения в частных домах могли продолжаться десятилетиями. Так, ликвидировать «деятельность» монахини Евлампии и сплотившегося вокруг нее «монастыря» в с. Разрытом Мглинского района Брянской области пытались три сменявших друг друга уполномоченных Совета по Брянской области в 1947–1959 годах. В 1958 году третий уполномоченный Совета по Брянской области С. Мелеша оценил «деятельность вокруг имени Евлампии как вредную и требующую всяческих ограничений», предложив воздействовать на часть верующих убеждением, а к другим применить административные меры. Совет по делам РПЦ высказался за помещение Евлампии в больницу или инвалидный дом и привлечение организаторов

¹ Русские Рязанского края. Т. 2. С. 241.

² ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 759. Л. 41. Д. 1023. Д. 1157. Л. 25. Д. 1367. Л. 8, 22, 23. Д. 1478. Л. 16. Д. 1581. Л. 6, 7.

³ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1023. Д. 1157. Л. 25. Д. 1367. Л. 8, 22, 23. Д. 1478. Л. 16. Д. 1581. Л. 6, 7.

⁴ Там же. Д. 759. Л. 41.

«монастыря» к ответственности¹. По информации Смоленского УКГБ, в 1957 году в Вязьме действовало «монашеское подворье» из семи бывших монахинь, к одной из которых за «предсказаниями судьбы» и «гаданиями» обращалось большое количество населения. Знахарка и гадалка жила в д. Старое Вяземского района².

Центрами выполнения неканоничных или полуканоничных обрядов также являлись и местные святыни, приобретшие из-за недоступности зарегистрированной церкви функцию центра прихода, где крестили, причащали, служили литургии. Около них регулярно фиксировалась деятельность знахарей, «пророков», «целителей» и других сельских маргиналов³, не боявшихся уголовной ответственности⁴. В с. Уварово Ельнинского района Смоленской области «шарлатанством и антисоветчиной» занимался житель с. Мурыгино Починковского района Смоленской области, в 1952 году ходатайствовавший об открытии церкви, а с 1954 года «врачевавший». Переехав в Ельнинский район области, он объявил себя «посланником бога», «святым человеком», «вторым Петром-пророком» и начал богослужения, крещения детей, «исцеления», приобретя десятки последователей. Он ввел свои правила службы, на которой верующие должны были находиться без обуви и т.д. В начале 1960-х годов Смоленское УКГБ провело «профилактирование» лидеров ельнинской группы

¹ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 172. Л. 26. Д. 1023. Л. 85. Д. 1346. Л. 42. Д. 1554. Л. 1–2, 3, 5, 6.

² ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 3. Д. 387. Л. 307, 308.

³ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 911. Л. 33. Д. 1240. Л. 53. Д. 1260. Л. 29. Д. 1263. Л. 11. Д. 1347. Л. 9–10. Д. 1775. Л. 21. ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 3. Д. 1077. Л. 158–160. Обращение к услугам знахарей и колдунов (наряду со священниками) в критической для крестьян личной или общественной ситуации было распространено и в дореволюционные годы. См.: Русские Рязанского края / отв. ред. С. А. Иникова. В 2 т. Т. 2. М., 2009. С. 272, 566.

⁴ Ст. 180 УК РСФСР 1926 г. См.: УК РСФСР 1926 г. // [Электронный документ]. Сайт Wikisource — «Свободная библиотека». URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Уголовный_Кодекс_РСФСР_редакции_1926/Редакция_11.01.1956 (дата обращения: 12.06.2015). Ст. 221 УК РСФСР 1960 г. См.: УК РСФСР от 27 октября 1960 г. Первая редакция (без изменений и дополнений) // [Электронный документ]. Сайт «Левоневский Валерий Станиславович». URL: <http://pravo.levonevsky.org/kodeksru/uk/19601027/index03.htm> (дата обращения: 12.06.2015). Примечательно, что еще в XVIII в. был введен действовавший и в конце XIX в. закон об уголовной преследовании за распространение слухов о мнимых чудесах. См.: *Шевцова В. Ф.* Указ. соч. С. 291.

«Истинно православной церкви». Бродячий проповедник группы был направлен на принудительное лечение, а в Ельне при большом стечении населения совместно с РК КПСС был организован анти-религиозный вечер с выступлением отказавшегося от сана священника РПЦ и критикой «знахарок» и «исцелителей», проживавших в райцентре и районе¹.

Неканоничное в религиозных практиках сельского населения тесно переплеталось с каноном РПЦ и присутствовало даже в зарегистрированных храмах, что позволяет поставить вопрос об определенной «эластичности» отношения легальной РПЦ к части мирянских треб, особенно если они были связаны с «чудесами» и «знамениями». До 1917 года иерархи РПЦ не подвергали сомнению возможность чудес вообще, хотя далеко не однозначно относились к некоторым практикуемым требованиям, разграничивая «веру» и «суеверие», часто понимая под последним претензии мирян на созерцание или непосредственный контакт с чудесным². Богослужебный обиход РПЦ включал храмовые и внехрамовые богослужения (требы), совершаемые «по нужде одного или нескольких лиц, во время, определяемое обстоятельствами их жизни»³. В дореволюционных «Требниках» (использовавшихся и в послевоенные годы) присутствовали обряды по случаю стихийных бедствий, «изгнания бесов», «снятия порчи», против падежа скота от «чародейства» и т. д.⁴, однако нередким

---

¹ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 911. Л. 33. Д. 1260. Л. 29. Д. 1263. Л. 11. ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 3. Д. 1077. Л. 158–160.

² Шевцова В. Ф. Православие в России накануне 1917 г. / пер. с англ. Е. Итэсь, В. Шевцовой, отв. ред. Д. М. Буланин. СПб., 2010. С. 330, 332.

³ Никольский К., прот. Пособие к изучению устава богослужения православной церкви. Репринтное воспроизвед. 7-го изд. 1907 г. М., 2008. С. 122.

⁴ Требник митрополита Петра Могилы. Репринтное изд. 1646 г. В 3 ч. Ч. 3. Часть третья требника, различные воследования, молебны и молитвы в различные потребы и нужды, по времени и по потребе употребляемые в себе содержащая. Киев, 1996. С. 308–403. Новая скрижаль, или Объяснение о церкви, о литургии и о всех службах и утварях церковных, Вениамина, архиепископа Нижегородского и Арзамасского. Репринт 17-го изд. 1908 г. М., 1999. С. 272, 275. В дореволюционных изданиях есть и указания на официальное запрещение использования Требника Петра Могилы, что, впрочем, не останавливало духовенство от «отчиток» «бесноватых» даже в Москве. См.: Краинский Н. В. Порча, кликуши и бесноватые как явления русской народной жизни / предисл. акад. В. М. Бехтерева. Новгород, 1900. С. 174–175, 215. Современное переиздание этих молитв для духовенства РПЦ. Последования молебные об избавлении от духов нечистых. М., 1999. Требник. СПб., 1995. С. 173.

было их запрещение или призыв провинциальному духовенству «не устраивать вновь, кроме обычных» и «отправлять с осмотрительностью» и особого разрешения архиерея в зависимости от оценки ситуации на месте «происшествия»¹.

Выявленные случаи реакции епархиального руководства в послевоенные годы на использование легальным духовенством обрядов, тесно связанных с «народным православием» и подвергавшихся из-за этого серьезной редукции, с одной стороны, позволяют согласиться с мнением А. Л. Беглова о стремлении епископата РПЦ принять подпольные приходы в лоно РПЦ, так как в них происходил «упадок традиционной церковной культуры», «трансформация богослужебных обычаев церковного подполья во внецерковные практики» по схемам народного православия, ведущим к сектантству². С другой, выступая категорически против нарушения богослужебного канона, епископат объективно смыкался с курсом Совета по делам РПЦ на ограничение «пограничных» с «народным православием» зон каноничной религиозности. В одной из таких зон, как видно, продолжали жить вера в «бесовские силы» и способы избавления от них посредством «отчитки» священником или колдуном³. Несмотря на то что Синод указом от 13 мая 1773 года запретил духовенству «отчитывать» «кликуш» (людей с «порчей», как считалось в народе), которых, по его мнению, следовало

¹ Никольский Н. М. История русской церкви / науч. ред., автор вст. ст. и ком. Н. С. Гордиенко. 3-е изд. М., 1983. С. 233. Шевцова В. Ф. Указ. соч. С. 201–212, 291–293. Чистяков П. Г. Почитание местных святынь в советское время: паломничество к источнику в Курской Коренной пустыни в 1940-е — 1950-е гг. // Религиоведение. 2006. № 1. С. 38, 47. Он же. Почитание чудотворных икон в современном православии (Бронницкий список Иерусалимской иконы Богоматери) // Религиозные практики в современной России / под ред. К. Русселе и А. Агаджаняна. М., 2006. С. 214, 217. Практическое руководство при совершении приходских треб. С. 95. Никольский Н., *прот.* Указ. соч. С. 841–842.

² Беглов А. Л. Указ. соч. С. 194–202, 203–207, 209.

³ О многочисленных народных верованиях, связанных со смертью, болезнями или несчастьями, причиненными нечистой силой, и способами избавиться от них при помощи священника или знахаря, см.: Русский демонологический словарь / авт.-сост. Т. А. Новичкова. СПб., 1995. С. 49–52, 54–55, 57, 67–68, 78, 88, 143, 169, 173–174, 179, 204, 205–206, 238–242, 256, 258–259, 265–266, 267, 314, 401–402, 433–434, 598, 599, 607, 612. Токарев С. А. Религиозные верования восточнославянских народов XIX — начала XX века / отв. ред. проф. С. И. Ковалев. Изд. 2-е. М., 2012. С. 148, 153–154.

рассматривать как обманщиц, не желавших работать, кликушество являлось массовым явлением вплоть до начала XX века¹. В дореволюционные годы психиатры насчитывали на селе десятки тысяч кликуш, а само кликушество определяли как «обыденное явление народной жизни»: проявление «сомнамбулизма» вследствие поддерживаемой монастырями веры крестьянства в «порчу» и «одержимость бесами» на фоне тяжелых условий жизни². Кликушество часто встречалось и в послевоенные годы, что отразилось на требованиях сельского духовенства.

Переплетение элементов «народного православия» с каноничным церковным обиходом могло раздражать не только епископов, стремящихся не провоцировать власти на «устранение нарушений законодательства о культах», но и зарегистрированных священников. В самосвятах они видели конкурентов, а в пользовавшихся их услугами мирянах — суеверных людей. Священник церкви с. Уварово Ельнинского района Смоленской области в беседе с уполномоченным Совета в 1958 году высказывал убежденность в отсутствии в народе религиозности, вместо которой осталось «одно суеверие» и «исполнение обрядов». Верующие часто обращались к нему с просьбами, «ничего общего не имеющими с религией». В частности, один прихожанин, явившись ночью в дом настоятеля, просил открыть царские врата церкви, так как его жена «плохо рожает». Другая прихожанка просила помощь ее больному ребенку. Священник посоветовал обратиться к врачу, но она отказалась, заявив: «Вы прочитайте какую-либо молитву и проденьте ребенка через ворот ризы, а как это сделать, я научу Вас»³.

В конце 1950-х годов архиереи, следуя решениям Синода и патриарха, принятым под давлением государства, запрещали зарегистрированному духовенству выполнение и вполне каноничных обрядов, вытесненных за грань легальности. Так, уполномоченным Совета по Калужской области были установлены «деловые отношения» с возглавившим в апреле 1960 года калужскую кафедру архиепископом Леонидом, выражавшиеся в том, что Леонид советовался с ним «по важным вопросам», наказывал и увольнял за штат священников,

¹ Русский демонологический словарь. С. 239.

² Краинский Н. В. Порча, кликуши и бесноватые. С. 208, 212–243. Русские Рязанского края. Т. 2. С. 509–510.

³ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 907. Л. 49. Д. 1478. Л. 18. Д. 1555. Л. 9. Д. 1578. Л. 20.

нарушавших законодательство о культах, не проявлял «активной деятельности по наведению порядка в церквях»¹.

В начале 1960-х годов, выполняя серию антирелигиозных постановлений, которыми было оформлено наступление на религию и церковь последних лет эпохи Н. С. Хрущева, власти вновь провели учет незарегистрированных религиозных групп. Выяснилось, что на 1 января 1962 года в РСФСР, кроме состоящих на регистрации 2305 церквей и молитвенных домов, действовало 684 (29,63%) нелегальных, в том числе в Брянской области—5, Калининской—13, Калужской—3². Относительно малое количество подпольных молелен по сравнению с серединой 1940-х годов, когда Совет еще не испытывал прессинга партийных структур, заинтересованных в нивелировании пестрой картины религиозности, и ориентировал уполномоченных на тщательный их учет, объясняется как объективными причинами—обострением общего кризиса традиционной духовной культуры села Центрального Нечерноземья вследствие упадка общинного начала, ухода старшего поколения деревенских жителей, помнивших «малую традицию» и пытавшихся ей следовать, нарастанием эффекта миграции в города, а также прогресса официальной культуры, так и усилением борьбы государства с любыми проявлениями религиозности, занижением ее масштабов по идеологическим соображениям.

Разделив религиозность деревни на легальную и нелегальную, государство обострило существовавшее еще в дореволюционные времена стремление крестьянства Центрального Нечерноземья к богослужению, адаптированному под будничные потребности. Подпольные молитвенные дома послевоенных лет значительно расширяли возможности для этого. В тех случаях, когда треба верующего выходила за грань допустимого государством и официальной церковью для зарегистрированного духовенства, они становились единственным местом ее совершения. Это касалось обрядов на грани канона РПЦ и «народного православия», связанных с почитанием деревенских святых, верой в «порчу» и способы избавления от нее и т.д. Доступность подпольного молитвенного дома, возможность совершить в нем запрещенный и/или неканоничный обряд определяли его популярность и «законность» для многих верующих наравне с легальными храмами. Власть же вела с подпольными молельнями,

¹ ГАДНИКО. Ф. 55. Оп. 9. Д. 933. Л. 9. Д. 1035. Л. 8.

² ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 288. Л. 42.

заштатным духовенством и самосвятами борьбу. Ее особенностью было отсутствие в течение продолжительного времени централизованных мер прямого принуждения. Фактически восстановив ситуацию синодального периода, когда официальная РПЦ враждебно относилась к «народному православию» как средоточию неканоничных религиозных практик¹, государство уничтожало сложнодостижимый для него пласт религиозности деревни руками легальной РПЦ, сначала медленно, а с 1958 года все быстрее нивелируя многообразие ее духовной культуры.

10.4. Почитание на селе региональных и местных святынь

Почитание святынь (водных источников, деревьев и других ландшафтных объектов, а также чудотворных икон, мощей, могил праведников и т.п.) было широко распространено в российской деревне в XIX веке и ранее². В литературе высказываются разные мнения о функциях святынь в ее религиозной культуре. Согласно одному из них, местные святыни воспринимались как символы «малой» родины, аккумулирующие коллективную историческую память и формирующие локальную идентичность³. Этот аспект позволяет приблизиться к пониманию обстоятельств и динамики трансформации почитания святынь в религиозности западнорусской деревни середины 1940-х — начала 1960-х годов.

Продолжительное время власти не принимали решения о прямом запрете внехрамовых богослужений, который поставил бы вне закона значительную часть культа региональных и местных святынь. Постановление ВЦИК и СНК СССР от 9 апреля 1929 года допускало их, но только по особому и каждый раз вновь получаемому разрешению

---

¹ Чистяков П. Г. Почитание чудотворных икон. С. 214, 217.

² Громыко М. М., Буганов А. В. О воззрениях русского народа. М., 2000. С. 137–155. Русские Рязанского края. В 2 т. Т. 2. С. 293–297, 327–330, 353–354. Цеханская К. В. Иконопочитание в русской традиционной культуре. Дис. ... докт. ист. наук. М., 2005. С. 360.

³ Любимова Г. В. Почитаемые места в народно-православной картине мира сельского населения Сибири // Православные традиции в народной культуре восточных славян Сибири и массовые формы религиозного сознания XIX–XX вв. / отв. ред. Е. Ф. Фурова. Новосибирск, 2006. С. 43.

местной власти за две недели до церемонии¹. Однако в конце 1920-х годов выдача таких разрешений была прекращена, введен запрет на вынос священных предметов из храма². «Возбуждение суеверия в массах» обманом и в корыстных целях преследовалось по ст. 123 УК РСФСР 1926 года. В военные годы при отсутствии формального запрета практика внехрамовых богослужений под открытым небом оживилась. Власти в большинстве случаев предпочитали не замечать их, хотя в феврале 1944 года Совет по делам РПЦ издал инструкцию своим уполномоченным, в том числе предписывавшую не допускать крестных ходов (за исключением являвшихся частью богослужения), молений в поле и в «почитаемых верующими местах», освящений общественного скота, панихид на братских могилах, литургий вне храмов³. 27 сентября 1944 года вышло постановление ЦК ВКП(б) «Об организации научно-просветительной пропаганды», требовавшее преодолевать «суеверия и предрассудки» увеличением количества и повышением качества лекций, материалистически объясняющих явления природы, причины болезней и т. д.⁴, косвенно касавшееся и культа местных святынь. Но оно не привело к кампании против их почитания, будучи адресованным, в первую очередь, учреждениям культуры, ослабившим деятельность за годы войны⁵.

Ужесточение политики в отношении почитания святынь произошло в результате общего охлаждения государственно-церковных отношений в 1948—1949 годах. 27 июня 1948 года Совет запретил крестные ходы и молебны на полях вовсе и «рекомендовал» сделать это Синоду, 28 августа 1948 года указавшему епархиям на их недопустимость⁶. Единственным разрешенным богослужением вне храма остался крестный ход на пасху. В 1949 году вне закона оказывается

¹ Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. С. 259–260.

² Чистяков П. Г. Религиозные практики в СССР: крестные ходы и молебны в 1920–1940-е гг. // [Электронный ресурс]. Электронный научно-образовательный журнал «История». 2013. Вып. 7 (23). URL: <http://mes.igh.ru/s207987840000625-6-1> (дата обращения: 28.02.2015).

³ Беглов А. Л. В поисках «безгрешных катакомб». С. 186.

⁴ КПСС в резолюциях. Т. 7. С. 521–522.

⁵ В 1944–1945 гг. в ЦК ВКП(б) регулярно поступали сообщения о вспышках панических настроений в связи с ожиданиями «катастрофы земли», которые могли послужить поводом для принятия подобного постановления. См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 343. Л. 11–15.

⁶ Чистяков П. Г. Религиозные практики в СССР.

традиционный крестный ход «на иордань» в день крещения (воду следовало освящать в церковной ограде)¹. Несколько лет после запрета крестных ходов и молебнов на полях не осведомленные о нем местные власти массово выдавали зарегистрированным священникам разрешения на их проведение, а потом верующие стали прибегать к услугам самосвятов, служили молебен самостоятельно или в церкви без выхода в поле².

После актуализации запрета внехрамовых богослужений в 1949 году разделы отчетов уполномоченных Совета пополнились «свидетельствами нарушения советского законодательства о культах», к которым было отнесено и около 60 случаев паломничества к святым местам (почти все — на территории РСФСР)³. 29 апреля 1953 года в ЦК КПСС поступила докладная записка с предложением разработать план ликвидации «святых источников» с традицией массового паломничества, однако ЦК рекомендовал региональным парторганизациям ограничиться собственными мерами⁴. Об оживлении паломничества к святым местам как о «религиозных предрассудках и суевериях» шла речь в постановлении ЦК КПСС от 7 июля 1954 года «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения». Хотя оно не требовало ликвидации паломничеств административным путем, на местах его поняли именно в этом смысле, что вылилось в многочисленные «перегибы» и потребовало одергивания «местных организаций» за администрирование⁵. Государство пока воздерживалось от репрессий за коллективное почитание святынь⁶.

¹ Беглов А. Л. Указ. соч. С. 186–187. Чумаченко Т. А. Государство, православная церковь, верующие. С. 136.

² ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 476. Л. 39, 40, 57, 74. Д. 482. Л. 40. Д. 500. Л. 32. Д. 650. Л. 30. 781. Д. 43. Д. 887. Л. 92. Д. 888. Л. 41. Д. 889. Л. 50. Д. 895. Л. 4. Д. 917. Л. 24.

³ «Добиться закрытия так называемых «святых мест». С. 120.

⁴ Шкаровский М. В. Последняя атака на Русскую Православную церковь. С. 349.

⁵ КПСС в резолюциях. Т. 8. С. 446–450. Чумаченко Т. А. Государство, православная церковь, верующие. С. 154–160.

⁶ У. Хун объясняет отсутствие прямого давления власти на паломничества к святым местам в 1944–1954 гг. нежеланием сталинского руководства компрометировать себя гонениями на верующих в глазах заграницы в свете использования РПЦ в геополитических интересах, использованием паломничеств в качестве парового клапана, разряжавшего ситуацию в деревне, а также его восприятием властью как безопасного явления из-за состава

Общесоюзная кампания по ликвидации паломничества к святым местам была открыта постановлением Президиума ЦК КПСС 28 ноября 1958 года¹, став частью политики по «окончательному» сворачиванию религиозности в преддверии «вхождения в коммунизм». К этому времени сеть почитавшихся саkraлий была уже серьезно подорвана.

Традиционно объектами почитания верующих сельской местности были святыни в храмах, монастырях, домах мирян, ландшафтные объекты (преимущественно, водные источники). Многократно ниже дореволюционной была численность зарегистрированных в 1943—1947 годах церквей, вобравших часть уцелевших почитаемых икон и других реликвий. Еще более заметный ущерб понесли часовни. В начале XX века в центральных губерниях Европейской России наряду с 10 243 приходскими церквями существовало 4 704 часовни². К 1953 году в Калининской области еще сохранялись сотни из них, пустовавшие или использовавшихся под хозяйственные нужды, а в 1955 году было выявлено 34 «пункта», в которых верующие несколько раз в год собирались для молитвы без духовенства³. Богослужения в редких уцелевших часовнях или там, где они когда-то были, время от времени фиксировались и в других областях⁴. Еще в 1920-е годы в стране были закрыты сотни монастырей⁵ — средоточия почитаемых реликвий и центры паломничества. Если в 1907 году только в десяти центральных епархиях РПЦ их насчитывалось 248, то к 1938 году в РСФСР не осталось ни одного, а в октябре 1945 года действовало два

участников, большинством которых были пожилые женщины. См.: Хун У. С иконами и песнопениями, или епископ, сбежавший от своих прихожан. Массовые паломничества в России эпохи Сталина и Хрущева // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 3–4 (20). С. 243–244.

¹ «Добиться закрытия так называемых «святых мест». С. 125–126.

² Подсчитано: Шевцова В. Ф. Указ. соч. С. 172. Смоленская епархия // [Электронный документ]. Сайт «Древо. Открытая православная энциклопедия». URL: <http://drevo-info.ru/articles/9619.html> (дата обращения: 11.11.2014).

³ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1351. Л. 14.

⁴ Кометчиков И. В. «Заветы социализма». С. 246.

⁵ Васильева О. Ю. Судьбы русских монастырей в XX веке // Монашество и монастыри в истории России XI–XX века: исторические очерки / отв. ред. Н. В. Сеницына. М., 2002. С. 332–336.

(в Курской и Псковской областях)¹. В 1946 году вновь состоялась литургия в Троице-Сергиевой лавре². Малым было и количество доступных для почитания мощей святых, культ которых жил, несмотря на его запрет в 1919–1920 годах³. К 1946 году в краеведческих музеях, музее истории религии и атеизма в Ленинграде, а также Киево-Печерской лавре находилось 245 мощей, национализированных и изъятых государством. Несмотря на резко отрицательное отношение председателя Совета по делам РПЦ Г. Г. Карпова к передаче даже их части РПЦ, государство пошло на возвращение более десяти из них, особо чтимых. «В порядке исключения» в Троице-Сергиеву лавру были переданы мощи Сергия Радонежского, мощи митрополита Московского Алексия из Успенского собора Московского Кремля были перенесены в патриарший Богоявленский собор, а мощи Анны Кашинской из музея г. Калинина — в Воскресенскую церковь. Кроме того, в Богоявленской церкви г. Орла с 1941 года находились мощи Тихона Задонского, перенесенные туда из краеведческого музея ее настоятелем во время немецкой оккупации, где они хранились с 1919 года. Однако в 1960 году мощи были вновь изъяты в музей. В церкви г. Осташкова Калининской области находились мощи Нила Столбенского⁴.

Крайняя фрагментарность была характерна и для сети ландшафтных сакральных объектов, большей частью представленных водными источниками. В аналогичном состоянии находилось коллективное почитание икон общерусского значения и местночтимых. До революции у РПЦ не было твердых правил, по которым икона могла быть официально признана чудотворной. Духовенство и миряне часто использовали это определение к иконам, не признанным таковыми.

---

¹ Подсчитано: Православные монастыри Российской империи. Полный список всех 1105 ныне существующих в 75 губерниях и областях России (и 2 иностранных государствах) мужских и женских монастырей, архиерейских домов и женских общин / сост. Л. И. Денисов. М., 1908. С. XI–XII. Васильева О. Ю. Указ. соч. С. 336, 338.

² Шкаровский М. В. Последняя атака на Русскую Православную церковь. С. 334.

³ Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. С. 59, 60.

⁴ Одинцов М. И. Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма. С. 343, 344. Чумаченко Т. А. Государство, православная церковь, верующие, 1941–1961 гг. С. 93–94. Семенко-Басин И. В. Святость в русской православной культуре XX века. История персонификации. М., 2010. С. 96–107. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1664. Л. 25. Д. 1773. Л. 32–35.

Существовало мнение, что почитаемые иконы имелись в каждом приходе и деревне¹. Несмотря на то что более правильно говорить не о сохранении верующими конкретной деревни «того самого» «явленного» образа, а скорее памяти о нем, выражавшей стремление иметь «свою» патрональную покровительницу и религиозный праздник, следует признать, что советская эпоха пробила в этой памяти значительные бреши. Таким образом, в послевоенные годы сеть сакралий была несопоставима по плотности с дореволюционным периодом. Ее в значительной мере уничтожили катастрофические для села события первой половины XX века, политика насильственного сворачивания религиозности и разрушения властью структур РПЦ.

Распад сети сакралий, как и бывшей приходской сети и традиционной системы расселения, таким образом неизбежно ударял и по традиции тесно связанного с культом святынь сельского праздника, которая в значительной степени был вытеснена властью за черту легальности. Располагаясь зачастую в пограничных, «серых» зонах каноничности, составлявшие эту «малую» традицию религиозные практики в первую очередь теряли легитимность вследствие давления власти. С устранением литургической части престольного праздника, состоявшей из богослужения в храме, крестного хода по деревне, молебна и праздничного колокольного звона, стиралась коллективная память о сельском святилище. Постепенное забвение престольного праздника после закрытия церкви подтверждается и воспоминаниями современников². Деревне оставалась его мирская составляющая: праздничное застолье, гулянье и обычай «гостевания» (чествование в гостях родственников и ответные визиты)³. Органическая связь между литургической и мирской частями праздника утрачивалась, в результате чего для большинства его участников он, прежде всего, означал повод для отдыха и развлечений. Это обстоятельство подчеркивали многие уполномоченные Совета в отчетах по итогам командировок в сельские районы⁴. Запрещая богослужения за пределами храма, закрывая многие из них и прерывая тем самым их основу — коллективную память о священном месте, власть вновь

¹ Шевцова В. Ф. Указ. соч. С. 285–286, 287.

² Севастьянова А. А. Жизнь в центре рая. Советский райцентр 50-х — 60-х годов XX века. М., 2008. С. 108–110.

³ Тульцева Л. А. Указ. соч. С. 134, 143, 146–156.

⁴ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 181. Л. 50 и об. Д. 197. Л. 16; Д. 204. Л. 77. Д. 635. Л. 36–37. Д. 765. Л. 101. Д. 889. Л. 61; Д. 1346. Л. 18.

отводила церкви и духовенству уже известную по синодальному периоду роль в преодолении ряда феноменов народной религиозности. В этих условиях епархиальные власти требовали от клира избегать пограничных зон каноничности, в том числе — участия в сельских религиозных праздниках за пределами храма под предлогом несоответствия этой традиции богослужебному канону¹.

В результате для большинства верующих оказалось почти невозможным дальнейшее паломничество, весьма распространенное в дореволюционные годы — из-за почти полной ликвидации объектов почитания и их значительного отдаления. Основной формой почитания стало поклонение уцелевшим региональным и местным сакралиям, для борьбы с которым государство использовало традиционно враждебное отношение иерархов РПЦ к тем из них, что не вписывались в церковный обиход. Так, еще со времен петровской церковной реформы РПЦ считала суеверием поклонение любым местным святыням (в том числе чудотворным иконам в крестьянских домах), сами они изымались или изолировались, подозреваемые в распространении слухов о «чудесах» подлежали уголовному преследованию².

Однако суммирование данных о региональных и местных святынях интересующего периода дает основание утверждать, что, несмотря на значительное сокращение количества сакралий, традиция их почитания в западнорусской деревне продолжала жить, хотя и была значительно деформирована по сравнению с дореволюционной эпохой. В этом убеждает различия в статусе святынь, которые можно разделить на «новообретенные» (культ «обновившихся» икон, «новообретенных» святых источников, вера в «чудесные явления» и т.п.), зачастую не связанные с местными и общецерковными праздниками и святынями, и имевшие длительную традицию почитания («святые» источники, чтимые иконы и мощи).

¹ *Кометчиков И. В.* «Заветы социализма». С. 238–261.

² *Чистяков П. Г.* Отражение почитания местных святынь в архивах Русской Церкви (по материалам Центрального исторического архива Москвы) // Архивы Русской Православной Церкви: пути из прошлого в настоящее / под ред. А. Б. Безбородова. М., 2005. С. 283–287. Он же. Почитание местных святынь в советское время: паломничество к источнику в курской Коренной пустыни в 1940–1950-е гг. // Религиоведение. С. 38, 43–44. *Шевцова В. Ф.* Указ. соч. С. 291, 314–331. *Платонов Е. В.* Почитаемые родники в XIX в.: роль «хранителя святыни» в формировании культа // Этнографическое обозрение. 2014. № 5. С. 163, 165, 166, 169. Русские Рязанского края. Т. 2. С. 293–294.

Святыни первого типа свидетельствовали о сохранении у массового сознания верующих села Центрального Нечерноземья послевоенных лет способности к моделированию сакрального и демонстрации силы веры в условиях роста числа неверующих и атеистической политики государства. Ярким проявлением этого можно считать так называемые обновившиеся иконы, то есть те, на которых произошло освежение красок изображения. До революции обновления в народе воспринимались предзнаменованиями бед или радостей¹. Подобным же образом религиозное сознание верующих села реагировало на это и в послевоенные годы. 3 мая 1949 года в доме колхозницы д. Черкасы Касплянского района Смоленской области «обновилась» икона, что, по словам уполномоченного Совета, проявилось в «освежении красок изображения». Икону осмотрели сельские коммунисты, разрешив пригласить священника местной церкви, который отслужил в доме молебен. На следующий день хозяйка дома и около 30 колхозников с пением молитв перенесли икону в церковь. После молебна по случаю обновления священник обратился к верующим со словами, что в его жизни это второй подобный случай: первый произошел в 1917 году и якобы предвосхитил падение самодержавия, а нынешний также предвещает «великие события». В церкви началась продажа «святой воды» от «чудодейственной» иконы. После этого в Касплянском и соседних Понизовском и Демидовском районах обновилось около 150 икон и к ним началось массовое паломничество. В ходе расследования обновлений некоторые крестьяне сознавались, что устроили «обновления» сами, почистив иконы луком или помыв. Смоленский обком ВКП(б) направил в населенные пункты, где отмечалось обновление, бригады лекторов-антирелигиозников, а Совет по делам РПЦ обратился к генеральному прокурору СССР с вопросом о привлечении к уголовной ответственности инициаторов «обновлений» и получил рекомендацию «организовать 2—3 процесса в местах, где это наиболее распространено». Привлекать к ответственности предлагалось за организацию «обновления» с целью наживы и возбуждения суеверия². В феврале 1950 года Смоленский облисполком сообщил Совету по делам РПЦ, что «по вопросу обновления икон» привлечено к ответственности четыре человека,

¹ Русские Рязанского края. Т. 2. С. 438–439. Шевцова В. Ф. Указ. соч. С. 294.

² ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 508. Л. 2–4, 12–14. Д. 657. Л. 1.

в том числе два участвовавших в этом священника¹. Однако сбить вал «обновлений» не удалось. В 1950 году они повторились в Стодолищенском районе, где священник церкви с Терешок, согласно путаным пояснениям уполномоченного Совета, «организовал в храме “обновление” трех икон, сочетавшееся с «сошествием золотого луча с неба через окно, посредством которого частично обновились указанные иконы». Настоятель заявил прихожанам: «Вот если будем верить и искренне просить Господа Бога, то это обновление будет полным и повсеместным». За месяц в районе «обновилось» около 20 икон. На этот раз власти действовали оперативно: священник был снят с регистрации, «обновившиеся» иконы сданы на склад Смоленского кафедрального собора. Перед верующими выступил благочинный округа с разъяснением ложности «обновления», Смоленский обком ВКП(б) вновь командировал группу пропагандистов².

Аналогично начиналось поклонение ландшафтными объектам, особенно водным источникам. С одной стороны, оно воспроизводило обычные для народного православия практики, а с другой, испытывало деформации вследствие несоблюдения «нормальных» условий почитания. Традиционно в их культе важную роль играла вода, считавшаяся носителем божественной благодати³. Частое отсутствие поблизости действующей церкви и чудотворной иконы, посредством которой обычно устанавливался контакт с сакральным, восполнялось купанием в источнике, питьем воды и забираем ее с собой как частицы святого⁴. Свидетельства о «новообретенных» святынях свидетельствуют об утилитарных мотивах паломничества к ним (чаще всего — стремление излечиться от заболеваний, узнать судьбу⁵, принять участие в богослужении под открытым небом, совершить требу, недоступную из-за отдаленности легального храма), значительном количестве паломников, приходивших не только из прилегающих деревень, но и из соседних районов, редуцированном характере богослужений, проводимых заштатными или самозванными священниками.

Сходные деформации традиционных религиозных практик и мотивы их совершения просматриваются в почитании региональных

¹ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 657. Л. 6.

² Там же. Д. 657. Л. 37, 37 об., 38, 39.

³ Русские Рязанского края. В 2 т. Т. 2. С. 293.

⁴ Чистяков П. Г. Почитание местных святынь в советское время. С. 41.

⁵ Русские Рязанского края. Т. 2. С. 314–320.

и местных святынь с дореволюционной традицией. В Калужской области пользовался известностью как «целебный» источник св. Тихона близ бывшего монастыря Успения Пресвятой Богородицы — Калужской Свято-Тихоновой пустыни. Накануне и в день св. Тихона его посещали около 10 тыс. паломников. Однако летом 1953 года власти выставили милицейские заслоны и оградил источник забором. Поток паломников сократился до 2 тыс. чел., но не иссяк. Они купались в ручье ниже ограды, «в небольших группках верующим читали монашки церковные стихи». В 1954 году число паломников составило около 3 тыс. чел., в 1955 году — 1,5 тыс., в 1958 году — около 4 тыс. чел. Забор был «разобран неизвестными», верующие вновь молились у источника, а в ночь на 28 июня у него отслужил молебен священник местной зарегистрированной церкви¹. В то же время анализ отчетов и информации уполномоченного Совета по Калужской области в Совет и областному руководству не выявил сколько-нибудь привлечшего его внимания паломничества к закрытой в феврале 1918 года Свято-Введенской Козельской Оптиной Пустыни, имевший до революции всероссийскую известность. Причинами этого, как представляется, могли быть расположение в 1949—1959 годах на ее территории детского дома, а в 1959—1988 годах — училища по подготовке механизаторов², а также наличие в Козельском районе 2 зарегистрированных церквей³.

В дореволюционные годы широкое распространение имел обычай посещения иконами населенных пунктов (своеобразное «паломничество наоборот») в форме крестного хода⁴. В послевоенные годы верующие села вынуждены были сами совершать паломничества в действующий храм или в частный дом, где она хранилась⁵.

В 1958—1959 годах власти начинают «окончательную» ликвидацию святых мест. В литературе отмечается, что эта кампания

¹ ГАДНИКО. Ф. 55. Оп. 8. Д. 594. Л. 34. Оп. 9. Д. 49. Л. 23, 53. Д. 327. Л. 89. Д. 728. Л. 14, 15.

² Мужской монастырь Свято-Введенская Козельская Оптина Пустынь (ставропигиальный) // [Электронный документ]. Сайт Калужской митрополии РПЦ МП. URL: <http://eparhia-kaluga.ru/kaluzhskaja-eparhija/monastyri/optina-pustyn.html> (дата обращения: 28.06.2015).

³ ГАКО. Ф. 3501. Оп. 1. Д. 29. Л. 1.

⁴ Шевцова В. Ф. Указ. соч. С. 299—307. Русские Рязанского края. Т. 2. С. 348—349. Цеханская Е. В. Иконопочитание в русской традиционной культуре. С. 369—370, 372—382

⁵ Чистяков П. Г. Религиозные практики в СССР.

была единственной акцией хрущевского руководства в отношении религии, не вызвавшей однозначно отрицательной реакции у иерархов РПЦ, поскольку святые места воспринимались ими как угроза религиозной культуре¹. После принятия известного постановления Президиума ЦК КПСС 28 ноября 1958 года патриархия направила в епархии письмо с призывом разъяснять верующим недопустимость паломничества к святым местам². На основании этого архиепископ Тульский и Белевский запретил духовенству освящение воды по просьбам верующих под открытым небом, на источниках и в колодцах. То же потребовали от благочинных и настоятелей глава Орловско-Брянской, Калининской и Кашинской епархий³. Приходское духовенство нередко саботировало подобные указания, так как они шли вразрез религиозности большинства прихожан: паломничество к водному источнику часто было связано с почитанием сакралии, хранящейся в зарегистрированной церкви⁴. Широкое наступление на известные власти святыне сочетало разрушение или затруднение доступа к ним верующих с организацией хозяйственного использования, усилением атеистической пропаганды и оживлением деятельности институтов культуры. В Брянской области местами паломничества верующих были три святых источника, вокруг которых власти развили активную деятельность по их ликвидации, мобилизовав лекторов-антирелигиозников и местных активистов. В Калининской области в начале 1959 года было выявлено четыре почитаемых источника и часовни, пять почитаемых икон в частных домах, действующих и закрытых церквях. Но, так как к водным источникам и часовням раз в год собиралось 10–15 престарелых жителей окрестных сел и это не влияло на работы в колхозах, районные партийные руководители считали «неудобным выступать против немногочленных старух»⁵.

Таким образом, культ региональных и местных святынь в послевоенной деревне Центрального Нечерноземья поддерживался

¹ Беглов А. Л. Указ. соч. С. 240–241. Чумаченко Т. А. Государство, православная церковь, верующие. С. 186.

² Чумаченко Т. А. Государство, православная церковь, верующие. С. 187.

³ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1659. Л. 27. Д. 1664. Л. 26. Д. 1686. Л. 29. Д. 1689. Л. 21.

⁴ Там же. Д. 1659. Л. 28. Д. 1689. Л. 34.

⁵ Там же. Д. 1659. Л. 26–27. Д. 1664. Л. 25. ГАДНКО. Ф. 55. Оп. 9. Д. 933. Л. 4.

потребностью верующих в доступном (как в географическом и материальном отношениях, так и с точки зрения духовного опыта) сакральном месте/времени, продлевал память о локальной духовной идентичности. Однако изменения в жизни села в послевоенные годы (сокращение сельского населения, его миграция в города, слом традиционной сети расселения, лежавшей в основе бывшей приходской сети), а также борьба государства с религиозностью и РПЦ предопределили трансформацию культа святынь. Установление границы легальности вытеснило большинство из них в подполье и «оповседневнило» почитание. Там, где фрагменты дореволюционной сети святынь сохранялись, они часто приобретали функции близкого и доступного храма, в большинстве случаев отсутствовавшего, став не только местом праздничной молитвы, но и совершения треб, компенсировавшим узость легальной обрядности. В начале исследуемого периода религиозное сознание деревни демонстрировало способность не только поддерживать сохранившиеся культы, но и генерировать новые, что воспринималось властью как вызов достижениям атеистической политики. В борьбе с ними использовалось традиционно неоднозначное отношение иерархов РПЦ и части духовенства зарегистрированных приходов к почитанию местных святынь, видевших в них угрозу каноническому церковному обиходу и легальному приходу. Важность этой борьбы, оформленной как «устранение нарушений законодательства о культах», определялась задачами «окончательного» сворачивания традиционной духовной культуры деревни. Форсированное устранение фрагментов бывшей сети сакральной совпало с радикальным свращением числа зарегистрированных храмов в конце 1950-х—начале 1960-х годов и вело к размыванию «малой» духовной традиции деревни Центрального Нечерноземья.

10.5. Традиция сельского религиозного праздника

Традиционно в российской деревне праздновались общецерковные (Рождество, Крещение, Пасха и т.д.) и сельские праздники: «обетные» («заветные»), устанавливавшиеся для прекращения стихийного бедствия или в память об этом, и «престольные» — в честь святого или особо чтимой иконы, которым был посвящен престол

объединявшего общину храма¹. При этом церковный календарь соблюдался не механически, а адаптированно к местным интересам². Эта черта праздничной культуры деревни не исчезла и в послевоенные годы, своеобразно преломившись под влиянием антирелигиозной политики государства, воспринимавшего ее как преграду рутинизации официальной праздничной культуры.

Несмотря на провозглашенный «поворот» к церкви и потребностям верующих в начале 1940-х годов, государство не отказалось от ограничения деятельности РПЦ и сворачивания религиозности. Посредством произвольного переноса границы легальности в сфере вероисповедания³ оно давило на церковную иерархию, вело борьбу с поставленными вне закона формами церковной жизни и религиозности, переформатируя таким образом религиозную традицию, в том числе — и религиозного праздника. Так, если до 1949 года допускалось проведение праздничных обрядов вне храма, то массовое участие верующих в крещенском водосвятии в Саратове зимой 1949 года стало поводом для его запрещения вне ограды церкви. Государство как бы вспомнило о запрете богослужений вне храма в конце 1920-х годов⁴. Праздничной обрядности вновь предписывалось ограничиваться литургией в храме и его ограде, а также празднованием в семейном кругу, если это не нарушало график общественных работ.

Возможность участвовать в праздничном богослужении существенно ограничивалось сдерживанием открытия храмов. Однако к 1948 году храмы перестали открывать вовсе⁵. Вполне понятно, что действующие церкви не могли вместить всех желающих посетить богослужения в дни общецерковных праздников. Сопоставление количества участников наиболее многолюдных пасхальных богослужений с численностью сельского населения показывает, что большинство сельских жителей объективно не могли попасть в храм в эти дни. По приблизительным подсчетам уполномоченных Совета, количество верующих, посещавших богослужение в дни Пасхи, составляло: в церквях Калуги в 1948 году — 14–15 тыс. чел., в 1949 году — 9–10 тыс.

¹ Тульцева Л. А. Престольный праздник в картине мира (мироколице) православного крестьянина // Православная жизнь русских крестьян XIX–XX веков / отв. ред. Т. А. Листова. М., 2001. С. 125, 133. Шевцова В. Ф. Указ. соч. С. 222, 233.

² Шевцова В. Ф. Православие в России накануне 1917 г. С. 221.

³ Беглов А. Л. Указ. соч. С. 31–39. Советская жизнь. С. 666–668.

⁴ Чистяков П. Г. Почитание местных святынь. С. 38.

⁵ Коментчиков И. В. «Заветы социализма». С. 242–243.

чел., в 1952—1953 годах—7—10 тыс. чел., в двух церквях Тулы в 1948 году—начале 1950-х годов—около 20 тыс. чел., в храмах Смоленска—в 1948 году—8—10 тыс. чел., в начале 1950-х годов—7—8 тыс. чел., в 1959 году—9—10 тыс. чел. Церкви Брянска на Пасху 1948 года посетило 5—7 тыс. верующих, в 1952 году—7 тыс. чел., в 1953 году—10 тыс. чел.¹ Однако представители власти воспринимали многотысячные очереди у храмов как свидетельства высокой религиозности населения². Менее многочисленными, но столь же посещаемыми были богослужения в дни других общецерковных праздников, причем особенно стойкой—традиция посещать храмы и кладбища на Радо-ницу—в день поминовения усопших³.

Если общецерковный праздник, сосредоточием которого стал зарегистрированный храм, допускался, то традиция сельских праздни-ков оказалась гораздо более уязвима. Именно она исконно выражала причастность религиозных практик одной или нескольких деревень к жизни всей церкви⁴ и стремление к сохранению их населением своего понимания религиозного праздничного ритма и коллективной памяти о священных событиях своей «малой» истории⁵. Располагаясь зачастую в пограничных, «серых» зонах каноничности, составлявшие эту «малую» традицию религиозные практики в первую очередь теряли легитимность вследствие давления власти.

Центрами сельских праздников могли быть как приходской храм, так и местные священные места. Однако неравномерное распре-деление действующих церквей по территории областей и районов (так, в 1948 году в Брянской области насчитывалось 88 действующих храмов, в Калужской—37, Смоленской—60⁶) и сокращение их количества географически удаляли верующих от места совершения обрядов и пробивали бреши в коллективной памяти. На протяжении 1950-х годов разреженность церковной сети росла. Кроме того, к середине 1940-х годов было разрушено и находилось вне закона абсолютное большинство из 4,6 тыс. часовен, насчитывавшихся

¹ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 317. Л. 38. Д. 349. Л. 31. Д. 504. Л. 5. Д. 784. Л. 34. Д. 911. Л. 14. Д. 1023. Л. 19. Д. 1043. Л. 3. Д. 1270. Л. 34. Д. 1781. Л. 17. Д. 1877. Л. 19. ГАКО. Ф. Р-3501. Оп. 1. Д. 29. Л. 26. ГАДНИКО. Ф. 55. Оп. 8. Д. 466. Л. 29. Д. 594. Л. 76.

² Кошетчиков И. В. «Заветы социализма». С. 243—244.

³ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1154. Л. 24; Д. 1781. Л. 17—18.

⁴ Шевцова В. Ф. Указ. соч. С. 233, 236, 247.

⁵ Панченко А. А. Указ. соч. С. 240—242.

⁶ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 180. Л. 22а-25.

в центральной России в 1914 году, каждая из которых некогда являлась исходным пунктом сельского религиозного праздника¹. Распад бывшей приходской сети и традиционной системы расселения, таким образом, неизбежно ударял и по традиции сельского праздника.

Редким примером длительного существования традиции сельского религиозного праздника, сохранявшей многие «исходные» элементы, можно считать празднование престолов в Клинцовском, Новозыбковском, Красногорском и Воронокском районах Брянской области, основанных на культе приобретаемых в складчину «икон-свеч». По наблюдениям уполномоченного Совета по делам РПЦ в Брянской области, до революции празднование «сопровождалось большим стечением народа, крестными ходами по селам, дорогам, где предполагалось шествие крестного хода, покрывалась особыми коврами и т. д. Сейчас, конечно, этого нет, но обычай празднования иконы-свечи еще крепкий...»². В течение года «икона-свеча» хранилась в доме одного из верующих. Накануне праздника, которому она была посвящена, священник при участии хора певчих и односельчан проводил перед ней богослужение, завершавшееся устроенной «всемирным» трапезой. После этого «свечу» торжественно переносили в другой дом, хозяин которого пожелал хранить ее до следующего праздника, вновь служили молебен и устраивали обильное «общественное угощение». По словам уполномоченного Совета, «служба идет 20—25 минут, а обед продолжается 3 часа»³. В ряде случаев «свечи» весь год хранились в ближайшей церкви и доставлялись в село лишь накануне престола. На их чествование собиралось до тысячи человек. Несмотря на запрет зарегистрированным священникам этих благочиний со стороны епархии совершать такие богослужения, многие годы все они делали это за вознаграждение и право участвовать в застолье. Высока была интенсивность исполнения обряда⁴.

Часть клира дистанцировалась от участия в праздниках, указывая на «неблаговидность» их мирской части. Благочинный Новозыбковского округа сообщал в своем «докладе» уполномоченному Совету по делам РПЦ: «Во всех приходах, кроме моего прихода г. Новозыбкова, были свечи, главным образом, по престольным праздникам, которые и отправлялись своими причтами. Я на эти свечи смотрю

¹ Шевцова В. Ф. Указ. соч. С. 245–246.

² ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 887. Л. 52.

³ Там же. Д. 759. Л. 117.

⁴ Коментчиков И. В. «Заветы социализма». С. 247.

отрицательно и стараюсь их не поддерживать, потому что это обычай давний, неудовлетворительный с церковной точки зрения, всегда сопровождается большой пьянкой...»¹. В 1960 году, после «специальной беседы» уполномоченного Совета по делам РПЦ в Брянской области С. Мелешки с главой Орловско-Брянской епархии епископом Иеронимом, духовенству было направлено распоряжение епископа о прекращении участия духовенства в богослужениях у «икон-свеч» под угрозой перевода за штат, поскольку они «не предусмотрены уставом и обычаем Русской Православной Церкви»².

С устранением литургической части престольного праздника, состоявшей из богослужения в храме, крестного хода по деревне, молебна и праздничного колокольного звона, стиралась коллективная память о сельском святилище. Постепенное забвение престольного праздника после закрытия церкви подтверждается и воспоминаниями современников³. Деревне оставалась его мирская составляющая: праздничное застолье, гулянье и обычай «гостевания» (чествование в гостях родственников и ответные визиты)⁴. Органическая связь между литургической и мирской частями праздника утрачивалась, в результате чего для большинства его участников он прежде всего означал повод для отдыха и развлечений, что не в последнюю очередь было связано и с отсутствием в советском календаре вплоть до конца 1950-х годов сельских праздников как свободного от работы времени⁵. Это обстоятельство подчеркивали многие уполномоченные Совета в отчетах по итогам командировок в сельские районы⁶.

На вопросы о причинах участия в религиозных праздниках при незнании их смысла, отсутствии действующей церкви и в целом индифферентном отношении к религии население давало следующие ответы: «Надо же когда-нибудь отдохнуть, работаем без выходных дней, а упущенное в работе постараемся наверстать»⁷ (Калининская

¹ ГАБО. Ф. Р-2889. Оп. 1. Д. 8. Л. 80.

² ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1856. Л. 3.

³ Севастьянова А. А. Указ. соч. С. 108–110.

⁴ Тульцева Л. А. Указ. соч. С. 134, 143, 146–156.

⁵ Кометчиков И. В. Советские праздники и обряды. С. 98–108. Празднование общегосударственного праздника — «Всесоюзного дня работников сельского хозяйства» впервые было установлено указом Президиума Верховного Совета СССР 26 августа 1966 года во второе воскресенье октября.

⁶ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 181. Л. 50, 50 об. Д. 197. Л. 16. Д. 204. Л. 77. Д. 635. Л. 36–37. Д. 765. Л. 101. Д. 889. Л. 61. Д. 1346. Л. 18.

⁷ Там же. Д. 635. Л. 36–37.

область); <...> Все работа и работа, и общего выходного дня нет, как в городах, а нам хочется вместе отдохнуть, повеселиться, сходить к родным в гости и пригласить к себе гостей¹. Уполномоченный по Смоленской области тогда же сообщал: «Празднование больших церковных праздников проводится в широких масштабах. Эти праздники празднуют даже атеисты. Глубоко укоренились старые русские обычаи водить хороводы, петь песни, танцевать и веселиться. Как правило, перед праздниками производится усиленная подготовка к праздникам в части приготовления яств, водки. В деревнях сильно развито самогонокурение, а особенно, в таких районах, как Монастырщина, Смоленск, Красный, Хиславичи, Починок, Сычевка, Новодучино. Колхозники, служащие, рабочие в эти дни ходят в гости к своим родственникам и знакомым. Иногда за 10–20 километров. Храмовые праздники население празднует от одного до 3-х дней. Это массовое явление по Смоленской области...»².

Начавшееся в 1958 году хрущевское наступление на религию и церковь отличалось от обострений государственно-церковных отношений в 1948–1949 и 1954 годах нацеленностью на «окончательное» решение «религиозного вопроса» и широким фронтом натиска, включавшим не только сокращение количества храмов, монастырей, духовных семинарий и т.д., но и подрыв экономики церкви, а также попытки ее организационного ослабления посредством «церковной реформы» 1959–1964 годов³.

Однако в вопросе ограничения возможностей совершения религиозных обрядов и их замены советскими сельскими праздниками и обрядами высшее партийно-государственное, комсомольское руководство предпочло действовать не одним лишь прямым нажимом, а пыталось применить более гибкий подход. Не в последнюю очередь, как представляется, это было связано с пониманием необходимости преодоления «неправильного» отношения многих представителей местной власти к религиозным праздникам и невозможности моментального создания им альтернативы.

Районный, сельский и колхозный актив, в большинстве прошедший социализацию в рамках традиционной крестьянской культуры

¹ Там же. Д. 1784. Л. 12.

² Там же. Д. 204. Л. 77.

³ Марченко А., *прот.* Указ. соч. С. 48–68. Чумаченко Т. А. Государство, православная церковь, верующие. С. 180, 198–222. Гераськин Ю. В. Русская православная церковь, верующие, власть.

и до конца с ней не расставшийся, относился к празднованию населением обмирщенных религиозных праздников двойственно. С одной стороны, значительная часть активистов не только не боролась с прогулами общественных работ в эти дни, считая, что попытки наказать прогульщиков не будут поддержаны и только «восстановят население против органов власти», но и сама участвовала в гуляньях и выпивках¹, а кое-где — и в кулачных боях². С другой — так как в глазах местного начальства наибольшей угрозой, исходившей от религиозных праздников, был не «идеологический ущерб», а невыполнение государственных заданий, председатели колхозов все же пытались ограничить размах празднования, разрешая колхозникам «гулять» только после обеда или разным деревням по очереди.

Еще до скоординированных и материально подкрепленных усилий по замещению религиозных праздников и обрядности советскими предпринимались попытки создания им некоторой досуговой альтернативы в виде организации киносеансов, лекций, постановок художественной самодеятельности и т. д. Однако почти повсеместная слабость материальной базы культпросветучреждений и нацеленность антирелигиозной пропаганды на сплоченные общины верующих не приносила желаемого успеха³.

«Наступление» же на религию конца 1950-х годов сопровождалось настойчивыми попытками укрепить материальное положение и усовершенствовать управление учреждениями культуры, физкультуры и спорта, вовлечь в их работу общественные организации, разработать и распространить советские гражданские обряды и массовые праздники, перестроить работу органов ЗАГС. В 1958—1960 годах в стране был объявлен «двухлетний поход комсомола и молодежи за культуру», в ходе которого некоторое укрепление материальной базы и оживление работы учреждений культуры стало основанием активизации формирования цикла массовых советских праздников и гражданских обрядов⁴. Подобные инициативы являлись частью общей задачи решительного и тотального сворачивания религиозности, оформленной в конце 1950-х — начале 1960-х годов серией решений

¹ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 204. Л. 43. Д. 508. Л. 28. Ф. А-534. Оп. 1. Д. 241. Л. 87.

² РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 32. Д. 675. Л. 123. Д. 742. Л. 99.

³ Коменчиков И. В. «Заветы социализма». С. 251.

⁴ Он же. Об одной пропагандистской кампании. С. 157–172. Он же. Советские праздники и обряды... С. 102–105.

ЦК КПСС, Бюро ЦК КПСС по РСФСР, Совета Министров РСФСР и СССР¹.

Однако попытки конструирования и внедрения в культуру деревни новых праздничных обычаев и ритуалов часто «не успевали» функционально заполнить место деформировавшейся традиции религиозного праздника, усугубляя всплески социальных девиаций в жизни деревни 1950-х годов. Почти одновременно с «походом комсомола и молодежи за культуру» стартовала кампания по вовлечению широких слоев деревни в борьбу с пьянством, самогоноварением и хулиганством. В закрытых письмах ЦК КПСС и ЦК ВЛКСМ пьянство расценивалось как «позорный и вредный пережиток помещичье-буржуазного строя», причиной которого в прошлом назывались «гнет помещиков и капиталистов», а в советской действительности — «плохое воспитание» и «подражание заразительным дурным примерам, старым обычаям и привычкам», в том числе — празднование религиозных праздников². Хулиганство молодежи на почве пьянства устойчиво связывалось с «разгульным отдыхом» в дни религиозных праздников³.

Таким образом, в середине 1940-х — начале 1960-х годов в западнорусской деревне празднование религиозных праздников продолжало оставаться распространенной, но деформированной традицией, в которой отражалось завершение перехода от основанной на религиозной картине мира традиционной культуры крестьянства к секуляризованной культуре. Наиболее эффективными инструментами сворачивания традиции религиозных праздников в исследуемый период, как представляется, стали не столько административный произвол и антирелигиозная пропаганда, сколько перенос властью границы легальности в отношении церкви и массовой религиозности, неуклонное сокращение числа сельских храмов, а также актуальное на фоне индустриализации сельского хозяйства и слома традиционной системы расселения советское обрядотворчество.

---

¹ Жидкова Е. Советская гражданская обрядность как альтернатива обрядности религиозной // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2012. № 3–4 (30). С. 413. Лебина Н. Б. Черно-белая красная свадьба // Теория моды. 2014. № 32 // [Электронный документ]. URL: <http://www.intelros.ru/readroom/teoriya-mody/t32-2014/24144-chno-belaya-krasnaya-svadba.html> (дата обращения — 26.07.2015). Чумаченко Т. А. Государство, православная церковь, верующие. С. 197–222. Марченко А., *прот.* Указ. соч. С. 57–65.

² РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 32. Д. 949. Л. 2 об. — 5 об., 7–10 об.

³ Коментчиков И. В. «Заветы социализма». С. 252–253.

Государство влияло на сворачивание традиции религиозного праздника дифференцировано. Если общецерковные праздники включались в «разрешенную» религиозность, ограниченную храмом, то с сельскими, доступными и поэтому особенно близкими населению, государство вело борьбу. Запрещая богослужения за пределами храма, закрывая многие из них и прерывая тем самым их основу — коллективную память о священном месте, власть вновь отводила церкви и духовенству уже известную по синодальному периоду роль в преодолении ряда феноменов народной религиозности. В этих условиях епархиальные власти требовали от клира избегать пограничных зон каноничности, в том числе — участия в сельских религиозных праздниках за пределами храма под предлогом несоответствия этой традиции богослужебному канону.

Результаты такого курса были особенно заметны там, где не было зарегистрированных церквей. Без литургической основы и понимания их духовного смысла престольные и «обетные» («заветные») праздники стали восприниматься на селе как «праздное» время коллективного досуга, а нередко — и возможность девиантного «разгула». Государство использовало это и, объявив «заветы» и «престолы» вредными для себя и деревни, приступило с конца 1950-х годов к их вытеснению циклом советских сельских праздников и гражданских обрядов. Островками, где деформированная традиция сельского религиозного праздника продолжали жить, оставалась коллективная память крестьян старших поколений, выдавленные властью за границы легальности немногочисленные молельни и местные святыни.

* * *

Таким образом, в 1945 — начале 1960-х годов в западнорусской деревне в основном завершается переход от основанной на религиозной картине мира традиционной культуры крестьянства к секуляризированной культуре, происходивший под натиском институтов официальной культуры и атеистической политики государства. Из массового сознания крестьянства окончательно вытесняется целостное религиозное мировоззрение. Этот переход сопровождается существенными трансформациями религиозности вследствие реализации в деревне политики дифференцированной секуляризации.

Поворот государства к РПЦ в годы Великой Отечественной войны явился частью общего идеологического курса по замещению риторики интернационализма и классовой борьбы государственно-патриотическими ценностями. Религия в нем учитывалась как важный

фактор, мобилизующий население на борьбу с врагом. Руководство страны также приняло во внимание оживление религиозной жизни, особенно на временно оккупированной территории, рассчитывало использовать авторитет и контакты РПЦ на международной арене в качестве одного из рычагов продвижения внешнеполитических интересов СССР по окончании войны. Возрожденная РПЦ получила право ограниченного юридического лица, возможность заниматься производственной деятельностью, готовить кадры священнослужителей, издавать ограниченным тиражом богослужебную литературу и церковную периодику и др. Однако корректировка ее статуса оформлялась приятием по прецеденту постановлений и распоряжений, но не законов, что сохраняло государству свободу рук в церковном вопросе. Наделение РПЦ в результате «церковного поворота» квази-государственным статусом открывало возможность ее использования и внутри страны, в том числе — для ограничения религиозности.

Значительно укрепившее в результате победы свой авторитет государство не рассматривало почти полностью уничтоженную, но им же возрожденную РПЦ как источник потенциальной угрозы. Контроль над ней в послевоенные годы облегчался тем обстоятельством, что еще до «церковного поворота» был достигнут большой прогресс в уничтожении ее низовых структур. Даже к концу 1947 года, когда численность открытых в послевоенные годы в Центральном Нечерноземье храмов достигает максимума, их было зарегистрировано менее 10% количества приходских церквей центральных епархий России в 1914 году. К 1961 году власти еще более сократили количество зарегистрированных церквей. В первые послевоенные годы в Центральном Нечерноземье действовал один монастырь, в РСФСР — три. Национализация мощей в 1920-е годы сделала невозможным почитание абсолютного большинства из них верующими. Подобным же образом было недоступно или утрачено много чтимых икон и других сакраллий. В результате у большинства крестьян размывалось представление как об «общецерковном» сакральном пространстве и времени, так и о его части — «малой» традиции, связанной со «своей» сельской церковью, часовней, чтимой иконой, святым колодцем или ручьем.

Либерализация государственно-церковных отношений в середине 1940-х годов отнюдь не означала ухода с магистрального пути «окончательного» преодоления влияния религиозных организаций и религиозности, хотя по сравнению с довоенными годами двигаться по нему стало в каком-то смысле сложнее. Практически сразу оживившаяся религиозность была поставлена в достаточно жесткие рамки. Основным

инструментом ее ограничения являлась введенная еще в конце 1920-х годов в треугольник «государство, религиозные организации, верующие» граница легальности—определение законности или незаконности того или иного феномена религиозной сферы по критерию лояльности советскому строю. Использование границы легальности давало возможность ограничения религиозности посредством обычной для государства как такового правоустанавливающей функции, а не только прямых репрессий, подавления сложнодостижимых для властных структур составляющих религиозной традиции (особенно—в пространстве народного православия), используя авторитет легальной РПЦ.

Объявление того или иного проявления религиозности незаконным означало и его исключение из канона РПЦ, хотя для верующих оно оставалось частью религиозной традиции. Как видно, власть учитывала известное по синодальному периоду и не раз отмечавшееся в послевоенные годы негативное отношение иерархов РПЦ ко многим проявлениям религиозности, не вписывавшимся в церковный канон. Посредством границы легальности религиозная традиция была разделена на две части: законную и незаконную (подпольную). Вмещением законной была легальная РПЦ, а нелегальной (и зачастую—неканоничной)—подпольные молельни, часовни и местные святыни вне легальных церквей. В разряд подпольных попало совершение религиозных обрядов частным порядком лицами, не имевшими или лишенными священнического сана, под открытым небом, религиозная благотворительность, монашество в миру и другие, то есть много проявлений именно «малой» духовной традиции. На протяжении 1945—начала 1960-х годов граница легальности неуклонно перемещалась по пространству религиозной традиции, сокращая спектр допускаемого для верующих и духовенства. Водоразделом в политике по отношению к религиозности можно считать 1958 год, ознаменовавший старт форсированной централизованной атаки на легальную и нелегальную религиозность в «преддверии вступления в коммунизм». В середине 1940-х—1958 годах сужение пространства легальной религиозности происходило постепенно. В 1958—начале 1960-х годов в результате форсированного сворачивания религиозности разрешенный «перечень» религиозных практик был сокращен до возможности посещать богослужения в немногочисленных зарегистрированных храмах, в экстренных случаях приглашать священника на дом, петь в церковном хоре, ходатайствовать об открытии храмов без особой надежды быть услышанным властью. Была затруднена возможность вхождения верующих в органы приходского управления.

Малое количество легальных храмов в послевоенные годы создавало в них ажиотаж в дни большого наплыва верующих, что, думается, зачастую не вполне корректно интерпретировалось представителями власти как свидетельство размаха религиозности крестьянства. Сеть легально действовавших храмов и немногочисленных монастырей была несопоставима с институтами официальной культуры. Даже наиболее депрессивное ее звено — сельский культпросвет — значительно превосходил легальные храмы по доступности. Такое соотношение «сил» можно считать дополнительным аргументом в пользу отсутствия серьезных опасений у руководства страны по поводу оживления религиозности и влияния РПЦ в послевоенные годы. Легальные церкви находились на большом удалении друг от друга, что затрудняло верующим удовлетворение даже минимальных требований православного культа. Особенностью трансформации легальной религиозности стало упрощение многих церковных практик в легальных храмах (в церковный обиход входят заочное совершение обрядов, коллективная исповедь, использование при богослужениях магнитофонов и т.д.), создание при действующих церквях или на удалении от них полулегальной инфраструктуры для прихожан из отдаленных приходов, развитие кустарных свечных и иконописных производств и т.п.

Другим следствием произвольного разделения властью религиозной традиции деревни стало распространение нелегальной религиозности, которая в середине 1940-х — начале 1950-х годов по своему размаху была сопоставима или даже превосходила легальную. Ее проявления были особенно распространены в том числе и в западных областях РСФСР, где власть блокировала многочисленные настойчивые просьбы верующих открыть храмы, количество зарегистрированных церквей было явно несоразмерно размаху религиозности, значительно ожившейся вследствие более или менее длительной оккупации. Многие практиковавшиеся в лоне подпольной религиозности обряды были не только запрещены государством, но и считались полностью или ситуативно неканоничными легальной церковью (культ местных святынь, обрядность, связанная с традиционными народными представлениями о силах добра и зла, «отчитки» «бесноватых» и т.д.). Количество их было значительным. Большую роль играла материальная и географическая доступность нелегального совершения обрядов, нивелировавшая в глазах прихожан подпольных молен и святых мест канонические и политические разногласия подпольного и легального духовенства РПЦ.

До 1958 года власти не предпринимали против нелегальной религиозности скоординированных мер прямого и повсеместного запрета.

Инициированная и управляемая из центра кампания 1958 года по «окончательному» сворачиванию любой религиозности учитывала негативное отношение иерархов легальной РПЦ ко многим проявлениям религиозности в «серых» зонах каноничности и вне канона. Наряду с разнообразными административными мерами, усилением атеистической пропаганды, привлечением антирелигиозно настроенных активистов к развалу общин верующих власти используют легальную РПЦ для сворачивания «малой» духовной традиции и религиозных практик, порожденных самой политикой дифференцированной секуляризации. Объективным фоном, способствовавшим размыванию «малой» традиции, был окончательный распад локальных крестьянских миров, в которых еще жил дух крестьянской общины — былой основы прихода. К началу 1960-х годов эти общности окончательно растворяются в волнах укрупнений колхозов, массового преобразования их в совхозы, начала сселения неперспективных деревень, миграции колхозников в города, ухода из жизни крестьян старших поколений, прогресса массовой секуляризованной культуры.

К концу изучаемого периода, судя по официальным данным и материалам этнографических обследований, уровень религиозности крестьянства в целом понижается. Значительно сократилось число доступных верующим региональных и местных святынь (особенно ландшафтных) и количество паломников к ним, а также подпольных молен и их прихожан. Более живучим было совершение основных обрядов православного культа в рамках семейной религиозности, в первую очередь, крещения и отпевания, доходя в отдельных регионах до 50—70% зарегистрированных органами ЗАГС рождений и смертей. Результаты трансформации религиозности вследствие дифференцированной секуляризации были особенно заметны там, где не было зарегистрированных церквей. Но и там, где они действовали, религиозность часто приобретала характер «обрядоверия». Отставание усилий государства по «оповседневиванию» советского образа жизни и его рецепции населением от темпов принудительного сворачивания религиозности в заключительные годы эпохи Н. С. Хрущева создавало на селе определенный вакуум регуляторов будничного поведения. Забыв в массе значение православных обрядов, таинств, праздников, многие крестьяне, считавшие себя верующими, по инерции воспринимали формируемые ими поводы как «праздное» время коллективного досуга, а нередко — и возможность девиантного «разгула».

Заключение

Полвека истории крестьянства Западного района Российской Федерации, которые охватывает эта книга — огромный по своей сложности период. Важнейшим фактором, предопределившим состояние не только региона, но и страны в целом, стала Великая Отечественная война, повлекшая за собой тяжелейшие демографические и социально-экономические последствия. Негативный эффект многократно усугублялся тем, что большая часть территории региона подверглась оккупации и стала непосредственной ареной военных действий. В несколько военных лет вместились эвакуация, ужасы оккупации, партизанская война с врагом, индивидуальные стратегии выживания, репатриация и реэвакуация после освобождения, первые попытки возвращения к нормальной мирной жизни.

Сложное состояние послевоенной деревни региона, а также по сути впервые обнаружившийся недостаток трудовых ресурсов, который пришел на смену привычным представлениям о трудоизбыточности местного села, породили надежды на то, что в скором времени будут проведены организационные реформы, и людям будет жить лучше. Ожидания не оправдались — послевоенное восстановление экономики практически не затронуло деревню. Более того, приоритетное развитие тяжелой промышленности, как и в прежние годы, проводилось за счет ресурсов села.

В особо трудном положении находились члены колхозов, составлявшие большинство сельского населения Запада России. Тяжелая ситуация в общественном секторе обернулась тем, что объектом изъятия продукции становились личные хозяйства колхозников, и в результате деревня региона серьезно пострадала от последствий послевоенного голода. Попытки укрупнения колхозов с целью повышения их эффективности также не дали результата. Более того, в укрупненных колхозах растворились остатки крестьянской демократии, поскольку был утрачен механизм демократического принятия решений на общем собрании хозяйства. В Западном районе, в отличие от плодородного Юга страны, оказались неощутимыми и экономические последствия укрупнения ввиду крайней изрезанности территории и хозяйственной специализации, традиционно опирающейся на небольшие организационные формы. Миграционный отток из села в город в этот период был уже весьма значительным, но он сдерживался не столько административными средствами, сколько приверженностью к сельскому образу жизни, сохранявшимся культурным разрывом между городом и селом.

Последствия экономических реформ середины — второй половины 1950-х годов, как и для всей страны, оказались на Западе противоречивыми. Вслед за коротким периодом оптимистических ожиданий в середине 1950-х наступило разочарование, тем более горькое, что в результате непродуманных инициатив центра население стало убывать стремительно. Исторически этому интенсивному оттоку (если не исходу) способствовала близость промышленных центров, в первую очередь Москвы. Поэтому под ударом в первую очередь оказалась самая близкая к столице Калужская область, а менее других в то время пострадала более хозяйственно устойчивая Брянская.

Противоречивая совхозизация рубежа 1950—1960-х годов на Западе все же имела больше плюсов, чем минусов. «Городские» формы организации производства с фиксированной заработной платой и пенсионным обеспечением отвечали ожиданиям жителей села. К тому же за счет этих мер удалось несколько улучшить ситуацию в районах, где было наибольшее количество отсталых колхозов. С другой стороны, преобразование колхозов в совхозы способствовало ускоренной переориентации крестьян с традиции ведения собственного хозяйства на наемные формы занятости, что означало фактическое завершение раскрестьянивания.

В течение 1960—1970-х годов продолжался активный отток из села региона. К середине 1970-х годов с постепенным исчерпанием ресурсов активного населения во всех областях Запада его интенсивность стала падать. К окончанию советского периода регион крайне нуждался во внимании со стороны центральных властей, как нуждается в нем и сейчас.

Мы далеки от того, чтобы объяснять трудности деревенской жизни исключительно нерадивостью сельских властей. Российский крестьянский социум в XX веке оказался под сильным давлением объективного по своей сути процесса урбанизации. В СССР его негативные последствия были усугублены как индустриальными приоритетами развития, заложенными в советской социально-экономической и идеологической модели, так и исторической необходимостью постоянного перераспределения средств в интересах развития восточных территорий.

Крайне противоречиво складывались взаимоотношения власти и западнорусского крестьянства. Война, нанеся тяжелейший ущерб селу Запада России, обескровила многие его властные структуры. Углубленная войной милитаризация управления, выступавшая одним из основных рычагов изъятия ресурсов деревни, консервировала произвол чиновников-администраторов, глушила ростки самоуправления в деятельности низовых советских структур, мирскую традицию решения сельских проблем общими собраниями и правлениями колхозов. Обыденность чрезвычайщины наиболее ярко фиксировалась деревней в действиях

районных чиновников. Часто крестьяне проводили параллели между ними и помещиками-крепостниками, пытались приспособиться к произволу местной власти. Однако уже к концу сталинской эпохи многие на селе понимали, что чрезвычайщина тормозит выполнение и заданий власти, и решение собственно деревенских проблем.

Реформы управления сельским районом хрущевского десятилетия, вызванные как политическими обстоятельствами, так и усложнением, укрупнением масштабов сельскохозяйственного производства, насыщением его сложной техникой сопровождались постепенной сменой чрезвычайного руководства управлением на основе действовавших по правилам разросшихся бюрократических структур. Однако к началу 1960-х годов на селе нарастало разочарование от наблюдаемых реформ, суть которых часто виделась в вытеснении произвола местных начальников круговой порукой управленцев-специалистов, превращавшихся в костеневший привилегированный слой. «Оттепель», сосредоточившись на критике проявлений «культы личности» в большой политике, не привела к существенной демократизации руководства на уровне сельского района, сельсовета, колхоза, совхоза. Это усиливало мотивацию самораскрестьянивания и социальную апатию.

Все более важным фактором изменений в западнорусском крестьянстве в послевоенные годы становились официальные учреждения культуры. Если в послевоенные годы сталинской эпохи нехватка средств часто вынуждала власть делать акцент на развитии традиционного сельского культпросвета, то последующее время завершаются радиофикация, кинофикация села, идет бурное распространение телевидения, повышается доступность прессы, особенно центральной. Прогресс доступности СМИ, нивелируя информационные барьеры между городом и деревней, с каждым годом все больше и больше разрушал локальную замкнутость многих сельских территорий, жители которых испытывали возрастающее влияние норм и ценностей официальной культуры. Неслучайно именно в этот период ускоряется рецепция западнорусской деревней советской праздничной культуры и обрядности, «тотально» охватывавшей все основные события общественной и личной жизни человека и успешно конкурировавшей с религиозной праздничной культурой и обрядностью. Для сельского населения степень доступности и разнообразия культурных благ выступала важнейшим показателем уровня жизни и была фактором, не в последнюю очередь определявшим решение мигрировать в город.

Изменялась и духовная сфера крестьянской жизни. Несмотря на потепление в годы войны отношений государства с религиозными организациями, в том числе с РПЦ, верующие которой количественно

преобладали в регионе, послевоенные годы продемонстрировали тенденцию постепенно углубляющейся трансформации религиозности под действием достаточно гибкой антирелигиозной политики. Религиозность деревни упрощается, сводясь к нерегулярному выполнению основных обрядов, редкому посещению отдаленной зарегистрированной церкви и празднованию преимущественно «мирской» части религиозных праздников в рамках «большой» традиции. Значительная часть «малой» религиозной традиции живет в подполье (часто — вне церковного канона), испытывая немалое давление и власти, и легальной церковной иерархии. Наиболее верующей частью деревенского социума остаются пожилые крестьянки, немногочисленные хранительницы «малой» духовной традиции своего села или деревни.

Последние полвека советской сельской истории очень поучительны с точки зрения разнообразия форм крестьянской активности, несмотря на тяжелые административные ограничения, способности сельского мира адаптироваться к изменяющимся условиям, стремления к лучшей доле для себя и своих детей. Хочется верить, что у сельских жителей западных областей России есть будущее — пусть даже в условиях развития городской цивилизации оно будет связано с урбанизацией села и дальнейшим изменением форм деревенской жизни.

Условные сокращения

ВЛКСМ— Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодежи (комсомол)
ГАБО— Государственный архив Брянской области
ГАДНИКО— Государственный архив документов новейшей истории Калужской области
ГАКО— Государственный архив Калужской области
ГАНИСО— Государственный архив новейшей истории Смоленской области
ГАОО— Государственный архив Орловской области
ГАРФ— Государственный архив Российской Федерации
КГБ при Совете Министров СССР— Комитет государственной безопасности при Совете Министров СССР
ГКО— Государственный комитет обороны
КП РСФСР— Коммунистическая партия РСФСР
КПК при ЦК КПСС— Комиссия партийного контроля при ЦК КПСС
КПСС— Коммунистическая партия Советского Союза
МГБ— Министерство государственной безопасности
МГК РСФСР— Министерство государственного контроля РСФСР
МТС— машинно-тракторная станция
МП— Московский патриархат
НКЗ (Наркомзем)— Народный комиссариат земледелия СССР
НКВД— Народный комиссариат внутренних дел СССР
ОК ВКП(б)— областной комитет ВКП(б)
ПФП— проверочно-фильтрационный пункт
РГАЛИ— Российский государственный архив литературы и искусства
РГАНИ— Российский государственный архив новейшей истории
РГАСПИ— Российский государственный архив социально-политической истории
РГАЭ— Российский государственный архив экономики
РИК— исполнительный комитет районного Совета депутатов трудящихся
РК ВКП(б)— районный комитет ВКП(б)
РК ВЛКСМ— районный комитет комсомола
РККА— Рабоче-Крестьянская Красная армия
РПЦ— Русская Православная Церковь
сд— стрелковая дивизия
СНК— Совет народных комиссаров СССР
СПП— сборно-пересыльный пункт
США— Соединенные Штаты Америки
ТЦДНИ— Тверской центр документации новейшей истории
УМГБ— Управление Министерства государственной безопасности
ЦК ВКП(б)— Центральный Комитет ВКП(б)
ЦК КПСС— Центральный Комитет КПСС
ЦЭР— Центральный экономический район

Библиографический список и источники

Источники

Архивные материалы

1. Архив Госкомстата
Данные выборочного социально-демографического обследования населения, 1985 г.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)
  - Ф. А-259. Совет Министров РСФСР. Оп. 1.
  - Ф. А-310. Министерство сельского хозяйства РСФСР в г. Москве и министерство сельского хозяйства в г. Яхроме Московской области (1917—1961, 1961—1963 гг.). Оп. 1.
  - Ф. А-327. Главное переселенческое управление при Совете Министров РСФСР и его предшественники. 1942—1956 гг. Оп. 2.
  - Ф. А-374. Центральное статистическое управление при СМ РСФСР. Оп. 10, 11, 14, 30, 31, 32, 35, 36, 39.
  - Ф. А-385. Верховный Совет РСФСР. Оп. 46.
  - Ф. А-339. Министерство государственного контроля РСФСР. Оп. 1.
  - Ф. А-495. Министерство кинематографии РСФСР. Оп. 1.
  - Ф. А-501. Министерство культуры РСФСР. Оп. 1.
  - Ф. А-518. Главное управление переселения и организованного набора рабочих (Главпереселеноргнабор) при Совете Министров РСФСР. 1956—1967 гг. Оп. 1.
  - Ф. А-534. Комитет по делам культурно-просветительных учреждений при СМ РСФСР. Оп. 1.
  - Ф. А-561. Общество по распространению политических и научных знаний РСФСР. Оп. 1.
  - Ф. Р-5446. Совет Министров СССР. Оп. 63.
  - Ф. 6822. Совет по эвакуации при СНК СССР. 1941 г. Оп. 1.
  - Ф. 6903. Государственный комитет по телевидению и радиовещанию при СМ СССР (Гостелерадио СССР). Оп. 1, 7.
  - Ф. 6991. Совет по делам религий при СМ СССР. Оп. 1, 2.
  - Ф. 7523. Верховный Совет СССР. Оп. 41, 58, 75.
  - Ф. 9504. Комитет при СНК СССР по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации. 1943—1944 гг. Оп. 1.
  - Ф. 9547. Общество по распространению политических и научных знаний СССР. Оп. 1.

3. Государственный архив Брянской области (ГАБО)
- Ф. Р-6. Исполнительный комитет Брянского областного Совета депутатов трудящихся. Оп. 1, 3, 4, 6.
  - Ф. П-1649. Брянский обком КПСС. Оп. 1.
  - Ф. Р-1853. Отдел по труду исполнительного комитета Брянского областного Совета депутатов трудящихся. Оп. 1.
  - Ф. Р-2201. Управление сельского хозяйства исполнительного комитета Брянского Областного Совета депутатов трудящихся. Оп. 9.
  - Ф. Р-2224. Уполномоченный Совета по делам колхозов при СМ СССР по Брянской области. Оп. 1.
  - Ф. Р-2889. Уполномоченный Совета по делам религий при СМ СССР по Брянской области. Оп. 1.
  - Ф. Р-2416. Прокуратура Брянской области. Оп. 1а.
  - Ф. Р-2419. Брянский областной комитет государственной статистики. Оп. 1.
4. Государственный архив документов новейшей истории Калужской области (ГАДНИКО)
- Ф. 12. Дзержинский РК ВКП(б). Оп. 1, 2.
  - Ф. 15. Бабынинский районный комитет КПСС. Оп. 24.
  - Ф. 16. Боровский районный комитет КПСС. Оп. 8, 39.
  - Ф. 25. Малоярославецкий районный комитет КПСС. Оп. 33.
  - Ф. 27. Мосальский районный комитет КПСС. Оп. 23, 24, 38.
  - Ф. 28. Думиничский районный комитет КПСС. Оп. 15, 35.
  - Ф. 30. Мещовский районный комитет КПСС. Оп. 5.
  - Ф. 32. Тарусский районный комитет КПСС. Оп. 11.
  - Ф. 34. Кировский районный комитет КПСС. Оп. 27.
  - Ф. 38. Ульяновский РК ВКП(б). Оп. 12.
  - Ф. 40. Спас-Деменский районный комитет КПСС. Оп. 1, 12, 15, 20.
  - Ф. 42. Куйбышевский районный комитет КПСС. Оп. 16, 18.
  - Ф. 50. Жиздринский РК ВКП(б). Оп. 2, 4, 9.
  - Ф. 51. Дугнинский районный комитет КПСС. Оп. 29.
  - Ф. 53. Юхновский районный комитет КПСС. Оп. 2.
  - Ф. 55. Калужский областной комитет КПСС. Оп. 8, 9.
  - Ф. 2101. Лев-Толстовский районный комитет КПСС. Оп. 20.
  - Ф. 2264. Калужский областной комитет ВЛКСМ. Оп. 8, 9, 13, 16, 24.
  - Ф. 6878. Калужский сельскохозяйственный областной комитет КПСС. Оп. 1.
5. Государственный архив новейшей истории Смоленской области (ГАНИСО)
- Ф. 6. Смоленский обком КПСС. Оп. 1, 2, 3.
  - Ф. 89. Смоленский областной комитет ВЛКСМ. Оп. 1.

6. Государственный архив Калужской области (ГАКО)
Ф. Р-883. Исполнительный комитет Калужского областного Совета депутатов трудящихся. Оп. 15, 16, 17, 22.
Ф. Р-1626. Прокуратура Калужской области. Оп. 2.
Ф. Р-3501. Уполномоченный Совета по делам религий при СМ СССР по Калужской области. Оп. 1.
Ф. Р-3469. Статистическое управление Калужской области. Оп. 1, 9.
7. Государственный архив Орловской области
Ф. П-52. Орловский обком ВКП(б). Оп. 2.
8. Государственный архив Смоленской области (ГАСО)
Ф. Р-2361. Исполнительный комитет Смоленского областного Совета народных депутатов. Оп. 5с.
Ф. Р-2440. Управление продовольствия, закупок и государственных служб агропромышленного комплекса Смоленской области. Оп. 3.
Ф. Р-2573. Смоленская городская управа (1941–1943 гг.). Оп. 1.
9. Российский архив новейшей истории (РГАНИ)
Ф. 5. Центральный комитет КПСС. Оп. 15. Отдел партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК ВКП(б)–КПСС (1948–1956 гг.).
Ф. 5. Центральный комитет КПСС. Оп. 16. Отдел пропаганды и агитации ЦК ВКП(б)–КПСС (1948–1956 гг.).
Ф. 5. Оп. 34. Отдел пропаганды и агитации ЦК КПСС по РСФСР (1956–1962 гг.).
Ф. 77. Отдел организационно-партийной работы ЦК КПСС (сводные статистические материалы о составе КПСС). Оп. 1.
10. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ)
Ф. 2329. Министерство культуры СССР. Оп. 10.
11. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ)
Ф. М-1. Центральный комитет ВЛКСМ. Оп. 32. Отдел пропаганды и агитации ЦК ВЛКСМ.
Ф. 17. Центральный комитет КПСС. Оп. 88. Сектор информации организационно-инструкторского отдела ЦК ВКП(б).
Ф. 17. Центральный комитет КПСС. Оп. 122. Организационно-инструкторский отдел ЦК ВКП(б). Управление по проверке партийных органов ЦК ВКП(б).
Ф. 17. Центральный комитет КПСС. Оп. 123. Сельскохозяйственный отдел ЦК ВКП(б).

- Ф. 69. Центральный штаб партизанского движения при Ставке Верховного Главнокомандования. Оп. 1.
- Ф. 17. Центральный комитет ВКП(б). Оп. 125. Управление пропаганды и агитации (1938—1948 гг.).
- Ф. 17. Центральный комитет ВКП(б). Оп. 132. Отдел пропаганды и агитации (1948—1953 гг.).
- Ф. 82. Молотов Вячеслав Михайлович (1890—1986). Оп. 2.
- Ф. 556. Бюро ЦК КПСС по РСФСР (1956—1966). Оп. 14. Отделы партийных органов по РСФСР. Отдел партийных органов ЦК КПСС по промышленности по РСФСР. Отдел партийных органов ЦК КПСС по сельскому хозяйству РСФСР. Отдел партийных органов ЦК КПСС по РСФСР. Отдел организационно-пропагандистской работы ЦК КПСС по РСФСР.
- Ф. 556. Бюро ЦК КПСС по РСФСР (1956—1966). Оп. 15. Отдел пропаганды и агитации ЦК КПСС по РСФСР (1956—1962 гг.).
- Ф. 556. Бюро ЦК КПСС по РСФСР (1956—1966). Оп. 22. Сельскохозяйственный отдел ЦК КПСС по РСФСР.
- Ф. 591. Редакция газеты «Сельская жизнь» (1960—1991). Оп. 1, 3, 4.
12. Российский государственный архив экономики (РГАЭ)
Ф. 1562. Центральное статистическое управление при СМ СССР. Оп. 7, 11, 44, 45, 48, 49, 327, 329, 336.
Ф. 5675. Учреждения по руководству переселением в СССР. Оп. 1.
Ф. 7486. Министерство сельского хозяйства СССР. Оп. 1, 7, 10.
Ф. 9476. Совет по делам колхозов при СМ СССР. Оп. 1.
13. Тверской центр документов новейшей истории (ТЦДНИ)
Ф. 147. Тверской обком КП РСФСР. Оп. 3, 4, 5, 6.
14. Центр новейшей истории Тульской области (ЦНИТО)
Ф. 40. Лаптевский районный комитет КПСС. Оп. 1.

Периодические издания

1. Вестник комиссариата внутренних дел: еженедельный журнал.
2. Знамя: газета Калужского обкома КПСС и Калужского областного Совета депутатов трудящихся.
3. Культурно-просветительная работа: ежемесячный журнал Министерства культуры РСФСР.
4. Партийная жизнь: журнал ЦК ВКП(б).
5. Правда: ежедневная газета МК и ЦК КПСС.
6. Рабочий путь: газета Смоленского обкома ВКП(б) и Смоленского областного Совета депутатов трудящихся.
7. Распространение печати: ежемесячный бюллетень Центрального управления распространения и экспедирования печати Министерства связи Союза ССР.

1. XXI съезд КПСС. Стенографический отчет: в 2 т. — М., 1959. — Т. 1.
2. XXII съезд КПСС. Стенографический отчет: в 3 т. — М., 1962. — Т. 1.
3. XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). — М., 1939.
4. «Великая книга дня...». Радио в СССР: документы и материалы / сост. Т. М. Горяева. — М., 2007.
5. Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам 1917–1957: в 4 т. — М., 1958. — Т. 4: 1953–1957.
6. Добиться закрытия так называемых «святых мест» // Источник. — 1997. — № 4. — С. 120–129.
7. Записка Отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам от 12 сентября 1958 г. «О недостатках научно-атеистической пропаганды» [Электронный документ] // Сайт Общероссийской общественной организации «Российское объединение исследователей религии». URL: <http://rusoir.ru/03print/02/239/index.html> (дата обращения — 02.06.2015).
8. Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. — М., 1972. — Т. 1.
9. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. СССР. Сводный том. — М., 1962.
10. История колхозного права. Сборник законодательных материалов СССР и РСФСР 1917–1958 гг.: в 2 т. / рук. кол., сост. Н. Д. Казанцев. — М., 1959. — Т. 1.
11. История колхозного права. Сборник законодательных материалов РСФСР и СССР. 1917–1958 гг.: в 2 т. / рук. кол., сост. Н. Д. Казанцев. — М., 1958. — Т. 2: 1937–1958.
12. КПСС в резолюциях, решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986): в 14 т. / под общ. ред. А. Г. Егорова и К. М. Боголюбова. — Изд. 9-е, доп. и испр. — М., 1985. — Т. 7.
13. КПСС в резолюциях, решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986): в 14 т. / под общ. ред. А. Г. Егорова и К. М. Боголюбова. — Изд. 9-е, доп. и испр. — М., 1985. — Т. 8.
14. КПСС в резолюциях, решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986): в 14 т. / под общ. ред. А. Г. Егорова и К. М. Боголюбова. — Изд. 9-е, доп. и испр. — М., 1986. — Т. 9.
15. КПСС в резолюциях, решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986): в 14 т. / под общ. ред. А. Г. Егорова и К. М. Боголюбова. — Изд. 9-е, доп. и испр. — М., 1986. — Т. 10.
16. Крамола. Инакомыслие в СССР при Хрущеве и Брежневе. 1953–1982. Рассекреченные документы Верховного Суда и Прокуратуры СССР / под ред. В. А. Козлова и С. В. Мироненко; отв. сост. О. В. Эдельман при участии Э. Ю. Завадской. — М., 2005.

17. Кремлевский кинотеатр. 1928—1953: документы. — М., 2005.
18. Народное хозяйство РСФСР в 1956 году: статсжегодник. — М., 1957.
19. Народное хозяйство РСФСР в 1958 году: статсжегодник. — М., 1958.
20. Народное хозяйство РСФСР в 1959 году: статсжегодник. — М., 1960.
21. Народное хозяйство РСФСР в 1961 году: статсжегодник. — М., 1962.
22. Народное хозяйство РСФСР в 1962 году: статсжегодник. — М., 1963.
23. Народное хозяйство РСФСР в 1964 году: статсжегодник. — М., 1965.
24. Народное хозяйство РСФСР в 1965 году: статсжегодник. — М., 1966.
25. Народное хозяйство СССР в 1974 году: статсжегодник. — М., 1975.
26. О культе личности и его последствиях. Доклад первого секретаря ЦК КПСС тов. Н. С. Хрущева XX съезду КПСС // Известия ЦК КПСС. — 1989. — № 3. — С. 128—170.
27. Овечкин В. В. Районные будни / В. В. Овечкин // Собр. соч.: в 3 т. — М., 1989. — Т. 2.
28. Одинцов М. И. Проявлять бдительность, своевременно пресекать антисоветские выпады духовенства. Доклад председателя Совета по делам Русской Православной Церкви при СМ СССР В. А. Куроедова на Всесоюзном совещании уполномоченных. 1960 г. [Электронный документ]. Сайт Общероссийской общественной организации «Российское объединение исследователей религии». URL: <http://rusoir.ru/president/works/118/> (дата обращения — 02.06.2015 г.).
29. Отчетный доклад ЦК ВКП(б) XIX съезду партии. Доклад секретаря ЦК ВКП(б) тов. Г. М. Маленкова // Правда. — 1952. — 6 октября.
30. Печать в СССР в 1959 году: статматериалы. — М., 1960.
31. Печать в СССР в 1960 году: статматериалы. — М., 1961.
32. Печать в СССР в 1961 году: статматериалы. — М., 1962.
33. Пленум ЦК КПСС 22—25 декабря 1959 г.: стенографический отчет. — М., 1960.
34. Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР в 1945—1953 / сост. О. В. Хлевнюк, И. Горлицкий, А. П. Кошелева, А. И. Минюк и др. — М., 2002.
35. Положения о сельских Советах депутатов трудящихся: (сб. официальных текстов). — М., 1959.
36. Попов В. П. Второй и важнейший этап (об укрупнении колхозов в 50-е — начале 60-х годов) / В. П. Попов // Отечественные архивы. — 1994. — № 1. — С. 27—35.
37. Попов В. П. Крестьянство и государство (1945—1953 гг.) / В. П. Попов. — Париж, 1992.
38. Попов В. П. Российская деревня после войны (июнь 1945 — март 1953). Сб. документов. — М., 1993.
39. Пропаганда и агитация в решениях и документах ВКП(б). — М., 1947.
40. Последования молебные об избавлении от духов нечистых. — М., 1999.

41. Региональная политика Н. С. Хрущева и местные партийные комитеты. 1953—1964 гг. / сост. О. В. Хлевнюк, М. Ю. Прокуменщиков, В. Ю. Васильев, И. Горлицкий, Т. Ю. Жукова, В. В. Кондрашин, Л. П. Кошелева, Р. А. Подкур, Е. В. Шевелева. — М., 2009.
42. Решения Партии и Правительства по хозяйственным вопросам: в 16 т. / сост. К. У. Черненко, М. С. Смиртюков; под общ. ред. К. М. Боголюбова, М. С. Смиртюкова. — М., 1968. — Т. 3.
43. Решения Партии и Правительства по хозяйственным вопросам: в 16 т. / сост. К. У. Черненко, М. С. Смиртюков; под общ. ред. К. М. Боголюбова, М. С. Смиртюкова. — М., 1968. — Т. 4.
44. Решения Партии и Правительства по хозяйственным вопросам: в 16 т. / сост. К. У. Черненко, М. С. Смиртюков; под общ. ред. К. М. Боголюбова, М. С. Смиртюкова. — М., 1983. — Т. 14.
45. Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917—1941. Документы и фотоматериалы / отв. сост., автор статей перед разд. О. Ю. Васильева; отв. ред. Я. Н. Щапов. — М., 1996.
46. Сборник руководящих материалов по культурно-просветительной работе. — М., 1947.
47. Сборник руководящих материалов по клубной работе. В помощь сельским клубным работникам. — 2-е изд., перераб и доп. — М., 1951.
48. Советская жизнь. 1945—1953 / сост. Е. Ю. Зубкова, Л. П. Кошелева, Г. А. Кузнецова, А. И. Минюк, Л. А. Роговая. — М., 2003.
49. Советская повседневность и массовое сознание. 1939—1945 / сост. А. Я. Лившин, И. Б. Орлов. — М., 2003.
50. Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны: «коммуникация убеждения» и мобилизационные механизмы / авт.-сост. А. Я. Лившин, И. Б. Орлов. — М., 2007.
51. 40 лет образования Калужской области. Юбилейный статистический сборник. — Калуга, 1984. — (Для служебного пользования).
52. Справочник партийного работника. Вып. 1 / редкол. В. Н. Малин и др. — М., 1957.
53. Справочник партийного работника. Вып. 2 / редкол. В. Н. Малин и др. — М., 1959.
54. Справочник партийного работника. Вып. 3 / редкол. М. Т. Ефремов и др. — М., 1961.
55. Справочник партийного работника. Вып. 4 / редкол. В. Н. Малин и др. — М., 1963.
56. Справочник председателя исполкома сельского Совета депутатов трудящихся / сост. Я. М. Котов. — Калуга, 1949.
57. Требник. — СПб., 1995.
58. Требник митрополита Петра Могилы. Репринтное изд. 1646 г.: в 3 ч. — Киев, 1996. — Ч. 3. Часть третья требника, различные воследования,

молебны и молитвы в различные потребности и нужды, по времени и по потребности употребляемые в себе содержащая.

59. XIII съезд ВЛКСМ: стенографический отчет. — М., 1958.
60. Труд в СССР. — М., 1973.
61. УК РСФСР 1926 г. [Электронный документ]. Сайт Wikisource — «Свободная библиотека». URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Уголовный_Кодекс_РСФСР_редакции_1926/Редакция_11.01.1956 (дата обращения: 12.06.2015).
62. УК РСФСР от 27 октября 1960 г. Первая редакция (без изменений и дополнений) [Электронный документ]. Сайт «Левоневский Валерий Станиславович». URL: <http://pravo.levonevsky.org/kodeksru/uk/19601027/index03.htm> (дата обращения: 12.06.2015).
63. ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты 1945–1953 / сост. В. В. Денисов, А. В. Квашонкин, Л. Н. Малащенко, А. И. Минюк и др. — М., 2004.
64. Численность и состав населения СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. — М., 1984.

Библиографический список

1. *Агарев, А. Ф.* Трагическая авантюра. Сельское хозяйство и крестьянство Рязанской области в 1937–1970 гг. Документы, события, факты / А. Ф. Агарев. — Рязань, 2010.
2. Аграрные преобразования и сельское хозяйство Сибири в XX веке / отв. ред. В. А. Ильиных. — Новосибирск, 2008.
3. Агропромышленная интеграция и социальная структура сельского населения СССР. — М., 1989.
4. *Аксютин, Ю. В.* Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг. / Ю. В. Аксютин. — М., 2004.
5. *Алексеев, А.* Нечерноземный Чернобыль / А. Алексеев // СССР: демографический диагноз. — М., 1990.
6. *Алексеев, А. И.* Многоликая деревня (население и территория) / А. И. Алексеев. — М., 1990.
7. *Алексеев, А. И.* Территориальная организация сферы обслуживания и образ жизни населения в сельском районе Нечерноземья / А. И. Алексеев, Н. В. Зубаревич // Вопросы социально-экономической географии Верхневолжья. — Калинин, 1987.
8. *Алексеев, А. И.* Из истории территориальной организации сельской местности Нечерноземья / А. И. Алексеев, А. А. Ткаченко // Территориальная организация сельской местности Нечерноземья. — Тверь, 1993.
9. *Анохина, Л. А.* Культура и быт колхозников Калининской области / Л. А. Анохина, М. Н. Шмелева. — М., 1964.

10. Арутюнян, Ю. В. Социальная структура сельского населения СССР / Ю. В. Арутюнян. — М., 1971.
11. Бакшеева, Е. Б. Политика Совета по делам Русской Православной Церкви при СНК (СМ) СССР в 1943—1965 гг.: ее особенности и проявления на Дальнем Востоке РСФСР / Е. Б. Бакшеева // ДИХИ—2012: идеи, гипотезы, открытия в социально-гуманитарных исследованиях: сборник научных трудов: вып. 3 / под науч. ред. А. Ю. Завалишина. — Хабаровск, 2012. — С. 9—23.
12. Беглов, А. Л. В поисках «безгрешных катакомб». Церковное подполье в СССР / А. Л. Беглов. — М., 2008.
13. Безнин, М. А. Классовая борьба в советской колхозной деревне (к постановке проблемы) / М. А. Безнин // Крестьянское хозяйство: история и современность. Материалы к Всероссийской научной конференции. Вологда, октябрь 1992 г.: в 2 ч. — Ч. II. — Вологда, 1992. — С. 63—65.
14. Безнин, М. А. Крестьянский двор в Российском Нечерноземье 1950—1965 гг. / М. А. Безнин. — М.: Вологда, 1991.
15. Безнин, М. А. Аграрный строй России 1930—1980-х годов / М. А. Безнин, Т. М. Димони. — М., 2014.
16. Безнин, М. А. Интеллектуалы в сельском хозяйстве России 1930—1980-х гг. (новый подход к социальной истории российской деревни) / М. А. Безнин, Т. М. Димони. — Вологда, 2010.
17. Безнин, М. А. Капитализация в российской деревне 1930—1980-х годов / М. А. Безнин, Т. М. Димони. — М., 2009.
18. Безнин, М. А. Крестьянство и власть в России в конце 1930-х-1950-е годы / М. А. Безнин, Т. М. Димони // Менталитет и аграрное развитие России (XIX—XX вв.). Материалы Международной конференции. Москва, 14—15 июня 1994. — М., 1996.
19. Безнин, М. А. Менеджеры в сельском хозяйстве России 1930—1980-х годов (новый подход к социальной истории российской деревни) / М. А. Безнин, Т. М. Димони. — Вологда, 2009.
20. Безнин, М. А. Протобуржуазия в сельском хозяйстве России 1930—1980-х годов (новый подход к социальной истории российской деревни) / М. А. Безнин, Т. М. Димони. — Вологда, 2008.
21. Безнин, М. А. Социальные классы в российской колхозно-совхозной деревне 1930—1980-х гг. / М. А. Безнин, Т. М. Димони // Социологические исследования. — 2011. — № 11. — С. 90—102.
22. Безнин, М. А. Социальный протест колхозного крестьянства (вторая половина 1940-х—1960-е годы) / М. А. Безнин, Т. М. Димони // Отечественная история. — 1999. — № 3. — С. 81—99.
23. Безнин, М. А. Личное подсобное хозяйство колхозников Российского Нечерноземья в 1950—1965 гг. / М. А. Безнин // Взаимосвязи города и деревни в их историческом развитии. — М., 1989.

24. Безнин, М. А. Материальное благосостояние колхозной семьи в Нечерноземье (1959–1965 гг.) / М. А. Безнин // История СССР. — 1989. — № 1. — С. 37–59.
25. Беленький, В. Р. Сельское расселение в Нечерноземной зоне РСФСР / В. Р. Беленький, Г. Ф. Федунова. — М., 1975.
26. Бердинских, В. Речи немых. Повседневная жизнь русского крестьянства в XX веке / В. Бердинских. — М., 2011.
27. Береснев, М. П. Влияние социально-экономических факторов на обеспеченность трудовыми ресурсами сельского хозяйства / Береснев М. П. // Демографическая ситуация и расселение населения в сельской местности РСФСР. — М., 1976.
28. Богданов, К. А. Vox populi: Фольклорные жанры советской культуры / К. А. Богданов. — М., 2009.
29. Богденко, М. Л. Совхозы СССР. 1951–1958 / М. Л. Богденко. — М., 1971.
30. Болотов, С. В. Русская Православная Церковь и международная политика СССР в 1930-е—1950-е годы / С. В. Болотов. — М., 2011.
31. Болтушкин, В. В. Развитие совхозов РСФСР в 1954–1958 гг.: дис. ... канд. ист. наук / В. В. Болтушкин. — М., 1967.
32. Бондарев, В. А. Фрагментарная модернизация послеоктябрьской деревни: история преобразований в сельском хозяйстве и эволюция крестьянства в конце 20-х—начале 50-х годов XX века на примере зерновых районов Дона, Кубани и Ставрополя / В. А. Бондарев; отв. ред. А. П. Скорик. — Ростов-н/Д., 2005.
33. Брусиловская, Л. Б. Культура повседневности эпохи «оттепели»: метаморфозы стиля: автореферат дисс. ... канд. культурологии / Л. Б. Брусиловская. — М., 2000.
34. Будаев, Д. История крестьянства западного региона России 1917–1941 / Д. Будаев, Ю. Журов, В. Филимонов. — Калуга, 2002.
35. Будина, О. Р. Город и народные традиции русских / О. Р. Будина, М. Н. Шмелева. — М., 1989.
36. Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире / пер. с англ.; сост. Т. Шанин; под ред. А. В. Гордона. — М., 1992.
37. Вербицкая, О. М. Значение демографического фактора в материальной обеспеченности крестьянской семьи / О. М. Вербицкая // Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе. — М., 2000.
38. Вербицкая, О. М. Изменение численности и состава колхозного крестьянства РСФСР в первые послевоенные годы (1946–1950) / О. М. Вербицкая // История СССР. — 1980. — № 5. — С. 124–138.
39. Вербицкая, О. М. Крестьянская семья в 20-е—50-е гг. / О. М. Вербицкая // Население России в 1920-е—1950-е гг.: численность, потери, миграции. — М., 1994.

40. *Вербицкая, О. М.* Плановое сельскохозяйственное переселение в РСФСР в 1946—1958 гг. / О. М. Вербицкая // Вопросы истории. — 1986. — № 12. — С. 13—26.
41. *Вербицкая, О. М.* Российское крестьянство от Сталина к Хрущеву. Середина 40-х — начало 60-х гг. / О. М. Вербицкая. — М., 1992.
42. *Вербицкая, О. М.* Российское крестьянство: демографическая ситуация в 1926 и 1959 гг. / О. М. Вербицкая // Крестьянское хозяйство: история и современность: в 2 ч. / отв. ред. М. А. Безнин. — Вологда, 1992. — Ч. 1. — С. 136—143.
43. *Вербицкая, О. М.* Российская сельская семья в 1897—1959 гг. (историко-демографический аспект) / О. М. Вербицкая. — М.; Тула, 2009.
44. *Виноградский, В. Г.* Крестьянские общества сегодня / В. Г. Виноградский // Куда идет Россия?...: Социальная трансформация постсоветского пространства. — М., 1996. — С. 449—451.
45. *Вишневский, А. Г.* Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР / А. Г. Вишневский. — М., 1998.
46. *Волков, И. М.* Деревня СССР в 1945—1953 гг. в новейших исследованиях историков (конец 1980-х — 1990-е гг.) / И. М. Волков // Отечественная история. — 2000. — № 6. — С. 115—124.
47. *Волков, И. М.* Колхозы и колхозное крестьянство СССР в первые послевоенные годы: дис... докт. ист. наук / И. М. Волков. — М., 1968.
48. *Волков, И. М.* Некоторые вопросы истории сельского хозяйства и крестьянства в послевоенные годы / И. М. Волков // История СССР. — 1973. — № 1. — С. 3—19.
49. *Волков, И. М.* Трудовой подвиг колхозного крестьянства в послевоенные годы. Колхозы СССР в 1946—1950-х гг. / И. М. Волков — М., 1972.
50. *Волынская, Б. Н.* Сельское расселение в РСФСР / Б. Н. Волынская, Г. А. Култышева, И. И. Маркова // Демографическая ситуация и расселение населения в сельской местности РСФСР. — М., 1976.
51. *Воронов, С. Н.* Политика принудительного раскрестьянивания 1950—1960-х гг. и личное хозяйство колхозников РСФСР / С. Н. Воронов // Крестьянское хозяйство: история и современность: в 2 ч. / отв. ред. М. А. Безнин. — Вологда, 1992. — Ч. 2. — С. 61—63.
52. *Воронцов, А. В.* Завершающий этап культурной революции на селе (на материалах Смоленской, Брянской и Калужской областей): дис... канд. ист. наук / А. В. Воронцов. — Л., 1969.
53. ...Все судьбы в единую слиты... По рассекреченным архивным документам. К 60-летию освобождения Смоленщины от немецко-фашистских захватчиков / авт.-сост. Н. Г. Емельянова, А. М. Дедкова, О. В. Виноградова, Г. В. Гаврилова, В. А. Кононов. — Смоленск, 2003.
54. *Вылцан, М. А.* Восстановление и развитие материально-технической базы колхозного строя (1945—1958) / М. А. Вылцан. — М., 1976.

55. География Калужской области. — Тула, 1975.
56. География Смоленской области. — М., 1990.
57. Гераськин, Ю. В. Подача ходатайств об открытии храмов в 1940—1950-е годы как способ отстаивания конституционного права на свободу вероисповедания / Ю. В. Гераськин // Вестник Челябинского государственного университета. История. Вып. 24. — 2008. — № 15. — С. 132—138.
58. Гераськин, Ю. В. Русская православная церковь, верующие, власть (конец 30-х — 70-е годы XX века) / Ю. В. Гераськин. — Рязань, 2007 [Электронный документ]. Сайт «Бесплатная электронная библиотека (Авторефераты, диссертации, методички, учебные программы, монографии)». URL: <http://www.diss.seluk.ru/monografiya/732803-1-yuv-geraskin-russkaya-pravoslavnaya-cerkov-veruyuschie-vlast-konec-30-h-70-e-godi-veka-monografiya-ryazan-2007-bbk-86372-g37-r.php> (дата обращения: 24.03.2015).
59. Горбачевич, Д. Два месяца в гостях у колхозников / Д. Горбачевич. — N.Y., 1967.
60. Горбачев, О. В. «Не надо городских товаров, но дайте хлеба...»: государственные приоритеты и система сельской розничной торговли в Центральной России во второй половине 1940-х — 1970-е гг. / О. В. Горбачев // Право: история, теория, практика. — Вып. 9. — Брянск: БГУ, 2005. — С. 399—411.
61. Горбачев, О. В. Государственное регулирование сельскохозяйственной политики в СССР во второй половине 40-х — 60-е гг. и проблема раскрестьянивания села Центральной России / О. В. Горбачев // Право: история, теория, практика. — Вып. 4. — Брянск: БГПУ, 2000. — С. 245—251.
62. Горбачев, О. В. Малый город и сельская округа: региональные модели демографической эволюции во второй половине XX в. / О. В. Горбачев // Гуманитарные науки в Сибири. — 2011. — № 1. — С. 62—66.
63. Горбачев, О. В. Маятниковая миграция из Западного района России в послевоенные десятилетия / О. В. Горбачев // Деревня Центральной России: история и современность. — М., 1993. — С. 78—81.
64. Горбачев, О. В. Миграционная статистика второй половины XX — начала XXI века как исторический источник / О. В. Горбачев // Известия Смоленского государственного университета. — 2012. — № 2. — С. 220—227.
65. Горбачев, О. В. На пути к городу: сельская миграция в Центральной России (1946—1985 гг.) и советская модель урбанизации / О. В. Горбачев. — М.: МПГУ, 2002.
66. Горбачев, О. В. Организованная миграция из села Центрального Нечерноземья во второй половине 1940-х — 1960-е гг. / О. В. Горбачев // Вопросы истории. — 2003. — № 2. — С. 138—149.

67. Горбачев, О. В. Российская урбанизация в XX веке как междисциплинарная проблема / О. В. Горбачев // Вестник Брянского государственного университета. — 2012. — № 2. — С. 67–71.
68. Горбачев, О. В. Трансформация сельской семьи в Центральном Нечерноземье в 1940–1980-е гг. / О. В. Горбачев // Гуманитарные науки в Сибири. — 2013. — № 4. — С. 46–51.
69. Горбачев, О. В. Факторы изменения численности сельского населения Западного района Российской Федерации в послевоенные годы / О. В. Горбачев // Население России в 1920–1950-е годы: численность, потери, миграции. Сб. науч. трудов. — М., ИРИ РАН, 1994. — С. 132–144.
70. Горбачев, О. В. Экономические факторы миграции сельского населения Центрального Нечерноземья (1946–1985 гг.) / О. В. Горбачев. — Брянск: БГПУ, 1999.
71. Горбачев, О. В. История Брянского края. XX век / О. В. Горбачев, Ю. Б. Колосов, В. В. Крашенинников, В. Н. Лупоядов, А. Ф. Тришин. — Брянск, 2003.
72. Горбачев, О. В. Демографическое развитие российско-белорусского пограничья в условиях урбанизации (середина XX—начало XXI в.): монография / О. В. Горбачев, Д. Г. Лин. — М.: Кнорус, 2013.
73. Горбачев, О. В. Динамика миграции сельского населения российско-белорусского пограничья в условиях урбанизации / О. В. Горбачев, Д. Г. Лин // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2012 год. Типология и особенности регионального аграрного развития России и Восточной Европы X–XXI вв. — М.; Брянск, 2012. — С. 561–575.
74. Горбачев, О. В. Материальная культура советской деревни второй половины XX в.: опыт интерпретации художественного кино / О. В. Горбачев, Л. Н. Мазур // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2013 год. Земледельцы и землевладельцы российской деревни конца XV—конца XX вв.: экономическое, социальное и культурное развитие / Научный совет по проблемам аграрной истории Восточной Европы при ОИФН РАН; отв. ред. Е. Н. Швейковская. — М.: Древлехранилище, 2014. — С. 234–249.
75. Гордон, А. В. Хозяйствование на земле — основа крестьянского мировосприятия / А. В. Гордон // Менталитет и аграрное развитие России. — М., 1996.
76. Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен. — М., 2001.
77. Гохберг, М. Я. Проблемы развития и размещения производительных сил Центрального района / М. Я. Гохберг, Н. А. Соловьева. — М., 1975.
78. Гриднев, В. М. Борьба крестьянства оккупированных областей РСФСР против немецко-фашистской оккупационной политики 1941–1944 гг. / В. М. Гриднев. — М., 1976.

79. Громыко, М.М. О воззрениях русского народа / М.М. Громыко, А.В. Буганов. — М., 2000.
80. Грушин, Б.А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина: в 4 кн. — Кн. 1: Эпоха Хрущева / Б.А. Грушин. — М., 2001.
81. Давидович, В.Г. Расселение в пригородных зонах (количественные закономерности) // Расселение в пригородных зонах / В.Г. Давидович // Вопросы географии. — Вып. 87. — М., 1971.
82. Дандыкин, Т.К. Страницы подвига: Военно-хозяйственная и политическая деятельность Коммунистической партии в партизанских краях и зонах центра России (1941–1943 гг.) / Т.К. Дандыкин. — Тула, 1979.
83. Данилов, А.А. Рождение сверхдержавы. СССР в первые послевоенные годы / А.А. Данилов, А.В. Пыжиков. — М., 2001.
84. Данилов В.П. Социальная структура советской деревни (по данным Всесоюзных переписей населения 1959 и 1970 гг.) / В.П. Данилов // Социально-экономические проблемы истории развитого социализма в СССР. — М., 1976.
85. Денисова, Л.Н. Исчезающая деревня России: нечерноземье в 1960–1980-е гг. / Л.Н. Денисова. — М., 1996.
86. Денисова, Л.Н. Невосполнимые потери: кризис культуры села в 60–80-е годы / Л.Н. Денисова. — М., 1995.
87. Динамика расселения в СССР. — М., 1986.
88. Дома народного творчества России: ретроспектива и современность. Исторические очерки. Сохранение и развитие нематериального культурного развития народов России. Кн. 1 / ред.-сост. Л.А. Богуславская. — М., 2009.
89. Евдокимов, М.Ю. Проблемы устойчивости сельских поселений юго-западного Нечерноземья / М.Ю. Евдокимов, А.П. Катровский, Т.А. Терещенко // Методика и опыт изучения сельских поселений Нечерноземья. — М., 1991.
90. Евтеева, Н.В. Кто и почему возвращается в село / Н.В. Евтеева // Социологические исследования. — 1987. — № 2.
91. Жидкова, Е. Советская гражданская обрядность как альтернатива обрядности религиозной / Е. Жидкова // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. — 2012. — № 3–4 (30). — С. 408–429.
92. Жуков, Ю.Н. Сталин: тайны власти / Ю.Н. Жуков. — М., 2005.
93. Зайончковская, Ж.А. Демографическая ситуация и расселение / Ж.А. Зайончковская. — М., 1991.
94. Зайончковская, Ж.А. Новоселы в городах (методы изучения приживаемости) / Ж.А. Зайончковская. — М., 1972.

95. Заславская, Т.И. Принцип материальной заинтересованности при оплате труда в колхозах / Т.И. Заславская. — М., 1958.
96. Зеленин, И.Е. Аграрная политика Н.С. Хрущева и сельское хозяйство страны / И.Е. Зеленин // Отечественная история. — 2000. — № 1. — С. 76–93.
97. Зеленин, И.Е. Аграрная политика Н.С. Хрущева и сельское хозяйство страны / И.Е. Зеленин. — М., 2001.
98. Зима, В.Ф. Голод в СССР 1946–1947 гг.: происхождение и последствия / В.Ф. Зима. — М., 1996.
99. Зубаревич, Н.В. Эволюция сельского расселения Нечерноземья (за период с 1959 по 1989 гг.) / Н.В. Зубаревич // Территориальная организация сельской местности Нечерноземья. — Тверь, 1993.
100. Зубкова, Е.Ю. Кадровая политика и чистки в КПСС (1945–1956) / Е.Ю. Зубкова // Свободная мысль. — 1999. — № 3. — С. 117–127.
101. Зубкова, Е.Ю. Мир мнений советского человека, 1945–1948 годы: по материалам ЦК ВКП(б) / Е.Ю. Зубкова // Отечественная история. — 1998. — № 3. — С. 25–39.
102. Зубкова, Е.Ю. Общество и реформы. 1945–1964 / Е.Ю. Зубкова. — М., 1993.
103. Зубкова, Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953 / Е.Ю. Зубкова. — М., 1999.
104. Иванов, Н.С. Колхозное крестьянство центральных областей Нечерноземной зоны РСФСР в 1951–1958 гг.: дис. ... канд. ист. наук / Н.С. Иванов. — М., 1983.
105. Иванов, Н.С. Раскрестьянивание деревни (середина 40-х — 50-е гг.) // Судьбы российского крестьянства / Н.С. Иванов. — М., 1996. — С. 416–435.
106. Игнатовский, П.А. Социально-экономические изменения в советской деревне / П.А. Игнатовский. — М., 1966.
107. Игнатовский, П.А. Укрепление экономических отношений города и деревни // Социально-экономические проблемы истории развитого социализма в СССР / П.А. Игнатовский. — М., 1976.
108. Игудина, А.И. Сдвиги в размещении сельского населения Нечерноземной зоны РСФСР / А.И. Игудина, Г.В. Иоффе // Известия АН СССР. Сер. География. — 1985. — № 5.
109. История Коммунистической партии Советского Союза / отв. ред. А.Б. Безбородов, науч. ред. Н.В. Елисеева. — М., 2014.
110. Исторический материализм / под общ. ред. В.Ф. Константинова. — М., 1950
111. История государственного управления в России / под. ред. Р.Г. Пихои и др. — М., 2003. [Электронный документ]: URL: <http://www.twirpx.com/file/402937/> [дата обращения: 17.12.2013].

112. История крестьянства Западного региона России 1861—1917. — Калуга, 1993.
113. История крестьянства Западного региона РСФСР. Период феодализма. — Воронеж, 1991.
114. История крестьянства СССР: в 4 т. — Т. 3: Крестьянство накануне и в годы Великой Отечественной войны. 1938—1945. — М., 1987.
115. Кабанов, П. И. Очерки культурно-просветительной работы в СССР в послевоенные годы. 1945—1953 / П. И. Кабанов; отв. ред. В. Е. Быстров. — М., 1955.
116. Казаков, А. И. Миграция сельского населения: причины, характер, интенсивность, направленность / А. И. Казаков // Сельское хозяйство и крестьянство Нечерноземья в период строительства социализма. — Смоленск, 1979.
117. Казаков, А. И. Население Смоленщины: прошлое и настоящее / А. И. Казаков. — Смоленск, 1988.
118. Кандренков, А. А. Резервы Нечерноземья (на примере Калужской области) / А. А. Кандренков. — М., 1982.
119. Кирьянова, Е. Л. Трудовые ресурсы сельского хозяйства Рязанской и Тульской областей в 30-е гг. XX в.: некоторые аспекты изучения / Е. Л. Кирьянова // Проблемы исторической демографии и исторической географии Центрального Черноземья и Запада России. — Липецк, 1998.
120. Книга памяти. Брянская область. Т. 12. — Брянск, 2003.
121. Ковалев, Б. Н. Нацистская оккупация и коллаборационизм в России. 1941—1944 / Б. Н. Ковалев. — М., 2004.
122. Ковалев, Б. Н. Коллаборационизм в России 1941—1945 гг.: типы и формы / Б. Н. Ковалев. — Великий Новгород, 2009.
123. Ковалев, С. А. Сельское расселение в районах разного типа / С. А. Ковалев // Региональное расселение в СССР. — М., 1984.
124. Ковалев, С. А. Типология пригородных зон / С. А. Ковалев // Расселение в пригородных зонах // Вопросы географии. — Вып. 87. — М., 1971.
125. Ковалев, С. А. Эволюция сельского расселения Центральной России с 20-х гг. XX в. до наших дней / С. А. Ковалев // Деревня Центральной России: история и современность. — М., 1993. — С. 139—140.
126. Кознова, Е. И. XX век в социальной памяти российского крестьянства / Е. И. Кознова. — М., 2000.
127. Комаров, Д. Е. Смоленская область в годы Великой Отечественной: война, народ, победа / Д. Е. Комаров. — Смоленск, 2015.
128. Кометчиков, И. В. «Дайте нам секретаря, который был бы с народом»: десталинизация партийной власти в сельских районах Центрального

- Нечерноземья (1953 — начало 1960-х гг.) / И. В. Кометчиков // Новый исторический вестник. — 2014. — № 4 (42). — С. 76—88.
129. Кометчиков, И. В. «Заветы социализма»: трансформация религиозного праздника на селе Центрального Нечерноземья в середине 1940-х — начале 1960-х гг. / И. В. Кометчиков // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. — 2015. — № 2 (33). — С. 238—261.
  130. Кометчиков, И. В. «Институт уполномоченных» на селе Центрального Нечерноземья середины 1940-х — начала 1960-х гг. / И. В. Кометчиков // Вестник Пермского университета. Серия История. — 2014. — № 4 (27). — С. 125—139.
  131. Кометчиков, И. В. Будни аппарата сельских РК ВКП(б) и райисполкомов Центрального Нечерноземья в 1945—1953 гг. / И. В. Кометчиков // Вестник Челябинского госуниверситета. — Серия История. — Вып. 60. — 2014. — № 12 (341). — С. 66—73.
  132. Кометчиков, И. В. Будни и реформы сельсоветов Центрального Нечерноземья 1945 — начала 1960-х гг. / И. В. Кометчиков // Ученые записки Орловского госуниверситета. — Сер. Гуманитарные и социальные науки. — 2015. — № 2 (65). — С. 11—16.
  133. Кометчиков, И. В. Выпуск, распространение и доступность газет на селе Центрального Нечерноземья 1945 — начала 1960-х гг. / И. В. Кометчиков // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — Тамбов: Грамота, 2014. — № 4 (42). — Ч. 2. — С. 101—107.
  134. Кометчиков, И. В. Кино в культуре повседневного досуга деревни Центрального Нечерноземья РСФСР середины 1940-х — начала 1960-х гг. / И. В. Кометчиков // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — Тамбов: Грамота, 2014. — № 1 (39). — Ч. 2. — С. 90—96.
  135. Кометчиков, И. В. Клубные учреждения в культуре повседневного досуга села Центрального Нечерноземья 1945—1953 гг. / И. В. Кометчиков // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — Тамбов: Грамота, 2014. — № 12 (50). — Ч. 3. — С. 106—112.
  136. Кометчиков, И. В. Клубные учреждения в повседневном досуге села Центрального Нечерноземья середины 1950-х — начала 1960-х гг. / И. В. Кометчиков // Вестник Волгоградского государственного университета. — Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. — 2014. — № 6 (30). — С. 20—29.

137. *Кометчиков, И. В.* Лекционная пропаганда на селе Центрального Нечерноземья 1945 — начала 1960-х гг.: организация и функционирование / И. В. Кометчиков // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — Тамбов: Грамота, 2014. — № 7 (45). — Ч. 1. — С. 80–87.
138. *Кометчиков, И. В.* Мобилизации провинциальной бюрократии для работы на селе Центрального Нечерноземья в середине 1950-х — начале 1960-х годов: замысел и результаты / И. В. Кометчиков // Известия Смоленского государственного университета. — 2014. — № 2 (26). — С. 183–191.
139. *Кометчиков, И. В.* Привилегии номенклатуры Центрального Нечерноземья: попытки модернизации и восприятие населением (конец 1950-х — начало 1960-х гг.) / И. В. Кометчиков // Известия Смоленского госуниверситета. — 2015. — № 2 (30). — С. 242–250.
140. *Кометчиков, И. В.* Радио в буднях села Центрального Нечерноземья середины 1940-х — начала 1950-х гг.: доступное и недоступное / И. В. Кометчиков // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — Тамбов: Грамота, 2014. — № 1 (39). — Ч. 1. — С. 109–115.
141. *Кометчиков, И. В.* Радиофикация села Центрального Нечерноземья в 1953 — начале 1960-х гг.: политика и культура повседневного досуга / И. В. Кометчиков // Вестник Брянского государственного университета. — 2015. — № 2. — С. 165–168.
142. *Кометчиков, И. В.* Сельские первичные организации КПСС Центрального Нечерноземья середины 1940-х — начала 1960-х гг.: численность, состав, функционирование. / И. В. Кометчиков // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — Тамбов: Грамота, 2014. — № 11 (49). — Ч. 1. — С. 107–114.
143. *Кометчиков, И. В.* Советские праздники и обряды на селе Центрального Нечерноземья 1945 — начала 1960-х гг.: распространение и рецепция населением / И. В. Кометчиков // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — Тамбов: Грамота, 2014. — № 2 (40). — Ч. 2. — С. 98–108.
144. *Кометчиков, И. В.* Традиция якутальства как грань «социального иммунитета» калужской деревни и борьба с ней в 1930-е — начале 1960-х гг. / И. В. Кометчиков // Антропологический форум. — 2014. — № 20. — С. 240–340.

145. *Кометчиков, И. В.* Номенклатура РК КПСС в механизме управления селом Центрального Нечерноземья середины 1940-х—начала 1960-х гг. / И. В. Кометчиков // Ученые записки Орловского государственного университета. — Сер. Гуманитарные и социальные науки. — 2014. — № 4 (60). — С. 22–30.
146. *Кометчиков, И. В.* Об одной пропагандистской кампании. Все-союзный поход комсомола и молодежи за культуру (1958–1960) в Центральном Нечерноземье / И. В. Кометчиков // Свободная мысль. — 2014. — № 1 (1643). — С. 157–172.
147. *Кометчиков, И. В.* Справедливое землепользование в контексте «социального иммунитета» колхозного села Центрального Нечерноземья 1945—начала 1960-х гг. / И. В. Кометчиков // Научная школа профессора М. А. Безнина: сб. науч. материалов, посвященный 60-летию профессора Михаила Алексеевича Безнина / редкол.: Т. М. Димони (отв. ред.) и др. — Вологда, 2014. — С. 136–138.
148. *Корнеев, А. М.* Молодые партизаны Смоленщины / А. М. Корнеев. — Изд. 2-е, испр. и доп. — Смоленск, 1958.
149. *Костяшов, Ю. В.* Повседневность послевоенной деревни. Из истории переселенческих колхозов Калининградской области. 1946–1953 гг. / Ю. В. Костяшов. — М., 2015.
150. *Котов, Л. В.* Трудовой вклад жителей Смоленщины во всенародную помощь фронту / Л. В. Котов, В. А. Шуляков // Материалы по изучению Смоленской области. — Вып. IX. — Смоленск, 1976. — С. 99–111.
151. *Краинский, Н. В.* Порча, кликуши и бесноватые как явления русской народной жизни / Н. В. Краинский; предисл. акад. В. М. Бехтерева. — Новгород, 1900.
152. Краткая медицинская энциклопедия. Т. 1. / гл. ред. Б. В. Петровский. — М., 1989.
153. *Кром, М. М.* Повседневность как предмет исторического исследования (вместо предисловия) / М. М. Кром // История повседневности / отв. ред. М. М. Кром. — СПб., 2003.
154. *Кукушкин, Ю. С.* Самоуправление крестьян в России (XIX—начало XXI в.) / Ю. С. Кукушкин, Н. С. Тимофеев. — М., 2004.
155. *155.* Культурно-просветительная работа на селе: сб. материалов в помощь работникам сельских культурно-просветительных учреждений. — М., 1950.
156. *Курбатова, П. И.* Смоленская партийная организация в годы Великой Отечественной войны / П. И. Курбатова. — Смоленск, 1958.
157. *Кутафьева, Э. С.* Миграция и трудовые ресурсы (на примере ЦЭР) / Э. С. Кутафьева, М. Г. Трудова // Миграция населения РСФСР. — М., 1973.

158. Лазарев, В. Т. Аграрная политика и трансформация российского села в XX столетии / В. Т. Лазарев. — Самара, 2001.
159. Лебина, Н. Б. Черно-белая красная свадьба / Н. Б. Лебина // Теория моды. — 2014. — № 32. // [Электронный документ]. URL: <http://www.intelros.ru/readroom/teoriya—mody/t32—2014/24144—cherno—belaya—krasnaya—svadba.html> (дата обращения — 26.07.2015).
160. Левин, М. Номенклатура — Arcanum Imperii / М. Левин // Куда идет Россия? Общее и особенное в современной России / под общ. ред. Т. И. Заславской. — М., 1997. — С. 69–76.
161. Лейбович, О. Реформа и модернизация в 1953–1964 гг. / О. Лейбович. — Пермь, 1993.
162. Литовкин, Е. В. Восстановление и развитие культурно-просветительной работы Рязанской области в послевоенный период / Е. В. Литовкин. — Рязань, 2004.
163. Литовкин, Е. В. Культурно-просветительная работа России послевоенного периода / Е. В. Литовкин. — М., 2004.
164. Лукьянов, А. И. Развитие законодательства о советских представительных органах власти. (Некоторые вопросы истории, теории и практики) / А. И. Лукьянов. — М., 1976.
165. Магомедов, А. К. Диалог об актуальном: Анализ западных концепций советской аграрной политики в 50-е гг. / А. К. Магомедов, В. Д. Полищук. — Саратов, 1992.
166. Макаров, Н. И. Непокорная земля Российская / Н. И. Макаров. — М., 1976.
167. Марченко, А., прот. Религиозная политика советского государства в годы правления Н. С. Хрущева и ее влияние на церковную жизнь в СССР / прот. А. Марченко. — М., 2010.
168. Материалы по культурно-просветительской работе: сб. — М., 1959.
169. Миронов, Б. Н. Семья: нужно ли оглядываться в прошлое / Б. Н. Миронов // В человеческом измерении. — М., 1989.
170. Миронов, Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII—начало XX вв.): генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2 т. / Б. Н. Миронов. — Т. 1–2. — СПб., 1999.
171. Миронова, Г. Л. Демографическая ситуация в сельских поселениях ЦЭР (на примере Брянской области) / Г. Л. Миронова // Методика и опыт изучения сельских поселений Нечерноземья. — М., 1991.
172. Мозохин, О. Б. Право на репрессии: Внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1918–1953) / О. Б. Мозохин. — Жуковский; М., 2006.

173. Молодова, И. Ю. Проверочно-фильтрационные дела в ГАДНИКО / И. Ю. Молодова // Отечественные архивы. — 2003. — № 1. — С. 49–56.
174. Монашество и монастыри в истории России XI–XX века: исторические очерки / отв. ред. Н. В. Сеницына. — М., 2002.
175. Москвитина, Р. А. Социокультурные процессы российского села (70-е — 90-е гг. XX в.): дис. ... докт. ист. наук / Р. А. Москвитина. — Саратов, 1998.
176. Мохов, В. П. Региональная политическая элита России (1945–1991 гг.) / В. П. Мохов. — Пермь, 2003.
177. Наухацкий, В. В. Модернизация сельского хозяйства и российская деревня 1965–2000 гг. / В. В. Наухацкий. — Ростов-н/Д., 2003.
178. Никитаева, Е. Б. Исчезающая деревня (1960 — середина 1980-х годов) / Е. Б. Никитаева // Судьбы российского крестьянства. — М., 1996. — С. 436–462.
179. Никитина, Г. Я. История культурно-досуговой деятельности / Г. Я. Никитина. — М., 1998.
180. Никольский, Н. М. История русской церкви / Н. М. Никольский, науч. ред., автор вс. ст. и комм. Н. С. Гордиенко. — 3-е изд. — М., 1983.
181. Никольский, С. А. Коллективизация и деколлективизация: сравнительный анализ процессов, последствий, перспектив // Крестьяноведение: теория, история, современность / С. А. Никольский. — М., 1997.
182. Никонов, В. А. Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика в России (XVIII–XX вв.) / В. А. Никонов. — М., 1995.
183. Новая скрижаль, или Объяснение о церкви, о литургии и о всех службах и утварях церковных, Вениамина, архиепископа Нижегородского и Арзамасского: репринт 17-го изд. 1908 г. — М., 1999.
184. Одинцов, М. И. Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма. 1917–1953 гг. / М. И. Одинцов. — М., 2014.
185. Окороков, В. Н. Деятельность КПСС по укреплению союза рабочего класса и колхозного крестьянства / В. Н. Окороков. — Горький, 1966.
186. Опыт историко-социологического изучения села Молдино / под ред. проф. В. Г. Карцова. — М., 1968.
187. Орловская область в годы Великой Отечественной войны: сб. документов и материалов. — Орел, 1960.
188. Осокина, Е. А. О социальном иммунитете, или критический взгляд на концепцию пассивного (повседневного) сопротивления / Е. А. Осокина // История сталинизма: итоги и проблемы изучения. Материалы международной научной конференции. Москва, 5–7 декабря 2008 г. — М., 2011. — С. 387–406.

189. *Островский, В. Б.* Колхозное крестьянство в СССР: Политика партии в деревне и ее социально-экономические результаты / В. Б. Островский. — Саратов, 1967.
190. *Островский, В. Б.* Новый этап в развитии колхозного строя / В. Б. Островский. — М., 1977.
191. Очерки истории Брянской организации КПСС / отв. ред. В. А. Смирнов. — Тула, 1968.
192. Очерки истории Смоленской организации КПСС / пред. редкол. Н. И. Калмык, науч. ред. И. Д. Красильников. — М., 1970.
193. Очерки истории Смоленской организации КПСС. — М., 1985.
194. Партизанская борьба с немецко-фашистскими оккупантами на территории Смоленщины. — Смоленск, 1962.
195. *Переведенцев, В. И.* Какие мы? Сколько нас? / В. И. Переведенцев. — М., 1989.
196. *Пережогин, В. А.* Партизаны в Московской битве / В. А. Пережогин. — М., 1996.
197. *Перелыгин, А. И.* Русская Православная Церковь на Орловщине в годы Великой Отечественной войны / А. И. Перелыгин // Отечественная история. — 1995. — № 4. — С. 126–136.
198. *Писаренко, И. С.* Тыл Калужской области в годы Великой Отечественной войны: (монографическое исследование) / И. С. Писаренко. — Калуга, 1998.
199. *Пихоя, Р. Г.* Москва. Кремль. Власть. 1945–2005: в 3 т. / Р. Г. Пихоя. — Т. 1. 1945–1964. — М., 2009.
200. *Платонов, Е. В.* Почитаемые родники в XIX в.: роль «хранителя святыни» в формировании культа / Е. В. Платонов // Этнографическое обозрение. — 2014. — № 5. — С. 162–175.
201. *Платунов, Н. И.* Переселенческая политика Советского государства и ее осуществление в СССР (1917 — июнь 1941 гг.) / Н. И. Платунов. — Томск, 1976.
202. Политический словарь / под ред. Г. Александрова, М. Гальянова и Н. Рубинштейна. — М., 1940.
203. *Поляков, Л. Е.* Цена войны / Л. Е. Поляков. — М., 1985.
204. *Полян, П.* Жертвы двух диктатур / П. Полян. — М., 2002.
205. *Полян, П. М.* Жертвы двух диктатур. Остарбайтеры и военнопленные в Третьем рейхе и их репатриация / П. М. Полян. — М., 1996.
206. *Попов, В. П.* Крестьянские налоги в 1940-е годы / В. П. Попов // Социологические исследования. — 1997. — № 2. — С. 95–107.
207. *Попов, В. П.* Влияние государственной политики на крестьянское сознание и хозяйство в колхозный период / В. П. Попов // Крестьянское

- хозяйство: история и современность: в 2 ч. / отв. ред. М. А. Безнин. — Вологда, 1992. — Ч. 1. — С. 119–122.
208. Попов, В. П. Сталин и проблемы экономической политики после Великой Отечественной войны (1946–1953) / В. П. Попов. — Изд. 2-е, испр. — М., 2002.
209. Попов, В. П. Экономическая политика Советского государства 1946–1950 гг. / В. П. Попов. — Тамбов, 2000.
210. Попов, В. П. Экономическое и социальное положение советского общества в 40-е гг. (на примере российской деревни): дис. ... докт. ист. наук / В. П. Попов. — М., 1996.
211. Попов, Д. М. Пять лет со дня освобождения Смоленской области от немецко-фашистских захватчиков / Д. М. Попов. — Смоленск, 1948.
212. Православная вера и традиции благочестия у русских в XVIII–XX веках. Этнографические исследования и материалы / отв. ред. О. В. Кириченко, Х. В. Поплавская. — М., 2002.
213. Православная жизнь русских крестьян XIX–XX веков. Итоги этнографических исследований / отв. ред. Т. А. Листова. — М., 2001.
214. Православные монастыри Российской империи. Полный список всех 1105 ныне существующих в 75 губерниях и областях России (и 2 иностранных государствах) мужских и женских монастырей, архиерейских домов и женских общин / сост. Л. И. Денисов. — М., 1908.
215. Православные традиции в народной культуре восточных славян Сибири и массовые формы религиозного сознания XIX–XX вв. / отв. ред. Е. Ф. Фурова. — Новосибирск, 2006.
216. Практическое руководство при совершении приходских треб / сост. свящ. Н. Сильченков. — Изд. 5-е, испр., печат. по изд. 1888 г. — СПб., 1994. — С. 103. [Электронный документ]. Сайт «Типикон. Страница игумена Корнилия». URL: <http://typikon.ru/books/treby.pdf> (дата обращения — 15.06.2015).
217. Проблемы расселения в СССР: социально-демографический анализ сети поселений и задачи управления. — М., 1980.
218. Производительные силы Нечерноземной зоны РСФСР: проблемы и перспективы развития агропромышленного комплекса. — М., 1977.
219. Пронькина, А. В. Национальные модели массовой культуры США и России: культурологический анализ / А. В. Пронькина. — Рязань, 2009.
220. Пыжиков, А. В. Истоки доктрины строительства коммунизма в СССР / А. В. Пыжиков // Вестник Российской Академии наук. — 2004. — Т. 74. — № 3. — С. 246–249.

221. *Пыжиков, А. В.* Политические преобразования в СССР (50—60-е гг.) / А. В. Пыжиков. — М., 1999.
222. *Пыжиков, А. В.* Хрущевская «оттепель» / А. В. Пыжиков. — М., 2002.
223. *Пыжиков, А. В.* Хрущевские эксперименты в правоохранительной сфере (конец 1950-х — начало 1960-х гг.) / А. В. Пыжиков // Вопросы истории. — 2006. — № 4. — С. 103—110.
224. *Репина, Т. А.* Деятельность КПСС по дальнейшему повышению материального благосостояния и культурного уровня колхозного крестьянства: дис. ... канд. ист. наук / Т. А. Репина. — М., 1976.
225. *Рольф, М.* Советские массовые праздники / М. Рольф; пер. с нем. В. Т. Алтухова. — М., 2009.
226. *Романовский, Н. В.* Лики сталинизма / Н. В. Романовский. — М., 1995.
227. *Рудич, С. Ф.* Непокорная смоленская земля // Советские партизаны: Из истории партизанского движения в годы Великой Отечественной войны / С. Ф. Рудич. — М., 1960.
228. Русские Рязанского края: в 2 т. / отв. ред. С. А. Иникова. — Т. 2. — М., 2009.
229. Русский демонологический словарь / авт.-сост. Т. А. Новичкова. — СПб., 1995.
230. *Рылкова, И.* Демографическая ситуация в Нечерноземной зоне РСФСР и ее перспективы / И. Рылкова, Е. Большакова // Нечерноземье: демографические процессы. — М., 1977.
231. Самодеятельное художественное творчество в СССР. Очерки истории. 1930—1950-е гг.: в 2 кн. / ред. С. Ю. Румянцев, А. П. Шульпин. — Кн. 1. — М., 1995.
232. Самодеятельное художественное творчество в СССР. Очерки истории. Конец 1950-х — начало 1990-х гг. / К. Г. Богемская, П. Р. Гамзатова, С. Ю. Румянцев и др., пред. редкол. Л. П. Солнцева. — СПб., 1999.
233. *Севастьянова, А. А.* Жизнь в центре рая. Советский райцентр 50-х—60-х годов XX века / А. А. Севастьянова. — М., 2008.
234. *Семенко-Басин, И. В.* Святость в русской православной культуре XX века. История персонификации / И. В. Семенко-Басин. — М., 2010.
235. *Сенявский, А. С.* Российский город в 1960—1980-е гг. / А. С. Сенявский. — М., 1995.
236. *Сенявский, А. С.* Социальная основа СССР / А. С. Сенявский. — М., 1987.
237. *Симагин, Ю. А.* Экономико-географические аспекты субурбанизации в Московском столичном регионе: дис. ... канд. геогр. наук / Ю. А. Симагин. — М., 1997.

238. Симуш, П.И. Мир таинственный...: Размышления о крестьянстве / П.И. Симуш. — М., 1991.
239. Смирнов, В.Д. Оценка последствий урбанизации в истории сельского хозяйства и крестьянства Западного района РСФСР / В.Д. Смирнов // Сельское хозяйство и крестьянство Нечерноземья в период строительства социализма. — Смоленск, 1979.
240. Советская деревня в первые послевоенные годы. 1946–1950. — М., 1978.
241. Советское крестьянство и село на этапе развитого социализма. — М., 1985.
242. Современные концепции аграрного развития: теоретический семинар // Отечественная история. — 1993. — № 2.
243. Современные концепции аграрного развития: теоретический семинар // Отечественная история. — 1994. — № 2.
244. Современные концепции аграрного развития: теоретический семинар // Отечественная история. — 1995. — № 6.
245. Современные концепции аграрного развития: теоретический семинар // Отечественная история. — 1997. — № 2.
246. Соскиев, А.Б. Структура трудовых ресурсов сельского хозяйства // Проблемы истории современной советской деревни. 1946–1973 / А.Б. Соскиев. — М., 1975.
247. Социальное развитие села и формирование трудовых коллективов. — М., 1989.
248. Староверов, В.И. Город или деревня. Наше общество сегодня и завтра / В.И. Староверов. — М., 1972.
249. Староверов, В.И. Некоторые проблемы социального развития современной деревни // Проблемы истории современной советской деревни. 1946–1973 / В.И. Староверов. — М., 1975.
250. Староверов, В.И. Советская деревня на этапе развитого социализма / В.И. Староверов. — М., 1976.
251. Староверов, В.И. Социально-демографические проблемы деревни: методология, методика, опыт анализа миграции сельского населения / В.И. Староверов. — М., 1975.
252. Староверов, В.И. Социальная структура сельского населения СССР на этапе развитого социализма / В.И. Староверов. — М., 1978.
253. Стронгина, М.А. Социальное развитие села: поселенческий аспект / М.А. Стронгина. — М., 1986.
254. Тарасов, А.Ф. Развитие колхозной собственности в общенародную / А.Ф. Тарасов. — Ростов-н/Д., 1967.
255. Ткаченко, А.А. Демографическая ситуация в сельской местности Калининской области: внутренние различия и место в Нечерноземье /

- А. А. Ткаченко // Вопросы социально-экономической географии Верхневолжья. — Калинин, 1987.
256. Токарев, С. А. Религиозные верования восточнославянских народов XIX—начала XX века / С. А. Токарев; отв. ред. проф. С. И. Ковалев. — Изд. 2-е. — М., 2012.
257. Томилин, В. Н. Наша крепость. Машинно-тракторные станции Черномоземного центра России в послевоенный период: 1946—1958 гг. — М., 2009.
258. Тропкин, Н. В. Коммунисты Орловщины в партизанском движении / Н. В. Тропкин // Советские партизаны: Из истории партизанского движения в годы Великой Отечественной войны. — М., 1960.
259. Тюрина, А. П. Основные направления и этапы развития сельского хозяйства СССР в 50—70-х гг. / А. П. Тюрина // Материалы VI сессии Симпозиума по проблемам аграрной истории СССР. — Вып. 3. — Вологда, 1977.
260. Тюрина, А. П. Сельское хозяйство СССР на пути ускоренного подъема / А. П. Тюрина // Социально-экономические проблемы истории развитого социализма в СССР. — М., 1976.
261. Федоров, А. Н. Перестройка партийных органов Урала в 1948—1949 гг. / А. Н. Федоров // Вестник ЮУрГУ. Сер. Социально-гуманитарные науки. — 2005. — № 7 (47). — С. 104—107.
262. Федоров, А. Н. Функции и кадровый состав партийных органов Урала в первые послевоенные годы: автореф. дис. ... канд. ист. наук / А. Н. Федоров. — Челябинск, 2006.
263. Фэйнсод, М. Смоленск под властью Советов / М. Фэйнсод; пер. с англ. Л. А. Кузьмина, вступ. статья и ред. Е. В. Кодина. — Смоленск, 1995.
264. Фигатнер, Ю. Ю. Советская номенклатура: становление, механизмы действия / Ю. Ю. Фигатнер, Т. П. Коржихина // Вопросы истории. — 1993. — № 7. — С. 25—38.
265. Фирсов, Б. М. Разномыслие в СССР. 1940—1960-е годы: история, теория и практики / Б. М. Фирсов. — СПб., 2008.
266. Фицпатрик, Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история советской России в 30-е годы: деревня / Ш. Фицпатрик; пер. с англ. — М., 2001.
267. Фицпатрик, Ш. Срывайте маски! Идентичность и самозванство в России XX века / Ш. Фицпатрик; пер. с англ. — М., 2011.
268. Фомин, А. А. Эволюционные концепции сельского расселения / А. А. Фомин, М. В. Сорокина // Деревня Центральной России: история и современность. — М., 1993.
269. Формы и проблемы развития приусадебного хозяйства на селе // Методика и опыт изучения сельских поселений Нечерномоземья. — М., 1991.

270. *Хенкин, М.З.* К вопросу о роли смоленских партизанских краев в годы Великой Отечественной войны / М.З. Хенкин. — Смоленск, 1967.
271. *Хлевнюк, О.В.* Холодный мир. Сталин и завершение сталинской диктатуры / О.В. Хлевнюк, И. Горлицкий; пер. с англ. глав 1, 2, 6 А.А. Пешкова. — М., 2011.
272. *Хун, У.* С иконами и песнопениями, или Епископ, сбежавший от своих прихожан. Массовые паломничества в России эпохи Сталина и Хрущева / У. Хун // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. — 2012. — № 3–4 (20). — С. 243–244.
273. *Цеханская, К.В.* Иконопочитание в русской традиционной культуре: дисс. ... докт. ист. наук / К.В. Цеханская. — М., 2005.
274. *Чистяков, П.Г.* Отражение почитания местных святынь в архивах Русской Церкви (по материалам Центрального исторического архива Москвы) / П.Г. Чистяков // Архивы Русской Православной Церкви: пути из прошлого в настоящее / под ред. А.Б. Безбородова. — М., 2005. — С. 283–287.
275. *Чистяков, П.Г.* Религиозные практики в СССР: крестные ходы и молебны в 1920–1940-е гг. / П.Г. Чистяков [Электронный ресурс] // Электронный научно-образовательный журнал «История». — 2013. — Вып. 7 (23). URL: <http://mes.igh.ru/s207987840000625-6-1> (дата обращения: 28.02.2015).
276. *Чистяков, П.Г.* Почитание местных святынь в советское время: паломничество к источнику в Курской Коренной пустыни в 1940–1950-е гг. // Религиоведение. — 2006. — № 1. — С. 38–49.
277. *Чистяков, П.Г.* Почитание чудотворных икон в современном православии (Бронницкий список Иерусалимской иконы Богоматери) / П.Г. Чистяков // Религиозные практики в современной России / под ред. К. Русселе и А. Агаджаняна. — М., 2006. — С. 214–227.
278. *Чумаченко, Т.А.* Государство, православная церковь, верующие. 1941–1961 гг. / Т.А. Чумаченко. — М., 1999.
279. *Чумаченко, Т.А.* Правовая база государственно-церковных отношений в 1940-е—первой половине 1960-х годов: содержание, практика применения, эволюция / Т.А. Чумаченко // Вестник Челябинского государственного университета. История. — 2008. — Вып. 24. — № 15. — С. 138–149.
280. *Шабанова, М.А.* Сезонная и постоянная миграция населения в сельском районе: комплексное социолого-статистическое исследование / М.А. Шабанова. — Новосибирск, 1991.
281. *Шевцова, В.Ф.* Православие в России накануне 1917 г. / В.Ф. Шевцова; пер. с англ. Е. Итэсь, В. Шевцовой; отв. ред. Д.М. Буланин. — СПб., 2010.

282. *Шкаровский, М. В.* Крест и свастика. Нацистская Германия и Православная Церковь / М. В. Шкаровский. — М., 2007.
283. *Шкаровский, М. В.* Последняя атака на Русскую Православную церковь / М. В. Шкаровский // Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. — Т. 2. Апогей и крах сталинизма / под общ. ред. Ю. Н. Афанасьева. — М., 1997. — С. 328–399.
284. *Шмелев, Н.* На переломе: Экономическая перестройка в СССР / Н. Шмелев, В. Попов. — М., 1989.
285. *Штрик-Штрикфельд, В.* Против Сталина и Гитлера / В. Штрик-Штрикфельд. — М., 1981.
286. *Шуляков, В. А.* Советы в тылу врага / В. А. Шуляков // Уходили в поход партизаны: сб. материалов конференции «Всенародная борьба с немецко-фашистскими захватчиками на временно оккупированной территории Смоленской области в период Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг.». — Смоленск, 1973.
287. *Яковлева, С. И.* Демографическая ситуация в пригородных сельских районах Калининской области / С. И. Яковлева, А. С. Щукина // Вопросы социально-экономической географии Верхневолжья. — Калинин, 1987.
288. *Яхновская, С. В.* Государственное регулирование личных подсобных хозяйств в 1953–1964 гг. / С. В. Яхновская // Вопросы истории. — 2012. — № 9. — С. 98–104.

Фотографии

ГАДНИКО. Ф. 7607. Оп. 3, 4, 5

ГАДНИКО. Фотоальбом «Сельское хозяйство Калужской области». Середина 1950-х гг. (Авторы — фотокорреспонденты Калужской областной газеты «Знамя» Н. Спиридонов и Л. Петров.)

ГАДНИКО. Ф. П-7607. Оп. 4. Альбом плакатов, выпущенных издательством газеты «Знамя».

Земля Калужская / текст вступ. ст. А. Щеглова. Фотографии М. Барбанова. — М.: Советская Россия, 1977.

Паршин В. В. Сокровищница Калужского края. История. 1944–2007 / В. В. Паршин. — Калуга: Золотая аллея, 2007.

Из личного архива Е. И. Дедиу.

Из личного архива С. П. Фетисова.

Из личного архива Ю. В. Холопова.

Приложение

Фотографии из альбома

«Сельское хозяйство Калужской области». 1950-е гг.

Из фондов ГАДНИКО

Авторы – фотокорреспонденты Калужской областной
газеты «Знамя» Н. Спиридонов и Л. Петров

Поля яровой
пшеницы. Колхоз
им. Хрущева
Мосальского района
Калужской области.
ГАДНИКО.
Ф. П-7607. Оп. 4.
Д. 48. № 1

Вывоз навоза.
Колхоз им. Хрущева
Дзержинского
района Калужской
области.
ГАДНИКО.
Ф. П-7607. Оп. 4.
Д. 48. № 5

Подъем паров в колхозе. Колхоз им. Сталина
Мосальского района Калужской области.
ГАДНИКО. Ф. П-7607. Оп. 4. Д. 48. № 7

Подъем паров в колхозе. Колхоз «Красный овощник»
Перемышльского района Калужской области.
ГАДНИКО. Ф. П-7607. Оп. 4. Д. 48. № 8

Очистка семян на ВИМе (очистителе зерна конструкции Всероссийского института механизации
общественного сельского хозяйства). Малоярославецкий район Калужской области.

ГАДНИКО. Ф. П-7607. Оп. 4. Д. 48. № 4

Культивация зяби. Угодско-Заводская МТС Угодско-Заводского района
Калужской области.

ГАДНИКО. Ф. П-7607. Оп. 4. Д. 48. № 9

Сев яровых. Колхоз им. Сталина Перемышльского района Калужской области.

ГАДНИКО. Ф. П-7607. Оп. 4. Д. 48. № 11

Квадратно-гнездовая посадка картофеля. Колхоз им. Ленина Хвостовичского района
Калужской области. ГАДНИКО. Ф. П-7607. Оп. 4. Д. 48. № 13

Сев свеклы. Колхоз «Красный овощник» Лев-Толстовского района Калужской области.
ГАДНИКО. Ф. П-7607. Оп. 4. Д. 48. № 14

На кукурузном поле. Колхоз «Первое Мая» Перемышльского района
Калужской области. ГАДНИКО. Ф. П-7607. Оп. 4. Д. 48. № 17

Первая обработка междурядий кукурузы. Колхоз им. Фрунзе Калужского района
Калужской области. ГАДНИКО. Ф. П-7607. Оп. 4. Д. 48. № 18

Междурядная обработка картофеля. Колхоз «Ленинский путь» Кировского района
Калужской области. ГАДНИКО. Ф. П-7607. Оп. 4. Д. 48. № 19

Озимая пшеница. Колхоз им. Кирова Угодско-Заводского района Калужской области.
ГАДНИКО. Ф. П-7607. Оп. 4. Д. 48. № 27

Прополка льна. Колхоз им. Сталина Медынского района Калужской области.
ГАДНИКО. Ф. П-7607. Оп. 4. Д. 48. № 28

На картофельном поле. Колхоз им. Сталина Мосальского района Калужской области.
ГАДНИКО. Ф. П-7607. Оп. 4. Д. 48. № 29

Поле, засеянное гречихой. Колхоз им. Тимирязева Высокинского района Калужской области.
ГАДНИКО. Ф. П-7607. Оп. 4. Д. 48. № 31

Силосование дикорастущих трав. Колхоз им. Сталина Куйбышевского района
 Калужской области. *ГАДНИКО. Ф. П-7607. Оп. 4. Д. 48. № 32*

Силосование. Колхоз «Правда» Кировского района Калужской области.
ГДНИКО. Ф. П.-7607. Оп. 4. Д. 48. № 33

Комбайновая уборка кукурузы. Колхоз «Ленинский путь» Бабынинского района
Калужской области. ГДНИКО. Ф. П.-7607. Оп. 4. Д. 48. № 38

Силосование кукурузы. Колхоз им. Кирова Перемышльского района Калужской области.
 ГАДНИКО. Ф. П-7607. Оп. 4. Д. 48. № 39

Колхозная пасека. Колхоз им. Шевченко Мещовского района Калужской области.
 ГАДНИКО. Ф. П-7607. Оп. 4. Д. 48. № 63

Сбор урожая. Совхоз «Красный
плодовод» Козельского района
Калужской области.
ГАДНИКО. Ф. П-7607. Оп. 4.
Д. 48. № 60

Отправка зерна на государственный пункт «Заготзерно». Детчинский район Калужской области.
Из фондов ГАДНИКО

Механизированное силосование трав в колхозе
«Красный овощник» Лев-Толстовского района
Калужской области. Из фондов ГАДНИКО

На кукурузном поле колхоза
«Ленинский путь» Бабынинского
района Калужской области.
Из фондов ГАДНИКО

Механизаторы Детчинской МТС ведут уборку озимой ржи в колхозе «1 Мая» Детчинского района Калужской области. Из фондов ГАДНИКО

Молодые комбайнеры перед выходом в поле. Жуковский район Калужской области. Из фондов ГАДНИКО

На звероферме
колхоза
им. Володарского
Калужского района,
где выращивались
серебристо-чёрные
лисы.

*Из фондов
ГАДНИКО*

<p>ИТОГИ за 8 месяцев (с октября 1954 г. по 1 июня 1955 г.)</p>	<p>СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ СОРЕВНОВАНИЕ колхозов Каужской области за высокие удои молока</p>	<p>КОЛХОЗЫ, ПОЛУЧИВШИЕ СВЫШЕ 600 КИЛОГРАММОВ МОЛОКА</p>	<p>ИТОГИ за 8 месяцев (с октября 1954 г. по 1 июня 1955 г.)</p>	<p>НАДОИ МОЛОКА ПО РАЙОНАМ ОБЛАСТИ</p>	<p>НАДОИ МОЛОКА ПО ЗОНАМ МТС</p>	<p>ДОЯРКИ, НАДОИВШИЕ БОЛЕЕ 900 КИЛОГРАММОВ МОЛОКА (в среднем за одну корову от запряженных групп)</p>	<p>УВЕЛИЧИМ НАДОИ МОЛОКА В ЭТОМ ГОДУ НЕ МЕНЕЕ ЧЕМ НА 400 КИЛОГРАММОВ В СРЕДНЕМ НА КОРОВУ!</p>	<p>ИТОГИ за 8 месяцев (с октября 1954 г. по 1 июня 1955 г.)</p>

Социалистическое соревнование колхозов Каужской области за высокие удои молока (фотокопия). 1955 г.
ТАДНИКО. Ф. П-7607. Оп. 4. Д. 37. № 24

ЛЕН-ДОЛГУНЕЦ

ВЫСОКОДОХОДНАЯ ТЕХНИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

Льняное волокно — главное сырье для текстильной промышленности, также и для выработки бумаги. Благодаря своим свойствам, лен широко применяется в текстильной промышленности. Из льняного волокна получают высокопрочные ткани, которые используются для изготовления одежды, обуви, а также для производства бумаги. Лен также является ценным кормовым растением. Его семена содержат большое количество масла, которое используется в пищевой промышленности. Кроме того, из льняного семени получают льняное масло, которое используется в медицине и косметологии.

В колхозе имени Кавказа, что на равнине, недалеко от города, в 1955 году было собрано более 24 тысяч рублей льна. В прошлом году урожай составил 18 тысяч рублей. Это свидетельствует о том, что льняное хозяйство в колхозе имени Кавказа развивается очень быстро. В этом году колхозники получили более 25 процентов прироста урожая. Это достигнуто благодаря применению новых методов выращивания льна. Колхозники использовали специальные удобрения, которые значительно повысили урожайность. Кроме того, они использовали новые сорта льна, которые более устойчивы к болезням и вредителям. В результате колхозники получили рекордный урожай льна. Это свидетельствует о том, что льняное хозяйство в колхозе имени Кавказа является высокопродуктивным.

Какую выгоду получают колхозы и колхозники от выращивания льна-долгунца

Выгода для колхоза, колхозника и государства от выращивания льна-долгунца. Лен — это ценное сырье для текстильной промышленности. Из льняного волокна получают высокопрочные ткани, которые используются для изготовления одежды, обуви, а также для производства бумаги. Лен также является ценным кормовым растением. Его семена содержат большое количество масла, которое используется в пищевой промышленности. Кроме того, из льняного семени получают льняное масло, которое используется в медицине и косметологии. Выращивание льна-долгунца приносит колхозам и колхозникам большую выгоду. Это связано с тем, что лен имеет высокую стоимость. Кроме того, выращивание льна-долгунца способствует развитию сельского хозяйства в колхозе. Это приводит к созданию новых рабочих мест и повышению уровня жизни колхозников.

Выводы: выращивание льна-долгунца приносит колхозам и колхозникам большую выгоду. Это связано с тем, что лен имеет высокую стоимость. Кроме того, выращивание льна-долгунца способствует развитию сельского хозяйства в колхозе. Это приводит к созданию новых рабочих мест и повышению уровня жизни колхозников. Поэтому колхозы и колхозники должны уделять большое внимание выращиванию льна-долгунца. Это позволит им получить максимальную выгоду от этого ценного сырья.

Агротехника льна-долгунца

Успех агротехники льна-долгунца зависит от многих факторов. Это включает в себя выбор сорта льна, подготовку почвы, сроки посева, уход за растениями и борьбу с болезнями и вредителями. Важно также соблюдать агротехнику уборки и хранения льна. Только при соблюдении всех этих условий можно получить высокий урожай льна-долгунца. Агротехника льна-долгунца является сложным процессом, который требует большого опыта и знаний. Поэтому колхозники должны внимательно изучать агротехнику льна-долгунца и применять ее на практике. Это позволит им получить максимальную выгоду от выращивания льна-долгунца.

Выводы: агротехника льна-долгунца является сложным процессом, который требует большого опыта и знаний. Поэтому колхозники должны внимательно изучать агротехнику льна-долгунца и применять ее на практике. Это позволит им получить максимальную выгоду от выращивания льна-долгунца. Только при соблюдении всех условий можно получить высокий урожай льна-долгунца. Поэтому колхозы и колхозники должны уделять большое внимание агротехнике льна-долгунца. Это позволит им получить максимальную выгоду от этого ценного сырья.

Товарищи колхозники и колхозницы, работники МТС и специалисты сельского хозяйства! Давайте добьемся досрочного выполнения обязательств по сдаче продукции льна-долгунца!

Выводы: выращивание льна-долгунца приносит колхозам и колхозникам большую выгоду. Это связано с тем, что лен имеет высокую стоимость. Кроме того, выращивание льна-долгунца способствует развитию сельского хозяйства в колхозе. Это приводит к созданию новых рабочих мест и повышению уровня жизни колхозников. Поэтому колхозы и колхозники должны уделять большое внимание выращиванию льна-долгунца. Это позволит им получить максимальную выгоду от этого ценного сырья.

Лен-долгунец, 1955 г. ГАДНИКО. Ф. П-7607. Оп. 4. Д. 37. № 5

СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ СОРЕВНОВАНИЕ

КОЛХОЗОВ, МТС и районов Калужской области за высокие удои молока

Надой молока в колхозах по зонам МТС

(в граммах на одну корову)

1. ВЛАНОВСКАЯ	118
2. СЯБОВСКАЯ	112
3. КОЗЛОВСКАЯ	108
4. КОЗЛОВСКАЯ	108
5. КОЗЛОВСКАЯ	108
6. КОЗЛОВСКАЯ	108
7. КОЗЛОВСКАЯ	108
8. КОЗЛОВСКАЯ	108
9. КОЗЛОВСКАЯ	108
10. КОЗЛОВСКАЯ	108
11. КОЗЛОВСКАЯ	108
12. КОЗЛОВСКАЯ	108
13. КОЗЛОВСКАЯ	108
14. КОЗЛОВСКАЯ	108
15. КОЗЛОВСКАЯ	108
16. КОЗЛОВСКАЯ	108
17. КОЗЛОВСКАЯ	108
18. КОЗЛОВСКАЯ	108
19. КОЗЛОВСКАЯ	108
20. КОЗЛОВСКАЯ	108
21. КОЗЛОВСКАЯ	108
22. КОЗЛОВСКАЯ	108
23. КОЗЛОВСКАЯ	108
24. КОЗЛОВСКАЯ	108
25. КОЗЛОВСКАЯ	108
26. КОЗЛОВСКАЯ	108
27. КОЗЛОВСКАЯ	108
28. КОЗЛОВСКАЯ	108
29. КОЗЛОВСКАЯ	108
30. КОЗЛОВСКАЯ	108

Итоги за четыре недела — с 1 октября 1954 г. по 1 февраля 1955 г.

Надой молока по районам области

(в граммах на одну корову)

1. Боровицкий	118
2. Давыдовский	112
3. Давыдовский	112
4. Давыдовский	112
5. Давыдовский	112
6. Давыдовский	112
7. Давыдовский	112
8. Давыдовский	112
9. Давыдовский	112
10. Давыдовский	112
11. Давыдовский	112
12. Давыдовский	112
13. Давыдовский	112
14. Давыдовский	112
15. Давыдовский	112
16. Давыдовский	112
17. Давыдовский	112
18. Давыдовский	112
19. Давыдовский	112
20. Давыдовский	112

Колхозы, получившие лучшие результаты по надою молока

(в граммах на одну корову)

1. Давыдовский	118
2. Давыдовский	112
3. Давыдовский	112
4. Давыдовский	112
5. Давыдовский	112
6. Давыдовский	112
7. Давыдовский	112
8. Давыдовский	112
9. Давыдовский	112
10. Давыдовский	112
11. Давыдовский	112
12. Давыдовский	112
13. Давыдовский	112
14. Давыдовский	112
15. Давыдовский	112
16. Давыдовский	112
17. Давыдовский	112
18. Давыдовский	112
19. Давыдовский	112
20. Давыдовский	112

ДОЯРКИ, ПОЛУЧИВШИЕ ЛУЧШИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ПО НАДОЮ МОЛОКА

(в граммах на одну корову за четырехнедельный период)

1. Давыдовский	118
2. Давыдовский	112
3. Давыдовский	112
4. Давыдовский	112
5. Давыдовский	112
6. Давыдовский	112
7. Давыдовский	112
8. Давыдовский	112
9. Давыдовский	112
10. Давыдовский	112
11. Давыдовский	112
12. Давыдовский	112
13. Давыдовский	112
14. Давыдовский	112
15. Давыдовский	112
16. Давыдовский	112
17. Давыдовский	112
18. Давыдовский	112
19. Давыдовский	112
20. Давыдовский	112

ПЛЕНУМ ЦК КПСС СЧИТАЕТ ГЛАВНОЙ ЗАДАЧЕЙ В ДЕЛЕ УВЕЛИЧЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВА МОЛОКА РЕЗКОЕ ПОВЫШЕНИЕ МОЛОЧНОЙ ПРОДУКТИВНОСТИ КОРОВ.

(Из постановления пленума ЦК КПСС)

Социалистическое соревнование колхозов, МТС и районов Калужской области за высокие удои молока (фотокопия). 1955 г. ГАДНИКО. ф. П-7607. Оп. 4. Д. 37. № 20

БОЕВОЙ ЛИСТОК

DISCUSSION

1955 2.

ПОКАЗАТЕЛИ
социалистического соревнования в звеньях и бригадах
на _____ 1955 г.

[illegible]

Колхозники и колхозницы, работники МТС и совхозов! Всемерно расширяйте посевы кукурузы — важнейший источник резкого увеличения производства зерна и создания прочной кормовой базы для животноводства!

Т506/06	30 IV	Изд. 21	Тираж 1000 экз.	60×84/4	Издательство газет "Знамя" Калуга, 1955	Цена 5 коп.	Типография тоста Росполграфром, пог. Калуга, пл. Ленина, 5.	Зак. 1190
---------	-------	---------	-----------------	---------	---	-------------	---	-----------

За высокий урожай кукурузы (фотокопия). 1955 г. ГАДНИКО. Ф. П-7607. Оп. 4. Д. 37. № 39

Боевой листок

КОЛХОЗНИК

№

1955 г.

Шире социалистическое соревнование за крутой подъем колхоза!

КТО ИДЕТ ВПЕРЕДИ

КТО ОТСТАЕТ

„Необходимо окружить вниманием и заботой каждого труженика, во-время поддерживать его начинания, укреплять его уверенность в успешном выполнении порученного ему дела, поощрять передовиков сельского хозяйства“.

(Из Постановления Кварского Пленума ЦК КПСС).

Тираж 1000 экз. Цена 5 коп. Издательство «Колхозник» Москва 1955

Боевой листок, шире социалистическое соревнование за крутой подъем колхоза! (фотокопия).
ТАДНИКО. Ф. П-7607. Оп. 4. Д. 37. № 41

KOAXOIQ

№ _____ 1955 г.

с _____ по _____ 1955 г.

Фамилия работников
Фамилия

Показатели работы

Колхозники и колхозницы! Изучайте и широко внедряйте в производство достижения науки и передового опыта!

Добьемся резкого повышения продуктивности и увеличения поголовья скота! Дадим стране больше продуктов животноводства!

274000

301V

60×84 17.

143д. 20

Тираж 10 000 экз.

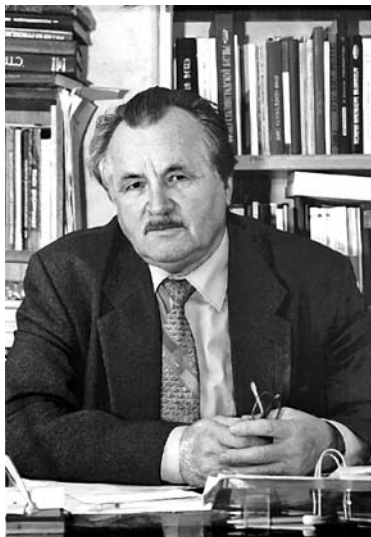
Издательство газеты „Знамя“
Калуга ★ 1955

Цена 5 коп.

307 119

Больше молока и мяса Родине! (фотокопия).
ГАДНИКО. Ф. П-7607. Оп. 4. Д. 37. № 44

Виктор Яковлевич Филимонов

родился 1 октября 1937 года в деревне Зимницы Бережковского сельсовета Кировского района Калужской (тогда Западной) области. Он стал десятым ребенком в большой крестьянской семье Якова Андреевича и Марии Егоровны Филимоновых. Окончив начальную школу в д. Зимницы и семилетнюю школу с. Бережки Кировского района, в 1951–1955 гг. продолжил учебу в Кировском педагогическом училище. В 1955 г. поступил на исторический факультет Калужского государственного педагогического института. По окончании истфака КГПИ в 1960 г. два года работал учителем истории, физической культуры и пения Бетлицкой школы-интерната Куйбышевского района Калужской области.

В 1962–1966 гг. работал ассистентом, старшим преподавателем на кафедре истории СССР родного вуза.

В 1966–1969 гг. обучался в аспирантуре Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена (научные руководители — А. Ф. Скляр, А. Э. Ваксер). В 1971 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук на тему «Роль города в восстанавлении сельского хозяйства. 1921–1925 гг. (по материалам Ленинградской губ.)». В том же году получил ученое звание доцента. В 1969–1976 гг. работал в должности старшего преподавателя, доцента кафедры истории СССР исторического факультета КГПИ им. К. Э. Циолковского, был лектором калужского областного отделения всероссийского общества «Знание».

В 1970–1980-е гг. В. Я. Филимонов трудился на посту декана исторического факультета. Поколения студентов калужского истфака помнят и уважают В. Я. Филимонова как мудрого педагога и наставника, отзывчивого человека, живущего интересами родного факультета.

В 1989 г. В. Я. Филимонов защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора исторических наук на тему «Взаимоотношения города и деревни в 1921–1925 гг. (по материалам Центра и Северо-Запада РСФСР)» (учителя — В. П. Дмитренко, В. П. Данилов, Э. М. Шагин). В 1991 г. В. Я. Филимонову было присвоено звание профессора.

С 1996 по 2000 г. В. Я. Филимонов — директор департамента образования и науки Калужской области, с 1996 по 2015 г. — заведующий кафедрой истории России КГУ им. К. Э. Циолковского. С 2016 г. и по настоящее время является профессором-консультантом КГУ им. К. Э. Циолковского.

В. Я. Филимонов — автор более 100 публикаций по проблемам истории российского крестьянства в XX в., социальной истории советской России, аграрной политики советской власти, взаимоотношениям города и деревни, истории Калужского края, в числе которых — статьи в журналах «История СССР», «Вопросы

истории», доклады на сессиях Симпозиума по аграрной истории стран Восточной Европы, монографии «Город и деревня в 1921—1925 гг. (по материалам европейской России)» (Л., 1984), «История крестьянства Западного региона России. 1917—1941 (в соавт.) (Калуга, 2002), «Калужский край в XX веке» (в соавт.) (Калуга, 2014), «Суровые сороковые... Калужский край в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.» (в соавт.) (Калуга, 2015), «Калужская энциклопедия» и др.

По инициативе и при активном участии В. Я. Филимонова увидели свет книги «Калужская классическая гимназия», издание, посвященное Николаевской классической гимназии — старейшему центру гуманитарного образования губернии, а также летопись истории исторического факультета КГУ им. К. Э. Циолковского — «История истфака».

В. Я. Филимоновым и его учениками опубликован ряд ценных исторических источников, в том числе — дневник М. В. Устрялова (1941—1944 гг.), сборник документов о революционных событиях 1917 г. в Калужской губернии, сборник документов для учащихся 9—10 классов средних школ Калужской области «Изучая родной край» (в соавт.), множество отдельных документов по истории российской деревни и крестьянства в XX в.

Читатели калужской областной прессы — газет «Знамя», «Молодой ленинец», «Политическая агитация», «Весть», «Деловая провинция», «Калужские губернские ведомости» — помнят статьи проф. В. Я. Филимонова о малоизвестных и драматических страницах истории Калуги и Калужского края.

В. Я. Филимонов стоял у истоков многих научных и научно-практических конференций. В. Я. Филимонов — участник многих сессий Симпозиума по аграрной истории стран Восточной Европы, с 1995 г. он — член оргкомитета симпозиума, в течение многих лет — член экспертного совета РГНФ по истории.

Под председательством и по инициативе В. Я. Филимонова на базе исторического факультета состоялись семь конференций, посвященных жизни и наследию Н. В. Устрялова, вызывавших искренний интерес историков Москвы, Рязани, Нижнего Новгорода, Калуги, Санкт-Петербурга.

Во многом благодаря ему калужский истфак многие годы был местом встреч, общения студентов и научной общественности с видными историками, учеными-архивистами, ветеранами Великой Отечественной войны, членами семьи выдающегося советского, российского историка-аграрника В. П. Данилова.

Много сил и энергии В. Я. Филимонов отдал размещению на историческом факультете КГУ им. К. Э. Циолковского научного архива и библиотеки В. П. Данилова, переданного семьей ученого. По предложению В. Я. Филимонова с 2013 г. при кафедре истории создана и действует научная лаборатория по изучению истории и современности западнорусской деревни, научным консультантом которой он является.

Под руководством В. Я. Филимонова успешно защищены двенадцать кандидатских диссертаций, сформировалась научная школа, изучающая историю российского крестьянства в XX в.

Многие годы В. Я. Филимонов был членом диссертационного совета по историческим наукам при Брянском государственном университете им. акад. И. Г. Петровского, рассмотревшего за этот период десятки кандидатских и докторских диссертаций.

Многолетний добросовестный труд В. Я. Филимонова отмечен высоким званием «Заслуженный работник высшей школы».

**Олег Витальевич Горбачев
Игорь Вячеславович Кометчиков
Виктор Яковлевич Филимонов**

**ИСТОРИЯ
КРЕСТЬЯНСТВА ЗАПАДНОГО РЕГИОНА РОССИИ
(1941 — середина 1980-х годов)**

*Зав. редакцией Н. Г. Любомудрова
Редакторы Т. С. Кирина, Н. В. Солнцева
Корректоры Д. Я. Леонтьева, Ю. В. Холопов
Компьютерная верстка и дизайн обложки С. И. Захаров*

Подписано в печать 24.10.2017.
Формат 70×90/16. Бумага офсетная. Гарнитура Академическая.
Объем 39,5 печ. л. Тираж 1000 экз.

ГАОУ ДПО «Калужский государственный институт развития образования»
248000, г. Калуга, ул. Гагарина, 1, стр. 1